

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a light gray color, framing the central text.

Средь бала лжи

Игра Лиара - 2

**Евгения Сергеевна
Сафонова**

Первый этап страшной игры завершён, но судьба уготовила Таше всего полгода спокойной жизни. И вот уже она — титулованная особа, приглашённая на Королевский бал, и свидетельница покушения на Его Величество. Покушения, в котором несправедливо обвиняют её друзей. А рядом — лишь Ташин верный рыцарь... чьи чувства, кажется, всё же зашли за грань исключительно рыцарских.

Что ж, пришло время выручать ближних из беды. Даже если твоя собственная беда куда ближе, чем кажется. Ведь твой кукловод успел соскучиться по любимой игрушке. И он уже сделал следующий ход...

когда он пытается обмануть вас.

Франсуа Ларошфуко

ПРОЛОГ

Зима давно коснулась леса вымораживающим дыханием, укрыв землю белым плащом, облив тёмные стволы ледяной глазурью. Ветви елейгнулись под весом обременившего их снега. Иногда пробравшийся в чащу ветер заставлял их дрожать, и тогда на бегущую через лес девушку падали холодные белые хлопья, разбивавшиеся о её плечи, ссыпавшиеся со спины белой пудрой.

Любой сторонний наблюдатель сразу заметил бы некую странность происходящего. Честно говоря, хорошенькая девушка, опрометью бегущая через тёмный лес, уже представляла собой странное зрелище; к тому же, несмотря на лютую стужу, на ней было

только шерстяное платье, определённо не подходящее на зимнюю одежду. А если присмотреться, можно было заметить, что её ноги, по колено проваливающиеся в снег, обуты в лёгкие кожаные туфельки с кокетливыми пряжками.

Девушка тяжело дышала, лихорадочный румянец раскрасил её лицо, растрёпанные волосы лезли в раскрытый рот, жадно пьющий ледяной воздух. Она спотыкалась и падала, поднималась, снова спотыкалась и снова падала — но бежала так отчаянно, словно от этого зависела её жизнь.

Накрыв лес гулким куполом отзвуков, над деревьями раскатился призыв охотничьего рога. Девушка застыла и обернулась через плечо, дрожа всем телом, пытаясь отдышаться.

Когда вдали послышался быстро оборвавшийся крик, она закусила губу и побежала дальше, и только ели могли услышать её всхлип.

Рыдая от ужаса, девушка бежала вперёд. Крики за её спиной становились всё чаще. Если бы она оборачивалась, то могла бы видеть, что крикам предшествовали странные явления: где-то ели озарили потусторонние белые отблески, где-то полыхнула вспышка голубого света, охватившая деревья синим огнём, выжегшая в лесу огненный квадрат.

Она не могла видеть того, что предшествовало крикам, но могла слышать то, что звучало после них.

Эхо далёкого смеха.

Вскоре девушка выбежала на поляну. В лунном свете снег искрился, словно присыпанный бриллиантовой крошкой; замороженный воздух был до того прозрачным, что походил на жидкий хрусталь.

Она не сразу смогла подняться, когда снова упала.

Она не видела, что кто-то наблюдает, как она, пошатываясь, бредёт вперёд. Каждый шаг был всё медленнее, каждое движение давалось всё труднее.

— А ты молодец, — наконец сказал наблюдатель. Не слишком громко, но достаточно, чтобы она услышала. — Выносливее других.

Девушка не тратила время на то, чтобы обернуться. Она мигом подобрала юбку и побежала снова, — но наблюдатель уже растворился в лесной тьме, чтобы вдруг возникнуть прямо перед ней. Лёгкого толчка в грудь оказалось достаточно, чтобы девушка, нелепо взметнув руками в попытке удержать равновесие, упала спиной назад, утонув в глубоком снегу.

И больше не встала.

Какое-то время наблюдатель смотрел на неё сверху вниз. Почти девочка, она лежала в своём лёгком платье, разметав тёмные волосы по белой земле, раскинув руки, точно пытаясь

нарисовать на снегу крылья.

Она больше не пыталась убежать. Просто лежала и смотрела на собственную смерть, и слёзы скатывались на снег с её щек.

— Зачем? — слово, вырвавшееся из застуженного горла, было хриплым, едва слышным. — Зачем вы сняли чары... перед охотой?

Глаза наблюдателя светились, будто отражая лунное сияние, и свет их был обволакивающим и мягким, как его голос. Снег не приминался под его ногами.

— Это не моя воля, — произнёс он наконец. — Но иначе бы вы не убегали, а это, согласишься, было бы не так интересно.

— За что? Мама служила вам...

— Да, и служила верно, опасаясь за твою жизнь.

— Она погибла, выполняя ваше задание!

— Она погибла, и теперь держать тебя в заложниках нет никакого резона. — Наблюдатель опустился на колени, каким-то невероятным образом удерживаясь на поверхности рассыпчатой снежной пудры. — Жизнь шпионов коротка. Впрочем, на эту роль всегда выбирают слабейших: если что, потеря будет невелика.

Она смотрела на него, не видя, и синие губы её, казалось, шевелились сами собой.

— Зачем вы заставили меня вспомнить, зачем... почему не дали умереть, не помня, как весь этот год, почему не дали умереть спокойно, почему, почему...

Он обнял её за плечи и приподнял, прижав к себе. Почти нежно отвёл волосы, липнущие к мокрым щекам. Девушка всхлипнула; тёмные глаза её были подёрнуты странной туманной дымкой.

— Твоя мать была хорошим слугой. И хорошим человеком. — Наблюдатель смотрел на неё почти печально, и чёрные звёзды в его глазах поглощали любой посторонний свет. — Если тебя это утешит, она очень тебя любила.

— Я не хочу умирать, — прошептала она.

— Я знаю. — Он вздохнул. — Ты удивишься, но в этом месте все почти столь же бесправны, как и ты. Просто кого-то назначают жертвой, а кого-то — охотником. И те, кто сегодня охотились за тобой, когда-нибудь могут оказаться на твоём месте.

Она явно не понимала смысла его слов.

Впрочем, не факт, что наблюдатель хотел, чтобы его понимали.

— Не хочу...

— Поверь, всё было бы куда хуже, если бы до тебя добрался кто-то другой, — его голос был почти ласковым. — Не все из нас умеют быть милосердными с теми, кто этого заслуживает.

Она улыбнулась, точно он сказал ей нечто необыкновенно хорошее. Впрочем, она могла слышать совсем другие слова, чем те, что были сказаны на самом деле.

Потом закрыла глаза, и дыхание её выровнялось.

Наблюдатель склонил голову, крепче обняв спящую девушку. Коснулся губами её губ: нежным, долгим, деликатным поцелуем.

Спустя какое-то время выпрямился, бережно опустил беглянку на землю — и, в последний раз посмотрев на её лицо, белизной сравнявшееся со снегом на поляне, поднялся на ноги.

Он сделал шаг вперёд одновременно с тем, как луна скрылась за набежавшими тучами, и с тем, как кто-то шагнул ему навстречу.

— Так и знал, что ты первым её найдёшь. — Новое действующее лицо, шмыгнув носом, досадливо склонило набок плешивую седовласую голову. — Жалко. Такая славная девчущечка...

— Всё? — спросил наблюдать.

В его голосе наблюдателя крошились хрусталинки льда.

— Всё, — подтвердила темноволосая девушка, сгустившись из темноты слева. — Мы можем вернуться в замок, Андудар-энтаро?

Лесная тьма вдруг обрела глаза: десятки жёлтых, зелёных и красных огней, парными точками загоревшиеся впереди. Тот, кого называли Андудар, замер, и его спутники замерли вместе с ним.

— Поймали кого-то, Кэйрмил-лиэн? — бросил он.

Девушка кивнула; взгляд её, устремлённый на Андудара, был исполнен нескрываемого обожания.

— Надеюсь, это восстановило твои силы хоть немножечко, — озабоченно вставил седовласый. — Ты в последнее времячко так набегалась, бедняжечка...

— Что вы, дядя! — Кэйрмил расплылась в белозубой улыбке. — Жду не дождусь дня, когда смогу лицезреть голову моего дражайшего муженька отделённой от тела. Для меня

честь быть полезной...

— Не ищите здесь чести. Это лишь возможность реабилитироваться после вашего провала, только и всего, — бесстрастно заметил Андукар. — Будь вы немного осторожнее, и Клаусхебер оказался бы нашим без такого риска.

Кэйрмиль зачем-то пригладила густую чёлку: точно боясь, что холодный взгляд Андукара заметит на её лбу нечто, чего ему видеть не полагалось.

— Зато так быстрее, — возразил седовласый. — Иначе ещё пару годочков точно ждать бы пришлось, а так... что ни делается, всё к лучшенькому.

Определить выражение лица Андукара было бы весьма трудной задачей.

— В любом случае, — произнёс он, — результат усердия Кэйрмиль-лиэн нам ещё только предстоит узнать.

Кэйрмиль фыркнула. Судя по всему, она-то нисколько не сомневалась в результате.

— Как подумаю о тех дурочках, что сейчас примеряют наряды к королевскому балу, не зная, что в этом году ему не суждено состояться... — девушка весело рассмеялась. — Право, мне почти их жаль.

Звёздный свет замерцал на лоснящейся шерсти зверей, показавшихся из-за деревьев. Горящие глаза устремились в центр поляны, туда, где лежала девушка, всё ещё казавшаяся спящей, — и Андукар улыбнулся голоду в этих глазах.

— Думаю, теперь нам действительно пора, — с тщательно дозированным презрением изрёк он.

Трое существ, под ногами которых не приминался снег, исчезли.

Звери двинулись вперёд.

Когда луна вернулась на небосвод, её равнодушные лучи посеребрили обледенелые ели, пустую поляну и багровый снег.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МОРЛИ-МАЛЭН*

(*прим.: приставка, употребляемая при обращении к наследнице княжеского рода (алл.)

Представьте себе кабинет. Конечно, этот кабинет мало таковой напоминал — просторную комнату обставили лишь парой кресел, круглым столом да жёсткой кушеткой, — но тем не менее таковым являлся.

Кабинет занимала тьма. Во всех смыслах. Здесь редко гостил солнечный свет: бархатные гардины надёжно хранили тьму от покушений на её существование. Мрак

рассеивало лишь пламя, плясавшее в камине.

А ещё тьма сидела в кресле у камина. Сидела, грея в ладонях хрустальный фужер с бренди. Хозяина кабинета не раз называли тьмой в человеческом облике — вполне заслуженно, надо признать.

Что поделаешь: в его случае зло — не столько состояние души, сколько профессия.

Он лениво покачивал фужер, наблюдая, как янтарная жидкость лижет хрусталь, всплескиваясь почти до края и бессильно опускаясь обратно.

— Альдрем, — сказал он наконец.

Старик, стоявший за спинкой кресла, почтительно склонил голову.

— Хозяин?

— А я говорил тебе, что готовится покушение на короля?

Слуга — седовласая палка в чёрном сюртуке — уставился на макушку господина с явным недоверием своим ушам.

— Откуда вы знаете?

— Я много чего знаю. — Он задумчиво перебрал пальцами свободной руки по подлокотнику кресла. — Больше, чем самому хотелось бы, пожалуй.

— Но как... когда?

— В канун Ночи Середины Зимы. Во время аудиенции с одним из герцогов, полагаю.

Альдрем в замешательстве потёр ладони друг об друга.

— Уже через четыре дня... — слуга рассеянно посмотрел в невидимое окно. — И что будете делать?

Он смотрел, как танцует огонь, лаская каминную решётку.

— Я решил, что не стоит вмешиваться.

— Но... почему?

— Всё, что нужно, сделают за меня.

Альдрем помолчал.

— Не думал, — произнёс старик, — что до этого дойдёт.

Он не ответил.

Забавно. Он-то об этом думал. Не мог не думать. И, предусматривая такой расклад, тем не менее решал, что в ближайшее время убийство Его Величества Шейлирера Первого будет лишним: слишком это открытый, слишком... глупый шаг.

С другой стороны, не всем же быть такими умными.

Ни капли самолюбования — лишь констатация факта.

— Хозяин, — первым же словом Альдрем выдал, что будет дальше: таким тоном задают вопросы, которые долго не решались задать, — а когда вы... планируете... следующий этап?

Он невольно улыбнулся.

— Соскучился по играм, Альдрем? Или по игрушке?

Слуга промолчал.

— Чтобы её повидать, вовсе не обязательно возвращаться к игре. Можно просто попросить меня проведать Таришу Морли-Бьорк-Фаргори-Кармайкл... Мне чудится, или ты смущён?

— Кхм...

— Альдрем, ещё чуть-чуть, и поверю, что ты влюбился.

— Староват уже, хозяин.

— Не старше меня.

Самое страшное в играх — они затягивают. Они увлекают. Но, увлекшись, ты можешь забыть о контроле. Именно поэтому надо знать меру; знать грань, за которой тебя захлестнет азарт, черту, за которой окунешься в происходящее с головой. Знать время, за которое ты достаточно отстранишься, чтобы смотреть на вещи абсолютно трезво.

Уметь вовремя остановиться — золотое правило настоящего игрока.

А если ты не просто игрок, а кукловод...

Он рассеянно провёл пальцем по хрустальной грани.

— А если я уже начал, только ты не заметил?

Слуга растерянно поправил перчатки без пальцев, облившие его руки чёрным бархатом.

— Но... вы же обычно говорили...

— Привычки иногда меняются. — Он рассмеялся. Отставив фужер, потянулся за чем-то, лежавшим на столе. — Мой дорогой Альдрем... представь себе, даже ты ещё многого обо мне не знаешь.

Предмет в его ладонях тихо щёлкнул.

— Я расскажу тебе, что будет дальше. Скоро. — Он открыл карманное зеркальце в золотой оправе. — А сейчас самое время проследить, как там моя девочка. Присоединишься?

Альдрем, помедлив, кивнул.

Он провёл ладонью над зеркальцем, будто по невидимым струнам, отражение его лица исчезло в серебристой дымке — а потом сквозь дымку просеялись очертания. Другой комнаты, других лиц...

— Что там творится? — воскликнул Альдрем.

Некоторое время он просто наблюдал.

— А, — наконец изрёк он. — Её Высочество снова доверила генеральную уборку своим рыцарям.

* * *

Другой кабинет в другой точке Срединного королевства Долины Аллигран в это самое время представлял собой интересное зрелище.

Гигантским мотыльком порхала в воздухе тряпка. Угрожающе хлопая обложками, пикировали в шкаф книги. Окунались в таз с водой горшки с фиалками и, побултыхавшись там вдоволь, возвращались на свои блюдечки. По ковру деловито тёрлась щётка. Посреди кабинета стоял долговязый паренёк лет шестнадцати; сосредоточенно хмурясь, он с торжественностью дирижёра размахивал руками, кончиками длинных пальцев выписывая в воздухе замысловатые пассы.

— Книга! — вдохновенно воскликнул он.

Подчиняясь его словам, толстенная энциклопедия крутанула сальто и атаковала жалобно трепыхнувшуюся тряпку.

— Ага! Теперь цветы!

Горшки не замедлили перехватить инициативу на себя, взяв несчастный клочок ткани в кольцо.

— Вот так! А теперь...

— Джеми, я тебе говорила убираться, а не отрабатывать мыслеправление!

Мальчишка, вздрогнув, обернулся на дверь, предметы задумчиво зависли в воздухе — и миг спустя полетели вниз.

Тряпка упала на бессильно застывшую щётку. Фиалки рухнули в таз, окатив Джеми волной грязной воды. Второй том «Астрономической энциклопедии» Таша, к счастью, успела подхватить до того, как тот коснулся пола.

— Ну вот, — уныло констатировал Джеми, созерцая облитый ковёр, — теперь и чары очищения пригодятся... И давно ты за мной шпионишь?

— Довольно. — Бережно погладив книгу по корешку, Таша поставила её на полку. — Люблю смотреть, как ты колдуешь. Но не как ты балуешься.

— Это не баловство, а жизненно необходимое умение! Мы с Найджем только начинали его осваивать, но время идёт, и я должен сам...

— Ладно-ладно, убедил. Только не с грязеопасными предметами, ладно?

Джеми удручённо кивнул.

— А ты чем занимаешься? — спросил он.

— Ужин готовим, — уже с лестницы крикнула Таша.

Ну, покривила немножко душой, подумала она, по винтовой лестнице спускаясь в кухню. Ничего страшного.

— Точно не нужно ничем помочь, госпожа Лиден?

— Ты пиши, пиши, — ответила суетившаяся у очага старушка, помешивая ароматное варево в котелке. — Дневники — это очень полезно. Вот захочешь когда-нибудь сложить песнь о славных деяниях своей молодости, а у тебя всё записано! И вспоминать не надо.

Ожидаемо, хмыкнула Таша, усаживаясь в кресло-качалку. Что ещё могла сказать летописица и бывший менестрель...

Она с удовольствием заползла под пушистый плед. Раскрыв свою тетрадь, под которую она подложила толстый том «Мифов и легенд Аллиграна», пожевала кончик зачарованного пера.

«Уже полчаса сижу над первой страницей, — честно записала Таша, — и думаю, что бы в тебя написать, помимо того, что зовут меня Таша Кармайкл. Вообще-то когда-то я была Таришей Альмон Фаргори, а потом выяснилось, что я вообще Тариша Тариш Морли-Бьорк,

но это такая длинная история...»

Таша покосилась на хозяйку кухни и дома.

Госпожа Лиден Лормари являлась живым воплощением добрых бабушек из сказок: сухонькая, невысокая, чуть сгорбленная старушка с морщинистым, исполненным простоты феноменальной доброжелательности личиком. Из-под домашнего чепца выглядывали седые кудряшки, из-под потрёпанного платья — закрученные кверху мыски остроконечных туфель.

«Вот теперь сижу, наблюдаю, как госпожа Лиден готовит ужин, и мучаюсь совестью. С другой стороны, я в верхних комнатах пока убиралась, так устала... Джеми прибирается в бывшем кабинете господина Гирена, который теперь спальня Арона... а, да, ты же не знаешь, кто это такие. Госпожа Лиден и господин Гирен — супруги Лормари, друзья Арона. Он — звездочёт, она — летописец. Мы даже живём в самой настоящей звездочётной башне! Здесь семь этажей, на каждом по одной комнате, а наверху обсерватория, и только одна узкая винтовая лестница...»

Осознав, что её мысли скачут горным козликом, Таша недовольно погрызла пушистое перьевое опахало.

«Впрочем, о нашем дружном семействе стоит написать поподробнее.

Арон Кармайкл — наш с Лив, Джеми и Алексасом приёмный отец. Супруги Лормари когда-то приютили его у себя, а потом он привёз сюда и нас. Арон — дэй, пастырь в деревне Фар-Лойл, где мы и живём. А ещё он Зрящий, амадэй — тот самый, Избранный Богиней, — ему примерно одиннадцать веков, и он лучший телепат и целитель во всём Аллигране. По совместительству добрый, мудрый, справедливый и бесчисленное количество раз спасавший нас от верной смерти. И нет, я ни капельки не соврала.

Лив — моя единственная кровная родня в нашем семействе. Сестрёнка... Ей девять, и она становится жуткой врединей. Никакого сладу нет. Удивляюсь, как Арон ей ещё телепатией мозги не вправляет... хотя Арона она слушается и так. Единственного, пожалуй. Сейчас она уже спит, устала жутко, когда мы в снежки играли.

Джеми и Алексас — братья, бывшие Сэмперы. Мои рыцари. Они состояли в «Тёмном венце», обществе заговорщиков против нынешнего короля. Мы с Ароном спасли их, когда Его Величество со своими рыцарями напал на штаб-квартиру «Венца». Джеми — младший, ему в ливнике* исполнилось семнадцать. Дай ему волю, в библиотеке поселился бы: обожает учиться, очень умный и, кроме того, потенциально очень сильный колдун, как я поняла. Алексас — старший, ему в первоцветнике* будет уже двадцать два. До чего любит выделываться, словами не передать. Красавец, ловелас и превосходный фехтовальщик. А ещё полтора года назад он умер, и теперь занимает одно тело с Джеми.

(*прим.: ливник — третий месяц осени, первоцветник — второй месяц весны (алл.)

Вот такая у нас семейка. Если учесть, что я оборотень, то... нормальные люди, то есть Лив и супруги Лормари, в ней явление необычное».

Таша уставилась в тёмное окно, где кружился в ветреном вальсе снег.

Потом всё-таки записала мысль, в который раз пришедшую ей в голову, не дававшую покоя.

«Забавно, — медленно вывел кончик пера, не нуждавшегося в чернилах, — но иногда я забываю, что у меня была другая жизнь и другая семья. Лучшего отца, чем Арон, пожелать нельзя. Супруги Лормари, похоже, искренне считают всех его «детешек» внуками, которых у них никогда не было. Только мамы очень не хватает, а так... пожалуй, я счастлива. Забавно...»

Таша тихо положила перо на страницу.

Всего-то полгода прошло. Меньше. А она уже привыкла к этому дому и этой жизни. Её не мучают кошмары, она не видит могилы матери, беспробудно спящей Лив, сражений с кэнами, оборотнями, виспами, эйрдалями, амадэями, кеарами...

А была ли та жизнь? Было ли то, через что её заставили пройти?

Может ли вообще быть такое — чтобы кто-то ради своего извращённого удовольствия затеял игру живыми людьми?

...может, напоминал тоненький голосок разума; может, и было, и тот, кто это сделал, жив и здравствует...

...и когда он перешагнёт порог вашего дома — лишь вопрос времен...

Но Таша отмахивалась от этих мыслей. Ведь так удобно верить, что та игра была лишь страшным сном.

Так удобно думать, что эта жизнь — тихая, размеренная, сказочно-счастливая, — будет длиться вечно...

— Всё, я закончил и жутко устал, — влетая в кухню, уведомил Джеми. — Я уйду.

— Куда, сынок? — обстучав ложку о край котелка, невозмутимо уточнила госпожа Лиден.

— В себя, — мрачно буркнул Джеми, опускаясь на ближайший стул и прикрывая глаза.

— Наконец-то, — сказал открывший их Алексас.

Таша подняла взгляд, привычно поражаясь, как внутреннее меняет внешнее.

Джеми был тощим, длинным и нескладным. Алексас — поджарым, высоким и изящным.

Джемина шевелюра пребывала в состоянии взъерошенности вороньего гнезда. Алексаса — в живописной растрёпанности.

Джеми двигался так, будто каждую секунду находил консенсус с собственным телом. Алексас — с грацией большого кота.

Лицо Джеми было детским, с приросшим к нему потерянно-рассеянным выражением; симпатичным, не более. Лицо Алексаса навеки врезалось в девичью память тонкой аристократичной красотой и чарующей улыбкой.

Единственным, что действительно менялось внешне, были глаза. Бледно-голубые с желтоватым ободком вокруг зрачка — у Джеми, синеватые с золотым — у Алексаса. Впрочем, у Арона глаза меняли цвет по настроению; так что, пожалуй, это тоже вполне можно было считать не внешним, а внутренним.

Взглянув на Ташу, Алексас вскинул бровь.

— Летопишешь?

Помнится, насмотревшись на него, Таша даже пыталась этому научиться. Здорово уметь вскидывать одну бровь: выказывая лёгкое удивление, выражая полунасмешку, окрашивая слова едва заметным презрением...

Но, видимо, тут либо дано, либо нет.

— Пытаюсь, — вздохнула она.

— А почитать?

Таша шустро захлопнула тетрадь:

— Это личное.

— Личное так личное, — легко согласился юноша. Вальяжно вытянув ноги, закинул руки за голову. — Полагаю, помощь не нужна, госпожа Лиден?

— Съесть поможешь. — Старушка зачерпнула на пробу немного похлёбки. — Кажется, переперчила...

Таша привычно втянула носом воздух.

— Не-а, — возразила она. — Пропорции что надо.

— Права, как всегда, — признала госпожа Лиден, отняв ложку от губ. — А вот теперь,

Алексас, твоя помощь пригодилась бы... эх! Чем больше узнаю об оборотнях, тем больше жалею, что не родилась в Ночь Середины Зимы. Или что мою маму в своё время не покусал кто-нибудь многоликий.

— Укус оборотня подарил бы ей только беготню по лекарям, — усмехнулась Таша. — А вот насчёт Ночи Середины Зимы в точку. Только вот...

Вспомнила о собственной маме, о том, как летом едва не оказалась сожжена заживо — и перестала улыбаться.

В этот миг входная дверь огласила кухню деликатным стуком.

— О, — снимая котелок с огня, изрёк Алексас, — а вот и Арон.

Радостно вскочив, Таша в два прыжка оказалась у порога, чтобы отодвинуть засов:

— Ты как раз к ужи...

Осеклась.

Застыла у распахнутой двери, глядя на незваного гостя, пока морозный воздух охлаждал кожу, а страх — сердце.

Его одежды были тёмными, как вороново крыло. Лицо — скрыто глубоким капюшоном отороченного мехом плаща; Таша не видела, но чувствовала пристальный взгляд чужих глаз, изучающих её лицо.

Мгновения, которые человек в чёрном молча смотрел на Ташу, тянулись бесконечно долго.

А потом он шагнул к ней.

— Прекрасно выглядите, Таша-лэн, — заметил знакомый голос. — Ещё лучше выглядели до того, как меня испугались.

Она в изумлении отступила на шаг:

— Леогран... энтаро?

— Уже лучше, — одобрил молодой человек. — Позвольте войти?

Таша, наконец сумев облегчённо выдохнуть, отошла в сторону; и, стряхнув снег с плаща, племянник герцога Броселианского перешагнул порог башни звездочёта.

Когда Леогран откинул капюшон, свет волшебной лампадки высветил медь длинных волос, прихваченных лентой в низкий хвост, заливчатую закрученность рыжих усиков и яркую зелень глаз, подчёркнутую бледностью породистого лица.

— Как вы нас нашли? — изумлённо спросила Таша.

— Отец Кармайкл сказал, где его искать, если нам понадобится его помощь. — Леогран затворил за собой дверь. — Не представите меня? Кажется, я незнаком с частью вашего прекрасного семейства.

— А, да... конечно. — Таша, немного успокоившись, повернулась к хозяйке дома. — Госпожа Лиден, это Леогран-энтаро. Племянник Орека Нормана, герцога, правящего Броселианским округом. Леогран-энтаро — госпожа Лиден Лормари. Она...

— Ташина бабушка, — улыбнулась старушка. — Безмерно рада знакомству, Леогран-энтаро.

— К вашим услугам, госпожа Лормари. — Леогран учтиво поклонился. — Стало быть, отец Кармайкл — ваш сын?

— О таком сыне мечтает любая мать, — уклончиво ответила летописица. — И как вы познакомились?

— Отец Кармайкл летом выручил нашу семью из большой беды. Он изгнал досаждавшего нам призрака и эйрдаля, очаровавшего моего дядю, убившего моих родителей... если б не он, думаю, мы все были бы уже мертвы.

— О, да, добрые дела Арон делать любит, — подтвердила старушка. — Что же привело вас сюда?

Но внимание юноши уже переключилось на другой объект:

— Что ж, добрый вечер, Таша-лэн. — Леогран склонился над её рукой с поцелуем. — За те месяцы, которые мы не виделись, вы сильно... изменились, должен сказать.

— Чего не скажешь о вас, — усмехнулся Алексас из-за Ташиной спины. — Всё так же поразительно неучтивы со мной.

— Приветствую, Джеми-энтаро. — Леогран поклонился в третий раз. — Я тоже скучал.

Поморщившись от именованья своей персоны чужим именем — что поделаешь, посторонним лучше было не знать о раздвоении личности сына отца Кармайкла, — Алексас хмыкнул; и Таша поняла, что это один-один.

— Прощу к столу. — Госпожа Лиден потянулась за тарелками. — Таша, помоги на стол накрыть. А... кхм... Джеми, позови Гирена и Лив.

— А Арона ждать не будем? — спросила Таша, уже не удивляясь догадливости названной бабушки.

— Пока дожждёмся, всё остынет, — вздохнула старушка. — Не волнуйся, должен скоро вернуться. Куда денется...

Вскоре стол был накрыт. Леогрانا, нерешительно мявшегося у очага, разоблачили, отправив верхнюю одежду на вешалку, и усадили на почётное место по правую руку от хозяина дома.

— Господин Гирен просил передать, что присоединится позже, — сообщил Алексас, бесшумно приземлившись после прыжка с последних пяти ступенек. — Неотложное наблюдение за странствующей звездой. Лив спит, я решил её не будить.

— Ладно, потом поест, — решила госпожа Лиден, разливая похлёбку. — Кому побольше мяса?

— Мне, — ответил трёхголосный хор.

Помолившись, сели есть. Какое-то время на кухне царила тишина: госпожа Лиден свято придерживалась правила «пока я ем, как рыба, нем», о чём не забывала напоминать окружающим перед каждой трапезой.

— Так что же всё-таки привело вас в наши далёкие края? — поинтересовался Алексас, когда тарелки опустели и старушка милостиво разрешила «молодёжи» поболтать, пока она не вернётся из кладовой с вареньем к чаю.

— Моя невеста, — протягивая ноги к огню, без обиняков ответил Леогран.

Алексас расплылся в преехиднейшей улыбке.

— Которая?

— Слава Богине, теперь она у меня одна, — вздохнул Леогран. — Вы же ещё не забыли, что в глазах света помолвлены со мной... Таша-лэн?

— Такое не забывают, — буркнула Таша, нашаривая на верхней полке буфета травяной сбор.

Она не любила об этом вспоминать; но в памяти уже услужливо всплыли глаза девочки, видевшей своего обожаемого Леограна рядом с другой, вновь всколыхнув в Таше чувство жгучего стыда. Ей не слишком понравилось быть фальшивой невестой герцога, тем самым причиняя боль невесте настоящей.

— Мне казалось, мы закончили этот фарс, — нахмурился Алексас.

— Мне тоже. Однако вмешались неожиданные обстоятельства, — печально ответил Леогран. — В конце концов, святой отец не зря ведь сказал нам обращаться за помощью, когда таковая понадобится.

— И что за обстоятельства?

— Ежегодный Княжий бал в Ночь Середины Зимы, — ответил Леогран: с таким видом, будто у него разом заныли все зубы. — Большое событие. На балах всегда собирается вся знать провинции... и, конечно же, подмечает, как обстоят дела у каждой великосветской семьи.

— А Таша, как ваша невеста, обязана ехать с вами, дабы слух о разрыве уже второй вашей помолвки не навредил репутации семейства Норманов?

— Это было бы полбеды. В конце концов, моя невеста вполне могла приболеть, и до бала в Ночь Середины Лета ей не надо было бы появляться при дворе, а тогда разрыв помолвки уже не выглядел бы столь удручающе. При таком раскладе мы бы не осмелились беспокоить Ташу-лэн... но всё гораздо серьезнее. И гораздо хуже.

Возясь с заварочным чайником, Таша встревожено подняла голову.

Ой-ой.

— И что же случилось? — бесстрастно спросил Алексас.

— В этом году настал черёд Равнинной провинции принимать у себя Королевский бал. То есть грядущий Княжий бал почтит своим присутствием сам Шейлиреар Первый в сопровождении своего двора, — тоскливо заговорил Леогран. — Князь и герцоги Равнинной должны будут накануне праздника явиться к Его Величеству на частную аудиенцию...

— ...дабы он лично перекинулся словечком с теми, кто под его началом управляет его королевством. Ещё одно нововведение Его Величества. — Алексас презрительно усмехнулся. — Тоже мне, игра с подданными в дружбу и заботу.

Леогран устремил на него глубоко шокированный взгляд.

— Так в чём, собственно, проблема? — невзначай отдавив «братцу» ногу, поинтересовалась Таша.

— Проблема в том, что в роли моей невесты вы произвели фурор, Таша-лэн, — вздохнул Леогран. — И даже не столько вашей неоспоримой привлекательностью, сколько легендой о вашем происхождении.

Таша помолчала.

Начиная смутно подозревать, в чём проблема.

— Вы ведь, — наконец заговорила она, — пустили слух о том, что я...

— Потерянная наследница опального рода Морли, да. — Леогран внезапно досадливо шлёпнул себя ладонью по колену. — И если бы какого другого!

— Поскольку в ходе восстания против Бюрков всех Морли фактически истребили, нам подумалось, что так удастся избежать скользких объяснений и неожиданных встреч с родственниками, — пожалала плечами Таша: искренне желая быть такой же спокойной, какой притворялась. — А представляться пропавшей представительницей какого-либо другого рода было весьма рискованно.

— Рискованно! А что вы скажете на то, что слух об этой истории дошёл до князя Равнинной, а от него — к Его Величеству?

— Представить Ташу госпожой было вашей затеей, — зевнул Алексас. Впрочем, в этом зевке виднелось напряжение кота, заметившего мышь и старательно казавшегося беззаботным. — В руки палачей мы её не отпустим, даже не мечтайте. Так что сами выпутывайтесь.

— Палачей? — Леогран расхохотался, и в смехе его скользнули какие-то истеричные нотки. — А что вы скажете о том, что Его Величество решил провести амнистию всех опальных родов?

Таша уставилась на него.

— Амнистию?..

— Всех родов, впавших в опалу из-за неподчинения Шейлиреару. — Герцог прикрыл глаза. — «Держать зло на людей, преданных своему королю, преступно. Такая преданность заслуживает уважения». Цитата дословная.

— И почему же нам об этом ничего неизвестно?

— Информация пока закрытая, только для правящих верхов. В новостные листки ещё не просочилась. Насколько я понимаю, Его Величество не хочет разглашать эту весть до приёма, где он торжественно представит общественности всех несчастных изгнанников... всех, кто уцелел... теперь восстановленных в своих правах. А для начала он хочет лично познакомиться с объявившейся представительницей Морли. И, насколько я понимаю, передать ей во владение её собственность, когда-то им отобранную.

— Собственность?

— Весьма многочисленную притом. Земли, имения... Морли были княжеским родом, в конце концов.

Вот те на, только и смогла подумать Таша.

Глядя на неё, Алексас невесело улыбнулся.

— Почуял укрепление своей власти, значит, — задумчиво протянул он. — Владелица всего имущества рода Морли... даже интересно, что потребуют от тебя взамен.

— При чём тут это? — взвился Леогран. — Вы хоть представляете, что будет, когда выяснится, что она — самозванка?!

— Без истерик, ваша светлость, — поморщился юноша.

— Какой позор для нашего рода! Не говоря уж о том, что за это её наверняка...

— А если, — тихо сказала Таша, — я и в самом деле из рода Морли?

— Не говорите чепухи! Лучше подумайте, как... как... — Леогран, запоздало осекшись, уставился на неё. — Что вы сказали?

Таша сжала кулаки, стиснув в пальцах хлопок светлой юбки.

Стараясь не слушать отчаянные вопли голоса разума.

— Что, если мы не выдумывали никакую легенду... если я действительно последняя из рода Морли? Что тогда?

Стало так тихо, что Таша могла слышать шуршание снежинок за окном.

— Таша, — разбив молчание, произнёс Алексас, — ты уверена, что...

— Потребуется доказательства, — пробормотал Леогран.

Она улыбнулась.

— Предоставим.

— Вас допросят...

— Я не боюсь правдометров.

— Но это... это просто... сказочно! — Леогран поднялся на ноги, и глаза его сияли. — Так мы действительно нашли пропавшую наследницу рода Морли?

Обратной дороги нет, сказала Таша остаткам здравомыслия, сохранявшимся не без участия гневного взгляда «братца».

— Да, — спокойно подтвердила она.

— И вы готовы предоставить доказательства?

— Боюсь, — прозвучало у них за спинами, — с доказательствами всё не так просто.

Услышав знакомый голос, Таша второй раз за вечер вскочила: чтобы подбежать к тому, кого давно ждала.

— Арон! — она привычно прижалась губами к его холодной, гладкой, пахнувшей морозом щеке. — Как ты...

— Вошёл с чёрного хода. Кто-то забыл расчистить дорожки вокруг дома, так что пробраться к передней двери оказалось непросто. — Погладив её по волосам, амадэй скинул плащ. Под ним скрывалась обычная чёрная фортэнья, никаких тулупов или шуб; Зрящий даже перчаток не носил — ему не было нужды защищаться от холода. — Джеми?

— Уже иду, — скривился Алексас, поднимаясь из-за стола.

— Думаю, к чаю вы всё равно поспеете, — бросил Арон вдогонку. Наконец обратив взгляд на Леограна, склонил голову. — Добрый вечер, ваша светлость.

— Добрый, святой отец, — учтиво ответил юный герцог. — И как много вы слышали?

— Почти всё. — Арон устало опустился в кресло. — Какие же доказательства ты собираешься предъявить, Таша?

Она ответила не сразу. Вначале скользнула внимательным взглядом по лицу названного отца: глаза серые, словно бы выцветшие, пара морщин на совсем не старом лице прорезалась глубже...

А потом уловила знакомый сладковато-горелый запах — и вспомнила то, о чём всё время забывала. Во что, если честно, и верила-то с трудом.

Что за стенами их сказочного мирка в каждом доме жгли над постелями умирающих цветы эндилы.

Тиф напал на Фар-Лойл неделю назад. Первыми заболели дети, и деревенский староста не замедлил предположить, что причина недомогания в отравленных колодцах — в последнее время в новостных листках то и дело писали о подобных случаях, кто-то взялся травить воду в деревнях по всей Долине, — но Арон быстро выяснил правду. Болезнь не щадила никого. Всех обитателей башни звездочёта посадили под домашний арест, и наружу выходил только амадэй, которому заразиться не грозило.

Впрочем, сказать «выходил» было несколько неверно. Арон возвращался лишь затем, чтобы поесть да поспать, целыми днями обходя деревню, переходя из дома в дом: исцеляя тех, кого ещё можно исцелить, а тех, кого нельзя — пытаясь вернуть оттуда, откуда возврата нет.

Иногда получалось.

Иногда нет.

«Неужели ты можешь любого вернуть с того света?» — однажды спросила Таша.

«Теоретически, — последовал ответ. — Немаловажно, сколько прошло времени с момента смерти. Есть ли у человека причины возвращаться. К тому же, как ты помнишь, у всего есть своя цена».

Таша тогда в очередной раз повесила нос: она до сих пор тосковала по кошачьей личине, которой возвращение стоило ей.

«И чем же платишь ты?..»

«За каждый проход за грань я отдаю часть своей жизни».

«Но ты ведь бессмертный, верно?»

«Верно. Однако при этом я старею, а провести вечность развалиной как-то не хочется... Впрочем, если б не это, я бы не старился вообще».

«А сколько тебе было, когда ты стал амадэем?»

«Двадцать. И я стал стареть лишь с того момента, как расстался со своим... братом. Когда два амадэя вместе, они как-то нейтрализуют побочные эффекты своих сверхъестественных способностей. Стоит же им отдалиться друг от друга, как они начинают за это расплачиваться».

«А Кристаль Чудотворная была изобретательной женщиной, как я посмотрю...»

«Не представляешь, до чего изобретательной».

— ...Таша?

— А. Прости, задумалась. — Тряхнув головой, она присела рядом с Ароном, на ручку его кресла. — Думаю, даже одних правдометров хватит, но ведь у меня есть...

— А если я скажу, что запрещаю тебе ехать?

Таша оторопело смолкла.

За окном взметнулась снежная буря в миниатюре: Джеми решил совместить приятное с полезным и, убирая дорожки, заодно поупражняться в управлении воздушной стихией.

— А как же Норманы? — в конце концов выдавила Таша.

— Полагаю, Леогран-энтаро и Орек-энтаро простят меня, если я скажу, что эта затея опасна для тебя. В конце концов, в глазах света самозванкой и лгуньей окажешься ты, не они. Норманы просто поверили тебе, вот и всё.

— Но...

— Но?

Таша стиснула зубы.

Две Ташы внутри неё вели яростную борьбу.

Одна кричала, что в её ситуации самым логичным было бы молчать и сидеть в Фар-Лойле тише воды, ниже травы; однако вторая...

Соскользнув с кресла на пол, Таша выпрямилась и вскинула подбородок.

— Надо поговорить, — проговорила она свысока.

— Вот как. — Арон невозмутимо поднялся на ноги следом за ней. — Вы не против, если мы оставим вас ненадолго, ваша светлость?

— Нет, что вы, — со всей возможной учтивостью откликнулся Леогран.

— Скоро вернёмся, — процедила Таша, взбегая вверх по лестнице с целеустремлённостью вышедшей на охоту кошки.

Конечно, Арон не бежал. Он никогда не бегал. Но когда Таша толкнула дверь своей комнаты и обернулась — амадэй стоял прямо перед ней.

— Зачем тебе это, Таша?

Она отвернулась. Подошла к окну.

— Ты же сам знаешь.

— Да, но хотелось бы услышать это от тебя. Осознанно высказанным.

Таша оперлась ладонями на подоконник; в окно снежным ветром бессильно билась зима. Она не стала зажигать свет, так что полукруглая комнатка с немногочисленной обстановкой куталась в вечерний мрак — но оборотню свет не был нужен.

Зрящему, впрочем, тоже.

— Мама хотела бы этого, — сказала она.

— Одно «за». Сотни «против».

— Мама растила меня для этого, понимаешь? — Она не хотела слышать. — Не для жизни в деревне — для титула, для балов... Она хотела, чтобы когда-нибудь я вернулась на своё место.

— Вопрос, сколько ты пробудешь на этом месте, когда на него вернёшься. — Арон

подошёл ближе; она никогда не слышала его шагов, но шелест его одежд уже стал ей родным. — Ты хоть понимаешь, что будет, если узнают, что ты не просто последняя из рода Морли?

Да, подумала Таша. Если б я была из другого рода, это было бы, пожалуй, четвертью беды. Полбеды — если б в моих жилах текла кровь одних только Морли. А я — Тариша Тариш Морли-Бьорк. Законная наследница престола Аллиграна, прямая угроза правления Его Величества Шейлиреара, узурпатора, свергнувшего мою семью.

Но...

Она скрестила руки на груди.

— Знаешь, — вымолвила Таша: всё же решившись озвучить то, о чём думала уже давно, — а я думаю, мне ничего не сделают.

— С чего бы это?

— Неужели ты думаешь, что такой могущественный колдун, как Шейлиреар, за шестнадцать лет не нашёл бы нас, если б хотел? Да он бы выследил маму ещё до конца восстания. Сомневаюсь, что ему бы стоило больших усилий её найти... учитывая, что он прекрасно знал и её имя, и её внешность, и возможность раздобыть волосы или кровь её родных у него была. — Таша качнула головой. — Я не уверена, что чудом спасаяся принцесса могла надёжно спрятаться в деревеньке, не столь отдалённой от столицы. И уж тем более не думаю, что лучшее место для прятков — в семье сидроделов, поставлявших сидр к королевскому двору.

— Лучшее место для прятков, как известно — то, что у всех на виду.

— Нет, Арон. Мы с Лив живы только потому, что король не хочет нашей смерти. А если я не попытаюсь заявить свои права, надеюсь, что и не захочет.

— Заявление прав на имущество Морли вполне можно счесть первым шагом на пути к чему-то большему. Не считаешь?

— Есть у меня идея, как обезопасить нас всех... но об этом потом. — Таша прижалась лбом к ледяному стеклу. — Знаешь, Арон... на самом деле... мне просто надоело прятаться.

Он промолчал; Таша макушкой чувствовала его выжидающий взгляд.

— Да, здесь живётся, как в сказке. Спасибо тебе за это. Только вот... как бы объяснить... ну зачем ты заставляешь меня говорить? Ты же и так... Молчишь? Ладно, как знаешь. — Она вздохнула. — В общем, летом я чувствовала себя героиней законченной сказки. Принцессой, заслужившей счастливый конец. И вот живёт она со своей любящей семьёй в волшебной башне звездочёта, в красивой тихой деревеньке, и всё так хорошо, что просто не верится. А потом...

Она побарабанила пальцами по подоконнику.

К хорошему действительно быстро привыкаешь. Но проблема в том, что, стоит к этому привыкнуть, как ты начинаешь... нет, не хотеть большего. Не в её случае. Просто понимать, что вечность так продолжаться не может. И тогда украдкой, потихоньку в твоё сознание стучится осознание. Оно приходит однажды ночью, на грани сна и яви, сворачивается скользким клубком где-то в груди, оковывая сердце льдом; оно не даёт уснуть, тревожа, бередя, нащёптывая «когда-нибудь, когда-нибудь — и, может, очень скоро»...

Потом ты встаёшь утром и живёшь дальше, и под солнечным светом, делами, заботами, смехом близких тает лёд, распускается клубок и утихает шёпот. Ты живёшь, не задумываясь о том, о чём задумываться не хочется, отмахиваясь от этого — и «пожалуй, счастлива»; но потом снова приходит ночь, и снова приходят мысли, которые ты так старательно откладывала на потом. И ночь от ночи эти потом становятся всё холоднее, сворачиваются всё туже, шепчут всё громче...

— А потом я поняла, что сказка-то не кончилась. И что принцесса в башне не отдыхает от приключений, а скорее... пленена. Типичный сюжет, правда? Только вот дожидаться, пока её придут освободить, ей явно не стоит.

...и если ты понимаешь, что твоя счастливая жизнь хрупка, как карточный домик, а кто-то лишь выжидает момента, чтобы развалить её прикосновением безжалостной руки — счастье больше не может быть счастьем.

— И что же тогда делать принцессе? — наконец тихо спросил Арон.

— Выйти из башни. Или сбежать, если не отпустят. — Таша невесело усмехнулась. — Самой бросить вызов тому, с кем рано или поздно всё равно придётся встретиться.

— Мы уже это проходили, — голос дэя был усталым. — Ничем хорошим это не кончилось.

— Мне надоело жить в вечном страхе, Арон. Как думаешь, ждёт ли он, что я выйду из тени и стану Морли-малэн? Но я нужна ему для игры, и моей гибели он не допустит.

— А если, что крайне маловероятно, всё пройдёт благополучно?

Её губ коснулась отстранённая улыбка.

— Тогда в следующую нашу встречу я буду вооружена. Деньги, связи и покровительство Его Величества, уже обратившего на меня внимание... думаю, это может многое.

— Против амадэя? — Арон шагнул вперёд, встав рядом с ней; в его глазах отражалась ночная мгла. — Ты готова на всё, чтобы закончить игру? — не дожидаясь ответа, спросил он.

Она кивнула.

— Даже, как я вижу, напрямую попросить о защите убийцу твоей семьи.

— Да. Он король. И один из самых могущественных магов среди людей.

— И если я тебя не отпущу, ты сбежишь.

— Да. Сбегу. — Она говорила ровно, без эмоций. — Я поеду, Арон. Хочешь ты того или нет.

— Я не смогу поехать с тобой. Я нужен здесь.

— Я знаю.

— Ловушка для тебя уже расставлена, поверь.

— Со мной будут Джеми и Алексас.

— Против амадэя? — повторил он. — Что они смогут сделать?

— Ничего, — легко согласилась Таша. — Вся надежда на то, что наш кукловод не успеет предпринять решительных шагов до того, как у меня появятся средства защиты. А я полагаю, что не успеет.

Дэй коснулся её макушки. Легонько погладил пушистые светлые кудри.

— Я забыл, что ты не ребёнок. У тебя отобрали детство в тот день, когда ты вступила в игру, — в голосе его скользнула странная печаль. — Тебе очень хочется быть ребёнком, и у тебя неплохо получается... но в нужный момент ты сбрасываешь детскую личину так же легко, как оборачиваешься в птицу. — Скользя кончиками пальцев по её волосам, он бережно заправил за ухо непослушный золотой локон. — Жаль, что я это забыл...

В груди защемило, беспокойно кольнуло — и Таша, подавшись вперёд, молча обняла его, ткнувшись лбом в чёрную накидку.

Ей хотелось сказать «прости». Хотелось сказать, как она его любит. Но как просто что-то написать, что-то вообразить — и как сложно преодолеть барьер между мыслью и словом.

Впрочем, иногда этого и не требовалось.

— Что ж, — обняв её в ответ, изрёк Арон рассеянно: будто не отвечая, а выражая мысль вслух, — в конце концов, играть Морли-малэн куда тяжелее, чем Ташей Кармайкл. Ты будешь у всех на виду... и в честном бою его всё равно не одолеть. Единственный шанс — сбить план, застать врасплох. И поскольку я, будучи в здравом уме, не могу отправить тебя прямо к нему в лапы, значит... так мы и сделаем.

Таша недоверчиво вскинула голову.

— Так ты меня отпускаешь? Одну?

— Отпускаю. Ненадолго, в конце концов: дня через три, как большинство поправится, я отправлюсь следом за тобой. Так что...

Мягко отстранив её, он шагнул к подоконнику. Сжал деревянную доску в пальцах, приподнял — и вытащил из тайника то, что покоилось там с лета.

— Держи. — Арон вложил в её ладонь чёрный бархатный мешочек. — Полагаю, тебе это понадобится.

Таша вслепую вытащила из мешочка нечто маленькое, округлое, кольнувшее пальцы холодом. Взявшись за серебряный кружок печати с выгравированным единорогом, надела родовой перстень Морли на правую руку. Смяла футляр в ладони, чувствуя вторую печать, скрытую в чёрном бархате.

Золотой грифон Бьорков.

— Думаю, Его Величество догадывается, кто я, — произнесла она, — но попробуем его обмануть. И для этого мне понадобится твоя помощь.

Амадэй почти беззвучно вернул подоконную доску на место.

— В рискованные игры ты играешь, Таша...

— Не рискованнее тех, в которые играла летом. Ты ведь сможешь вернуть всё обратно... потом?

— Смогу.

— И вытащишь меня из темницы, если что?

— Вытащу.

— Точно?

— Имеешь в виду, могу ли? — Арон невесело улыбнулся. — Я верну тебя и с того света, Таша. Я же амадэй, в конце концов.

— Тогда я ничего не боюсь. — Отступив от окна, Таша за руку потянула его за собой. — Что ж, чай, конечно, давным-давно остыл... но, думаю, никто ещё не разошёлся, а чайник Джеми подогреет.

Её глаза, поймав первые отблески света снизу, сверкнули кошачьим серебром.

Таша спускалась по винтовой лесенке, и на губах её играла сосредоточенная улыбка.

Берегись, мир. И не только.

Морли-малэн вступает в игру.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

— Попала!

— А вот и нет, а вот и нет!

— А язык-то у кое-кого фиолетовый, — прокомментировал Джеми, пролетая над вишнёвыми кронами.

— Лив, ты всё-таки своровала начинку для пирожков? — возмутилась Таша, пока сестра подбирала лоскутный мяч.

— Подумаешь! Там ещё вооот столько было!

— Невыносимая девчонка! Черники, между прочим, в этом году не так много запасли! Неужто нельзя было дотерпеть, пока пирожки сделают?

— А мне хотелось прямо сейчас!

— У тебя на всё один ответ! Хочуха хочухой, но совесть тоже надо иметь!

— Бойся своих желаний, — философски поддакнул Джеми. Правда, умудрённый жизнью голос никак не вязался с тем, что мальчишка лихорадочно размахивал руками, пытаясь удержать равновесие и поровнее усесться в воздухе. — Демоны, заклятия невесомости — такая муторная штука, оказывается...

— Курицы лучше тебя летают, — фыркнула Лив. — И вообще... ааа!

— Попалась, которая объедалась! — коварно подкравшись со спины, Таша повалила Лив в кучу листьев; мяч, выпавший у девочки из рук, радостно покатился по траве. — Будешь ещё старших не слушаться?

— Аааа! Прекрати... ай-ай-ай... меня... щекотать!!!

До сей поры девочки носились по саду и играли в вышибалы, а Джеми практиковался в искусстве полёта. Солнце сонно скатывалось за горизонт, вишни шушукались о чём-то с лёгким ветерком. Опавшая листва, которую Джеми лично сгребал в кучи пару часов назад, окутывала основания стволов пёстрыми шаями: наступивший листопадник* облил деревья медью и позолотой. Вишен, листья которых осенью желтели, Таша никогда раньше не видела — но каких только сортов не было в саду господ Лормари...

(*прим.: второй месяц осени (алл.)

Забавно. В прежнем Ташином доме тоже был сад. Яблоневый. Она привыкла засыпать под лиственный шелест, но ей не пришлось отвыкнуть от своей колыбельной.

Переход в новый дом прошёл максимально безболезненно.

Забавно...

— Ну что, капитулируете, Ваше Вреднючество?

— Да, да, только перестаяаань!!!

— То-то же... эх, из-за тебя опять лента распустилась. — Отфыркнувшись от лезущих в лицо волос, Таша раскинула руки и упала наземь по соседству с сестрой. Благо, падать было куда: в конце концов Джеми надоело укутывать каждый ствол, и он взял да и сгрёб все оставшиеся листья в одну кучу.

Таша посмотрела прямо перед собой, туда, где расцветала закатными красками бездна осеннего неба.

— А мне хотелось бы уметь летать, — вдруг сказала Лив.

Таша повернула голову; заметив движение, сестра торопливо отвела взгляд от Джеми, и теперь широко открытыми глазами смотрела на облака.

— Ничего, один полёт я тебе точно обеспечу, — тихо-тихо, чтобы не спугнуть наконец обрётённое равновесие, пробормотал Джеми. — Как только буду уверен в своих силах.

— Правда?

— Я тебе когда-нибудь врал?

Лив просияла.

Скрыв улыбку, Таша потрепала девочку по темноволосой макушке. Та из вредности дёрнулась вначале, но потом подумала — и подкатилась ближе.

— Это так сложно? — спросила Таша, обняв сестру. — Летать?

— А ты... ай, ну вот опять! А ты как думаешь, если у меня не получается?

— Думаю, что колдун из тебя липовый, — добродушно сказала Таша.

— Я тоже тебя люблю, — вздохнул Джеми, пускаясь в неторопливый полёт по саду: видимо, потерял всякую надежду усидеть в воздухе.

— Ну вот от чего зависит успех парения?

— Концентрация, магическая сила, уверенность... ловкость элементарная. Координация. У Алексаса это вышло бы лучше, уверен. — Пролетая мимо, Джеми ловко подцепил с земли мяч, валявшийся под одной из вишен чуть поодаль. — Летать проще, как ни странно, а вот просто сесть или замереть... в целом это как плавать, только в воде не нужно постоянно думать «всё хорошо, я умею летать, для меня это вполне естественно, я совсем не должен упааамм»...

— Вот и не думай, — наблюдая, как мальчишка пропахивает носом траву, вздохнула Таша.

— А некоторым приходится думать «всё хорошо, я умею плавать, я совсем не должен утонуть», — вставила Лив.

— Тебе, к примеру?

Сестра только хихикнула.

Наконец окончив свободное скольжение, Джеми хорошенько отплевался, вскинул голову — и смущённо вскочил.

— Добрый вечер, святой отец! А я тут... у меня всё получалось, вы не подумайте!

— Я видел, — успокоил его Арон, размеренно вышагивая по тропинке среди вишен. — И ещё более уверился в мысли, что передо мной будущий магистр первой степени. То, что не всё получается сразу, совершенно естественно: и великие ошибались в начале своего пути. Уверен, через год-другой ты всем своим сверстникам в Школах фору дашь.

— Правда? — уточнил Джеми ликующе.

Помнится, когда Таша впервые увидела амадэя не в фортэнье, а в простых штанах и рубашке, она долго думала, как к этому относиться. На уже сложившийся в сознании образ Арона вдруг наложился абсолютно другой. Странно, но до той поры Таша не задумывалась, что дэй в фортэнье не родился, и помимо Арона, к которому она уже успела привыкнуть — амадэйского, могущественного и надёжно-героического — есть Арон другой: человеческий, обычный и домашне-уютный.

Впрочем, поскольку надёжности и могущества в Ароне-домашнем не убывало, Таша совместила двух Аронов в одного довольно быстро. Во всяком случае, быстрее, чем она думала.

Так что сейчас вид их почти-святого отца в мирской одежде её уже не удивил.

— Вечерний чай, — объявил Арон.

— И кое-кому ещё уроки делать, — вспомнила Таша. — Так что вперёд, стрекоза.

— А ты? — неохотно поднимаясь, спросила Лив.

— А я... можно я не буду чай пить?

Арон вопросительно взглянул на неё.

— Не хочется. Я ещё погуляю. — Таша, сев, молитвенно сложила ладошки. — Такой день хороший... пожаалуйста?

— Я лично проголодался, — заявил Джеми. — Лив?

Девочка охотно ухватилась за протянутую ей руку, и парочка прошествовала к башне.

Воистину трогательное зрелище, подумала Таша: со странной смесью иронии и умиления.

— Так можно? — проводив их взглядом, спросила она.

— Как пожелаешь, — пожал плечами Арон. — С госпожой Лиден, правда, сама потом будешь объясняться...

— Она поймёт!

— ...но если ты возьмёшь меня с собой — думаю, вдвоём объясниться будет легче.

Таша удивлённо моргнула.

Потом широко улыбнулась.

— Шантажист, — вскакивая на ноги, фыркнула она. — Ну пойдём, что с тобой сделаешь...

* * *

— Приееехали!!!

От бодрого вопля Джеми сон как ветром сдуло; и Таша, успевшая задремать, почти подскочила.

— Как ребёнок, — фыркнула Лавиэльль, сидевшая рядышком, пряча руки в белоснежную муфту.

Ты для него точно старовата, подумала Таша — чтобы тут же начать терзаться угрызениями совести по поводу излишней злобы собственных мыслей.

Юная герцогиня между тем толкнула сидевшего рядышком близнеца:

— Лео, вставай! Лео!

— М? — неохотно приоткрыв один глаз, промычал тот.

— Приехали!

Леогран зевнул. Потянулся, почти ткнувшись пальцами в крышу кареты.

Выглянув за бархатную шторку на окне, вылез наружу — и учтиво подал руку фальшивой невесте.

— Прошу, Таша-лэн.

Спустившись по откинутым ступенькам, Таша ступила во внутренний двор гостиницы. На брусчатке не было и следа льда или снега: должно быть, заботливо растопили магией.

— Смотрю, ремонт делали, — одобрительно заметил герцог, молодецки спрыгнув с козел.

Его Светлость Орек Норман, по его собственному признанию, ненавидел путешествовать пассажиром. Предпочитал верхом. И если Норманам приходилось куда-то ехать всей семьёй, кучера брали только одного: для повозки со скарбом и с челядью. Сам герцог весь путь, каким бы он ни был долгим, преодолевал на козлах собственной кареты.

— Как вам город, Джеми-энтаро? — поинтересовался Леогран, глядя, как Джеми торопливо слезает с крыши. Следом за ним, недобро оглядываясь по сторонам, спустилась парочка магов-стражей, коротающая дорогу, охраняя покой герцогского семейства. Теперь стражи заняли боевые позиции по обе стороны от Его Светлости, хотя какая опасность могла поджидать путешественников за запёртыми магическими воротами самой дорогой гостиницы Арпагена, Таша не понимала. Безопаснее было лишь в княжеском дворце. Но там остановился Его Величество, и простым герцогам, увы, до завтрашней аудиенции вход туда был заказан.

Конечно, у Орека в Арпагене был свой особняк; однако герцог не горел желанием останавливаться в доме, с которым у них было связано слишком много болезненных воспоминаний.

— Прекрасно! — с неподдельным энтузиазмом ответил Джеми. — Жду не дождусь, когда по нему прогуляюсь! И схожу в знаменитый Музей Магических Искусств! Я как в девять лет про него прочитал...

— Мы здесь ещё шестидневку, так что успеете, — улыбнулся юный герцог.

— А если всё пройдёт хорошо, — добавил Орек, мельком взглянув на Ташу, — кажется, у Морли и в Арпагене было имение...

— Сможете хоть изредка жить поближе к нам, — очаровательно улыбнулась Лавиэльль.

Поймав её взгляд, Джеми восторженно встрепенулся, но его рыжая зазноба уже шествовала к дверям, услужливо распахнутым слугами. Орек и Леогран направились за ней; следом, шурша плащами, тенями шли маги-хранители.

— Как снежная баба на весеннем солнышке, — хмыкнула Таша.

Она не торопилась уходить следом за светлейшим семейством. Оглядывалась, привыкала. Разглядывала брусчатый двор: с трёх сторон — основное здание гостиницы и два боковых крыла, с четвёртой — центральная улица Арпагена. Наблюдала, как челядь в составе слуг и горничных разгружает крытую повозку, передавая вещи гостиничным носильщикам.

— Да, она прекрасна, как... снежная баба? Кто?!

— Ты! — фыркнула Таша. — Один нежный взгляд — и всё, растаял. Тогда как она на тебе всего-навсего мастерство оттачивает, не более, ни менее.

— Ничего, я завоюю её любовь, — как-то не слишком уверенно ответил Джеми.

Таша, вздохнув, развернулась на каблучках и прошествовала в здание: семь этажей с окнами в два человеческих роста, стеклянными дверьми, золотые буквы над которыми гласили «Гостиница Имэлтан Арпаген» и малахитовыми колоннами. Холл тоже впечатлял — как размерами, так и надраенным до зеркального блеска мраморным полом. В нём мерцали отражениями сотни шариков волшебного света, без всяких оправ зависших под потолком, словно стая светлячков.

— Огни-однодневки, — оглядев холл, со знанием дела заявил Джеми. — Держат пригостиничного мага, который каждый день новые творит. Тоже мне, мишура...

— А похожи на те же огни, что и в обычных светильниках.

— Это они и есть. Но зачем нужна оправа, да ещё с примесью олангрита? Она удерживает магию, а без неё эти шарики через сутки попросту растворятся в воздухе. Ну, ещё и включателем-выключателем служит...

За стойкой регистрации вытянулась по струнке вереница ключников. Хозяин гостиницы, почтенный господин с брюшком и залысынами, лично выдал Его Светлости ключ от апартаментов для особых клиентов.

— И почему наши апартаменты на самой верхотуре? — дулась Лавиэльль, пока их торжественно провожали к лифту. — На верхотуре я и в Клаусхебере наживусь!

— Зато какой оттуда вид, — мечтательно протянул герцог: видно, вспомнив что-то очень хорошее. — Не пожалеешь, Эльль, не бойся. В последний раз я в верхних апартаментах останавливался давно-о... Спасибо, дальше мы сами.

Хозяин, с самым любезным видом откланявшись, направился обратно к стойке, пока герцогская челядь торопливо загружала светлейшее имущество в соседний лифт.

— Седьмой, — отчётливо произнёс Орк, когда слуга снаружи закрыл медную лифтовую решётку.

Паркетный пол под их ногами дрогнул, на миг подарив чувство невесомости — а затем обшитая дубовыми панелями кабина двинулась вверх.

— С тётей Камиллой у нас всегда был повод не ездить на бал. — Леогран мрачно подкрутил ус. — В трауре не положено.

— А когда траура не было, на меня нападала неведомая хворь, а герцогине без супруга ехать также не положено, — усмехнулся герцог. — Сейчас-то понимаю, что ей на люди выходить было опасно, разоблачили бы в момент. А тогда как в тумане был...

— Значит, последние годы вы не были на Княжеских балах? — осторожно уточнила Таша, всё же решившись встрять в разговор.

— Нет, — хором подтвердило светлейшее семейство.

— Поэтому этот бал для нас вдвойне... нет, вчетверне ответственный, — добавил герцог.

— Вчетверне?

— Обычная ответственность за то, чтобы не ударить в грязь лицом — раз, — выходя из лифта, снисходительно расшифровала Лавиэлль. — Двойная ответственность, ибо в таком блестящем обществе мы не были уже несколько лет — два. Тройная — показать себя в лучшем свете перед Его Величеством... а четвёртая какая, дядя?

— А четвёртая, — сказал герцог, обнаружив нужные апартаменты и вставляя ключ в замочную скважину, — это явить народу Морли-малэн.

Ключ даже не понадобилось проворачивать. Обильно золочёные двустворчатые двери тут же распахнулись, открывая взглядам гостей нечто, в Ташином представлении весьма похожее на королевские покои.

— Сойдёт, — снисходительно вынесла вердикт Лавиэлль, оглядывая шикарно обставленную комнату с затейливой лепниной и высоченным расписным потолком.

Как вскоре выяснила Таша, это была гостиная-столовая. Спальни и подсобные помещения скрывались за резными дверьми по обе стороны от неё. Светлейшему семейству предназначались комнаты за левой дверью, челяди за правой. Джеми, позиционировавший себя как Ташин камердинер, решил спать на диване в гостиной. Учитывая, что на пресловутом диване — редчайшее фарфоровое дерево, тончайшая резьба и искуснейшая

роспись по шёлку, — легко разместились бы по меньшей мере три человека, «камердинер» остался не в обиде.

Обиделся кое-кто другой.

— Мне придётся делить с кем-то постель? — страдальчески спросила Лавиэлль, когда дело дошло до вселения в девичью спальню.

— Не с кем-то, а с Ташей-лэн, — терпеливо растолковал герцог. — Элл, здесь только три спальни, а брат ещё одни апартаменты я счёл излишним. Вы прекрасно разместитесь на одной кровати.

— А она не будет пинаться?

— Ещё раз упомянешь меня как безличное третье лицо в моём присутствии — буду, — предупредила Таша, принимая из рук подоспевшей горничной свой чемодан.

Этим чемоданом она обзавелась лишь при встрече со светлейшим семейством. Стоило Таше объявить о данном «папенькой» согласии, как юный герцог доложил, что в таком случае ей надо бы собирать вещи, ибо отправляются они прямо завтра, с утра пораньше.

Впрочем, вещи Таша может и не брать, потому что Лавиэлль, прекрасно запомнившая её размеры, взялась обеспечить ей гардероб, достойный Морли-малэн. В итоге Таша с Алексасом и Леограном отправились в Нордвуд, а оттуда через зерконтору прибыли в Эмбен: один из крупнейших городов Равнинной, где их уже с челядью и скарбом ждали Орек и Лавиэлль, остановившиеся там по дороге в Арпаген. Как выяснилось, изначально герцог собирался сам отправиться в Фар-Лойл, чтобы просить Арона о помощи; однако недомогание Его Светлости, отравившегося чем-то по пути, внесло в план свои коррективы, и послом пришлось отправлять Леограна.

А гардероб Таше действительно обеспечили. И даже приобрели к нему симпатичный чемоданчик из виверновой кожи. И, как выяснила Таша, наполнение чемоданчика выбрали со вкусом. Таша немало удивилась и первому, и второму, и третьему — она не была настолько наивна, чтобы объяснить такое внимание мифическим дружеским расположением Лавиэлль, — но в итоге пришла к выводу, что герцогиня попросту боится опозорить семейную честь. В самом деле, разве пристало Морли-малэн и невесте наследника рода Норманов быть дурно одетой?..

— Думаю, девушки тут без нас как-нибудь разберутся, — торопливо сказал Леогран.

Таша с усмешкой проследила, как её мнимый жених уводит дядюшку подальше от места боевых действий. За ними проследовали слуги — с чемоданами — и маги — с неизменно мрачными лицами.

— Что поделаешь, придётся терпеть, — вздохнула Лавиэлль. Обратила взор на троицу служанок, под её взглядом миглом согнувшихся в земном поклоне. — Что встали, бестолочи? Разобрали наши чемоданы, быстро! Мои вещи — в этот шкаф, её... Ташины — вон в тот! И

пошевеливайтесь, я спать хочу!

— Да, госпожа, — прошелестели девушки, кидаясь на исполнение приказа.

— Что за жизнь, что за жизнь! Даже слуги не исполняют своих прямых обязанностей заботы обо мне, даже...

Оставляя за спиной причитания её светлости, Таша подошла к окну. Раздвинула бархатные портьеры, толкнула деревянные створки. Вдохнула морозную свежесть зимнего воздуха. Посмотрела на город, выбеленный зимой: подмигивающий фонарями, сияющий морем огней, курящийся тысячей дымоходов, грохочущий каретами по мостовой.

И улыбнулась.

— Что ж, — произнесла она вслух, негромко и с предвкушением, — здравствуй, Арпаген!..

— Аудиенцию назначили на семь вечера, но мы с Ташей-лэн отправимся во дворец к шести, — сообщил герцог, аккуратно разрезая фаршированное яйцо. — За час должны уложиться.

— Лисси, я передумала. Давай лучше пудинг, — бросила Лавиэлль; служанка, несколько истерично поклонившись, в пятый раз ринулась менять своей капризной госпоже блюдо. — А вам зачем с ней ехать, дядя?

— Я буду одним из свидетелей.

— Свидетелей?

— На допросе.

Умиротворённую тишину завтрака аристократов нарушил негромкий «звук»: Джеми выронил вилку из дрогнувшей руки.

— Д-допрос? — уточнил он. — Что... на час?

— А вы как думали?

— Ну... что её спросят, правда ли она наследница рода Морли, она возьмётся за правдометр, ответит «да»... и всё будет хорошо!

— Всё и будет хорошо. Если, конечно, Таша и вправду наследница рода Морли, в чём я лично не сомневаюсь. — Взгляд Орека скользнул к перстню на Ташином пальце. — Но вопрос слишком серьёзен, чтобы ограничиться одними лишь правдометрами.

— И что же будет на допросе?

— Либо сыворотка правды, либо досмотр памяти. Конечно, история с Кэйрмиль выплывет наружу, но я попрошу, чтобы её не разглашали посторонним... делами аристократов обычно занимается особый отдел городской стражи, а они, насколько я знаю, не передают подобную информацию широкой огласке... в конце концов, её всё равно нужно поймать. Да и помолвка по расчёту, думаю, останется между нами и магами-дознателями. Это наши личные дела, и я не вижу ничего противозаконного ни в первом, ни во втором случае.

Джеми только крякнул.

— Досмотр памяти? — тихо переспросила Таша.

— Вас усыпят, и маги бегло просмотрят все воспоминания в вашем сознании. — Герцог скривился. — Отвратительно.

— Говорят, процедура весьма болезненна, — с улыбкой добавила Лавиэлль. — Усыпляют не только затем, чтобы открыть разум подозреваемых, но и чтобы они не кричали, ведь...

— Хватит! — взвился Леогран. Видно, заметил неестественную бледность Ташиного лица. — Они не посмели бы причинять боль будущей герцогине! Да, неизвестно, Морли она или нет, но она помолвлена со мной, а потому уже аристократка! Верно, дядя?

Орек промолчал.

— Мне всё равно, — безмятежно сказала Таша. — Потерплю, если что.

Эта безмятежность далась ей не без усилий.

— Говорят, во время подобного сна ты видишь всё, что просматривают маги, — задумчиво продолжила Элль. — Вся жизнь, словно перед смертью, проносится у тебя перед глазами... У тебя было много приятного в жизни, Таша?

— Достаточно, — коротко ответила она.

Но явно недостаточно, чтобы уравновесить всё неприятное, добавила она про себя.

— В таком случае тебе останется расслабиться и получать удовольствие. — Юная герцогиня поднялась из-за стола, оставив нетронутый пудинг на тарелке. — Что-то у меня совсем нет аппетита. Лучше прогуляюсь по центральной улице... Джеми-энтаро?

От неожиданности тот едва не поперхнулся яблочным пирогом.

— Ч... кха-кха... что?

Прежде чем улыбнуться ему, Лавиэлль лукаво покосилась в Ташину сторону.

— Не составите мне компанию? — промурлыкала герцогиня. — Я собираюсь прикупить себе новые платья, а эти слуги мне так надоели... Вы помогли бы мне нести покупки и посодействовали советом. Уверена, у вас самый изысканный и утончённый вкус.

— О... э... я...

Наверное, с минуту Джеми только издавал невнятные звуки.

Потом, прикрыв глаза, кротко кивнул.

— Чудно. Тогда собирайтесь.

...и только Таша догадалась, что кивок этот предназначался не Лавиэлль.

— Конечно, — открыв глаза, с придыханием откликнулся Алексас. — Уже бегу, моя лэн.

Лавиэлль удовлетворённо отвернулась — а Алексас, неторопливо поднявшись, оставляя недоеденный пирог и недопитый чай, замер у Ташиного стула.

— Девочка доигралась, — шепнул юноша, склонившись к её уху.

— Меня уколоть хочет, — прошептала Таша в ответ: прикрывая губы ладошкой, провожая взглядом Лавиэлль, неторопливо удалявшуюся по направлению к спальне. — Заставить ревновать.

Краем глаза она заметила, как герцог деликатно отвёл взгляд, а Леогран на другом конце стола досадливо заёрзал. Неужели мнимый жених уже возомнил себе какие-то реальные права?..

Забавно. Видимо, вся семейка Норманов считает, что отношения Таши и её рыцарей куда более нежные, чем на самом деле.

Впрочем, если посмотреть на их пару со стороны, не зная всех тонкостей — не мудрено.

— Может, пускай играет на здоровье? — насмешливо хмыкнув от этих мыслей, выдохнула Таша на ухо Алексасу. — Мне-то всё равно, зато Джеми...

— Прости, но мне не нравится, когда моим наивным братом манипулируют всякие записные кокетки. — Он улыбнулся, и его улыбка не предвещала ничего хорошего. Ободряюще коснулся Ташиного плеча. — Постараюсь вернуться до шести, — прибавил Алексас: тем же шёпотом, — но если вдруг не успею... удачи, Таша. Мы тебя любим.

— Я знаю, — обречённо ответила она.

Он всё же вернулся незадолго до Ташиного ухода. Алексас непринуждённо вышагивал впереди Лавиэлль, озадаченно цокавшей каблучками следом; за ними вереницей семенили носильщики.

— Как хороши здешние лавки! — объявил юноша, эффектно скидывая плащ. — Мало того, что подгонят вещь под твой размер всего за пару минут, так ещё и своих носильщиков отрядят!

— Да ну? — усомнилась Таша: в ожидании Орека, всё ещё собиравшегося, она нервно прохаживалась перед зеркалом, окидывая отражённое критическим взглядом. — Сколько же у них носильщиков?..

— Не знаю. — Алексас, стянув сапоги, потянулся — с кошачьим изяществом — и вальяжно развалился на диванных подушках. — Но, полагаю, лучшим одёжным лавкам... а какие же ещё мы могли удостоить своим посещением... волне доступно содержать множество слуг. Мне, право, даже неудобно стало отказывать им в выполнении своего долга.

Зачем, действительно, отбирать у людей их законное право? Я ведь, как-никак, твой камердинер, а не чей-либо ещё.

Прикусив обиженно дрожащую губку, Лавиэлль направилась в свою комнату. Слуги покорно проследовали за ней, чтобы спустя некоторое время, вернувшись, откланяться Алексасу и покинуть апартаменты. Служанки кинулись в спальню разбирать пакеты, другой слуга со шваброй наперевес бросился на борьбу с грязью — знать и не думала разуваться перед спальней, лишь перед кроватью, оставляя слугам днём и ночью сражаться за чистоту в доме, — однако, едва переступив порог, все они испуганно вылетели прочь из комнаты.

Герцогиня не кричала, нет. Пусть даже её шипение Таша почему-то расслышала без труда.

Но стоило полагать, что прошипленные угрозы вполне могли привести в действие, пробудь слуги подле девушки ещё пару мгновений.

— Что ты с ней сделал? — поинтересовалась Таша, когда они с Алексасом остались одни.

— Присаживайся. — Её рыцарь одними глазами указал на место рядом с собой, и Таша охотно примостилась на диване по соседству. — Ничего особенного. Метод «лёд и пламя».

— Хм?..

— Джеми — пламя. Страсть, восхищение, поклонение и прочая любовная чепуха. Ну а я, соответственно, лёд. Уважение, но ничего более. При этом щедрое расточение обольстительных улыбок всем встречным девушкам. И если бы я оставил свой адрес всем, кому успел вскружить голову — думаю, бедняжки вполне смогли бы взять гостиницу штурмом.

— Не льсти себе, — фыркнула Таша.

Хотя прекрасно знала, что Алексас прав. Если он этого хотел, барышни валились к его ногам штабелями.

Какой удар по женской самоуверенности юной герцогини...

— Джеми, конечно же, рвал и метал, но я убедил братца, что всё для его же блага. Когда бразды правления вернутся к нему, он снова будет мил, нежен и ласков — он иначе не сможет, дурачок, — но Лавиэлль это лишь больше с толку собьёт. А потом снова вернусь я...

— Представляю, — оценила Таша, ощущая к герцогине смутную жалость.

И вдруг поняла, что Алексас смотрит на неё как-то слишком задумчиво.

— Таша, — произнёс он внезапно.

— Что? — подозрительно спросила она; странное лукавство в его прищуре и голосе заставило её ждать подвоха.

— А можно я в тебя влюблюсь?

...и пусть Таша ожидала подвоха — но от такого вопроса уставилась на своего рыцаря, забыв выдохнуть.

— Что? — на всякий случай уточнила она, желая убедиться, что не ослышалась.

— На публику, конечно, — безмятежно пояснил Алексас. — Знаешь ли, стоит женщине увидеть, что их кавалер засматривается на другую...

— Ты не её кавалер, — с облегчением откинувшись на спинку дивана, напомнила Таша. — И Джеми тоже.

— Потенциально — вполне.

— Хочешь сказать, я на публике буду не только невестой Леограна, но и твоей возлюбленной? Активная у меня личная жизнь, однако!

— Ради Джеминого счастья, Таша. Уверен, когда мы добьёмся своего и Лавиэлль из неприступной гордычки превратится в обычную влюблённую дурочку, он сразу увидит её во всей красе и поймёт, что... да, да, конечно, это любовь всей твоей жизни, я тебя понял! Глупый мальчишка, — вздохнул Алексас, вновь обращаясь к ней. — Так ты согласна?

Таша растерянно натянула атласные перчатки, облившие её руки до локтей.

— А можно ещё подумать?

— Можно. Но спрашивал я исключительно для проформы.

— Вот как? А если твоя королева прикажет этого не делать?

— Моя королева не будет столь жестока, я же знаю.

— Всё-то ты знаешь, — буркнула Таша, расправляя складки юбки.

Двери слева от них плавно отворились.

— Готовы, Таша-лэн? — изрёк герцог.

— Как всегда, — вздохнула Таша, поднимаясь с диванчика; глядя на Орека, великолепного в изумрудном с золотом костюме, она в который раз отметила, что рыжим невероятно идёт зелёное. — До встречи... Джеми.

— Удачи, Таша, — улыбнулся Алексас. — Мы... все мы — с тобой.

Таша взглянула в синие глаза своего рыцаря... и когтистая лапка неясной тревоги царапнула душу.

Седьмое чувство, какое-то животное чутьё — вдруг закричало «стой».

...стой, зашептало что-то внутри; стой, не уходи...

— ...Таша?

— Да. — Она мотнула головой, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. — Спасибо...

...ты должна быть здесь, должна остаться рядом...

— Что такое? — посерьёзнев, спросил Алексас.

Что такое? Хороший вопрос...

Просто нервы, подумала Таша. Это просто нервы. Из-за грядущего допроса. Всё в порядке.

Всё будет хорошо...

— Ничего. — Она вымученно улыбнулась — и повернулась к Ореху. — Идёмте, Ваша Светлость.

До кареты шли молча. Впрочем, ехали тоже в тишине. Орех был тем более мрачен, что в княжеский дворец ему пришлось отправиться пассажиром: положение обязывало.

Таша, уставившись в окно, смотрела на светлячки проплывавших мимо фонарей, пёструю толпу и яркие витрины, в которых порой проскальзывало отражение её бледного лица.

— Прекрасно выглядите, Таша-лэн, — Орех наконец решился нарушить молчание. — Платье вам очень идёт. Простой фасон, но сколько изящества...

— Спасибо.

Стук копыт по мостовой бил по ушам.

— Сиреневый вам к лицу, — предпринял вторую попытку герцог. — С лета вы ещё больше похорошели.

— Спасибо.

Впрочем, на сей раз её «спасибо» было и правда благодарным. Таша сама думала, что за

последние полгода отражаемое в зеркалах изменилось в лучшую сторону. Веснушки, широкопато расставленные глаза и сердцевидная форма позволяли назвать её лицо если не хорошеньким, то интересным, а хозяйка этого лица... скажем так, пополнила. В нужных местах.

Не так давно Таша поймала себя на том, что проводит у зеркала куда больше времени, чем летом, и куда с большим удовольствием. Пожалуй, теперь любоваться можно было не только гривой золотистых локонов.

— Не волнуйтесь вы так, — в голосе герцога слышалась подбадривающая улыбка. — Всё будет хорошо.

— Я и не волнуюсь. Не из-за этого, во всяком случае.

— А из-за чего?

Таша нервно пожала плечами; сказать, что она и сама не знает, было бы глупо. Кивнула на подарочную коробку, покоившуюся на герцогских коленях.

— Кому подарок?

— Его Величеству. — Орек бережно поправил шёлковый бант замысловатой завязки. — На аудиенции каждый герцог обязан сделать подношение королю. Символическое, конечно... никаких взяток, просто дань уважения.

— И что там?

— Очень дорогой кубок.

— А. Ясно.

Когда карета въехала за ворота княжеского дворца, Таша удивилась радостно зеленеющим аллеям: видимо, сад зачаровывали маги. Сам дворец был великолепным и немного зловещим. Во всяком случае, такие громадные, высоченные замки с острыми шпилями Таша всегда считала подходящими жилищами для злых колдунов или эйрдалей. Хотя в Арпагене, похоже, все здания строили в подобном стиле, преимущественно из тёмного камня, — а если вспомнить Клаусхебер, мрачный особняк Норманов...

Может, подобный архитектурный стиль присущ всем городам Равнинной?..

— Веди себя естественно, — напутствовал герцог, пока они поднимались по широкой гранитной лестнице ко входу во дворец. — Всё получится.

— Угу, — пробормотала Таша, почти не обратив внимания на «тыкательный» переход.

По мере приближения к дверям, у которых дежурили стражи в парадной форме, тревога сжимала сердце уже не лапкой, а лапищей.

Когтистой, холодной и гадкой, заставившей Ташу понять, что из-за грядущего допроса она всё-таки волнуется не меньше, чем из-за неведомого предчувствия.

За дверьми их встретил огромный холл, отделанный тёмным мрамором, ярко освещённый громадной люстрой, и магическая арка, рядом с которой ждали маги-стражи. Всё в той же форме — тёмно-синей с позолотой. Они проверили гостей по списку и, удостоверившись, что герцог Броселианский и Тариша-потенциальная-Морли действительно приглашены, пропустили обоих. Прошли спокойно: широкая деревянная арка не обратилась в клетку, что неизбежно случалось, когда во дворец пытались тайком пронести оружие или опасные артефакты.

Впрочем, один из стражей всё равно поинтересовался:

— Что в коробке?

— Дар Его Величеству.

— Позвольте?

Коробку распаковали абсолютно бесцеремонно, разорвав нарядную обёртку и испортив бант. Внутри оказалась деревянная шкатулка; откинув расписную крышку, под которой скрывалась изящная костяная чаша с резным портретом Шейлиреара — у герцога явно был хороший вкус, — страж медленно провёл над ней расправленной ладонью.

— Рог единорога. Естественный магический фон. Активных или дремлющих заклятий не замечено. — Маг захлопнул шкатулку. — Безопасно. Пронosite.

Взмахнул рукой, осыпав подарок искрами, сорвавшимися с кончиков его пальцев — и обёртка мгновенно пришла в первоначальный вид, а бант сам собой завязался на прежний манер.

— Достойное подношение, — одобрил кто-то за Ташиной спиной.

Она обернулась, чтобы выяснить, что голос принадлежит высокому поджарому мужчине лет сорока.

Он был смуглым, с аккуратной бородкой, раскрашенной сединой, обрамлявшей узкие губы. Весь в чёрном. Даже очки его, маленькие и круглые, имели дымчатые стёкла.

— Эдреми Айронсул. Первый Советник Его Величества. — Мужчина склонил темноволосую, коротко стриженную голову, в результате чего очки съехали на кончик носа — а когда поднял вновь, Таша удостоилась крайне внимательного взгляда тёмных, без блеска глаз. — Норман-энтаро и... Кармайкл-лэн, надо полагать?

— Морли-малэн, — спокойно возразил Орек.

— В теории. — Советник располагаяще улыбнулся, но в глазах его улыбки не было. —

Его Величество назначил меня вторым свидетелем на вашем допросе, Кармайкл-лэн. Следуйте за мной.

На миг Таше подумалось, что таким бы вполне мог быть кукловод, чьего истинного лица она так и не знала; пока не сообразила, что это глупо — предполагать, что некромант такой силы мог спокойно прятаться и творить свои чёрные дела под самым носом Его Величества.

Чем дальше они спускались по винтовой лестнице, притаившейся за неприметной дверью в дальнем конце холла, тем меньше Таше нравилось происходящее. Лестница была тёмной, узкой и сырой, эхо на ней — настолько громогласным, что от шагов возникал звуковой эффект табуна лошадей. Волшебные огоньки в светильниках на стенах еле-еле теплились.

А архитектор постарался на славу, мрачно подумалось Таше, пока она, придерживая длинную юбку, оставляла позади одну невзрачную ступеньку за другой. Любому преступнику захочется сразу покаяться во всех грехах, только бы вернуться наверх.

— Простите за отсутствие архитектурных изысков, — будто услышав её мысли, подал голос Советник, — но о красоте подземелья не задумывались.

— А что со светильниками? — спросила Таша.

— Хотя стены облицованы гранитом, подземелье сложено из фалангра, так что здесь крайне неустойчивый магический фон.

— Фалангр... камень, невосприимчивый к любой магии?

— И лишаящий существа, соприкасающегося с ним, способности колдовать. Верно. — Советник одобрительно кивнул. — Это было предпринято в охранных целях, как вы понимаете. Поскольку попадающие сюда не соприкасаются с фалангром, а лишь находятся в зоне его действия, камень отменяет заклятия с первого уровня по пятый и значительно глушит остальные. Светильники укрепили защитой шестого уровня... Результат, как говорится, налицо.

— А как же дознаватели? Или стражи?

— У них имеются амулеты, нейтрализующие действие фалангра. Если же подобные амулеты есть у подозреваемых, они засвечиваются на арке внизу... собственно, вот и она.

Ещё одна арка, которую Таша легко приняла бы за дверной проём, и троица оказалась в коридоре: всё с теми же сырыми тёмными стенами, где светильники мерцали под низкими полукруглыми сводами.

Без единой двери.

— Осталось немного, — изрёк Советник, устремляясь дальше. — Прошу прощения за

долгий путь.

Остановился перед ничем не примечательным участком стены, повернулся, постучал по камню — и толкнул возникшую вдруг дверь.

Отступив в сторону, Советник указал на открывшееся помещение приглашающим жестом. Таша оглянулась на Орека, прочитав по губам ободряющее «всё будет хорошо».

Слабо улыбнувшись в ответ, медленно вступила в камеру пыток.

— Запоздали, господин Советник, — заметил маг, восседавший за пафосным кабинетным столом. — На вас не похоже.

— Когда сопровождаешь даму, не до спешки, — с усмешкой заметил Советник, присаживаясь на стул у дальней стены.

Другой маг, поднявшись с потрёпанной кожаной кушетки, располагающе улыбнулся:

— Добро пожаловать, Ваша Светлость. Прошу, Кармайкл-лэн... пока ещё.

Кроме пресловутой кушетки, стола и нескольких стульев, в небольшой, ярко освещённой комнате не было ничего. Таша даже ощутила смутное разочарование. А где жуткие приспособления, цепи, кровь на полу?..

— С правдометра начнём или как? — продолжил маг, так и стоявший у кушетки: молодой, немножко прыщавый, белобрысый и невозможно улыбчивый.

— Без прелюдий обойдёмся, — отрезал тот, что за столом: пожилой, бородастый и донельзя суровый.

Ясно всё, подумала Таша. Старое доброе «хороший стражник — плохой стражник».

— Тебе бы сразу к делу, — укоризненно заметил молодой. — А девушки существа хрупкие, впечатлительные, их сначала настроить надо, расположить...

Советник вежливо вскинул бровь.

Парень вздохнул. Затем, к огромному удивлению Таши, по-свойски ей подмигнул.

— Присаживайтесь, Норман-энтаро, — любезно произнёс он. — Не жмитесь у стеночки, Кармайкл-лэн. Идите, прилягте.

— Благодарю за беспокойство, но я и постоять могу...

— Шуточки? Ну-ну. — Бородач раскрыл толстую тетрадь, лежавшую на столешнице перед ним. — Ложитесь. Быстро.

Таша обречённо прошествовала к кушетке.

— Ложитесь-ложитесь. — Белобрысый суетился вокруг, точно к нему пожаловала дорогая и долгожданная гостья. — Удобно?

— Ага, — нервно ответила Таша, кое-как устраиваясь на потрёпанной подушке, тоже кожаной. Куда уж удобнее: вся как на иголках.

В следующий миг что-то вкрадчивой змеёй скользнуло по талии, запястьям и лодыжкам.

Ещё миг спустя Таша поняла, что её приковывают к кушетке кожаные ремни.

— Это ещё зачем? — встрепенулся Орек.

— Положено. Не дёргайтесь, допрашиваемая! Чем больше будете дёргаться, тем туже ремни затянутся.

Ещё разок рванув руки в тщетной попытке освободиться, но лишь убедившись в правдивости слов бородача, Таша затихла.

— Он на самом деле не такой злобный, каким кажется, — доверительно шепнул белобрысый. Видно, заметил взгляд, который «допрашиваемая» устремила на его напарника: весьма далёкий от доброжелательного. — Просто работа такая.

— Шептаться с девицами в таверне вечером будешь, — отрезал бородач, поднимаясь из-за стола. — Давай, садись, герой-любовник.

— Я? Но...

— Больно ответственное дело для молокососа.

Белобрысый, вспыхнув, неохотно проследовал на освобождённое место, где ждала тетрадь с зачарованным пером. Бородач же, прошествовав к кушетке, пододвинул поближе один из стульев, стоявших рядом.

— Закрываем глазки. — Голос мага звучал издевательски-ласково. — Сейчас будут баю-баюшки.

Напоследок выразив взглядом всё, что она думает о допросах, магах и конкретном бородатом индивидууме, Таша подчинилась.

Момент истины...

Она не то услышала, не то почувствовала взмах невидимой руки над своим лицом.

А потом кто-то тихо и спокойно велел:

— Спи.

* * *

...до озера Таша и Арон шли, скрашивая дорогу незначительными разговорами и расспросами о прошедшем дне.

— ...а историк ему говорит: «Ты хоть знаешь, что такое Эйленский прорыв?» — вещала Таша, спускаясь к воде по узкой тропке, вившейся с холма. — Гэлри думает, думает, а потом и заявляет... — она понизила голос, подражая человеку, прекрасно знающему, что он сейчас скажет несусветную чушь, — «ну... Эйлен прорывался... к Равнинным... через Окраинных?»

Арон тихо рассмеялся, опускаясь на прибрежную гальку.

— Генерал Эйлен! Командовавший Западным фронтом Окраинной армии! Прорывался к Равнинным через Окраинных! — Таша присела рядышком, давась смехом. — А дальше учитель Гилдари тихо-тихо так интересуется: «Так, значит, во Второй Раздельной войне генерал Эйлен сражался на стороне Равнинных? А кто тогда командовал Западным фронтом Окраинных, случаем, не подскажешь?» «Ну как, кто, — отвечает Гэлри, — король!» «Какой король?» «Ну этот... ну как его... о, точно! Тариш Первый!»

Тут Арон рассмеялся уже в голос, и Таша наконец присоединилась к нему.

— Племянник Ликбера, занесённый на двести с лишком лет вперёд... — досмеявшись до того, что заныли скулы, она утерла слёзы с глаз. Посерьёзнала. — Всё-таки жаль, что в Фар-Лойле школа не церковная. Тогда бы ты нас учил.

— Мне только работы учителем не хватает.

— Зато как повысилась бы успеваемость! Кто-то что-то не понимает, а ты берёшь и телепатией...

— Учиться человек должен сам. И желание к обучению должно быть только его.

— Да знаю, знаю. — Таша посмотрела вперёд. — Уже и пошутить нельзя...

Впереди раскинулось озеро Лариэт: зеркало перламутровых вод в ложбине предгорных холмов, оправленное в пёстрые луга и лес, пылающий осенними красками. Если повернуть голову, можно было разглядеть заснеженные пики далёких горных вершин, отгородившихся от королевства горами пониже.

— И давно ты заметила, что Лив равнодушна к Джеми?

Таша хмыкнула. Опустила руку и, не глядя, зачерпнула горсть светлой прибрежной гальки.

— Не говори так, — произнесла она. — Это же... детское.

— Поэтому я и сказал «неравнодушна», а не «влюблена».

Выбрав наиболее симпатичный камушек, Таша без замаха кинула его в воду.

— Не так давно. Она же с ним всегда вредничала даже больше, чем с остальными. А потом я обратила внимание, как она на него смотрит... когда никто не видит, конечно.

— И как ты к этому относишься?

Следующий камень, прежде чем скрыться под водой, пару раз лягушкой скакнул по зеркальной глади.

— Ну, я ведь не могу к этому относиться серьёзно. — Таша пожала плечами. — А ты?

— Сказать честно?

— Нет, соврать, — колко откликнулась она.

— А я огорчён тем, что на её месте не ты.

Очередной камень, вылетев из дрогнувшей руки, укоризненно булькнул у самых Ташиных ног.

— Ты это серьёзно... честно?

— Серьёзнее и честнее некуда. — Арон отстранённо смотрел вдаль. — Таша, в твоём возрасте многие уже замужем.

Она вдруг ощутила странную, неясную и очень болезненную обиду.

Сама не понимая, почему, но отчего-то не желая слышать подобного из его уст.

— Тебе что, так не терпится сбить меня с рук? — спросила Таша, насупившись.

— Нет. Просто я бы предпочёл, чтобы ты влюбилась в Джеми, чем в кого-то другого. Его я, во всяком случае, хорошо знаю. В беде не подведёт, к тебе относится более чем трепетно...

Таша глубоко вдохнула, успокаиваясь и успокаивая колючую иглу в сердце. Оглядела камни у себя на ладони.

Что ж... наверное, этот разговор обязан был когда-нибудь произойти.

В конце концов, для приёмного отца вполне логично проявлять подобную заботу о дочери.

— Предлагаешь мне отобрать мальчика у собственной сестры? — негромко поинтересовалась она, выбирая из камушков наиболее плоский. — Джемми мне как брат. Уж в него я никогда не влюблюсь. К тому же он в её светлость Лавиэлль Норман... нет, исключено.

— А в Алексаса?

— Могла бы, но не хочу становиться очередной в послужном списке бывалого ловеласа. Наверняка не последней. И какими бы замечательными ни были мои рыцари, у них обоих есть одно большое «но».

— Какое же?

Следующий камень, прежде чем пойти ко дну, оставил на воде три расходящихся «блинчика».

— Что кто-то из них всегда будет третьим.

Арон задумчиво посмотрел на неё.

Отвёл взгляд. Нагнулся.

— Да. Это верно. — Выпрямившись, амадэй задумчиво повертел в руках светлый камушек. — А что, если не всегда?

Таша недоумённо взглянула на него.

— Видишь ли, — продолжил Арон, отвечая на её немой вопрос, — это ведь, как ты понимаешь, не совсем нормально. Существование двух личностей в одном теле.

— Скорее совсем не нормально.

— Однако подобное уже случалось ранее. Да-да, бывали люди, пускавшие погибшего любимого в своё тело, — кивнул Арон, заметив её недоверчивый взгляд. — Ритуал Двоедушия открыли мы. Амадэи. Лиар, если быть точным. Но в конце концов мы отказались от него, а Ликбер Великий и вовсе его запретил. Все летописи, где упоминался этот ритуал, погибли в Тёмное Время. С тех пор его проводят тайно, нигде не фиксируя, и о результатах предпочитают не распространяться, дабы не навлечь гнев Мастеров Адамантской Школы. Впрочем, колдуны, в отличие от волшебников, законы Ликбера не особенно чтут...

— Чем больше узнаю о Ликбере, тем меньше он мне нравится, — поморщилась Таша. — Почему ему всегда всё нужно было больше всех?

Амадэй невесело улыбнулся.

— Не думай о нём слишком плохо, Таша. Несмотря на все свои... недостатки,

основатель Школы Волшебников был великим человеком. На то, чтобы настроить народ против амадэев, у него были вполне объективные причины. И на то, чтобы запретить ритуал Двоедушия, тоже.

— Что за причины?

— Этот ритуал никого не спасает. Скорее наоборот. Потому мы в своё время от него и отказались. — Арон подкинул камушек на ладони. — Исход всегда один и тот же... просто многие об этом не знают. Или забывают. Порой намеренно.

— Не ходи вокруг да около, — нервно сказала Таша. — В чём дело?

Арон, поразмыслив, без замаха кинул камень в озеро.

— В том, — сказал он, глядя, как расходится круг на воде, — что рано или поздно происходит объединение сознаний и слияние двух личностей. Норма берёт своё, так сказать. Не понимаешь? Да, это сложно понять. А принять — ещё сложнее. Но рано или поздно вместо Джеми и Алексаса мы получим кого-то одного... с чертами другого. Вот так.

Какое-то время Таша просто смотрела на него.

Потом опустила взгляд: на свою ладонь, стиснувшую последний камень тонкими пальцами.

— Джеми... с чертами Алексаса?

В мыслях царила звенящая болью пустота.

— Необязательно. Более сильная личность поглотит слабую, при этом приобрета от неё некоторые моральные качества и способности.

— И получится либо Алексас с магическим даром... не такой задающийся и любвеобильный, наверное... либо уверенный в себе Джеми, прекрасно владеющий мечом?

— Приблизительно так.

Таша смотрела на свою руку так, словно больше её ничто на этом свете не волновало.

Хотела бы она, чтобы это действительно было так.

— Я... не хочу их терять. Никого из них, — её голос, в который всё же прорезалась боль, дрогнул. — Они... они ведь мои друзья. Оба.

— Я тоже. Но это случится, Таша. Хотим мы того или нет.

Таша подняла глаза. Какое-то время смотрела, как тёмная полоска леса на том берегу поглощает алое солнце.

— И... когда?

Этот вопрос получилось задать только шёпотом.

— Не знаю. Обычно долго Двоедушие не длилось. Год, два или три, не больше.

Костяшки её пальцев уже побелели от напряжения.

— А Джеми... знал об этом, когда соглашался на ритуал?

— Нет.

— Значит, ему никто не сказал?..

— А зачем? Так их опекун терял одного из братьев, а так получал обоих, слитых воедино. И маг, и фехтовальщик. Хороший расклад.

Таша опустила голову.

— Герланд их совсем не любил, да?

Шёпот её был едва слышен.

— Судя по тому, что я видел в их памяти... — Арон коротко качнул головой. — Он — альв, Таша. Королевский Охотник к тому же. Альвы не созданы любить людей. А Охотникам вообще чувства не положены.

Таша ещё долго сидела неподвижно.

Потом, разжав руку, взглянула на камешек, лежащий у неё в ладони. Плоский, розоватый.

С дыркой посредине.

— Загадай желание, — посоветовал дэй.

Таша подняла камень к глазам. Сквозь крохотное отверстие, проточенное ветром и водой, взглянула на краешек солнца.

Желание. Загадать? Но чего она хочет?

Ведь того, что хочет, ей всё равно никто дать не сможет...

Одинокий «бульк» прозвучал одновременно с тем, как за лесом скрылись последние солнечные лучи.

— Загадала?

Не глядя на него, Таша кивнула.

— Осуществимое?

— Ты же и так знаешь.

— Честное слово, нет. Если думаешь, что я постоянно читаю твои мысли, ты ошибаешься. Неинтересно знать ответы на все свои вопросы.

Таша улыбнулась. Самым краешком губ.

Полуулыбкой, полуусмешкой.

— Поживём — увидим...

* * *

— Проснись.

Таша открыла глаза: казалось, она закрыла их лишь секунду назад. Поморгала, не понимая, где она. Села на кушетке — и лишь затем вспомнила, что не должна была сесть.

Однако ремни исчезли таким же чудесным образом, как и появились.

Таша неуверенно огляделась. Бородач, отступив на шаг, внимательнейшим образом созерцал пол, зачем-то сжимая в руках правдометр. Белобрысый лихорадочно что-то дописывал. Орек выжидающе смотрел на Советника — а тот в глубокой задумчивости глядел в потолок, подперев рукой подбородок.

Похоже, допрос был окончен.

И это всё? А как же пронесшаяся перед глазами жизнь?..

Таша собралась с духом.

— Я...

Взгляд Советника, наконец обратившийся на неё, заставил все слова трусливо ретироваться.

Не отводя глаз, без всякого выражения на аристократичном лице Эдреми Айронсул поднялся со своего стула. Шагнул вперёд. Сочувственно улыбнулся.

Провал, обречённо поняла Таша.

Советник сделал ещё шаг...

И склонился в поклоне.

— Его Величество ждёт, — изрёк он, — Морли-малэн.

Как выяснилось, спуститься на допрос и выйти сухим из воды — это полдела. Надо было ещё вернуться наверх, не пав смертью храбрых на бесконечной лестнице.

Таша уже оставила позади не один десяток ступенек, но всё ещё осмысливала то, что услышала после пробуждения. Как выяснилось, за время её сна маги успели не только просмотреть её память, но ещё и исследовать перстень Морли, украшавший её палец, и допросить на правдометре Орека, к которому после раскрывшейся тайны Кэйрмиль сразу возникли некоторые интересные вопросы. В частности, действительно ли он непричастен к её деяниям — и не имеет ли отношения к смерти жены и брата.

К счастью, правдометр убедительно подтвердил, что нет.

— Любопытно, однако, что вы сразу не обратились к страже, Норман-энтаро, — будто услышав Ташины мысли, отстранённо бросил через плечо Советник.

— Если б не Таша-лэн, я предпочёл бы вообще не предавать это огласке, — сдержанно ответил герцог из-за Ташиной спины. — Об этом не говорили даже слугам, для них мы с Кэйрмиль просто разошлись. Когда о подобном инциденте знает кто-то, кроме тебя, утечка информации может произойти в любой момент. Я не хотел и не хочу, чтобы имена моих родных полоскали в каком-нибудь новостном листке, а меня заклеямили как супруга их убийцы.

— И даже не хотели справедливого возмездия для этой самой убийцы? Так прониклись словами этого дэя о прощении врагов своих?

Орек помолчал.

Так, будто и сам не знал ответа на этот вопрос.

— Да, — поколебавшись, наконец откликнулся он.

— Надеюсь, Морли-малэн, когда-нибудь мне доведётся услышать проповедь вашего отца. Судя по всему, он просто демонски убедителен, — в голосе Советника прорезалась насмешка. — Что ж, думаю, в особом отделе стражи с вашей жёнушкой разберутся быстро. Боюсь, вам предстоит нанести туда визит в самое ближайшее время... но не беспокойтесь, Ваша Светлость. Тамошние сотрудники не любят, когда новостники лезут в их дела. Ваша тайна останется тайной.

— Айронсул-энтаро, — неуверенно произнесла Таша: наконец осознавшая одну простую вещь.

— Да, Морли-малэн?

— Вы сказали, что перстень зачарован... и надеть его может лишь тот, кто имеет на это право. Либо Морли, либо вошедший в семью. Но тогда выходит, что досмотр моей памяти не был нужен?..

— Допрос — формальность, которой, увы, нельзя избежать. К тому же мы должны были узнать, кому доверяем наследие одного из древнейших родов королевства. — Повернув голову, Советник бросил на Ташу несколько ироничный взгляд. — Да, как и сказал герцог, мнимая помолвка останется между нами. Его Величество, конечно, захочет лично просмотреть протокол, но его это разве что повеселит... а любопытная у вас семья, Морли-малэн. Я даже никогда не слышал о таких, как ваш брат. И о телепатах такой силы, как ваш отец.

— Даже я за минувший час узнал о них много нового, — усмехнулся Орек.

— А скажите на милость, — уклоняясь от темы, спросила Таша, — зачем нужна была игра в хорошего и плохого стражника, если я не должна была ни в чём сознаваться?

— Игра? — в голосе Советника просквозило удивление. — Никакой игры, Морли-малэн.

— Но я...

— Чен и Тьен — первоклассные специалисты и отличные напарники, однако, к сожалению, полярно различные по характеру. Ирония судьбы, но им и играть не надо. Кстати, учитывая особенности здешней акустики и то, что обсуждаемые поднимаются следом за нами, советую в следующий раз говорить подобное несколько тише.

В подтверждение его слов откуда-то снизу донёлся двойной смешок.

— Идут за нами? Значит, на сегодня они свободны?

— Во всяком случае, не обязаны сидеть в подземелье. А вам-то что?

— Ну... я за них рада.

Советник мельком обернулся, и Таша — к своему огромному удивлению — заметила на его лице улыбку.

— Ясно. — Мужчина помолчал. Отвернулся, и в голос его, на миг потеплевший, вновь вернулась корректная нулевая температура. — К слову, теперь вам не нужно объяснять Его Величеству всю сложность ситуации, в которую вы попали. Он прочтёт протокол и, уверен, примет меры по вашей защите. Для него это будет делом чести. Какая жестокость, какая бесчеловечность...

— Святой отец говорил мне, что тебя преследует некромант. Тогда, когда ты убежала с бала, — тихо произнёс Орек. — Но я и подумать не мог, что всё настолько серьёзно.

Она лишь невесело улыбнулась.

Лестница вскоре кончилась, однако выяснилось, что радоваться рано: им предстоял подъём на вершину Королевской башни, что являлась одной из самых высоких во дворце. Учитывая, что дворец строили давно, а лифты вошли в обиход недавно, подниматься снова пришлось на своих двоих.

— Надеюсь, бальный зал... расположен... несколько ниже? — выдохнула Таша где-то на полпути.

— Да, он внизу, — невозмутимо ответил Советник, который даже не подумал запыхаться. — Гостям предстоит всего-навсего подняться по парадной лестнице.

— Может, всё-таки примешь мою руку? — уже не в первый раз предложил Орек.

И теперь Таша не стала отказываться.

Впрочем, всё имеет свойство заканчиваться — чему Таша на сей раз искренне порадовалась, — и в конце концов Советник распахнул двери приёмной, предшествующей королевским покоям: небольшой зальчик в кремовых тонах, с рядом мягких скамеечек вдоль стен, которые золотили шёлковые обои, и огромными двустворчатыми дверьми в центре. У дверей дежурили четверо мужчин и девушка в мужской одежде. Все были молоды, облачены возмутительно просто — сапоги, штаны, рубашки да плащи поверх, — и на первый взгляд казались лишними элементами в раззолоченной обстановке... однако на их рубашках красовались знакомые нашивки. Чёрный дракон в окружении белых цветов.

Герб Его Величества.

Значит, вот какие они, королевские рыцари-кеары...

— Айронсул-энтаро. — Девушка первой склонила голову; мужчины последовали её примеру. На вид она была чуть старше Таши, с миловидным личиком и тёмными кудряшками, забранными в низкий хвост заколкой-бантом. Вместо ножен с мечом на поясе у неё висел странный длинный чехол чёрного бархата. — Позвольте?

— Что за вопрос, Риа, — улыбнулся Советник, приблизившись.

Кеары встретили его во всеоружии. Девушка взяла со столика рядом с дверью правдометр, один из её товарищей — крупный, с ладонь, золотой кубик с круглой застеклённой шкалой: чудометр.

Неужели они и Советника будут допрашивать?..

Подтверждая Ташину догадку, девушка взялась за одну из деревянных рукоятей правдометра, а Советник — без тени эмоций — за другую.

— Вы — Эдреми Айронсул, Первый Советник Его Величества? — спросила девушка-кеар.

— Да.

Стрелка циферблата с утвердительным звяком качнулась к делению «правда».

— Вы безоружны?

— Да.

«Правда», — подтвердил прибор.

— Есть ли у вас недобрые намерения и злые помыслы по отношению к Его Величеству?

— Нет.

Третий «звук» — и Советник, разжав руку, отступил на шаг.

— Изменений магического поля не было, — доложил кеар, сжимавший в ладонях чудометр. — Чисто. Следующий!

С Ореком всё прошло не менее гладко. Небольшая заминка возникла с подарком, который вновь решили проверить.

— Магическая активность, — нахмурился один из рыцарей, проведя над закрытой коробкой расправленной ладонью. — Что там?

— Кубок, — спокойно ответил Орек. — Из рога единорога.

— Лично видел, — подтвердил Советник. — А рог единорога сам по себе обладает магическими свойствами.

— Знаю... и всё-таки придётся распаковать, — решил верный страж Его Величества.

Несчастный кубок повертели в руках, проверили ещё раза три со всех сторон и, наконец удовлетворившись результатом, вернули в шкатулку.

— Простите за беспокойство, Ваша Светлость, — извинилась девушка, пока один из её коллег возвращал упаковке первозданный вид. — Сами понимаете, должность обязывает.

— Что вы, какое беспокойство, — улыбнулся Орек. — Прекрасно всё понимаю.

Девушка на миг улыбнулась в ответ.

— К слову, отличный подарок. — Посмотрела на Ташу: уже без улыбки. — Морли-малэн?

Та послушно протянула руку.

С Ташей осложнений тоже не возникло. Лишь небольшая заминка после первого вопроса: когда она в ответ на «Ваше имя?», не ответив, смущённо взглянула на Советника.

— Что, Морли-малэн? — участливо поинтересовался тот.

— Понимаете ли... моего настоящего отца я не знаю, а приёмных у меня было два... и один уже умер, а второй в действительности моим отцом не является. И чьё второе имя мне брать, чтобы вышло правдиво?

— Того, кого вы сами считаете отцом.

Таша, кивнув, изрекла «Тариша Арондель Морли», правдометр удовлетворённо звякнул, — а с остальными двумя вопросами проблем не было.

Убрав чудо-приборы, кеары расступились. Советник коротко стукнул в дверь.

Услышав в ответ приглушённое «да-да, войдите», взялся за резную медную ручку.

— Подождите здесь, Морли-малэн. Боюсь, деловые разговоры вам будут неинтересны... когда Его Величество наконец сможет уделить вам всё своё внимание, вас позовут.

Таша кивнула, и Советник в сопровождении герцога прошествовал в королевский кабинет.

На миг она различила кресло у окна, фигуру в чёрном, красивое лицо, сотни раз виденное ею на портретах... а затем двери закрылись, оставив Ташу стоять в приёмной.

И пытаться свыкнуться с мыслями обо всём, что происходит и произошло.

Она — законная наследница рода Морли. Наследница множества имений и огромного состояния. Вскоре её примет король, оградив от неведомого кукловода своей защитой. Завтра она будет представлена всей знати Равнинной, через несколько дней — знати всего Королевства.

Таша стояла перед дверьми в королевские покои — но не могла в это поверить.

Да. Всё шло хорошо.

Слишком хорошо, чтобы это могло быть правдой.

— А мы с вами раньше не встречались? — вдруг спросил один из кеаров.

Таша честно пригляделась; и русоволосого, длинного, взъерошенного молодого человека, чем-то походящего на Джеми, она явно видела впервые.

— Боюсь, нет, — покачала головой она.

— Я не сразу узнал, но... когда-то я столкнулся с девушкой, поразительно на вас похожей. — Рыцарь пристально смотрел на неё. — И звали её Ташей.

Таша поправила причёску: сложную конструкцию, перевитую десятками фиалковых лент.

Надо сказать, в поправке она не нуждалась, но надо же было как-то скрыть озадаченность.

— Вот как, — наконец изрекла Таша. — Как ваше имя?..

— Дариан Орглид.

— Нет, простите, совсем не припоминаю нашей встречи.

— Готовы подтвердить на правдометре?

Даже кеары оглянулись на своего товарища с недоумением.

Таша изумлённо моргнула:

— Зачем?

— Та девушка... я видел её в компании не совсем положительных личностей. — Рыцарь, вновь взяв со столика правдометр, решительно протянул ей деревянную ручку. — Хочу быть уверенным, что обознался.

Таша, пожав плечами, снова взялась за прибор.

— Тариша Морли, вы действительно не видели меня до сегодняшнего дня?

— Нет, не видела.

Звяк.

— И никогда раньше не встречались с королевскими рыцарями?

— Нет. Или не знала, что это были королевские рыцари.

Ещё один.

— И никогда не имели дел с заговорщиками, входившими в тайное общество «Тёмный венец»?

От изумления Таша едва не разжала пальцы.

— «Тёмный»... что?! — она уставилась на рыцаря во все глаза. — Вы в своём уме?

— Дари, — мягко изрекла девушка-кеар, — её память только что просмотрели от и до. Ты серьёзно полагаешь...

— Отвечайте!

— Нет, конечно! — правдометр подтвердил её слова, и Таша наконец смогла отступить назад, гордо вскинув подбородок. — Довольны?

— Простите, Ваше Сиятельство. Значит, и правда обознался, — смиренно ответил кеар, опуская прибор. — Работа такая, сами понимаете.

— Ваше рвение заслуживает уважения, — высокомерно бросила Таша, отворачиваясь.

И отчаянно желала действительно быть такой спокойной, какой пыталась казаться.

Неясная тревога сжималась комом в груди, тошнотой подступала к горлу, бегала мурашками по спине. Что-то случится, шептали тоненькие голоса на грани сознания, что-то страшное, что-то...

Наверное, поэтому Таша даже не слишком испугалась, когда из-за дверей послышался полный ужаса крик «Сюда, скорее сюда!..»

Крик ещё не стих, а кеары уже врывались в комнату. Таша, недолго думая, побежала следом — и замерла: посреди кабинета на полу лежал Шейлиреар. Лицо короля светилось мертвенной бледностью, кровь из уголка рта расплывала багряное пятно на светлом ковре, а рядом с бессильно разжатой ладонью Его Величества лежал подаренный кубок.

Растерянный Орек навис над королём. Советник стоял подле него же на коленях.

Когда последний обернулся к кеарам, Таша даже попятилась: такая ненависть горела в его глазах.

— Взять его, — прошипел Советник.

— Стойте, я не...

Взмах руки одного из рыцарей — и Орек, не договорив, плашмя повалился на ковёр.

— Риа, первую магическую помощь королю, — отрывисто велел Советник, поднимаясь с колен. Девушка-кеар быстрым движением извлекла из бархатного чехла покоившийся там предмет, и Таша с удивлением увидела, что это флейта тёмного дерева. — Дари, Шерна сюда. Немедленно. — Рыцарь мигом вытащил из кармана штанов серебряное зеркальце. — Этого — на допрос. — Двое кеаров, подхватив бесчувственного Орека под локотки, поволокли герцога прочь из кабинета. — За остальными членами семьи в гостиницу

послать, и Морли-малэн туда...

— Нет, пожалуйста! — Таша сама не поняла, откуда взяла силы закричать и сложить ладони в молитвенном жесте. — Орек не мог так поступить! Я хочу знать... как? Почему? Пожалуйста!

Стоя подле короля, девушка-кеар поднесла флейту к губам, прикрыла глаза — и комнату наполнили тихие звуки. Рождаемые флейтой ноты казались осязаемыми: будто вот сейчас протянешь руку и поймаешь их, невидимых бабочек, порхающих по комнате, складывающих мелодию, походящую на тихий плач.

— Ладно, — поколебавшись, сдержанно откликнулся Советник. — Вы ведь свидетельница, так что... да, останьтесь. Только из комнаты попрошу удалиться.

— В королевские покои, быстро, — бросил Дариан, глядя в зеркальце. Кивнув полученному ответу, сунул безделушку обратно в карман. Недобро покосился на Ташу. — Айронсул-энтаро, а допросить Морли-малэн...

— Досмотр её памяти закончили полчаса назад. Никаких сомнительных мест, никаких следов магического вмешательства не обнаружено. — Советник холодно взглянул на Ташу. — Морли-малэн, прошу вас уйти.

Таша, сжав кулаки, покорно вышла в приёмную.

Целитель появился у дверей королевского кабинета буквально минутой позже. Он был в бежевой мантии, юный на вид, но с выбеленными сединой висками; глаза его, слишком серьёзные для юноши чуть за двадцать, лишь мельком обратились на Ташу, сжавшуюся на скамье в дальнем углу.

Маг. Мантия светлая, выпускник Адамантской школы... Волшебник, не колдун.

Целитель вошёл в кабинет, и пение флейты стихло. Двери захлопнулись, но Таша подкралась ближе и приникла глазом к массивной замочной скважине: видно было как раз то, что нужно.

— Проклятие Гедеона. — Коротко сообщила девушка-кеар, отходя поодаль, уступая целителю место подле Его Величества. Советник следил за ней, сгорбившись в кресле поодаль. — Я вытащила это из его крови в физический эфир и растворила, что могла. Остальное выше моих сил.

— Ясно. — Волшебник, опустившись на колени, засучил рукава. — Будьте добры, прижмите его к полу.

Шейлиреар уже не лежал сломанной куклой — метался, хрипло дыша сквозь стиснутые зубы. Чёрные волосы колечками пристали к мокрому лбу, на скулах рдели пятна лихорадочного румянца. Двое кеаров за руки и за ноги прижали монарха к ковру; тогда, бесцеремонно рванув королевский камзол, брызнувший пуговицами во все стороны, и

рубашку под ним, волшебник обнажил ему грудь. Нашептывая что-то, провёл ладонями над гладкой бледной кожей, не касаясь, точно снимая невидимую паутину. Потом назад. И снова, и снова: неторопливо, расчётливо. Лицо его было бесстрастным, чуть нахмуренным в сосредоточенности. После двух-трёх пассивов волшебник комкал в пальцах нечто незримое и отбрасывал в сторону, — чтобы спустя пару секунд невидимое нечто истаяло вполне видимой сизой дымкой, приправив воздух кладбищенским зловонием.

Таша не знала, сколько раз целитель провёл руками над телом короля, сколько невидимой скверны было отброшено в сторону. Счёт потерялся, размылся в убаюкивающих движениях.

Но спустя какое-то время волшебник стряхнул руки — и, убедившись, что Шейлирреар дышит ровно, удовлетворённо выпрямился.

— Порядок. Можете отпускать. — Целитель, встав, извлёк из ниоткуда неприглядную жестяную банку. — Перенесите в спальню.

Таша не смогла бы сказать, что волшебник морщится, да и движения его были спокойны... но некое напряжение в лице определённо присутствовало.

Это самое напряжение и заставило Ташу внимательнее присмотреться к его пальцам.

Которые представляли собой сплошные волдыри.

— Он выживет? — без всякого выражения спросил Советник, когда Шейлирреара унесли из Ташиного поля зрения.

— Куда денется? — В баночке оказалась мазь, которую целитель теперь наносил на свои многострадальные пальцы. — Уже выжил.

— Шерн, мне кажется, или ты чем-то озадачен?

— Риа одной флейтой способна излечить не слишком запущенные случаи. А она только и смогла, что вытащить эту дрянь в физический эфир. — Волшебник развёл руками, и банка исчезла. — И сколько тьмы я выкачал из эфира... — Он посмотрел на свои пальцы. — Силы проклятия легко отправили бы на тот свет человек десять.

— И о чём ты думаешь?

— Что наше величество даже сильнее, чем мы думали. И мне страшно представить, как силён тот, кто заколдовал эту милую вещичку. — Целитель поддел кубок мыском ботинка. — Проклятие ведь не засветилось?

— Оно не могло засветиться, — покачала головой девушка-кеар. — Дремлющее проклятие Гедеона проявляет себя лишь слегка повышенной магической активностью...

— Которую скрыли рогом единорога. — Советник яростно хлопнул ладонью по ручке

кресла. — Провели, как детей.

— Вы не могли знать, — рассудительно заметил целитель. — Проклятие Гедеона уже сотни лет никто не мог сотворить. Просто не рождались такие маги.

— Родился вот кто-то... Почему оно не подействовало на проверявших?

— Проклятие настраивается на конкретный объект, — развёл руками волшебник. — Портрет на кубке — элемент настройки. А в кость, уверен, вделано что-то, принадлежащее Шейлиреару: волос, ноготь... обрывок одежды, может быть. Что-то из личных вещей, хранивших след физического эфира.

— Мы ничего не могли сделать, — сказала девушка-кеар, тихо и горько. — Будь Его Величество не так силён... кстати, ничего, что Морли-малэн нас подслушивает?

Таша торопливо отскочила от двери — но, как ни странно, ответ Советника расслышала столь же отчётливо, будто всё ещё стояла рядом.

— Как будто это что-то изменит, — раздражённо произнёс мужчина. — Присмотрите за ней. Пусть пока побудет здесь. На допрос я её не пушу, будет ещё нервировать всех...

Вновь забившись на диванчик, Таша угрюмо смотрела, как Советник выходит из кабинета и шествует мимо.

Туда, где сейчас будут допрашивать Орека...

— Вы как тут? — участливо поинтересовалась девушка-кеар, выглянув из-за двери.

— Нормально, — кротко ответила Таша.

Девушка окинула её взглядом. Очень цепким, чуть усталым.

Шагнула обратно в кабинет.

— Шерн, — услышала Таша её голос, — немного парки не помешало бы. Не удружишь?

В приёмную она вернулась с кружкой, источавшей душистый дымок, веявший ароматом молока, мёда и цветов.

— Пейте, — велела девушка. — Одолжили с княжеской кухни. Это парки, его делают цверги.

— Я знаю. — Таша послушно взяла глиняную кружку. От взгляда тёмных глаз чудесной флейтистки ей почему-то делалось не по себе. И то, как она говорила... бережная мягкость взрослого, имеющего дело с испуганным ребёнком.

Впрочем, Таша и правда была напугана. Ведь она прекрасно помнила, что грозило тому,

кто осмелится покуситься на жизнь короля. Взятие имущества — и казнь.

Как его самого, так и его ближайших родственников.

Этот закон был принят давным-давно, вынуждая королевских убийц хорошенько подумать, прежде чем решаться на своё чёрное дело. Даже если ты не слишком-то дорожил собственной жизнью — мысль о том, что следом за тобой головы сложит твоя семья, могла остановить многих.

Если Орека признают виновным, Леогран и Лавиэлль обречены разделить его участь.

— Пейте... Ваше Сиятельство. Лучше станет. — Титул, высказанный из уст флейтистки, походил на насмешку. — Не уходите никуда, хорошо? Я могла бы посидеть с вами, но моё место сейчас подле Его Величества.

— Вы так его любите? — спросила Таша: неожиданно даже для себя.

Девушка улыбнулась тонкой, ускользающей улыбкой.

— Любой из кеаров в любой момент может отдать за него жизнь. Отдавать жизнь за того, кого любишь, куда приятнее, чем за того, кто тебе безразличен.

У Таши вдруг возникло неловкое ощущение прикосновения к чему-то очень личному.

— Орек не делал этого, — зачем-то повторила она.

— Возможно, — легко согласилась флейтистка.

— Не делал! — Таша с такой силой стиснула кружку в руках, что глина почти затрещала. — Его подставили!

— Наши маги во всём разберутся. — Положив руку на чехол с флейтой, девушка поклонилась. — Разрешите?..

Когда Советник вновь возник на пороге приёмной, Таша всё ещё сжимала в ладонях стынущую кружку.

— Что не пьёте?

— Аппетита нет.

— Немудрено. — Советник жестом пригласил её пройти в кабинет. Подведя к письменному столу, учтиво отодвинул одно из кресел, ждавших рядом. — Присаживайтесь. Кажется, вы хотели знать подробности?

Таша мельком взглянула вперёд, туда, где рядом с дверьми в спальню висел над камином портрет Его Величества. Подумала, что рисованный король — молодой,

привлекательный, с умными светлыми глазами, — разительно отличается от того короля, которого пока имела счастье лицезреть Таша; и эта мысль почти заставила её истерически хихикнуть.

Да уж, не так она представляла себе встречу с Шейлиреаром Первым...

— Да.

— Всё будет официально объявлено в девять часов на приёме в Парадной зале, но, учитывая вашу причастность... — присев напротив, Советник положил подбородок на скрещённые ладони. — В общем, дела вашего жениха плохи. Вам крупно повезло, что в ваши планы не входило становиться Норман-лиэн.

— Что вы узнали? — вмиг пересохшими губами спросила Таша.

— Кто-то поработал над памятью герцога. Вскрыть затенённые участки его сознания мы, к сожалению, не смогли, но вывод напрашивается следующий: Орек подготовил покушение, а затем попросил мага, наложившего проклятие, стереть ему память о подготовке. Поскольку этот маг очень силен, ему это удалось. Таким образом герцог преодолел правдометры, и...

— Бред, — бесцеремонно отрезала Таша. — Лишь последний дурак поручит кому-то проклясть чашу, а затем пойдёт и собственноручно вручит её королю. Скажите на милость, о чём должен думать убийца, составляя подобный план?

— Не знаю. Никогда не убивал, — холодно заметил Советник. — Герцог мог понадеяться на то, что мы не обнаружим блоки в его памяти. А, может, гибель семьи подкосила его разум. Хотя таким образом вновь возникают интересные вопросы о его причастности к этой самой гибели, поскольку...

— Если вы не можете вскрыть эти участки, как вы можете знать, что там находится? Орек жил с эйрдалем, она очаровывала его, это могут быть следы её вмешательства. Или кто-то мог всучить ему чашу и стереть память об этом. — Таша яростно сжала кулаки, комкая в них тонкий атлас юбки. — Его подставили, я клянусь вам, я знаю!

— Да, мы не можем получить прямых подтверждений того, что Орек сам организовал покушение. Однако доказательств обратного у нас тоже нет. Факт остаётся фактом: своим подношением герцог едва не убил короля, и вряд ли что-то может спасти его от топора палача.

— А как же поиски настоящего убийцы? Неужели вы не собираетесь искать мага, который проклял чашу?

— Морли-малэн, Шейлиреар для меня — не просто мой король. Он мой друг. И я побольше вашего заинтересован в том, чтобы покарать всех преступников. Конечно же, мы будем его искать, но тайно, и...

— То есть казнь герцога вы успокоите народ, а сами будете ждать, пока злодей расслабится и потеряет бдительность? Сделаете козла отпущения из невинного человека? — Таша гневно подалась вперёд. — Вы говорили, что для Его Величества будет делом чести спасти меня. Всё, что я слышала о нём, подтверждает: наш король справедлив. А вы берёте и предаёте его идеалы ради...

— Орек Норман виновен, — отчеканил Советник. — Вы молоды и наивны, Морли-малэн. Вы не знаете, как люди умеют притворяться. Не знаете, что может таиться в душе у человека, с которым вы знакомы много лет.

И в его глазах Таша прочитала, как всё будет. Следствие — формальность, которой нельзя избежать. Суд — с единственным возможным решением. И казнь — успокоение общественности.

Злой герцог Броселианский обезглавлен. Преступники мертвы, ура. Королевство может спать спокойно.

— В чью пользу будет взыскано имущество Норманов? — помолчав, спокойно спросила Таша: цепляясь за смутную, внезапно вспыхнувшую догадку.

— Изначально — в государственную. Через год землевладения передаются ближайшим родственникам, оставшимся в живых.

— И кто это в данном случае?

— О, это мы ещё решим. Времени много.

— Значит, в случае казни Норманов их имущество может достаться бывшей жене Орека?

Советник насмешливо вскинул бровь:

— А, хотите сказать, что его подставила та самая эйрдадь? — Ташу покорёжило от его смешка. — Что ж, бывшая жена была бы первым претендентом, если б не являлась убийцей в бегах.

— Это может быть и просто месть.

— Организовать покушение на короля — больно масштабная месть, не считаете?

— Мой отец говорил, что Кэйрмиль входит в какое-то тайное общество. Она может быть связана с заговорщиками. С «Тёмным венцом».

Советник сузил глаза.

— Откуда вы знаете?

— Спросите у ваших кеаров. Пусть в следующий раз не кидаются на невинных людей, — отрезала Таша. — Кэйрмилль хотела убить всех Норманов. Ей не дали этого сделать и обрекли жить с клеймом на лбу. Теперь же все, кого она так хотела убить, умрут. Разве это не наводит на мысли? — Она смотрела на собеседника, не отводя глаз. — Вы обязаны её разыскать.

— Эйрдаль, даже самый сильный, не мог наложить на кубок такое проклятие.

— Это доказывает, у неё были соучастники, и очень могущественные. Поверьте мне, Орека подставила именно она.

— Хорошо, Морли-малэн, мы попробуем разыскать эту вашу...

— Я не ребёнок, не надо меня успокаивать. Я хочу, чтобы вы отыскали Кэйрмилль и привели на суд, тогда и...

— Мы постараемся её отыскать. Но суд начнётся уже завтра, и, уверяю вас, он будет коротким, — чеканя каждое слово, произнёс Советник. — Доказательства вины Орека Нормана налицо. Герцог, конечно, наймёт правозащитника, но дело уже проиграно.

— Хотите сказать, у него нет шансов?

Советник не ответил.

— Даже когда очнётся Его Величество, который наверняка будет более справедлив, чем вы?

— Его Величество, спасибо герцогу, пролежит без сознания не меньше семи дней. И когда он очнётся, я уверен, он одобрит наши действия.

Глаза Советника казались Таше стеклянными.

Ей хотелось кричать, срывая голос, хотелось крушить всё вокруг, пачкать ковёр и стены раздражающе уютной комнаты чернилами со стола, срывать бархатные портьеры и бить фарфоровые безделушки с каминной полки. Ощущение вопиющей, сказочной несправедливости происходящего и собственное бессилье душило комом, подступающим к горлу, полыхало огнём в крови...

...бессилье?

Таша прикрыла глаза, вспоминая ровные строчки из учебников и конспектов. Глубоко вдохнула. Выдохнула.

Вновь посмотрела в лицо Советника, ждавшего её ответа.

— Кажется, — очень, очень спокойно сказала она, — у герцога есть право на

отсроченный суд.

Мужчина устало откинулся на спинку кресла:

— Надо же. Вы и об этом знаете. — Он явно был удивлён. — В последний раз это было так давно...

— Поправьте меня, если ошибаюсь. Условия отсроченного суда: отсутствие официального следствия, запрет на правозащитника, тюремное заключение подсудимого в течение десяти дней. Один доброволец, называемый Ищущим, который в это время ведёт расследование. — Таша чеканила слова ровно и размеренно, цитируя наизусть. — Через десять дней он должен предоставить неопровержимые доказательства невиновности подсудимого, в противном случае подсудимый признаётся виновным по всем пунктам обвинения.

— Отличница в школе, надо полагать? — усмехнулся Советник. — Прекрасно. И кто же, как вы думаете, вызовется Ищущим? Племянники Его Светлости тоже окажутся в заточении, а кроме них...

— Я.

Эдреми Айронсул, откашлявшись, подал знак Дариану. Рыцарь послушно щёлкнул пальцами.

— Дамы и господа, — произнёс Советник, стоявший подле пустого трона: усиленный заклятием голос без труда разнёсся по залу. — Я собрал вас здесь, чтобы сообщить печальную весть. На Его Величество было совершено покушение.

Хор встревоженных вскриков волной пронёсся по залу. Схлынул, оставив звуковую пену отдельных восклицаний и глухих перешёптываний.

— Обманув не только стражей дворца, но и верных рыцарей Его Величества, преступник пронёс во дворец орудие преступления с наложенным на него проклятием и поднёс его королю в качестве подарка. Его Величество решил сразу развернуть подношение... и поплатился за это. Однако своевременная помощь Рианнон Гиффес-лэн и целителя Шерниана Дарлори, — Советник махнул рукой: в сторону чудесной флейтистки и волшебника, молча стоявших у подножия трона, — смогла его спасти.

Вторая волна — облегчённых голосов, перекатившаяся в аплодисменты: точно шум прибора сменился отзвуком ливня.

— Ещё несколько дней наш король будет крепко спать, но в общем и целом его здоровью ничто не угрожает. Пожалуй, на этом хорошие вести заканчиваются, и снова приходит черёд плохих. — Советник принял скорбный вид. — Преступник — не кто иной, как Орек Норман, герцог Броселианский.

Третья — недоумённая, с оттенком возмущения, сквозившим в ней холодным потоком.

— Да, враг затаился под маской человека, которого мы никогда не заподозрили бы в двуличии. Причины, подвигнувшие герцога на покушение, нам неизвестны, но это не может умалить ужаса его деяния. — Уместная пауза. Глубокий вздох, исполненный страдания. — Сейчас преступник заключён под стражу. Вместе с ним, согласно древнему закону, арестованы его юные племянники. Все трое сидят в дворцовой темнице. Однако нашёлся человек, который потребовал для герцога отсроченного суда.

Четвёртая — «кто же?..»

— Тариша Морли-малэн, — Советник театрально взмахнул рукой, — прошу вас.

Гробовая тишина.

Таша медленно поднялась к трону по широким ступеням. Повернулась. Оглядела огромный зал, скользнула глазами по хрустальной люстре, ряду колонн вдоль стен, мудрёной лепнине на стенах — и лишь затем решилась оглядеть толпу, пёстрым морем волновавшуюся у её ног.

Князь. Герцоги с семьями. Новостники, кеары и стражи. В их глазах она читала удивление, непонимание, подозрение...

Что угодно, кроме поддержки.

— Тариша — чудом уцелевшая наследница рода Морли, которая недавно наконец осмелилась выйти из тени. Его Величество решил восстановить её в своих правах, вернув Морли-малэн её земли и титул. Она уверена, что Орек Норман служил марионеткой в руках истинных преступников, и у неё есть десять дней, чтобы найти злодеев. Согласно правилам, она должна вести расследование без помощи стражи и вышестоящих лиц... однако мы решили поддержать нашу юную Ищущую, на эти десять дней вверив в её руки орудие преступления. Морли-малэн?

Таша высоко подняла костяной кубок.

Сотня взглядов поднялась вслед за её рукой.

— Перед вами — невинная безделушка, которая едва не унесла жизнь нашего короля. Наши маги не обнаружили на ней следов других физических эфиров, кроме эфира герцога, Его Величества и мастеров-изготовителей. Маг, наложивший проклятие на чашу, позаботился том, чтобы его личность осталась в тайне, и кто знает... быть может, Орек и вправду невинная жертва?.. Что ж, отныне его судьба в руках Морли-малэн. Склоняюсь перед вашей храбростью, Ищущая. Удачи.

Колючий взгляд Советника вымораживал кожу мурашками, но Таша не опустила глаз.

Она не уступит.

Она не проиграет.

— А теперь, дамы и господа, предлагаю поблагодарить Дарлори-энтаро и Гиффес-лэн, — мановение руки; подчиняясь ему, целитель и девушка-кеар послушно поклонились, — благодаря которым на нашем собрании были сообщены не совсем уж скорбные вести.

Под сводами зала вновь раскатились аплодисменты.

— Возблагодарим кеаров, верных слуг Его Величества, обезвредивших преступника.

Хлопки из неясной волны обратились редкой ритмичной дробью.

— И пожелаем здоровья нашему королю, дабы он скорее возвратился к нам.

— Да здравствует король! — хором воскликнули светлейшие особы.

Таша стояла, вскинув голову: прямая и тонкая, как натянутая струна.

Я докажу, что права, слышишь? Слышите, все вы?

Она не проиграет. Ни за что.

И пусть противник многократно сильнее.

Не привыкать.

* * *

— ...ты? — бледный, измученный Орек расширил глаза. — Но...

— Предложите что-нибудь получше. — Таша устало убрала за ухо особо непокорную светлую прядь: волосы потихоньку освобождались от лент. Порой ей казалось, что её волосы обладают собственным характером и ненавидят любой плен; именно поэтому ни заколки, ни ленты, ни замысловатые жидкости для укладки их долго не удерживали. — Поймите, дело даже не в том, увенчается моё расследование успехом или нет. Просто через семь дней очнётся Его Величество, который, я уверена, рассудит вас по справедливости. Но пока он спит, вместо него судить вас будет Советник, а он отправит вас на плаху. Ни один правозащитник вас не спасёт.

— Но если мы согласимся на отсроченный суд, а ты не найдёшь...

— Я уверена, что королю не будет дела до формальностей. Он не станет казнить невинных. Он захочет найти того, кто хотел его убрать, захочет отомстить тому, кто действительно виновен, и поймёт, что это не вы. Быть может, он даже сумеет вскрыть затенённые участки вашей памяти... он очень могущественный маг, думаю, ему это под силу. А если не сможет он, сможет Арон. Это и будет моим доказательством.

Светлейшее семейство сидело — ни много, ни мало — за решёткой в подземельях. Из обстановки в камере присутствовали только три койки, еду подавали в мисках, которые надлежало держать в руках. По нужде преступников выводили из камеры в сопровождении троих стражников. Эти же самые стражники круглосуточно посменно дежурили у камеры; правда, сейчас из приличия отошли поодаль.

Мечь Советника была жестока. Таша не представляла, как можно десять дней жить в таких условиях.

Тем более изнеженным аристократам.

— Светловолосая особа шестнадцати лет отроду, — фыркнула Лавиэлль. — Ищущего хуже сыскать трудно.

Первоначально бившаяся в истерике и вопившая до звона в ушах, сейчас герцогиня казалась удивительно спокойной.

Правда, от этого слова её кольнули Ташу ещё сильнее.

— Уж простите, Ваша Светлость, за наглость быть избранной Советником из тысячи желающих вам помочь...

— Тихо, тихо. — Кое-как просунув ладонь между прутьями, Орек успокаивающе коснулся Ташиной руки. — Ээль не хотела тебя обидеть. Правда, Ээль?

Та понуро кивнула.

— Знали бы вы, чего мне это стоило, — раздражённо сказала Таша. — Советник так взбесился... только что слюной на меня не брызгал. Орал, что у меня нет прав, но я помню, что Ищущим может вызваться каждый, нужно только одобрение подсудимого. А там на крик кеары сбежались... я при свидетелях и заявила, что буду Ищущей, если вы согласитесь. Он когда понял, что проиграл, тон прежний вернул, зато взгляд...

— Прости, Таша. — Орек криво улыбнулся. — Прости, что обрекаем тебя на это. Как же ты... ты ведь с этим некромантом ещё не разобралась...

— А, может, заодно и разберусь? Знаете, мне почему-то кажется, что он тоже к этому причастен. Может, это вообще очередная часть его игры. Он хотел, чтобы это случилось, чтобы я вызвалась Ищущей... от него чего угодно можно ожидать. — Таша помолчала. — И тогда всё это из-за меня.

— Было бы прекрасно, — буркнула Лавиэлль. — Хоть буду знать, кто виновен в моей смерти.

— Но в таком случае, расследуя наше дело, ты отправишься прямиком в ловушку.

— Ну и ладно. Мне надоело жить в ожидании, что когда-нибудь за мной придут. Лучше открытый бой и быстрая смерть, чем самая долгая жизнь в постоянном страхе. — Таша тряхнула кудряшками, и сиреневые ленты соскользнули с них на каменный пол. — Что вас за собой утяну, я не боюсь. Арон вам поможет в любом случае... и стоит Шейлиреару очнуться, всё сразу изменится. Я знаю. Не в его правилах делать из людей средства успокоения общественности.

Орек крепко сжал её пальцы в своих.

— Таша, не ищи Кэйрмиль, умоляю. Просто жди отца здесь, в Арпагене. Ты всё равно ничего не сможешь сделать, а...

— Простите, но нет. Я ведь для чего-то выпросила у Советника чашу, верно? — Таша заставила себя рассмеяться. — Хотя бы ради приличия съезжу к мастеру, который её делал. Уверена, он сообщит мне что-то интересное.

— Если он до сих пор жив, — резонно заметила Лавиэлль.

— Броселиан, Ремесленная Улица, дом семь-дробь-два, — вздохнул Орек. — Но...

— Без десяти девять, Ваше Сиятельство, — крикнул издалека один из стражников.

Орек осёкся. С печальной улыбкой выпустил её пальцы.

— Тебе пора. — Герцог отступил от решётки, осеняя несостоявшуюся невестку шестиконечным крестным знаменем. — Храни тебя Пресветлая, Тариша Арондель Морли.

Таша кивнула.

И не двинулась с места.

Она смотрела на Орека, на его племянников, сидевших на жёстких койках, и изо всех сил гнала прочь плохие мысли — но мысли порой бывают такими назойливыми...

...особенно плохие мысли...

...мысли, что в следующий раз она может увидеть их уже на плахе.

— Иди.

Таша стиснула кулаки. Ногти вонзились в кожу.

Боль отрезвила.

— До встречи, Ваша Светлость. — Шагнув назад, Таша повернулась к выходу из подземелий. — Когда увидимся в следующий раз, поднимем бокалы за ваше освобождение.

— Таша...

Она обернулась через плечо: Леогран, до сего момента молча смотревший в стену, теперь смотрел на неё.

В его тусклых зелёных глазах стыло отчаяние безысходности.

— Вернись, пожалуйста, — прошептал он.

Что-то судорожно сжало горло — и Таша, коротко кивнув, побежала вперёд. Чтобы не обидеть. Чтобы не задеть.

Чтобы никто из них, отчаявшихся, не увидел, что глаза их Ищущей на мокром месте...

— Алексас!

Гостиничные апартаменты встретили тишиной и темнотой. Впрочем, для Таши неожиданностью это не стало: пятью минутами ранее хозяин гостиницы любезно сообщил, что слуги Его Светлости покинули гостиницу вскоре после ареста юных господ. Одетые. С вещами. И вообще, если честно, они собрали свою повозку да и уехали. Куда? Подальше из города, наверное. Чего и вам, лэн, советую...

Побежали, как трусливые шавки, в бешенстве думала Таша, распахивая двери спальни и швыряя кубок на кровать. Никто не верит, что Орек выкарабкается.

Ничего, она ещё им покажет, всем покажет...

— Джеми!

Обе спальни были пусты.

От кеаров спрятался, что ли?

— Есть кто живой?

Наспех раздевшись, Таша вернулась в гостиную.

— Джемееии! Алексаас! Кто-нибудь! — тоскливо крикнула она, озирая просторную комнату. — Ну где же...

Заметив подозрительно знакомые ноги, осеклась.

Мальчишка лежал на полу, лицом вниз, скрытый от Таши спинкой дивана. Перевернув его, Таша с тревогой взгляделась в его бледное лицо, но не увидела ни крови, ничего. Казалось, её рыцарь просто крепко спит. Рядом с ослабевшими пальцами валялись фарфоровые осколки разбитой чашки — хорошо хоть не порезался; на паркете подсыхала холодная чайная лужа.

Пил чай и... упал?

Что случилось?..

— Проснись! — она легонько потрясла юношу за плечи. — Э-эй!

Не дождавшись реакции, ухватила его за руки и по гладкому натёртому паркету подтащила к дивану. Уложив туда, заботливо укрыла своего рыцаря одеялом.

Потом побежала за врачом.

Тот ещё денёк, думала Таша, наблюдая, как гостиничный маг обследует мальчишку. Слишком много неприятностей на её одинокую светлую голову...

— Всё в порядке, — констатировал лекарь, проведя ладонью над пациентом. — Судя по всему, простой обморок.

— С чего, неизвестно?

— Увы. — Маг поднялся с табурета. — Может, просто нервы? Насколько я знаю, у обитателей этих апартаментов сегодня выдался нелёгкий день.

— Может, — вздохнула Таша, извлекая из кошелька серебряную монетку.

Кошелек, правда, принадлежал не ей, а Лавиэль, но герцог разрешил своей Ищущей тратить хоть все их средства. Это было весьма кстати: на следствие средства понадобятся, и наверняка немаленькие.

Интересно, как быстро слухи расползутся?..

Выпроводив лекаря и заперев дверь, Таша подошла к окну. Снова распахнутые створки, снова морозный ветер, снова вечерний город, но какая разница между вчера и сегодня...

Обхватив себя руками, Таша смотрела в окно: на огни города, готовившегося бурлить от обсуждений, догадок и сплетен.

А если она ошибается? Если её король совсем не так справедлив, как она думает?

Если...

Нет. У меня всё получится. Получится. Я знаю.

Таша очень старалась верить собственным мыслям.

Но потом уже шуршали в сознании противным насмешливым шёпотом.

...маленькая наивная девочка, которая надеется перехитрить всех...

...мушка, которая пытается вырваться из паутины, но лишь крепче вязнет...

...а паук только улыбается, глядя на её рывки — всё ближе, ближе...

Лампа за спиной вдруг погасла сама собой.

Таша испуганно обернулась. Тут же с облегчением опустила руки.

— Джеми? — она вдохнула поглубже: холодный воздух возвращал мыслям трезвость. — Как ты?

Он сидел на диване. Огонёк белого пламени, плясавший над ладонью мальчишки, искрами отражался в его глазах.

— Джеми?

Внимательно, очень внимательно глядя на свою руку, он сжал пальцы. Огонь смялся, как бумажный клочок.

Разжал — белое пламя вспыхнуло снова.

— Да что с тобой? — Таша нерешительно приблизилась. — Джеми, что случилось? Я нашла тебя на полу, ты...

Она не договорила.

Мальчишка вскинул голову, подняв взрослое лицо, взглянув на неё взрослыми глазами. Не бледные васильки — синева неба холодным осенним вечером.

И, осознав, у кого она привыкла видеть эти глаза, Таша попятилась.

Нет, не может быть...

Движение изящных пальцев музыканта — комната погрузилась во мрак.

Он поднялся с дивана: осторожно, точно проверяя собственные ощущения. Двигаясь с изяществом танцора, шагнул к ней.

— Кажется, — мягко сказал её рыцарь, — всё-таки лучше называть меня Алексасом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СНОВА В ПУТЬ

— Дядя Арон!

Дэй поднял голову:

— Да, Лив?

Девочка сосредоточенно рисовала что-то в своей книге для записей.

— А вы не можете с Ташей по зеркалу связаться? — спросила она, усердно выводя цветным карандашом хвост огромного кота, походящего на колбаску с лапами.

— Таше не дали двустороннее зеркало, милая, — терпеливо растолковала госпожа Лиден, разливая чай. — Ты же знаешь, у нас в доме вообще нет зеркал.

— И зря! — Лив скорчила рожицу. — Почему у всех нормальных людей есть двусторонние зеркала, а у нас нет? Даже из дома все убрали, приходится перед чайником расчесываться!

Арон устало качнулся в кресле:

— Лив, я уже говорил. У меня есть очень опасный враг, который с помощью зеркал может нам навредить.

Госпожа Лиден поставила перед Лив кружку, истекающую сладким дымком. Попыталась погладить девочку по голове, но та, фыркнув, увернулась

— Зачем тебе Таша, милая? — ласково поинтересовалась старушка. — С ней всё хорошо, я тебе...

— С ней-то хорошо, а Джеми она с собой увезла! — Лив с такой силой ткнула карандашом в бумагу, что та продырявилась. — Почему он её рыцарь, а не мой? Это нечестно!

— Маленькая ты ещё, чтоб рыцарей себе заводить. Пирожок будешь?

Лив уже открыла рот, дабы сказать «нет», но, поразмыслив, кивнула: желание сладенького к чаю пересилило вредный протест.

Обеспечив названую внучку тарелкой брусничных пирожков, госпожа Лиден уселась за стол и открыла ларчик с вязанием.

— Чай пей, — наказала она Арону, сидевшему напротив. — Стынет.

Дэй послушно сжал чашку в ладонях, но пить не стал. Просто сидел, глядя на огонь в очаге.

— Лив, милая, не пойдёшь в свою комнату? — проворковала госпожа Лиден, не отрывая взгляда от наполовину готового шарфа; пальцы её орудовали крючком так ловко, будто жили собственной жизнью. — Что здесь сидеть — кухонька маленькая, тесная, мы, старички, над ухом бубним... пирожки можешь с собой забрать.

— А я в Ташину хочу!

— Иди в Ташину, иди. И спать там можешь, разрешаю.

Ликующе подпрыгнув, девочка сунула книгу под мышку, подхватила тарелку, кружку — и была такова.

— Что тебя тревожит, Арон? — спросила летописица, когда шаги Лив стихли вдали.

— Я не знаю, правильно ли поступил.

— Ты говорил, Таше ничего не грозит.

— Да. Говорил. — Амадэй в задумчивости качнул стул на ножках. — Лиар будет беречь её. От остального я её защитил... во всяком случае, на первое время, пока мы не поймём, что

к чему. Но...

Замолчал. Сжал губы.

— Что? — произнесла старушка, когда пауза затянулась.

— Если вдруг игра продолжится раньше, чем мы ожидаем... Таша даже не поймёт, с кем борется.

— Что ты имеешь в виду?

Но он снова молчал.

Вывязав последнюю петлю ряда и вытянув нить, госпожа Лиден отложила вязание на стол.

— Арон. — Она мягко взглянула в лицо амадэя. — Может, всё-таки скажешь, каким образом ты обезопасил законную наследницу престола Срединного королевства? Учитывая, что кеары уже видели её в обществе заговорщиков...

— Таша отругала бы меня за то, что ты так много знаешь. — Он усмехнулся, не поднимая взгляда. — Забавно, но это была даже не моя идея. Я думал об этом... а предложила она.

— Что предложила?

— Таша — не наследница престола, конечно же. А ещё она, конечно, не оборотень. Росла она в Прадмунте, в доме семейства Фаргори, но мать её была лишь верной фрейлиной покойной принцессы. Или королевы, Таша сама толком не знает. И, конечно же, Мариэль тоже не была оборотнем. А потом один злой некромант решил развлечься и поиграть с понравившейся ему девочкой... и одним вечером Таша нашла свою мать при смерти, и та успела сообщить не только то, что Лив украли, но и что их семья — последние представители рода Морли. Впрочем, тайна настоящего имени Мариэль... ведь в Прадмунте она жила под вымышленным... ушла вместе с ней в могилу. Смерть пришла раньше, чем женщина успела сказать всё, что хотела.

— Беспроигрышный вариант, — кивнула старушка. — Наверняка в Адамант вместе с Таришем Морли прибыло много его родственников. А среди них наверняка присутствовали девушки, принятые в свиту монарших особ, и среди них была хотя бы одна, отдалённо подходящая на Ташину мать.

— Дальнейшая история, в принципе, осталась почти без изменений. Таша кинулась в погоню, встретила меня, мы выкрали её сестру, выяснили, что злой некромант просто играет с ней...

— Дай-ка угадаю. Вы с Лиаром, конечно, не амадэи, а просто два брата, один из которых некромант, а другой — целитель-телепат?

Арон кивнул.

— И с кеарами вы никогда не встречались... и с заговорщиками, естественно...

— Именно.

— А что с Джеми и Алексасом?

— Бедные мальчишки потеряли память. К сожалению, они не помнят ничего до того момента, как мы нашли их на дороге без сознания... ничего, кроме своих имён. Их рыцарство по отношению к Таше — забавная игра.

Госпожа Лиден покачала головой:

— Всё это, конечно, замечательно, но каким образом Таша умудрится пройти досмотр памяти и обмануть правдометры? Одно дело придумать ложную историю, а другое...

Вдруг смолкнув, уставилась на амадэя.

— Подожди-ка... нет, только не говори мне, что...

— Она сама об этом попросила, — тихо произнёс Арон.

Лишь самый внимательный слушатель смог бы различить в его спокойном голосе несчастные нотки.

— Злой некромант, тоже мне... — госпожа Лиден криво улыбнулась. — Арон, о чём ты думал, скажи на милость?

— О том, что изменить Ташину память и поставить блок в сознании Джеми и Алексаса — единственный способ обмануть кеаров, дознавателей и правдометры, — невыразительно проговорил тот. — И что Зрящий — единственный телепат, способный сделать это так, чтобы никто не заметил следов.

* * *

— Алексас? — Таша смотрела на юношу, пытаясь унять страх, холодом разлившийся под кожей. — Ты... колдуешь? Но поче... где Джеми?

Он не ответил. Просто смотрел на неё: спокойными, пронзительно синими, очень взрослыми глазами.

А потом — вдруг, внезапно — она поняла.

— Двоедушие... кончилось?

Почему получилось только прошептать?

— Так ты знала.

Взгляд Алексаса был непроницаем.

— И... теперь ты один... в этом теле?

Он, помедлив, кивнул.

— И ты... владеешь магией?

— Как видишь.

Таша отступила ещё на шаг. Запнувшись обо что-то, рухнула в подвернувшееся позади кресло: не понимая, почему она дрожит, словно в лихорадке, почему голос пропал, сорвавшись в шёпот.

— Но... не могло же так быстро... должно было быть... что-то, какой-то переход...

Почему? Почему она не успела даже попрощаться с Джеми?

Недотёпистым, вечно взъерошенным, занудливым, любимым...

— Это... не должно...

Почему Джеми? Тело-то ведь его...

Почему кто-то из них вообще должен был исчезнуть?

Почему из двух друзей с ней остался один? Почему именно сейчас? Почему, почему, поче...

Комната поплыла в жаркой радужной пелене, подступившей к глазам; а потом все чувства, что она сдерживала весь вечер, прорвались хрипом из сдавленного слезами горла — и Таша скрючилась в кресле, спрятав лицо в ладони, уткнув голову в колени.

Кусая солёные губы, рыдая до боли в скулах.

— Прости, прости, — хрипло шептала она, раскачиваясь взад-вперёд, пока боль жгла душу калёным железом, — прости, пожалуйста, я... я...

Почему? Если бы здесь был Арон, который ответил, помог, исправил...

И на один короткий миг Таша забыла, что он далеко: потому что до этого так крепко и бережно её обнимали только его руки.

— Не плачь, — шепнул Алексас, опустившись на колени перед креслом. — Пожалуйста.

— Если бы я не ушла... что... что было бы?

— Ты ничего не могла сделать. — Он бережно утёр ладонью мокрые дорожки на её щеках. — Не плачь. Меньше всего на свете Джеми хотел бы, чтобы ты плакала из-за него.

Она всхлипнула: пытаюсь, но не в силах сдержаться.

— Прости меня, я... должна была тебе сказать, вам обоим сказать...

— Я не сержусь. Здесь нет твоей вины.

— Неужели ничего нельзя сделать? Вернуть...

Он не ответил: лишь обнял крепче.

Должен быть выход, отчаянно думала Таша. Должен. Не может его не быть.

Арон повернёт процесс вспять. Арон поможет. Как всегда.

Обязательно.

Светлая, спасительная мысль разжала огненные тиски, стиснувшие её сердце — и плач стих.

Таша ощутила, как Алексас мягко проводит кончиками пальцев по её ресницам, стирая последние слёзы:

— Успокоилась немного?

Она глубоко, прерывисто вдохнула.

— Да.

— Хорошо. — Ободряюще коснувшись её щеки, Алексас поднялся с колен. — А теперь, моя королева, расскажите мне всё, что произошло во дворце после покушения на короля.

— Ты... знаешь?

— Кеары ведь должны были объяснить племянникам герцога причины ареста. — Он подвинул ещё одно кресло, сев напротив. — Итак?..

Уставившись куда-то выше его плеча, Таша, как могла, выровняла дыхание. Потом спокойно, размеренно пересказала события последних часов; Алексас слушал крайне внимательно, не перебивая, лишь иногда изрекая «ясно» или «ага».

Под конец даже ей самой почти верилось в своё спокойствие.

— ...а потом я вернулась сюда и нашла тебя. Вот и всё. — Таша попыталась улыбнуться, но вышло плохо. — Сказке конец.

— Боюсь, только начало, — покачал головой Алексас. — И что ты собираешься делать?

— Съездить в Броселиан. Поговорить с мастером, который сделал чашу.

— Когда?

— Не знаю. Наверное, сначала дождёмся Арона. По идее, он уже вот-вот должен...

— А если тиф не отпустит Фар-Лойл? Если он задержится?

Таша, осекшись, растерянно промолчала.

— А если король проспит дольше, чем семь дней?

Она нервно переплела пальцы.

— А если одних вскрытых воспоминаний герцога окажется недостаточно?

— Предлагаешь всё-таки искать настоящего преступника? — неуверенно спросила Таша. — Вдвоём?

— Не то что предлагаю, но рекомендую. В конце концов, навести порядок в сознании герцога Арон всегда успеет, — кивнул Алексас. — Думаешь, это сделала Кэйрмиль?

Таша смотрела на свои ладони, судорожно соединённые в замок.

— Она могла натолкнуть истинного зодчего на мысль, кому именно подкинуть кубок, — медленно произнесла она. — А маг, проклявший чашу... не исключая, что это наш старый знакомый. И что он как-то связан с этим... «Тёмным венцом».

— Нет. Это не «Венец». — Алексас задумчиво подпер голову рукой. — Герланд на такое не пошёл бы.

— Герланд? Кто это?

Юноша посмотрел на неё.

Его долгий взгляд встревожил Ташу своей непроницаемостью.

— Понятно, — наконец тихо произнёс он. — Так вот что он с тобой сделал.

— Ты о чём?

— Ни о чём. — Алексас рассеянно постучал пальцами по подлокотнику кресла. —

Значит, так...

— Да в чём дело?

— ...дождаться Арона у нас нет ни возможности, ни времени, ни желания, честно говоря...

Понимая, что ей чего-то недоговаривают, Таша подозрительно повела носиком.

С другой стороны, у неё было много других проблем, помимо разбирательств, что творится в голове Алексаса, теперь единолично принадлежавшей ему.

Временно, конечно.

— ...и десять дней — не так много, как ты думаешь, — подытожил юноша. — Сможешь быстро собраться?

— Куда собраться?

— В Броселиан, конечно.

— Но без Арона... нет, нельзя!

— Можно и нужно, — непреклонно произнёс Алексас. — И отныне вам, моя королева, придётся мириться с моим мнением.

— С чего бы?

— Потому что я мужчина, я старше и я... в общем, я — это я. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Таша, чем сидеть здесь в четырёх стенах, дожидаясь твоего святого папеньку, лучше съездить в Броселиан и быстро вернуться. В крайнем случае Арон отыщет нас и там. Он ведь говорил, что всегда и везде тебя найдёт.

Таша не отвечала, колеблясь.

— У нас есть и другая причина скорее прибыть в Броселиан. Помимо визита к мастеру, — добавил Алексас, заговорщицки шурясь. — Уверен, она привлечёт тебя даже больше.

— Что за причина?

— Если ты никогда не бывала в гостях у фей, тебе представится отличная возможность их навестить.

Таша невольно улыбнулась:

— Можно подумать, у тебя в Броселиане есть знакомые феи.

— Не совсем знакомые и не совсем в Броселиане, но есть, — серьёзно произнёс Алексас. — И нам очень пригодится магический источник, присутствующий во всех обиталищах уважающих себя фей.

— Зачем?

— Секрет. Для пользы дела, уверяю. Съездим?

Таша смотрела в синие глаза с золотыми разводами. Такие уверенные, такие взрослые...

Она не сможет даже заснуть этой ночью, если останется просто сидеть здесь без дела. Так и будет лежать, глядя в потолок, сходя с ума от осознания собственного бессилия и ощущения, что весь мир против неё.

А поскольку Арон действительно может найти её, где угодно...

— Съездим, — нерешительно кивнула она.

— Чудно. — Алексас встал, широко улыбаясь. Церемонно поклонившись, подал ей руку. — Что ж... великие деяния ждут нас, моя королева.

Таша, улыбнувшись в ответ, вложили свои пальцы в его:

— Как всегда.

В конце концов, не она ли так рвалась в открытый бой? Вот и представилась прекрасная возможность. А если вдруг...

Хотя нет. Не будет никаких «если вдруг».

Ведь они — добро.

А добро всегда побеждает.

Таша взяла с собой лишь маленькую кожаную сумочку, куда кинула кошель, чашу и пару важных мелочей. Одежду собирать не стала: зачем, если едут всего на день? Платье и тулуп, к слову, Алексас посоветовал выбрать поскромнее. Совсем не обязательно кричать на каждом углу, кто она есть; а если придётся заявлять о себе, всегда можно предьявить перстень Морли.

— Но зерконторы уже закрыты, — уже в лифте вспомнила Таша. — А ехать верхом...

— У нас есть карета.

— И нет кучера.

— Есть.

— Но вся челядь герцога...

— Посмотри налево.

Таша честно взглянула на долговязую фигуру слева от себя.

— Хочешь сказать, что проведёшь морозную ночь на облучке?

— Всё для вас, моя королева.

— Нет уж, не надо! Давай либо утра дождёмся, либо поговорим с хозяином гостини...

— Какой же ты ещё ребёнок, — вздохнул Алексас, заставив её изумлённо смолкнуть. — Таша, у нас в некотором роде секретная миссия, если ты забыла. Чем меньше людей будет знать, куда мы отправились, тем лучше. Потому и в зерконтору лучше не обращаться.

— И куда мы уезжаем... для людей?

— Просто уезжаем, и всё. Те, кто работает в гостиницах, учатся атрофировать любопытство.

Разговор прошёл без осложнений. Им даже разрешили увезти с собой ключ: апартаменты ведь резервировали на полторы шестидневки. Доказывая серьёзность своих намерений, Таша доплатила ещё за три дня, и в итоге хозяин и отбывающие постояльцы расстались весьма довольные друг другом.

Когда карету запрягли, Алексас любезно распахнул перед Ташей дверцу:

— Прошу.

В тулупе, мохнатой меховой шапке и шарфе, натянутом по нос, любой бы смотрелся весьма забавно. Сама Таша, хоть и не видела себя в зеркале, наверняка не была исключением.

Однако её рыцарь даже тут умудрялся выглядеть изящно.

Таша поднялась по ступенькам — и, прежде чем сесть, обернулась:

— Алексас...

— Да?

— Спасибо.

Скрытую шарфом улыбку она угадала в его глазах.

— Не стоит, моя королева.

С поклоном захлопнув дверцу, он одним махом вскочив на козлы и исчез из виду.

Таша расстегнула тулупчик и стянула шапку. В карете было тепло: волшебный огонёк, подвешенный в стальной оправе под потолком, не только светил, но и грел. А быть богатой и знатной, оказывается, не так уж и плохо... во всяком случае, можешь позволить себе карету со своими удобствами.

Какое-то время Таша смотрела, как проплывают мимо высокие дома тёмного камня. Потом задёрнула шторку и сняла сапоги, чтобы свернуться калачиком на сидении.

Опять дорога. Все неприятности в её жизни начинаются с того, что Таше приходится срываться с места и мчаться куда-то через полкоролевства. Что сейчас, что летом... но если тогда она в одиночку бежала в неизвестность, теперь рядом с ней друг.

И они прекрасно знают, куда едут и что их там ждёт.

Всё познаётся в сравнении. Кому-то нынешняя ситуация показалась бы хуже некуда, но Таша знала: хуже есть куда. И запас этого «куда» очень большой.

Она поудобнее устроилась на подушке. Прислушалась к весёлому мотивчику, который высвистывал Алексас, доносившемуся сквозь цокот копыт и грохот колёс по мостовой.

Похоже, её рыцарю не так плохо, как она могла бы подумать...

Ещё какое-то время Таша слушала звонкий, возмутительно чистый свист. Подавила приступ неконтролируемой благодарной нежности, призывавший её прямо сейчас вылезти из кареты и взъерошить каштановые кудри своего кучера.

А потом — как всегда, не заметив, — уснула.

* * *

— Я столько не съем!

— Милая, тебе надо много кушать, — возвестила госпожа Лиден, щедро накладывая девочке побольше каши. — Иначе никогда не вырастешь.

— И буду такой же тощей, как Таша?

— Придумаешь тоже! Никакая Таша не тощая. Тебе какое варенье?

— Вишнёвое. — Лив широко зевнула, глядя в окно, которое золотило раннее зимнее солнце. — А Таша красивая, правда?.. Эй, варенья тогда тоже побольше!

— Красивая-красивая. А много сладкого есть вредно.

Лив возвела к небу большие глаза:

— Почему жизнь так несправедлива? Почему нельзя было сделать вредной кашу, а не наоборот?

— Такова вот она, жизнь. Ещё сама узнаешь, милая.

Лив уныло поковыряла ложкой в тарелке.

— Дядя Арон уже ушёл?

— Он всегда раньше солнца встаёт. — Госпожа Лиден плеснула в кружку кипятка из чайника. Помешивая свой травяной отвар, уселась в кресло-качалку. — Не бережёт себя, не бережёт...

— Да ладно, что с дядей Ароном случится? Он же всё может!

— Всё, да не всё, — пробормотала старушка.

Какое-то время на кухоньке слышалось лишь вялое поскребывание ложки о дно тарелки.

Потом утреннюю тишину нарушил стук.

— Принесло кого-то... — госпожа Лиден, неохотно поднявшись, дошаркала до двери. — Кто там?

— Почта!

— А, новостные листки! — воодушевилась летописица. Задумалась. — В деревне ещё не были?

— Нет, вы п-первые!

Старушка отодвинула засов.

— Тогда добро пожаловать, — гостеприимно произнесла она. — Чайку?

— Д-да, п-пожалуйста, — охотно согласился почтальон, прошмыгивая внутрь; вместе с ним в дом вкрадчиво вполз зимний холод. — Т-такой мороз... еле д-до вас добрался!

— Что поделаешь, мы далековато, — закивала госпожа Лиден, доставая ещё одну чашку из буфета. — Вы новенький, я погляжу?

— Д-д...

— Лошадь можете в конюшню завести. И корма задайте.

Краснощёкий парнишка, неохотно покинув тёплую комнату, бегом вернулся обратно пятью минутами позже.

— Ладно хоть раз в семидневку к вам ездить. И то хорошо. — С наслаждением избавившись от шапки и тяжёлого тулупа, он наконец уселся за стол. — Не оставлять же без почты, в конце концов. Вы ж не виноваты, что далеко...

— Да, без новостей худо. — Госпожа Лиден покосилась на небольшую сумку, брошенную гостем у вешалки-рогатины. — Эх, всегда на ваши сумы удивляюсь... мне самой такая пригодилась бы.

— Безразмерные торбы-то? Так там попробуй чего найти! — Парень отлил чая в блюдечко. — Хотя удобно: и веса не чувствуешь, и не тащить с собой такую вот кипу... на каждого жителя по четырнадцать листов да ещё письма, это тебе не хухры-мухры!

— Хоть бы раз увидеть эти пресловутые мухры, чтобы узнать, что это такое. — Госпожа Лиден уселась обратно в кресло. — Что-нибудь интересное на неделе было?

— Ой, и не говорите, госпожа! Страсти-то какие!

— Что такое?.. Лив, не думай, что я не вижу!

— Бе-бе-бе, — обиделась девочка, уже подкрававшаяся к мусорному ведру. — Ну не хочу я это есть!

— Ладно, выбрасывай, горе моё, — вздохнула старушка. — И коням ведь не скормишь... так какие страсти?

— Вот вроде спокойная неделька выдалась, — продолжил почтальон с предвкушением, — ну, кроме двух ограблений на тракте...

— Что-то разбойники в последнее время расшалились. — Старушка укоризненно поцокала языком. — Вроде не было, не было, а тут вдруг никакого сладу с ними.

— ...а сегодня в утреннем листке такое напечатали! Аж печатни раньше открыли, чтобы нам с собой свежие выдать! Ну правильно, а то как же: все знать будут, а деревенские нет? Я сам как увидел, так и обмер прямо!

— Не томи душу. Что случилось-то?

Оттягивая момент, парень прихлебнул чаёк.

— На короля покушение было, — трагическим шёпотом возвестил он.

Лив уронила тарелку в таз с водой; водяные брызги заблестели на её тёмной макушке.

— Мама дорогая, — довольно-таки равнодушно откликнулась госпожа Лиден. — Но жив, конечно?

— А вы почём знаете? — обиженно протянул почтальон.

— Иначе сказали бы «убит», а не «покушение».

— Ну да, — разочарованно подтвердил парень, вновь потянувшись к блюдечку. — Жив.

— И кто же этот неудачник?

— Да герцог какой-то. Совсем спятил, видать. И деньги есть, и власть, вот что ещё ему надо? Ан нет, пошёл короля убивать! Как же его... этот... Броселианский, кажись...

— Что?!

Когда старушка, ещё миг назад выглядевшая полной противоположностью слова «опасный», метнулась вперёд — почтальон невольно вжал голову в плечи.

— Листок, быстро! — рывкнула госпожа Лиден, нависнув над ним. — И вообще всю почту вытаскивай!

— Я не...

— Тиф в Фар-Лойле! Одни мы не бодем — на отшибе, зараза не дошла! Что, пойдёшь по больным?

— Т-тиф? — лицо парня успело пожелтеть, посинеть и позеленеть, прежде чем наконец утвердилось в благородной бледности. — Но...

— Думаешь, вру? Иди, проверь!

Почтальон, спотыкаясь, рванул за сумкой. Вытащив нужный листок, протянул его старушке, вырвавшей бумагу из его трясущейся руки.

— Ладно, спасибо за гостеприимство, — пробормотал парень, вываливая кипу конвертов на дощатый пол. — Я это... того.

— Счастливого пути, — нашаривая на столе очки, бросила госпожа Лиден в закрывающуюся дверь. — Лив, запри.

Та мышкой шмыгнула к двери. Задвинув засов, прокралась за спинку кресла летописицы: непривычно тихая.

Минуту обе — старушка и девочка, — просто скользили взглядами по ровным печатным строкам.

— Да, — наконец изрекла госпожа Лиден; грудь её тяжело вздымалась. — Когда Арон это увидит...

— Таша в опасности, да? — прошептала Лив.

Старушка швырнула на стол листок.

На мыслеграфии посреди страницы подле пустого трона стояла маленькая светловолосая девушка лет шестнадцати. Распушенные кудряшки окутывали её светлым нимбом.

— Теперь — да.

Есть много способов быстрого пробуждения человека, упорно не желающего пробуждаться. И первое место по эффективности и неприятности Таша всегда делила между снегом за шиворот и холодным душем.

Впрочем, этим утром она поняла, что когда твою тёпленькую пятку щекочат ледяными пальцами — это ненамного приятнее.

Не открывая глаз, Таша попыталась мстительно пнуть наглого посягателя на её блаженный сон, однако ногу ловко перехватили за лодыжку; на сей раз чью-то холодную руку и её кожу милостиво разделила плотная ткань юбки.

— Доброго дня, моя королева.

Таша неохотно приоткрыла глаза.

Алексас примостился на краешке сиденья. Разрумяненный, улыбающийся. Он не щурился на бившее в окна кареты солнце, и, отражая золотые лучи, глаза его сияли.

— Что, приехали?..

— Да, и день чудесный. — Бесцеремонно уложив Ташины ноги к себе на колени, Алексас принялся натягивать на них сапожки. — Как в песне поётся: «проснулось всё, проснись и ты, красавица моя»!

— Где мы? — несколько оторопело наблюдая за его действиями, спросила Таша.

— На постоялом дворе. Комнату я уже снял.

— Сейчас ведь уже не утро, верно? — оценив цвет солнечных лучей, уточнила она. — Это я так долго спала?..

— Ничего, пара часов до закрытия мастерских у нас есть.

Таша зевнула. Села, потянувшись за тулупом — но его перехватили раньше, заботливо накинув ей на плечи.

— Пойдём. Умоешься, перекусишь, и отправимся в мастерскую. — Алексас протянул ей сумку. — Время ждёт.

— Что с тобой случилось, не могу понять? — озадаченно бормотала Таша, пока он распахивал дверцу кареты. — Ведёшь себя как-то... фамильярно, что ли? Не в плохом смысле, — торопливо добавила она, — но тем не менее. Раньше натягивать мне сапоги ты бы не соизволил.

Алексас галантно подал ей руку.

— Просто понял, что пришла пора выбивать из тебя твои самодурские наклонности.

От удивления Таша даже приняла помощь.

— Мои наклонности?..

— Эта игра в «я королева, я главная», конечно, забавная, но к настоящей жизни неприменима. Летом ты уже имела возможность в этом убедиться. Я старше. Я больше знаю жизнь. Я должен заботиться о тебе и защищать тебя, и принимать решения за нас обоих, а не исполнять твои приказы.

— Может, ещё прикажешь мне сидеть в высокой башне у окна, пока ты будешь вести расследование и свершать великие подвиги в мою честь?

— Между прочим, истинные принцессы именно так и поступают.

— Не дождёшься!

— Посмотрим.

Тоже мне, заботливый папочка, досадливо подумала Таша. С меня и одного хватит.

А потом вдруг подумала, что ведёт себя точь-в-точь как Лив, — и что досады в её реакции куда меньше, чем смущения.

Перейдя двор, хрустящий свежим снежком, они вошли в белокаменное здание трактира. Комната оказалась на втором этаже, светлой и уютной, с двумя кроватями и азиями, розовевшими в горшочках на окне. Надолго, впрочем, там не задержались: Таша только умылась и сжевала кусочек хлеба с сыром, запив чаем. После чего вступила в непродолжительную борьбу с Алексасом за право одеться самой.

Битва была проиграна. Юноша не только застегнул ей тулуп, но и шапку надел, и шарф завязал в два оборота. Даже варежки подал.

— Предупреждаю, это скоро мне надоест, — проворчала Таша, когда они вышли из трактира. Шли снова под руку: если во дворе был снежок, то на брусчатой дороге начинался гололёд, коварно присыпанный этим снежком.

— Так противна моя забота?

— Чрезмерная забота порой куда хуже полного наплевательства.

— Привыкайте, моя королева. Когда сделаетесь Морли-малэн, вам и нос самой вытереть не дадут, наготове всегда будет служанка с носовым платочком.

— Не будет у меня никаких служанок!

— Мне кажется, или я слышу интонации Лив?

Таша, фыркнув, отвернулась.

— Ты хоть знаешь, куда меня ведёшь, заботливый мой?

— Если б не знал, не вёл.

— Придётся верить на слово.

Броселиан разительно отличался от Арпагена. Белые домишки в два-три этажа казались игрушечными, широкие улочки вымостили светлым камнем. Заснеженные крыши сияли золотом на мягком вечернем солнце, каминные трубы пряли ниточки дыма. Закутанные прохожие неторопливо шествовали мимо по своим делам.

Таша опустила натянутый по нос шарф: стало трудно дышать. Мороз немедля тронул щёки щипучей рукой.

— Рядом с Броселианом ведь находится Зачарованный лес, верно? — спросила она.

Слова обернулись облачками пара, мгновенно истаяв в прозрачном солнечном воздухе.

— Да. Там. — Алексас махнул куда-то вправо. — Он начинается сразу за крепостной стеной.

Таша вспомнила свои детские уроки краеведения и тканевую карту, расстеленную по полу.

Зачарованный лес был ещё одной из Ложных земель. Как Равнина с Криволесьем.

И, пожалуй, про эту Ложную землю было сложено даже больше легенд, чем про другие.

— Так вот почему ты говорил о феях?

— Именно.

Вспоминая те самые легенды, Таша покачала головой:

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Криволесье и Равнину ты покинула благополучно. Зачарованный лес, пожалуй, опаснее них, но не думаю, что он будет представлять опасность для тебя.

— И когда ты хочешь туда сходить?

— Сегодня же. — Алексас подвёл её к крылечку одного из домов. — Однако прежде у

нас есть ещё одно дело.

Таша вскинула голову, разглядывая вывеску подле двери. Деревянную дощечку так буйно украсили затейливой резьбой, что надпись «резных дел мастер О. Герман» не сразу можно было заметить. Рядом с надписью виднелось клеймо изготовителя: резак с обвивавшей ручку змейкой.

То же, что вчера Таша обнаружила на ножке кубка.

— Как ты узнал?..

— Пока ты спала, я бодрствовал, — заметил юноша, толкая дверь, разразившуюся возмущённым звоном потревоженного колокольчика. — Номер дома ты мне сообщить не соизволила, но клеймо мастера Германа в Броселиане хорошо известно.

Приёмная мастерской, обитая деревянными панелями, была заставлена образцами работ: от крошечных костяных фигурок на полках до громоздкого комода, приткнувшегося в углу и являвшего взору поляну танцующих фей, мастерски вырезанную на дверцах. Сидевший за конторкой парень играл сам с собой в крестики-нолики.

— Добро пожаловать в мастерскую Олеангра Германа, — заслышав колокольчик, пробубнил он без всякого энтузиазма, не поднимая головы. — Что вас интересует?

Стягивая шапку, Таша соображала, почему его голос кажется ей знакомым.

А потом, взглядевшись в парня получше, изумлённо воскликнула:

— Гаст?..

Тот наконец поднял лицо: круглое, черноглазое и симпатичное, в обрамлении тёмных кудрей. Посмотрел на неё.

— Таша?!

Мигом соскочив со своего высокого стула, Гаст бросился к ней, Таша кинулась ему на шею — и друзья детства крепко обнялись.

— Таша, Ташка! Ты! — Гаст ошеломлённо сжал её в объятиях; сила его рук чувствовалась даже сквозь плотный тулуп. — Что ты тут делаешь? Куда летом убежала? Я тебя искал, но...

— Если расскажу, не поверишь. — Прежде, чем отстраниться, она чмокнула друга в щёку. — Ты-то здесь какими судьбами? Я так...

— Не изволите ли представиться, молодой человек?

Услышав за спиной холодный голос Алексаса, Таша обернулась.

Взгляд, которым её рыцарь смотрел на Гаста, напугал даже её.

— Алексас, всё в порядке, — сказала она, повернувшись к нему, успокаивающе касаясь его плеча. — Это Гаст Онван, помнишь, я про него рассказывала? Мой друг, мы в Прадмунте...

— Так-так. — Алексас прикрыл глаза. — Гаст... не племянник отца Дармиори, случаем?

Таша кивнула.

— Ясно. Наслышан. — Глядя на Гаста, юноша усмехнулся краешком губ. — И что же ты делаешь в Броселиане?

— А ты ещё кто такой? — сузив глаза, спросил тот.

— Откровенность за откровенность. Сначала ты свою историю поведай, а потом и я свою расскажу.

Гаст задумчиво пощёлкал пальцами. Потом, сделав несколько шагов по пошарпанному паркету, открыл дверь. Перевернул табличку с той стороны надписью «закрыто», задвинул засов — и, широким жестом предложив гостям сесть на лавку у стены, примостился туда же.

— Когда ты исчезла, я отправился тебя искать, — заговорил он, обращаясь к Таше. — Дядя говорил, вы с Лив убили свою мать и сбежали... говорил, что вы оборотни. Но я не поверил.

— Оборотни?! — она гневно тряхнула кудряшками. — Что за ерунда!

— Так и знал. — Гаст удовлетворённо кивнул. — И чтоб ты маму убила... в общем, я понял, что с тобой что-то случилось. Может, похитил кто. Украл деньги у матери и поехал в Нордвуд. Лошадь брать не решился, она семье нужна. Так что на своих двоих... а там добрый человек на повозке подвёз. В городе разыскал колдунью и попросил тебя найти. У меня и вещь твоя с собой была...

Когда он запустил руку за ворот рубахи и вытащил простенький деревянный медальон на толстой нитке с двумя корявыми буквами, Таша даже не сразу вспомнила, что это; и лишь потом поняла, что давным-давно, ещё когда ей было девять, дарила его Гасту на день рождения. Купила безделушку в Нордвуде, тогда же, когда они ездили за Принцем, стянула у отца напильник и сама, не особо аккуратно, выточила на дереве инициалы друга.

Он так с тех пор его и носит?..

— Вот... ты же к нему руку приложила. Значит, по нему тебя найти можно, — пояснил Гаст. — Колдунья сидела за зеркалом, сидела, а потом и говорит: мол, можешь попрощаться со своей подружкой, не вижу я её. Либо мертва уже, либо кто-то очень сильный в плену

держит, не даёт увидеть. Даже денег не взяла. Только сжала медальон в руке, расстелила карту и ткнула пальцем в Равнинную. Чутьё колдовское, мол, ей подсказывает, что где-то здесь ты... ну я и поехал. — Гаст заправил медальон обратно. — Направился в Арпаген, решил там к колдуну обратиться. Думал, может, поближе к тебе чары и подействуют... Ехал долго, хорошо ещё караван подвернулся, с собой взяли. Когда прибыл, на улице решил заночевать — деньги сберечь хотел... а тут на тебе — стражники! В тюрьму за бродяжничество на три дня отправили. Сказали, это на первый раз, дальше хуже будет. Вышел я, только к колдуну собрался... и вдруг встречаю на улице дэя одного. Я его знать не знал, а он меня по имени окликнул.

— Волосы русые, глаза светлые, на щеке родинка? — уже зная ответ, уточнила Таша.

— Он самый. И Лив с ним была! Сказал, что зовут его Ароном, что Лив украли нехорошие люди, и Мариэль они же убили... но теперь всё в порядке, он вас обеих спас и удочерил, и живёте вы припеваючи в далёкой деревеньке. А ещё сказал мне домой не возвращаться. Мол, в городе я себе лучшее применение найду, чем в деревне.

— И ты, конечно же, ему поверил, — сказал Алексас.

В голосе его слышался призрачный сарказм.

— Да сам до сих пор не пойму, что на меня нашло. — Гаст почесал в затылке. — Он так говорил... не поверить невозможно.

— Да, Арон это умеет, — усмехнулся Алексас.

Таша с любопытством подперла голову рукой:

— Значит, ты остался в Арпагене?

— Угу. На фонарном столбе увидел объявление, что требуются резчики в мастерскую Олеангра Германа. Арпагенский филиал. Я и пошёл: вырезать вроде умею, чего не пойти? Меня взяли, сначала топорную работу доверяли, потом всё тоньше, тоньше... учили... а два месяца назад приехал сам мастер Герман, ему показали перспективных ребят, и я в их числе был. Он меня сюда, в свою мастерскую и увёз. Теперь вот работаю.

— А почему ты тогда сидишь за конторкой? Если ты резчик...

— Да умер этот наш... приёмщик заказов. Светлая ему память. Вот меня и посадили. Говорят, мол, отдохну от работы, пока новенького не найдут.

— А мастер ваш здоров?

Алексас спросил это будто невзначай, но Таша расслышала в словах напряжённый интерес.

— Да не сказал бы. Бледный ходит, голова кружится... в Арпаген уехал лечиться. Молю

Пресветлую, чтоб он поправился скорей! Ценит он меня очень, любит... наши говорят, я ему сына умершего напоминаю. Прав святой отец оказался. — Гаст перекрестился. — Платят хорошо, комнату здесь поблизости нашли. Только думал всё время: вот накоплю денег побольше, отпущусь у мастера и снова в Арпаген к магу поеду. Найду тебя всё-таки, хоть увидаю... а ты взяла и сама приехала. — Прежде, чем Гаст перевёл взгляд на Ташиного рыцаря, его губы впервые за весь разговор тронула улыбка. — А тебя, значит, Алексасом звать? И кем ты Таше приходишься?

Тот едва заметно склонил голову набок. Синие глаза его блеснули внезапной насмешкой.

— Я её жених, — невозмутимо бросил Алексас.

Улыбка Гаста медленно выцвела.

Таша уставилась на своего рыцаря. Молча: удивление и возмущение лишили её слов.

— Жених? — переспросил Гаст.

— Все девушки в теории рано или поздно обзаводятся женихами, — равнодушно заметил Алексас. — Красивые и умные — в первую очередь. Ты об этом не подозревал?

— Но... она маленькая ещё!

— Именно поэтому я ещё жених, а не муж.

Гаст снова взглянул на подругу детства — растерянно, недоверчиво, — а Таша, набрав воздуха в грудь для гневной тирады, разомкнула губы...

И промолчала.

Странно, но ей почему-то не хотелось опровергать слова Алексаса. Хотя бы потому, что сейчас выяснять отношения с ним, выставя своего рыцаря перед Гастом самонадеянным лжецом, было бы глупо. Они пришли сюда не за этим.

К тому же наверняка солгал он не просто так.

А раз так, она должна подыграть.

— Ясно, — вздохнул Гаст в конце концов. — И что вас в Броселиан привело?

— Видимо, ты не читаешь новостные листки? — сердито косясь на Алексаса, спросила Таша в ответ.

— Да редко... приёмщик наш всегда сразу покупал, он потом всем и рассказывал... а что?

Таша, сунув руку в сумочку, вытащила оттуда кубок. Подняла его на уровень глаз.

— Эта вещь вчера чуть не погубила короля.

Гаст пригляделся к тому, что она держала в пальцах.

И побледнел.

— Похоже, тебе это знакомо, — глядя на него, заключила Таша.

— Может быть, — облизнув пересохшие губы, буркнул парень. — Погоди... что значит «погубила короля»?

— Герцог Броселианский поднёс ему этот кубок в качества подарка, а он оказался проклят. Его Величество чудом остался жив.

— А герцог Броселианский, — небрежно заметил Алексас, — между прочим, большой Ташин друг.

Гаст выпучил глаза:

— Герцог?! Это когда ты с герцогом задружиться успела?

— Таша теперь сама почти герцогиня, не знал? — Алексас наблюдал за переменами в лице собеседника: то ли не замечая, то ли не обращая внимания на угрозу в Ташином взгляде. — Она единственная уцелевшая наследница рода Морли.

— Морли? наших князей?! — Гаст шумно выдохнул. — Етить меня в душу!..

— Приблизительно так, — благодушно заметил Алексас. — Так что Таша, очень расстроенная тем, что её другу грозит плаха, ищет того, кто его подставил. Более того, она думает, что колдун, замысливший покушение на короля, и колдун, который когда-то украл Лив и убил Мариэль — одно лицо.

Гаст изумлённо взглянул на Ташу:

— Что, правда?..

Та, помедлив, кивнула.

Гаст стиснул огромные кулаки, словно это могло ему помочь в мучительных раздумьях.

Таше вдруг почему-то подумалось, что если сравнить обоих с клинками, то Гаст будет двуручником, а Алексас — рапирой. В размахе плеч друг детства превосходил её рыцаря раза в два. Только если бы кому-то пришлось выбирать, кто из этих двоих в схватке доставит противнику меньше хлопот... не факт, что выбор был бы сделан в пользу Алексаса.

Ведь самая опасная сила — та, что чувствуется, но не кричит о себе.

А сила в Алексасе — в этом, новом Алексасе, очень походившем на прежнего себя, но всё же неуловимо другом — чувствовалась, и ещё какая.

Гаст ещё раз взглянул на чашу. На Ташу. Отвёл взгляд, уставившись на выщербленный паркет.

Дерзко махнул рукой.

— Аа, ладно. — Он сплюнул прямо на пол. — В конце концов, то, что я вам расскажу... от них всё равно не спасусь.

Таша обеспокоенно сощурилась:

— От кого не спасёшься?

Гаст, облокотившись на стену, залихватски тряхнул чёрными кудрями.

— А вы слушайте и узнаете...

Их беседу прервал гневный стук в дверь. Как выяснилось, один из покупателей пришёл за готовым заказом, о чём договаривался ещё шестидневку назад, и его не остановила даже табличка. Так что, торопливо свернув разговор, Гаст открыл дверь и вернулся за конторку, напоследок сообщив свой адрес, — а Алексас, взяв Ташу за руку, решительно вывел её на улицу.

Что ж, всё, что нужно, они и так уже узнали. К тому же, откровенно говоря, Таша и сама вскоре прервала бы встречу со старым другом. Конечно, новую встречу она планировала очень скоро, и весьма на неё надеялась; но если бы они продолжили разговор, Гаст поинтересовался бы её делами, и тогда ей пришлось бы поведать другу о воистину тёплом приёме, который его дядя летом уготовил ей в Прадмунте. А беседу об этом Таша хотела отложить на возможно больший срок.

К тому же им с Алексасом нужно было обсудить всё, что они слышали, наедине.

— Что за спектакль с «женихом»? — осведомилась Таша на улице, высвобождая руку: Алексас почему-то забыл её отпустить.

— Не было ни времени, ни желания объяснять, что в действительности нас связывает. Не рассказывать же ему сказочку про рыцаря и его королеву. А если твой дружок когда-нибудь заглянет в нашу обитель, у него не возникнет вопросов, почему мы снимаем одну комнату. Согласись, юноша и девушка, даже будучи друзьями, нечасто так делают. — Он взял её под локоток, сосредоточенно глядя перед собой. — И что ты думаешь?

Таша помолчала, вспоминая поведанную им историю, позволяя своему рыцарю вести себя куда-то по улочкам Броселиана, которые зимний закат выкрасил бледной охрой.

Посланник от Орека явился к мастеру Герману в прошлом месяце. По счастливой случайности Гаст подслушал, как мастер принимает заказ на кубок для короля; однако стоило Герману-энтаро с поклонами выпроводить почётного гостя восвояси, явилась ещё одна посетительница. Прежде чем мастер увёл её в свой кабинет, Гаст успел мельком её увидеть — и по его описанию это была «шикарная девица: личико красивое, фигурка во какая, волосы длинные, чёрные... и чёлка до бровей».

Ташу не удивляло, что Кэйрмиль отстригла чёлку. Действительно, надо же как-то прятать клеймо.

Ничтоже сумняшеся Гаст решил подглядеть и подслушать, что творится в кабинете. Речь шла о заказе герцога: посетительница зачем-то подробно о нём выпрашивала. Дальше парень отлип от замочной скважины — совесть проснулась — и удалился в мастерские, а вскоре мастер поручил одному из своих старых ассистентов сделать костяной кубок из рога единорога. Однако, поскольку это был подарок самому королю, резьбу по кубку Герман-энтаро решил в кои-то веки исполнить сам.

Процесс работы над кубком Гаст тоже наблюдал, и не раз. Поэтому и смог открыть Таше с Алексасом одну любопытную особенность чаши: откручивающаяся ножка, поляя внутри. И когда Гаст отвинтил её на глазах у Таши и Алексаса, на ладонь ему выпала прядь волос. Тёмный локон, перевязанный выцветшей — видимо, когда-то зелёной, — лентой. Шелковистый, блестящий, без седины.

Наверное, шевелюре короля завидовала не одна придворная дама; и Таше стало крайне любопытно, когда же был срезан этот локон, если ленточка успела выцвести.

На этом странности с кубком не закончились. Ещё один странный посетитель наведался в мастерскую, когда подарок королю уже закончили, накануне дня, когда его должны были забрать. Гаст даже не смог сказать, мужчина к ним пришёл или женщина — таинственная личность была с ног до головы закутана в плащ — но посетитель провёл в кабинете у мастера не более пяти минут, и всё это время из-под двери пробивались отсветы странного зелёного сияния. Словно бы в кабинете творили заклинание.

На следующий день произошло сразу несколько событий: чашу выдали посланнику герцога, приёмщик заказов не вышел на работу — как выяснилось позднее, по причине своей смерти от ножа бандита в тёмном переулке, — а мастер и тот его ассистент, что делал чашу, слегли с неизвестной болячкой...

— Думаю, — наконец тихо произнесла Таша, — что это счастье, что Гаст до сих пор жив.

Она не питала иллюзий по поводу странной неудачливости всех, кто был причастен к работе над кубком. Или мог увидеть и услышать то, чего ему видеть и слышать не полагалось.

— Не всё сразу, — иронично откликнулся Алексас. — Но он определённо следующий на очереди. Думаю, его ждёт тихая и быстрая гибель, которая не вызовет особых подозрений: несчастный случай, самоубийство... во всяком случае, я бы выбрал что-то из этого.

— Не говори так! — Таша вздрогнула. — Мы должны его спасти.

— Каким образом?

— Не знаю. Следить за ним. Наложить защитное заклятие. Ты же наверняка можешь что-то сделать, ты теперь магией владеешь!

— Я подумаю над этим, — сдержанно пообещал её рыцарь. — Но сперва нас ждёт ещё одно великое деяние... мы в Зачарованный лес, ребята. Скоро вернёмся.

Таша не сразу поняла, к кому он обращается — и, наконец сфокусировав внимание на том, что видела, поняла: за размышлениями она даже не заметила, как Алексас привёл её к одним из городских ворот.

— Смотрите, с феями поосторожнее, — полусерьёзно, полушутливо предупредил один из стражников, дежуривший в будке у ворот.

— Обязательно, — заверил его Алексас, выводя Ташу за светлую крепостную стену: туда, где рядом с дорогой ждала стена деревьев, сверкавших выбеленными верхушками в последних лучах заходящего солнца, и тропа, убегавшая в чащу, ниточкой намеченная на снежном ковре.

Зачарованный лес...

— И всё-таки, — покорно следуя за своим рыцарем под сень деревьев, сказала Таша, — зачем нам к феям?

— Глоток воды из магического источника фей избавляет тебя от действия всех чар и заклятий, когда-либо на тебя наложенных. Любых магических вмешательств. Кроме того, он наделяет тебя пожизненным ментальным иммунитетом против слабых и средних телепатов и устойчивостью к заклятиям с первого по пятый уровень.

— Звучит неплохо, но зачем оно нам?

Таша оглядывала белые в крапинку берёзы и тонкоствольные рябины. Каждая хрупкая веточка была облита льдом, и деревья казались выточенными из хрусталя. Смущало только одно: что в Криволесье, что на Равнине, что здесь не было слышно жизни. Не пели птицы, не стучали дятлы, не хрустели снегом под копытами пугливые олени или голодные кабаны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Ташу пугала тишина.

— А на тебя никогда не накладывали никаких заклятий? То, от чего ты хотела бы

избавиться?

Таша задумалась.

...девушка в чёрном, неторопливо спускающаяся в бальный зал по широкой лестнице...

— Было дело, — неохотно кивнула она.

— Главное, не соглашайся на иные дары. — Таша смотрела Алексасу в спину, но по голосу живо представляла его сосредоточенное лицо. — Они будут тебя искушать, однако дары фей обманчивы, недолговечны и несут в себе подвох. Отказывайся от всего, проси лишь глоток воды.

— И что, любой может прийти к феям и попросить у них, что хочет?

— Не любой. Вскоре мы придём к границе, за которую может безнаказанно пройти лишь тот, кто чист душой и телом.

— Вот как...

Раньше феи жили почти во всех лесах. Но когда людей стало слишком много и альвы удалились в своё королевство, а люди стали не только вырубать леса, но и настойчиво искать фей, добываясь от них даров — феи переселились в самые густые и непроходимые чащобы, оградив свои владения охранными чарами. Древними чарами. Страшными чарами.

В Зачарованный лес — одно из немногих известных убежищ фей — ходили многие. Маги, воины, простой люд. Но обратно возвращались далеко не все, а из вернувшихся далеко не все оставались в своём уме. Те же, кто возвращались и находили то, что искали — встречу с феями, — не особо охотно об этом рассказывали. Некоторых из них неизбежно тянуло обратно в Лес: они тосковали, не находили себе места, погружались в молчание, а в конце концов просто исчезали, уходя в волшебное место, которое однажды покинули и в которое безумно желали вернуться.

Навсегда.

— Ты уверен, что с нами всё будет в порядке? — неуверенно осведомилась Таша.

— Да. Глоток воды лишит фей возможности как-либо тебе навредить или зачаровать. Хотя если они допустят тебя до источника, это будет значить, что ты им понравилась, а с тем, что им понравилось, феи расстанутся неохотно. Но если не забудешь мои советы, всё будет хорошо.

Таша мельком оглянулась. Позади расстилался лишь лес: город остался далеко позади.

— Весёленькое дельце, однако, вырисовывается, — пробормотала она. — Зачем тебе это сдалось, Алексас?

— Хотя бы затем, что эйрдали, с которыми нам явно предстоит иметь дело в самое ближайшее время, не самые дурные телепаты. Если они захотят тебя очаровать... Так ты будешь от них защищена.

— Почему ты всё время говоришь только обо мне?

Алексас, не ответив, остановился у непримечательной берёзы, росшей по соседству с очередной рябиной.

— Пришли, — сказал он.

Таша пригляделась. Лес впереди ничем не отличался от остававшегося за спиной, разве что тропа куда-то исчезла.

— С чего ты взял?

Алексас молча указал рукой куда-то вверх. Проследив за его пальцами, Таша поняла, что ветви двух деревьев срослись в арку.

— Это вход, — сказал юноша. — Если ты достойна, то, пройдя через него, окажешься непосредственно в Зачарованном лесу.

— А вокруг нас тогда что такое?

— Только прихожая. Тебя выбросит в начало тропы, которая ведёт прямо к поляне фей.

— А если я недостойна?..

— Просто выйдешь с той стороны арки. В этом же самом лесу. Если же твоя душа темна, ты окажешься в лесу, очень похожем на этот, но не сможешь вернуться. Та тропа, что мы оставили позади, исчезнет, а без тропы выбраться из Леса невозможно. Он не выпустит тебя.

— Весело, — буркнула Таша.

— Не то слово. — Когда Алексас обернулся, глаза его были темны и серьёзны. — Слушай внимательно. Лес заглянет в твою душу и вытащит оттуда твои желания и страхи. Не оглядывайся, как бы страшно тебе ни было, что бы ты ни услышала. А услышишь ты многое, поверь. Не пытайся повернуть назад: в Лесу невозможно вернуться туда, откуда ты пришла. Не сходи с тропы, что бы ни произошло. Не прикасайся ни к чему, что там увидишь — цветы, деревья, что угодно. Ничего не ешь. Не пытайся ничего сорвать и унести с собой. Не верь ничему, прежде всего своим глазам и ушам. И помни: Лес — живой. В нём не действуют привычные законы. Он древнее, таинственное и страшное существо, которое не прощает ошибок. Феи недаром выбрали его.

— Всё веселее и веселее, — пробормотала Таша. Вздохнула. — Ты первый.

Он улыбнулся.

— Ты так и не поняла, что пойдёшь туда одна?

На пару мгновений Таша забыла, что должна дышать.

— Что? — выдавила она потом. — Почему?..

Улыбка Алексаса стала кривой:

— Не всем же быть девами непорочными.

— Хочешь сказать, юношам туда ходу нет?

— Есть, только не всем. Как и девушкам, впрочем.

— Но почему тогда ты...

Затем Таша наконец сообразила, что он имеет в виду — и смущённо осеклась.

— Я себя осквернил. Не только тело, но и душу, в первую очередь убийством. Ты — нет. — Алексас прислонился спиной к берёзе. — Мелкие грешки тебе простят... тем более в таком состоянии.

Таша почти не слушала. Она смотрела в лес по ту сторону арки.

Идея навестить фей нравилась ей всё меньше и меньше.

— Не оглядываться, не сходить с тропы, не притрагиваться, не срывать, не есть, не поворачивать назад. Запомнила?

— Алексас, — беспомощно сказала она: почти шёпотом, — может...

— Счастливого пути, моя королева.

Его голос прозвучал уже у Таши за спиной.

В следующий миг её бесцеремонно толкнули вперёд.

— Алексас, я-а-а...

Таша пролетела сквозь арку и, не устояв на ногах, рухнула лицом в траву.

— ...тебя убью, — простонала она.

А миг спустя, сообразив, что вместо снега она действительно упала на траву, настороженно вскинула голову.

Лес вокруг был зелёным. И тёмным. Зима обратилась летом, сумерки — ночью. Прямо перед Ташей, ниточкой в высокой траве, тянулась тропа.

За спиной осталась тьма. Таша не видела её, но чувствовала.

И ей стало ясно, откуда взялось правило первое: не оглядывайся.

— Алексас? — на всякий случай окликнула она. Тихо, потому что нарушать лесную тишину совсем не хотелось.

Мало ли кто её услышит. Или что.

Алексас точно не услышал. Или, может, она его?..

Таша встала. Стянула шарф с лица, вдохнув не по-летнему ледяной воздух — и, преодолевая желание оглянуться, пошла вперёд.

Алексас поступил абсолютно правильно. С его точки зрения.

Теперь пути назад у неё не было.

А юноша, оставшийся по ту сторону арки, опустился на снег, в сумерках отливавший синеватым. Переплёл напряжённые руки в замок.

И молча наблюдал, как Таша пробирается вперёд меж закованных в лёд берёз: по щиколотку утопая в холодном снежном покрове.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ФЕИ, АЛЬВЫ И ПРОРОЧЕСТВА

Госпожа Лиден поставила тарелку с супом на стол.

— Что-то ты сегодня пораньше.

— Половина уже здорова. — Арон взял в руки ложку, но есть не торопился: просто вертел в руках. — Дня через два можно будет ехать.

Старушка села напротив. Взяла ларчик с вязанием, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Таша ещё в Арпагене? — спросила она.

— Она никуда не поехала бы без меня.

— Ты полагаешься только на это? Мне казалось, ты всегда знаешь, где она.

— Да. Знаю. Знал, вернее. — Ложка стиснулась в суховатых пальцах. — Но не теперь.

Госпожа Лиден встревоженно вскинула голову.

— Что случилось?..

— Помнишь, я рассказывал про зеркало? Та же история. Я не чувствую её. Не слышу. Не могу найти. — Ложка тихо звякнула о стол. — Прости, аппетита нет.

— С ней опять какой-то предмет, в котором заключена частица... его сущности?

— Да. Угадай, что.

Госпожа Лиден взглянула на новостной листок, который с сегодняшнего утра поселился посреди их обеденного стола.

— Кубок...

— Всё просчитано до мелочей. Он слишком хорошо знает её. Знает, что она не бросит друзей в беде. — Амадэй отстранённо смотрел вперёд. — Зачем ему всё это? Что он будет делать, когда наконец удовлетворится мстостью и убьёт меня? Зачем ему Таша, если она никогда не испытает к нему ничего, кроме ненависти?

— Думаешь, его это волнует? Игры часто бывают бесцельны, главное — удовольствие в процессе.

— Нет. — Арон качнул головой. — Лиар не будет играть, если впереди не ждёт ценный приз. Для этого он слишком рационален. Ставить целью лишь мою смерть — прекрасно зная, что после неё он, можно сказать, потеряет смысл жизни... это глупо, согласишься. Особенно для такого умного человека, как он.

— Приз... Таша?

— Наверное. Но что-то мне подсказывает — не только. Лиар ведёт куда более крупную игру. — Он помолчал. — Жаль, что я не могу её понять.

— Не так уж и плохо, что ты не можешь понять такого, как он, — заметила старушка, вывязывая большой палец на варежке.

— Возможно. — Амадэй откинулся на спинку стула. — Где Лив?

— В Ташиной комнате. Как прочла это, так и ушла сразу.

— Есть её не звала?

— Звала, но она не откликается. И дверь заперла. Я думаю, пусть посидит. Переживает, бедная... в себя придёт, сама выйдет.

— Может, мне с ней поговорить?

— Нет уж, — твёрдо сказала старушка. — Иди лучше корм Принцу задай, раз уж не ешь.

Арон молча встал и вышел.

Какое-то время на кухне слышалось лишь мирное поскрипывание кресла-качалки да едва слышный шорох клубков пряжи, которые медленно разматывались, высвобождая нити. Потом входная дверь скрипнула вновь.

Куда быстрее, чем ожидала госпожа Лиден.

Она подняла глаза, когда дэй задвигал засов:

— Что случилось?

Арон оглянулся — и когда госпожа Лиден увидела его лицо, крючок застыл в её пальцах.

— Принца нет, — тихо произнёс дэй.

— Как нет? Куда...

— А из окна Ташиной комнаты скинута верёвка, и под ней на снегу — полузанесённые детские следы.

* * *

Таша бывала во всяких лесах. Лиственных, хвойных и смешанных. Светлых, тёмных и таинственных. В конце концов, на её счету была даже ночевка в Криволесье, чем мог похвастаться далеко не всякий.

Но такого леса она не видела ещё никогда.

Деревья были узкими, невысокими, со странными извилистыми стволами, шёлковыми на вид. Их кроны с широкими, с ладонь, листьями срослись сплошным куполом, не позволяя разглядеть и крохотный кусочек неба. Темноту вокруг рассеивали странные цветы, светившиеся белыми призраками: похожие на миниатюрные лилии с семью лепестками в изящных венчиках, наполнявшие воздух тонким, лёгким, немного пряным ароматом.

Цветы аллиграны, вспомнила Таша. «Звёздные дары», раньше виденные ею только на картинках. Цветы, которыми так восхищались Перворожденные альвы, что в конце концов нарекли свои земли в их честь — ещё в те времена, когда долина принадлежала им одним.

Другие цветы нечасто показывались из высокой травы. Хотя «высокая» было несколько неподходящим словом. И пробираться среди мягких стеблей с острыми режущими кромками, достающих до пояса, при каждом шаге обхватывавших тебя зелёными путами, было не самым приятным занятием.

В общем, вокруг было крайне неудобно, очень холодно и просто невыносимо страшно.

Ещё когда-нибудь прочитаю в сказках про «весёлый бор», в котором обитают феи — найду автора и притащу сюда, дабы наглядно указать на его неправоту, мрачно думала Таша, шаг за шагом пробираясь вперёд.

Она чувствовала, как за ней смыкается тьма. Она слышала за своей спиной шорохи, неясные отзвуки, эхо несуществующих шагов.

Лес встречал гостью, забавляясь на свой лад.

— Таша...

Она остановилась. Повернулась голову на голос — почти машинально.

Нет. Не может быть.

— Таша, где ты?

— Ты мертва, — произнесла Таша побелевшими губами. — Ты мертва. Тебя нет.

— Малыш, иди сюда! Я так долго тебя искала...

В призрачном свете цветов Аллиграна Таша увидела, как лесная тьма сбоку от тропы обретает очертания.

Эти очертания заставили её горло сжаться в судорожном предчувствии слёз.

— Ну же, малыш!

Глядя на тонкие, бледные, бесконечно родные, протянутые к ней руки, Таша прикрыла глаза.

— Тебя нет, мама, — прошептала она.

Сделала глубокий вдох — и шагнула вперёд.

Когда она открыла глаза, в чаще никого не было; и, сглотнув ком, коловший горло, Таша продолжила путь.

Вперёд, всё время вперёд. Стоит засомневаться, отступить, шагнуть назад — и, возможно, это станет последней ошибкой в её жизни.

— Таша!..

Она не хотела останавливаться.

Но не остановиться не могла.

— Таша, я так по тебе соскучилась!

Сестра, смеясь, бежала к ней, продираясь сквозь траву. Она тащила за собой долговязого кудрявого мальчишку: взъерошенного так нелепо, смотревшего себе под ноги так рассеянно, что его было никак не спутать с Алексасом.

За ними, улыбаясь, шёл Арон. Глаза его в свете аллигранов сияли чистым голубым светом.

— Заставила же ты нас понервничать, — голос амадэя был сама любовь и нежность, и иногда он действительно говорил так: только с ней. — Знаешь, как долго мы тебя искали? — Он придержал Лив за плечо и, застыв в шаге от тропы, протянул ей руку. — Иди сюда.

— Джеми больше нет. А вы сейчас далеко отсюда, — вымолвила Таша. — Вы ждёте меня дома, и здесь бы вы меня не нашли.

Она сама удивилась хрипоте собственного голоса.

— Это ты думаешь, что не нашли бы! — заявила Лив. — Я лучше тебя в прятки играю, ты сама говорила!

— Ты надеялась, что я верну Джеми. Разве нет? — мягко произнёс дэй. — Так и произошло.

— Они наткнулись на меня у входа в Лес. Шли за нами, но мы совсем чуть-чуть разминулись, — радостно подтвердил мальчишка. — Разделить нас с Алексасом и пары минут не заняло! Зрящий всё-таки... А потом святой отец сказал, что мне тоже можно в Лес, и мы сразу пустились за тобой вдогонку.

— Я найду тебя на другом конце света и даже на другом свете. Ты же знаешь, — сказал Арон. — Идём, прошу. Я больше не дам тебе встречать в неприятности без меня.

Его голос, взгляд, улыбка сжимали грудь холодной лапой тоски.

Всё было слишком, до боли похоже.

Таша чувствовала, как разливается под кожей кровь от колотящегося сердца. А вместе с ней — как всегда — отчаянное, невыносимое желание протянуть ему руку и пойти с ним; куда угодно, главное — с ним...

— Ты ненастоящий, — прошептала она.

Сомкнуть веки было чудовищно трудно. Сделать шаг — ещё труднее.

И всё это было ерундой в сравнении с тем, как заледенела её кровь, когда она открыла глаза и увидела, что его нет рядом.

Почти купилась, дура...

Шаг. Шаг. Шаг. Главное — не задумываться, сколько ещё таких шагов осталось.

Таша знала, что остававшееся за её спиной тут же переставало быть тем, чем казалось. Здесь каждый её шаг рождал новую реальность, и стоит ей обернуться, случится что-то страшное.

Честное слово, единственное, чем Алексас мог бы искупить свою вину — самому пройтись по этой троп...

— Таша...

Она замерла, как вкопанная.

— Та-аша...

Этот голос она узнала бы во сне и наяву.

Голос её величайшего страха.

— Стоять спиной к собеседнику не очень-то вежливо, девочка моя, — мягкий, спокойный голос за её спиной был полон странных чарующих отзвуков. — Ты ведь не забыла правила хорошего тона?

Это опять Лес. Просто Лес.

Таша шагнула вперёд.

— Похоже, забыла. — Она услышала, как что-то позади неё укоризненно цокает языком. — Куда же ты? А твой рыцарь так ждал твоего возвращения...

— Таша, уходи, быстро!

Новый голос заставил её вздрогнуть.

Алексас?..

— Неосмотрительно было оставлять его одного, очень неосмотрительно. Что бы там он про себя ни думал. Ох уж эти молодые люди с их самомнением. — Лиар за её спиной вздохнул. — Небольшой урок пойдёт на пользу его гордыне, как думаешь?

Судорожный выдох. Приглушённый стон сквозь закушенные губы.

Слышать это было даже больнее, чем душераздирающие вопли.

— Кричи, мальчик. Лучше сразу. Всё равно ведь заставлю.

— Нет, Таша, уходи!..

...и как же Воин, Палач, самая тёмная душа в королевстве — смог безнаказанно войти в лес?

Таша замерла на полуобороте.

— Это... неправда, — прошептала она. — Вы мне только мерещитесь.

— Мерещимся? — тихий, до жути приятный смешок. — И это тоже?

Крик Алексаса заставил её прикусить губу почти до крови.

Таша зажмурилась, отчаянно удерживая своё тело на месте: сопротивляясь всему своему существу, отчаянно желавшему обернуться.

Но если это и вправду они...

...если враг сейчас за её спиной...

...если...

Таша зажала уши ладонями.

И помчалась вперёд: вперёд, вперёд по прямой, как стрела, тропе.

Это неправда, неправда, непр...

Под ногу что-то подвернулось, на миг подарив пьянящую невесомость полёта — и, чудом успев подставить руки, Таша рухнула прямо на россыпь кроваво-алых маков.

Она вскинула голову почти мгновенно. Моргнула, не в силах поверить увиденному.

Поляна, на которой она лежала, заросла цветами от края до края. Ландышами и ромашками, фиалками и незабудками, тюльпанами, васильками и сонмом других. Поляну кругом обступила стена раскидистых голубых елей; сверху искрилось звёздами ночное небо.

Посреди круга стояли, с любопытством глядя на неё, девочки в пёстрых платьицах. Года по четыре, не больше. Их было шестеро, и они выглядели бы почти обыденно, если б не исходящее от них слабое сияние — и огромные, вдвое больше них самих, раскидистые крылья бабочек за спинами.

Феи...

Таша осторожно встала. Ободранные ладони горели огнём.

— Здравствуйте, — неуверенно произнесла она.

Феи переглянулись, и одна — кудряшки цвета осенней листвы, веснушки и огромные глаза цвета озёрных вод под полуденным солнцем, — шагнула вперёд. Платье её было соткано из красных кленовых листьев, цветы не приминались под хрупкими босыми ногами.

Девочка взмахнула тонкой рукой; пальцы её казались кукольными, они выглядели прозрачными, как фарфор. Выжидаяще взглянула на Ташу.

Та опустила голову.

У её ног, по щиколотку утопавших в цветочном ковре, лежал большой глиняный горшок, доверху набитый золотом.

— Нет, нет. — Таша мотнула головой. Она уже взяла себя в руки. — Это мне не нужно. Я хочу...

Ещё один взмах — звёздный свет рассыпался в гранях рубинов, алмазов и изумрудов, которым уступило место золото.

Взгляд феи морозил кожу мурашками. Такая жёсткая и мудрая пронизательность читалась на детском лице, такая тень и глубина таилась в детских глазах...

— И это мне не нужно. И это тоже. — Таша улыбнулась, взглянув на расшитую жемчугами и камнями юбку, возникшую на ней вместо тулупа. Она не видела платья целиком, но знала, что оно достойно прекраснейшей из принцесс. — Простите, что отвергаю ваши дары. Но я пришла, чтобы попросить глоток воды из вашего источника, и только.

Фея не произнесла ни слова. Лишь прищурилась чуть.

Глядя в её глаза, Таша откуда-то поняла всё, что она хочет сказать.

— Да, честно говоря, я не очень-то этого хочу. Вернее, этого хочу не я, а мой друг. — Она коротко выдохнула. — Но то, чего я хочу на самом деле... вы мне этого дать не можете. Никто не сможет.

Фея долго смотрела на неё; в глазах старой, бесконечно старой женщины, так странно смотревшихся на детском личике, проявилась неизбывная печаль.

Сделала шаг назад.

Стайка фей расступилась одновременно с этим шагом. Цветы под их ногами качнули головками, прежде чем растаять в чистом воздухе пёстрым маревом.

Когда вместо цветов проявился обложенный камушками родник, весело журчащий, исчезающий ручейком среди белых колокольчиков, фея изогнула ладонь в приглашающем жесте — и Таша низко склонила голову.

— Спасибо, — сказала она, медленно подходя ближе.

Феи отступили ещё дальше, открывая ей проход.

Таша осторожно опустилась перед источником на колени. Сдёрнув варежки, сложенными ладонями зачерпнула воды — студёнее льда, прозрачнее стекла, — и выпила.

От горла к животу прокатилась холодная волна.

Миг спустя голова взорвалась изнутри болью, заставившей её закричать.

Видения...

...умирающая волчица на залитом кровью ковре; мёртвый Арон на красной глине; человек в чёрном, летящий в бездну; альв, величающий Ташу «её высочеством», воины среди вспышек заклятий, она сама, невесть откуда взявшимися крыльями ловящая ветер...

Не видения, вдруг поняла Таша.

А затем — вспомнила.

Боль достигла высшей точки, выжигая что-то в голове безжалостным огнём — и исчезла.

Спустя некоторое время Таша наконец сумела понять, что лежит на снегу, скрючившись, дыша часто и отрывисто. Ещё спустя какое-то время — приподняться и оглядеть ночной лес.

Лёд, обливший берёзы и рябины, слабо серебрился в лунном свете. Феи исчезли вместе с обманчивой зеленью Зачарованного леса.

Вместе с ментальными барьерами, наложенными Ароном на её сознание.

Тариша Тариш Бьорк, она же Таша Арон Кармайкл, она же Тариша Арондель Морли и Тариша Альмон Фаргори, законная наследница престола Срединного королевства и особа, приближённая к заговорщикам, подняла варежки со снега. Натянув их на озябшие ладони, кое-как встала; пошатнувшись, ухватилась за ствол ближайшей берёзы. Постояла, собираясь с мыслями, глядя на тропку, начинавшуюся от её ног и убегавшую вдаль.

Найдя в себе силы оторвать руки от ледяной опоры, сделала один неуверенный шаг. Другой.

Глядя в темноту, в которой она видела так остро, как видят только оборотни, Таша зашагала по тропе: отчего-то не сомневаясь, что та, снова убегая вперёд, на деле ведёт её назад.

Дела-а, думала она, слушая снежный скрип под ногами. Ну и чехарда теперь в голове...

Но одно она всё-таки понимала достаточно ясно.

То, что убийство Алексаса за эту прогулку временно отменялось.

* * *

В обсерватории царил его величество бардак. На столе соседствовали пыльные свитки, кучи очиненных перьев, скомканные бумаги, звёздные карты и древние чашки из-под чая с заплесневелыми лимонами внутри. Круглую комнату оккупировали стопки книг, изогнутые под столь угрожающим углом, что обрушению их мешало разве что чудо. Напротив большого круглого окна, приткнувшегося под самым куполом крыши, сиял чистотой внушительных размеров телескоп. Он явно был здесь единственной вещью, за которой хозяин обсерватории действительно следил.

Когда на лестнице послышался неясный шорох, хозяин как раз сидел в кресле перед телескопом: старик, кутавшийся в плед, задумчиво кусавший мундштук трубки — табака в ней не бывало уже лет десять. Морщинистое лицо с крючковатым носом облаком окружали седые, по-мальчишески густые и ершистые кудри.

Светлые — до того светлые, что могли показаться слепыми — глаза обратили свой взгляд на дверь.

— Мхм... входи, Арон, — ещё до того, как раздался стук, хрипловатым голосом молвил звездочёт.

Амадэй, пригнувшись, прошёл в низкую дверку.

— Добрый вечер, Гирен.

— Не столь добрый, видать, раз ты удостоил меня своим посещением. Мхм, — казалось, хмыканьем старик скрывает рвущийся кашель. — Учитывая, что ты-то прекрасно знаешь: когда мне хочется кого-то повидать, я спускаюсь сам.

— Проницателен, как всегда. — Арон встал, опершись ладонями на пыльный стол. — Гирен, мне нужна твоя помощь.

Взгляд зелёных глаз скрестился с бесцветными.

— Мхм. — Наконец оттаяв от изучающей неподвижности, старик погрыз трубку. — Знаешь, Арон, а я догадываюсь, что тебе нужно. И я, мхм, удивлён, что ты смеешь просить меня об этом, помня о моей клятве.

— Да. Я помню о ней. Но если сейчас ты не воспользуешься своим Даром, могут

погибнуть двое детей.

— Считаешь, что это оправдывает, мхм, клятвопреступление?

— Считаю, что это оправдывает гибель твоей дочери. — Не отводя взгляда, Арон шагнул вперёд. — Оправдывает то, что ты, ни в чём не виновный, проклял свою силу и бежал в глушь. Похоронив Дар в себе, дав зарок никогда не использовать то, что дала тебе Богиня в помощь другим.

— По тебе, может, и оправдывает, — голос старика зазвучал глухо. — У вас вообще странные принципы, мхм.

— Ты сказал девочке не выходить из комнаты. Она тебя не послушалась. Лиден никогда тебя не винила — ты же защищал их. Свою семью. Кто мог знать, что единственной жертвой твоего защитного круга в ту ночь окажется Лира?

Старик промолчал.

— Я понимаю, почему ты возненавидел и степень магистра, и пост в Гильдии, который привёл в ваш дом того некроманта, и магию, погубившую твоего ребёнка. Но сейчас эта магия может спасти как минимум две жизни. Скорее четыре. А, возможно, и все семь. И четверо из тех, кого нужно спасать — дети, а ещё двоих вполне можно считать недалеко от них ушедшими.

Господин Гирен долго смотрел на него.

— Ну загляну я в телескоп, положим, — сказал он потом. — Ну увижу я, что наши девочки на волосок от смерти. Ну скажу тебе, кто из них где... и что дальше? Мхм? — Звездочёт ожесточённо клацнул зубами о дерево трубки. — Что тебе дороже, Арон? Семь жизней — или сорок?

Дэй не ответил.

— Мы не справимся без тебя. Половина ещё больна. И Лид мне рассказала, что у излеченных наблюдаются странные признаки... мхм. Непростая эта болезнь, Арон, ой непростая. И, мхм, не только сама болезнь. Что-то странное во всём этом есть. Много на своём веку повидал... магистр бывший, в конце концов. Это непростой тиф, и пришёл он к нам, мхм, не просто так. Его кто-то наслал. И мнится мне, ты отлично знаешь, кто это мог быть.

— Тогда ты понимаешь, почему мне невыносима даже мысль о том, что наши девочки могут быть в руках этого человека?

— Не совсем человека, мхм. — Господин Гирен качнул кресло на ножках. — Разве ты сам не можешь их найти?

— Я пытался, — ровно откликнулся Арон. — Что-то закрыло от меня их обеих.

— Ааа, — протянул звездочёт. — Эффект «зеркальца Лиара»?

— Вроде того. Либо они уже у него, либо рядом с ними находится что-то, куда мой братец заключил частицу своей сущности, и я тут бессилён. А стоило мне прочитать ту заметку в листке...

— Да, тут и трёх догадок не нужно, чтобы понять, что у Таши это кубок. — Старик качнул головой. — Твой братец определённо умеет планировать. Начинаю им, мхм, восхищаться. В каком-то плане. Во всяком случае, сыграть с ним в аустэйн было бы интересно... мхм. И что ты будешь делать, если окажется, что девочки у него? Бросишь нас? Обречёшь жителей своего пастырства на гибель ради двух... мхм, да нет, что там душой кривить — одной девчонки? Я ведь прекрасно вижу, что до Лив тебе особого дела нет. Любишь её постольку-поскольку. Профессия у тебя такая, мхм, амадэйская. Обязывает всех любить. Да и Таша расстроится, если поймёт, что на её обожаемую сестрёнку тебе...

— Я не знаю, что я буду делать. — Дэй отвечал вроде бы негромко, но голос его был звучнее любого крика. — Наверное, молиться. Но жить в незнании... — Арон шагнул ещё ближе, взглянув на старика сверху вниз. — Гирен, предупреждаю: если ты откажешься мне помочь — я тебя заставлю.

Не отводя глаз, звездочёт тихо стукнул отложенной в сторону трубкой.

— Кто она для тебя, Арон? — без обиняков спросил он.

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю. Дочь, которой у тебя никогда не было... мхм. — Он презрительно скривил губы. — С одной стороны этот ваш закон о невозможности любить, а с другой... ты — воплощение света, добра и справедливости. Ты обязан всех людей любить, как детей своих. Тепло и ровно, никого не выделяя, не делая различий между дурными и праведными. Богиня тебе пример. А с этой девочкой... я же вижу, ты совсем другой. Она... заставляет тебя чувствовать себя живым, да? И тысяча прожитых лет за плечами перестаёт давить непосильным грузом... — Старик прищурился. — Наверное, мхм, я могу тебя понять. Я много читал о таких, как ты, в Адамантской Школе подробно изучают феномен бессмертных. И вот смотрю я на тебя и мучаюсь вопросом... так ли уж, мхм, отечески твои чувства?

— Гирен, — устало сказал Арон, — просто загляни в телескоп, пожалуйста.

— Просто, мхм, непорядочно как-то будет по отношению к Таше...

— Гирен, я прошу тебя в последний раз. По-хорошему прошу.

Старик, дёрнув плечом, фыркнул: даже фыркание его подозрительно напоминало «мхм».

— Ладно... будем считать, что просьба Возлюбленного Богиней снимает с меня грех клятвoprеступления. — Подвинув кресло к телескопу, он приник глазом к окуляру. — С кого начинать, ваше Зрящество?

— Таша.

— Как я и думал. — Одной рукой господин Гирен крутанул рычажки телескопа — пока пальцы второй чертили странные знаки, повисавшие в воздухе сплетением зыбких прозрачных линий. — Угу, угу... мхм... О-па, даже так... в общем, — вынес вердикт старик, отстраняясь от окуляра, — красавица наша по Зачарованному лесу бредёт.

— По Зачарованному лесу?..

— Ага. С Алексасом под ручку. Или с Джеми, кто их знает. Мхм... Выглядит вполне себе сносно. Счастья немеряного на лице незаметно, но и следов ужасных страданий — тоже.

Арон непонимающе смотрел на телескоп.

— Она не в Арпагене, — медленно произнёс он.

— Мхм, — подтвердил господин Гирен.

— Она не дождалась меня.

— Женщины, — философски заметил звездочёт.

— И что им понадобилось в Зачарованном лесу?

Старик прямо-таки расцвёл ехидной улыбкой.

— А то ты не догадываешься, мхм, зачем в её случае можно к феям стремиться? И к их источнику? — Он задумчиво прищёлкнул языком. — А Алексас с Джеми умные парни, ишь ты... похоже, дружище, детки выросли и решили, что вполне смогут обойтись без тебя. И даже оказались правы. Хотя бы в этом.

Арон смотрел на телескоп так, словно впервые в жизни видел подобный предмет.

— Таша не могла так поступить, — вымолвил он потом. — Она бы меня не ослушалась.

— Знаешь, молодые люди порой могут быть демонски убедительны. Особенно такие, как Алексас. Да ещё кубок этот... оно, мхм, всегда так бывает. — Господин Гирен похлопал собеседника по руке: успокаивающе, слегка снисходительно. — Дети вырастают, начинают бунтовать против родителей...

Взгляд амадэя мог кого угодно напугать своей непроницаемостью — но звездочёта этим было явно не пронять.

— Когда мы встретимся, у нас с Алексасом будет долгий разговор, — невыразительно пообещал Арон. — Хорошо. Теперь Лив.

— Момент. — Господин Гирен снова прикинул глазом к окуляру, крутя рычажки и вычерчивая руны. — Ага. Та-ак... а вторая наша красавица в этот самый момент выезжает из Келтона. По дороге к Фар-Лойлу. Должно быть, ездила к кому из тамошних магов, чтоб тот ей сестрёнку помог найти...

— Она возвращается сюда?

— Мхм, — утвердительно кивнул звездочёт. — Думаю, ночью дома будет.

— Отлично. Утром сможешь ещё раз заглянуть?

— Приятно, мхм, что хоть из вежливости спрашиваешь, а не даёшь сразу телепатией по мозгам...

— Ты же мой друг, в конце концов, — мягко напомнил амадэй.

Старик медленно отстранился от телескопа.

— Мне, мхм, одно интересно, — задумчиво протянул он. — Ладно Таша... но Лив-то где «зеркальце Лиара» взяла?

Арон, прикрыв глаза, качнулся на месте, переступив с мысков на пятки.

— Не знаю, — просто ответил он, прежде чем отвернуться. — Но надеюсь скоро узнать. — И направился к выходу. — Спасибо, Гирен. Ты мне очень помог.

Старик следил, как он уходит.

Тяжёлым взглядом.

— Мхм. Ещё бы, — буркнул он наконец в закрывающуюся дверь. — Ты ведь так боишься расстроить свою любимую Ташу тем, что не уберёг её маленькую дурочку-сестру...

— И почему же ты не спрашиваешь меня, отчего я ничего тебе не рассказал?

— Потому что сама прекрасно понимаю, что в жизни тебе не поверила бы.

Алексас удовлетворённо кивнул:

— Приятно, когда тебя понимают.

Таша мрачно опустила взгляд, глядя под ноги, пытаясь разобраться в себе. И не только в свежеевозвращённой памяти.

Она долго шла по тропке, ведущей прочь из Леса, прежде чем наконец заметила впереди знакомую долговязую фигуру. А когда заметила, не раздумывая, побежала к ней; только вот дорогой поймала себя на мысли, что не знает, чего ей хочется больше — врезать Алексасу как следует или кинуться ему на шею.

Остановилась в итоге на демократичной вежливой улыбке и дозволении взять себя под руку, дабы сопроводить обратно в город.

— А блок на вашем сознании, видимо, слетел вместе с концом Двоедушия? — спросила Таша, без труда сведя концы с концами. — Арон же стирал вам память о «Венце»...

— Видимо.

— И зачем ты вернул мне память? Сейчас, так рискуя? Могли бы дождаться Арона.

— По многим причинам. — Алексас отсалютовал стражникам, готовившимся запирать ворота на ночь. — Хотя бы потому, что Арон может прийти совсем не так скоро, как ты думаешь.

— Это ещё почему?

— Он говорит тебе далеко не всё из того, что знает. А Джеми, ещё находясь в Фар-Лойле, смог сделать кое-какие выводы. Это не обычный тиф, это хворь, насланная на деревню специально.

Таша пристально всматривалась в спокойное лицо Алексаса. Свет уличных фонарей играл на нём матовыми бликами.

Догадаться, куда ведёт этот разговор, труда не составило.

— Специально? — повторила она, когда кожу стянули мурашки: не то от холода, не то от странного предвкушения. — Ты хочешь сказать... Лиар?

— Часть игры. Да.

Наверное, Таше положено было испытать страх — но она испытала облегчение.

Враг заиграл в открытую.

Наконец-то.

— Ясно, — тихо произнесла она. — А какие ещё причины?..

— Трудно защищать человека, не знающего, от чего его приходится защищать — вторая. Помня, что ты оборотень, ты и сама себя способна защитить — третья. Четвёртая — связываться с Герландом, когда ты не помнишь, кто он такой, было бы крайне проблематично.

— А зачем нам Герланд?

— Ты же сама высказала догадку о связи Кэйрмиль с «Венцом». Какой бы неубедительной ни была эта версия, её стоит проверить.

— И на том спасибо... Но сначала, — вспомнив одну вещь, Таша требовательно дёрнула его за рукав, — мы навестим Гаста.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что он в порядке.

— Детские чувства не умирают? — колко заметил Алексас.

— Даже если так, тебе-то что? — парировала Таша.

Отпираться она не собиралась. Активнее всего отпираются те, кого подлавливают на чём-то сокрытом. Поскольку в данном случае скрывать было нечего, Таше оставалось только утешать себя тем, что каждый мыслит в силу своей испорченности.

Только вот странная реакция Алексаса — которую проще всего было бы охарактеризовать словом «ревность», — не могла не наводить на некоторые соображения, о которых Таша предпочитала не задумываться.

Пожав плечами, её рыцарь на ходу вскинул свободную руку. Повёл по воздуху пальцами в чёрной кожаной перчатке. Не замедляя шага, всмотрелся куда-то вдаль.

Потом молча свернул в первый попавшийся переулок.

— Ты... нашёл его магией?

— Так проще, чем спрашивать дорогу.

Таша озадаченно вскинула носик:

— А откуда ты знаешь заклинания? Это же Джеми учился, не ты. Или после окончания Двоедушия знания и память объединяются?..

— Именно.

Алексас уверенно вёл её улицами, двориками и переулочками. Смеющиеся, странно оживлённые люди спешили куда-то мимо них. Ночной город сиял разноцветьем окон, искрился золотом снега, залитого светом фонарей. Мрак скрывал то, что видеть не стоило, оставляя свету то, что действительно заслуживало внимания. Откуда-то доносился музыкальный шум; и только тут Таша внезапно вспомнила, что сегодня Ночь Середины Зимы.

Мамин день рождения...

Свернув в очередной проходной дворик, Алексас остановился у непримечательного окошка на первом этаже.

— Так в чём ты хотела убедиться? — осведомился он, кивая на заиндевшее стекло.

Привстав на цыпочки, Таша заглянула в полутёмную комнатку. Кровать, шкаф, незатушенная лампадка на тумбочке — никаких излишеств. Гаст мирно храпел, подложив руку под голову.

Таша не сразу заметила резак, выпавший на одеяло из ослабевших пальцев.

— Он... ждал незваных гостей?

— Ждал, да утомился. — Алексас потянул её вперёд. — Успокоилась?

— Нет. — Таша упрямо выкрутила руку. — Мы должны покараулить!

Алексас склонил голову набок: жестом хищной птицы.

— Ты всерьёз предлагаешь нам всю ночь сидеть под крылечком его жилища и караулить эйрдалей, которые легко могут так и не появиться? — уточнил он.

Наверное, никто другой не различил бы в этом мягком голосе издевку; но Ташу, прекрасно её различившую, это не смутило.

— А что ты предлагаешь? — спросила она вместо ответа. — Пойти домой и знать, что утром мы можем прочесть в новостном листке о несчастном случае с летальным исходом?

Алексас тяжело вздохнул. Сдёрнув перчатки, вручил их Таше. Подойдя к окну, легонько коснулся рамы.

Окно в комнату распахнулось пугающе беззвучно.

— Что ты...

— Тш. Стой здесь. — Алексас одним махом перемахнул через подоконник. — Я быстро.

Без единого звука приземлившись на потрёпанный ковёр, он встал спиной к Таше, недоумённо наблюдавшей за происходящим. Воздел руки. С минуту дирижировал неведомой музыкой, творимой изящными движениями его пальцев, слышимой ему одному.

Гаст даже не шелохнулся во сне.

Когда под сапогами Алексаса снова скрипнул снег, а створки окна сами собой тихонько вернулись на место — Таше почудилось, что стекло на мгновение покрыла гигантская светящаяся сеть.

— Что ты сделал? — нервно осведомилась она.

— Защитная паутина класса В. — Алексас невозмутимо отобрал у неё перчатки. — Этой ночью все могут спать спокойно: и он, и мы, и эйрдали. Никто не сможет войти в его комнату без приглашения, а я узнаю о любых попытках.

— Значит, в доме он в безопасности? А когда выйдет?..

— Да, снова окажется под угрозой. Но теперь ты согласишься вернуться в трактир и уделить немножко времени нашим проблемам?

Таша, вздохнув, приняла предложенную руку и последовала за юношей в арку, выводящую прямоком на Ремесленную улицу. Вскоре они уже смешались с праздничной толпой, вышагивая мимо ларьков торговцев, предлагавших горячее вино и всякие вкусности, и фокусников, жонглировавших мечами и перебрасывавшихся огненными колёсами, оставлявшими за собой в воздухе искрящийся след.

— Значит, ты и такое умеешь? — спустя некоторое время задумчиво поинтересовалась Таша, немножко повысив голос, чтобы перекрыть гомон разговоров вокруг.

— Джеми знал, как такое делается, — откликнулся Алексас, уверенно лавируя между горожанами, прокладывая путь им обоим. — Только много боялся.

— Его во многом ограничивал магический резерв, я же помню. Получается, у тебя он больше?

— Да. Я старше и сильнее. Соответственно, у меня больше как силы ментальной, так и силы физической.

— А это тут при чём?

— Когда заканчиваются доступные ментальные силы, заклятия начинают черпать энергию из твоего тела. Почему, ты думаешь, у Джеми то и дело шла носом кровь? Он тратил весь свой магический резерв, а дальше платил собственными жизненными силами.

— То есть... заклятия способны вас убить?

— Ещё как. — Алексас покосился на неё. — Смотрю, ты о магии почти ничего не знаешь?

— Маги не особо охотно раскрывают профессиональные секреты.

— Профессия обязывает, что поделаешь... Заклятия делят, грубо говоря, на десять уровней. Чем выше уровень, тем больше сложность, продолжительность, эффект действия и затрата ментальных сил. Если попытаешься сотворить заклятие уровнем выше, чем тебе доступен — почти наверняка погибнешь. Среднестатистическому магу открыты первые пять уровней, магистрами четвёртой степени становятся те, кто достигает шестого. Третьей степени — седьмого...

— Второй — восьмого, первой — девятого, — закончила Таша. — И магистров первой степени ещё называют архимагами, помню. А десятый?

— Десятый не открывался никому так давно, что Гильдия Магов исключила его из списка уровней, доступных человеческим колдунам. Десятый — это Чудотворцы, и последним таковым среди людей был Ликбер. Сейчас десятый уровень доступен лишь альвам, старейшим эйрдалям...

— И амадэям. — Таша натянула шарф на нос: мороз уже защищал его до бесчувственности. — А магистров первой степени много?

— Не слишком. Мастера обеих Школ, а кроме них — ещё человек десять, наверное.

— И волшебников, и колдунов?

— Колдунов больше, если не ошибаюсь.

— Зло, как всегда, сильнее добра, — буркнула Таша. — А тебе какой максимальный уровень откроется? Можно это определить?

— Боюсь, я уже достиг своего потолка. О...

Они замерли у края небольшой площади с колодцем посреди. Несмотря на мороз, здесь былолюдно — и немудрено: подле колодца вздымал к небу огненные лепестки огромный костёр, вокруг которого прыгали друг за дружкой горожане в мешках. Взрослые люди хохотали, как дети, зрители улюлюкали и подбадривали соревнующихся криками. Из окна ближайшей таверны доносились звуки лютни и чистый женский голос... и, услышав его, Таша вздрогнула.

Она оглянулась, вслушиваясь во внезапно знакомые слова.

— ...ты не видишь лица, да и голос тебе незнаком,

Только это — тот голос, в котором ты слышишь ответ...

Таша сама не ответила бы, откуда у неё взялись силы подтащить Алексаса к двери таверны и войти внутрь.

На сценическом помосте сидела Маришка. Внучка старосты далёкой деревеньки Потанми, с жителями которой когда-то Таша и Арон разделили нехитрую сенокосную трапезу.

Неужели это было только этим летом?..

— Паладины любви... И нужны ли любые слова?

Или просто улыбка, и просто костёр, и рука...

Песня-пророчество из прошлого звала, напоминая обо всём забытом. Звуки лютни сыпались звёздными россыпями, а над ними поднимался голос, щемивший сердце, щипавший глаза. Поднимался — и поднимал всех, кто слушал его, куда-то высоко: выше крыш домов и шпилей башен, выше горных вершин и холодных облаков, на собственную недостижимую высоту.

— ...подойди. Посмотри. В его взгляде — туман и трава,

И дороги, и солнце, и радуга, и облака...

Так странно... песня для них с Ароном теперь звучит здесь: так далеко от дома, так далеко от места, где Таша впервые услышала её. И никто из тех, кто сидит здесь, не знает, что таится за красивыми словами. Наверное, даже Мара сама не знает.

Знают только те, про кого эти слова — и тот, кто когда-то нашептал пророку-менестрелю очередную песню для случайных путников.

— ...это те, кого ждёшь, это те, кто спускается вниз

И живут среди нас, предпочтя своё небо — земле,

Чтоб вершины и ветер — всем тем, кто тоскует о них.

Таша не удивилась бурности аплодисментов.

В том, что у Мары был истинный дар, она имела возможность убедиться.

— Знакомая? — спросил Алексас тихо и понимающе.

Вместо ответа Таша решительно потянула его за собой: к помосту, осторожно пробираясь между столиками.

— «Моя госпожа», Мара-лэн! — выкрикнул кто-то. — Теперь «Мою госпожу»!

— Нет, «Песню трактирщика»! — закричали из-за другого стола.

— «Странника»!

— «Зимний путь»!

Когда исполнительница выпрямилась из долгого поклона — Таша, улыбаясь, смотрела на неё снизу вверх.

— Здравствуйте, Мара-лэн, — озвучила она негромкое приветствие.

Взгляд чёрных, без блеска, девичьих глаз остановился на Ташином лице.

Сделав извиняющийся жест в сторону публики, Маришка отложила лютню, подхватила кружку, дожидавшуюся своего часа у края помоста, и спустилась вниз.

— Я помню вас, — кивнула девушка, оказавшись рядом с Ташей. Костюм мужского покроя ей очень шёл. — Вы были со своим дядей-дэем.

Алексас ухмыльнулся:

— Дядей, значит?..

— Как вы здесь оказались, Мара-лэн? — сердито дёрнув его за рукав, спросила Таша. — Почему ушли из Потанми?

— Дедушка умер. Больше меня там ничего не держало. Теперь я наконец занимаюсь тем, что всегда меня влекло. — Маришка поднесла кружку к губам, не отводя взгляда; от чёрных локонов, красивших её летом, остались короткие, чуть прикрывающие уши пряди. — К слову, вы в прошлый раз не представились... Морли-малэн.

— Вы знаете? — вырвалось у Таши. — Откуда?

— Пророческий дар менестрелей, не иначе, — с нескрываемой иронией проговорил Алексас.

Маришка, наконец обратив внимание на юношу, повернулась к нему. Склонила голову, не опуская внимательных глаз.

Ответный взгляд Алексаса был не менее изучающим.

— Алексас, это Мара-лэн. Мара-лэн — Алексас-энтаро, — произнесла Таша, вдруг почувствовав себя лишней. — Мы когда-то столкнулись с Марой-лэн в её родной деревне...

— Любопытную песнь вы пели, Мара-лэн, — мягко произнёс Алексас. — Подарок?

— Для вашей спутницы. — Густые ресницы девушки-менестреля дрогнули. — Впрочем, ей подарят ещё много песен.

— Думаете?

— Знаю. С тех пор, как впервые её увидела. Судьбы ваши сплетут затейливейшие из песен, и их будут петь многие менестрели, кроме меня, и ещё долго после того, как меня не станет. — Мара смотрела в синие с золотом глаза; взгляд её был странно глубок и рассеян, его окрасила лёгкая, как крыло бабочки, грусть. — Много песен сложат о ней и о вас, и о вас вместе. Песен о братьях-врагах и братьях-рыцарях, о двух сёстрах бессмертных и стольких же — смертных, о двух девочках, в чьих глазах жили звёзды. О великой игре и великом игроке, которому наказано было остаться последним. О круге жизней, слившихся воедино, от которого даже он не мог убежать. О той, которую он впустил в своё сердце, заключившей сделку с тварью из Бездны, предавшей его и верной ему, как никто. О том, как он убивал ту, кого больше всех в этом мире хотел бы спасти, о короне, омытой слезами и кровью, которой он увенчал её чело. О том, как он ушёл за грань в самый тёмный час, навсегда разрывая страшный цикл проклятых врат. О любви, перед которой бессильна была и месть, и ненависть, и смерть... Хотите знать больше? Я могу подарить что-нибудь и вам тоже.

Алексас помолчал, не опуская глаз.

— Дар и проклятие — прозревать ткань времени, — сказал он потом: без тени улыбки. Слегка поклонившись, взял Ташу за руку. — Мы не хотим знать грядущее, Мара-лэн. Игры с высшим знанием опасны даже для бессмертных, что уж говорить о тех, чья жизнь так хрупка.

Маришка моргнула — и Таша вдруг поняла, что глубина исчезла из её взгляда.

— Как знаете, — откликнулась девушка равнодушно. Отвернулась. — Мне пора возвращаться к работе. Доброй вам ночи и доброго праздника. Да освещают светлые духи ваш тёмный путь.

Взметнула отороченным мехом плащом, вошла по лестнице обратно на помост — а Алексас решительно потянул Ташу к выходу.

— Идём.

Его голос сопровождал нежный искристый перебор: Мара проверяла строй лютни.

— Почему ты не захотел?.. — тихо спросила Таша.

— Всё, как я и сказал, — бросил Алексас через плечо. — Она и так сообщила гораздо

больше, чем нам следовало знать.

— Ты тихо скользишь мимо жизни седеющим ветром,
На грани прощанья, на грани меж памятью и расставаньем,
На грани — на грани меж тьмою и сумрачным северным небом,
На грани мерцанья звезды и свечи колебанья...

Незнакомая песня гладила спину. Казалось, в наступившей тишине грустные переливы люти ни касаются кожи тихими прохладными пальцами.

Таша невольно замедлила шаг.

Её песня или нет?

И если её — просто песня или?..

— Неслышимым шагом, в погоне за тенью ответа,

На грани отчаянья, грани рассвета и вечных туманов,

На грани — ты шепчешь, касаясь бокала губами и смехом,

На грани — и зная, что ты заблудился за гранью...

Таша почти обернулась — но тут морозный воздух ущипнул щёки, пряный запах костра пощекотал нос, а захлопнувшаяся дверь и окно, которое кто-то успел закрыть, заперли звуки в таверне, оставшейся позади.

С площади уходили в молчании. Таша не знала, почему молчит Алексас; но ей самой слишком многое надо было обдумать.

«О великой игре и великом игроке»...

— Всё, — наконец осмелилась заговорить она, — что она сказала про...

— Не надо, — отрезал Алексас.

От удивления Таша даже сбилась с шага.

— Что...

— Не надо, Таша. Не думай о её словах. — Он резко остановился. Повернувшись к ней, взял её за плечи, оставив толпе струиться мимо них. — Пророчества бесконечно опасны. Чем отчаяннее ты пытаешься их разгадать, тем больше заблуждаешься. Чем изощрённее пытаешься обмануть судьбу, тем вернее следуешь по предназначённому пути.

Однако зачастую твоими стараниями этот путь делается в разы болезненнее и труднее. — Её рыцарь решительно смотрел на неё, глаза в глаза. — Забудь всё, что она сказала. И я забуду. Хорошо?

Таша угрюмо кивнула, отчётливо понимая его правоту: легенд о несчастных, пытавшихся убежать от своего предназначения, которое они случайно прозревали, и правда было множество. И большинство из них отнюдь не были весёлыми.

Но всё-таки...

— Хорошо, — покорно согласилась она.

— Вот и славно. — Алексас вновь взял её под руку, чтобы повести дальше. — И спасибо.

— За что?

— Что завела меня в эту таверну. Я в своей жизни встречал немало менестрелей, но с таким даром — пожалуй, ни одного.

Таша, не ответив, опустила взгляд, глядя на мостовую, заботливо расчищенную от снега.

«О том, как он убивал ту, кого больше всех в этом мире хотел бы спасти, о короне, омытой слезами и кровью, которой он увенчал её чело»...

Впору подумать, что речь о ней. О Таше. И тогда кэны летом не зря загнали их в Пвилл, к Норманам, как раз нуждавшимся в фальшивой невесте. Ведь построить цепочку от Норманов к Его Величеству оказалось так легко; и если у Таши получится найти того, кто организовал покушение на короля, добившись благосклонности монарха, который холост и весьма хорош собой...

Да только зачем это Воину? Хочет возвести свою марионетку на трон, чтобы править королевством через неё? В таком случае он заблуждается. Играть по его правилам Таша не будет: она не пожелала становиться королевой через труп узурпатора, и уж тем более не подумает становиться ею же через его постель.

Впрочем, если вспомнить первую половину фразы — она явно не та, кого Воин хотел бы спасти «больше всех в этом мире». Конечно, у Лиара к ней некое особое отношение; но здесь речь явно шла о ком-то, кого он любит, а Таша под это определение, к счастью, никак не подходила. Дорогая, хрупкая и нужная кукла — да, любимая — слава Пресветлой, нет. Скорее всего, имелась в виду та же девушка, которая... как там... «заключила сделку с тварью из Бездны»... видимо, демоном. Тем более что герой пророчества вроде как «впустил её в своё сердце». А «корона» — символ, переносный смысл. Наверное, Маришка говорила о каких-то событиях прошлого: в конце концов, это не первая игра амадэев. Правда, что за «наказ остаться последним» и «круг жизней»? И при чём тут «цикл проклятых врат»? Можно подумать, речь о вратах Бездны, но ведь Ликбер уже запечатал их, давным-давно...

В общем, прав Алексас. Не стоит ей в этом копаться. Хотя бы потому, что куда проще думать, что их враг никогда и никого не любил.

Или разучился этому ещё шестьсот лет назад.

— Кто хочет есть? — весело спросил Алексас, толкнув трактирную калитку.

— Я! И очень, — прислушавшись к бунтующему желудку, призналась Таша. — Эта фейная вода нагуливает зверский аппетит, должна сказать.

— Я закажу ужин в комнату. А пока будем ждать, совершим очередное великое деяние.

— Свяжемся с Герландом?

— Именно.

Лишь оказавшись в тепле, Таша поняла, как замёрзла. Взобравшись с ногами на постель и укутавшись в одеяло, она следила, как Алексас готовится к предстоящему сеансу связи. Потушив свет, её рыцарь поставил горящую свечу у зеркала на стене; потом принялся расчерчивать зеркало рунными знаками, повисавшими на стекле мерцающей фиолетовой паутиной. Доведя пентаграмму до логического завершения, Алексас сосредоточенно расчертил в каждом углу по три-четыре замысловатых символа. Не поморщившись, резанул себя по пальцу лезвием меча, чтобы оставить кровавый отпечаток на каждой из вершин получившейся звезды.

При взгляде на кровь Ташу пробрала дрожь, но она не отвернулась.

— Предупреждаю, — отступив на шаг, Алексас удовлетворённо оглядел зеркало, — Герланд будет сильно не в духе.

— Почему?

— Потому что этот ритуал не особо приятен для вызываемой стороны. Чтобы ответить мне, Герланду понадобится второе зеркало. Любое. Знаком же, что его вызывают, послужит невыносимая головная боль. Прекратится она лишь тогда, когда он примет мой вызов.

— Гуманно, — поморщилась Таша.

— Альвово. — Алексас щёлкнул пальцами.

Серебристая гладь вспыхнула перламутровым светом: на тот миг, после которого в зеркале отразилась сплошная бархатная темень.

— Герланд Лернот'ель Бальриэсс, — произнёс Алексас негромко и отчётливо, — я вызываю тебя на разговор.

Какое-то время темнота оставалась неизменно тёмной.

Затем, дрогнув, сменилась ослепительной белизной.

— Ещё раз так сделаешь... сам понимаешь, что будет, — послышался мужской голос; степень льда в нём зашкаливала в немыслимо отрицательный градус.

Белизна в зеркале померкла, обретая краски и очертания. Секунду спустя смутные цветные пятна сложились в лицо, сияющее холодной альвийской красой.

— Добрый вечер, Герланд-энтаро, — жизнерадостно произнесла Таша, вызывая удар на себя.

Впрочем, в следующий миг притворяться жизнерадостной ей стало куда труднее. От взгляда альвийских глаз — синих-синих, с серебристыми искрами, притаившимися на дне зрачков — кому угодно сделалось бы не по себе.

— А, Ваше Высочество. — Даже не стараясь скрыть иронию, Герланд склонил голову. — Чем обязан такой чести?

— Может, сын приёмный по вам соскучился, — уклончиво ответила Таша, внимательно разглядывая гобелен, висевший за спиной альва. Там красовался единорог, с изумительным искусством вытканый на лесной поляне; где бы сейчас ни были заговорщики, устроились они явно с комфортом.

— После этого — сильно сомневаюсь. — Альв протянул руку в сторону. — А вы тут неплохо получились, Ваше Высочество. Приятно было увидеть нашу принцессу живой, здоровой, цветущей...

Таша непонимающе уставилась на новостной листок, который альв услужливо поднёс к зеркалу.

Вернее, на мыслеграфию в его центре: где у пустого трона стояла она сама.

— Они... написали статью? — зачем-то спросила Таша, озвучивая очевидное. — Когда?

— Мы с утра прямо и прочитали. — Откинувшись на спинку невидимого Таше стула, альв с деланным наслаждением развернул листок. — «Объявившаяся наследница рода Морли... Его Величество не приходит в сознание... доставлен в Альденвейтс, находится под неусыпным наблюдением... Отважная девушка вызвалась Ищущей... не верит в виновность будущего зятя... пытается спасти жениха... направляется к мастеру Герману, чтобы выяснить всю правду о роковом подарке королю». Да, Ваше Высочество, кто-то очень постарался предоставить преступникам всю информацию о вас. — Отбрасывая листок в сторону, Герланд почти мурлыкал. — Должен признать, тот факт, что вы ещё живы, удивляет меня не меньше того, что вы посмели заявиться ко двору.

Таша нервно сжала кулаки.

— С чего вы взяли, что Ташу попытаются убить? — подал голос Алексас. — Это не имеет никакого смысла. Её шансы на успех...

— И тебе привет, блудный сын. — Альв положил подбородок на скрещённые пальцы; он казался немногим старше Алексаса, но Таша знала, насколько это впечатление обманчиво. — Значит, вот как? Полгода никаких вестей, ни единого слова, ни единой попытки выйти на связь — а как нужда, примчался, хвост поджав? Да ещё вызов с ментальным ударом... ничего не скажешь, любящий ребёнок. От Алексаса мог такое ожидать, конечно, но от тебя, Джеми...

— А когда вы подталкивали Джеми к Двоедушию, — ярость в Ташином голосе перехлёстывала через край, — вы могли сказать ему «единое слово» о том, чем это заканчивается?

Впервые она увидела, как альв теряет дар речи.

Герланд перевёл взгляд на Алексаса. Посмотрел прямо в золотисто-синие глаза приёмного сына.

— Значит... это случилось? — спросил он.

Голос его почти не изменился, лишь стал чуточку тише обычного; но на миг Таше почудилось, что она видит, как растерянно складываются за спиной у альва призрачные прозрачные крылья, похожие на те, какие бывают у бабочек.

Алексас не ответил. Даже не кивнул.

Ответ не был нужен.

Герланд долго молчал.

— Ясно, — наконец невыразительно изрёк он. — Мне очень жаль. Не думал, что это будет так скоро. Но... пожалуй, всё разрешилось наилучшим образом.

Таша гневно вскочила, выпрямившись на кровати в полный рост:

— Наилучшим образом? — она резко рубанула ладонью по воздуху. — И это вы называете «наилучшим образом»?! Да вы...

— Я не позволял тебе кричать на меня, девочка, — холодно бросил альв. — Какой, по-твоему, у меня был выбор? Одному из них в любом случае суждено было умереть, но знай Алексас, чем закончится Двоедушие — никогда не согласился бы на ритуал. Скажешь, если бы у тебя была возможность хоть ненадолго продлить жизнь любому из них, ты бы им не воспользовалась?

Таша замешкалась, медля с ответом, который почему-то отказывался находиться, — и

основатель «Венца» насмешливо кивнул.

— Так что вам нужно от меня? — деловито осведомился он.

— Вначале скажите, с чего вы так уверены, что Ташу попытаются убить, — спокойно откликнулся Алексас. — Быть может, это именно то, что нам нужно.

Герланд едва заметно пожал плечами.

— Ничего определённого пока сказать не могу, — изрёк он, — но сегодня с «Венцом» связались представители организации под названием «Кровавый рассвет».

— Что за организация?

— Наши коллеги. Заговорщики, предложившие нам сотрудничество. До сего дня мы о них ничего не слышали, что меня весьма удивило. Они заявили, что ответственны за покушение на короля, и что вместе нам под силу свергнуть ненавистного узурпатора. Подробности обговариваем завтра во время личной встречи... однако то, что связавшийся с нами был эйрдалем, меня уже не радует.

Таша многозначительно и торжествующе воздела палец к потолку.

— А при чём тут Таша? — нахмурился Алексас.

— Я сказал им, что мы заинтересованы в сотрудничестве с сильными организациями, которые не подставят нас под удар. А их покушение мало того, что не удалось, так ещё и оставило след, по которому власти могут выйти на них. На это мне ответили, что у мастера Германа уже ничего не выяснить, а Ищущая вскоре тоже окажется там, где уже точно не отыщет чей-либо след. — Герланд ослабилась. — А вы, стало быть, подумали, что это дело рук «Венца»?

— Не совсем, — качнул головой Алексас. — Таша?..

Она выдохнула, словно перед прыжком в омут. Вкратце поведала альву предысторию покушения и свои соображения по этому поводу.

Герланд слушал внимательно — но когда Таша смолкла, покачал головой:

— Нет, Ваше Высочество, мы тут ни при чём. Зачем действовать так грубо и так глупо? Убивать Шейлирера, когда народ любит его... о, нет, наша тактика рассчитана на другое.

— На что же? Утрату королём народной любви?

— Именно, — негромко подтвердил Алексас. — Отравленные колодцы, разгул разбойников на дорогах, голод, эпидемии и прочие радости жизни.

Если б взгляд альва мог резать — его ученик лишился бы жизненно важных частей тела

прямо сейчас.

— Мы не в игры играем, Ваше Высочество, — мягко сказал Герланд, переведя взгляд на Ташино бледное лицо. — Это деловой подход. И наши планы — не ваше дело. У вас своих забот по самое ваше очаровательное горлышко. — Альв подался вперёд. — Но поскольку в моих интересах обеспечить безопасность этому горлышку... предлагаю сделку.

К этому Таша была готова.

— Какую? — спокойно и устало уточнила она.

— Завтра я сообщаю вам всё, что мне удастся вытянуть из представителя этой организации.

— Хорошо. А я, в свою очередь...

— А вы, в свою очередь, не делаете больших глупостей и стараетесь выжить при поиске ваших неуловимых убийц.

Таша, ожидавшая другого, недоверчиво моргнула.

— И всё?

— Вы же у нас поразительно свободолюбивое создание. Кошачья натура даёт о себе знать. Или птичья, кто его знает, — с нескрываемой иронией заметил Герланд. — Заговори я сейчас о том, что вы нам должны, вы взбунтуетесь, а так... рано или поздно вы захотите править, и тогда поймёте, что без нашей поддержки вам не обойтись. Мы подождём. Ждать мы умеем.

— Не захочу. — Таша смотрела прямо в синие альвийские глаза: это был цвет холодной озёрной бездны, обманчиво пригретой солнечными лучами. — С меня достаточно одного проклятья. Обратничества.

— А какое же второе проклятье вам грозит?

— Власть.

Герланд задумчиво провёл по губам тонким пальцем.

— Вы меня не разочаровываете, Ваше Высочество, — неожиданно произнёс он. — Надеюсь, когда-нибудь у этих земель будет достойная королева. — Альв встал. — Завтра, на этом же месте, в этот же час.

Небрежно повёл рукой — и в зеркале воцарилась чернота.

Таша прикосновением включила светильник на тумбочке. Задумчиво проследила, как Алексас синхронно со своим отражением стирает кровь со стекла.

— Смотрю, Советник очень заинтересован в том, чтобы меня убили, — невесело улыбнулась она.

Алексас небрежно швырнул тряпку в мусорную корзину:

— Нравнодушных не любили во все времена.

— «Кровавый рассвет»... эйрдали... — Таша в растерянности перебирала пальцами по одеялу. — Значит, это и есть та организация, в которой состояла Кэйрмилль?

— Очевидно.

— Можно подумать, они затеяли покушение на короля лишь затем, чтобы подставить Норманов. И избавиться от них таким образом, раз по-другому не получилось. Но это же бред, верно? — Таша озадаченно подпёрла рукой подбородок. — Я имею в виду, организовывать такое... и так рисковать лишь для того, чтобы подставить какого-то там герцога...

— На мой взгляд, сейчас не это самое важное. — Алексас встал посреди комнаты. — Можешь меня какое-то время не отвлекать?

Таша, кивнув, пару минут наблюдала за тем, как её рыцарь накладывает на комнату защитную паутину — уже знакомыми дирижёрскими пассажами.

— Значит, они тоже хотят свергнуть Шейлиреара? — спросила она, когда Алексас опустил руки.

— Как видишь. Но, боюсь, их конечные цели не совпадают с целями «Венца».

— Ну да, непохоже, что их интересует восстановление Бьорков на престоле. Наверное, они хотят править сами?

Ответить Алексас не успел: их прервал стук в дверь и крик служанки «ужин!».

Покосившись на свою правую руку, на которой ободком серебрилось широкое кольцо, Алексас распахнул дверь. Смерил девушку внимательным взглядом.

Отступив в сторону, изогнул кисть в любезном приглашающем жесте:

— Входите.

Когда служанка переступила порог, Таша заметила, как дверной косяк на миг засветился красным.

— В каждом встречном теперь будешь подозревать эйрдаля? — хмыкнула Таша, усаживаясь за накрытый стол, когда их снова оставили наедине.

— Я бы на твоём месте не был столь весел. — Алексас, сдержанным жестом отпилив от своего мяса небольшой кусок, отправил его в рот. — Им ничего не стоит прокрасться сюда, взять форму и прийти к тебе под видом служанки.

— Но твоё кольцо никогда не лжёт. — Она указала на серебряную полоску, обвивавшую его палец. — Или ты ему не доверяешь?

— Лучше полагаться не только на кольцо. Всё можно обмануть, кроме сердца, — серьёзно заметил Алексас.

Таша кивнула в знак солидарности.

— Вино? — спросила она, заметив два широких бокала с бордовым напитком: казалось, в стекло заключили жидкий рубин.

— Да. Тёплое, с мёдом и специями. — Потянувшись за одним из бокалов, Алексас протянул его Таше. — Тебе тоже заказал, а то ты замёрзла.

Она без возражений приняла поданное, и стекло приятно согрело холодные пальцы.

— За нас, — проговорил Алексас, поднимая свой бокал. — За грядущую победу. За Ночь Середины Зимы. И за Ленмариэль Бьорк.

Таша удивлённо взглянула на него.

— Я помню, что у неё сегодня день рождения, — мягко сказал Алексас, заметив этот взгляд.

Её удивление стало приятным.

— Да, — кивнула Таша. — Конечно.

«Тебя нет, мама»...

— За Ленмариэль Бьорк, — эхом откликнулась она.

Вино обожгло горло, прокатившись тёплой волной по телу, прогнав затаившийся холод в кончики пальцев.

Ужинали почти молча, в приятном ленивом довольстве. Вскоре Ташины пальцы окончательно согрелись; следом за теплом и сытостью пришла сонливость.

В какой-то момент Алексас, решительно поднявшись из-за стола, принялся взбивать её подушку.

— Это ты таким образом деликатным образом намекаешь, что мне пора спать? — уточнила Таша, вздохом скрывая зевок.

— Скажешь, неправ? У тебя глаза уже закрываются. И ушко теребишь.

— И что? — осознав, что она действительно трогает указательным пальцем мочку собственного уха, Таша поспешно опустила руку. — Я часто так делаю.

— Именно. Ты теребишь ухо, когда хочешь спать. Давно заметил.

— Наблюдательный ты мой, — проворчала Таша, поднимаясь из-за стола.

Скинув сапожки, она прямо в платье заползла под одеяло. Конечно, под платьем была ещё майка, но поскольку спать им с Алексасом предстоит в одной комнате...

В этот миг Таша вдруг сообразила, что ещё летом её несколько не смущала ночёвка по соседству со своими рыцарями. Более того, её никогда не пугала перспектива, что Джеми — а именно он находился рядом большую часть суток — увидит больше того, что позволяли видеть правила приличия. Наверное, потому что увиденное всё равно несколько его не заинтересовало бы.

Но всё дело было в том, что теперь Таша отчётливо осознавала: рядом с ней тот, кого увиденное, скорее всего, очень даже заинтересует.

Поэтому она следила, как Алексас заботливо подтыкает ей одеяло, с некоторой неловкостью.

— Колыбельную? Сказочку? — услужливо предложил тот, выпрямившись. — Весь в вашем распоряжении, моя королева.

— Нет, спасибо. И вообще, укладывать меня спать — прерогатива Арона-а... ах. — Таша зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Тебе такая роль не идёт.

— Удивишься, но я рад это слышать. — Алексас поклонился с лучезарной улыбкой. — Свет не выключать?

— Можешь выключить. Я не боюсь темноты, когда я не одна.

Он коснулся светильника, прежде чем прошествовать обратно к столу, и комнату затопила тьма. Потом Таша услышала тихое, на грани слышимого звяканье: Алексас поднял со стола свой недопитый бокал.

— Спокойной ночи, моя королева.

— А ты почему не ложишься?

— Пока не хочу. К тому же надо допить вино.

— Тогда зачем выключил свет?

— Тебе он будет мешать, а я вполне могу обойтись без него.

Таша смотрела прямо перед собой. Темнота, воцарившаяся вокруг в первый миг, потихоньку рассеивалась перед её глазами; она уже видела озарённый лунный светом потолок почти так же хорошо, как при свете.

— Что мы будем делать завтра, Алексас? Ждать, пока Герланд с нами свяжется? Просто ждать?

— Да. Просто ждать.

— Нет, надо проследить за Гастом! Эйрдали...

— Не волнуйся. Мы его защитим.

— Хорошо. Но ведь из-за этой статьи... меня теперь... узнают...

Мысль потерялась в забытьи, на миг утащившем её в сонную бездну. Когда Таша открыла глаза, Алексас уже был рядом, глядя на неё сверху вниз.

Странно, и когда она успела смежить веки?..

— Спи, — без улыбки сказал её рыцарь. — Завтра всё решим. Обещаю.

Сон окутывал её мягким ленивым облаком.

Таша не знала, действительно ли она сумела разомкнуть губы или ей это уже приснилось:

— Алексас?

— Да?

Она чуть улыбнулась.

— Я рада, что ты со мной.

Некоторое время юноша стоял рядом с кроватью, вглядываясь в безмятежное личико, трогательно беззащитное во сне.

Потом коснулся Ташиной щеки кончиками пальцев. Медленно и бережно провёл по ней тыльной стороной ладони: от скулы до подбородка, осторожной, скупой, сдержанной лаской.

Любой сторонний наблюдатель заметил бы, каких усилий ему стоило отвести руку.

Подняв своё вино на уровень глаз, первый рыцарь Её Высочества Тариши Тариш Бьорк

улыбнулся лёгкой и нежной улыбкой.

— За тебя, моя королева, — слышался шёпот во тьме.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НЕЖДАННЫЕ ВЕСТИ, НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Госпожа Лиден дремала в кресле, когда в дверь башни звездочёта тихонько постучали.

Старушка, вздрогнув, открыла покрасневшие глаза. За окном было ещё темно; она задремала всего с час назад, хотя ей казалось, что этой ночью она не сможет заснуть.

— Кто там?..

— Это я, — слышался тоненький голосок.

Вскочив с прытью, совершенно неожиданной для женщины её возраста, госпожа Лиден опрометью метнулась к двери.

— Лив Кармайкл, ну я тебе задам, юная лэн! — рявкнула она, отпирая замок. — Ты что это удумала, из дома сбегать?! Думаешь, Таша тебя за такое по головке погладит, когда узнает? И мне всё равно, зачем...

Морщинистая рука, уже протянувшаяся схватить Лив за шиворот, замерла в воздухе.

Госпожа Лиден была женщиной, немало прожившей на этом свете. Впрочем, она и в молодости была женщиной неглупой и чуткой. А потому взгляд тёмных глаз девочки, смотревшей на приёмную бабушку без малейшего страха или чувства вины, не мог её не насторожить.

О, нет, страха во взгляде Лив не было ни капельки. Она смотрела на хозяйку дома очень, очень внимательно. Крайне внимательно.

Так смотрит коллекционер на редкую бабочку... прежде чем пронзить её грудку булавкой.

— Лив? — почему-то шёпотом вымолвила летописица.

— Вы же сами знаете ответ, госпожа Лиден. — Тот, кто стоял у порога в теле ребёнка, посмотрел на что-то за спиной старушки, и детские губы скривила чужая, пугающая улыбка. — А, вот и ты, собственно. Конечно, сегодня ты задержался дома.

Мягко отстранив госпожу Лиден, Арон встал напротив незваного гостя.

— Что тебе нужно, Лиар? — отчеканил Зрящий.

Палач склонил голову Лив набок.

— Может, предложишь брату войти? — непринуждённо заметил он. — В конце концов, это тельце подвержено болезням, как и всякое смертное тело, а если ты застудишь Ташину сестру... не думаю, что Таше это понравится.

Арон помолчал. Потом молча отступил в сторону, одной рукой удерживая дёрнувшуюся госпожу Лиден: та явно не собиралась просто стоять и смотреть, как в её дом входит зло в человеческом облике.

Тем более в таком.

— Уютно у вас тут, — одобрительно заметил тёмный амадэй, устраиваясь в кресле. — Неплохое место для витя семейного гнёздышка.

Холодный, насмешливый голос никак не вязался с телом, не достававшим до пола худенькими ножками.

— Я спросил, что тебе нужно, — ровно повторил Арон.

— Поговорить, представь себе. — Амадэй скрестил детские ручки на груди. — Я же мог соскучиться по любимому брату?

— Как ты захватил это тело?

— Глупая девочка захотела лично заглянуть в зеркало в конторе колдуньи, дабы увидеть, как её живая и здоровая сестра идёт по Броселиану. Собственно, тут и появился я. — Улыбка Лиара стала шире. — Она сопротивлялась, конечно, но даже не понимала, чему. Моя благодарность, братишка: облегчил мне работу. Обмануть её было очень легко. Не волнуйся, долго не задержусь. Даже мне не под силу вламываться в чужое тело дольше, чем на несколько часов. — Он рассеянно оглядел кухню. — А ты становишься умнее, братишка. Эти убранные зеркала... Предусмотрительность меня радует. Однако до высшего балла ещё работать и работать. Ты забыл самое главное: если я чего-то не добился, значит, я этого не хотел.

— Мне казалось... ты не можешь...

— И ты ещё думаешь, что я чего-то не могу? После одиннадцати веков нашего знакомства? Снова падаешь в моих глазах, братец. Только набрал очки — и опять на последние места...

— Что. Тебе. Нужно. Ты так и не ответил на этот простой вопрос.

— Ты не хочешь принимать мой ответ, увы. Поговорить с тобой, только и всего. А заодно сделать доброе дело и привести домой блудную дочь. Думаешь, Лив так просто поехала бы обратно в Фар-Лойл?

— Поговорить о чём?

— Кажется, у нас давно не было общих тем, — в голосе амадэя прозвучала почти ностальгия. — А с минувшего лета появилась одна... она одна и есть, собственно. Так что выбор небольшой.

— Что ты сделал с Ташей?

— Ага, это уже на что-то похоже. — В тёмных глазах читалась унижительная насмешка. — Ты удивишься, но ничего. Пока я скорее занимаю позицию простого наблюдателя. Мне и делать особо ничего не надо... а Таша никак не может понять, что каждый шаг, который она делает, приближает её ко мне. Ах, как жаль, что тебя нет рядом, дабы помочь ей добрым словом и мудрым советом...

— В позицию «простого наблюдателя» как-то не вписывается эпидемия в Фар-Лойле.

— Что ты, это так, ерунда. Просто чтобы не мешать моей девочке расправлять крылья в естественной обстановке. А то ты снова посадишь её в клетку своего контроля и морализаторства, и прощай, Её Высочество Тариша Тариш Бьорк, прекрасная, гордая и непокорная. Останется лишь маленькая, милая и кроткая Таша Кармайкл.

— А как насчёт покушения? Оно зачем тебе понадобилось? Решил развязать себе руки?

— Если ты не забыл, я не единственный злой гений в нашем королевстве. Оно могло понадобиться не только мне.

В глазах Арона отразилось удивление, и сразу — мрачное понимание.

— Зачем ты пришёл? — спокойный голос Зрящего стал самую чуточку резче.

Лиар перестал улыбаться.

— Таша пока в Броселиане, но ненадолго, — когда Палач заговорил, из голоса его исчезла издевка: он был любезным, почти сочувственным. — Завтра-послезавтра она отправится дальше. Куда, тебе знать не дано. Что касается Фар-Лойла — жители деревни окажутся вне опасности через два дня, но до этого времени тебе придётся ещё не раз делить свои живительные силы с умирающими. И теперь весь вопрос в том, что ты выберешь... догнать Ташу, пока это ещё возможно, или же остаться здесь и спасти десяток-другой невинных жизней. Непросто, должен признать.

Арон смотрел на брата, не опуская руки с плеча госпожи Лиден.

Тёмные глаза не-Лив, смотревшие на него в ответ, были невозмутимы и внимательны.

— Вердикт, — наконец мягко напомнил Лиар. — Я и так его узнаю, но хотелось бы услышать от тебя.

— Я не играю по твоим правилам, — тихо проговорил Арон.

— Играешь, братишка, играешь. Даже если сам этого не понимаешь. Если хочешь, я уйду, но теперь у меня есть открытая дверь в этот дом. Однажды заняв чьё-то тело, в другой раз мне не потребуется ни разрешений, ни зеркал. И я вернусь позже, только и всего.

— Уходи.

— Значит, вот твой ответ? Ладно. — Амадэй явно несколько не огорчился. — Что ж, оставляю тебя наедине со сложным выбором между долгом и желанием. Могу облегчить его только одним: клянусь, я не допущу, чтобы с моей девочкой что-то случилось. И советую держать Лив поближе к себе. Мало ли когда я захочу тебя навестить... До встречи.

В следующий миг Лив, закрыв глаза, обмякла в кресле.

Наконец вырвавшись из ослабевшей хватки Арона, госпожа Лиден кинулась к ней.

— Лив? Лив! — она отчаянно похлопала девочку по щекам. — Милая, очнись!

— Она не очнётся, — каким-то обесцвеченным голосом сказал Арон. — Пока.

Старушка растерянно оглянулась на него, — но амадэй смотрел только на девочку, полулежавшую в кресле.

Невидящими глазами.

Потом, резко повернувшись на пятках, он направился к лестнице.

— Ты куда? — вскинула голову госпожа Лиден.

— Одеваться, — не оборачиваясь, бросил Арон.

— Зачем?

— Люди ждут меня.

Старушка оторопело смотрела ему в спину.

— В конце концов, он действительно не допустит, чтобы с Ташей что-то случилось, — едва слышно бросил Арон через плечо. — Я знаю. Знаю...

* * *

Кончик смычка падал в миниатюрном пике, чтобы снова взмыть ввысь: волшебной палочкой, плетущей колдовскую сеть сияющих звуков. Тонкие пальцы легко порхали по струнам, казалось, касаясь едва-едва — а звук был бархатистым, обволакивающим и мягким. Скрипка пела, и голос её был нежен, печален и страстен; голос влюблённого, шепчущего то, что хотелось бы прокричать на весь свет.

Таша любила смотреть, как Алексас занимается на скрипке — пусть даже во время занятий лицо его часто кривила яростная гримаса, и тогда с губ срывалось досадливое рычание, а смычок разрубал воздух, словно клинок. Фальшивые ноты проскакивали в новых пьесах с частотой блох на бродячем псе, особо трудные места отрабатывались десятками повторов, приедаясь в ушах назойливым мотивом; но Таша всё равно время от времени приходила, чтобы тихо сесть и слушать в уголке. Впрочем, она не решалась надоедать своему рыцарю слишком часто.

Зато часто просила в конце занятий спуститься к ней в комнату и сыграть что-нибудь им с Лив.

Алексас просьбу своей королевы исполнял охотно. Вот и сейчас спустился, чтобы звуками музыки поспособствовать её выздоровлению. И Таша смотрела, как творят чудо руки, на эти минуты обратившиеся руками волшебника, как светится вдохновенной печалью его лицо, как дрожат длинные ресницы полуприкрытых глаз; слушала, как поёт скрипка, увлекая тебя туда, где нет горести и слёз, где всегда солнечно, где нет смерти, где вечна любовь...

Последние трели истаяли под пальцами. Канифоль смычка осыпалась, точно пыль с крыльев бабочки.

Тогда Алексас опустил скрипку и открыл глаза — а Таша и Лив, не сговариваясь, громко зааплодировали.

Юноша, улыбнувшись, поклонился и бережно уложил скрипку в футляр.

— Ты же лучший скрипач на свете! — горячо выпалила Лив. — Тебе надо во дворцах выступать!

Алексас, посмеиваясь, присел на край Ташиной кровати:

— Боюсь, тебе просто не с кем сравнивать, юная лэн.

— Что это было? — спросила Таша хрипло.

— Шоссори, «Поэма». Вообще это сольно не исполняется, но за неимением клавикорда...

— И так здорово получилось, — заверила его Таша.

— Ваша похвала, моя королева — лучшая награда, — в меру иронично улыбнулся юноша. — Как ты?

— Пре... кха... прекрас... кха-кха-кха...

Алексас бережно держал её за плечи, пока Таша сгибалась в судорожном кашле. Музыка

помогла ей на время забыть о болезни и боли, но те никуда не ушли: виски ныли, глаза горели, а горло будто драли изнутри кошачьи когти.

Хорошо она Праздник Жатвы отмечает, ничего не скажешь. Хотя и другие немногим лучше, — ливень за окном бесцеремонно барабанил по стёклам, праздничные огни среди поля расплывались в мокрой вечерней мгле. Ладно хоть шатры натянули... Тучи два дня зловеще ползали туда-сюда, предвещая непогоду, но разражаться чем-либо не спешили, оттягивая удовольствие и нагнетая обстановку.

Зато теперь — разразились.

— Ничего, Арон скоро вернётся, — когда Таша с трудом выпрямилась в постели, грустно сказал её рыцарь.

— Это всё потому, что вы купались, — заявила Лив, сидевшая на подоконнике и болтавшая тонкими ножками. — Сами купались, а меня не взяли!

— Холодно было, вот и не взяли, — с трудом выговорила Таша. — Я же не думала, что кому-то приспичит купаться, и он меня в воду за собой утащит, какха-кха... как водный дух какой-то.

— А вам, значит, не холодно было!

— Как выяснилось, тоже холодно. — Алексас совестливо поправил Таше одеяло. — Ну прости, прости. Я же не знал, что ты у нас такой хилой окажешься.

— Теперь знае... кха-кха...

— Нет, так дело не пойдёт, — решительно произнёс Арон, секундой раньше толкнувший дверь в комнату. — Куда это годится? Когда я уходил, ты так не кашляла.

— Времена меняются, — едко заметил Алексас, уступая амадэю место на краю кровати.

Арон положил одну ладонь на Ташин лоб, другую — на горло. Прикрыл глаза.

Он не шептал таинственные слова. Не чертил руны. Не творил замысловатые пассы.

Но когда он убрал руки, Таша поняла, что чувствует себя очень даже хорошо.

— А теперь спать, — велел амадэй, поднимаясь на ноги. — Я забрал боль и жар, но излечивать тебя полностью не стал. Пусть тело не отвыкает от борьбы. И лучше не мешать ему твоим бодрствованием.

Таша, натянув одеяло по подбородок, задумчиво взглянула на Арона снизу вверх. Ей вдруг пришла в голову мысль озвучить просьбу, которую давно хотелось, но было слишком страшно озвучить.

С другой стороны... больные девочки ведь имеют право на маленькие капризы, верно?

— Лягу, — отважилась произнести она, — если расскажешь перед сном что-нибудь интересное.

— Например?

Таша коротко выдохнула.

— Что-нибудь... про твоё детство.

Табурет, на котором доселе безмятежно раскачивался Алексас, со стуком опустился на все четыре ножки. Лив, рисовавшая рожицы на запотевшем стекле, замерла и наострила ушки.

Какое-то время Арон просто смотрел на приёмную дочь.

— Ладно, — неожиданно согласился он. Сел обратно на кровать, рядом с ней. — А ты пока пей свой настой.

— Госпожа Лиден в него сон-травы добавила, — сказала Таша, покосившись на кружку, стынувшую на тумбочке. — Хочешь поскорее меня усыпить?

— Нет. Хочу, чтобы ты скорее выздоровела.

— А мне можно послушать? — пискнула Лив, шустро подскакивая к кровати. — Ну пожалуйста, не выгоняйте меня, дядя Арон!

— Никто тебя не выгоняет. — Амадэй подсадил девочку себе на колени. — Слушай, если хочешь.

— И что, даже меня не выгоните, дядя Арон? — с надеждой в голосе спросил Алексас.

— Даже тебя.

— Правда-правда?

— А вот если будешь иронизировать — обязательно. Так... с чего бы начать...

— Где вы родились! — подсказала Лив.

Арон слегка улыбнулся.

— Родился... Я родился в горах, на территории нынешней Окраинной. Сейчас этой деревни уже нет. Впрочем, её и одиннадцать веков назад уже не было. — Улыбка ушла с его губ, но прежде — из его взгляда. — Обратни сделали своё дело.

— Какое дело? — не поняла Лив.

Таша, в отличие от сестры всё прекрасно понявшая, взглянула на Арона стыдливо — но тот, вздохнув, лишь качнул девочку на коленях: то, о чём он рассказывал, явно отболело у него давным-давно.

— Убили они всех, Лив, — просто сказал амадэй. — Пришли и вырезали людей, как кроликов. В те времена такое случалось часто... в Долине тогда хозяйничали не люди, а нежить и нечисть. Мы окружали селения частоколами, баррикадировали двери, занавешивали окна ставнями, да и входить в дом без приглашения ни оборотни, ни эйрдали тогда ещё не могли... но они находили лазейки. Эйрдали очаровывали неосторожных людей и добивались приглашения. Оборотни напрашивались на ночлег под видом бедных путников. Иногда они селились в деревнях, прямо рядом с людьми. Естественно, не открывая своей истинной натуры... это ведь так удобно — питаться, потихоньку убивая всех своих добрых соседей.

Таша слушала, широко раскрыв глаза. Она читала в учебниках про это время — тёмное время, предшествовавшее явлению Кристалли — и прекрасно знала, о чём говорит Арон; но слышать это от того, кто был там, кто видел всё это, кто знает те события не по строчкам в книгах...

— Мы жили в горах, — продолжил Арон, — и нечисть никогда до нас не добиралась. В связи с этим мы стали непозволительно беспечны, наверное... хотя что мы смогли бы сделать? Это был конец старой эпохи, тёмной и страшной эпохи. Кристаль Чудотворная уже около пяти лет проводила Волшбное Крещение. До её появления нечисть безнаказанно разгуливала по Долине: альвам ведь не было дела ни до людей, ни до их судеб, а к ним в леса нелюди соваться не осмеливались. Теперь в страхе перед Кристаль и её магами нечисть вынуждена была уходить в горы, в леса и подземелья... но нечисти было ещё очень много. Чтобы выжить, оборотни и эйрдали истребляли живность в предгорных лесах, уничтожали пасущиеся на утёсах стада, вырезали деревни, на которые набредали... целые деревни. Они не оставляли живых.

Мне тогда было семь. Мать рожала шестерых, но выжили только я да моя старшая сестра. Кажется, её звали Нель. Да, Лив, тогда были суровые времена, дети нечасто доживали до года. — Конечно, от Арона не укрылся шок, расширивший глаза девочки. — На нас напали летним вечером. А чтобы выманить людей из их жилищ, оборотни использовали простой и проверенный трюк: подожгли дома.

Я плохо помню, что там творилось. Взрослые пытались сражаться, дети — убежать, однако удалось немногим. Оборотней было слишком много. Нель бежала за мной, но она отстала, или её схватили, не знаю... я не оглядывался. Думаю, за мной тоже гнались, или обязательно погнались бы потом, но я прыгнул в горную реку, которая понесла меня вниз. Это был мой единственный шанс спастись: вода перебила запах, и оборотни потеряли след. Река была бурной и ледяной, меня швыряло о камни, затягивало под воду, кувырало в потоке... кажется, я терял сознание несколько раз. Не знаю, как я выжил. Но в конце концов мне удалось выбраться на берег, уже где-то на равнине, и добрести до дороги. Там меня и

нашли добрые люди. Однако лишний рот никому не был нужен, так что меня приютили в местном храме. Потом пастырь отвёз меня в ближайший крупный город и привёл в тамошний монастырь. Там я и остался.

Я жил и учился в монастыре, с такими же сиротами, как я. По достижении шестнадцати лет я должен был либо покинуть свой новый дом и вернуться к мирской жизни, либо избрать путь священнослужителя и остаться... но я не мог думать о будущем. За год с лишним, который я провёл там, я так и не оправился от произошедшего. Каждую ночь мне снились кошмары. Каждую ночь я просыпался с криком. Но однажды осенью, незадолго до начала нового года, монастырь посетила особая гостья. И с того дня жизнь моя изменилась.

— Кристаль? — без труда догадалась Таша.

— Да. Настоятель предупредил нас о её визите. Сказал, что Кристаль может забрать кого-то из нас с собой, чтобы воспитывать в другом монастыре, который находится под её началом. Там она растила будущих магов, тех, кого впоследствии одаривала Волшбным Крещением. Поэтому, когда она приехала — мы, сироты, встречали её во дворе, выстроившись в ряд. Кристаль должна была пройти мимо нас к настоятелю, ожидавшему на крыльце, но настоятель стоял и ждал, пока она поговорит с каждым ребёнком, мимо которого проходила. И, естественно, каждый старался в этом коротком разговоре показать себя в наилучшем свете. Уехать с ней для многих было пределом мечтаний.

— Какая она была? — робко спросил Алексас.

Впрочем, по несвойственной ему интонации Таша поняла: уже не Алексас.

— Она? — на губы Арона снова вернулась улыбка. — С виду — обычная женщина. Простая. Не красавица. Но её глаза, её голос... когда она говорила, ты сразу понимал, что перед тобой не совсем человек. Хотя скорее — очень особый человек. В ней не было пугающей нечеловечности тех же альвов, она старела, чувствовала боль и страдала точно так же, как мы... хотя страдала она больше нас. Из-за своей любви к человечеству. Ко всем людям без исключения. Каждый, кто встречал Кристаль, мог быть уверен: она примет к сердцу твои проблемы, горести и печали так же близко, как собственные. Выслушает, поможет. И эта всепрощающая любовь, а вовсе не чудеса, которые она творила... это было главным, что отличало её от обычных людей. Она единственная, наверное, искренне следовала всем заповедям, которые нам оставила. И Кристаль была самым человечным человеком из всех, что я встречал в своей жизни.

Арон смотрел куда-то в окно — но Таша знала, что видит он совсем иное. Впрочем, Лив не дала ему углубиться в воспоминания, требовательно дёрнув амадэя за рукав:

— И что было дальше?

Тот моргнул, возвращаясь в реальность из своих неведомых далей.

— Дальше... а дальше Кристаль подошла ко мне и спросила, как меня зовут. Так же, как

спрашивала остальных ребят до этого. Я смотрел на неё, пытаюсь поверить, что эта женщина и есть наша легендарная спасительница. Я смотрел... и не понимал: если она спасла нашу Долину, если спасла весь человеческий род, то почему не смогла спасти нашу деревню? Одну-единственную маленькую деревню? Неужели ей сложно было совершить ещё одно чудо? И почему Богиня, имя которой она прославляет, не уберегла моих родителей и мою сестру?

Я молчал, и она ещё раз спросила, как моё имя, и я взорвался. Я выкрикнул ей в лицо все свои обвинения, я едва не кинулся на неё с кулаками — но два дэя потащили меня прочь со двора, а я всё кричал, и Кристаль молча смотрела мне вслед...

Меня хотели высечь. Потом подумали, что Кристаль наверняка этого не одобрит, и просто заперли в одной из келий. Я должен был просидеть там без еды два дня. Естественно, пропустить пир в честь нашей гостьи. И вот я лежал в углу и плакал, и ненавидел себя в этот момент. Думал, почему я один не смог сдержаться, когда все ребята во дворе лишились семей и дома — у кого-то их отняла нечисть, у кого-то болезнь, — и все молчали. Почему я один оказался таким глупым? Почему я единственный не был готов на всё, чтобы уехать с ней?.. Но долго моё отчаяние не продлилось. Дверь в келью внезапно отворилась, и я не поверил своим глазам: внутрь вошла Кристаль. Она велела дэям закрыть дверь и ждать снаружи, а сама села на пол рядом со мной, чтобы поговорить.

Я плохо помню этот разговор. Я не хотел слушать. Она говорила что-то о том, почему так вышло с моими близкими, а мне не нужны были оправдания. И отчётливо помню всё лишь с момента, когда Кристаль спросила, хочу ли я пойти с ней. Я переспросил, решив, что мне послышалось, а она терпеливо повторила, что я — тот, кого она хочет увезти с собой. Что я единственный, кто ей подходит, ибо остальные чувствовали то же, что и я, но никто не высказал этого. Потому что остальные боялись её, потому что остальные готовы были на всё, лишь бы угодить ей, и никогда не рискнули бы навлечь на себя даже гнев настоятеля, не то что её гнев... но я уеду туда, где Кристаль селит таких же детей, как я. Искренних и чистых душой.

Я согласился, не раздумывая. Отчасти потому, что иначе завтра меня всё-таки ждала бы порка от настоятеля. Об этом я тоже честно сказал Кристаль, на что она улыбнулась и сказала, что там, куда мы поедем, меня пороть никто и никогда не будет. Это окончательно убедило меня в правильности моего выбора, и тем же вечером мы уехали. Кристаль не почтила пир своим присутствием.

Когда мы прибыли в монастырь Первейших Сестёр...

— А я знаю этот монастырь! Мама нам с Ташей про него читала, помнишь, Таш?

— Помню-помню. Только не перебивай, ладно?

— Хочу и перебива-ах... ю!

— Кто-то зевает, я смотрю? — Арон шутливо коснулся носа Лив, словно нажав на

кнопку, и девочка немедленно скорчила обиженную рожицу. — Так вот... там сироты жили не в кельях, а в отдельных домах, которые выстроили на территории монастыря специально для них. Для нас. В комнатах мы жили по двое, и по прибытии меня поселили с мальчиком на три года старше меня. Всего три года... но он был куда взрослее и меня, и своих лет. Его семью убила нечисть, когда ему было шесть, и он рос при монастыре на территории нынешней Равнинной. В обитель Кристали его привезли за полтора года до меня, в сравнении со мной он был старожилом... и, как шутили другие ребята, немедля «распростёр надо мной крылышки». Подолгу разговаривал со мной, играл, тормошил, веселил, выводя из уныния, в котором я пребывал. Утешал меня. Он дал мне то, чего тогда не могла дать даже Кристаль... на мои слёзы и вопрос «почему» он сказал, что даже посланница Пресветлой не всесильна. Что она всё-таки обычный человек, далеко не всесильный... и именно в этом её сила. Потом, когда я дорос до того, чтобы беседовать с Кристаль на равных, я принял другое объяснение, но тогда это оказалось тем, что я хотел услышать. И однажды, в очередной мой приступ уныния... я по натуре вообще меланхолик... этот мальчик предложил мне ритуал кровного родства.

Таша понимающе кивнула: этот ритуал она знала. Из тех же учебников. Сейчас эта традиция была давно позабыта, но тысячу лет назад ей придавали большое значение; она шла со времён варваров, прибывших в Аллигран из-за моря. Два человека резали себе ладони, брались за руки так, чтобы их кровь смешалась, и таким образом для всех официально породнялись. С помощью этого нехитрого действия и дети, и взрослые становились полноправными членами чужих семей и кланов.

На секунду Таша удивилась, почему Лив, которого всего этого знать не могла, не задаёт никаких вопросов, но затем взглянула на сестру — и её закрытые глаза вкупе с мерным сопением мигом развеяли удивление.

— Он предложил мне стать моим братом, — продолжил Арон, — а я понял, что он давно уже им стал. Старшим братом, защитником и другом. С другими ребятами спустя какое-то время мы тоже подружились так, что стали одной большой семьёй. Я заново обрёл всё, что потерял... но человека ближе и роднее, чем мой новообретённый брат, у меня не было и не могло быть.

— И его звали Лиар, — негромко сказала Таша.

Мгновение Арон молчал.

— Да, его звали Лиар, — просто ответил он потом. Скосил глаза. — А наша стрекоза всё-таки уснула, как вижу... пожалуй, закончим историю в следующий раз.

— А, может...

— В следующий раз, — непреклонно повторил Арон, бережно подхватывая на руки спящую Лив, невзирая на жалобу в Ташиных глазах. — Джеми, пойдём. Таша, не забудь выпить настой.

Вздыхнув, она послушно пожелала всем спокойной ночи. Выслушав ответные пожелания, проследила, как выходят на лестницу Арон и Джеми, аккуратно прикрывший за собой дверь. Сделав пару глотков, отставила кружку обратно на тумбочку — и, потушив прикроватный светильник, легла, глядя в потолок.

Как он может помнить всё это? Его детство ведь было так давно... хотя он же говорил когда-то: главное — забыть, как долго живёшь на этом свете. Если думать, что был маленьким каких-то тридцать лет назад...

Дождь вкрадчиво шептал что-то за тёмным окном, — пока Таша смотрела прямо перед собой, думая, как странно и круто порой оборачивается чья-то жизнь.

...Лиар. Арон.

Названные братья. Лучшие друзья.

И непримиримые враги...

Портьеры раздвинулись, шурша по карнизу деревянными колечками, выдёргивая Ташу из сна. Даже сквозь закрытые веки она почувствовала, как в глаза ударил солнечный луч.

Откатившись в тень, поближе к стене, Таша щёлчками приоткрыла глаза, ожидая увидеть Алексаса у окна — но тот стоял у кровати. Одетый, улыбчивый, уже застёгивавший плащ.

— Доброе утро. — Таша отчаянно зевнула. — Ты... шторы... магией, что ли?

— Простейший фокус из всех возможных. — Прежде, чем двинуться к выходу, Алексас указал на стол, где вил ароматный дымок поднос с завтраком. — Ешь.

— А ты куда собрался? — спросила она, послушно встав.

— Проверить, как там твой деревенщина. Защиту никто не трогал, однако он вышел из дома, вот в чём проблема. Если всё хорошо, скоро вернусь.

— А если нехорошо?

Алексас, мельком обернувшись, улыбнулся.

— Всё равно вернусь. И, может, ещё скорее.

И, поклонившись, закрыл за собой дверь.

Пижон, фыркнула Таша, щедро сдабривая кашу вареньем.

Алексас действительно вернулся скоро: она только-только успела позавтракать и умыться.

— Всё в порядке, — сказал он, — но я наложил руну оповещения. Как только рядом с твоей деревенщиной окажется нечисть, я об этом узнаю.

— А если они наймут человека?

— На этот случай я наложу ещё кое-какие чары, но несколько позже. Сейчас я не хотел задерживаться, просто перебросился с ним парой слов и начертил руну. Для этого же заклятия придётся завязать разговор подольше... а теперь одевайся, мы идём закупаться.

— Зачем?

— Полагаю, тебе пригодится сменная одежда. К тому же, как ты вчера и говорила, всё королевство знает, как выглядит Ищущая господ Норманов. Это определённо создаст нам некоторые проблемы, которых я хотел бы избежать, а потому нужно приобрести кое-что, что

поможет тебе замаскироваться. Я мог бы купить всё и один, но не хочу оставлять тебя одну надолго.

Таша, согласно кивнув, проследовала к одёжному шкафу, и вскоре они уже вышагивали по облитым солнцем улочкам к рынку.

— И как же ты хочешь меня... замаскировать? — осведомилась Таша, пряча лицо в тени глубокого капюшона.

— Проще простого. Сменить цвет волос.

— Цвет волос? — она оторопело выдернула руку, но Алексас, ловко поймав её ладонь, вновь невозмутимо подхватил Ташу под локоток. — Я... не хочу!

— Боюсь, твои желания здесь не учитываются. Это не капризы, а необходимость.

Таша уже видела широкую рыночную площадь, пестревшую палатками и лотками, — но, чуть-чуть не дойдя до конца улочки, выведившей на рынок, Алексас толкнул дверь какой-то лавчонки в доме слева. «Кокетка», гласила табличка на обшарпанной двери.

Не буду я ничего менять, мрачно думала Таша, наблюдая, как Алексас выбирает флакончик с красителем для волос; и мысли её были тем мрачнее, что она прекрасно осознавала всю детскую глупость своего поведения. Действительно: хочешь, не хочешь, а маскироваться надо. Цель оправдывает средства.

Ибо цель «остаться в живых» — весьма стоящая.

— Теперь одежда, — объявил Алексас, покинув «Кокетку».

Рынок встретил шумом, гамом, бурей ароматов, пестрядью толпы, запахом наживы и торговыми препирательствами. Ташу на миг удивило, что Алексас не спешит вновь взять её под руку — но, увидев впереди Гаста, который стоял и придиричиво разглядывал что-то на витрине оружейной лавки, перестала удивляться.

— Ты назначил Гасту встречу?..

— Именно.

— И что, ты так просто подойдёшь к нему и наложишь чары?

— Конечно, не просто. А сейчас, если можешь, постой вон у той палатки и постарайся за пару минут не найти себе неприятностей.

С этими словами Алексас направился к вывеске, красноречиво сделанной в виде скрещённого меча и топора — а Таша, вздохнув, к палатке зеркальщика.

— Приветствую, госпожа, — приветливо улыбнулся пожилой продавец, когда она

приблизилась. — Что вам угодно? Обычное зеркало, двустороннее, многостороннее? Мне как раз пару привезли только сегодня утром.

— Благодарю, но мне нужно самое обычное. Какое-нибудь... изящное. — Таша постучала пальцем по стеклу витрины. — Вот это подойдёт.

Забавно. Дома, в Фар-Лойле, двусторонние зеркала валялись у них в кладовке, заботливо завёрнутые в тряпицы. Многостороннее зеркало, позволявшее связаться с любым обладателем подобной безделушки, Таша когда-то хотела, — но не после того, что произошло летом. Игры амадэев сильно усложнили и её отношения с магическими зеркалами, и жизнь заодно: если бы сейчас они могли связаться с Ароном по двустороннему зеркалу, всё было бы куда проще.

— Резьба по серебру, горный хрусталь. — Мужчина с поклоном передал ей небольшое зеркальце на длинной ручке. — Прекрасный выбор.

Таша посмотрела на своё отражение. Незаметно накренила зеркальце так, чтобы увидеть происходящее за своей спиной — и парочку, стоявшую под вывеской оружейной лавки.

Теперь чуточку напрячь слух оборотня...

— Как Таша? — взволнованно спрашивал Гаст.

— Давай зайдём внутрь, — невозмутимо отвечал Алексас. — Здесь слишком много ушей... оборотнических в том числе.

Вот же нахал, фыркнула Таша.

— Что, за ней и оборотни гонятся?!

— Я и так сказал слишком много для улицы. Заходи, не медли.

Звякнул колокольчик — и дверь надёжно лишила Ташу возможности подслушать что-либо.

— Берёте? — осторожно осведомился продавец.

— Я, пожалуй, ещё что-нибудь посмотрю, — буркнула она, возвращая зеркальце и тоскливо обзревая витрину.

Долго ждать Алексаса, впрочем, не пришлось. Он вышел из лавки каких-то пару минут спустя — а Таша, извинившись перед продавцом за беспокойство, поспешила навстречу своему рыцарю.

— Сделал всё, что хотел? — спросила она, уже привычно пристроившись к нему под бок, чтобы зашагать рядом.

— И даже больше.

— А где Гаст?

— Видишь ли, чтобы мы с Гастом могли поговорить приватно, мне пришлось на время обезвредить продавца. Трюк с остановкой личного времени человека, ты уже с ним сталкивалась. А следом мне пришлось «заморозить» и твою деревенщину... иначе он не дал бы мне ни спокойно наложить на него охранные чары, ни взять это.

Алексас достал из кармана чёрный бархатный свёрток. Развернув его, продемонстрировал арбалетные болты, покоившиеся в петельках, пришитых к плотной ткани.

— Что это?

— Цвергово серебро. Когда имеешь дело против эйрдалей, оно не бывает лишним. — Алексас, вновь свернув футляр, вернул его в карман. — Гаст выйдет из своего личного безвременья раньше продавца. Двух минут ему должно хватить, чтобы убраться подальше. Собственно, именно это я велел ему сделать, прежде чем сотворить заклятие, и, надеюсь, у него хватит ума последовать моему приказу, как только он очнётся.

— Подожди-ка, — медленно произнесла Таша. — Ты что, взял болты... без разрешения продавца?

— Даже если б я испросил это разрешение, мне не смогли бы ответить, — справедливо заметил Алексас. — Но я оставил ему деньги.

От возмущения Таша даже споткнулась.

— Ты... украл их?!

— Не кричи на всю улицу, пожалуйста. Моё пребывание в темнице не поспособствует твоей безопасности. Я забрал их и оставил плату. Полагаю, эта плата немножко меньше, чем с меня потребовали бы, так что можешь называть это кражей, если хочешь. Но когда твой святой папенька своей силой убеждения выбивал из цвергов тройную цену на перстень Сэмперов, это тоже было грабежом, только грамотно завуалированным.

— Он ничего не выбивал, он добивался настоящей цены! Цверги — известные скупердяи!

Брошенный на неё взгляд резал насмешкой, словно стеклянной кромкой.

— Это Арон тебе сказал?

Таша разомкнула губы, — и промолчала.

— Мне лучше знать, сколько стоил этот перстень. — Алексас отвернулся, спокойно и чуть отстранённо глядя вперёд. — О, смотри, симпатичный магазинчик. Заглянем?

Таша замерла напротив одежной лавки, пока рыночная толпа пёстрой рекой струилась мимо них.

Сказать или нет?..

— Алексас...

— Да?

Таша облизнула пересохшие губы.

— Я...

Слова, так складно собиравшиеся вместе в сознании, куда-то терялись по дороге к гортани.

— Я слушаю, — мягко проговорил Алексас.

Таша отвела взгляд.

— Я...

...ну же, шептал тоненький голосок в её сознании; говори...

...говори: «я не узнаю тебя, Алексас. Ты стал другим, стал жёстче, взрослее...»

— Просто...

...говори: «да, тому есть причина — конец Двоедушия, слияние сознаний, — но ты должен был стать Джеми с чуточкой Алексаса или Алексасом с чуточкой Джеми, а в тебе нет ничего от Джеми и осталось не так уж много от прежнего тебя...»

— Подумала...

...говори: «и не могу сказать, что мне не нравится тот, кем ты стал, но иногда я думаю...

...кто же ты теперь?»

— Что подумала?

Таша глубоко вздохнула.

— Что... что это всё, в сущности, неважно. — Она растянула губы в улыбке. — Прости. Подумаешь, болты.

...трусиха, презрительно прокомментировал голос разума, — и Таша была с ним согласна.

Алексас, мельком пожав плечами, отвернулся.

— Надеюсь, — бросил он через плечо, толкая дверь лавки, — позже ты всё-таки выскажешь мне, что хотела.

Сердце почему-то нервно дёрнулось.

— Я...

— Позже. — Оглядев вывешенные на стенах платья, штаны и рубашки, Алексас улыбнулся молоденькой продавщице, трогательно зарумянившейся и поспешившей к ним, оправляя юбку. — А сейчас мы подберём вашему высочеству новые одеяния, достойные красоваться на вас.

* * *

— Только встала, а уже темно, — пожаловалась Таша, выходя из ванной комнаты, на ходу ожесточённо вытирая голову полотенцем.

— Темнеет рано, а я разбудил тебя довольно поздно. — Алексас сосредоточенно разводил склянку с красителем в тазу с водой, выпрошенном у служанки. По соседству лежал гребень и ножницы, которые он зачем-то тоже приобрёл в «Кокетке». — Садись.

Повесив за спинку стула одно полотенце и плотнее закутавшись в другое, заменившее ей халат, Таша опустила на стул:

— А мне казалось, для покраски не надо мочить голову.

— Верно. — Сняв полотенце со спинки, Алексас накинул его на Ташины плечи. — Зато для стрижки — надо.

Таша, вздрогнув, уставилась на него.

— Ты... собираешься... меня постричь?

— Ты оценишь все преимущества отсутствия волос, раз. На такую гриву, как у тебя, изведёшь флаконов десять красителя — два. — Он взял в руки ножницы. — И это неотъемлемая часть твоей маскировки — три.

Таша беспомощно взглянула в зеркало. Намокнув, золотистые пряди завились колечками. Длинные, тяжёлые, красивые.

Единственное, что Таша всегда считала в себе безоговорочно красивым...

— Алексас, я не могу.

— Почему?

— Они... Я всегда была с длинными волосами. Сколько себя помню. Мама никогда меня не стригла, только подравнивала немного, говорила, стричь всё равно бесполезно... — Таша отчаянно стиснула кулаки. — Я не могу, понимаешь?

— Можешь. И сможешь. — Синева глаз Алексаса была холодной, как небо за окном. — Таша, повзрослей наконец. Тебе приходилось идти на куда большие жертвы, чем стрижка волос, и ещё придётся. В ином случае ты увидишь своих друзей на плахе. Если вообще увидишь.

Таша опустила голову; пугающая перемена в поведении Алексаса не отменяла того, что он говорил исключительно здравые вещи.

Жертвы...

— Режь уже, — обречённо закрыв глаза, едва слышно прошептала она.

Странно, но что-то успокаивающее было в том, как Алексас расчёсывал мокрые пряди и щёлкал ножницами. Как с шёлковым шелестом падали на пол отрезанные пряди. И забавное, удивляющее ощущение: когда с каждым движением его рук голова становилась всё легче, легче...

— Раз Мариэль говорила, что их бесполезно стричь, — щёлк, — значит, никакой трагедии нет. — Щёлк. — Они быстро отрастут заново. Ещё гуще, чем были. — Щёлк-щёлк. — Всё хорошо, моя королева. К слову, за парик из таких волос, уверен, многие прекрасные лэн перетравили бы друг друга. Сказал бы «передрались», но это не в правилах прекрасных лэн. Может, наведаться с остриженными волосами к парикмастеру, как думаешь? Заодно и подзаработаем.

Его голос тоже успокаивал. Это был голос прежнего Алексаса — искрящегося, ироничного и заботливого. Её рыцаря. Каким бы ребячеством кому-то ни казалось это рыцарство, Алексас ведь был настоящим рыцарем: верным, преданным, готовым положить за неё жизнь.

Только что же с ним всё-таки стало?..

— Всё. — Алексас положил ножницы. Придирчиво оглядев результат, обмахнул Ташины плечи и снял полотенце. — Теперь красим. — Он подвинул таз к краю стола. — Задержи дыхание.

После нескольких погружений в мутную воду Таше наконец милостиво протянули полотенце. Потом, когда она угрюмо вернула Алексасу кусок махровой ткани, насквозь

промокший — не испачканный, и то хорошо: красители заговаривали только на волосы, — её рыцарь щёлкнул пальцами.

На миг у Таши возникло странное ощущение, будто по голове растекается горячее сырое яйцо.

В следующий миг Алексас отступил в сторону, открывая обзор зеркала.

— А теперь, когда я их подсушил, — произнёс он, — смотри.

Стрижка была короткой. Действительно короткой. С чёлкой, вившейся кудряшками до бровей. А её волосы...

Они стали чёрными. С характерным блеском: как чёрный шёлк или вороново перо.

Волосы едва прикрывали уши. Неприкрытая шея казалась длиннее и тоньше, короткие пряди подчёркивали высокие скулы и чуть раскосый, несколько хищный разрез глаз. На контрасте с волосами Ташина светлая кожа казалась ещё светлее; брови и ресницы тоже стали чёрными, оттеняя жидкое серебро глаз.

И в целом Таша стала... старше.

Гораздо старше, чем маленькая испуганная девочка с мыслеграфии в новостном листке.

— Скажи мне, — сказал Алексас, улыбаясь, — кого ты видишь.

— Девушку с очень плохой стрижкой, — буркнула Таша.

— Что ж, слово «девушка» мне уже нравится...

Договорить Алексас не успел: вдруг побледнел, пошатнулся и, чудом устояв на ногах, схватился за голову.

— Что?! — Таша встревоженно вскочила, не решаясь к нему прикоснуться.

Не отвечая, Алексас кое-как добрёл до зеркала на стене. Протянув руку, начертил на серебряном стекле руну, походящую на раздавленного паука, вспыхнувшую красным.

— А вы раньше, чем обещали, Герланд-энтаро, — с трудом выпрямившись, произнёс Алексас.

Альв, проявившийся в стеклянном овале, скучающе подпёр голову рукой; зеркальце, через которое он установил связь, явно лежало на столе перед ним и было не больше карманного.

— Но ты оказался готов, — в голосе альва просквозило даже некоторое разочарование. — Неожиданно.

— Удачно, я бы сказал. — К Алексасу уже успело вернуться привычное самообладание и даже румянец. — Значит, встреча с «Рассветом» состоялась?

— Да, и я решил не тянуть до ночи. У вас каждый час на счету. — Взглянув на Ташу, альв вскинул бровь. — Добрый вечер, Ваше Высочество. Сменили причёску?

— Как видите, — ответила Таша сквозь зубы.

— Сыплю соль на рану, как посмотрю. Не обижайтесь и воспринимайте мои слова сказанными из лучших побуждений.

— Каких же?

— Соль обеззараживает. — Герланд почти улыбнулся. — Итак... дети. Что вы помните о Первой эпохе Аллиграна?

Вопрос был, мягко говоря, неожиданным, — но Таша по старой школьной привычке отчеканила ответ, не задумываясь:

— Прибытие из-за моря людей, варваров и язычников. Освоение ими Долины. Уход альвов в заповедные леса. Кончается Первая эпоха пришествием Кристали Чудотворной.

— Превосходно, Ваше Высочество. Сразу видно, что свой досуг вы посвящали зубрёжке, — усмехнулся альв. — Что ещё?

— Люди стояли на нижних ступенях развития. Не знали письменности, лечили лишь самыми примитивными методами. Магии не было, ничто не могло облегчить их жизнь.

— Прекрасно. А отчего они умирали?

Такая постановка вопроса удивила Ташу ещё больше.

— В те времена? От чего угодно. Палец поцарапал — заражение крови. Отравления, болезни, эпидемии... и нечисть, — вспомнив рассказы Арона, добавила она. — Эйрдали и оборотни в первую очередь.

— Именно. Тогда по Аллиграну разгуливало много неприятных тварей вроде виспов, виверн и чёрных драконов, но основной проблемой были эйрдали и оборотни. В отличие от прочей нечисти и нежити, они — твари в высшей степени разумные, а эйрдали к тому же тогда были единственными существами, владевшими магией.

Если остальную нечисть можно было победить огнём или обычной сталью, а ещё попросту не соваться туда, где она обитает — эйрдали и оборотни находили людей сами.

— Неужели даже альвы не помнят, откуда они взялись? — осторожно спросила Таша.

— Эйрдали и оборотни появились в Аллигрране лишь с прибытием людей. И рождались

только среди них. Ни проклятие оборотничества, ни проклятие бездушия никогда не затрагивало Звёздных Людей. Почему — вопрос не ко мне. — Герланд бесстрастно смотрел на неё. — Думаю, Зрящий рассказывал вам о тех временах.

— Рассказывал...

— Тогда вы знаете, что в те времена настоящими хозяевами тех земель, на которых обитали люди, были именно они. «Порождения Мирк». Люди были перед ними беззащитны, люди молились дожить до завтрашнего дня, люди боялись поминать слова «оборотень» и «эйрдаль», чтобы не накликать беду... но потом пришла Кристаль.

— «И принесла Кристаль Чудотворная людям истинную веру, и разогнала тьму, и дала человечеству знание, и подарила им магию, и научила их, как бороться с ужасами, являвшимися под покровом ночи», — промолвил Алексас: прикрыв глаза, явно цитируя наизусть какую-то книгу.

— Верно. Нечисть была побеждена. Оборотни и эйрдали оказались почти полностью истреблены, а те, кто уцелел, ушли в подполье. Теперь уже они молились прожить ещё один день и не быть найденными... и на этом наш краткий экскурс в историю завершён. — Герланд по-кошачьи сощурился. — Возвращаемся к Третьей эпохе Аллиграна. Как вы думаете, «порождения Мирк» довольны текущим положением вещей?

— Нет, конечно. — Таша подозрительно смотрела на альва в ответ. — А какое отношение всё это имеет к «Рассвету»?

— Терпение, Ваше Высочество, терпение. Мы уже у цели, но я хочу, чтобы вы сами проглотили разжёванное мной знание, а не я сомкнул ваши жёлтые ротки. Подумайте. Что может значить покушение на короля, название «Кровавый рассвет» и присутствие в нём эйрдалей... а также оборотней и некромантов?

Долго думать Таше не пришлось.

Неужели...

— Они хотят вернуть себе господство над Аллиграном? — в ужасе проговорила она.

— В яблочко, Ваше Высочество, — кивнул альв. — Не знаю, как насчёт того, чтобы сделать это сейчас. Силёнок у них пока маловато... думаю, вы не слишком удивитесь, узнав, что далеко не все «порождения Мирк» жаждут возвращения Первой эпохи и рек крови. Вы с вашей матерью есть первейший тому пример. Но, какими бы миролюбивыми ни были исключения вроде вас, им всё равно приходится либо прятаться, либо отречься от своих звериных личин, и это любого может обозлить. Если со временем «Рассвет» склонит на свою сторону всех эйрдалей и оборотней, всех некромантов и Школу Колдунов... если призовут магией легионы мёртвых и тварей из болот, горных пещер и самых глубоких озёр... к тому же у них есть один козырь, который они не замедлили нам продемонстрировать. Нечто крупнее козырного короля. Пожалуй, Шут. Пожалуй, даже Красный: он ведь крупнее

Чёрного, кажется?

— Какой же? — спросила Таша, уже зная ответ.

— Амадэй, — спокойно ответил альв. — К тому же Воин.

Ну, здравствуй, Лиар.

Кто не спрятался, я не виновата.

— Они рубят сук, на котором сидят, — с усмешкой сказал Алексас. — Кем они, простите, будут питаться, если перебьют всех людей?

— Кто сказал, что они собираются их перебить? Убрать короля, уничтожить церковь, разрушить Адамантскую Школу, убить всех волшебников, выкосить всё, что оставила людям Кристаль — и власть у них. Новых магов они будут растить во тьме, волшебники, защищавшие людей, исчезнут... Нет, «Рассвету» будет куда проще захватить Аллигран, чем кажется. Воин вернёт себе престол, когда-то у него отнятый, но теперь он будет властвовать над тьмой и хаосом. И люди будут для его подданных скотом, который бережно и расчётливо возвращают на убой.

— Значит, амадэй предложил вам... не сомневаюсь, что именно вам, ибо только вы, пожалуй, и могли узнать, кто он... сотрудничество, — медленно произнёс Алексас.

— «Венец» был бы весьма полезен «Рассвету». Наши связи, наши шпионы, наши колдуны и волшебники... я, в конце концов. Мы пока не дали окончательного ответа. Мы постараемся тянуть с ним до последнего. Ибо, если честно, меня страшит, что предпримет «Рассвет», когда мы ответим ему отказом.

— Почему вы так боитесь «Рассвета»? — воскликнула Таша. — Вы же сильнее, наверняка сильнее!

— Потому что они на нас вышли. И они нас нашли: поверьте, Ваше Высочество, сделать это очень непросто. А мы их — нет, — довольно-таки мрачно ответил альв. — Мы далеко не единственные заговорщики в королевстве. Самые крупные — да, самые могущественные — да, но не единственные. Однако мы неоднократно выходили на другие организации с предложениями присоединиться к нам, ибо дробить оппозицию королевской власти неразумно, и неудачные попытки одних могут навредить другим. Кто-то с радостью соглашался, кого-то пришлось подкупать, кому-то — угрожать... но мы знали всех, кого нам предстоит взять под свой контроль. Так мы считали до сегодняшнего дня. — Альв качнул головой. — Мы даже не подозревали о существовании «Рассвета». Следовательно, их возможности превосходят наши. Да и... амадэй...

— Неужели амадэй может быть сильнее альва?

— Может, — просто ответил Герланд.

Таша не нашлась, что ответить.

— Он не смог убить короля, не убьёт и вас, — спокойно сказал Алексас. — Если вовремя предпринять нужные действия, можно нанести им удар раньше, чем они нанесут его вам... и королевству.

Герланд криво улыбнулся:

— Какие же «действия», интересно, ты имеешь в виду?

— Мы с Ташей проникнем в «Рассвет». Раздобудем как можно больше сведений о них. А как только король узнает обо всём этом, он нанесёт удар. Тогда и посмотрим, насколько всемогущи их Воин.

Альв внимательно взглянул на него. Очень внимательно.

Потом откинулся на спинку стула.

— Положим, вторую часть твоего плана я ещё способен признать. — Он скрестил руки на груди. — Но каким образом ты, мальчишка, собираешься туда проникнуть?

— С вашей помощью, разумеется.

Герланд фыркнул, как сердитый кот:

— Мы даже приблизительно не смогли вычислить, где расположена их штаб-квартира. Я наводил справки об уровне их конспирации. Если верить главам «Рассвета», есть настроенные проходы в определённых местах, разбросанные по всей Долине, но войти туда может лишь тот, кому они позволят. Филиалов не существует. Новичков вербуют проверенные вербовщики, странствующие по королевству: эйрдали и оборотни, Старейшие, которые ищут убежища себе подобных. Вербовщики досматривают память претендентов и решают, достойны ли они, после чего накладывают на них связующие чары. Если попытаешься рассказать о «Рассвете» хоть одной живой душе, не знающей о нём — боль не даст тебе это сделать. Во второй раз даже боли нет, сразу умираешь.

— Скажите, что вам надо проверить их возможности и уровень организации. А для этого придётся послать к ним пару человек.

— Исключено. Как только они узнают, кто вы...

— Но вы ведь сможете охранить нас, правда?

— От Воина? Безумие. — Герланд извлёк откуда-то тонкую изящную трубку. — Даже если он не узнает, что именно вы скрываете — то, что вы что-то скрываете, узнает точно.

— Однако вы бы и не стали раскрывать им всех помыслов «Венца», верно? Вы бы позаботились о том, чтобы утаить от «Рассвета» важную информацию. И пока правила

устанавливаете именно вы. Если вы согласитесь сотрудничать, они потребуют от вас всего, но пока им не захочется вас отпугивать. Если они затребуют своё силой, погибнет много наших людей, колдунов и волшебников, которые весьма пригодятся в их будущей армии. Значит, пока вы имеете право на... маленькие капризы.

Альв, не ответив, затянулся. Выпустил тонкую дымную струйку.

— Что вы теряете? — пожал плечами Алексас. — Скажите.

— В худшем случае — нашу будущую королеву, — негромко ответил Герланд.

— А если «Рассвет» не остановить, королева не понадобится.

— Я могу послать кого-то другого.

— Доказательства королю может предоставить только Таша. Она имеет на это право. Она должна это сделать.

— Мы можем потом рассказать ей всё.

— Её будут проверять. Её будут допрашивать. Она должна говорить правду. Рассказывать то, что видела. Тогда ей поверят. Тогда народ поднимется и отправится на борьбу с теми, кто хочет отнять всё, что у них есть.

— В первую очередь отправиться должен король, кеары, Мастера Адамантской Школы и волшебники посильнее. Народ — это уже сопутствующее. — Герланд смотрел куда-то вдаль, прикусывая трубку уголком рта. — Зрящий уже менял нашей принцессе память, верно? Перед тем, как она представилась наследницей рода Морли...

— Да. И перед новым допросом сможет сделать это снова. Её доказательства не подставят под удар «Венец».

— Но эйрдали узнают Ищущую господ Норманов.

— Думаю, это случится не сразу. А когда случится, одна легенда для них у меня уже заготовлена. Позже поделюсь ею с вами, если захотите.

— Опасная эта затея, Алексас. Очень опасная.

— Я справлюсь, поверьте. Я не дам Ташу в обиду.

— Да ну? Ты, юнец, человек, получивший дар мечника от альва-изгнанника и дар колдуна от брата-недоучки, сможешь защитить её от амадэя? Возлюбленного Богиней, Палача, Воина?

— Там, где речь идёт о её жизни, я не дам себя победить.

Альв взглянул в глаза своего ученика. Странно тёмные, поразительно серьёзные.

Качнув головой, вновь затаился.

— Ты глупый упрямый мальчишка, — выдохнул он со следующей стружкой дыма, и в голосе его просквозил едва заметный намёк на одобрение. — Маленький, глупый, упрямый мальчишка. — Какое-то время Герланд грыз трубку. — Но если с вами пойдёт кто-то не столь маленький, глупый и упрямый...

— Стойте.

Алексас настороженно вскинул голову, будто прислушивался к чему-то.

Одним прыжком оказался в углу: там, где лежала его сабля.

— Я ничего не слышу, — испуганно произнесла Таша, мигом напрягая слух.

— Ты и не можешь. Это не здесь. — Встав посреди комнаты, Алексас стремительным движением очертил кончиком сабли сияющий круг на ковре. — Это твой деревенщина.

— Гаст?! На него напали?..

Её рыцарь уже не ответил: шагнул в круг, расчеркнул воздух серебристым лезвием, вырисовывая в воздухе руны, — и Таше пришлось заслонить глаза рукой, когда в его свободной руке вспыхнул ослепительной белизной шар света.

— Я скоро, — коротко бросил Алексас, прежде чем прибавить шёпотом пару слов.

Шар разросся до размеров кокона, заставив Ташу зажмуриться. Когда же перед закрытыми веками поплыли в черноте цветные круги, и она осмелилась открыть глаза, Алексаса уже не было: лишь чернел на ковре выжженный круг да мерзко пахло палёной шерстью.

— Куда это он? — скучаяще осведомился Герланд.

— Моего друга выручать, — кратко пояснила Таша, сгребая с пола светлые волосы. — Он работал в мастерской у того, кто сделал чашу.

Эх, волосы, волосы...

Альв равнодушно наблюдал, как Таша сворачивает остриженные кудри в большой ком, чтобы закатать его в мокрое полотенце.

— Избавься от них. Сожги, — лениво посоветовал он. — Ты уже имела возможность понять, что может сделать колдун, владея всего одной прядью твоих волос.

— Алексас сожжёт. — Таша пихнула готовый кулёк на кровать, рядом с подушкой. —

Вы сами отключитесь или как?

Герланд только усмехнулся. Глядя на неё, затаился. Медленно выдохнул.

Интересно, табак снова вишнёвый?..

Таша поправила полотенце: взгляд альва заставлял её чувствовать себя крайне неудобно. Под таким взглядом начнёшь оправлять даже шикарное платье с горлом и юбкой до пола, не то что кусок махровой ткани, кое-как обмотанный вокруг туловища.

— Мне нужно переодеться, — вскинув подбородок, холодно проговорила она. — Была бы крайне признательна вам, Герланд-энтаро, если бы вы...

— Береги его.

Таша моргнула: удивлённая как словами, так и тоном, которым они были произнесены.

— Что...

— Ты ведь не понимаешь, что с ним происходит, — почти проникновенно продолжил альв. — Тебе кажется, что Алексас исчез вместе с Джеми, а на его место пришёл кто-то другой. Кто-то чужой, взрослый, жёсткий... незнакомый.

— Откуда вы знаете? — только и смогла вымолвить она.

— За сотни лет жизни учишься ставить себя на место других. — Герланд аккуратно отложил трубку в сторону. — А теперь слушай меня. Ты не должна в нём сомневаться. И тем более не должна показывать ему, что ты в нём сомневаешься.

— Почему? Что с ним...

— Ты знаешь, что такое любить младшего брата. Сестру — в твоём случае. Что значит быть готовым ради него на всё. Так ты любишь свою Лив. Так Алексас любил Джеми. — Глядя ей в глаза, альв сложил ладони в молитвенном жесте. — Теперь представь себе, что Алексас должен чувствовать, потеряв его.

Ей не надо было представлять.

Ей достаточно было вспомнить.

— Я... знаю.

— Прекрасно. А теперь представь, что Алексас должен чувствовать, понимая, что сам его убил.

Это заставило её возмущённо мотнуть головой:

— Но это же не так!

— Знаешь, как заканчивается Двоедушие? — Герланд смотрел на неё пристально, как никогда раньше. — Они борются друг с другом какое-то время. Души, сознания. Но борьба неосознанная: ты не можешь принимать решений, не можешь уступить другому. Выигрывает тот, кто сильнее. Беспристрастный, абсолютный результат. Сильный поглощает слабого. Ничего личного.

Таше вспомнилась разбитая чашка на полу.

— Алексас...

— Да, он выиграл. Он был сильнее. И этим убил Джеми, своего непутёвого маленького братика, за которого он, не задумываясь, отдал бы жизнь. Если б Алексас мог выбирать, он бы ушёл сам — но он не мог выбирать. И поэтому до конца своей жизни он будет винить себя в том, что живёт. Живёт в теле брата, когда-то своей жертвой подарившего ему жизнь.

«Почему Джеми», думала Таша тем вечером, когда после покушения вернулась в Арпагенскую гостиницу; «почему, ведь тело-то его»...

Как она могла быть такой чёрствой? Почему не ставила себя на место Алексаса, не задумывалась о том, что он чувствует?

Почему просто замкнулась в своей наивной вере «Арон всё исправит»?..

— Он обрёл силу, — говорил между тем альв. — Очень большую силу. И человеческая жизнь никогда не являлась для него барьером, через который нельзя переступить. Многие внутренние преграды, которые сдерживали Джеми, у него отсутствуют. Так было даже тогда, когда Джеми был жив. А теперь Алексас легко может снести все барьеры. Всё, что делает человека человеком.

Это тоже было ей до боли знакомо.

Её с детства учили не уступать зверю в себе.

— Я предал его. Я предал их обоих. Теперь он знает это. — Неужели она слышит сожаление в этом голосе, в котором привыкла слышать лишь лёд? — Он потерял брата и потерял отца, которого видел во мне, и у него осталось последнее, что он любит. Последнее, что держит его на краю бездны. Последнее, что не даёт ему сделать шаг и упасть. И это последнее — ты.

Таша молча смотрела в синие глаза со звёздными искрами на дне.

— Он будет беречь тебя, но и ты должна беречь его. Ты должна держать его за руку и вытаскивать к свету. Ему нужна ты. Твоя поддержка. Твоя любовь. Иначе... самым лёгким выходом будет, если он решит умереть. Если он отвернётся от света, но останется жить, «Рассвет» получит полезного воина. Я весьма неплохо его обучил, не могу не признать. —

Герланд едва заметно склонил голову. — Ты поняла?

— Поняла, — не отводя взгляда, тихо сказала Таша.

— Я рад. — Альв протянул руку к зеркалу. — До встречи, Ваше Высочество. — В его голос мигом вернулась прежняя бесстрастность. — Передайте Алексасу, чтобы связался со мной завтра утром.

— Простите, — вырвалось у Таши вдруг.

Его рука дрогнула, замерев в дюйме от стеклянной поверхности.

— За что?

— Я... думала, они вам безразличны. И Джеми, и Алексас. Но я ошибалась. — Таша коротко выдохнула. — Простите за это.

Таша не видела лица альва: всё заслоняла бледная ладонь с тонкими пальцами

Интересно, что отображено на нём сейчас? Раздумье? Раскаяние?..

— Нет. Не безразличны, — наконец услышала она. — И мне бы очень не хотелось, чтобы когда-нибудь мне пришлось убивать того, в кого я вложил свою душу.

Затем пальцы альва всё же коснулись стекла с той стороной — и в идеальной черноте, покрывшей зеркальную гладь, Таша не смогла различить даже собственного отражения.

Она подошла к окну. Рывком распахнула створки. Вдохнула морозный воздух, надеясь успокоиться.

Спустя какое-то время поняла, что в дверь стучат: судя по назойливости, не в первый раз.

— Кто там? — настороженно крикнула она.

— Ужин, — откликнулся мужской голос из коридора.

Приятный баритон, ничего особенного... но почему у Таши от его звучания побежали мурашки?

Она втянула носом воздух.

И улыбнулась.

— Спасибо, — громко сказала она, — я не голодна.

Секундное молчание.

— Что ж, может, это заставит тебя проголодаться.

Она услышала шум упавшего тела, а затем — мычание, будто сквозь кляп, обратившееся криком:

— Таша, не смей открывать!..

Знакомый голос заставил её на миг оторопело застыть под зимним ветром, сквозившим из открытого окна, щекочущим её спину.

Потом, рванув вперёд, дёрнуть дверную ручку.

— Гаст!

Он стоял на коленях у порога, пока эйрдадь за его спиной выкручивал ему руку.

— Сменила облик, Ищущая? Недурно. Впрочем, уже не поможет, — саркастично заметил эйрдадь; в нос Таше ударила вонь тлеющих фиалок и нарциссов. — Ничто и никто в этой гостинице вам не поможет, мы об этом позаботились. А теперь либо выходи из комнаты, либо будь гостеприимной хозяйкой и пригласи меня войти.

Запахи...

— Чтобы ты убил нас обоих?

Странно, но Таша была на удивление спокойна. Сердце билось ровно, голова соображала ясно.

Очень странно: учитывая то, что она поняла, и то, что собиралась сделать.

— Деточка, ты не в том положении, чтобы торговаться.

— Нет, — произнесла она холодно. — Я приглашу тебя войти лишь в том случае, если ты поклянешься мне, что ни ты, ни кто-либо другой из общества «Кровавый рассвет» не причинит Гасту Онвану никакого вреда. И отпустишь его.

Таша давно не испытывала такого удовлетворения, как в тот миг, когда юное и потусторонне-прекрасное лицо эйрдаля вытянулось от удивления.

— Дар речи пропал? — улыбнулась она.

— Нет, — наконец опомнился эйрдадь, и на лицо его вернулась ухмылка. — Хорошо, я поклянусь. При условии, что ты пригласишь меня войти прежде, чем я досчитаю до пяти.

Сердце пропустило удар.

— Идёт? К слову, если будешь долго думать... — Другая рука эйрдаля, вдруг

оказавшаяся на горле коленапоклонённого юноши, пощекотала ему сонную артерию: острым, неестественно длинным ногтем. — Кто знает, вдруг моя рука дрогнет?

— Таша, не делай этого! — Тот, кто стоял на коленях, умоляюще смотрел на неё. — Таша, не смей, слышишь?!

Небрежное движение тонкого пальца, короткий вскрик — и по шее юноши потекла струйка крови.

— Я бы попросил клятву у тебя, но она не будет иметь магической силы, увы, — небрежно произнёс эйрдадь. — Впрочем, гибель его будет быстрой. Если тебя это устраивает...

— Я согласна.

Таша не чувствовала страха. Ни капельки. Она понимала, что сейчас в комнату войдёт её смерть, но не боялась. В сознании царил ясный, кристально чистый холод: такой же, как воздух вокруг неё.

Тлеющие фиалки и нарциссы... а вот у оборотня в человеческой личине нет никаких отличительных признаков, кроме золотистого блеска в крови. И мысли её читать они не могут. Не теперь.

Они не могли знать, что она догадалась.

И что она может сделать.

Эйрдадь улыбнулся жестокой улыбкой триумфатора.

— Клянусь, — продекламировал он, ногтем чертя в воздухе неведомые знаки, вспыхивавшие синим, — что ни я, ни кто-либо из общества «Кровавый рассвет», не причинит никакого вреда Гасту Онвану, если ты пригласишь меня войти в комнату прежде, чем я досчитаю до пяти.

Порыв ветра — ещё холоднее, чем с улицы, — пронёсся по комнате. Волосы у Таши на макушке на миг встали дыбом: клятва была принята к учёту.

И тогда она попятилась прочь от порога.

— Раз.

Маленький шаг.

— Два.

Ещё один. И ещё.

— Три.

Незаметно, будто в испуге...

— Четыре.

Ослабить узел на груди...

— Ты можешь войти, — уткнувшись спиной в подоконник окна, всё ещё распахнутого настежь, сказала Таша.

Эйрдадь с гаденькой улыбкой вскинул руки. Юноша, стоявший на коленях, поднялся с коленей.

Глядя в Ташины глаза, рассмеялся.

— Куда же ты, деточка? — Он провёл ладонью по лицу, точно снимая паутину; повинуясь движением его пальцев, мальчишеское лицо таяло, перетекало в другое — безусловно красивое, безусловно холодное. — Впрочем, если хочешь выпрыгнуть из окна, мешать не будем. Далеко не убежишь, только ножки переломаешь.

Раз...

Таша разжала руки.

Полотенце легко соскользнуло к её ногам.

— Я вам не деточка, — уже заплетающимся языком сказала она, переваливаясь через подоконник спиной назад.

...два...

Эйрдали умеют двигаться очень быстро. Не говоря уже о мгновенном перемещении. Но сейчас они не видели особой нужды торопиться, а потому чужие руки лишь царапнули воздух над Ташиной пяткой.

Ещё одна роковая ошибка.

Секунда, которую Таша падала вниз, растянулась в вечность: в течение которой тьму пронзила серебристая вспышка.

...три.

У самой земли Таша поймала ветер расправленными крыльями — и, под оторопелыми взглядами эйрдадей взмывая ввысь, залилась торжествующим клёкотом.

В следующий миг маленькая и быстрая птичка ланден растворилась во тьме; а Таша —

уже не в первый раз — подумала, что зло, конечно, сильнее добра, но это не отменяет его слабостей.

Ведь если бы злодеи всегда делали дело сразу, не злорадствуя напоследок — побеждать их было бы куда сложнее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. БАГРЯНЫЙ ВЕНЕЦ

— Он мой, — промурлыкала незнакомка, приближаясь к Гасту.

Девушка была потрясающе красива. Даже учитывая, что во тьме пустынного переулка — Гаст побежал туда, когда понял, что за ним следят — её глаза мерцали странным багровым сиянием, а кожа светилась странной, холодной, снежной белизной. Но это всё неважно, конечно, неважно: он ошибался, когда бежал, она не может причинить ему вреда...

— Уступаю даме, — вздохнул юноша, заходивший с другой стороны.

Какой-то слабый голос внутри Гаста кричал, что он не должен просто стоять и смотреть, прижавшись к стене, что надо бежать, спасаться, кричать... Но зачем? Куда ты побежишь с подгибающимися коленями...

Её сияющие глаза оказались прямо перед ним, кончики тонких пальцев коснулись щеки. Гаст беспомощно поднял взгляд, глядя на мигающий чуть поодаль фонарь. Всё-таки это странно, что все фонари вдруг погасли, когда он забежал сюда: спустя миг после того, как обнаружилось, что переулок утыкается в тупик.

— Тебе будет хорошо, мальчик, — её дыхание обожгло ему губы. — Очень хорошо, обещаю.

Внутри что-то сладко заныло от предвкушения — но в следующий миг девушка отшатнулась.

— Демоны! — сердито воскликнула она.

— Что случилось? — вскинул бровь её спутник.

— Меня обожгло!

— Охранные чары. — Юноша скривился. — Ладно, придётся без угощения обойтись. Дай-ка...

Он смолк.

Невероятным усилием повернув голову, Гаст увидел, что незнакомец встревоженно вглядывается в улицу, оставшуюся позади.

— Что? — спросила девушка.

— Ты ничего не слышала?

— Нет.

— Странно. Мне показалось...

Он осёкся на полуслове: со странным бульканьем. Ещё мгновение стоял неподвижно.

Потом упал, и его голова — в шапке и половине разрезанного шарфа, — откатилась в сторону, оставляя на выбеленной мостовой кровавую дорожку, глядя перед собой широко открытыми глазами.

Девушка закричала. Снег под её ногами вдруг взвился в воздух вьюжным коконом — но она мигом оказалась совсем в другой стороне, у противоположной стены...

И удивлённо уставилась на свою руку: которую кто-то незримый, схватив, отвёл в сторону.

Когда возникший из ниоткуда клинок пронзил её ладонь, пригвоздив её к деревянной стене — с девичьих губ сорвался страшный, пронзительный вопль.

— Не буду лгать тебе о твоих возможностях уйти отсюда живой, — сказал Алексас, шагнув вперёд из пустоты. — Но если расскажешь мне то, что я хочу, умрёшь легко и быстро, как твой друг.

Она словно не слышала: рухнув на колени, тихо и жалобно скулила, бессильно сжимая свободной рукой рукоять клинка, глубоко загнанного в дерево.

Когда Алексас приблизился, эта же рука молниеносно метнулась к нему — но тот легко перехватил её:

— Если будешь упрямитесь, придётся пустить в ход это. — В его пальцах появился арбалетный болт. — Знаешь, что цвергово серебро делает с такими, как ты?

Глаза девушки расширились, рука в ладони Алексаса судорожно дёрнулась — но тот заломил эйрдалю кисть, вызвав новый крик.

— Хочешь, чтобы вторую руку пригвоздило этим? — болт тускло сверкнул в лунном свете. — Её разьест до костей, предупреждаю. Ощущение, должно быть, пренеприятное.

Узкая белая ладонь, которую тщетно пытались выкрутить из его пальцев, замерла.

— Что тебе нужно? — безнадёжно прошептала девушка.

Какие назойливые эйрдали попались, однако, озадаченно думала Таша, закладывая очередную петлю.

После побега она бесцельно, не особо торопясь, летела вперёд, скользя над самыми крышами — никак не могла придумать, куда же ей лететь, — когда вдруг обнаружила, что её преследуют две совы. Только тут она Таша вспомнила, что эйрдали тоже неплохо умеют превращаться; ненадолго, правда, но на то, чтоб её догнать, времени бы хватило. Тогда Таша, сложив крылья, нырнула вниз и запетляла по переулкам, однако совы не отставали. Более того, летели они куда быстрее, чем хотелось бы.

И расстояние между ними потихоньку сокращалось.

Пытаясь не паниковать, Таша лихорадочно соображала, что делать. Алексаса не найти, дорогу к Гасту она не помнит...

Решение пришло одновременно.

Взмахнув крыльями, Таша поднялась выше крыш, выше башенок ратуши, ещё выше — и полетела туда, где огромной чернильной кляксой расплзся по земле Зачарованный Лес.

* * *

— Вас послал «Кровавый рассвет»? — тихо спросил Алексас.

Глаза эйрдаля расширились:

— Откуда...

— Здесь я задаю вопросы. Да или нет?

— Да, — поспешно ответила девушка.

— Мастер Герман и человек из его приёмной — тоже ваша работа?

— Мастер Герман — задача двоих других. Они уехали следом за ним в Арпаген, он умер сегодня ночью. — Она шептала быстро, лихорадочно, но не запинаясь. — Того парня убили мы. Потом нам велели покончить с мальчишкой, но не сразу, чуть-чуть выждать...

— Сколько всего вас было?

— Четверо.

Алексас мягко качнул болт, зажатый между пальцами.

— Шестеро, — судорожно выдохнула девушка.

— Ещё двоих отрядили для убийства Ищущей?

— Да.

— Где они сейчас?

— Пошли за девчонкой. Мы узнали, что ты поставил защиту, и захотели выманить тебя.

— Получилось. — Алексас сдержанно кивнул. Выпрямился. — Что ж, больше мне от тебя ничего не нужно.

— Пощади, — прошептала девушка; губы её дрожали. — Я всё расскажу, я помогу, я проведу тебя в «Рассвет», если надо...

— Так ты надеялась. — Он грустно улыбнулся. — Я же сказал: ты не уйдёшь отсюда. Смерть — логичный приговор за всё, что ты сотворила, пусть даже не всегда по своей воле.

— Я не хочу умирать!

— Все те, кого ты убила, тоже не хотели.

— Пожалуйста! — Она всхлипнула. — Пожалуйста, не на...

— Прости за это, — сказал Алексас, отводя в сторону её вторую руку. — Не могу допустить, чтобы ты сбежала.

Когда арбалетный болт пригвоздил ладонь девушки к дереву, от её вопля зазвенело в ушах.

— Стой! — Гаст вдруг вспомнил, что может двигаться и кричать. — Не...

Алексас выдернул саблю из чужой руки, коротко черкнул серебристым лезвием — и крик оборвался.

Гаст смотрел, как Алексас обтирает клинок о куртку девушки. Выдёргивает болт, позволив телу упасть на снег.

Потом подгибавшиеся колени наконец не выдержали: Гаст рухнул наземь, и его стошнило.

— Иди домой, Гаст. — Он услышал усталый голос и металлический свист, с которым саблю загнали в ножны. — Мы с Ташей придём за тобой позже.

Гаст вытер рот рукой. Удержав другую рвотную потугу, пошатнувшись, встал.

— За что? — сорвался с губ хриплый вопрос. — Она сдалась, она просила пощады, она была беззащитна!

— За что? — Алексас вскинул бровь, и разгоревшиеся вновь фонари бросили тени на его лицо, высветив кровавый подтёк на скуле. — Разве недостаточно того, что она хотела убить тебя? Что она убивала до того и стала бы убивать после?

— За что... так жестоко?

— Жестокость, как и всё в этом мире, вещь относительная. — Глаза Алексаса были непроницаемы. — Это не было жестоким, Гаст. И я искренне желаю, чтобы ты никогда не узнал, что есть настоящая жестокость.

Какое-то время они смотрели друг на друга, не произнеся ни слова.

Затем Гаст отвернулся и, пошатываясь, побрёл назад; а Алексас смотрел ему в спину, пока тот не исчез за поворотом.

Спустя некоторое время какая-то женщина, случайно выглянув во двор из окна, перебудила своим криком весь дом, — но Алексаса к тому моменту там уже давным-давно там не было.

* * *

Тропа, главное — не терять тропу...

Таша влетела в берёзовый лесок и запетляла между стволов. Заметно медленнее, чем раньше. Ланден летают быстро, но быстро и устают.

Таша не смотрела назад: и без того знала, что совы приближаются. Быстро и бесшумно, как белые призраки. Они замерли было в нерешительности у самого леса, но затем, отбросив страх, продолжили погоню.

Только бы не пропустить арку...

И всё-таки Таша чуть было не пропустила её. Вначале она заметила обрыв тропы, а потом уже приметила берёзу и рябину, переплетшие свои ветви.

К ней она и направила свой полёт, наконец позволив себе заложив петлю, чтобы снова посмотреть, где её преследователи.

Совы были уже совсем близко. Устремляясь к арке, Таша почти физически ощущала, как расстояние между ними неумолимо сокращается. Ещё чуть-чуть...

Ещё секунда...

За миг до того, как чужие когти смогли бы впиться в её перья, Таша взмыла вверх в безумном выраже, почти задев крыльями древесную арку.

Совы — не знавшие, что ланден всё же устаёт не настолько быстро, — этого сделать не успели.

Развернувшись, Таша спикировала вниз. Плавно приземлившись, застыла на снегу.

Посмотрела на эйрдалей: которые, вернув себе человеческий облик, растерянно оглядывались по ту сторону арки.

— Где она? — спросил один, кутаясь в плащ.

И как они перекидываются в одежде? Всё же есть неоспоримые преимущества в магических превращениях...

— Лучше спроси, где мы, — в голосе другого слышалась паника. — Что стряслось с этим демоновым лесом?

— Не знаю. — Эйрдаль растерянно тронул рукой ствол ближайшей берёзы: белой, стройной, посеребренной снегом и льдом. — Здесь что, пожар был?..

— Надо возвращаться.

— А если она где-то там?

— К Мирк девчонку. Мне здесь не нравится.

Эйрдаль оглянулся.

Не оглядывайся, как бы страшно тебе ни было, когда-то сказал ей Алексас.

— А где берёзы? — растерянно спросил второй, последовав его примеру.

Первый не ответил. Он смотрел прямо на Ташу — заставив её напрячься, приготовившись взлететь.

Видит он её или нет?..

— Там же были берёзы. — Второй шагнул вперёд. — А теперь только эти обгорелые стволы...

И тут его напарник рухнул на колени, зажав уши руками.

— Нет! — в его голосе послышалась паника. — Нет, заткнитесь, заткнитесь все!

— Что с тобой?

— Убирайтесь! — эйрдаль сорвался на крик. — Вас нет!

— Кто?! Кого ты слышишь?

— Они! Все они... — эйрдадь, задыхаясь, невидящими глазами смотрел вперёд, — они все говорят, в один голос говорят... здесь, вот здесь, в голове...

Его пальцы скрючились. Скулы свело спазмом.

— Все, кого я... убил...

Голос сорвался в хрип. Эйрдадь рухнул наземь, корчась в агонии. Он больше не говорил: плакал, рычал и визжал, размахивая руками, точно пытаюсь отбиться от кого-то невидимого.

Второй тоже не произнёс больше ни слова. Просто развернулся и рванул к арке, пробежав мимо неё и Таши, мгновенно растворившись во тьме.

Оставшийся бился в судорогах, плевался и стонал. Потом резко затих — за миг до того, как откуда-то из Леса послышался дикий вопль.

Он тоже стих быстро.

Какое-то время Таша смотрела на мёртвого эйрдаля, лежавшего у самого порога Зачарованного леса.

Затем, резко взмахнув крыльями, взмыла в ночное небо.

Когда ланден влетела в комнату, Алексас стоял у окна, сжимая пальцами подоконник, — но, завидев её, облегчённо выдохнул.

— Ты справилась, — сказал он, не оборачиваясь.

Комнату осветило лёгкое перламутровое сияние. Следом послышался неясный шорох.

Выждав ещё с минуту, Алексас обернулся — но Таша, так и не одевшись, сидела на кровати, закутавшись в одеяло, прижавшись спиной к стене.

— Что случилось? — он подошёл ближе. — Почему ты сломала защиту?

Она не ответила. Смотрела прямо перед собой, и лицо её казалось белее снега за окном.

Алексас осторожно присел на край кровати:

— Ты не ранена?

Она мотнула головой.

— Где эйрдали?

Молчание.

Алексас коснулся её ладоней, сжатых в кулаки, судорожно стиснувших одеяло.

— Они мертвы, да?

— Я заманила их в Лес.

Её голос прозвучал глухо, будто сквозь ткань, — и в глазах Алексаса проявилась печаль.

— Таша, тебе незачем винить себя. Они хотели убить тебя, ты...

— С Гастом всё в порядке?

— Да, он будет ждать нас у...

— А с теми, кто в гостинице?

— Всё в порядке. Просто гипноз. Массовая резня в планы «Рассвета» явно не...

— А тех эйрдалей, которые напали на Гаста... ты убил?

Алексас, не ответив, пристально смотрел на неё.

Таша даже не моргала.

— Мне незачем винить себя, — прошептала она, глядя вперёд остекленевшим взглядом, не дождавшись ответа. — Конечно. Незачем. — Сглотнула. — Но из-за меня умерли, умирают и ещё умрут слишком многие.

— Многие не самые лучшие представители рода... не всегда человеческого, — спокойно напомнил Алексас. — Которые всегда хотели убить тебя.

— Мама тоже погибла из-за меня. И лекарь в Камнестольном. И...

— Таша, посмотри на меня.

Она посмотрела. Тусклым, мучительно вопрошающим взглядом.

Ответный взгляд Алексаса был усталым.

— На том пути, по которому ты идёшь, смерть ожидает тебя на каждом шагу. И сойти с него ты не можешь. Поэтому чем скорее ты к нему привыкнешь, тем лучше. — Он говорил тихо, не успокаивая, а просто констатируя факты. — Да, по твоей вине умрут ещё многие. Либо ты, либо они. Всё просто. Если ты не в силах с этим смириться — сойди с пути. Сдайся. Погибни. Сделай напрасной смерть всех, кто умер, пытаясь тебя защитить. Многие этому очень обрадуются, поверь. А если хочешь жить, свыкнись с мыслью, что тебе приходилось и придётся идти по головам.

Она вздрогнула, точно от пощёчины, — но Алексас уже поднялся на ноги.

— Гаста нельзя оставлять без присмотра, — произнёс он: буднично, будто до этого не говорил совсем о другом. — Завтра забираем его и отправляемся в штаб-квартиру «Венца». Защиту я возобновил.

— Я... вытребовала для него безопасность. Поэтому и впустила эйрдалей. — Ташин голос сорвался на хрип. — Мне принесли клятву. Никто из «Рассвета» его не тронет.

Алексас легонько провёл рукой по её волосам; в этом жесте читалось странное, какое-то болезненное сочувствие.

— Тот, с кого ты потребовала клятву, мёртв. И его клятва умерла вместе с ним. Но даже если бы он остался жив... не думаю, что для «Рассвета» его жизнь хоть что-то значила. — Склонившись над ней, он коротко коснулся губами её макушки. — Спокойной ночи, моя королева.

Когда он выключил свет и лёг, Таша ещё какое-то время сидела, уставившись в темноту. Потом тоже легла.

А спустя какое-то время окутавшую комнату тишину нарушил странный вздох.

Вздых человека, который не хочет, чтобы кто-нибудь услышал, как он плачет.

* * *

— Дядя Арон, ну скоро будет готово?

— От твоих бесконечных вопросов скорее не приготовится. — Джеми насмешливо потрепал Лив по макушке. — Когда надо, тогда и будет.

— Полагаю, ещё минут десять, — откликнулся Арон, глядя на сияющую горку углей, под которыми запекалась картошка.

Готовили в саду, на сложенной из камней жаровне. Был вечер краснолистника, ясный, солнечный и тёплый; вернувшись из школы, Таша и Джеми услышали неожиданное предложение об ужине на свежем воздухе, в качестве коего предлагалась печёная картошка, и приняли его с радостью.

— Скучно, — пожаловалась Лив, наматывая круги вокруг жаровни.

— Помоги мне на стол накрыть, — посоветовала Таша, расставляя тарелки: стол Джеми магией выволок из кухни пятью минутами раньше.

— Не хочу, — бессовестно заявила Лив. — Дядя Арон, а вы расскажете дальше про своё детство? А то вы тогда недорассказали, а мы у вас не спрашивали, а вы обещали всё рассказать!

Арон, стоя над углями с кочергой в руках, искоса взглянул на девочку.

Перевёл взгляд на Ташу и Джеми, притихших в предвкушении.

— Ладно. Немного времени до ужина у нас есть, — наконец негромко изрёк он, откладывая кочергу. — На чём мы остановились?

— На том, что вас забрали в монастырь, — живо ответила Лив.

— На самом деле немного дальше, но ты заснула, — тихо уточнил Джеми — но так тихо, что та не слышала.

— А, да. Что ж... дальше мы учились. Все дети, которые жили там. Впрочем, формальная учёба занимала не так уж много времени, в основном мы просто... жили. Учились не письменности и чтению, а жизни. Дружбе. Справедливости. Гуляли, играли, разговаривали. Разговаривали, пожалуй, больше всего: друг с другом, с Кристаль — все вместе или один на один. Она со всеми детьми время от времени прогуливалась по саду... часто отлучалась, но потом возвращалась. Старшие из ребят, с которыми я познакомился, когда меня привезли в монастырь, выросли и покидали его уже с Даром, на их место

приходили малыши. Не было строго определённого возраста, по достижении которого Кристаль проводила Волшебное Крещение: каждый получал Дар в своё время, когда Кристаль считала его готовым к этому. Пару раз эйрдали пытались пробраться в монастырь, добраться и до нас, и до Кристаль... несколько ребят в итоге погибло. Но в общем и целом мы жили в своём счастливом маленьком мирке. Жили, пока мне не исполнилось восемнадцать.

Когда Кристаль вызвала меня в свой кабинет, я поначалу решил, что она наконец хочет наделить меня Даром. Даже огорчился немного по этому поводу: это означало, что спустя несколько лет я покину монастырь, а мне этого не хотелось. Но Кристаль завела разговор, удививший меня. Рано или поздно, сказала она, ей придётся покинуть Аллигран, и помимо магов ей нужно оставить других своих преемников... тех, кто будет, грубо говоря, следить за магами. Тех, кто будет хранить людей вместо неё. И если маги станут сменять друг друга, а их Дар — переходить от одних к другим, то эти её преемники будут жить вечно, как Перворожденные альвы. Более того, если альвов теоретически можно умертвить, нас не сможет убить никто... кроме кого-то из нас шестерых. И умрём мы лишь в том случае, если один из нас осмелится поднять руку на других.

— Шестерых? — Таша быстро подняла глаза. — Значит, Лиара можешь убить не только ты, но и другие амадэи?

— Да, — просто кивнул Арон. — И если мы с Лиаром не можем воздействовать друг на друга своей магией, можем причинить вред друг другу лишь холодным оружием — с амадэями из других пар мы вполне способны сражаться в полную силу. Равно как и они с нами... так вот. Кристаль сказала, что мы будем работать в паре с Лиаром, и сказала, что давно вынашивала этот замысел, но лишь сейчас присмотрела шестерых ребят, которые, как ей кажется, смогут вынести предстоящую им ношу. Из всех, кого она вырастила, она выбрала самых достойных, ибо вместе с огромным могуществом на их плечи ляжет огромная ответственность. А ещё она дала мне полное право выбора. Я мог отказаться, и тогда она подыскала бы кого-то другого. Правда, потом я понял, что она слишком хорошо знала нас, чтобы быть уверенной — мы не откажемся... так и случилось. Все шестеро, с которыми она провела такую же беседу, сочли за честь ту участь, которую им уготовили.

Мы продолжили жить в монастыре, но уже на особом положении. Поскольку жизнь в Долине более-менее наладилась, Кристаль проводила в монастыре куда больше времени, чем раньше, и почти всё это время уделяла нам. Готовила нас к тому, что нам предстоит. Говорила, что для людей мы будем, по сути, воплощениями двух Богинь на земле, что нам предстоит не только судить и помогать, но и карать; поэтому одни из нас будут связаны с тьмой, и эта тьма будет защищать свет, который воплотят другие. Те, кому отведена роль Палачей, не должны ни стыдиться, ни бояться её, ведь они не столько наказывают тех, кого казнят, сколько дарят им шанс на новое рождение, дабы искупить ошибки в этой жизни... Впрочем, те, кому Кристаль уготовила стать Палачами, приняли свою роль с готовностью.

Трое Зрящих, трое Воинов. Трое юношей, три девушки. Все пары дружили задолго до того, как узнали, что им предстоит быть вместе вечно, и «притираться» не потребовалось. Одной парой стали мы с Лиаром, второй — две девушки, третьей... сами понимаете, кто остался. Когда Кристаль посчитала, что мы готовы, мы приняли Дар: второе крещение,

почти такое же, как у магов, — но силы нам достались иные. Ещё десять лет Кристаль учила нас пользоваться полученными силами, после чего мы наконец разъехались по разным городам и стали править. Следующие пять лет мы исполняли свои обязанности под пристальным наблюдением Кристаль. — Арон помолчал. Вновь взял в руки кочергу. — А потом она ушла.

— Куда? — с надеждой спросил Джеми.

— Если ты надеешься, что я знаю ответ, в отличие от всех людей в Долине — нет. — Амадэй грустно улыбнулся. — Она попрощалась с нами. Только с нами — со всеми шестерыми. И исчезла. Куда, не знаем даже мы. Она не оставила никаких следов. — Он разгрёб угли. — Похоже, готово. Таша?

Она послушно взяла со стола глубокую миску. Подав её Арону, смотрела, как он голыми руками, не морщась, вытаскивает обжигаяще горячую картошку, складывая в тарелку.

— Вам не хватало её? — негромко спросила Таша.

— Да. И нам было тяжело смириться с тем, что её больше нет с нами. Но к тому времени мы были уже взрослыми людьми, и всегда понимали, что рано или поздно она нас покинет... А теперь хватит разговоров, пожалуй. — Достав последнюю картошину, он прошествовал к столу, чтобы торжественно поставить миску посередине. — Пора ужинать.

— Вот так мирское вытесняет духовное, — на удивление серьёзно вздохнула Лив, усаживаясь на садовую скамью, заменявшую им стулья.

— Просто это не та история, которую надо слушать в один раз, — так же серьёзно ответил Арон.

Стоя у жаровни, чувствуя слабый жар, которым ещё истекали остывающие угли, Таша сощурилась, глядя на амадэя.

Возможно, сейчас был не лучший момент для этого вопроса, — но она и так откладывала его слишком долго.

К тому же никакое время не может быть лучшим для таких вопросов, как этот.

— Что между вами случилось? — негромко спросила Таша. — Почему Лиар возненавидел тебя? За что он тебе мстит?

Резко вскинув голову, Арон встретил её пристальный взгляд.

Присутствующие замерли.

— Я уже говорил, — медленно проговорил амадэй. — Мы кое-что не поделили.

— Я помню. И ты знаешь, что я хочу знать больше.

Арон долго смотрел на неё; слышно было, как шуршат вишнёвые листья, а угли, остывая, издают тихий-тихий звук, похожий на треск стекла.

— Мы полюбили одну и ту же женщину, — наконец просто сказал амадэй. — А она выбрала меня.

Таша изумлённо моргнула.

— И... всё?

— Всё. — Арон усмехнулся её растерянности. — Банально, не правда ли?

Таше, ожидавшей чего-то совершенно исключительного, зловещего и величественного, это и правда показалось донельзя банальным.

С другой стороны, самые удивительные вещи часто объясняются самым обыденным образом.

— Но амадэям же запрещено любить, — с сомнением напомнил Джеми.

— Верно. И это не отменяет того, что я сказал.

— Значит, вы не смогли быть вместе?..

— Кара амадэю, который осмелился преступить завет Кристалли и полюбить — смерть его любимого, — бесстрастно заметил Арон.

— Любимого? — Таша вскинула бровь. — Не его самого?

— Людей много. Амадэев же всего шесть.

Ирония в его голосе была почти неразличимой.

— А как-то... скрыть это?

— Невозможно. Тот, кто нарушил запрет, лишался Дара. Магия возвращалась к нему лишь со смертью человека, «осквернившего» его. К слову, запрет касался лишь любви к смертным, другого амадэя любить не воспрещалось. Думаю, именно с этой целью Кристаль избрала троих мужчин и трёх женщин. Надеюсь, наверное, что со временем наши пары перераспределятся.

— И кто-нибудь из вас полюбил друг друга?

— Одна пара состоялась. Те, кого и Кристаль поставила в пару. К сожалению, детей Богиня им не дала, а нам было так интересно, унаследует ли ребёнок способности родителей... Остальные относились друг к другу с глубочайшим уважением, но любовь —

увы.

— Зачем он был нужен, этот запрет? — Таша дёрнула плечом. — Вечность без любви...

— Всё было не так плачевно, как ты думаешь. Мы могли любить физически, но не духовно. Мы могли любить духовно, но не физически. Сама по себе любовь не лишала нас дара, постель, к которой не прилагалось ничего большего — тоже. Но если мы пытались быть с тем, кого любим, телом и душой... тогда наш Дар начинал слабеть, пока не исчезал вовсе.

Таша осмыслила то, что он сказал.

Душа, но не тело. Тело, но не душа.

Холодное удовлетворение потребностей или искреннее чувство без физической близости...

— Это... жутко, — признала она. — Кристаль не имела права лишать вас этого.

— Ни ты, ни я, ни кто-либо ещё не имеет права её судить, — ровно ответил Арон. — Она оставляла после себя тех, кому доверяла всех людей Долины, и у неё были причины наложить на нас эти запреты. В конце концов, все беды, которые в конце концов нас постигли, как раз возникли из-за любви.

— Все? А какие ещё?

Амадэй молчал.

— Всё-таки вы очень не подробно рассказываете, дядя Арон, — укоризненно заметила Лив. — Я вот, можно сказать, так ничего и не поняла.

— Я бы тоже не отказался от подробностей, — осторожно добавил Джеми.

— Им ещё и подробности нужны. — Арон взглянул на Ташу, хмуро смотревшую на него. Печально качнул головой. — Будут вам подробности. Только не сегодня. И не завтра.

— А когда? — тихо спросила она.

— Когда я буду готов. — Амадэй решительно вооружился вилкой. — А теперь — ужинать.

* * *

— Доброе утро.

Таша открыла глаза, чтобы увидеть над собой лицо Алексаса.

— Герланд со мной связался, — сказал он. — Сейчас идём за твоим деревенщиной, забираем его и едем в Заречную. Там нас встретят и проведут в Адамантскую штаб-квартиру «Венца».

Таша неуверенно привстала на локте.

Спалось ей плохо. Вернее, совсем не спалось. Наверное, периодически она проваливалась в сон, — но Таша отчётливо помнила, что, когда начало светать, она бодрствовала.

— Зачем нам в Заречную? — зевнула она. — Адамант же в другой стороне.

— Меры безопасности. Меня больше волнует, что скажет на всё это твой деревенщина. Придётся тебе с ним поговорить, и надеюсь, этот разговор пройдет гладко, потому что времени убеждать его у нас нет. — Алексас, отступив от кровати, кивнул на стул, на спинке которого висела её новая одежда: узкие штаны, шёлковая рубашка и жилетка поверх. — Сегодня завтракаем в таверне. Жду тебя там, и поторопись.

Таша молча смотрела, как он выходит из комнаты.

Встав, оделась и подошла к зеркалу.

Однажды она испытывала что-то похожее. Однажды её уже заставили повзрослеть. А потом она попала под крылышко любящего человека, в заботливых объятиях которого ей было так уютно и тепло, с которым ей так захотелось снова стать маленькой девочкой...

Но детские игры кончились. Она играет со взрослыми. По взрослым правилам.

И чтобы обрезать нити, которыми её сковали, для начала нужно перестать быть глупой куклой.

Таша смотрела на своё отражение.

Каждый раз, когда кто-то умирал на её пути, он забирал с собой что-то от неё. Только она этого не замечала.

Сегодня ночью умерли не только четверо эйрдалей. Сегодня умерли ещё четыре частички её.

Она смотрела на девушку в зеркале: черноволосую, строгую, почти незнакомую. Смотрел на оборотня с юным, прекрасным, холодным личиком.

И понимала, что когда-нибудь действительно может им стать.

— Тебе... идут... такие волосы, — нарушил неловкое молчание Гаст.

Таша кивнула, глядя в окно.

Белёсое небо сыпало мелкий колючий снег. Пейзажи вокруг казались шедевром кондитерского искусства: бисквиты заснеженных равнин, украшенные марципановыми деревцами и щедро присыпанные сахарной пудрой.

— Скучаешь по Прадмунту? — спросила она, пытаясь как-то поддержать разговор.

— По семье, — неохотно признал Гаст. — Ну и по деревне. По Кристальному, по садам Фаргори...

— Как-нибудь приглашу тебя в наш новый дом. У нас там вишнёвый сад, он тоже красив.

— Да, хорошо было бы, — неуверенно ответил он.

Таша мельком улыбнулась. Не знает, как себя с ней вести...

Забавно.

«Доброе утро, Гаст. Прости, нет времени нормально всё объяснить, но тебе придётся уехать из Броселиана. Да, прямо сейчас. И очень надолго. И тебе придётся жить с людьми, которые вряд ли покажутся тебе подходящей компанией, но только они могут тебя спасти. Они заговорщики. Да, такие заговорщики, которые обычно свергают королей. И они хотят свергнуть Шейлиреара, но они лучше других заговорщиков, которые жаждут вернуть Аллигран в Первую Эпоху, когда всё было очень плохо, если ты помнишь. А ещё они будут защищать тебя от тех самых других заговорщиков, которые хотят тебя убить. Да, те эйрдали были как раз от них. Да, я знаю тех заговорщиков, которые хотят свергнуть Шейлиреара, и защищать тебя они будут по моей просьбе. Гаст, нет времени объяснять, откуда я их знаю. Ты хочешь жить? Надеюсь, да, потому что я хочу, чтобы ты жил. И тогда лучше тебе просто смириться с перспективой стать заговорщиком и начать собирать вещи, ладно?..»

Утренний разговор в комнатухе Гаста вышел коротким и предельно информативным; Алексас, исполнивший роль безмолвного телохранителя, только улыбался. Впрочем, разговор в карете тоже не клеился. Таша долго пыталась завязать беседу, пыталась объяснить всё, как надо — но когда Гаст наконец набрался мужества, чтобы открыть рот, у неё уже пропало всё желание пробивать стены, которыми тот отгородился от подруги детства. К тому же её немного раздражало, что Гасту явно стоит немалых усилий не обратиться к ней «Ваша Светлость».

В общем, Таше почему-то всё больше и больше хотелось вылезти из кареты и оказаться на облучке, рядом с Алексасом. Грустно. Они с Гастом много лет были не разлей вода, — а теперь? Сидят друг напротив друга, абсолютно разные, абсолютно чужие люди, и родным для неё стал мальчишка, с которым она познакомилась не так давно...

Печально качнув головой, Таша щёлкнула задвижкой, открывая окно.

— Я оставляю тебя одного, хорошо? — бросила она, прежде чем высунуть голову наружу. — Эй, там, наверху! Остановите экипаж, будьте добры!

Алексас присвистнул, и кони послушно замедлили шаг.

Под угрюмым взглядом Гаста выскользнув наружу, Таша приняла протянутую ей руку. Легко взобравшись наверх, устроилась бок о бок со своим рыцарем, который вновь правил каретой.

— Неподходящее время для встреч старых друзей? — вскинул бровь Алексас, понукая лошадей.

— Похоже на то.

— Долго ты тут сидеть не будешь, учти. Я не дам тебе мёрзнуть. Но раз уж забралась, возьми чай, теплосберегающий кувшин в ящичке за твоей спиной.

Таша охотно последовала его совету. Глотнув чай, одной рукой поправила шапку, плотнее закрывая уши, на морозе миглом начавшие зябнуть.

— И каким образом ты собираешься скрыть, кто мы, от амадэя? — обзревая открывавшиеся взору окрестности, невзначай спросила Таша.

— Сомневаюсь, что по прибытии в «Рассвет» нас будет проверять лично амадэй. Амадэй явился к главам могущественной организации, которую они хотят склонить на свою сторону, но он не встречает всех новобранцев. На это у него есть подручные, а с защитой фей мы сможем обмануть и эйрдалей, и магов. Если немного усилить её...

— Лиар узнает, что я приду. Не может не узнать. Он наверняка сам привёл меня туда.

— Соглашусь. — Кажется, Алексас развеселился. — А с чего ты взяла, что во главе «Рассвета» стоит он?

— Кто же ещё?

— Ну, начнём с того, что глава «Рассвета» — женщина, а закончим тем, что зовут её Зельдой.

Секунду Таша растерянно смотрела на него.

Потом рассмеялась: коротко и досадливо, сетуя на собственную глупость.

Ведь знала, что их осталось четверо!..

— А ты думала, тебя отправят в распростёртые объятия старого знакомого? Всё не так просто. — Алексас качнул головой. — Впрочем, ты права. Мы рискуем. Воины не могут читать мысли, но им под силу наложить подчиняющее заклятие или очаровать тебя, заставив поведать всё, что им угодно. Будем надеяться, что мы закончим наши дела в «Рассвете» до того, как Зельда лично нами заинтересуется.

— Так это та самая Зельда? — припоминая рассказы Арона, протянула Таша.

— Да. Та самая.

— Что ж, ни особым умом, ни трезвостью мышления она явно похвастаться не может. Это немного успокаивает.

Алексас издал короткий невесёлый смешок:

— Боюсь, ты даже представить себе не можешь, до чего изобретательными на козни бывают мстительные женщины. Особенно когда они мстят всему человечеству.

— Ну, в каком-то плане она даже хуже Лиарчика, признаю.

— Как фамильярно, — усмехнулся её рыцарь.

— Это лучше, чем окружать его ореолом величия и именовать Палачом, — пожалала плечами Таша. — Меня в данный момент больше беспокоит, что я наживаю себе врагом уже второго амадэя.

— Да, выбирать врагов ты катастрофически не умеешь.

— Скорее они меня выбирают. Один так точно. — Завинтив крышку кувшина, Таша вернула его в ящик. Со вздохом натянула шарф на нос. — А я-то так обрадовалась, когда услышала, что во главе «Рассвета» стоит амадэй. Думала, наконец встречусь с Лиаром лицом к лицу.

— Так жаждешь этой встречи?

— Просто меня категорически не устраивает, что мой враг знает обо мне всё, а я о нём — ничего. Даже настоящего его обличья не видела ни разу. Согласись, такая расстановка сил немного угнетает.

— Таковы правила игры, — грустно сказал Алексас. — Не волнуйся, ничто не вечно под луной. Рано или поздно все маски будут сброшены. Обязательно.

Таша задумчиво подперла рукой подбородок.

— Интересно... по идее, не в интересах Лиара, чтобы я погибла, так ведь? Он сам это говорил.

— Ага.

— Значит, если Зельда нас раскроет, Лиарчик увидит это в своём зеркальце, придёт и спасёт меня. И всё будет хорошо.

— Воистину.

— Будь это сказано не таким тоном, я бы сама в это поверила. — Таша тяжело вздохнула. — А если серьёзно... как думаешь, если меня захотят убить, он сделает что-то, чтобы этому помешать? Спас же он меня тогда от оборотня.

— В его власти многое.

Горько усмехнувшись, Таша посмотрела в белоснежную даль:

— Никогда не думала, что скажу это, но хотелось бы верить.

Ей правда хотелось в это верить, — какой бы абсурдной и отвратительной ни была эта мысль. Ведь если Арон вдруг их не найдёт...

Впрочем, нет, не надо думать об этом. Арон может всё, и он найдёт их. Уже очень скоро. А ещё обязательно скажет, как вернуть Джеми, или просто возьмёт да и вернёт его.

Арон, Арон...

— Знаешь, — произнесла Таша печально, — я так редко вспоминала об Ароне все эти дни.

— Тебе было немного некогда.

— Я ужасно неблагодарная дочь, да?

— Не дочь и очень даже благодарная. Просто у тебя своих проблем навалом.

— А сейчас вспомнила, потому что подумала, что нам пригодилась бы его помощь. — Таша повесила голову. — Я его недостойна.

— Плохо стараешься. Уверен, ты способна придумать нечто куда более оригинальное, чем эта избитая фраза.

Это заставило её фыркнуть, — но намечавшийся приступ самобичевания благополучно отступил.

— Почему ты не попросил Герланда, чтобы он настроил зеркало на Фар-Лойл? — упрямо спросила Таша: прекрасно зная, что, будь это возможным, этим бы непременно воспользовались. — Или как-то по-другому переместил нас туда?

— Перемещение на такое расстояние или настраивание зеркального прохода вызовет мощный всплеск магической энергии, который будет замечен и зарегистрирован людьми Его Величества. Если этот всплеск пожелают проверить... Герланд не может так рисковать. Ничего, Арон сам нас отыщет.

— Жаль. Мне его так не хватает... и Лив. Я ведь с ней даже не попрощалась. — Таша прикрыла веки: мерная тряска кареты убаюкивала. — Глупая... обиделась, что я от неё Джеми увожу, и убежала. А если я не вернусь?

— Таша, Таша...

Странная щемящая нежность, с которой Алексас произнёс это, заставила Ташу снова посмотреть на него, — но нечитаемое выражение его лица и глаз поставило её в тупик.

— Что? — спросила она, отчего-то смутившись и отведя взгляд.

Краем глаза она видела, как Алексас, улыбнувшись, отвернулся.

— Красивое у тебя имя.

Таша прекрасно понимала, что этот ответ далёк от того, что он действительно хотел сказать — но, отчего-то не желая лезть в дальнейшие расспросы, вновь закрыла глаза.

— Возвращайся в карету, — велел Алексас какое-то время спустя.

— Мне и здесь хорошо, — пробормотала она.

— Какой энтузиазм по отношению к встрече с другом детства. Смотри, заснёшь и свалишься.

— Я же знаю, что ты меня поймаешь, — произнесла Таша безмятежно и сонно.

Алексас, почему-то снова улыбнувшись, некоторое время молча смотрел на дорогу. Смотрел, пока карету не тряханула на какой-то кочке, и Ташина голова не коснулась вдруг его плеча.

Вглядевшись в её лицо, Алексас перехватил поводья одной рукой: чтобы другой обнять свою спящую королеву, не давая ей упасть.

— Поймаю, — негромко, чтобы не разбудить, подтвердил он. — Всегда.

* * *

Когда Лив, резко проснувшись, открыв глаза и с криком села на постели — госпожа Лиден была рядом.

— Тише, милая, тише. — Взяв девочку за плечи, старушка мягко заставила её лечь обратно. — Всё хорошо. Ты дома.

Лив, тяжело дыша, смотрела на хозяйку башни звездочёта.

— Я дома? Как...

— Ты ничего не помнишь?

— Я помню, как заглянула в зеркальце... там был белый туман. — Детские пальцы испуганно вцепились в морщинистую руку. — А потом он исчез, и там была тьма, всё чёрное... Я как будто нырнула туда. — Лив судорожно сглотнула. — И слышала голос.

— Голос?

— Да. Он говорил так, как будто добра желал... и там была музыка... и...

Девочка всхлипнула, — но госпожа Лиден, вздохнув, успокаивающе погладила её по голове.

— Всё уже позади, Лив. Его здесь больше нет.

— Ни к чему её обманывать, — устало произнёс Арон, до сего момента следивший за происходящим, прислонившись к дверному косяку. Наконец вошёл в комнату. — Лив, послушай меня. Тот, кто говорил с тобой — это Лиар.

Девочка расширила глаза:

— Тот... тот самый? Ваш враг?

— Да. Тот самый. Мой брат и мой враг. Он хочет навредить Таше, и хочет, чтобы я знал, что он этого хочет. И для этого он использует тебя. Он разговаривает со мной, занимая твоё тело.

Лив ничего не сказала, — лишь смотрела на него недоверчиво.

— Он очень сильный маг, Лив. Время от времени ты будешь как бы... терять сознание. А потом просыпаться в другом месте, не зная, как ты тут очутилась. Если подобное вдруг случится, и мы с госпожой Лиден этого не заметим, ты должна обязательно рассказать об этом нам, поняла?

Она неуверенно кивнула.

— Хорошо. Прости, но пока мы не будем выпускать тебя из башни. Госпожа Лиден постарается всё время быть рядом. Если она вдруг не сможет за тобой наблюдать, будем запираить тебя в комнате.

— Так надо, милая, — совестливо пробормотала старушка.

Лив беспомощно переводила взгляд с одного взрослого на другого.

— Вы... боитесь, что я могу вам навредить? — сдавленно проговорила она.

— Боюсь, что так. — Арон серьёзно смотрел на неё. — А чем меньше Лиар услышит и увидит в этом доме, тем лучше.

Девочка повесила голову, — но амадэй, присев на корточки, ласково заглянул ей в глаза:

— Дело не в тебе. И это не продлится долго. Обещаю. — Арон коснулся её щеки. — Тебе необязательно было сбегать, чтобы увидеть Ташу. Господин Гирен всегда может заглянуть в свой волшебный телескоп и сказать нам, где она.

— Может? — опешила госпожа Лиден.

— Может, — невозмутимо подтвердил Арон. Снова взглянул на Лив. — Позже вместе с тобой поднимемся и посмотрим, как там Таша и Джеми. Хорошо?

Та, кивнув, даже улыбнулась:

— А господин Гирен что, волшебник?

— Был им очень давно. Он хотел об этом забыть, но у него не получилось. — Арон встал. — Мне пора.

Кутаясь в одеяло, Лив следила, как он идёт к двери.

— Мы ведь поедem за Ташей, правда, дядя Арон? — с надеждой спросила она. — Найдём её, пока ваш брат не успел ей навредить?

Замерев у самого порога, тот оглянулся.

— Поедем. Но не сегодня.

— А когда?

— Когда придёт время.

— А когда оно придёт?

Но он уже закрыл за собой дверь.

— Приехали, — объявил Алексас, осаживая лошадей.

Приняв услужливо предложенную руку своего рыцаря, Таша следом за ним спрыгнула наземь. Ступив на снег, искрившийся в тусклом свете каретных фонарей, обзрела окружающий пейзаж: берег какого-то озера, ивы, тонущие в зимних сумерках, и заснеженные равнины вокруг. На горизонте, ещё тлевшем отблесками догорающего заката, виднелась полоска лесистых гор, вдали мерцали огоньки какого-то поселения.

— Нам что, назначили встречу здесь? — уточнила Таша с сомнением.

— Именно, — бесстрастно произнёс Герланд, бесшумной тенью отделившись от ствола ближайшей ивы, не оставив следов на снегу. — И вы опоздали.

— Назначать встречу в подобном месте — мудро, но точно рассчитать время на дорогу сюда трудно. — Алексас улыбнулся бывшему учителю. — Рад вас видеть.

Герланд долго смотрел на него; звёздные искры в его зрачках чуть светились во тьме.

— Да, — наконец сказал альв без намёка на эмоции. Перевёл взгляд на Ташу, на Гаста, вылезшего из кареты — и снова взглянул на Алексаса. — Я тебя тоже, пожалуй. — Он отвернулся, взметнув плащом. — Идёмте, проход скоро активируется.

Таша озадаченно побрела следом: по заснеженному льду озера, решительно не представляя, куда их ведут.

И недоверчиво уставилась на тёмный кружок с чёрной водой, когда Герланд встал у проруби неподалёку от берега.

— Прорубь? — только и смогла вымолвить она.

— Магические проходы бывают разными, Ваше Высочество. И вовсе не обязаны быть зеркальными. — Альв посмотрел на Гаста, чуть склонив голову. — Значит, нашего полку прибыло?

— Это Гаст Онван, — быстро сообщила Таша. — Мой...

— Друг детства. Наслышан, — скучающе ответил альв. — Кого только не приходится нынче принимать в заговорщики. — Глядя в глаза Гасту, порядком ошалевшего от всего происходящего, он усмехнулся. — Держу пари, молодой человек, вы слабо представляете, насколько у вас хорошие связи... и чему вы им обязаны.

Когда края проруби вдруг засветились потусторонней, пронзительной синевой, Таша невольно прикрыла глаза рукой.

— Пора. — Герланд взмахнул рукой в приглашающем жесте. — Вы первая, Ваше Высочество.

— И что я должна делать?

— Прыгать.

Таша уставилась на воду.

Прекрасно представляя, насколько она холодная.

— Вы уверены?..

Альв только скрестил руки на груди: более чем выразительно.

— А что будет с лошадьми? — спросила Таша, отчаянно надеясь потянуть время.

— Мы с Герландом о них позаботимся. Как только отправим вас. — Алексас мягко подтолкнул её в спину. — Ну же. Не бойся.

Таша тоскливо оглянулась на него. Вновь взглянула на прорубь.

Приблизившись к самому краю, поправила сумку на плече; зажмурилась, сделала глубокий вдох и — прыгнула.

Вместо незамедлительного столкновения с ледяной водой последовал неожиданно долгий полёт. Таша отсчитала пять томительных ударов сердца, прежде чем её завертело и закружило, неся куда-то, расплывая в темноте перед глазами смутные белые пятна, похожие на звёзды...

Чтобы в конце концов уронить на что-то, по ощущению подозрительно напоминающее ворс пушистого ковра.

— Вставай, вставай, а то следующий на тебя упадёт! — кто-то засуетился вокруг, вздёргивая Ташу на ноги. — Ты в порядке?

Открыв глаза, она оглядела просторную комнату: напротив трещащего камина стояли вокруг низкого столика несколько кресел, стены увешивали головы невинно убиенных животных. Вскинув голову, увидела в потолке открытый люк, края которого сияли той же колдовской синевой, обрамлявшей непроницаемую черноту.

Вновь опустила взгляд — и наконец удостоила вниманием взъерошенного молодого человека в тёмной мантии, белобрысого и улыбчивого.

— Привет, Найдж, — сказала Таша, невольно улыбнувшись в ответ.

— Ваше Высочество. — Колдун склонился в поклоне. — Добро пожаловать в «Багряный венец».

— Неплохо вы тут... обустроились, — заметил Алексас, когда компания собралась в

полном составе, и Найдж повёл их куда-то по коридору, увешанному гобеленами. Угрюмый Гаст по-прежнему не задавал вопросов, которых у него наверняка возник не один десяток; впрочем, он вообще ни звука не издал с тех пор, как вылез из кареты.

Таша даже немного завидовала подобной покорности судьбе.

— Неужели этот дом действительно находится в Адаманте? — спросила она, разглядывая гобелены.

— Прямо посреди нашей славной столицы, — дружелюбно подтвердил Найдж. — Особняк представителя одного из самых древних и уважаемых родов Равнинной.

— Какие у вас связи, однако.

— Профессия обязывает, — хмыкнул колдун. — Полагаю, мне отвели честь препроводить нашего нового подопечного в его новую спальню?

— Верно полагаешь. — Герланд указал на коридор, видневшийся впереди, убежавший ответвлением влево. — Вам туда.

— А нам? — немедленно уточнила Таша.

— А нам, Ваше Высочество, на совет Основателей.

— Совет? Сейчас?

— Нужно поскорее сообщить вам, что вы будете делать. Чтобы было время отказаться, — иронично изрёк Герланд. — Согласитесь ли вы осенить наш совет своим присутствием, о свободолюбивейшая из королев?

Таша в ответ лишь сердито кивнула: сейчас она не была настроена на шутки и иронию.

— Алексас с нами? — только спросила она.

— Куда же без него.

Прежде, чем их пути с Найджем и Гастом разошлись — колдун, вдруг крутанувшись на каблуках, тронул Алексаса на плечо:

— Сейчас не время, понимаю, — негромко произнёс он, даже не пытаясь скрыть тепло своей улыбки, — но потом, Джеми, очень надеюсь перемолвиться с тобой словечком.

Таша споткнулась.

Алексас моргнул. Затем, кивнув, отвернулся.

— Потом, — бросил он через плечо, прежде чем продолжить путь.

Найдж, безмятежно кивнув в ответ, стремительно повёл Гаста дальше по коридору — и миг спустя уже пропал из поля зрения.

— Вы что, не сказали ему? — изумлённо прошептала Таша, глядя в спину альва.

— Зачем расстраивать человека, — бросил Герланд, открывая двустворчатые двери в конце коридора; за ними скрывалась внушительной ширины лестница, вившаяся куда-то наверх. — Решил предоставить ему возможность узнать всё при личной встрече. И если бы не ваши игры в защитников сырых и убогих, он узнал бы это ещё нескоро.

— Но вы не можете оградить его от этого! — Таша начинала злиться. — Только не говорите, что вы даже не предупредили его о...

— Он прекрасно знал, что рано или поздно это произойдёт. И надеялся, что либо это произойдёт очень-очень поздно, либо братья Сэмперы станут счастливым исключением из правил Двоедушия. Вы, люди, такие забавные. — Альв остановился: лестница привела их к тупику в виде резной двери. — Теперь, Ваше Высочество, советую вам не выказывать своих кошачьих наклонностей. Не все Основатели отнесутся к ним с таким пониманием, как я.

— Не все Основатели будут вести себя со своей королевой так бесцеремонно.

Герланд полуобернулся, и губы его тронуло подобие улыбки.

— Не все Основатели имеют на это право, — заметил он. Распахнул двери — и громко провозгласил, — дамы и господа, позвольте вам представить Её Высочество Таришу Тариш Бьорк.

Таша вступила в полукруглый зальчик: пустой, за исключением стула посередине и длинного стола под окном у дальней стены, что напомнило ей о школьных экзаменах. Правда, в школе экзаменаторов обычно бывало меньше, что только добавляло нервозности.

Препроводив её к стулу, Герланд жестом велел Таше опуститься на бархатное сидение, а Алексасу — встать за спинкой. Проследовав к своему месту — пустующему креслу за столом, — в свою очередь сел.

— Поскольку моего ученика, полагаю, все узнали, — молвил альв, — можно начать представление другой стороны. Знакомьтесь, Ваше Высочество: Ларон Шелиан-энтаро. Магистр первой степени, выпускник Адамантской Школы и хозяин этого скромного жилища.

Поднявшись со своего места, Таше поклонился мужчина в оливковой мантии, худой, длинный и седовласый.

— Готов служить Вашему Высочеству.

Таша кивнула в ответ. Пытаясь, но не в силах перестать с любопытным вглядываться в

его лицо. Оно было привлекательным и аристократичным, гладко выбритым, совсем не старым...

И правую его половину полностью скрывала бронзовая полумаска.

— Дракон, — спокойно произнёс волшебник, отвечая на немой вопрос. Единственный его глаз — глубинно-изумрудный, — смотрел на Ташу так же пристально, как она на него. — Я всю жизнь посвятил их изучению, и с одним неудачно поговорил. С тех пор предпочитаю не шокировать окружающих второй половиной моего лица.

— Неужели это нельзя было излечить? — спросила Таша, стараясь, чтобы в голосе её не прозвучала жалость.

— Шрамы от драконьего пламени не лечатся, — чуть склонил голову волшебник.

— ...и Линдана Марлеон-лиэн, — внимательно наблюдая за Ташиной реакцией, продолжил альв: представляя третьего и последнего человека, сидевшего за столом Основателей. — Профессиональная наёмница, блестящая воровка и прекрасная фехтовальщица.

— Что ты всё о прошлом, Герланд, — изрекла та, погрозив альву пальцем. Она была уже немолода, но выглядела прекрасно: статная и стройная, с короткой стрижкой, в одежде мужского покроя. Морщин в неверном вечернем свете почти не было видно, а строгой красоте её тонкого лица могла позавидовать не одна юная дева. — Первая половина моей жизни была прекрасна, но в данном случае уместнее рассказать о второй.

— Ах, да. — Альв едко улыбнулся. — Линда как-то получила выгодный заказ на одну вещь, но хозяин этой вещи невовремя вернулся домой. Поскольку Линда никогда не связывалась с «мокрыми» делами, она решила выкрутиться из неприятной ситуации по-другому.

— Представилась сюрпризом от близкого друга, — поведала Линда, заговорщицки понизив голос. — У него как раз был день рождения, а танцевать я умела неплохо.

— И раздеваться — ещё лучше. — Кажется, Герланда изрядно повеселило Ташино смущение. — Кончилось всё свадьбой. Брак был счастливым, но недолгим: немолодой муж скончался от сердечной недостаточности, оставив своей молодой вдове большое состояние и крупную торговую компанию. Линда оказалась опытным руководителем, и сейчас она является одной из богатейших женщин королевства.

— Последние лет пять всем заправляет мой сын. Мальчик подрос, а мне порядком надоела торговля. Теперь я вольная птица, но состояние семьи по-прежнему в моих руках. — Линда поклонилась; её волосы — без единого проблеска седины, цвета красного шёлка, — блеснули кровавым отблеском. — Вручаю его вам, Ваше Высочество. Как и мой меч.

— Кроме нас, в число Основателей входит Найдж, но он и без того прекрасно знает, о

чём пойдёт речь, и я счёл нужным поручить ему поговорить с вашим... другом детства. Найдж — самая подходящая кандидатура для того, чтобы ввести нашего нового сообщника в курс дела и наконец объяснить ему, что происходит, — резюмировал Герланд. — А теперь, пожалуй, поговорим о наших планах.

На этом месте Основатели обменялись выразительными взглядами, от которых у Таши засосало под ложечкой.

— Герланд лишь недавно поведал нам о вас, Ваше Высочество, — произнесла Линда. — Признаться, мы были несказанно удивлены. Особенно тем, что ваша встреча произошла ещё летом, но мы ничего не знали об этом.

— На этом настояла я, — сказала Таша. — Я не хотела...

— Да, Герланд нам всё объяснил, — великодушно откликнулся Ларон; он сидел в своём кресле, небрежно откинувшись на спинку. — Хотя, признаться, будь я его на месте...

— В отличие от Герланда, ты скотина, Ларон, — дружелюбно подсказала Линда. — Я согласна, что мы не можем вести к трону человека, который этого не хочет.

— Оборотня, — мягко напомнил Ларон, ничуть не обидевшись. — И, насколько я понимаю ситуацию, Её Высочество всё ещё этого не хочет.

Таша сглотнула, не решаясь произнести следующие слова; но Алексас, который стоял, сложив руки на спинке стула, ободряюще коснулся её волос, и это придало ей смелости.

— Верно, — всё-таки сказала Таша. — Но мне нужна ваша помощь, чтобы спасти моих друзей, а вам, чтобы обезвредить «Рассвет», нужна моя.

— Иначе разговор был бы совсем другим, — негромко промолвил Ларон. — Вы действительно можете предоставить нам уникальную возможность уничтожить Зельду. Как мы поняли из рассказов Герланда, амадэи — существа весьма... проблемные.

— И поэтому самый простой план действий мы приберегли на крайний случай. — Линда смотрела на альва очень задумчиво. — Если вы просто вернётесь из «Рассвета» и расскажете Шейлиреару о том, что там видели... король, как бы он ни старался, не сможет убить амадэя, а Зельда и без эйрдалей будет представлять собой угрозу для всех нас.

— Я сталкивалась с тёмным амадэем, — спокойно проговорила Таша, — и одержала над ним верх. Они не непобедимы.

— Но ваш амадэй потом вернулся, как ни в чём не бывало, — напомнил Ларон. — Мы не хотим, чтобы Зельда тоже вернулась, жаждая мщения. Если вы проникнете в «Рассвет» как члены «Венца», а после вашего визита явится король и уничтожит всех её подручных, каких сможет — несмотря на то, что мы не дружны с Шейлиреаром, круг подозреваемых резко сузится. К тому же довольно актуальным остаётся вопрос, как внедрить в «Рассвет» Ищущую господ Норманов, личность и лицо которой Зельде хорошо известны. Весьма

велика вероятность того, что эйрдали убьют вас, как только опознают.

— И чего тогда вы хотите от меня? — уточнила Таша, вынужденная признать абсолютную справедливость всех этих слов.

— У нас родился другой план. Он позволит относительно безопасно внедрить вас в «Рассвет», отвести подозрения от «Венца» и спасти ваших друзей. В их спасении мы заинтересованы не меньше вашего, ибо это поможет вам приблизиться к Шейлиреару, что определённо нам на руку, — откликнулась Линда с тонкой улыбкой. — План предусматривает три варианта относительно благополучных исходов. Осуществить его будет непросто и очень опасно... но если вы не справитесь, у нас не останется выхода, кроме как примкнуть к «Рассвету» до того, как Зельда решит прибрать нас к рукам силой.

— Или уничтожить тех, кто не протянул ей руку помощи, — бесстрастно добавила Герланд.

Что-то у меня нехорошие предчувствия по поводу всего этого, подумала Таша.

— Чудесно, — сказала она вслух недрогнувшим голосом. — Что за план?

В ответном взгляде Линды Таша прочла предвкушение.

— Мы изменим вашу память, насколько нам позволят силы, — тихо заговорил Ларон. — Этого должно будет хватить, чтобы членам «Рассвета» было трудно понять, кто вы есть на самом деле... первое время, во всяком случае.

— Но они догадаются, что я что-то скрываю.

— Полагаю, они с готовностью примут факт, что мы защитили наших людей подобным образом. Чисто на всякий случай.

— Логично, — вспоминая слова Алексаса, изрекла Таша. — И как всё это поможет нам избежать гнева Зельды?

— Это — не поможет.

Голос волшебника был ещё тише, чем раньше.

Это зародило у Таши совсем уж нехорошие предчувствия.

— А что тогда поможет?

Волшебник и воровка промолчали — но альв подался вперёд.

— То, что есть кое-кто, кто не допустит твоей гибели. И то, что предложил Алексас, — сложив пальцы перед губами в почти молитвенном жесте, произнёс Герланд. — Ибо потом ты пойдёшь к самому главному из тех, кто будет тебе представлен... и расскажешь ему

правду.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЗЕМЛЯ КОРОЛЕЙ

— Мхм, — неодобрительно пробурчал господин Гирен, когда вслед за Ароном в обсерваторию вбежала Лив. — Ты ещё и малышку с собой привёл?

— Ты ведь дашь девочке увидеть сестру, я знаю, — мягко произнёс амадэй.

— Мхм, — с явным осуждением в адрес самого себя изрёк господин Гирен, двигая кресло к телескопу. — Вертит мной, как хочет...

— Ну что, Лив? — невозмутимо спросил Арон, наблюдая, как волшебник крутит круглые рычажки. — Кто первый?

— Я! — радостно заявила та, нетерпеливо облакачиваясь на спинку кресла звездочёта. Впрочем, господина Гирена она побаивалась, так что донимать его вопросами в духе «скоро будет готово?» не осмелилась.

Первым не выдержал Арон.

— Что-то не так? — спросил он, глядя, как старик безуспешно пытается подстроить окуляр.

— Мхм, — отстранившись, признал господин Гирен.

— Что?

— Завеса вечной тьмы. С этим мне через неё не пробиться. — Волшебник печально взглянул на телескоп. — Даже с зеркалом-«шпионом» было бы сложно. Боюсь, что Таша, мхм, находится в очень хорошо охраняемом месте.

— Она уехала из Броселиана?

— Не обязательно. А может, мхм, и уехала. Это место может быть где угодно, и я даже приблизительно не могу определить, где.

Арон смотрел на тихую, настороженно слушающую Лив.

— И это заклятие творится только магистрами первого уровня, верно?

— Такой мощности? Мхм, — кивнул старик. — Только ими. Или амадэями, верно намекаешь. Так что... да, есть большая вероятность, что твой братец уже добрался до Таши. Или просто позаботился о том, чтобы до неё не добрался ты.

— Ясно. — Взгляд Арона был, пожалуй, слишком сосредоточенным. — Значит, ты ничего не можешь сделать.

— Отсюда — ничего. Если, мхм, точнее знать место, возможно...

— Спасибо. — Арон ласково тронул Лив за плечо. — Беги вниз, Лив. Я спущусь следом.

— Значит, Ташу увидеть не получится? — жалобно спросила та, покорно семеня к двери.

Амадэй промолчал — и девочка, повесив голову, шмыгнула на лестницу.

— Я выбрал не её, — тихо произнёс амадэй, когда шаги Лив зазвенели по ступенькам. — Когда ещё мог её найти.

Господин Гирен, ухватив трубку, погрыз мундштук: нервно и словно немного совестливо.

— Это было правильно, — буркнул он наконец. — Сам знаешь.

— Да. Знаю. Но теперь мне снова придётся поступать неправильно. И, возможно, теперь мне придётся поступать неправильно больше и чаще, чем если бы я поступил так изначально.

Звездочёт замешкался с ответом — и амадэй, аккуратно прикрыв дверь, спустился следом за Лив: на кухню, где ждала госпожа Лиден.

— Она мне рассказала, — кивнула старушка. Лицо её было усталым. — И что делать?

Арон подошёл к Лив. Присев перед ней на корточки, взял её ладошки в свои, серьёзно глядя на неё снизу вверх.

— Ты любишь Ташу? — спросил он.

Кивок Лив был даже несколько возмущённым.

— Ты готова рискнуть ради неё жизнью?

— Чего ты хочешь от неё? — вскинулась госпожа Лиден. — Она не должна...

— Готова! — выпалила Лив. — Я её правда люблю, дядя Арон! Мы с ней ссоримся иногда, но я её очень-очень...

— Рисковать жизнью от тебя не потребуется, — сказал амадэй. — Но то, что я хочу у тебя попросить, требует большой смелости. Если ты не захочешь этого делать, я пойму.

Лив вздёрнула носик — до боли Ташиным жестом:

— Я не боюсь.

Арон печально улыбнулся.

— Даже если я хочу позвать своего брата в твоё тело?

* * *

В гостиную, расходившуюся дверьми в три спальни, Таша вернулась почти спокойная.

Это была та самая комната, в которую они прибыли, шагнув в прорубь. Когда Алексас ввёл туда Ташу, Найдж с Гастом сидели в креслах у камина; сотни стеклянных глаз, до жути живые из-за отблесков каминного огня, смотрели на гостей со стен, облитых светлыми шёлковыми обоями.

— Отец Ларона был прекрасным охотником, — заметив Ташин взгляд, пояснил Найдж. — В доме ещё парочка таких комнат... Ларона эти экспозиции радуют не больше нашего, но память отца он чтит. — Задрал голову — к люку, неестественная чернота в котором сменилась прозрачным стеклом, открывавшим вид на звёзды, — Найдж улыбнулся. — А мы тут с Гастом говорили, пока вас ждали.

Гаст подтвердил его слова невнятным бурчанием. Таша, гадавшая, как много Найдж ему рассказал, пытливо заглянула другу детства в глаза — и с мрачным удовлетворением обнаружила, что в устремлённом на неё взгляде мешается слишком много сложно определяемых чувств.

Пытаясь оттянуть разговор, которому вряд ли суждено было выйти приятным, она кивнула на люк:

— Забавный проход.

— Его может активировать только Герланд. Альвийские штучки. — Найдж смотрел, как перемигиваются между собой звёзды на зимнем небе: оно походило на хрупкий купол из чёрного льда. — Люблю эту комнату. Позволяет в тепле посмотреть на зимние звёзды. Зимние — они не такие, как летние... колючие и хрупкие, как ёлочные игрушки.

— А летние?

— А летние — как юные светлячки.

— Да ты романтик, Найдж, — серьёзно произнёс Алексас. — Философ и поэт.

— Из твоих уст это звучит как обвинение во всех смертных грехах, — засмеялся колдун. — Как совет?

— План действий ясен, — обтекаемо откликнулась Таша.

— И вы на него согласились?

— А ты знаешь, в чём он заключается?

— Ещё бы не знать, если я иду в «Рассвет» с вами.

На этом месте Таша даже почувствовала некоторое облегчение.

— Ты? — зачем-то переспросила она.

— Ну, Герланд ведь говорил, что вместе с вами пойдёт кто-то не столь маленький, глупый и упрямый. — Найдж улыбнулся. — Присаживайтесь, Ваше Высочество. После всего, что произошло, и перед тем, что произойдёт, отдохнуть нелишне.

Таша охотно села в освободившееся кресло, наконец позволив себе немного расслабиться. Впрочем, расслабленность её продлилась всего мгновение.

Ибо в следующее Найдж, в предвкушении потеряв ладони, весело произнёс:

— Кажется, при нашем расставании кто-то обещал мне сдачу зачёта по связующим каскадам. Так, Джеми?

Таше показалось, что её сердце проваливается прямиком в пятки.

Пару секунд Алексас смотрел на бывшего учителя брата: пока тот, не понимая причин подобной реакции, вопросительно взирал на него.

— Выйдем на минутку, — мягко произнёс Ташин рыцарь потом.

Найдж нахмурился, но всё же встал. Позволил Алексасу повести себя к одной из трёх дверей.

Таша следила, как они входят в комнату — и в сердце, вернувшееся на своё законное место, словно вонзалась острая щепка.

— Этот Найдж кажется хорошим парнем, — услышала она негромкий голос Гаста. — Он мне всё рассказал... об этом сообществе. О старом их сообществе, которое раскрыли. О том, как он с тобой познакомился.

Когда за Алексасом и Найджем закрылась дверь, Таша повернула голову.

Друг детства смотрел на неё, подперев голову руками. Крайне серьёзно.

— Да, моя мать действительно Ленмариэль Бьорк, — упреждая вопрос, сказала Таша; голос её был спокоен. — Принцесса-оборотень. Уцелевшая во время резни Кровеснежной ночью.

Сейчас, глядя на Гаста, она не чувствовала ничего, кроме безмерной усталости. Наверное, потому что в голове её лейтмотивом крутились мысли о том, что сейчас Алексас рассказывал Найджу, и о том, что рассказали на совете ей самой.

— Сколько ещё я о тебе не знаю? — тихо спросил Гаст.

— Много. А половина из того, что знаешь, неправда.

Он помолчал.

— Никогда не думал, что ты умеешь лицемерить, — произнёс Гаст потом.

Таша смотрела в глаза своего первого друга.

Она никогда не хотела видеть в них боль. И никогда не думала, что эту боль может причинить она.

Наверное, ей тоже должно было быть больно, — но она так устала...

— Я не лицемерила, Гаст. В основном. — Таша протянула руку, коснувшись его ладони. — Я сама узнала всё не так давно. Мама рассказала мне, когда я уже была достаточно взрослой... чтобы понять, что эта тайна может стоить мне жизни.

— А как насчёт того, что ты оборотень? Этого ты тоже не знала?

— Когда ты спрашивал меня в Броселиане, я...

— Тебе стёрли память. Да, знаю. А все годы до этого?

Она невольно улыбнулась.

— Только не говори, что я должна была сказать тебе. Ты не смог бы с этим смириться и не смог бы об этом смолчать, а стоило бы твоему дядюшке узнать...

— Ты должна была рассказать! Вы обе должны были рассказать, и не мне, а всем прадмунтам! И дяде, и отцу тоже! Мы бы нашли способ вас защитить, все вместе — и от короля, и от тех, кто в итоге за вами пришёл! Но вы скрыли это, и Мариэль убили, и Лив похитили, и тебя ввязали во всё это! — в том, как Гаст сжал Ташину руку в своей, отчётливо читались гнев и отчаяние. — Если бы вы рассказали нам, всё было бы по-другому!

Наверное, с минуту Таша смотрела на него.

— Гаст, — наконец сказала она: очень тихо, очень мягко. — Ты всерьёз полагаешь, что жители Прадмунта стали бы укрывать свергнутую принцессу, а твой дядя взял бы под своё крыло оборотня? И никто из них не побежал бы к Его Величеству, желая выслужиться перед новым королём, и не сделал бы ничего...

— Прадмунтцы — хорошие люди!

Таше вспомнились крики «сжечь зверя» — и смех сорвался с губ сам собой.

— Правда?

Забавно. Ещё летом она была совсем такой, как он. Да и сейчас не до конца выжгла в себе то, что нужно было выжечь.

Но теперь, глядя на свою детскую наивность со стороны, ощущала одновременно грусть и удовлетворение от того, что в её душе уже сторело очень многое.

— Да, дядя — суровый человек, — пылко продолжил Гаст, — но ты знаешь, что он...

— Знаешь, я вернулась в Прадмунт. Вскоре после того, как пустилась в погоню за убийцами мамы. И встретила отца Дармиори... который, как ты помнишь, узнал, кто мы с мамой на самом деле. Знаешь, что он со мной сделал? Запер в избе старухи Шеры. И поджог.

Гаст отпустил её руку так резко, точно Ташина кожа могла его обжечь.

— Не может быть.

— Он сказал, что мы с Лив убили маму и сбежали.

— Дядя никогда...

— Алексас был со мной. Твой дядюшка даже не знал, кто он такой, но отправил его на костёр. Только за то, что он был со мной.

— Ты что-то...

— Вся деревня пришла смотреть, как мы горим заживо. Мы, двое детей, один из которых рос у них на глазах. И я кричала им, что невиновна, и умоляла их пощадить меня, но они не желали щадить порождение Мирк. И подливали масла в поленья, которые не желали загораться, пока твой дядюшка...

— Ты врешь! — выкрикнул он.

Слова ударили больнее пощёчины.

Когда Таша встала, глядя на Гаста сверху вниз — её самую удивило спокойствие собственного голоса.

— И ты спрашиваешь, почему мы с мамой ничего не рассказывали? Ты, мальчишка, выросший в семье, где все любили тебя, в деревне, где каждый стремился стать другом сына старосты? Ты, который был моим лучшим другом и который теперь обвиняет меня во лжи? — Таша отступила на шаг. — Знаешь, мир далеко не так прост, как ты думаешь. И

далеко не так прекрасен. С тех пор, как мы расстались, я поняла многое. Надеюсь, что и ты поймёшь это раньше, чем твои милые иллюзии тебя убьют.

Резко отвернувшись, она пошла прочь. Наугад открыв одну из трёх спален, пяткой захлопнула дверь.

Как выяснилось, дверь она выбрала правильную: на кровати с огромным бархатным балдахином лежала её сумка и верхняя одежда, которую Таша сняла, прежде чем отправиться на совет. Отпихнув всё это в сторону, она рухнула на узорчатое покрывало, уставившись в стену.

Глупый мальчишка. Неужели она совсем недавно была такой же?

И не сказать, чтобы совсем была...

Она долго лежала в темноте, неподвижно и безмолвно; но в конце концов дверь тихонько щёлкнула замком, и Алексас, скользя к кровати, зажёлг светильник на тумбочке, рассеивая мрак.

— Что случилось? — негромко спросил он.

— Как ты и говорил, неподходящее время для встреч старых друзей. — Стянув сапоги, Таша села на кровати, прислонившись спиной к резному изголовью. Оглядела комнату, оформленную в помпезных золотисто-алых тонах; немногочисленные предметы обстановки были не менее помпезными, сплошь украшенными вычурными узорами и завитушками. — Здесь всё такое... большое.

— И такое безвкусное, хочешь сказать. — Опустившись на край кровати, Алексас поддел рукой золотые кисти балдахина. — Радуйся, что этой безвкусицы в комнате немного, и большую её часть занимает не безвкусная мебель, а безвкусные обои и не менее безвкусный ковёр.

Таша невольно рассмеялась. Потом опять посерьёзнула.

— Как Найдж?

— Не знаю. Ему надо побыть одному, так что я оставил его. Лучше скажи, как ты.

Таша почему-то поёжилась. Подобралась, обняв руками колени.

— Это плохая идея, Алексас, — тихо проговорила она. — Всё это.

— Не бойся. Мы идём на подобный риск лишь потому, что за тобой стоят целых два амадэя, заинтересованных в том, чтобы с их девочкой ничего не случилось. Если не один, так другой тебя вытащит, заодно покончив с Зельдой.

— Три варианта относительно благополучных исходов, два из которых мне совсем не

нравятся. Из гарантий нашей безопасности — только вера в моих амадэев и в то, что убивать нас никто не захочет, ибо живые мы полезнее. И то, что ты предложил... то, что обезопасит «Венец»... — Таша взглянула на него исподлобья. — Боюсь, из меня плохая актриса.

— У меня не бывает плохих идей. Есть лишь отличные идеи, плохо реализованные. — Алексас невозмутимо склонил голову. — Ты боишься, что не справишься? Однако опыт подобного у тебя уже есть.

— Ты про бал? — Таша горько усмехнулась. — Тогда на мне было зеркальце. Это Лиар... он что-то сделал со мной.

— А если он лишь пробудил то, что было в тебе всегда?

Таша изумлённо вскинула голову.

— Я... никогда не чувствовала такого раньше. Нет.

— Но всё, через что ты прошла, не могло не оставить в тебе следа. И то, что случилось с тобой после того бала, тоже. — Алексас машинально поигрывал бархатной кистью, свисавшей с резного столбика кровати. — Тебе придётся признать твоё второе «я». Твою тень. Те желания, которых ты страшишься.

— У меня нет таких желаний.

— Ты прошла через потерю тех, кого любила. Через предательство и ложь. Ты отчаивалась и делала шаги к тьме, как бы тебе ни хотелось это отрицать. И ты всегда отчаянно карабкалась обратно вверх. Однако теперь ты должна увидеть в себе бездну, куда может упасть любой из нас.

— Я не...

— Ты боишься. Верно, этого надо бояться. — Алексас подался вперёд. — Как бы нам ни хотелось в это не верить, но тьмы в этом мире больше, чем света, Таша. Чему нас могла научить история амадэев? Разве Воины были так плохи? Разве Лиар в начале истории был таким, каким стал сейчас? Любящий, заботливый старший брат... но всё дело в том, что тьма живёт в сердце каждого. Самого доброго. Самого отважного. И нужен лишь подходящий случай, чтобы она явила себя.

Таша сидела, разомкнув губы: с ответами, просившимися на язык, но отказывавшимися произноситься.

Ей хотелось крикнуть «неправда». Ей хотелось доказать ему, что он ошибается.

Только вот всё дело было в том, что доказательств у неё не было.

И нечто глубоко внутри неё — наверное, то, что она привыкла называть голосом разума, — соглашалось с его словами.

— Тьма внутри ничтожества — ранит. Тьма внутри зла — испепеляет. А тьма внутри святого способна уничтожить мир. Потому что нет на свете зла страшнее, чем то, что кажется добром. Даже если порой оно просто не в силах сразу поверить, что уже добром не является. — Коснувшись её руки, Алексас легонько сжал её пальцы.

— Тебе не потребуется заходить слишком далеко. И лишь маленький и ограниченный человек, сделав первый шаг во тьму, будет с тех пор смотреть только в неё. Ты с рождения привыкла смотреть на свет. Ты найдёшь в себе силы остановиться.

Таша смотрела на свою ладонь в его пальцах; смотреть на Алексаса она почему-то не решалась.

Почему она должна вступать в эти игры? Почему именно она? Нет, понятно, почему, но всё-таки — почему?..

— Я не хочу этого, — прошептала она. — Я никогда этого не хотела.

— Знаю. Но порой то, что ещё вчера казалось недопустимым и невозможным, становится единственно верным. — Алексас встал. Чуть помедлив, выпустил её пальцы. — Ложись. Завтра будет не легче, чем вчера.

Таша, прикрыв глаза, медленно сползла ниже, коснувшись головой подушки. Застыла, слушая его шаги, приглушённые пушистостью яркого ковра. Она услышала, как щёлкнул дверной замок; ожидала звука закрывающейся двери, но того почему-то не последовало.

Некоторое время спустя Таша всё же открыла глаза.

Алексас стоял на пороге, глядя на неё.

— Что? — неуверенно привстав на локте, спросила она.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел.

Потом улыбнулся и, ничего не ответив, вышел.

Какое-то время Таша ещё всматривалась в запертую дверь. Потом, потушив светильник, снова легла, глядя в тёмный балдахин над собой.

Она и раньше замечала нечто странное во взгляде Алексаса, устремлённом на неё. Взгляде, которого она не замечала у него до недавнего времени; взгляде, который она не могла понять.

Но теперь она вспомнила, что однажды уже видела похожий взгляд.

Нет, наверное, ей только кажется. Наверное, она просто нафантазировала себе невесть что; а ведь всегда смеялась над девушками, которым свойственно приписывать кому-то мифические особенные чувства к своей скромной персоне. В конце концов, Алексас с

самого начала относился к ней очень трепетно, а теперь, когда он потерял брата, Таша осталась его единственным другом, и он дорожит ею вдвойне. Об этом и говорил Герланд.

Но всё-таки...

Таша закрыла глаза, и ей почему-то стало жарко в холодной комнате.

...такой взгляд был у Арона в ту ночь, когда он смотрел на виспа из Белой Топи — и видел ту, кого потерял вечность назад.

* * *

— Точно готова?

Лив нервно кивнула, пытаясь устроиться в кресле поудобнее.

— Хорошо.

Под пристальным наблюдением госпожи Лиден, внешне спокойно вязавшей свой шарф, Арон подвинул табурет, сев напротив Лив.

— Ты же говорил, твоя магия на Лиара не действует, — бурчала старушка, орудуя крючком.

— Это не магия. Узы, которые связывают нас — нечто большее, чем магия. Их не разорвать просто так. И я могу кинуть ему зов, на который он, думаю, откликнется. — Арон прикрыл глаза. — Прости, Лив. Начинаем.

Девочка обречённо зажмурилась.

— Лиар, — тихо проговорил Зрящий, обращаясь к пустоте. — Я хочу поговорить с тобой.

Наверное, с минуту в маленькой кухне царила тишина.

Потом Лив согнулась пополам, схватилась за голову — а когда выпрямилась, лицо её кривила холодная, чужая улыбка.

— Смотрю, бывшее величие не вконец в тебе угасло, — заметил Лиар, закинув ногу на ногу, вольготно устраиваясь в кресле. — Ещё не разучился Зову, надо же.

— Где Таша? — коротко спросил Арон.

— Ни приветствия, ни вопроса, как дела у любимого брата, — укоризненно заметил тёмный амадэй. — Можешь не волноваться. Я же сказал: я не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

— Где она?

— Какая настойчивость, — протянул Лиар скучающе. — И что ты будешь делать, если узнаешь?

— Это тебя не касается.

— Боюсь, братишка, ты не в том положении, чтобы ставить условия. Откровенность за откровенность. Ты излагаешь мне свой план, а я в зависимости от этого решаю, излагать тебе что-либо о Ташином местоположении или нет.

Арон помолчал.

— Я отправлюсь за ней, — сказал он наконец.

Детские ладошки лениво зааплодировали.

— Ушам не-своим не верю. Наш мышонок решил высунуться из норки?

— Я сказал тебе то, что ты просил. Твоя очередь.

— Она в штаб-квартире «Венца». — Лиар спокойно протянул руку за чашкой с чаем, стоявшей на столе. — Это в Адаманте. Особняк Шелианов. Точный адрес тебе не потребуется, где он находится, знают многие. — Поднося чашку к губам, он кинул на брата насмешливый взгляд поверх неё. — Значит, прихватишь с собой магистра в добровольном изгнании и отправишься взламывать завесу вечной тьмы? Учти, что Таша находится под присмотром не самых слабых колдунов, волшебников и альвов. Не говоря уже обо мне.

— Последнее и заставляет меня ехать за ней.

— Но я достану её, где бы она ни была, куда бы ты её ни спрятал. Ты это знаешь. И ты не сможешь этому помешать.

— Смогу. Больше я никуда и никогда её от себя не отпущу. Я не позволю тебе творить с ней то, что делало с ней твоё зеркало.

— Зеркало лишь подтолкнуло её к нужному пути. Шаги по этому пути она делала сама. — Лиар мирно сделал глоток. — Малина? М... ваши кулинарные способности, госпожа Лиден, достойны похвалы из уст куда лучше моих. Или тех, что в данный момент являются моими.

Раздался треск: пальцы старушки слишком сильно сжали крючок, давно уже застывший на одном месте.

— Ты развращал её душу, — голос Арона звучал почти спокойно.

— Ты невинный флирт на балу называешь развратом? — голос Лиара звучал почти устало. — Я помогал ей взрости. Она застряла в своём детстве, а ты успешно ей в этом помогал.

— Она не твоя кукла, чтобы лепить из неё то, что хочешь ты.

— Но и не твоя, чтобы до конца жизни запираешь её в песочнице. — Лиар располагаясь улыбнулся. — Забавно, что светлая половина нашего с тобой союза чаще другой забывала о праве любого на свободу воли и выбора.

— А ты не ограничиваешь её выбор?

— У меня нет твоих средств, чтобы его ограничивать. У меня есть лишь возможность увести её от тебя, чтобы посмотреть, какие выборы она будет делать, оставшись одна, вырвавшись из-под твоего контроля. И продемонстрировать это тебе. В конце концов, она моя любимая кукла, а я сделаю всё, чтобы любимая кукла была довольна. — Лиар аккуратно отставил пустую чашку. — Знаешь, Арон, порой свобода привязывает крепче любых уз, а некоторым людям хочется бежать лишь из закрытой клетки. Тебе следовало бы чаще об этом вспоминать... но вечность, как посмотрю, ничему тебя не научила.

Тёмный амадэй взглянул на госпожу Лиден. Коротко склонив голову в знак прощания, вновь посмотрел на Арона.

— До встречи, братец. И в другой раз дожись, пока я сам к тебе приду. — На детских губах расцвела жуткая в своей насмешливости улыбка. — Снова тешить своё самолюбие и изображать призрака, которого можно куда-то вызвать, я не собираюсь.

Закрыв глаза, — и Арон подхватил бесчувственную Лив, падающую лицом вперёд.

С громким стуком госпожа Лиден опустила на стол шкатулку с вязанием.

— Езжай, Арон, — побелевшими от ярости губами прошептала она. — Богини ради, возьми Гирена и вытащи Ташу из рук... этого.

— Поеду. — Держа девочку на руках, Арон встал. — А знаешь, что самое страшное?

— Он ждал, что ты сделаешь это?

— Да. — Амадэй шагнул к лестнице, чтобы унести спящую Лив наверх. — И, думаю, скоро нам предстоит узнать, что он запланировал для меня следующим.

* * *

— Может, всё же расскажешь оставшуюся часть истории? — тихо произнесла Таша.

Арон, сидевший в кресле, захлопнул книгу. Отодвинувшись от стола, оглянулся: Таша и

Джеми ждали рядом, счашками в руках, отпросившись у госпожи Лиден попить вечерний чай в комнате приёмного отца.

Почему именно там — вуалировать или скрывать они даже не думали.

— Я не очень люблю вспоминать эту часть, — мягко произнёс Арон.

— Ты же знаешь, что это важно для нас. Для меня. — Таша подошла ближе. Поставив чашку, повернулась к амадэю, опершись руками на тёмное дерево столешницы. — Я хочу знать, что случилось между вами с Лиаром.

— Ты уже знаешь.

— Общие черты не объясняют всего.

— И ты хочешь подробностей? Страшных подробностей, которые позволят понять, почему Лиар так меня ненавидит?

Таша, не колеблясь, кивнула — и Арон, усмехнувшись со странной горечью, отвёл взгляд, устремив его в окно.

Он долго молчал.

— Это случилось незадолго до того, как амадэев свергли, — произнёс Арон потом: безо всякого вступления, будто с предыдущей части его рассказа не прошло уже больше месяца. — И хорошо, что именно тогда. Не знаю, что было бы, разорви мы отношения раньше.

— А как вы прожили... ну... предыдущие шестьсот лет? — любопытствовал Джеми, осторожно присаживаясь на узкую кровать. — Всё было нормально?

— Более чем. Поколения сменялись, происходили изобретения, совершенствовалась магия. Строились города, ведь людей становилось всё больше. Преступления были редкостью, потому что люди знали — за каждое преступление обязательно последует возмездие, и бежать бесполезно: Воины и маги, учившиеся у них, могли найти любого. Конечно, амадэев боялись, но мы были готовы к этому... такова была наша участь — не знать от подданных любви, и мы принимали её.

— А отношения между вами? Между амадэями? Всё-таки вечность друг с другом...

— Обычные человеческие взаимоотношения. Ссорились, мирились. Год или вечность — это не так уж важно: счёт дням теряешь уже в конце первого века. Вам прекрасно известно это ощущение... когда в детстве время тянется ужасно долго, а потом стрелки часов словно сдвигаются, и с каждым прожитым годом время бежит всё быстрее... пока день не начинает казаться часом. — Арон вздохнул. — К тому же правление лишало нас возможности скучать.

— И с Лиаром вы всё так же дружили? — недоверчиво уточнила Таша. — Все эти шестьсот лет?

— Да. И помимо дружбы, связавшей нас в детстве, нас объединяло ещё одно знание... простое, грустное и в чём-то страшное знание. Того, что у нас нет никого, кроме друг друга. — Арон мельком улыбнулся. — Свои мысли и чувства я мог рассказать лишь ему, он — только мне. Помимо выбора, мы были связаны данностью — и предпочитали, чтобы данность не вытесняла выбора. Поэтому всегда мирились, как бы серьёзно ни повздорили.

— Так вы всё же ругались?

— Да. И чаще всего Лиар ругал меня. — Он помолчал. — Хоть мы и были амадэями, но простой жизни иногда тоже хотелось. В свободное время мы часто бродили по городу... замаскировавшись, конечно. Любили маскарады, ведь там можно было спокойно скрыть своё лицо, на пару часов притворившись простыми людьми. Но если Лиар никогда не забывал о контроле, мне порой ужасно хотелось снова почувствовать себя живым. И я, так сказать, немного увлекался.

— Ты?

— Выпивка в основном. Это помогало забыть. Однако, забываясь, я забывал слишком многое. Лиар не раз вытаскивал меня из какой-нибудь сомнительной компании, где делали какие-нибудь сомнительные вещи и присутствовали какие-нибудь сомнительные женщины. Или даже не сомнительные, что дела, впрочем, не меняло. И наутро брат распекал меня почём свет стоит, а я ещё обижался. — Арон почему-то улыбнулся. — Дурак был, что с меня взять.

— А Лиар что, не пил? — спросил Джеми.

— А Лиар что, не заглядывался на женщин? — спросила Таша.

— Пил, но немного. Он никогда не позволял себе забываться, как я. И на женщин заглядывался... мы же были по природе своей простыми смертными. Но не слишком часто. В конце концов, это было довольно жестоко — использовать женщин, зная, что мы не можем ничего предложить им взамен, кроме удовольствия в постели. В конечном счёте мы всегда выбирали именно этот вариант... тело, но не душа. Так было безопаснее: случайная ночь без обязательств и риска привязаться. Риска, который ставил на кон слишком многое. И я поддавался слабости чаще Лиара — мне слишком хотелось тепла, пусть даже фальшивого. Однако нас устраивало подобное положение вещей... пока не появилась Лоура.

Он замолчал.

Таша с Джеми тоже сидели тихо. Любое слово явно прозвучало бы лишним. Только слышно стало, как бьются хрусталинки дождя за окном; бьются о мокрые камни и черепицу башни, голые ветви вишен и чёрные сжатые поля, укутанные вечерней мглой.

— Её встретил Лиар, — наконец произнёс Арон. — На одном маскараде. Они провели вместе приятную ночь, после которой она должна была уйти из его жизни, как сотни женщин до этого. Они даже не спросили имён друг друга. А потом мы вдруг увидели её в своём судилище... один человек обвинял Лоуру в том, что та наложила на него проклятие. Она была волшебницей, ученицей самого Ликбера, и ей было двадцать три. Мы быстро разобрались, что она не виновна, нашли истинного виновника, одного колдуна, а Лоуру отпустили с миром. Но тем же вечером Лиар отправился прогуляться по городу — и встретил её в третий раз. Караулившую его у дверей нашего дома.

— А где вы жили? — спросил дотошный Джеми, вызвав недовольный взгляд Таши: по её мнению, это был далеко не самый интересный вопрос. — Не во дворце?

— Нет. Жилые помещения располагались прямо над нашим судилищем, но потом на этом месте построили королевский дворец, — кратко ответил амадэй. — Как выяснилось, на суде Лоура узнала Лиара. И поняла, зачем на самом деле ему нужен был тот маскарад и та единственная ночь, и пожалела его — беднягу, обречённого на вечное одиночество. Она сказала, что хочет быть его другом... милое невинное создание. Да, она была такой, и ночь без обязательств, которая была для неё не первой, этого не меняет, — заметив сомнение в Ташином взгляде, усмехнулся Арон. — Она знала о нашем запрете, но сказала, что ей не нужна постель. Она просто хочет быть рядом с ним, и для этого не обязательно быть ни возлюбленными, ни любовниками. А Лиар согласился. И потом, наверное, проклял себя за это сотни тысяч раз... что всего однажды позволил себе забыть доводы разума, твердившие ему, что он должен сказать «нет».

Арон смолк; и какое-то время тишину вновь нарушал лишь шелест дождя за окном, в которое он смотрел.

— Он рассказал тебе всё это? — тихо спросила Таша, решившись нарушить воцарившееся молчание.

— Да. У нас не было друг от друга секретов. И, наверное, единственный раз в жизни я стал играть роль его голоса разума, а не он — моего, — слова явно давались амадэю с трудом. — Видишь ли, у Воинов есть одно свойство, общее с эйрдалями... или оборотнями. Они умеют очаровывать. Порой — сами того не желая. Такова магия, текущая в их крови. И я говорил Лиару, что при подобном обстоятельстве эти отношения станут пыткой как для него, так и для Лоуры, что она изначально подпала под влияние его магии, не более... но он лишь смеялся и отвечал, что он-то в отличие от своего маленького братишки всегда знает, когда нужно остановиться, и не допустит, чтобы всё зашло слишком далеко. Что порвёт с ней прежде, чем это станет мучением для них обоих. И я умолкал... и просто наблюдал.

Лиар не стремился к уединению с ней, так что мы проводили много времени втроём. Лоура стала частой гостьей в нашем судилище, и в итоге вышло так, что она скрашивала дни не только Лиару, но и мне. Чутьочку рассеивала окружающий мрак, воцарившийся уже тогда... не буду вдаваться в подробности, это отдельная история. Поначалу общение с ней просто меня забавляло — она ведь была всё равно что ребёнком для нас. Но потом это перестало быть забавой. И в какой-то момент...

Он осёкся, точно не решаясь произнести окончание фразы — но Таша закончила за него:

— Вы поняли, что полюбили друг друга?

Арон долго молчал.

Потом кивнул.

— Я полюбил её. А она полюбила меня, — тихо сказал он. — Она порвала отношения с Лиаром, чтобы не мучить его. Тот внешне воспринял это на удивление спокойно... даже когда узнал, что она продолжает встречаться со мной. Что он чувствовал на самом деле, я узнал много позже... но долго наши с ней встречи не продлились.

Очередная пауза вновь наполнила комнату тишиной, тягучей и тяжёлой, словно водная толща.

— Что произошло? — не выдержав, спросил Джеми.

— Она покончила с собой.

Голос амадэя прозвучал ровно, невыразительно. Точно он сообщил ничего не значащий факт.

Должно быть, с такой же невыразительностью Лиар когда-то отвечал Лоуре на известие о том, что больше они не увидятся.

— Что? — вырвалось у Таши. — Как?..

— Повесилась.

— Почему?!

Арон снова молчал. Так долго, что Таше стало стыдно обрекать его на эту пытку — но, начав, она уже не могла отступить.

Она должна была знать всё.

— Потому что магия амадэя вступила в конфликт с тем, что она чувствовала на самом деле, — наконец вымолвил Арон бесстрастно. — Она любила одного, а магия твердила ей, что другого. И какая-то часть её постоянно твердила, что любовь ко мне — ложь, что это неправильно, что это ненастоящее чувство... и это противоречие свело её с ума. И она убила себя.

Вновь воцарившаяся тишина окутала Ташу вкрадчивой паутиной.

Магия амадэя, думала она. Очарование, которому ты не можешь противостоять, заставляющее людей чувствовать себя мотыльками, летящими на пламя свечи; магия, текущая и в её крови...

Она никогда не задумывалась, что это может привести к подобному исходу.

И осознание этого было не менее страшным, чем всё, что она только что узнала.

— Но почему... почему он мстит тебе? — едва слышно спросила Таша, всё же решившись разорвать паутину молчания.

Арон встал; на лицо его маской легли вечерние тени.

— Потому что я встал у них на пути. Потому что моё существование привело к тому, что она ушла из его жизни раньше, чем он бы того хотел, — сказал он, прежде чем сделать шаг к двери. — И потому что любовь ко мне, заместившая чувство к нему, убила её.

Таша смотрела, как он идёт к выходу из комнаты. Понимая, что разговор окончен.

И понимая, что легче после услышанного ей не стало. Ни на йоту.

— Это... чудовищно, — прошептала она. — Какое право он имеет так мучить тебя за это?

Арон замер у самого порога. Обернулся.

Посмотрел в её глаза, расширенные негодованием и болью — сумеречно-серым взглядом.

— Прости, — тихо сказал он.

И ушёл.

* * *

— Доброе утро!

Когда Таша неохотно приоткрыла глаза, Алексас раздвигал шторы, впуская в комнату колючие лучи зимнего солнца.

И когда её рыцарь успел превратиться в её личный будильник?..

— Чудесный день, — заметил Алексас, с улыбкой глядя в окно. — Да, я не оборачиваюсь и терпеливо жду, пока ты оденешься.

Таша, зевая, встала и принялась натягивать штаны. Этот самый чудесный день ей

предстояло посвятить тому, чтобы морально и физически подготовиться к визиту в штаб-квартиру «Рассвета» — и не сказать, чтобы это её радовало.

Неужели её и правда смогут защитить от Древних эйрдалей? И от амадэя? Пусть тому не под силу прочесть её мысли...

— Не волнуйся, — сказал Алексас, неведомым образом угадав, о чём она думает. — Эйрдали мало того, что запутаются в твоих двойных воспоминаниях — ты же помнишь всё, что внушил тебе Арон, верно? — так ещё вынуждены будут преодолевать нашу защиту. Вот с их очарованием... и Зельдиным — дела обстоят сложнее, но мы справимся.

Таша подошла к окну. Привстав на цыпочки, через плечо Алексаса взглянула на расстилавшийся за стеклом Адамант. Резные дома казались кукольными, крыши сверкали серебром в рассветном солнце, светлый дым из тонких труб таял в зимнем воздухе затейливыми спиралями. Надо всем этим высился белокаменный замок, точно паривший над городом; казалось, синие черепичные башенки Альденвейтса уходят шпилями в облака. И город, и королевский дворец воздвиг Ликбер Великий — в дар своему племяннику, когда того избрали королём, — и его творение было безупречно красиво и изящно. Адамант походил скорее на шедевр игрушечных дел мастеров, чем на настоящий город: каждая башенка могла таить в верхней комнате спящую принцессу, каждая улочка была достойна того, чтобы оказаться зарисованной на картине.

До того Таша не раз видела столицу королевства на мыслеграфиях — но реальность превосходила всё, что она видела и что представляла.

— И по слову волшебника город возник среди законной земли королей... — негромко пропел Алексас строчку из «Песни о Шести Деяниях Ликбера».

— Как красиво, — выдохнула Таша невольно.

— Это ведь подарок. Подарки должны быть красивыми. — Алексас смотрел на солнце и улыбался. Потом, отвернувшись, мягко подтолкнул её к выходу. — Пойдём, не то останешься без еды.

— А Гаст тоже будет с нами завтракать? — невзначай спросила Таша, когда они вышли в коридор.

— Вот и первая подготовка к грядущей миссии, моя королева, — усмехнулся Алексас, уводя её по лестнице куда-то вниз. — Учитесь общаться с теми, кого вы предпочли бы даже не видеть.

Впрочем, в обеденной комнате — её обставили вычурным и длиннющим лакированным столом, кучей не менее вычурных стульев и вычурнейшей люстрой на потолке — их ожидали лишь Ларон да Герланд.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — бесстрастно произнёс Герланд. — Ваш приятель

ест в другом месте, это столовая для Основателей и почётных гостей, — тут же добавил альв, безошибочно угадав причину облегчения, мелькнувшего в Ташиных глазах.

— Сегодня у нас много работы, — произнёс Ларон. Бронзовая полумаска волшебника светилась солнечными отблесками, прокрадывавшимися в комнату сквозь высокие заиндевевшие окна. — Вчера вы дали положительный ответ, но, думаю, всё-таки не лишним будет спросить ещё раз. Вы готовы к тому, что вам предстоит?

Да ни к чему я не готова, подумала Таша устало. Не готова строить из себя то, что от меня потребуется. Не готова отправиться к оборотням и эйрдалям, которыми руководит злобная мстительная ведьма-амадэй. Не готова к тому, что кто-то снова будет копошиться в моей многострадальной памяти.

Но это были мысли той Таши, с которой ей стоило попрощаться раз и навсегда. Маленькой Таши, которой не нужно было ничего, кроме тихой и мирной жизни со своей семьёй. Которой не было места за этим столом.

И потому Тариша Бьорк, законная наследница престола Срединного королевства, лишь спокойно улыбнулась:

— Всегда готова.

Лив открыла глаза — и встревоженно села на дне телеги, присыпанном сеном:

— Дядя Арон, почему мы в Нордвуде?!

— Ехать в Адамант своим ходом было бы слишком долго, — ответил амадэй, сидевший на месте возницы. — Воспользуемся услугами зерконторы.

Упокоившись, девочка миролюбиво кивнула.

Крупнейший город Озёрной провинции потихоньку пробуждался ото сна. Крыши сверкали жестью в холодном свете зимнего солнца, по выбеленной брусчатке бежали куда-то прохожие... но Лив город мало интересовал: она тут была не так давно. Сама дорога ей тоже наверняка показалась бы скучной, если б она не проспала большую её часть. В тряскую телегу запрягли Принца, крайне этим недовольного — ещё чего придумали, сделать из благородного скакуна рабочую лошадку! — а Лив укутали в десяток одеял, да так, что она едва могла нос высунуть. По соседству хохлился господин Гирен, периодически ворчавший, какая это плохая идея, и госпожа Лиден, тяжело вздыхавшая невесть отчего. Зато Таша, будь она с ними, точно любовалась бы видами и восторгалась заснеженными равнинами, и обращала внимание попугчиков, как они красиво серебрятся в лунном свете, и назвала бы мосты через многочисленные реки и речушки засахаренными, а деревья — выточенными изо льда...

— Приехали. — Арон осадил Принца у двухэтажного здания, на двери коего красовалась вывеска «Зеркального волшебства мастер В. Гэрлори». — Проводишь нас, Лиден?

— Мхм! Не надо нам трогательных прощаний, — отказался звездочёт, выкутываясь из своих одеял; в шапке-ушанке и облезлой шубе старик выглядел весьма колоритно. — Лид, не запускай обсерваторию, я тебя очень прошу.

— Ага, — легко согласилась та.

— Если вернусь и найду в ней порядок, я, мхм, очень огорчусь.

— И не подумаю сунуться в твой поразительно организованный хаос. — Госпожа Лиден сжала лицо мужа в ладонях, поцеловав его в губы — нежно и долго. Лив, фыркнув, закатила глаза. — Будь осторожен.

— Я сама осторожность, — серьёзно сказал волшебник, вылезая из телеги.

Старушка перебралась на облучок, велела «н-но» — и Принц, тоскливо посмотрев вслед Лив, покорно зацокал вперёд: чтобы, развернувшись на широкой нордвудской улице, поехать обратно.

Госпожа Лиден ни разу не оглянулась.

Опираясь на трость, звездочёт бодрой, пусть и немного шаркающей походкой приблизился к крыльцу. Арон уже толкал дверь, ведущую в зерконтору — но Лив проскочила в неё первой, очутившись в небольшой приёмной, отделанной мрамором и деревом.

— Доброе утро, — заулыбалась «зеркального волшебства мастер», сидевшая за конторкой: немолодая полная женщина с седыми буклями и румяным лицом, в светлой мантии выпускницы Адамантской Школы. — Чем могу быть полезна?

— Нам нужно в Адамант, — кратко сказал Арон.

— О, конечно. Тогда будьте добры ответить на несколько вопросов. — Не переставая улыбаться, женщина выложила на мраморную столешницу правдометр и чудометр. — Бэр!

Широкоплечий молодчик, примостившийся на кресле в углу, неохотно опустил новостной листок. Встал — его кафтан при этом угрожающе затрещал — и с каменным лицом взял правдометр за одну из ручек, протянув Арону другую; сама госпожа Гэрлори раскрыла учётную книгу, поставив чудометр прямо перед собой.

Амадэй спокойно сжал в пальцах деревянную рукоять.

— Имя? — осведомился работник зерконторы, глядя на него сверху вниз.

— Арондель Патрик Кармайкл.

Правдометр утвердительно звякнул.

— Откуда?

— Из Фар-Лойла.

Звяк.

— Сколько лет?

— Сорок.

Резкий звук, огласивший приёмную, напоминал лязг лопнувшей струны.

— Врёте, господин Кармайкл, — усмехнулся парень, глядя на стрелку циферблата.

Казалось, даже сквозь кафтан можно было увидеть, как на его руках в предвкушении вздуваются мускулы... но Арон лишь участливо склонил голову набок, глядя ему в глаза.

— А мне кажется, я говорю правду, — произнёс амадэй. Перевёл взгляд на госпожу

Гэрлори. — Может, с вашим прибором что-то неладно?

— Да, конечно, — миг спустя послушно согласилась та. — Сломался... бывает, извините.

— Моих спутников зовут Лив Арондель Кармайкл и Гирен Шернил Лормари. Моя младшая дочь и мой отец. — Опустив рукоять правдометра, Арон хлопнул парня по плечу. — Можешь сесть. Твоя помощь больше не понадобится.

Тот кивнул, преспокойно отвернулся и, вперевалочку вернувшись в кресло, вновь уткнулся в листок.

— В Адамант отправляемся по приглашению друзей. Проблем с законом не имеем, — продолжил амадэй. — За перевоз трёх человек заплатили, правдометр и чудометр подтвердили, что всё в порядке. — Он следил, как волшебница покорно макает перо в чернильницу, записывая диктуемое. — Готово?

— Готово.

— Отлично. — Арон выложил на конторку несколько монет. — Это за двоих. Больше, боюсь, дать не можем, но будем считать, что ребёнку проход бесплатный.

— Естественно, — закивала хозяйка зерконторы.

— Тогда сообщите о нашем прибытии в адамантскую контору и настройте проход.

Госпожа Гэрлори, беспрекословно встав, скрылась за тяжёлой резной дверью, темневшей рядом с конторкой.

— Мхм, — со странной смесью осуждения и восхищения заметил господин Гирен. Задумчиво стукнул тростью об пол, добавив ещё одну выщербину и без того пошарпанному паркету. — Первый раз вижу тебя действующим... мхм... в такой роли.

— Обстоятельства вынуждают.

— А в той конторе, мхм, нас ведь тоже опросят...

— Ничего, мне не трудно будет побеседовать и с тамошними работниками.

— С кем я связался, — тихо-тихо буркнул старик. — Лив, мхм!

Девочка с самым невинным видом отдернула руку от правдометра, оставшегося на конторке.

— Да, господин Гирен?

— Не трогай, ясно?

— Мне интересно!

— Ага, а встретишь ты, мхм, дракона, и станет тебе тоже интересно — а драконы, мхм, любопытных не любят...

Лив скорчила рожицу, но в этот миг госпожа Гэрлори выглянула из-за двери.

— Всё готово, — любезно доложила она. — Проходите.

Пока посетители проходили в зеркальный зал, волшебница лишь улыбалась застывшей неживой улыбкой.

— Ого! — изрекла Лив, ступив внутрь, с любопытством оглядывая огромный зал.

Зал — странной семиугольной формы, без окон, с единственной лампадкой под высоким потолком — целиком облицовывал белый мрамор. На шести стенах висело по шесть зеркал: в два человеческих роста, самых простых, даже без рам. Ничего не отражавших, лишь светившихся изнутри странным глубинным свечением, бросая на стены радужные блики.

Одно зеркало — прямо напротив двери — сияло ярче остальных.

— Приятного путешествия, — дежурно пожелала волшебница.

— Сомневаюсь, мхм, что оно будет таковым, — буркнул господин Гирен, стуча тростью по мрамору.

Арон подошёл к зеркалу первым.

— Я пойду вперёд, — коротко сказал амадэй.

— Ну конечно. Надо же будет, мхм, сразу всё уладить...

Арон сделал шаг. Зеркальная гладь поглотила его без звука, без вспышки — лишь по гладкой поверхности побежали круги, похожие на те, какие расходятся по воде. Лив захотела было последовать за ним, но старик удержал её за плечо:

— Подожди немного. Мы ему, мхм, только мешать будет.

Тоскливо вздохнув, девочка замерла, нетерпеливо притопывая ножкой.

Выждав с минуту, господин Гирен опустил руку:

— Теперь иди.

Вскинув нос, Лив вдохнула поглубже. Зажмурившись, шагнула вперёд — ощутив, будто

её с головы до пят окатывает холодной водой.

Миг спустя, поняв, что вокруг тепло и сухо, осмелилась открыть глаза... и увидела, что Арон с улыбкой протягивает ей руку.

— Молодец, — сказал амадэй, отводя девочку в сторону. Дождавшись, пока из зеркала появится господин Гирен, продолжил, — всё в порядке. Можем идти.

Зал, куда они прибыли, точно копировал оставшийся за зеркалом в Нордвуде. Лишь у двери стояла не волшебница, а пузатенький колдун: склонив голову, он смотрел перед собой странно рассеянным взглядом. Отпустив пальцы амадэя, Лив выскочила в приёмную — и, нетерпеливо шмыгнув к двери на улицу, зажмурилась, после полутьмы зерконторы заново привыкая к яркости зимнего солнца. Когда же привыкла, невольно ахнула: белые дома вокруг больше напоминали дворцы, шпили башенок тут и там разведали пёстрые флаги, а людную улицу вместо брусчатки мостили мраморные плиты.

— Что, впечатляет? — господин Гирен сложил пальцы на рукояти трости, неодобрительно оглядываясь по сторонам. — Мрамор... мхм... пижонство! Нет бы булыжником улицы выложить — надо было мрамором, а потом заклятие алмазной пыли накладывать...

— Вечно тебе что-то не нравится, — улыбнулся Арон.

— Не что-то, а то, что я не выспался, замёрз и ужасно голоден.

— Или просто боишься подступающей ностальгии?

Господин Гирен буркнул «мхм» — и смолчал.

— Что ж, в таком случае сначала накормим тебя, а после отправимся на поиски особняка Шелианов. — Арон вскинул голову, оглядывая светлый, сказочно красивый город. — Как тебе такой план?

— Мне нравится, — объявила Лив, хватая амадэя за руку и утягивая вперёд; глаза девочки блестели от восторга. — Где будем есть? Только там должны быть вкусные пирожные!

— Кажется, есть тут неподалёку одно местечко, неоднократно проверенное нашим другом. — Арон покосился на старика, бодро вышагивавшего рядом с ними. — Что ни говори, а Адамант, кажется, прибавил тебе сил.

— Просто свежий воздух взбодрил. — Взгляд звездочёта, однако, был почти таким же оживлённым, как у Лив. — И правда, что ль, в «Корону» зайти... мхм... интересно, там всё такая же вкусная яичница?

— Не люблю яичницу, — не замедлила отозваться Лив.

Ей тогда было лет пять — но она до сих пор помнила, как они с Ташей попытались порадовать маму, приготовив ей на обед молочную яичницу-болтушку с овощами. Весь стол заставили баночками с солью, сахаром, белками, желтками, молоком и сливками; пол оккупировали луковицы и помидоры, которые в руках Лив сразу обретали новый смысл существования — упасть и подкатиться кому-то под ноги. Если помидорам это удавалось, и кто-то из девочек давил их, а то и поскальзывался, шлёпаясь на пол, — помидоры удовлетворённо отправлялись в свой помидорий загробный мир, и приходилось сёстрам счищать их довольно мокрый прах с досок и отправлять в усыпальницу, она же мусорное ведро. А когда яичница наконец была поставлена на огонь, к Таше зашёл Гаст; и Таша вышла к нему на террасу, а Лив, которой поручили следить за процессом приготовления, отправилась в детскую взять куклу, чтобы следить было не так скучно, но кукла куда-то делась, и её пришлось долго искать...

В общем, когда мама вернулась, её злые-презлые девочки отскребали чёрную-пречёрную сковороду. Правда, мама ничуть не рассердилась, а чмокнула их в макушки и велела идти гулять: сковороду она домоеет сама, да и с обедом как-нибудь справится, а они у неё самые заботливые дочки и вообще...

Когда же мама вернётся? Уехала в гости к дяде Зою и уже сколько месяцев не возвращается! Правда, она болеет — брат дяди Арона постарался, наслал на неё порчу, — но порча ведь не заразная, и Таша с Лив не мешали бы маме, они бы о ней заботились...

— Эту — любишь, — голос волшебника сделался почти мечтательным. — Свежайшие яйца, помидоры, зелень, пряные травы, мхम्म... Лид так и не научилась готовить подобную.

— Если б каждый мог постичь секреты тамошних поваров, вряд ли это заведение было бы таким хорошим, — заметил Арон, сворачивая в конце улицы. — Нам сюда, как я понимаю?

— А что это за стена? — любопытствовала Лив, кивнув на высокое каменное ограждение, вдоль которого они шли.

— Граница Адамантской Школы, — спокойно откликнулся амадэй.

— Ух ты! Та самая школа, где учатся волшебники? — Лив воодушевлённо всмотрелась в белые камни, украшенные вязью занятных барельефов. — Ой, а вон там калитка! Дядя Арон, мы не можем туда зайти? Всего на чуть-чуть, пожа-алуйста!

— В Школу может зайти лишь достойный или приглашённый. Сомневаюсь, правда, что мы не входим ни в одну из этих категорий... как думаешь, Гирен?

— Не входим, — отрезал волшебник, решительно толкая дверь под вывеской в форме короны.

Трактир расположился прямо напротив входа в Школу. Зальчик, в котором они

оказались, был небольшим и светлым, с круглыми столиками и барной стойкой у дальней стены; балки потолка украшали уютные гирлянды из сушёных листьев, цветов и трав.

— Мхм. — Господин Гирен обвёл помещение взглядом, и глаза его странно и трогательно блеснули. — Ну вот... как-то так. Выбирайте места, что ли, сейчас закажем...

— А, может, по старой памяти позволишь вас угостить?

Лив первой обернулась на звонкий мальчишеский голос. Уставилась на юношу в белой, почти светящейся мантии.

Он чем-то напоминал Джеми: высокий, ладный, красивый, с тонкими чертами светлого веснушчатого лица. Голубые глаза сияли улыбкой, кудри золотым облачком вихрились над высоким лбом.

— О, Богиня, — прошептал господин Гирен: вдруг побледнев, в кои-то веки забыв про своё «мхм». — Мастер...

— Именно. И никакая не Богиня, слава ей. — Молодой человек перевёл взгляд со звездочёта на амадэя, с того — на Лив. Снова посмотрел на старика. — Мне кажется или ты не слишком рад встрече с любимым учителем?

— Я...

— Впрочем, я тебя тоже никак не ожидал здесь увидеть. Значит, изволил нарушить своё отшельничество? Мы всё ждали, когда же это случится. — Незнакомец говорил быстро и, казалось, не нуждался в ответах. — Вот недаром мне сегодня захотелось прогуляться! Я вас ещё у зерконторы приметил. Хотя, должен признать, узнать тебя было непросто. А ты подрастерял хватку, однако: раньше сразу бы слезку засёк. Хотя с таким-то отсутствием практики, мда... ну что, представишь меня друзьям? Угощаю всех!

Какое-то время старик жевал губами воздух. Потом сердито стукнул тростью об пол.

Повернулся к Арону, взиравшего на юношу внимательными серыми глазами.

— Позвольте познакомиться, — мучительно усмехнувшись, промолвил господин Гирен. — Мастер Вермиллион. Он же Мастер Иллюзионист. Он же...

— Один из шести Мастеров Адамантской Школы. — Арон кивнул: улыбнувшись чему-то, ясному ему одному. — Я так и понял.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ТЁМНЫЙ ВАЛЬС

— Значит, отправляемся завтра вечером? — обречённо уточнила Таша.

— И у нас ещё вдоволь времени для моральной подготовки, — беззаботно подтвердил Найдж.

Таша вздохнула. Покосилась на Алексаса: даже если тот тоже воспринял новость без особого энтузиазма, то ничем этого не выдал.

Они втроём бесцельно слонялись по дому, пользуясь кратковременной передышкой перед грядущими делами, коротая время за разговорами обо всём и ни о чём. К примеру, Таша успела спросить, насколько хорошо защищена штаб-квартира — и выслушала в ответ длинный список замысловатых названий чар и заклятий. Самым безобидным из них был «феномен разделённых пространств». Оказывается, все, кто не являлся членами «Венца», при прохождении через входную дверь особняка попадали в совершенно другое здание (если верить Найджу, в тамошней обстановке наличествовал хоть какой-то вкус). Каким образом в одном доме могли сосуществовать двухэтажная холостяцкая обитель Ларона и огромная трёхэтажная штаб-квартира с просторными залами, Таша решительно не понимала; впрочем, и к лучшему. Плохи те защитные чары, которые под силу постичь простому оборотню.

— И почему другие Основатели не могут пойти с нами? — буркнула Таша. — Сопровождай нас Герланд, мне было бы немного спокойнее.

— Боятся, — просто и откровенно ответил Найдж. — Никто не знает, ни на что способен амадэй, ни что он задумал. Если кто-то из Основателей пострадает... «Венец» держится на них, и каждому нет замены.

А мне, значит, есть, подумала Таша, но промолчала.

— Особенно после потери подгорной штаб-квартиры, — добавил Алексас.

Найдж помрачнел — и Таша, поколебавшись, всё же осторожно спросила:

— Тот, кто вас раскрыл... вы так и не узнали, кто это был?

— Думаю, он инсценировал собственную смерть и остался в штаб-квартире, — вздохнул колдун. — Или Шейлирреар не любит предателей... во всяком случае, я очень на это надеюсь.

— И у вас нет никаких предположений?

— Увы. — Найдж взъерошил короткие русые волосы, и без того далёкие от прилизанности. — Это должен быть один из тех, кого посвятили в секрет охранной системы. Никто из посторонних не мог взломать нашу защиту, пока был жив хоть один из Основателей «Тёмного венца».

— Даже так?

— Заклятие замкнули на их жизнях. — Колдун грустно улыбнулся, глядя, как удивление ширит её глаза. — Да, Основатели знали, чем рискуют, но когда вы противостоите самому королю, да к тому же такому... либо все Основатели умирали, и тогда чары спадали сами собой, либо защиту ослаблял кто-то из числа тех, кто накладывал заклятие.

— И кто накладывал?..

— Много кто. Я в том числе. — Найдж вздохнул. — Защитные чары такой мощности творятся не один час и отнимают уйму магических сил. В итоге мы читали заклятие по очереди: Основатели, я, ещё трое колдунов... и дочь Герланда.

Таше показалось, что она ослышалась.

— Дочь? — на всякий случай уточнила она.

Найдж кивнул, распахивая дверь в знакомую гостиную с люком; глаза его отчего-то резко потускнели.

— У Герланда была дочь? — снова спросила Таша — понимая, как глупо звучит её вопрос, но просто не в силах поверить собственным ушам.

— Была, — тихо подтвердил Алексас, жестом предлагая ей сесть в кресло. — Полуальвийка.

Таша растерянно опустилась на бархатное сидение:

— То есть... Герланд... со смертной женщиной? — она перевела взгляд на Найджа, севшего напротив, отстранённо уставившись в стену. — Серьёзно?

Колдун не ответил — и Таша запоздало осознала, что эта тема причиняет ему боль, которую нельзя истолковать двояко. Это вынудило её стушеваться, но вопрос уже был задан — и Алексас уже отвечал, присев на ручку её кресла:

— Он не любил говорить о её матери. И вообще о своей семейной истории. Бэрриэл уже была с Герландом, когда он повстречал других Основателей... совсем малышка.

— Повстречал других?..

— Он явился ко двору покойного короля Ралендона, твоего деда, за несколько лет до восстания. С крохотной дочерью на руках.

— Всегда подозревал, что это из-за её рождения Герланду пришлось покинуть родные леса, — пробормотал Найдж. — Всё надеялся как-нибудь выяснить это у Бэрри, но она и сама не знала, наверное...

— Герланд принёс твоему деду клятву верности, став его кеаром. Тогда и познакомился с другими его верноподданными, а впоследствии вместе с ними бежал в Подгорное королевство. С теми, кто уцелел. И именно Герланд подал идею создать «Венец»: большинство бежавших намерены были просто прятаться, но Герланд хотел сражаться и свергнуть узурпатора.

Поразмыслив над тем, что услышала, Таша покачала головой.

— Не могу представить Герланда, влюблённого в смертную, — признала она. — С его-то презрением к людям.

— Представить любого другого альва в такой ситуации ещё труднее, — улыбнулся Алексас. — Альвы в любви вообще существа... сложные. Если полюбят, то на всю вечную жизнь, и за всю эту жизнь у них может быть лишь один избранник, предназначенный им самой судьбой. Когда они встречаются своего единственного, между ними мгновенно создаётся нерушимая магическая связь. Как если бы две половинки когда-то разъединённой души вновь стали единым целым.

— Как мудрёно, — сказала Таша вслух.

Как романтично, пискнуло что-то внутри неё.

— Загвоздка в том, — продолжил Алексас, — что человек изначально не может стать ласталиэ альва... если верить самим альвам, конечно.

— Ласталиэ?

— Так альвы называют своих избранниц. При этом они утверждают, что их дети рождаются исключительно по любви, и ребёнок альва может появиться только в союзе с ласталиэ.

— Но, учитывая существование дочери Герланда — выходит, в чём-то из двух они определённо лгут, — заметила Таша. — И её, и той полуальвийки, которая...

Она осеклась — но слова «убила ваших родителей» домыслить было нетрудно; и, пристыженно опустив голову, Таша прислушалась к повисшей в комнате тяжёлой тишине.

Кто её дёрнул вообще затевать этот разговор? Мало того, что затеяла, так ещё и постоянно говорит то, что причиняет собеседникам ещё больше боли.

— Столькие уже погибли из-за этой мрази на троне, — вдруг произнёс Найдж. Голос его был ровным; он смотрел на позолоченную огнём каминную решётку, и пламя плясало в его зрачках. — Джеми. Его родители. Бэрриэл, которая пожертвовала собой, чтобы спасти нас. Все, кого поглотил огонь в штаб-квартире...

— Испепеляющий огонь, — заметив в Ташином взгляде, который она уже не решилась задать, бесстрастно пояснил Алексас. — Сжигает человека за секунды. Темнейшая и мощнейшая магия.

— Подарок заговорщикам от Его Величества. — Пальцы Найджа ненавидяще сжались. — Мой учитель задержал его, чтобы обеспечить нам путь к отступлению. Ещё один мертвец. И тем летом, когда мы с Герландом успели уйти, а мальчики остались в штаб-квартире... я думал, что больше не увижу их живыми. — Не глядя на Алексаса, он коротко

выдохнул. — Чудо, что Джеми удалось вытащить их оттуда.

— Я и сейчас не совсем понимаю, как он сумел сбежать, — тихо проговорила Таша.

— Джеми — умный мальчик, — невыразительно откликнулся Алексас. — Он воспользовался магической энергией испепеляющего огня. Вобрал её в себя. И таким образом получил необходимое количество ментальных сил, чтобы сотворить заклятие, которое было ему не по зубам. Мгновенные порталы творят на шестой ступени, а Джеми только добрался до пятой... при других обстоятельствах заклятие просто мгновенно убило бы его.

Губы Найджа впервые с начала этой беседы тронула улыбка, — но столь горькая, что Таша предпочла бы её не видеть.

— Он был таким любознательным, — едва слышно проговорил колдун. — Учил теорию того, что смог бы сделать лишь лет через двадцать. Всегда думал, что он станет самым молодым магистром из всех, кого я знал... в будущем — первой степени. С таким-то потенциалом, жадой знаний, страстью к самосовершенствованию...

Когда Алексас поморщился, Таша сперва решила, что причина тому разговор, сделавшийся уже почти невыносимым — но когда её рыцарь постучал пальцем по виску, поняла, что ошиблась.

— Герланд вызывает, — произнёс Алексас, поднимаясь на ноги. — Амулеты готовы.

— Какие амулеты?

— Немного терпения, моя королева. Я как раз отправляюсь за ними. Найдж, развлечёшь дорогую гостью в моё отсутствие?

— Если получится, — с тяжёлым вздохом ответил тот.

Они с Ташей вместе следили, как Алексас покидает гостиную, оставляя их в неловком и печальном молчании.

— Как думаешь, Найдж, — наконец неуверенно спросила Таша, — у меня получится?..

Тот кивнул: с довольно убедительной твёрдостью.

— Даже если не получится сыграть, как надо, — добавил он, — когда мы поработаем с твоей памятью, никто не сможет сказать, что ты думаешь на самом деле.

— А если эйрдали очаруют меня? Заставят сказать им настоящую правду?

— Когда Алексас принесёт то, что должен, тебя никто не очарует. — Найдж помолчал. — И, видишь ли, пока они будут играть в игру, которую ты им предложишь. Если тебя тронут, война с «Венцом» неизбежна. Они поймут это. Следовательно, вредить тебе

будет не в их интересах... а мы в свою очередь постараемся связаться с твоим амадэем, чтобы он не растерялся, когда придёт время. — Колдун улыбнулся, и на сей раз — вполне тепло. — В общем, путей для отхода у нас много.

Таша вспомнила всё, что Основатели говорили об этих самых путях, и то, чего они не говорили, но что она прекрасно угадала сама, — и тоскливо оглядела головы на стенах.

Ей вдруг стало интересно, какой окажется штаб-квартира «Рассвета». И не выяснится ли, что эйрдали и оборотни тоже украшают свои гостиные трофейными головами, вот только не звериными.

— Ты ведь любила Джеми, — внезапно произнёс Найдж.

Таша взглянула на него непонимающе и изумлённо, но колдун лишь повторил:

— Ты любила Джеми. Я знаю.

— Конечно, — после долгой паузы тихо ответила Таша.

Зачем скрывать то, что он наверняка хочет услышать?..

— И они тебя любили. Оба. Я видел... ещё летом. — Найдж смотрел ей в глаза, пристально и задумчиво. — А что насчёт Алексаса?

Невинный, казалось бы, вопрос неожиданно вогнал Ташу в краску.

— Что за вопрос? Он мой друг. И мой рыцарь, — почему-то сердито проговорили она. — Конечно, я тоже его люблю.

Найдж вскинул бровь, и на губах его снова заиграла улыбка. Загадочная, с капелькой хитрецы, притаившейся в уголках рта.

И Таша поняла, что следующий вопрос, который он задаст, будет с подвохом — ещё прежде, чем он разомкнул губы для первого слова.

— Ты уверена, — участливо спросил колдун, — что просто «тоже»?

* * *

Когда Арон, закончив с едой, аккуратно отложил вилку, чтобы снова посмотреть на Мастера Иллюзиониста — волшебник беспечно складывал кораблик из накрахмаленной салфетки.

— Да, здешняя яичница и в самом деле волшебная, — любезно произнёс Арон. — Итак... Мастер. Кажется, вы хотели поговорить.

Тот, подняв взгляд, улыбнулся:

— Ожидаемые вопросы, святой отец. Мне любопытно, как наш Гирен обзавёлся такой многочисленной и... интересной семьёй.

Он немного картавил, — отчего Лив решила, что он ещё более милый, чем кажется с первого взгляда. И ничуть не походил на великих и страшных Мастеров, о которых она была наслышана с детства. Может, он не сам Мастер Иллюзионист, а его подмастерье? Все же знают, что у каждого Мастера бывает от одного до трёх подмастерьев...

— А почему вы такой молодой, если вы учили господина Гирена, который такой старый? — не выдержав, спросила Лив. — Вы что, колдуете себе иллюзию, чтобы выглядеть моложе?

Волшебник поглядел на неё с доброжелательным интересом.

— Нет, не колдую. Просто Гирен состарился быстрее меня, потому что не пользовался своим даром, а он был одним из первых моих учеников, — пояснил Иллюзионист. Просто и серьёзно, без всякого сюсюканья, которым взрослые так любят приправлять общение с детьми — Лив это всегда ужасно бесило, — и сразу стал нравиться ей ещё больше. — Волшебники стареют медленнее, чем обычные люди, но только если постоянно используют магию. Если же они перестают её использовать, старятся даже быстрее обычного. А ещё у каждого волшебника свой возраст, в котором его старение замедляется, и я вошёл в него очень рано.

— А сколько вам лет?

— Будет сто в будущем году. — Глядя на Лив, даже ойкнувшую от удивления, Мастер тихонько рассмеялся. — Неплохо сохранился, правда?

— Представляю, как вся Гильдия Магов на ушах стояла, когда тебя избрали, — буркнул господин Гирен. — Мастер Школы в сорок-то лет...

— Заклинатель до сих пор зовёт меня молокососом, — беззаботно согласился волшебник. — И я даже не собираюсь с этим спорить. Впрочем, предлагаю вернуться к вопросу, озвученному мной ранее.

Арон вопросительно посмотрел на звездочёта. Господин Гирен оглядел полупустой трактир, подозрительно покосился на сонного хозяина за стойкой — и угрюмо кивнул; появление Мастера в этом заведении не было чем-то из ряда вон выходящим, так что Иллюзионисту и его новоявленным знакомым уделяли внимания не больше, чем требовалось для принятия заказа.

— Мы встретились довольно давно, — произнёс амадэй, мирно сложив руки на столешнице. — Я странствовал по королевству, но как-то меня занесло в Фар-Лойл, и я выручил его жителей из беды.

— Какой?

— Эпидемия. Красная лихорадка.

— Так вы целитель, — сказал Иллюзионист: как будто даже удовлетворённо.

— Да.

— Сильный?

— Довольно.

— Оно и чувствуется, — просто кивнул волшебник. — И что было дальше?

— Тогдашний пастырь Фар-Лойла оказался весьма мне признателен. Поскольку у меня не имелось ни дома, ни семьи, а пастырь был уже стар — мне предложили остаться в деревне и занять место его преемника. Я согласился.

— Значит, вот как дэй-перекасти-поле осел в тихой деревушке, — бесстрастно заметил Мастер. — А что насчёт знакомства с Гиреном?

— Они с женой приехали в Фар-Лойл спустя три года после того, как я стал пастырем.

— Вернулись на историческую родину, насколько я помню?

— Да. Все другие Лормари к тому времени уже скончались, и Гирен решил продолжить семейное дело потомственных звездочётов. К слову, с момента возвращения в Фар-Лойл он ни разу не удостоил храм своим посещением. — Во взгляде амадэя, обратившемся на старика, не было и тени осуждения. — А вот его супруга на первой же исповеди призналась, что пребывает в глубоком унынии и гонит от себя мысли о самоубийстве. В следующие пару месяцев мы много разговаривали и в храме, и за его стенами, и в конце концов мысли о сведении счётов с жизнью её оставили. Потом ураган разрушил храмовую пристройку, где я жил, и семейство Лормари согласилось приютить меня на время ремонта. Думаю, именно по этой причине ремонт затянулся на пять лет.

— Вот как. — Волшебник едко усмехнулся. — И кривотолков это не вызвало?

— По неведомой причине ни господин Гирен, ни его жена, ни жители Фар-Лойла не сомневались в чистоте моих намерений, — в голосе дэя послышалась лёгкая прохладца. — К тому же я часто бывал в долгих отъездах.

— А за эти пять лет, конечно, вы так прижились в звездочётном гнёздышке и так привязались к его хозяевам... или хозяйке... что не захотели его покидать.

— Он стал для нас другом, мхм. Почти сыном, — не выдержал старик. — И для Лиден, и для меня, пусть даже заходил на мою верхотуру не так часто. Если б не Арон, меня бы,

мхм, и Лиден не остановила от того, чтобы покончить с муками совести раз и навсегда.

Иллюзионист внимательно выслушал его слова. Никак не отреагировав, снова обратился к Арону:

— Проповеди ему читали?

— Нет. — Улыбка амадэя была невозмутимой. — Скорее личный опыт.

— Ясно. — Волшебник опустил взгляд, удовлетворенно оглядев получившийся кораблик: салфетку накрахмалили до такой степени, что она сохраняла форму не хуже бумаги. — А Лив откуда?

— Она сирота. Я её удочерил.

— Благородство высшей пробы, — одобрил Иллюзионист. Чуть повернул голову к господину Гирену. — Положим, с родственными связями разобрались. И что заставило нашего отшельника покинуть свой скит и вернуться в Адамант?

— Неважно, — буркнул старик.

Мастер поднял глаза. Наградил бывшего ученика долгим взглядом, под которым тот вдруг заёрзал, будто нашаливший школьник.

— Подумай ещё раз, — голос Иллюзиониста был мягким, словно прикосновение кошачьей лапки. — Я ведь не просто так спрашиваю. Вдруг помочь могу.

— Может, мхм, я семье решил столицу показать...

— Сказочки кому-нибудь другому рассказывай, — бросил волшебник. — Ты приехал, потому что у тебя была веская причина приехать. И я даже подозреваю, какая.

Господин Гирен оторопело вскинул голову.

— Мхм? — только и смог недоверчиво выдать он.

— Есть кое-какие соображения. Субъективные, но мой Дар редко меня обманывает. — Иллюзионист, внезапно вытащив кошель, достал оттуда несколько монет. Положив их в плетёную корзинку посреди стола, без лишних слов поднялся на ноги. — Сегодня, в девять вечера, здесь же. Если надумаешь обратиться за помощью, буду рад помочь.

И, взметнув белой мантией, вышел вон.

— Ишь, не холодно ему, — буркнул старик. Беззвучно пошевелил губами. — Арон, он правда догадывается?

— Правда. И мне даже стоило некоторых усилий это узнать. — Амадэй сосредоточенно

смотрел на дверь. — Мастера Школы...

— Ты что-то задумал, — обречённо констатировал старый волшебник.

— Задумаю, если всё пойдёт так, как я ожидаю. — Арон встал. — Пройдёмся до особняка?

— А чай? — возмущённо подскочила Лив. — И пирожное он мне заказал!

Амадэй, уже шагнувший к выходу, обернулся. Пристально посмотрел на приёмную дочь.

И мирно сел обратно.

— Ну, десять минут на чай у нас действительно есть, — устало пояснил он в ответ на недоумённый старческий взгляд.

* * *

Таша долго пыталась сообразить, что ответить на каверзный вопрос колдуна, и ещё дольше — что из возможных вариантов ответа является правдой.

И когда в комнату вошёл Алексас, сжимая в руке длинный кожаный шнурок с жёлтым камушком на конце — была рада, что необходимость ответа отпала.

— Свежие артефакты, — доложил её рыцарь, с улыбкой качнув подвеской.

— Что это?

— Защита против эйрдалей.

Таша с сомнением оглядела янтарь в резной медной оправе. Ни рун, ни иных признаков того, что это не просто красивая безделушка... правда, внутри круглого золотистого камушка заключили крохотный серебряный ключик.

— Он позволит тебе чувствовать ментальное проникновение, — пояснил Найдж. — У нас с Алексасом будут такие же, и с их помощью мы трое сможем мысленно общаться друг с другом. Амулет нельзя ни украсть, ни снять насильно, если ты того не хочешь. Контроль ослабевает во сне, но если кто-то попытается сделать это, пока ты спишь, камень раскалится и разбудит тебя. А ещё это гарантия нашего возвращения, так что расставаться с ним не рекомендую.

— Гарантия возвращения?..

— Когда пробьёт полночь пятого дня, если вести отсчёт с сегодняшнего, амулеты обратятся порталами. Они вытащат нас обратно в штаб-квартиру «Венца», если до того момента мы не вернёмся сами.

Значит, вот она: страховка, которая позволит их плану прийти хотя бы к первому исходу. Самому скверному. Если в «Рассвете» они провалятся, то просто убегут; а после Таша отыщет Арона — или он её, — и вместе они отправятся к королю с повинной.

Конечно, к этому времени Зельда успеет смекнуть, что к чему, и принять дополнительные меры безопасности, но с паршивой овцы...

— Значит, мы пробудем в «Рассвете» не больше трёх дней?

— Так мы договорились с их амадзем, — кивнул Алексас. — Больше нам и не требуется.

— Встретим Кэйрмилль, посмотрим на ужасные дела, там творящиеся... этого хватит в качестве доказательств, — добавил Найдж. — К тому же до суда остаётся не так много времени.

Второй предусматриваемый исход, напротив, был самым благополучным. Он предполагал, что Таша блестяще исполняет свою роль, а эйрдали верят ей — и по истечении трёх дней отпускают конкурентов-заговорщиков с миром, дабы те приняли судьбоносное решение о присоединении «Венца» к «Рассвету». На словах, конечно же, решение будет положительным; на деле — Таша снова разыскивает Арона и отправляется к королю, и очень скоро в обитель ничего не подозревающей Зельды наведывается Его Величество, кеары, Мастера Адамантской Школы и вся королевская рать. Со Зрящим в качестве приятного бонуса.

На словах всё выходило складно. Пожалуй, слишком складно, чтобы иметь шанс действительно осуществиться.

— Заправь под одежду, — накинув шнурок Таше на шею, велел Алексас.

Она отправила амулет в вырез рубашки, спрятав от чужих глаз. Украдкой обратила на своего рыцаря зоркий взгляд из-под ресниц.

А всё же — показалось ей вчера или нет?..

— Древние эйрдали умеют проникать в сознание жертвы абсолютно незаметно, — продолжил Найдж. — Но благодаря этой вещичке ты всегда заметишь, если кто-то попытается влезть в твои мысли или тебя зачаровать.

— Ясно, — кивнула Таша, с трудом отвлекшись от воспоминаний о вчерашнем вечере. — И когда мы попробуем связаться с Ароном?

— Прямо сейчас. Как только Ларон придёт.

Таша ощутила некое подобие облегчения: прекрасно понимая, что сейчас ощущать его безнадежно рано — но одна мысль, что вскоре Арон может оказаться рядом, заставила её

улыбнуться.

— Честно скажу, — произнесла она вслух, — с вами хорошо, но когда Арон будет здесь, мне станет куда веселее. Жаль, конечно, что Зельда его сразу узнает, а то взяли бы его с собой и...

Многозначительный взгляд, которым Найдж обменялся с Алексасом, заставил её осечься.

— А что? — неуверенно и опасливо осведомилась Таша.

Колдун ответил ей угрюмым вздохом.

— Боюсь, Арон не сможет сюда прийти, — негромко молвил её рыцарь. — Мы ещё вчера ночью пытались посмотреть, что происходит в доме господина Гирена.

— И что?

— Там пусто. Ни одной живой души.

— Никого? Ночью? — Таша озадаченно воззрилась на него. — Но куда они все могли...

А потом поняла, что это значит — и снова осеклась.

— Они отправились искать тебя, — кивнул Алексас, подтверждая её невысказанную мысль.

— И давно? — тоскливо и безнадежно уточнила она.

— Откуда бы нам знать?

Таша ожидала этого ответа, однако он всё равно заставил её понуриться.

— Вы же можете выяснить, где они, правда?

Найдж удрученно качнул головой:

— Кто-то позаботился о том, чтобы отыскать их не было никакой возможности.

— Лиар?..

— Кто же ещё способен творить заклятия такой мощи, кроме амадэя.

Таша обречённо прикрыла глаза.

— А если выпустить меня из штаб-квартиры в город... ненадолго... и позволить Арону найти меня? Уверена, он...

— Мы не можем так рисковать. Тебя ищут сразу два тёмных амадэя, эйрдали, посланные на твоё убийство, спят и видят твой труп, и наверняка кто-то из придворных магов шпионит за тобой по приказу Советника. Мы подвергнем опасности не только тебя, но и всех членов «Венца».

Таша ощутила, как её ладони непроизвольно сжимаются в кулаки.

— И как же тогда вы собираетесь связаться с Ароном?

— Есть один способ, — туманно ответил Найдж. — Будем надеяться, что сработает.

— И зачем?..

— Мы не рискнём привести Арона в «Венец», — произнёс Алексас, — но это не означает, что мы не рискнём привести его в «Рассвет». Ты сообщишь ему, куда направляешься, а он... в конце концов, он сам говорил, что найдёт тебя, где бы ты ни была. Нужно лишь дать ему зацепку и время.

Таша недвижимым взглядом уставилась в стену; стеклянные глаза оленьей головы уставились на неё в ответ.

Итак, им Арона не найти. Впрочем, если он действительно может отыскать её где угодно, вдруг он сам их найдёт? Сегодня или завтра, пока они ещё здесь... но даже если Арон ехал за ней в Равнинную, мгновенно переместиться в Адаманте он вряд ли сможет; а если и сможет, проникнуть в «Венец» ему не удастся. Значит, они встретятся с Ароном, только если «Венец» сам его найдёт, а найти его невозможно...

Замечательно.

Да, отрезать пути Лиарчик умел, ничего не скажешь. Иной дороги, кроме как идти в «Рассвет» — или сдать, — у Ташы не осталось; и оставалось надеяться, что Арон оправдает расчёты «Венца», отыскав её там.

— Будем надеяться, ваш «один способ» сработает, — с самыми мрачными чувствами резюмировала она. Нащупала янтарный кулон, теперь покоившийся в ложбинке на груди — по соседству с корвольфом, украшавшим старую мамину подвеску. — Полагаю, после сеанса связи будем перекраивать мою память?

— Не терпится приступить к истязательствам над своим сознанием? — иронично заметил Алексас.

— Хочу поскорее с ними покончить.

Он, не ответив, подошёл к окну, глядя на солнце, не щурясь. Таша даже отсюда отчётливо видела его глаза, казавшиеся отражением неба, в которое они так внимательно смотрели: бездонное, яркое, с солнечным кругом, сияющим жёлтым золотом.

Хм, она что, им любитесь?..

— Жаль, что мы не побывали на балу, — зачем-то сказала Таша, пытаясь спастись от смущающих мыслей. — Это же был Королевский бал, в конце концов.

— Побываем в другой раз. — Алексас обернулся через плечо, взглянув на неё мягко и немного лукаво, будто какая-то мысль вдруг здорово его позабавила. — Я так с тобой и не танцевал. Полагаю, это надо исправить в самое ближайшее время.

Под этим взглядом все мысли, о которых Таша так старалась забыть, вернулись, смущая её с удвоенной силой.

...«а ты уверена, что просто «тоже»...

Что ж, стоит признать: она и правда им любитесь. И любитесь, и восхищается, и любит. И всё это вовсе не значит, что она влюбилась. Она? Влюбилась? В того, кого всегда считала пижонистым ловеласом?.. Глупость какая! К тому же пижонистый ловелас когда-то сам говорил ей, что предпочитает дев постарше, а между рыцарем и его королевой не должна иметь место иная любовь, кроме восхищения и преклонения перед светлым и недостижимым идеалом. Возможно, кто-то обманулся бы тем, с каким прилежанием Алексасом исполняет свои рыцарские обязанности, но Таша не обманется. Она для него — королева и друг, и ничего больше.

А Найдж, в конце концов, имеет полное право намекать на всё, что ему угодно.

— Если доживём до какого-нибудь бала, — произнесла Таша, немного успокоив себя этим выводом, — первый же танец твой, обещаю.

Она ещё успела увидеть улыбку Алексаса и краем глаза — ухмылку Найджа, прежде чем дверь распахнулась, впуская в гостиную хозяина дома.

— И снова приветствую, Ваше Высочество, — мягко произнёс Ларон, неся в руках широкую серебряную чашу; живая половина его лица невозмутимостью почти не отличалась от маски. — Пришло время сообщить вашему амадэю, куда теперь должно двинуться направление его поисков.

Встав рядом, Таша смотрела, как волшебник водружает чашу на стол — и, мановением руки заставив сосуд наполниться водой, скользит кончиками пальцев по серебряной кромке, будто ожидая, что серебро сейчас запоёт, как хрусталь.

Собственно, на Ароне был завязан третий возможный исход. Предполагавший, что Зрящий найдёт Ташу в «Рассвете», пока она ещё будет там, и тогда помощь короля «Венцу» уже не потребуется. Правда, Таше этот вариант не особо нравился: в одиночку против Зельды и армии эйрдалей, оборотней и колдунов мог не выстоять даже амадэй, и она не хотела подвергать названного отца такой опасности. Но Арон — та спасительная соломинка, за которую они могут ухватиться, если что-то пойдёт не так, а пускаться в подобную

авантюру без запасного плана смерти подобно.

Таша наблюдала, как вода медленно сменяет свою прозрачность на окрас сияющего серебра, будто заливаясь изнутри лунным светом; и когда в неё уже можно было смотреться, точно в зеркало, Ларон удовлетворённо отвёл руки и посторонился.

— Коснитесь воды, — велел он.

Шагнув к столу вплотную, Таша вытянула руку, ощутив кончиками пальцев мокрый холод.

— Теперь настройтесь на того, с кем хотите связаться. Сосредоточьтесь на его образе.

Таша послушно представила Арона. Полы фортэньи развеивает ветер, глаза сияют мягким светом, на губах улыбка...

Как же я его люблю, подумала она вдруг: так тепло, что это удивило даже её саму.

— Это сработает? Он же лучший телепат во всём Аллигране, в конце концов.

— Полагаю, это не сработало бы ни с кем, кроме вас. Но, как я понял, для вас он сделает исключение во всём. — В ответе волшебника ей послышался едва различимый сарказм. — Сосредоточьтесь, Ваше Высочество. И когда вода засияет, скажите то, что нужно... только коротко.

Таша покорилась. Снова вызвала в памяти лицо Арона, представив его до малейшей чёрточки: родинку на щеке, ямочку на подбородке, светлую пушистость ресниц.

Когда мягкое сияние воды под её пальцами вдруг обратилось острым, почти болезненным, — прикрыла глаза.

— Арон, мне нужна твоя помощь. Завтра я отправляюсь в тайное общество, которым заправляет Зельда. Найди меня там. За пять дней, если сможешь, — и, помолчав, тихо добавила, — а если не сможешь, помолись за меня.

Странно, но на миг ей почудилось, будто она различает его лицо. Вот здесь, прямо перед собой: удивлённо расширенные глаза, светлые и лучистые, снежинки на ресницах...

А потом Таша разомкнула веки — и, увидев одну лишь спокойную прозрачную воду, подняла руку.

— Сработало? — устало спросила она, стряхивая капли воды с кончиков пальцев.

— Похоже. — Ларон взмахом руки заставил чашу раствориться в воздухе. — Но точно результат мы узнаем лишь со временем... а теперь пора поработать с вашей памятью. — Изящным жестом он пригласил Ташу вернуться в кресло. — Алексас, может, навестишь опекуна? Герланд разбирался в библиотеке, но он нужен здесь, и кому-то было бы неплохо

его сменить.

— Я предпочёл бы наблюдать за тем, что сейчас будет.

— Зато я предпочёл бы, чтобы ты за этим не наблюдал.

Тон волшебника не терпел возражений, — и Алексас склонил голову к плечу, пристально глядя на хозяина дома. Без страха и даже без особого пиетета, будто он не был двадцатилетним мальчишкой, а его собеседник — одним из Основателей и просто человеком много старше.

Потом, не сказав ни слова, всё же направился к выходу; но, взявшись за ручку, обернулся.

— Я ещё вернусь. — Алексас встретился глазами с Ташей, и уголки его губ весело дрогнули. — Возьму в этом пример со всех уважающих себя сказочных злодеев.

Она честно попыталась не рассмеяться — и всё-таки рассмеялась. Проследив, как за её рыцарем закрывается дверь, перевела взгляд на Ларона: тот уже стоял напротив, в терпеливом ожидании скрестив руки на груди.

— Да-да. — Таша усилием воли согнала улыбку с лица. — Вся в вашем распоряжении.

Согнать улыбку с лица было довольно просто. Требовалось лишь вспомнить о четвёртом возможном исходе.

Да, она знала, что план «Венца» предусматривал четвёртый исход. И знала, что Основатели о нём знают, пусть даже никто не соизволил ей об этом сказать. Таким образом все они играли в какую-то дурацкую игру, — потому что предполагать этот четвёртый исход было безумием, но это не отменяло того, что он существовал. И заключался в следующем: «если Зельда нас раскроет, Лиарчик увидит это в своём зеркальце, придёт и спасёт меня».

Вопрос только, захочется ли Таше в таком случае спастись.

— Не зверствуй, Ларон, — слышался сонный голос из кресла, занятого Найджем. — В конце концов, смех продлевает жизнь. А пара-тройка лишних лет нашей принцессе ой как пригодится...

* * *

— Это она? — разочарованно уточнила Лив. — Штаб-квартира?

Господин Гирен критически оглядел заурядный особняк белого камня, сдержанно украшенный лепниной; во всяком случае, на фоне остальных домов он никак не выделялся.

— Мхм, если нам всё правильно объяснили, — кивнул волшебник. — Что, просто

постучимся?

— А это можно сделать? — спросил Арон.

— Можно, как ни странно. Мхм... надеюсь, я всё же не настолько потерял хватку, чтобы не заметить ни единого признака каких-либо серьёзных охранных заклятий. — Трость звездочёта простучала по направлению к массивным дубовым дверям. — Обычная мелочь против воров.

— И что мы скажем? — любопытствовала Лив; этот вопрос терзал её с тех пор, как у одного из прохожих Арон спросил, где особняк Шелианов и кто в нём нынче обитает. — Ну, зачем нам может быть нужен этот волшебник, господин Шелиан?

— Посмотрим по обстоятельствам.

— Нам же сказали, что он не работает, и вообще посетителей не особо...

— Думаю, мхм, Арон что-нибудь придумает. Правда, Арон?

Амадэй молча постучался.

Минутой позже сухопарый дворецкий, распахнув дверь, смерил незваных гостей весьма недружелюбным взглядом.

— Слушаю вас, — прохладно отозвался он.

— Господин Шелиан дома?

— Он занят. Что-нибудь передать?

Лив заинтересованно заглянула внутрь — но тут же разочарованно вздохнула. Холл оказался маленьким и вполне обыденным, отделанным дубовыми панелями, обставленным заурядной деревянной мебелью; в таком скучном доме ни одни порядочные заговорщики жить не могли.

Арон долго молчал. Просто стоял и смотрел на мужчину в чёрном сюртуке, скучающе ждавшего ответа.

Затем отступил на шаг.

— Нет. Простите за беспокойство, — коротко бросил амадэй, отворачиваясь. — Идёмте.

Когда дверь за ними закрылась, а мужчина, старик и ребёнок зашагали по светлой алмазной улочке, господин Гирен хмуро поинтересовался:

— И что это было?

— Мне требовалось время, чтобы проверить дом.

— Мхм?

— Я просмотрел разумы всех, кто в нём находится. Их там немного, надо сказать. И Таши среди них нет.

— Так если твой братец на неё...

— Я почувствовал бы разум, который от меня закрыт.

Старик лишь тихо буркнул очередное «мхм».

— А дворецкий за нами в окно подсматривает, — наябедничала Лив, обернувшись.

— И пусть. Он нас больше не увидит. «Венец» очень хорошо спрятан: никто в этом доме даже не подозревает о его существовании.

— Значит, мхм, твой братец солгал?

— Сомневаюсь. Спросим при случае, но не думаю.

— А что тогда?

Арон не ответил. Вдруг замер, вскинув голову, широко раскрытыми глазами глядя прямо перед собой.

Резко обернулся, всматриваясь в пустой переулок.

— Что? — встрепенулся господин Гирен.

Некоторое время амадэй ещё вглядывался в холодный воздух перед своим лицом: пока тёплый свет недоверчивой надежды, вспыхнувший в его глазах, медленно мерк, вновь выцветая усталой серостью.

— Забавно, — когда Арон всё же ответил, голос его был почти спокойным. — Я... услышал Ташу.

Старик лишь уставился на него с недоверием.

— Сам не знаю, как. Но я её слышал, — повторил Арон. — И то, что услышал, меня не радует. — Он задумчиво сжал губы. — Она... направляется в логово одной очень опасной персоны.

— Это ещё какой?

— Зельды. Моей сестры. Той самой.

Вместо ответа звездочёт прочувственно стукнул тростью о мрамор.

— Может, это ловушка? — спросила Лив с важным видом.

— Нет. Это была Таша. — Арон стоял, глядя на запертую дверь, которую они оставили позади. — Но её не найти, с ней не связаться... и Лиар знал об этом. Потому и сообщил, где она, так легко...

Какое-то время ещё смотрел на особняк, надёжно скрывавший то, что он так жаждал найти, — а затем, наконец отвернувшись, стремительно двинулся вперёд, вынудив спутников поторопиться следом.

— Весь вопрос в том, чего он от меня ждёт, — заметил амадэй отстранённо: скорее рассуждая вслух, чем действительно ожидая ответа.

— Хочешь, мхм, обмануть его ожидания?

— Да. Как думаешь, стоит снять комнату или скоротаем время до девяти где-нибудь в другом месте?

Старик подозрительно шмыгнул носом:

— До девяти?..

— Пойдём в гостиницу! — Лив требовательно дёрнула амадэя за рукав. — Я замёрзла и спать хочу!

— Гостиница так гостиница. — Арон успокаивающе сжал детскую ладошку. — Гирен, не порекомендуешь?

Тот тяжело вздохнул: явно подавляя желание не отвечать на вопрос, зато высказать нечто другое.

— Мхм... «Королевская охота», помнится, неплохая. «Солнечная пичуга» тоже ничего... но за эти годы в городе должно было многое измениться.

— Попробовать стоит. Помнишь, где они?

— В маразм ещё не впал. — Старик свернул в первый же переулок. — Знал бы ты, мхм, сколько я в своё время по этим улицам бродил... хоть сейчас смогу с закрытыми глазами от Школы до ратуши легко пройти. Только б со счёта не сбиться.

— С какого счёта? — спросила Лив.

— Шаги, мхм...

Звездочёт почему-то осёкся. Моргнул. Задумался.

И лишь потом понял, что заставило его это сделать.

— Что такое, дядя Гирен? Сбились?

...то, что нечто странное было в детском голосе.

В следующий миг Арон отдёрнул руку: так, словно пальцы девочки, лежавшие в его ладони, вдруг его обожгли.

— И к чему этот цирк? — холодно осведомился он.

— Проверял, смогу ли сыграть ребёнка. Опыт провален, но ничего, время для совершенствования есть. — Лиар обнадёживающе улыбнулся. — Как успехи?

— Ты знал, что я не вытащу Ташу?

— Конечно. Сказал бы я тебе иначе, где её искать. — Тёмный амадэй, закрыв глаза, вскинул голову. — Приютский переулок? Впрочем, можешь не отвечать. Я тоже столько бродил по этим улицам, что могу вслепую определить, где нахожусь. Везде разный мрамор, представьте себе. Запахи, звуки... хм. Так чем могу быть полезен?

— Сдохнуть, — прорычал звездочёт.

— Уверен, что не только этим. — Лиар прислонился спиной к белой стене одного из домов, образовывавших узкий проулок. — Спрашивай, Арон. Отвечу на всё или почти на всё. Сделать ты ничего не сможешь, так какая разница, сколько ты знаешь.

Тот вскинул бровь:

— Прямо здесь?

— Всё ещё во мне сомневаешься? — Лиар посмотрел куда-то вбок. — О, к нам как раз направляется та милая пожилая женщина...

Господин Гирен по-петушиному подался вперёд:

— Ты не посмеешь, — его голос сорвался в почти рычание.

— Я посмею всё, что угодно, если вы этого ещё не поняли, — с улыбкой заметил Лиар. — Но сейчас убивать я никого не собираюсь. Есть другие методы.

Согбенная старушка, тащившая корзинку со снедью, остановилась, не дойдя до места встречи двух амадэев каких-то десяти шагов. Всмотревшись подслеповатыми глазами прямо туда, где стоял Арон, тяжело вздохнула.

Развернувшись, пошаркала обратно.

— Для неё в этом месте стоит обоз с сеном, лишь чудом втиснувшийся в этот переулок, почему-то покинутый хозяином, — любезно пояснил Лиар. — Обойти его, к сожалению, нет никакой возможности, так что проходим придётся искать другие дороги. А ещё я связал морок с телегой винных бочек на соседней улице, придав ему соответствующий вес, так что любопытно будет посмотреть на того, кто попробует сдвинуть его с места...

— Что Таша забыла в «Венце»? — резко спросил Арон.

Улыбка Лиара стала ленивой:

— Готовится к одной секретной миссии.

Зрачки Зрящего сузились.

— Во что ты её втянул?

— Я? — с детских губ сорвался до жути весёлый смешок. — Я уже говорил: в отличие от некоторых, я даю ей свободу действий. Таша сама решила во что бы то ни стало спасти семейство Норманов. И сама надумала проникнуть в некое тайное общество, которое хочет захватить наше королевство и вернуть его во времена кровавого бала, царившего в конце Первой Эпохи. И, конечно, сама захотела противостоять злым эйрдалям и оборотням, в нём состоящим. Которыми руководит истинный зодчий покушения на Его Величество, он же амадэй по имени Зельда.

Ресницы Арона едва заметно дрогнули.

— Ты...

— Да, я чудовище, сволочь и ублюдок, — легко согласился Лиар. — Но это позволит мне подобраться к Зельде поближе.

— Зачем это тебе?

— А вот это уже мои секреты. — Амадэй оценивающе взглянул на брата снизу вверх. — Забавно... впервые за одиннадцать веков вижу тебя с такого ракурса.

— Зельда — мстительная психопатка. В Таше течёт кровь того, кто заставил её возненавидеть всё человечество. И ты отправляешь её туда?

— И это я уже говорил. Я не допущу, чтобы с моей девочкой что-то случилось, а я своё слово держу, как ты знаешь. — Он насмешливо скрестил руки на груди. — Может, хочешь передать Таше весточку? Спросить, как с ней повидаться? Или гордыня не позволит?

— Нет. Просто знаю, что это невозможно.

Лиар удовлетворённо кивнул.

— Начинаешь умнеть. Уже радуется. — Он зевнул. — А Лив и правда спать хочет... узнал всё, что нужно? Если ещё что интересует, не стесняйся. К тому же я сегодня-завтра ещё загляну, посмотрю, как вы там.

Арон молчал; лишь скулы его обозначились как-то уж очень чётко.

— Вижу, вопросов нет. Тогда до скорой встречи. — Тёмный амадэй шагнул прочь от стены: навстречу названному брату. — К слову, господин Гирен, советую сменить эту обитель моли, которую вы называете шубой, на что-нибудь другое. Вам ведь не нужны особые приметы?..

Когда Лив начала падать, Арон успел подхватить девочку прежде, чем её колени коснулись заснеженного мрамора. Взяв её за подбородок, чуть повернул темноволосую голову.

Убедился, что на детском лице не осталось и следа злой усмешки.

— Мне нужны Мастера, Гирен, — тихо молвил он. — Теперь понимаешь, почему?

Звездочёт, судорожно сжимая трость, мотнул головой.

— Потому что я надеюсь, что Шестеро смогут противостоять амадэю. Даже ему, сильнейшему из нас. — Отстранённо глядя вдаль, Арон подхватил Лив на руки. — Хотя бы то время, что необходимо мне, дабы приблизиться... и свершить справедливый суд.

* * *

Когда Герланд вошёл в гостиную — прямо сквозь стену, — Таша опасливо наблюдала, как Ларон бормочет что-то, глядя на неё. Пока результатом его действий было лишь забавное ощущение, будто кто-то слегка щекочет ей лоб изнутри, но ей это всё равно не особо нравилось.

Что ж, теперь она знала, каково это — когда в твоё сознание проникает телепат слабее Зрящего.

— Надеюсь, Ваше Высочество, вы безболезненно перенесёте некоторую путаницу в воспоминаниях, — произнёс альв, встав у самого кресла, почти нависнув над ней. — В конце концов, у вас будет целый день, чтобы привыкнуть отличать ложные от истинных.

— Тоже на это надеюсь, — буркнула Таша. — Если честно, у меня и после Арона до сих пор бардак в голове.

— Например?

— Например, я периодически забываю, что я оборотень.

Она умолчала, что забывала об этом большую часть дня. Если раньше Таша тосковала без прогулок на кошачьих лапах или ветра в птичьих крыльях — теперь ей приходилось напоминать себе о том, что это когда-то было; и в эти дни она чувствовала себя человеком больше, чем когда-либо.

— Ничего. — Найдж, до сего момента дремавший в кресле, поднялся и подошёл ближе, чтобы подбадривающе ей улыбнуться. — Думаю, потом твой амадэй наведёт тебе порядок в мыслях.

Таша только кивнула.

Она не стала говорить, что это довольно забавно: когда порядок в твоих мыслях наводит кто угодно, кроме тебя самой.

— Интересная штука эта защита фей, — наконец закончив с бормотанием, изрёк Ларон.

— Сможешь обойти? — бесстрастно поинтересовался альв.

— Если она не помешала мне читать, думаю, да. Полагаю, в первую очередь защита рассчитана на магов послабее.

— Прекрасно. — Герланд переместился к левой ручке кресла. — Готовы, Ваше Высочество?

Таша нервно кивнула — и, встав по другую сторону от неё, Ларон положил ладонь на её лоб.

— Приготовьтесь. Будет немножко больно.

— Больно?..

— Я не такой мастер, как Зрящий. Когда память изменяют простые маги, это связано с болью... незначительной, поверьте. Может, потом ещё с час поболит голова.

Таша поёжилась.

— Хорошо, учту.

— Закройте глаза и расслабьтесь. Я поставлю блок, закрыв от посторонних эту процедуру и наш разговор на совете. Затем внедрю несколько ложных воспоминаний и окружу вашу память защитной паутиной. Впрочем, кое-что вам всё равно придётся домысливать самостоятельно.

— Будешь назойливо думать, как тебе хочется быть подлой особой, готовой ради короны на всё, — пояснил Найдж в ответ на Ташин вопросительный взгляд, занимая место

за спинкой кресла. — Сегодня-завтра подумаешь — мысль осядет в сознании, и в «Рассвете» уже не придётся постоянно на ней концентрироваться.

— Понятно. — Усилим воли она заставила себя сомкнуть веки. — Начинайте.

Она помнила, как это проходило с Ароном. Он просто смотрел ей в глаза, а потом... на миг её накрыла темнота, но она не теряла сознания, это точно. Просто до этого в кровати лежала Тариша Тариш Бьорк, а в следующий миг её место заняла Тариша Арондель Морли.

Но сейчас Таша вдруг почувствовала... нечто. Нечто бесконечно чужеродное и опасное: словно чья-то рука с длинными ногтями осторожно двигалась в её голове. Это нечто медленно и вкрадчиво вторгалось в её сознание...

И почему-то застыло в замешательстве.

— Блок, — досадливо сообщил Ларон.

Таша едва удержалась, чтобы не открыть глаза.

— Какой ещё блок?

— Я не могу проникнуть в вашу память. Вижу ваши воспоминания, но не могу на них повлиять.

— Треклятые феи, — тихо сказал Герланд. — Или это уже амадэй постарался... впрочем, какая разница. Ломай.

Таша услышала, как Найдж за её спиной нервно встрепенулся, — и со странной отстранённостью подумала, что происходящее снова рождает у неё очень нехорошие предчувствия.

— Мне кажется, — изрёк колдун, — это не лучшая...

— Хочешь отправиться прямиком в распростёртые объятия Зельды? Стать рабом или трупом, смотря что выберешь? — голос альва подчинял своей холодной властью. — Ломай, Ларон.

Когда волшебник, тяжело вздохнув, положил вторую ладонь на Ташин затылок, она уже поняла: сейчас ей предстоит вытерпеть что-то очень болезненное.

— Я не могу вас отключить. Простите, — молвил волшебник мягко. — Нужно, чтобы вы были в сознании. Вы... потерпите, хорошо? Это не должно быть долго.

Она честно думала, что потерпит, что бы ей ни предстояло. В конце концов, она уже проходила через столькие вещи, что вряд ли новая пытка могла её удивить.

Но когда её голову сдавил незримый раскалённый обруч, поняла, что ошибалась.

Её терпения хватило на пару секунд. Потом, не выдержав, Таша широко открыла глаза. Дёрнулась.

Закричала.

— Терпи.

Голос альва резал льдом; кто-то прижал её руки к ручкам кресла, не давая вырваться, кто-то сдавил голову руками, ногтями впиваясь в кожу.

Кто-то вгонял в её лоб несуществующий гвоздь...

— Нет! — Таша уже визжала. — Пожалуйста, не надо!

Гвоздь, длинный и острый, дикой болью сверлил её лоб. От него во все стороны расползались незримые щупальца, заполнявшие сознание, пытаясь найти лазейку и пробиться сквозь невидимую стену.

— Пожалуйста...

Боль вдруг притупилась, исчезнув в тёмной мгле — но щупальца тут же выдернули Ташу из спасительной бессознательности. Она билась в чьей-то стальной хватке, ощущая соль на губах; не поймёшь, кровь или слёзы. Даже сил кричать уже не было.

Или она просто не понимает, что кричит?..

— Хватит! — голос Найджа каким-то чудом донёсся сквозь ватную пелену, забившую её уши. — Прекратите!

Кресло дёрнулось, — но лишь на миг.

— Не мешай.

Бедный, бедный Найдж...

Больше ей никто не поможет.

Державшие её руки, кресло, комната, солнечный день — всё исчезло. Таша осталась один на один с болью, не слыша собственного крика, забывая себя; страшной, всепоглощающей болью, пронзавшей лоб уже не гвоздём — сотней раскалённых стрел. Почему её голова никак не расколется? Тогда бы всё кончилось... но она не расколется, нет, она крепкая, слишком крепкая; она останется целой, разрушится лишь то, что она скрывает. И Таша, не выдержав пытки, просто сойдёт с ума, и безумие спрячет её от этой боли.

Ещё немного...

...ну же...

Порыв холодного ветра хлестнул её по лицу, руки, державшие её голову, куда-то исчезли, — и милосердная чёрная бездна перед глазами жадно затащила её в себя.

Когда двое мужчин приблизились к его столу, Мастер Иллюзионист улыбнулся.

— Значит, всё же решились. — На столешнице уже лежал новый кораблик; судя по мелко набранному тексту на парусах и бортах, на сей раз волшебник сложил его из какого-то новостного листка. — Где девочка?

Оглядев зал, на сей раз полный народа, Арон опустился на стул, не сводя взгляда с голубых глаз Мастера.

— В гостинице. Ей не очень хорошо.

— Жаль. А я уже заказал ей сладкое. — Волшебник помолчал. — Что ж, в ближайшие десять минут нас никто не побеспокоит. Расскажите всё сами, или мне задавать наводящие вопросы?

— Дочку Арона мы ищем, — буркнул господин Гирен. — Приёмную дочку... и мою, мхм, приёмную внучку. Ташей зовут.

Мастер посмотрел на кораблик; повинаясь его взгляду, листок стремительно расправился в первозданный прямоугольный вид.

— А выглядит она, — участливо поинтересовался Иллюзионист, подвигая его к бывшему ученику, — случайно не так?

Господин Гирен уставился на хорошо знакомую мыслеграфию Таши в арпагенском дворце.

— Знаешь, — продолжил Мастер, — вот увидел тебя, и почему-то вспомнил эту статью. Потом, пораскинув мозгами, подумал — где одна приёмная внучка, там и две. Учитывая же, что папеньку Ищущей господ Норманов зовут Аронделем...

— Интуиция, чтоб её демоны взяли, — пробормотал старик. Вздохнул. — Всегда, мхм, завидовал тем, кто ей одарён.

— Ничего не поделаешь. Кому-то от Богини досталась, кому-то нет. — Иллюзионист перевёл взгляд на амадэя. — И давно вы её ищите?

— С сегодняшнего дня, — спокойно ответил Арон. — Она уехала из дома шесть дней назад, и с тех пор мы не получали от неё никаких вестей.

— Что же так плохо?

— Есть причины.

— О которых мне расскажут позже, полагаю. И почему вы отправились на поиски только сейчас?

— Тоже есть причины.

— Попрошу всё же поведать, какие. И первые, и вторые.

Арон сцепил лежащие на столе ладони в замок.

— У нас в деревне началась эпидемия. Я, как целитель, должен был оставаться там.

— Понимаю, — просто кивнул волшебник. — Положим, со второй причиной разобрались. А первая?

— Ташу преследует могущественный тёмный маг. — Амадэй смотрел Мастеру прямо в глаза. — Очень могущественный.

— Некромант? — голос волшебника стал деловитым.

— Да.

— Магистр?

Губы Арона тронула улыбка:

— Был бы им, если б вздумал заявиться в Гильдию Магов.

— Какой уровень ему доступен, не знаете?

— Знаю. Десятый.

Мастер Иллюзионист очень хорошо владел собой; во всяком случае, рассмеялся он абсолютно непринуждённо.

— Вы сами прекрасно знаете, что этого не может быть.

— Я не могу сейчас рассказать всего. Это долгая история. Но, поверьте мне, это так, — голос Арона звучал ровно. — Ташин враг — бессмертный некромант. Самый могущественный тёмный маг из ныне живущих. Он — мой названный брат. Когда-то я причинил ему боль, и с тех пор его жизнь посвящена мщению. Ради этого мщения он уже не первый раз затевает со мной... игры. Игры в живых людей. На сей раз его... наша, — слово далось ему с огромным усилием, — игрушка — Таша. И ставка — она же.

Волшебник уже не смеялся.

— И насколько серьёзны эти ваши игры?

— Эта началась с того, что он убил Ташину мать и похитил сестру. Лив.

Иллюзионист присвистнул: казалось, для того, чтобы скрыть истинные эмоции.

— А правила есть?

— Определённо. Но мне они никогда не известны. Я знаю, что гибели Таши Лиар не допустит. Моей, пока не сочтёт мечь достаточной — тоже. Число остальных жертв его не волнует.

— И вы думаете, что это...

— Продолжение игры. Да. — Взгляд амадэя — сейчас зелёный — был печален. — Он спрятал её, и мы не можем её найти. Он сделает всё, чтобы не позволить ей найти нас. Мы с Гиреном бессильны. Теперь вся надежда на вас.

Мастер задумчиво водил пальцами по новостному листку, по граням, что недавно складывали бумажный кораблик.

— Норманы невиновны, верно?

— Да.

— А тот, кто организовал покушение...

— Нет, это не Лиар. Но покушение входило в его планы.

— И вы знаете, кто истинный зодчий?

— Да. Мы оба хорошо её знаем. Завтра Таша окажется у неё.

— У неё?

— Это женщина. Тоже некромант, чуть менее могущественная, чем Лиар.

— Тоже... десятый уровень?

— Да.

— Чудовищно сложно поверить в правдивость всего этого. — Мастер смотрел на лицо Арона, но говорил в пустоту. — Хотя Интуиция редко меня обманывает... к тому же после мы проверим ваш рассказ более надёжным способом. — Он сощурился, словно наконец увидев того, на кого смотрел. — А вы сами, случаем, не десятый уровень?

— Нет. Я не маг.

— И то радуется.

— Я всего-навсего самый могущественный телепат и целитель из ныне живущих.

— Похвальная самоуверенность, — в голосе Иллюзиониста вновь зазвучал смех. — Впрочем, мои коллеги помогут мне рассудить, что за ней стоит. Особенно любопытствует Странник, думаю. — Он отстранённо сомкнул ладони, переплетя тонкие пальцы. — Значит, если мы спасём вашу дочь, то найдём того, кто покушался на жизнь Его Величества.

— И лишь по причине того, что это отчасти в ваших интересах, я решился просить помощи у Мастеров Адамантской Школы.

— Отчасти потому, что это в наших интересах, я и сказал, что могу помочь. — Иллюзионист поднялся из-за стола. — Ужин вам сейчас принесут. Надеюсь, не обессудите, что я ещё раз накормил бедных странников?

— Лучше скажи, где и когда встречаемся, — напомнил господин Гирен. — Мхм.

— У входа на территорию Школы. Завтра, в девять утра. — Мастер взглянул в окно, покрытое тонкой вязью инея, за которым студила улицы морозная зимняя ночь. — Что ж, надеюсь, мои коллеги отнесутся ко всему этому с пониманием. В конце концов, священный долг Шестерых — спасти Ищущую, напавшую на след убийцы нашего величества... и мою единственную родственницу по совместительству.

* * *

Она идёт по берегу Лариэта. Тёплые волны лижут босые ноги, ласковый ветер путает волосы; вокруг зелень трав, синева вод, лазурь неба — палитра лета во всей её восхитительной яркости.

Наверное, она возвращается домой. Она не помнит. Её что-то тревожит; что-то неопределённое, вязкое, неотступное...

— Ты опять от меня убегаешь.

Странно, но отчего-то его голос её не пугает. Просто заставляет обернуться, посмотрев на фигуру в чёрном: Палач сидит у самой воды, держа в ладони горсть светлой озёрной гальки. Глубокий капюшон укрывает лицо непроницаемой тенью, оставляя открытым лишь гладкий подбородок да бледные, чуть улыбающиеся губы.

— Я победила тебя. Тогда, летом, я тебя победила. Почему ты не оставишь меня в покое?

— Потому что ты победила. — Он берёт правой рукой один из камней, которые держит в левой — и, метнув в воду, смотрит, как тот лягушкой скачет по зеркальной поверхности. — Играть с победителями куда интереснее.

Таша тоже смотрит, как камушек прыгает по воде, оставляя за собой череду кругов. Вперёд, и ещё, и ещё... к противоположному берегу, едва видимому вдаль: даже не думая останавливаться и тонуть, складывая бесконечную цепочку расходящейся ряби.

— Это сон?

— Да. Ты спишь. И я сотворил этот сон. — Он не смотрит на неё, но улыбается. — Нравится?

— Без тебя было бы лучше.

— Ты же вроде во всех можешь найти положительные черты. — Его улыбку окрашивает ирония: явно больше над собой, чем над ней. — Неужели тебе не жаль меня, бедного, несчастного, одинокого?

— Ты просто жестокий эгоцентричный пакостник. Ребёнок, которому не досталась игрушка. Игрушка, которая потом сломалась по твоей вине. Но раз она не досталась тебе, надо отомстить тому, кто посмел завладеть ею вместо тебя.

Улыбка гаснет на его губах.

— Вот как. Значит, Арон поведал тебе свою трогательную историю?

— Поведал. — Она подходит ближе, без страха глядя на него сверху вниз. — Люди амадэям не игрушки... Лиар.

— Из амадэев не я первым об этом забыл. — Он поворачивает голову, и она чувствует его невидимый взгляд на своём лице. — Никогда не слышала сказку о том, как колдун и волшебник шли на свидание?

— Нет.

— Она была в большом ходу у учеников обеих Школ. В своё время. — Амадэй кидает ещё один камень: почти без замаха, но тот всё равно послушно скачет по синему, ирреально-синему зеркалу вод. — Однажды колдун и волшебник назначили своим возлюбленным свидание на городской площади.

Колдун вышел из дома заранее, так что не преминул дорогой чуть-чуть задержаться, когда ему встретилась старушка, тащившая корзинку с едой... чтобы наложить на её ношу заклятье утяжеления, дабы с каждым шагом старушки та прибавляла в весе.

Она тоже присаживается на гальку, чуть поодаль от него. Сидеть почти рядом с врагом было забавно; но, в конце концов, во сне он ей ничего не сделает.

— Зачем?

— Просто так. Забавы ради. И поэтому же он испортил ось у телеги, которая ехала ему

навстречу с грузом пивных бочек. И поэтому же проклял все фрукты на прилавке одного лавочника, чтобы те на глазах начали портиться. Может, эти люди не так на него посмотрели, но не более. И всё это не помешало колдуну прийти на встречу вовремя и провести незабываемый вечер с девушкой, которая вскоре стала его женой.

Таша пристально вглядывается в его лицо, укрытое тьмой капюшона. Эта тьма надёжно прятала верхнюю часть, — но Таше и так видно и отсутствие шрамов на его щеке, и то, что черты его куда тоньше, чем у фальшивого тела, в котором Палач являлся ей летом. Чувственные губы и благородную линию подбородка, тяжёлого и вместе с тем изящного, она и вовсе могла бы назвать красивыми... не знай она, кому они принадлежат. В них чудилось что-то смутно знакомое, но трудно было судить, не видя лица целиком.

Интересно, это его истинный облик — или просто ещё одна маска?..

— А волшебник? — щурясь, спрашивает она.

— Его до самого выхода занимали важные и, конечно же, добрые дела. Когда он выскочил из дома, времени у него оставалось впритык, однако он не смог пройти мимо старушки, плачущей посреди улицы рядом с неподъёмной корзиной. В итоге волшебник не только снял заклятие, но и помог бедняжке донести корзину до дома. И когда на его глазах телега с бочками начала трещать по швам, угрожая раскатить свой груз по всей улице, он удержал её от крушения и успешно починил. И когда он услышал причитания лавочника, то снова задержался, чтобы снять проклятие с товара и спасти лавочку от разорения. Да только всё это заняло у него слишком много времени, и на свидание волшебник безнадёжно опоздал, а его капризная возлюбленная удалилась за минуту до того, как наш взмыленный добряк вбежал на площадь. Впоследствии волшебник так и не женился, ибо не мог забыть девушку, которую любил и так глупо потерял... к сожалению, к моменту расставания он ещё не успел понять, что его зазноба его недостойна, а призрак несбывшихся надежд способен терзать нас бесконечно.

— И какова же мораль этой истории?

— А морали нет, девочка моя. Это правда жизни. Ты либо идёшь по головам и живёшь долго и счастливо, либо пытаешься всем помочь и никого не обидеть, но теряешь всякое право на личное благополучие. И я рад, что существует религия, которая обещает хорошим людям хорошую жизнь хотя бы после смерти: иначе очень для многих быть хорошим человеком не было бы никакого резона.

— Это извращённая правда жизни. Моя правда совсем другая.

— У каждого своя правда. И ты не вправе осуждать другого за то, что его правда отличается от твоей. — Он встаёт, и Таша поднимается следом: он и так выше неё, но она не могла позволить ему быть настолько выше. — Для меня мрак — то, что я есть. Разве я был злым? Разве во мне жило больше тьмы, чем в тех, кто стал моими братьями и сёстрами? Но мне сказали быть тьмой, и я стал ей, и это сделалось моей правдой.

— Ты призываешь не осуждать зло?

— Разве является злом нож, яд или пропасть? Быть злым значит делать сознательный выбор в пользу зла. Зло есть рука, сжимающая нож. Рука, подливающая яд в чашу. Рука, толкающая человека в пропасть. Но мне выбора не оставили.

— У тебя был выбор. Когда вас свергли. Когда ты перестал быть Палачом.

Он смеётся, негромко и коротко; в этом смешке ей слышится ответ, который он никогда не выскажет ей, всё равно неспособной понять.

— Ты жила светлой девочкой всего шестнадцать лет, но боишься шагнуть на тёмную тропинку, чтобы не потерять себя. Я жил тьмой века, и терять себя не хочется никому.

— Между тьмой и светом огромная разница.

— Две стороны одной медали. Тьма не всегда зло, равно как и свет не всегда добро. Огонь и солнце даруют жизнь, но они же могут сжечь тебя дотла. Ночь пробуждает чудовищ, но она же дарит людям покой и отдых от праведных трудов.

И она ощущает то же, что уже чувствовала летом: как его слова проникают в душу и разум, ищут лазейки сомнений, вкрадчиво нашептывают, что его кривая, извращённая правда имеет право на существование...

В их духовном поединке на Равнине она победила лишь слепой верой в свет, родившейся из тьмы глубочайшего отчаяния. Стоит задуматься о том, во что она верит — и она поймёт, что слишком многое в этом мире неоднозначно и спорно, и ей останется лишь отринуть все колебания и следовать собственным догмам. Его же вера была подкреплена логикой, жёсткой, как броня. Ни одного уязвимого места. Её нельзя было пробить — лишь смять целиком, вместе со всем, что за ней скрывалось; но сейчас они не на Равнине, и таких сил в ней нет...

— Смотрю, испортил тебе настроение. Прости. — Он улыбается: пугающе человечно, с ноткой печального тепла, которое ей так странно видеть на его лице. — Твои беседы со мной вечно оканчиваются не тем, чем хотелось бы.

— Хотя это идёт не по твоему плану.

— И поэтому с тобой так интересно.

Он отводит руку в сторону и разжимает ладонь, — озеро с тихим плеском принимает в себя падающую гальку; и этой же ладонью успеваает перехватить её руку, когда она одним прыжком сокращает разделявшее их расстояние и тянется к его капюшону.

— Тебе так важно это знать? — бесстрастно спрашивает он, когда его пальцы окольцовывают её запястья. Она пытается вырваться — тщетно; и в итоге просто застывает, почти прижавшись к нему, вскинув голову с достоинством и вызовом.

— Никогда не слышал, что врага нужно знать в лицо?

Он снова смеётся, не улыбаясь. Тихим, с капелькой горечи смехом, который ей тоже невероятно странно слышать из его уст. На таком расстоянии, когда её сжатая в кулак ладонь почти касается его щеки, она должна была бы разглядеть хоть что-то — но вместо его глаз, носа, лба видит один лишь непроницаемый мрак; наверное, условность сна, предусмотренная его творцом.

— Я не враг тебе. Ты поймёшь это... однажды.

Когда его большой палец скользит по тыльной стороне её ладони — лаской столь лёгкой и короткой, что её можно принять за случайное движение, — её глаза ширятся в изумлении.

— Ты увидишь моё лицо. Ты узнаешь, кто я. В своё время. Обещаю. — Она не может видеть его глаз, но знает, что он смотрит на неё пристальнее, чем когда-либо. — А теперь тебе пора просыпаться, не то пропустишь нечто интересное.

Память услужливо выдаёт последние воспоминания.

— Просыпаться... Но я ведь...

Но небо, озеро и зелёные холмы уже растворяются в тёмной мгле, а потом...

А потом Таша поняла, что смотрит в темноту, чуть рассеянную лунными лучами, лёжа в знакомой кровати с балдахином.

Она в своей комнате. В штанах и рубашке, зато босая. И уже ночь... и вроде бы все воспоминания на месте. Или она просто не понимает, чего лишилась? Но нет, она ведь помнит и о «процедуре», и о пытке, которой её подвергли, и...

Таша внезапно осознала, что темноту рассеивают вовсе не лунные лучи. На потолке играли странные блики; и, взглянув туда, где мог находиться источник света, она увидела бабочку.

Она была полупрозрачной, сотканной из тончайших нитей голубого света. Бабочка кружила под люстрой, оставляя за собой шлейф мерцающих искр, — но когда Таша села в постели, пытливо вглядываясь в волшебное создание, неожиданно снизилась и подлетела ближе. Таша протянула руку, и бабочка села на её подставленную ладонь, едва ощутимо кольнув кожу холодом призрачных лапок.

— И что ты такое?..

Словно отвечая на её озадаченный вопрос, бабочка взмахнула широкими крыльями, снова взлетая. Зачем-то сделала круг у Ташиного запястья. Порхнула к двери, — и в воздухе проявилась неощутимая серебристая нить, будто сотканная из лунных лучей: она

обхватывала Ташину кисть и тянулась к бабочке, уже вылетевшей из комнаты прямо сквозь дерево.

— Эй, постой! Подожди!

Таша рывком вскочила. Следуя за нитью, дрожавшей в воздухе на уровне её опущенной руки — казалось, с каждым Ташиным шагом она сокращается так, чтобы оставаться натянутой, — вышла в гостиную, неслышно ступая босыми ногами по пушистому ковру. Бабочки там уже не было, и лишь путеводная нить тянулась в коридор, снова проходя сквозь дверь.

Всё это было странно и весьма подозрительно. Даже для Таши, которая уже отвыкла чему-либо удивляться. Однако почему-то в её душе не нашлось места ни подозрениям, ни страху; может, потому что она знала, что в штаб-квартире ей ничего не грозит — а, может, потому что не понимала толком, бодрствует она или всё ещё спит.

И, как бы там ни было, Таша огляделась, прислушалась — и, убедившись, что никто не собирается ей мешать, двинулась следом за лунной бабочкой.

Она долго шла за нитью, уводившей в ночь и тишину. Спустившись на первый этаж, увидела, что нить исчезает в золочёном дереве массивных двустворчатых дверей: они вели в зал для торжественных приёмов. Взявшись за дверную ручку, Таша приоткрыла щёлку, достаточную, чтобы проскользнуть внутрь — и оказалась в темноте. Нить светилась, но ничего не освещала; она вела к центру зала, туда, где Таша наконец снова увидела бабочку, сидевшую на чём-то незримом.

Прежде, чем глаза успели привыкнуть к царящему вокруг мраку — портьеры на высоких окнах раздвинулись, заливая зал лунным серебром.

— Всё же проснулась, — заметил Алексас, державший бабочку на ладони. — И пришла.

Бабочка сложила крылья — и исчезла, оставив лишь нить, которую Алексас теперь держал в руке.

— Интересный фокус, — сказала Таша, приблизившись.

Её рыцарь, улыбнувшись, разжал пальцы. Узел на её кисти развязался сам собой, и лунная нить полетела вниз: чтобы, не коснувшись паркета, раствориться в воздухе.

— Надеюсь, не напугал.

— Чем?

— Ты должна без особого одобрения относиться к тем, кто пытается дёргать тебя за ниточки.

Таша задумчиво склонила голову.

Забавно. По уму ей бы и правда стоило испугаться... но то, что делал Алексас, не вызвало у неё никаких ассоциаций с тем, кого она оставила в своём сне. Наверное, потому что и бабочка, и нить, и тот, кто их создал — были слишком чудесными, чтобы напоминать о том, кто делал явью её кошмары.

— Смотри, кто и для чего дёргает. Сперва скажи, зачем ты выдернул меня из постели посреди ночи, а я уже решу, как к этому относиться.

— Кто-то обещал мне танец, если мы доживём до ближайшего бала.

Таша оглядела просторный зал с колоннами и люстрой, колко сиявшей хрусталём под потолком.

— И где же бал?

Алексас щёлкнул пальцами.

— Для нас одних — тебя устроит?

Музыка возникла из ниоткуда. Казалось, где-то завели музыкальную шкатулку; мелодия была механически ритмичной, она звенела нежными переливами колокольчиков, высокими и искристыми, — с таким звуком могли бы мерцать звёзды.

— Подарите мне тур вальса, моя королева?

Алексас сопровождал слова лёгкой улыбкой и лёгким поклоном — и вместо ответа Таша шагнула ему навстречу. Шагу сопутствовал странный шелест; опустив взгляд, она удивлённо воззрилась на юбку, возникшую на ней вместо штанов — произведение швейного искусства из чёрных кружев.

— Иллюзия, — уже не спрашивая, Алексас взял её за руку и привлёк к себе; его обыденную рубашку тоже сменил бархатный, чёрный с серебром камзол. — Надеюсь, помнишь вальсовую позицию?

Таша фыркнула. Отчасти для того, чтобы скрыть смущение: прикосновения Алексаса — легко сжавшего её пальцы, положившего ладонь на её спину, — отчего-то бросило её в жар. Это было тем более странно, что он касался её далеко не впервые, — но приятное волнение, сейчас горячившее её кровь, до сего момента было Таше в принципе незнакомо

Её свободная рука будто сама легла на его плечо.

— Что произошло? — спросила она, когда он повёл её в танце: пытаюсь отвлечься от непривычности ощущения, разливающегося под кожей. — Днём, когда мне пытались изменить память?

— Я прервал процедуру, и ты отключилась. — Кружа её по тёмному залу, Алексас чуть

склонил голову набок. — Наши сообщники здорово разозлились, но согласились с моими доводами, так как они же являлись доводами разума. Сломать тот блок, что защищает тебя, всё равно невозможно.

В растерянности она даже задела босым мыском его ногу.

— Ты... прервал процедуру? Но Ларон и Герланд... Найдж тоже пытался их остановить, но...

— Я не дам тебя в обиду, забыла? — он чуть сощурился, очередным поворотом увлекая её за собой. — Ты давно не танцевала. Не думай о ногах, не думай о том, о чём тебе не хочется думать. Расслабься. Позволь мне вести тебя.

Она тяжело, почти судорожно вдохнула. Вслушалась в мелодию, звеневшую в вальсовом ритме — вспоминая полузабытое чувство, доверяясь рукам, которые держали её с чарующей властью, так крепко и бережно... и ощутила, как босые ноги порхают сами, почти не касаясь пола.

Алексас делал всё, что нужно. За неё, оставляя ей только полёт. И, глядя в его глаза, — Таша понимала, что летать можно и без крыльев.

Она запрокинула голову кверху, посмотрев на хрусталь, серебрившийся под потолком лунными отблесками.

— Я не знаю... — слова, слетавшие с губ, вплетались в звёздное кружево звуков, — не знаю, не сплю ли я всё ещё на самом деле.

— Но если спишь, это хороший сон?

Темнота пустого зала вокруг мерцала и расплывалась, казалось, тоже летела в вальсе. Таша теряла счёт времени и поворотам, и голова шла кругом, — и причиной тому было не только кружение танца.

— Очень.

Он и в вальсе вёл её за собой, как по жизни. Легко, уверенно и изящно, не требуя взамен ничего, кроме доверия. А ведь в предыдущем сне она тоже оставила того, кто повязал её незримыми нитями, и он тоже подарил ей сон; но сколь велика разница между тем сном и этим, между руками, державшими её у озера — и теми, что обнимают её сейчас...

— Тогда главное, чтобы ты помнила его, когда проснёшься.

Мелодия уже звенела едва слышно, едва уловимо, тая, как ночная дымка за окном. Когда музыка растворилась в тишине, так же, как до этого пришла из неё — они, замедлив движение, замерли, точно фигурки в шкатулке, у которой кончился завод; и, отпустив Ташину руку, Алексас отступил на шаг, позволив ей наконец ощутить пол, больше не уходящий из-под ног.

Заставив испытать острое, болезненное сожаление, что этот танец не мог длиться вечно.

— Благодарю, моя королева.

В ответ на его поклон она молча присела в реверансе. Правда, когда захотела придержать пальцами юбку, выяснилось, что придерживать нечего: чудо возникло на несколько зыбких минут и исчезло — как музыка, как танец, как сияющая бабочка, что привела её сюда. Медленно выпрямилась, взглянув на того, кто стоял напротив.

В простых штанах и чёрной рубашке её рыцарь выглядел ничуть не хуже, чем в бархате и серебре.

— Спасибо, — тихо сказала Таша.

И по его улыбке поняла — он расслышал в этом «спасибо» всё, что ей хотелось сказать.

Спасибо за минуты вальса во тьме. Спасибо за то, что он не даёт её в обиду. Спасибо за то, что он рядом: единственный, для кого она — это она, а не разменная монета и не фигура в чьих-то играх; фигура, до боли и страданий которой никому нет дела, фигура, которой в крайнем случае всегда можно пожертвовать.

Спасибо за... просто спасибо.

Просто за то, что он есть.

— И что дальше? — помолчав, спросила она. — Раз не вышло изменить мою память...

— Мы закроем её. Так, чтобы твои мысли просто никто не смог прочесть. Да, это вызовет больше подозрений, но это ничего не изменит. Расчёт по-прежнему на твоё актёрское мастерство... и на то, что «Рассвет» захочет поиграть с тобой, прежде чем съесть.

— И что кто-то из двух амадэев придёт мне на выручку?

— Да.

— И дальше будет только хуже?

— Боюсь, да.

Её нос опустился почти неосознанно.

До этого её жизни угрожало многое — но, откровенно говоря, в действительности её смерти мало кто хотел. Чаще, напротив, даже очень не хотели. Ставкой в игре, которая начнётся завтра, станет её жизнь; и с завтрашнего дня окружающие не будут думать дважды, прежде чем убить её.

И не только её.

Алексас кончиком пальца пощекотал её подбородок, заставив вскинуть голову:

— Не грустите, моя королева. Всё будет хорошо.

— Если я не справлюсь, тебя тоже убьют. Ты это понимаешь?

— Если кто-то захочет убить тебя, ему предстоит иметь дело со мной. И это мой выбор. — Он взял её за плечи; взгляд его был очень серьёзен. — Если мне придётся выбирать между тобой и кем бы то ни было — я выберу тебя. Если мне придётся выбирать между твоей жизнью и жизнью кого бы то ни было — я выберу твою. Я всегда буду выбирать тебя. Я всегда буду рядом. Что бы ни случилось, где бы ты ни была, ты никогда не будешь одна. И я смогу тебя защитить.

Она чувствовала тепло его пальцев и тепло его дыхания — согревавшее кожу и сердце, отзывавшееся теплом в ней самой.

— Алексас, ты не...

— Я. Смогу. Пока я дышу, я никому не позволю тебе навредить. Ты ведь веришь мне?

Она, колеблясь, смотрела в его лицо.

Никто не может защитить её от амадэя. Никто. Даже другой амадэй, который пытался и — она знала — будет пытаться это сделать.

Но ей так хотелось верить его уверенности...

— Верю, — глядя ему в глаза, твёрдо вымолвила Таша.

Она ожидала в ответ улыбку, но он не улыбнулся. Просто взял её ладонь в свои, сжав обеими руками — и прижал её пальцы к губам, долгим поцелуем коснувшись костяшки среднего. Развернув её ладонь, повторил поцелуй с внутренней стороны: прикрыв глаза, скользнув приоткрытыми губами по коже, прослеживая одну из глубоких линий, что её прочерчивали.

А Таша стояла, замерев, забывая дышать — слушая стук собственного сердца, с размеренного биения вдруг сорвавшегося на сумасшедший ритм.

С каждым ударом всё больше уверяясь в том, что она спит.

— У вас длинная линия жизни, моя королева, — не открывая глаз, произнёс Алексас: с низкими проникновенными нотками и отзвуками неясной печали, выдохнув тихие слова в её ладонь. — Вы будете жить долго, и будете счастливы... однажды.

Она сумела сделать вдох, только когда он опустил её руку. Опустил, но не отпустил: переплёл свои пальцы с её пальцами — и повёл к выходу из зала.

— Пора заканчивать этот сон, — сказал он, пока двустворчатые двери распахивались перед ними; его голос вернул себе привычную громкость и привычный тембр. — Кому-то нужно видеть другие сны.

Таша молчала, даже когда двери, выпустив их, уже затворились.

Лишь на лестнице ощутив, как к ней возвращается и самообладание, и способность говорить.

— Алексас...

— Да?

Она слушала, как тёмное эхо шепчет вслед его шагам.

— Ты... когда-нибудь... подаришь мне такой же сон?

Слова с трудом сорвались с губ; и когда Таша услышала ответ — она пожалела, что всё же сорвались.

— Нет.

Одно короткое слово окатило её ледяной волной... но он оглянулся как раз в тот миг, когда Таша хотела остановиться.

С лукавой улыбкой в глазах, в ночи казавшихся темнее обычного.

— Подарю другой, — пообещал он, увлекая её наверх, крепко сжимая её пальцы. — Лучше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ШКОЛА ВОЛШЕБНИКОВ И ЕЁ ОБИТАТЕЛИ

Когда мужчина, старик и ребёнок приблизились ко входу в Адамантскую Школу, робкое солнце только начинало свой ежедневный небесный обход.

— Доброе утро. Что ж, час истины пробил, — шутливо заметил Иллюзионист. В ожидании гостей он прохаживался взад-вперёд у калитки; в рассветных лучах белая мантия Мастера светилась, словно снег в лунном сиянии. — Сейчас узнаем, достойны ли вы войти в Школу.

— Вы нас не пригласите? — подозрительно глядя на волшебника, спросила Лив.

А вдруг и в самом деле не пригласит? Из-за того, что в неё может вселиться брат дяди Арона?..

— Пригласить приглашу, но пройти смогут не все. В частности, подозрительные личности, странствующие разумом. — Иллюзионист по-мальчишески ей подмигнул, и Лив удивлённо распахнула глаза. — В Школе ты в полной безопасности, девочка. Никто не сможет проникнуть в твой разум... никто из тех, кого не пригласил один из Мастеров. — Он аккуратно приоткрыл калитку. — Итак. Я, Мастер Иллюзионист, позволяю вам войти.

Лив шмыгнула внутрь первой. Замерла.

Оглянулась, неуверенно посмотрев туда, где за стеной виднелись крыши жилых домов, оставшихся позади: желая убедиться, что калитка не перенесла её в совсем другое место.

Снаружи казалось, что стена не скрывает ничего интересного. Возможно, и вовсе ничего не скрывает. Лив было очень интересно, что представляет собой Школа; в её воображение это был высоченный замок с башенками, но если она даже не возвышалась над стеной...

Однако, как выяснилось, стена скрывала много очень даже интересного.

Белокаменная дорожка убегала вперёд, в дубовую рощу, шелестевшую летней зеленью; в рассветных лучах камни отливали перламутром. Невысокие деревья с раскидистыми ветвями шептались с ветром резной листвой, искрящейся на свету, точно её соткали из серебристых нитей. Сплошной купол, сплетённый кронами дубов, пропускал свет столь прихотливо, что Лив не сразу заметила господина Гирена, появившегося всего в шаге от неё. Где-то далеко выводили залиvistые трели птицы...

И здесь не было и намёка на зимний холод.

— Такие вот охранные чары, мхм. С той стороны стены видна лишь голая пустошь, заросшая бурьяном. А с этой... сама видишь, — заметив её восторг, высказался господин Гирен: с тщательно маскируемым теплом в голосе. — Нравится?

— Конечно! Здесь что, вечное лето?

— В этой части сада — да, — откликнулся Иллюзионист, выступив из тени с другой стороны. — А в остальных — зима, весна и осень. Хорошо в любое время иметь возможность полюбоваться цветущей вишней, сорвать свежее яблочко и слепить снеговика, правда?

— Это... какое-то волшебство!

— Это сотворил Ликбер. — Арон коснулся ладонью шершавой коры ближайшего дуба, тёплой, как кожа. — И его не зря называли Чудотворцем.

Мастер сощурился:

— Мне мерещится, или вы ностальгируете?

Амадэй в ответ чуть улыбнулся.

— Я так понимаю, нас ждёт Совет Шестерых?..

— Да. Вас — ждёт. — Волшебник взметнул мантией, устремившись вперёд по белой дорожке. — А вы, юная лэн, проведёте ближайшее время в приятной компании своих сверстниц.

— Меня не возьмут на Совет?! — вскинулась Лив, вприпрыжку торопясь следом. — Почему?

— Пусть неприятный гость, посещающий твою голову, не может проникнуть сюда, но рано или поздно ты отсюда выйдешь. Нам не хотелось бы, чтобы он узнал, о чём мы говорили.

— Я бы вообще не брал тебя в Школу, — тихо заметил Арон, успокаивающе касаясь её макушки. — Но тогда бы он... разозлился. И не знаю, что бы он сделал с тобой... с твоим телом.

Лив горестно вздохнула.

— Ладно, если это поможет спасти Ташу...

Увидев то, что ждало их впереди, осеклась — и выскочила из рощи, восторженно озираясь.

Сама Школа не особо впечатляла. Если, конечно, ничем не примечательное здание в три этажа, белевшее в конце цветущей липовой аллеи, было Школой. Даже высокая скала позади неё, поросшая раскидистыми соснами, заслуживала больше внимания.

А вот деревья слева, усыпанные цветами и усыпавшие землю разноцветьем лепестков, и сугробы, искрившиеся рассветными красками справа, подле ледяного ручья с резным деревянным мостом-коромыслом, который явно использовали как горку — действительно производили впечатление.

— Как здорово! И здесь целая деревня может поместиться! — Лив пыталась задержать разбегающийся взгляд на чём-то одном, но получалось не очень. — Ваша Школа такая большая?

— Её территория велика. — Иллюзионист, щурясь, высматривал кого-то вдали. — А, вот и они.

Проследив за его взглядом, Лив увидела двух девчонок, бежавших по алее по направлению к ним. Приблизившись, они синхронно согнулись в поклоне: как заподозрила Лив, не только в знак почтения, но и от колик в боку.

— Доброе утро, Мастер, — выдохнули девочки хором.

— Доброе. — Иллюзионист радушно улыбнулся. — Лив, знакомься — Полетт и Дариана. Девочки, это Лив. На сегодняшнее утро она целиком в вашем распоряжении. Полагаю, вы не заставите нашу гостью скучать?

— Нет, Мастер, — выпрямившись, ответили те: снова в один голос, вызвав у Лив серьёзные сомнения в том, умеют ли они говорить по отдельности.

Девочки были немногим старше неё. Близняшки, похожие настолько, будто одну просто взяли и отразили в зеркале. Темнокудрые, зеленоглазые, с острыми лисьими носиками, и даже наряды одинаковые — простенькие платья чуть ниже колена, из жатого светлого хлопка.

— Не скучай, — с искренним добродушием пожелал Иллюзионист — и, жестом велел остальным следовать за ним, направился к Школе.

— Мы скоро, — мельком обернувшись, добавил Арон.

— И, мхм, не натвори ничего, — важно бросил через плечо господин Гирен.

Лив смотрела, как тройца удаляется по липовой аллее. Дождавшись, пока за ними закроются высокие двери резного дерева, повернулась к своим экскурсоводам, следившим за ней безо всякого выражения на одинаковых лицах.

Широко улыбнулась.

— У меня только один вопрос, — сказала она.

— Да? — ответили два голоса, слитые в один.

— Ничего, если я не буду называть вас по именам?

* * *

— И всё же поверить не могу, что ты у нас, оказывается, голубых кровей, — бурчал господин Гирен, отстукивая тростью ритм их шествия по широким, залитым солнцем коридорам Школы. Встречавшиеся им ученики кланялись Мастеру и с любопытством смотрели на его спутников: девочки и мальчики самых разных возрастов, но в одинаковых светлых платьях или робах. За стенами Школы Волшебников царило абсолютное равенство. Говорили, что в Камнестольнской Школе будущих колдунов учат другому — тому, что люди по природе своей неравны, а раз так, то слабому надо помочь упасть; но в Адаманте не делали различий между будущими князьями и детьми простолюдинов из глухих деревенок.

— Считаю, уже нет, — пожал плечами Иллюзионист. — При посвящении в Мастера мы отрекаемся от наших семей, ты же знаешь.

— И тебе, мхм, позволили это сделать?

— Почему нет? Я был младшим княжеским сыном. Титул всё равно наследовал мой брат, и ко времени моего посвящения он уже был женат и обеспечил род Морли наследником.

— Но теперь, мхм, вы с Ташей последние представители...

— Она. — Мастер отстранённо смотрел вперёд. — Я не Морли вот уже шестьдесят лет.

Глядя на его лицо, Арон улыбнулся чему-то.

— Ваш учитель умер рано. Гораздо раньше, чем должно, — мягко, будто невзначай заметил амадэй. — И делать Мастером столь молодого волшебника, как вы, действительно было рискованным шагом. Я могу понять тех ваших коллег, что были против этого... но, полагаю, они давно уже убедились: ваш учитель сделала правильный выбор.

Иллюзионист покосился на него с лёгким удивлением.

— А вы и в самом деле недурны в своём деле, как я посмотрю, — констатировал Мастер.

— Моя святая обязанность.

— А тот, кто нам противостоит...

— Нет, он этим даром не владеет.

— Но ведь есть ещё такие, как вы?

— Да. Одна Зрящая ещё жива. Однако она давным-давно спряталась, очень далеко и надёжно... и, как я понимаю, заканчивать одностороннюю игру в прятки пока не намерена.

— Будем надеяться. Если б она выступила против нас, это было бы... печально. — Мастер остановился: коридор упёрся в стену, где на светлом камне барельефом красовался цветок, похожий на лилию с семью лепестками. — А теперь, святой отец, вы ступите туда, где все разговоры остаются в пределах четырёх стен.

— Мхм, — буркнул господин Гирен.

— Фигурально выражаясь, — согласился Иллюзионист. — Вход посторонним на Совет Шестерых разрешён лишь в исключительных случаях.

— Я знаю, — сказал Арон.

— Я знаю, что вы знаете. Но я хочу, чтобы вы поняли...

— Что вы и ваши коллеги прекрасно осознаёте всю исключительность и серьёзность сложившейся ситуации?

На губах Иллюзиониста мелькнул призрак улыбки.

— Да, — сказал он, поднимая руку. Аккуратно постучал костяшками пальцев о белый камень. — Всё же вы демонски хороши в своём деле.

В ответ на стук полукруглая дверь, которой ещё миг назад не было в сплошной стене, дрогнула. Проявившись до конца, беззвучно отворилась.

— Добро пожаловать в Круглую Залу Адамантской Школы. — Иллюзионист отступил в сторону. — После вас.

Арон шагнул вперёд первым. Скользнул взглядом по деревянным стенам, образовывавшим небольшой круглый зал. Задержал этот взгляд на белом, словно кость, стволе дерева, росшего посредине; перевёл выше, на древесную крону, образовавшую потолок — золотые, в форме звёзд листья смыкались так плотно, что во время дождя ни одна капля не упала бы на тех, кто находился под ними. Сделал пару шагов по мягкой траве к мелкому ручейку, пересекавшему зал от одного края до другого.

Чуть склонил голову: перед теми пятью в белом, что сидели у ручья в плетёных креслах, расставленных так, чтобы они образовали собою ровный круг.

— Моё почтение, Хранители Даров Кристалли, — молвил амадэй. Вскинул глаза к потолку — серые радужки его заиграли золотыми отблесками, — и улыбнулся. — Давно я здесь не был.

* * *

— Значит, вы все живёте в этом крыле? — поинтересовалась Лив, пока её провожатые вели её за собой к скале; стоило Лив вежливо высказать, что скала, возвышавшаяся над Школой, выглядит весьма симпатично, как её тут же поволокли туда — и помимо того, что скала называется Драконьей, успели сообщить кучу всего другого. — А комнат хватает?

— Учеников не слишком много, и в Школе всё устроено так...

— ...что места всегда хватает всем, и в классах тоже...

— ...и все помещения могут увеличиваться или уменьшаться...

— ...а иногда и вовсе появляются новые там, где их раньше не было...

— ...и Большой Зал меняется в зависимости от того, что в нём устраивают...

— ...и вообще, в конце концов, — хором закончили близняшки, — это же Адамантская Школа Волшебников!

Лив не сразу привыкла к интересной манере говорить, присущей её новым знакомым. Но всё же привыкла. Впрочем, она предпочла бы других экскурсоводов: хотя бы потому, что спустя некоторое время общения с близняшками начинало казаться, что на самом деле девочка перед тобой всего одна, — просто у тебя двоится в глазах.

— А почему эта ваша скала называется Драконьей? — спросила Лив, косясь на жилое крыло, мимо которого они шли.

Нет, совсем не так она представляла себе знаменитую Школу Волшебников. Думала, это будет величественный и мрачный замок, а вместо него — белокаменный особняк, не слишком большой, уютный с виду...

— Потому что там...

— ...живёт дракон.

— Дракон?!

— Дракон, — снисходительным хором подтвердили близняшки. — Самый обыкновенный.

Лив во все глаза смотрела на приближавшуюся скалу: к её вершине серпантинном вилась узкая тропка, окружённая странным каменным карнизом.

— Но драконы же в Долине больше не живут! Когда-то жили, а сейчас... они ведь давным-давно все в горы улетели!

— А этот живёт! Его историю...

— ...все знают! Её рассказывают...

— ...как только ты приходишь в Школу!

— Да, но я не из Школы, — напомнила Лив.

Шествуя по зелёному травяному ковру — здешняя трава напоминала Лив мятный мармелад, так и тянуло сорвать и попробовать на вкус, — близняшки глубокомысленно переглянулись.

— Точно, — спето признались они.

Лив стоически возвела глаза к небу, но её провожатые уже завели пространный рассказ.

Когда они приблизились к скале, отделённой от Школы кленовой рощицей, начало истории стало Лив более-менее ясно. Когда-то школьный дракон мирно жил в горах со

своими сородичами, но лет двадцать назад одному нехорошему волшебнику для его экспериментов понадобилось драконье сердце.

— Но волшебники же хорошие! — изумилась Лив. — Это колдуны злые, а волшебники... они не убивают драконов!

— Это ты так думаешь, — хором заявили близняшки.

Лив, недоверчиво фыркнув, отшвырнула миском сапога подвернувшийся под ногу камушек; они уже поднимались по тропе, вившейся по скале между невысокими сосенками, тепло пахнувшими смолой и хвоей. Слетев с края скалы, камень — к удивлению Лив — не полетел вниз, а завис в воздухе, среди других камней, окруживших обрыв узким карнизом. Опять магия! Должно быть, Мастера понимали, что запрещать ученикам лазать на Драконью Скалу бесполезно, а потому их безопасность — во избежание случайных падений — обеспечили по-другому.

Правда, ещё оставался сам дракон...

— И что было дальше? — поинтересовалась Лив, протягивая руку, чтобы коснуться кончиками пальцев ежистой ветки сосны, нависавшей над самой тропой.

Дальше, как выяснилось, волшебник отправился в горы и разыскал там того самого дракона, который теперь обитал на Скале: он был из Багровых драконов, а те всегда охотнее других шли на контакт с людьми. Иные Багровые драконы даже соглашались принять волшебников как своих всадников, служа им, словно боевые кони... но это было давно, и вообще сейчас не об этом, да!

Итак, волшебник приманил дракона, и вожделенное сердце было почти уже у него в руках, однако он не учёл одного: того, что дракон не особо горел желанием с этим сердцем расставаться.

— Ещё бы, — фыркнула Лив, мельком оглядываясь через плечо; Школа расстилалась прямо под ними, и её удивило лиственное пятно, золотившееся посреди красной черепичной крыши основного корпуса. — Он самоубийца был, тот волшебник! Разве непонятно, что дракона не победить?

— Победить можно, если ты...

— ...очень сильный! Драконов убивали, и не раз, а этот волшебник...

— ...был совсем не слабым, и жертву выбрал правильно: Кес ведь...

— ...ещё молодой дракон, неопытный...

— ...по драконьим меркам — подросток...

— Кес? — уточнила Лив.

— Его зовут Кестрель, но все сокращают его имя до Кеса...

— ...хотя на самом деле у Кеса нет имени.

— Как... пуф... нет имени? У всех должно быть имя!

У Лив не сразу получилось задать этот вопрос: хоть они не прошли ещё и половины пути, но она уже немного запыхалась.

— У него есть имя, но оно драконье...

— ...а драконьи имена никому не известны, потому что...

— ...тот, кто узнает имя дракона, получит над ним власть...

— ...и имя дракона узнаёт лишь тот...

— ...кто становится его человеком!

— Что значит «его человеком»? — не поняла Лив.

— Как альвы предназначаются друг другу...

— ...так некоторые драконы предназначены человеку...

— ...а эти человеки, ой, люди — ему, и тогда дракон...

— ...как раз и позволяет им себя оседлать! Но это бывает...

— ...очень-очень редко: один дракон был предназначен Ликберу, а до этого...

— ...ещё только пара колдунов и волшебников удостоивались такого...

— ...и вообще, ты дальше слушать будешь...

— ...или так и будешь перебивать?

— Слушаю внимательно и чутко, — вздохнула Лив, позаимствовав излюбленное выражение Алексаса.

Оказывается, хоть Кес и одолел посягателя на своё сердце — тот выжил, но, если верить близняшкам, был обречён на всю жизнь спрятать лицо под маску, — однако волшебник тоже оказался не промах. На память об их встрече дракону остались израненные крылья, и раны были столь серьёзны, что Кес знал — они не заживут. Ему пришлось бы навсегда проститься с небом, а для дракона жизнь без полёта — не жизнь. Но когда он уже в отчаянии собрался уснуть и обратиться в скалу...

— Обратиться в скалу? — не выдержав, всё же снова спросила Лив.

— Каких-то драконов убивают колдуны...

— ...или другие драконы, но остальным...

— ...гарантирована вечность, которая рано или поздно...

— ...надоедает. И драконы, которые хотят умереть...

— ...садятся на какой-нибудь утёс, засыпают там навеки...

— ...и вскоре превращаются в скалу, и тогда дух их покидает тело...

— ...и отправляется к звёздам. Так ты дашь нам договорить...

— ...или нет?

— Молчу, молчу, — мрачно кивнула Лив: про себя отметив, что до вершины, слава Богине, осталось совсем чуть-чуть.

...и когда Кес уже собрался обратиться в скалу, его обнаружил другой волшебник. Вернее, колдун. Казалось бы, бери драконье сердце тёпленьким, но колдун нашёл дракону применение получше, чем оказаться пущенным на опыты. Он предложил Кесу сделку: колдун поможет ему исцелить крылья, если дракон покинет горы, отправится с ним в Долину и станет служить людям. Тот согласился, и колдун помог ему добраться до Адаманта. Там Кеса излечили Мастера — в обмен на клятву верности; а потом Его Величество приказал поселить дракона на территории Школы, и...

— А при чём тут Его Величество? — удивилась Лив.

— Потому что Шейлиреар показал ему Кеса и сказал...

— ...что дракон может сослужить хорошую службу короне...

— ...только Кес в Кровеснежную ночь даже из пещеры своей не вылез...

— ...потому что поклялся служить людям, а не конкретному королю!

— Шейлиреар? А он тут...

Лив запнулась, — когда мысли, щёлкнув кусочками паззла, сложились в уверенную догадку.

— Так этим колдуном... который нашёл умирающего дракона... был Шейлиреар Первый?..

— Он самый!

— И он показал вашего Кеса... покойному королю Ралендону, которого потом сверг... когда ещё служил ему?

Девочки не успели ответить: тропа сделала последний поворот, и все трое замерли на просторной каменистой площадке, с трёх сторон обрывававшейся в пустоту, а с четвёртой прятаящейся во тьму большой пещеры.

Впрочем, ответ и не был нужен.

— Пришли, — хором объявили близняшки.

И сама догадалась бы, фыркнула Лив, взглядываясь в разверзнутую чёрную пасть пещеры. Что скрывается внутри, она понять не могла: не видно было ни зги.

— Ке-ес! — дружно выкрикнули девочки.

«Эс, эс», — охотно подтвердило эхо.

В ожидании ответа Лив оглянулась через плечо, на оставленную внизу Школу и город; вообще любоваться видами ей было не свойственно, но тут она не могла удержаться. Белые дома, серебристая рамочка дубов вдоль стены Школы, а внутри — четыре квадрата: золотисто-красный, светло-цветочный, белоснежный и мятно-зелёный. И посреди всего этого — белое здание с золотым куполом...

И Драконья Скала.

— Его нет дома, — вынесли вердикт близняшки.

— Откуда вы знаете? Может, он не хочет выходить.

— Он любит говорить с нами!

— Что, прямо с вами двумя? — усомнилась Лив.

— Когда мы говорим «мы»...

— ...мы подразумеваем «школьники»!

— Потому что все мы — Хранители Даров Кристалли, — торжественным хором изрекли девочки, — и все мы — едины!

Звучит, как фраза из учебника, подумала Лив.

Впрочем, сказано было убедительно. Настолько убедительно, что у неё почему-то мурашки заколочились на спине.

— И что, придётся идти обратно? — спросила Лив, скрывая смущение.

— Не думаю, — мурлыкнули сверху в ответ.

Лив вздёрнула голову — и встретила взгляд огромных золотистых глаз с кошачьими щелками зрачков.

— Не меня случайно ищите? — обвив хвост вокруг вершины скалы, участливо поинтересовался дракон.

Когда он открывал пасть, видны становились ряды белых, величиной с детскую руку зубов.

— Привет, Кес, — хором ответили близняшки.

— Кто тут у нас? — дракон заинтересованно вытянул шею. — А, новенькая? Хорррошо...

Да он и правда мурлыкает, поняла потрясённая Лив, во все глаза разглядывая существо из сказок, которые читала ей на ночь мама.

Четыре лапы с зазубренными когтями. Чешуя насыщенно-багровая, как рубин: на хвосте не больше ладони, на груди — не меньше руки. Полупрозрачные перепончатые крылья, сейчас прижатые к телу. Широкая, слегка вытянутая морда, цепочка тёмных шипов, тянувшихся по драконьей спине ото лба до самого хвоста: на голове и продолговатой шее — маленькие и редкие, ближе к хвосту — с Лив размером, венчавшие пресловутый хвост шипастой «шишкой», похожей булаву.

— Отойдите, — промурлыкал Кестрель; близняшки торопливо оттащили Лив к краю площадки, и хозяин Драконьей Скалы почти бесшумно соскользнул вниз. — Пррредставьте нас друг другу?

Вырвавшись из рук провожатых, осмелевшая Лив шагнула вперёд:

— Меня Лив зовут.

Дракон был не таким уж большим, где-то с двухэтажный дом от лап до макушки, и выглядел удивительно изящно. В общем и в целом он напоминал поджарого котика-переростка.

Наверное, именно поэтому Лив поняла, что ни капельки его не боится.

— А как вас зовут, — продолжила она, с любопытством заглядывая в солнечные глаза, прежде чем сделать ещё один шаг, — я знаю.

Может, виной тому были драконьи глаза, завораживавшие жидким золотом,

плещущимся вокруг вертикальных зрачков, — но ей казалось, будто что-то толкает её в спину, приказывая подойти ближе. Близняшки взволнованно шептались за её спиной, однако Лив было всё равно: единственное, что сейчас имело значение — чешуя цвета осенней листвы, которой почему-то ей невероятно важно было коснуться.

Хозяин Драконьей Скалы, щурясь, следил за её приближением. Не двигаясь, ничего не говоря. Не робея, Лив беспрепятственно подошла к самой его морде, подняла руку, коснулась кончиками пальцев драконьего носа, сухого и тёплого...

Странный жар пробежал по руке, охватил всё тело — и мир поглотила вспышка золотого света.

Лив не понимала, стоит она, летит или падает куда-то: земля под ногами исчезла, и вокруг не осталось ничего, кроме солнечной пустоты. Она хотела, но не могла пошевелиться, — а сердце колотилось обезумевшей птицей, и в ушах откуда-то колокольным звоном гулко звучал стук другого сердца, ускорявшего удары, будто подлаживаясь под её собственное...

Краски реальности вернулись в тот миг, когда ритм двух сердцебиений слился в одно. Звон в ушах утих, окружающий мир вновь проступил сквозь потустороннее золото — совсем такой, как прежде... но Лив знала, что всё изменилось безвозвратно. И, глядя в драконьи глаза, столь же ошеломлённые, как её собственные, откуда-то отчётливо, пугающе ясно понимала: теперь её сердце бьётся, не подчиняясь ей одной.

Близняшки позади что-то кричали в восторженном ужасе. Лив снова не было до них никакого дела.

«Ты», — выдохнул дракон, не открывая пасти.

Его голос не звучал, а просто... возникал. Прямо в её сознании, минуя уши.

И когда Лив поняла, что всё это значит — её пальцы, всё ещё лежавшие на багряной чешуе, дрогнули.

«Так ты... мой дракон?» — без слов прошептала она.

* * *

— История, конечно, занимательная, — нарушил молчание первый из шестерых, когда повествование амадэя подошло к концу. — Но всё же...

— Слабо верится, что вам так долго удавалось скрываться даже от нас, — тихо закончил второй.

— И что, эти ваши Воины действительно так хороши в бою, как о них писали в

легендах? — хмуро уточнил третий.

— Меня больше интересует вопрос, вправду ли передо мной самый сильный целитель трёх Эпох, — рассудительно молвил четвёртый. — Позвольте как-нибудь взглянуть на вас в деле? Хотя да, тут нужен особо тяжёлый случай, а чтобы таковой подвернулся...

— Что касается телепатии, — негромко изрёк пятый, — могу сказать уверенно. Он действительно лучше меня.

— Так и знал, — горестно вздохнул шестой. — А так надеялся получить подтверждение, что даже меня чутьё порой подводит!..

Ожидая вердикта волшебников под куполом из золотых листьев, вплетающих шелестящие нотки в журчащую песнь ручья, — Арон, чуть склонив голову, обвёл взглядом круг Мастеров, каждый из которых давно уже занял одно из шести кресел под белым деревом.

Он не помнил никого из шестерых. Оно и немудрено.

Однако теперь знал всех.

Мастер Заклинатель. Первый наставник всех волшебников: тот, кто учит Магической Речи, слова которой способной изменять реальность. Учит, как подчинять Дар движению рук и губ, как призывать на помощь силы природных стихий, как чертить руны и произносить заклинания. Полный мужчина с залысинами на седой макушке, внушительном брюшком и внешне добродушной улыбкой.

Мастер Библиотекарь. Тоже один из первых учителей — тот, кто обеспечивает каждому выпускнику Школы прекрасное общее образование. Он отвечал за чтение, письменность, счёт, краеведение, историю и языкознание; не волшебные, но необходимые каждому предметы. Тихий молодой человек в очках, с тёмными кудрями и глазами — и эта темнота ещё более оттеняла его бледную, давно не выдавшую солнца кожу.

Мастер Мечник. Третий из тех, кого ученики знают с самого первого года, тот, кто развивает не ум, но тело. Даже девочки к окончанию Школы обязаны недурно фехтовать, что уж говорить о тех, кто выбирает специализацию «боевой маг»: сталь, подкреплённая заклятиями, в бою часто оказывается полезнее любых чар. Поджарый, точно гончая, хмурый мужчина с сединой в бороде, скрывавшей лишь малую часть шрамов на его лице, и длинными волосами, высеребренными ею же.

Мастер Зельевар. С ним знакомятся на втором году обучения; тот, кто учит дарить жизнь противоядиями, сыворотками и микстурами — и не учит, но рассказывает, что может её отнять. Яды в Школе Волшебников не варили, в отличие от Школы Колдунов, но их действия и состав заставляли зубрить, пока слова не начнут отскакивать от зубов. За учеников, выбравших специализацию «целитель», Зельевар мог лично поручиться даже перед королём: не подведут. Сухонький старичок с пышными усами, ухоженной бородкой и блестящей лысиной, любитель задавать вопросы, чтобы самому же на них отвечать.

Мастер Странник, с которым знакомятся на третьем году обучения. Учивший творить путевые заклятия и перемещаться в пространстве, а также заглядывать в чужие умы. Тем, кто к этому предрасположен, он рассказывал, как выпустить разум из клетки тела и взглянуть на мир глазами птицы или зверя — людей в качестве временного пристанища волшебникам использовать не дозволялось. Сдержанный темноволосый юноша с веснушками на строгом лице и странным, завораживавшими глазами цвета аметиста.

И Мастер Иллюзионист, последний. Ещё один Мастер, право познакомиться с которым ученики получают лишь с третьего года; который учит обманывать глаз и творить вещи осязаемые, слышимые, пугающе реалистичные — а на деле лишь воздух, которому придали форму несколько слов. Старый знакомый Вермиллион, когда-то Морли.

— То, что вы не слышали о нас, немудрено, — повторил Арон озвученное ранее. — Амадэям всё же доступны заклятия десятого уровня. Чары такой мощи, которые из людей мог творить лишь великий Ликбер.

— Приятно, что вы признаёте заслуги того, кто некогда вас сверг, — Заклинатель сказал это со смешком, но глаза его были жёсткими. — Знаете ли, то, что вы нам поведали, опровергает все наши представления о том, кто основал эту школу.

Арон лишь улыбнулся.

— Я не старался сделать свой рассказ удобным и приятным для вас. Я говорил правду, — заметил он. — А правда, как известно, порой оставляет после себя неприятный горький привкус.

Гирен сидел на своём тулупе, привалившись спиной к альвийскому дереву Иршен. Дерево это посадил ещё Ликбер, а ему семя дала сама Королева Лесная; белая кора походила на шёлк, и золотые листья, сплетавшие потолок зала, шептали что-то, в чём при желании можно было расслышать таинственные, неведомые доселе слова.

Наблюдая за происходящим, старик усмехался.

Он видел, что Арон злил Заклинателя. Очень злил. Ибо Мастер Заклинатель был человеком, привыкшим к своему могуществу и своей власти, и к трепету простых смертных перед ними. Не самое положительное качество для Мастера... с другой стороны, Заклинатель никогда этим не злоупотреблял. Просто он, как и всякий житель Аллиграна, помнил: с момента основания Школы Шестеро являются одной из самых могущественных сил в Аллигроне. Некоторые уверяли, что и самой.

И то, что теперь перед Шестерыми стоял человек — или шут его знает, кто, — проявлявший к ним не больше почтения, чем выказывает король при встрече с Первейшим Предстоятелем*, явно выводило Заклинателя из себя.

(*прим.: фактический глава аллигранской кристаллинской церкви. Номинальным главой

или Верховным Предстоятелем является король)

— Господа, сейчас перед нами не стоит проблема человеческих качеств Основателя, — осёк Мечник возражения коллеги, вот-вот готовые сорваться у того с языка. — Наш король при смерти. Теперь мы имеем возможность найти и покарать того, кто за это ответственен.

— И предотвратить новое Тёмное Время, — добавил Библиотекарь.

— А также спасти милую юную особу, которая однажды сможет подать старому немощному мне стакан воды, — заключил Иллюзионист.

Зельевар задумчиво подкрутил усы.

— Вопрос лишь в том, сумеем ли мы её найти, — молвил он. — Как я понимаю, ваш брат прилагает немалые усилия к тому, чтобы сделать это было не так-то просто? Вот именно. И сможем ли мы даже вшестером противостоять ему, если он так силён? Хотя я думаю, что...

— В силах Лиара можете не сомневаться, — просто сказал Арон. — Он всегда был сильнейшим Воином из трёх.

— А что насчёт вас? — изогнул бровь Странник. Голос его был неизменно тих и бесстрастен: казалось, он просто не умеет его повышать. — Вы, соответственно, являетесь сильнейшим... Зрящим?

— Хотелось бы, но увы. — Лицо амадэя осталось спокойным. — Сильнейшая из нас погибла.

— Значит, вы...

— Второй по силе.

— А третий?

— Третья. Она была жива, когда я видел её в последний раз, но ей удалось спрятаться даже от меня.

— А эта Зельда...

— Вторая по могуществу. Она уступает Лиару, однако не стоит её недооценивать.

Изучающе глядя на Арона, Мечник подпёр кулаком подбородок.

— А если нам придётся бороться против двух Воинов? — хмуро поинтересовался он. — Если Зельда и Лиар объединятся? Коль всё так, как вы рассказываете, ситуация возникнет... затруднительная.

— Не думаю, — качнул головой Арон. — Лиар никогда не согласится пойти за кем-то. И это только одна из причин.

— А другие?

— Лиар здравомыслящий... амадэй. Что бы он ни творил с Ташей, в его целях никогда не будет стоять поголовное истребление людей. — Арон вздохнул. — Как ни тяжело мне говорить это, он всё ещё верен Богине. По-своему. Просто люди для него делятся на тех, кто не мешает, и тех, кто вмешивается. Вторые становятся вражескими пешками в его игре, а эти пешки принято устранять.

— И это, пожалуй, отталкивает меня от него больше, чем от спятившей колдуньи, не сумевшей выдержать груз всеисилия и бессмертия, — констатировал Иллюзионист. Обратил взгляд туда, где, блаженно жмурясь, сидел его бывший ученик. — А ты что притих, Гирен? Поддержи друга... он твою внучку приёмную, в конце концов, спасти пытается.

— И без меня, мхм, прекрасно справится, — пробормотал звездочёт. — Я при нём так, мальчик на побегушках...

— Не приbedняйся. Да и мальчик на побегушках из тебя скверный. Всегда жаждал великих дел, вечно артачился, когда тебе давали какое-нибудь пустяковое поручение.

С усмешкой глядя на старика, Мечник любовно погладил ножны, лежавшие у него на коленях:

— Ну, к шестому году мы эту спесь из него выбили...

— Давайте побережём ностальгию на другое время, — отрезал Заклинатель. — Благодарю вас... Зрящий. Однако нам нужно время, чтобы всё обдумать.

— Боюсь, у Таши времени совсем немного, — мягко сказал Арон. — Каждый час в обществе Зельды приближает её к смерти.

— Вы же говорили, ваш брат не даст её в обиду.

— Не даст. Однако я не хотел бы, чтобы Таша была обязана своей жизнью ему. Лиар привык, что за всё в этом мире приходится платить, и его услуги будут иметь свою цену. Для Таши, полагаю, не самую приятную.

Заклинатель уже собирался задать новый вопрос, когда Иллюзионист кашлянул, привлекая внимание коллег.

— Предлагаю провести конфиденциальный Совет прямо сейчас. Не откладывая это дело в долгий ящик, — предложил младший из Мастеров после того, как все взгляды устремились на него. — В конце концов, в наших же интересах отыскать истинного виновника покушения на Его Величество как можно скорее.

— Конфиденциальный совет в присутствии посторонних? — уточнил Мечник.

— Нет, конечно. Наши дорогие гости пока прогуляются по саду. Хотя и сомневаюсь, что это поможет утаить, о чём мы говорили, — на этих словах Иллюзионист непреклонно взглянул на Арона. — Видите, о том, что обсуждается на тайных Советах Шестерых, не ведаёт даже Его Величество. Ему сообщается лишь окончательный вердикт... чаще всего. А потому...

Волшебник смолк одновременно с тем, как все присутствующие вскинули головы.

С пугающей синхронностью.

— Вы тоже это почувствовали? — воскликнул господин Гирен, от изумления даже забыв добавить извечное «мхм».

Вместо ответа Мастера молча поднялись со своих кресел. Конечно, они тоже ощутили выброс силы с Драконьей Скалы; и к тому времени, как семеро волшебников и один амадэй вышли из Школы, источник той самой силы уже ждал их у дверей.

Вернее, источником этим были двое.

— ...и тут мы увидели, что у них обоих...

— ...в груди что-то светится...

— ...а потом свет померк, и мы побежали сюда, а Кес полетел, — хором закончили близняшки.

— Ясно. Свободны, — довольно-таки мрачно резюмировал Заклинатель.

Когда близняшки покорно поплелись к дверям Школы, Мастер обернулся к Лив, жавшейся у лапы дракона. Перевёл взгляд выше.

— Ну и что теперь прикажешь с вами делать? — осведомился он у Кеса.

Поскольку дракон не был предназначен для перемещения по школьным коридорам, совет решили продолжить прямо в липовой аллее, подводившей к главному входу. Предварительно запретив ученикам выходить из Школы, — что не помешало им облепить окна любопытными мордашками.

— Говорил же, — пробормотал господин Гирен, — драконы, мхм, любопытных не любят...

— Да, святой отец. Ваши девочки точно лёгких путей не ищут. — Иллюзионист взглянул на Арона почти утомлённо. — Полагаю, вы лучше нашего знаете, что это значит?

Арон стоял, скрестив руки на груди, спокойно взирая на Шестерых.

Кто-то был растерян. Кто-то всеми силами старался растерянность скрыть.

— Что жизнь у них теперь — одна на двоих? — уточнил амадэй. — Или то, что теперь Лив... как бы это сказать... наполовину дракон?

— Я? — невольно вырвалось у той. — Наполовину дракон?

Арон не успел ответить.

Когда Мечник без лишних слов ударил девочку ножами по руке, Лив вскрикнула. И лишь потом поняла: не от боли — от неожиданности.

— Больно? — участливо поинтересовался Мастер.

— Нет, — растерянно откликнулась та. — Совсем.

— А тебе, Кес?

Дракон молча склонил голову.

— Отныне его боль — твоя боль, девочка, — тихо пояснил Библиотекарь. — Но не наоборот.

— Теперь у девочки драконий болевой порог? Ну да, — возвестил Зельевар. — А ведь Мечник даже не особо сдерживался, правда? Как я и думал.

— В связке человека и дракона второй становится защитником. И принимает все удары на себя, — в ответ на непонимающий взгляд Лив пояснил Арон. — Теперь ты почувствуешь боль, лишь если её причинят Кесу.

— Хорошо хоть не наоборот. Человеческое тело такое слабенькое... и, что самое прискорбное, чрезвычайно легко смертное, — заметил Иллюзионист. — Впрочем, от ран и синяков тебя это не защитит. Но рядом с Кесом твоя регенерация... они будут заживать быстрее. И твоё сердце будет биться, пока бьётся сердце твоего дракона.

Лив только моргнула. Пытаясь понять, что делать со всеми привилегиями, вдруг на неё валившимися.

Шутка ли: личный дракон, почти неуязвимость и почти бессмертие?..

— Если только в течение жизни она не разорвёт связь, что сделать очень легко, — криво улыбнулся Заклинатель. — Полагаю, Зря... святой отец... вы помните единственное условие, необходимое для сохранения подобной связи.

Арон чуть улыбнулся в ответ:

— Что связанный с драконом человек не должен принадлежать другому человеку... в физическом плане? Прекрасно помню. Как и то, что именно это условие в конечном счёте нарушил Ликбер.

— Ликбером руководили объективные причины. Он отправлялся в Бездну, и если бы он остался связанным с драконом, кто знает, что...

— Однако разорвать связь можно и прежде, чем осквернить себя плотской связью с другим человеком, и даже вовсе без этого. Так что давайте не будем спорить о делах давно минувших дней, — тон Арона был чуть усталым, но возражений не допускал. — Лучше и правда решим, что теперь с ними делать.

Шестеро волшебников, звездочёт и амадэй повернулись к девочке.

В поисках поддержки та инстинктивно коснулась ладонью драконьей лапы.

— Ну, теперь из Школы ей никуда. Но лично я очень рад тому, что отныне смогу по полному праву угощать её сладостями, — жизнерадостно и непреклонно заявил Иллюзионист. — Летом будет поступать в Школу, новая группа как раз пойдёт под моё

кураторство.

От его улыбки Лив сделалось почти так же тепло, как от прикосновения к жаркой гладкой чешуе. Какой же он всё-таки милый, этот Мастер... в отличие от остальных, заставлявших её робеть. Ну, не слишком, конечно. Так, самую капельку. Так-то она ничего не боится — уж тем более сейчас, когда у неё есть целый дракон! Драконьим всадникам не пристало бояться...

И лишь потом осознала, о чём идёт речь.

— Я... буду учиться... в Школе? — не веря своим ушам, переспросила Лив.

— Мы даже не знаем, есть ли у неё Дар, — не обратив на её слова никакого внимания, досадливо изрёк Заклинатель.

— Знаем, — возразил Странник. — Я чувствую его. Думаю, ты тоже.

— Не говоря уж о том, что доселе с драконами связывались лишь Хранители Дара, — поправив очки, вставил своё веское Библиотекарь. — Вряд ли девочка станет исключением.

Лив лишь стояла, ошеломлённо созерцая Мастеров и белое здание за их спинами, тонущее в солнечных лучах, по-зимнему ясных.

Она будет учиться у них? Здесь? В той самой Школе?

Она — волшебница?..

— Осталось только, мхм, спросить саму Лив, готова ли она ко всему этому...

Бурчание звездочёта заставило Иллюзиониста изумлённо изогнуть бровь.

— Да что тут спрашивать? Лив, скажи, ты хочешь стать волшебницей?

— Да! — выпалила та, не раздумывая.

— Тогда вопрос решён. — Широко улыбнувшись, Мастер Иллюзионист повернулся к Арону. — Теперь осталось решить ваш. — Переглянувшись с коллегами, он кивнул: отвечая на вопрос, не заданный вслух. — Мы дадим ответ вечером. Дождётесь его в Школе.

— Лучше бы их в город отправить, — пробурчал Заклинатель в вялой попытке оставить последнее слово за собой. — Если одна девчонка умудрилась такое натворить...

— Покажи мне на территории Школы ещё парочку драконов, с которыми можно «такое натворить», и я с тобой соглашусь. — Но, подумав, Мастер Иллюзионист кивнул своим мыслям. — Хотя отныне приглядывать за вами будет кто-нибудь постарше. Мало ли...

Вечер второго дня своего пребывания в стольном граде Адаманте Лив встречала на

Драконьей Скале. Сидя на тёплом камне площадки рядом с пещерой, прижавшись спиной к боку Кестреля, глядя, как мерцает ночными огнями далёкий город.

«Почему я?» — спросила Лив. Без слов: общаться мысленно оказалось так же просто, как вслух.

За день им так и не удалось поговорить. Заполучив гостей в своё распоряжение, школьники целый день показывали им местные достопримечательности, — попутно пытаясь вызнать побольше о странной новой девочке, завладевшей их Кесом.

Конечно, поесть зимой свежесорванных яблок и вишен Лив была не против, — но всё-таки со своим драконом поговорить ей хотелось больше.

«Я не знаю, — сдержанно ответил Кес, свернувшийся клубком. — Это не я решаю, маленькая волшебница».

От лежащего дракона исходил жар; чувствовалось, что где-то там, под бронированной чешуёй, его кровь кипит огнём.

«А тебе вообще... — после всего произошедшего возвращаться к «вы» казалось Лив глупым, — хотелось обладать... своим человеком?»

Дракон фыркнул, и язычок пламени показался из его ноздри.

«Никогда не мечтал всю жизнь быть чьим-то придатком. Осознавать, что ты принадлежишь не только себе... Бррр».

«Ну прости, — обиделась Лив. — Я не специально. И вообще мне хуже! Кто-нибудь захочет тебя убить, и я тогда тоже умру».

«Меня убить не так пррросто, как ты думаешь, маленькая волшебница».

«Прекрати меня так называть! У меня имя есть».

Глаза дракона сверкнули янтарным пламенем.

«Люди. Вы такие... глупые. Такие... восприимчивые к условностям, — он снова фыркнул. — Имя прреходяще. В дрругой жизни твою душу нарекут по-дрругому, но суть твою уже никто и ничто не изменит. Рразве так плохо быть маленькой волшебницей, маленькая волшебница?»

«Но мы почему-то не зовём друг друга «большая мама» или «маленькая дочка».

«Мать и дочь — тоже явления прреходящие. Одно сменяет дрругое».

Лив только рукой махнула.

«Ты сказал, что в другой жизни мою душу нарекут по-другому?» — подумав, переспросила она.

«Если ты не исполняешь того, что должен был, в этой жизни, ты ррродишься снова. Верра людей врроде тверрдит о том же».

«Я думала, это выдумка. Я же не помню свои прошлые жизни».

«Никто не помнит. И немногие могут вспомнить. Лишь при определённых обстоятельствах... очень особенных, — дракон загадочно помолчал. — Поверрь, ты рррождалась уже много раз. Думаю, тебе судьбой суждено закончить крруг своих жизней вместе со мной. Совсем иначе, чем ты заканчивали все предыдущие жизни».

«И как же?»

Кес поднял глаза к тёмному небу над их головами.

«Посмотрри наверх».

Лив послушно вскинула голову.

«Видишь? Пррямо над нами...»

Слова дракона отдавались в сознании мурлыкающим эхом. Эхо это действовало на нервы... завораживающе. Лив вдруг поняла, что с трудом удерживается от желания пораскатывать букву «р» в ответ.

«Звёзды вижу, — в смутном раздражении ответила она. — Их много».

«Звёздный Дррракон. Разве не видишь?».

Спустя какое-то время Лив и правда увидела. Голову, туловище, крылья и длинный хвост, сложенные серебристыми искрами.

«Вижу. И что?»

«Когда умирают дрраконы, их души не рррождаются вновь. И те из нас, кто достойны этого, отпрравляются туда. Чтобы рродить из своей души новую звезду... и вечность даррить людям огонь нашего света».

Взгляд Лив, устремлённый на созвездие, окрасило недоверчивое уважение.

«Вот как?»

«Альвы такие же. Только у них дрругие созвездия, — дракон смотрел в небо, где рассыпалась по синеве колкая звёздная шелуха. — Люди, которые связаны с нами, получают этот шанс. Вознестись к звёздам. Если наша связь не рразорвётся до моей смеррти,

если ты и я этого заслужим... мы отправимся к созвездию Драккона вместе».

Лив поразмыслила над подобной перспективой.

«Что-то мне не верится», — наконец признала она.

«Тебе и в Кристаль слабо верится. Не так ли? Ты же не можешь представить её такой же... живой, как твоя сестра, положим».

«Могу, — возразила Лив. — Дядя Арон нам о ней много рассказывал».

Дракон сощурился.

«Твой дядя Аррон вообще не так прост... Впрочем, чего ждать от одного из Возлюбленных Богиней».

«А драконы тоже о них знают?»

«Моя бабка была с ними знакома. И мы, драконы, знаем и помним многое. Только рассказываем совсем немного».

«Из вредности?»

«Потому что знание — опасная сила. И таким существам, как люди, опасно эту силу давать».

Лив покачала головой.

«Станный ты, — честно заявила она. — Близняшки говорили, что Багровые драконы самые дружелюбные по отношению к людям, а ты явно не особо нас любишь».

Дракон засмеялся. Лив уже знала, как он смеётся: в твоей голове звучит тихий смех, а в драконьих глазах пляшет янтарное пламя.

— Мы самые дружелюбные, это верно, — ответил он — уже вслух. Из ноздрей Кеса вырвались тонкие дымные струйки; завиваясь змеиными кольцами, они медленно таяли на тёплом зимнем ветру. — Просто ты не сталкивалась с другими драконами, маленькая волшебница. Тогда бы и посмотрела, до чего я на самом деле дружелюбный.

— Но испытывать его дружелюбие на всякий случай не стоит, — шагнув на каменистую площадку, посоветовал Арон. — Он всё же дракон, как-никак.

Кес одарил его взглядом, бывшим довольно прохладным, — насколько в принципе может быть прохладным пламя или расплавленное золото.

— От амадэя слышу, — сухо откликнулся дракон. — Зачем пожаловал на мою скалу, некогда Возлюбленный Богиней?

— И ныне, надеюсь. — Арон шагнул вперёд, мягко и внимательно глядя в глаза хозяина скалы. — Пришёл забрать свою дочь. Она ведь всё ещё моя дочь, как-никак.

— Так же, как та, кого ты столь усердно ищешь? Или же немного иначе? — дракон склонил голову, насмешливо глядя на непроницаемое лицо мужчины. — Ты рассказал Шестеррым не всё, но кое о чём догадаться им было нетрудно. Драконы слышат далеко, амадэй.

Арон не отвёл взгляд.

— Счастье Шестерых, что ты умеешь хранить секреты, — мягко откликнулся он. — Драконы ведь никому не рассказывают того, что знают... кроме своих людей. И тех, кому они приносят клятву верности. Принеся клятву, вы не можете её нарушить, верно? Иначе Звёздные Драконы никогда не примут вас к себе.

— Положим, — негромко выдохнул Кес.

— И если человек, которому вы принесли клятву, прикажет вам умереть — вы умрёте.

— Положим.

В драконьем мурчании послышалось шипение, однако амадэй смотрел в золотые глаза без малейшего страха.

— Жаль, что на драконов не действует никакая магия, — проговорил он. — Телепатия в том числе. Потому что мне очень интересно, какую именно клятву ты принёс тому, кто пообещал тебе излечить твои крылья... клятву верности людям? Или же клятву верности одному человеку?

Лив переводила взгляд с дракона на амадэя.

Не зная, чьи глаза больше пугают её своей непроницаемостью.

— Конечно, при вступлении в должность Мастера тоже приносят свою клятву. Обязывающую их верно служить короне... вне зависимости от личных симпатий к Его Величеству, — медленно молвил Арон. — Однако клятва не мешает им скрывать решения, о которых королю знать необязательно. И было бы очень печально, если б Его Величеству Шейлиреару всё же было ведомо, о чём говорится на советах Шестерых.

Некоторое время Драконья Скала куталась в шелестящую тишину.

Затем громадная лапа шевельнулась, осторожно подталкивая Лив вперёд.

— Наши клятвы — это наше дело. И о них не обязательно знать даже амадэям, — непреклонно откликнулся Кес. — Тебе порра, маленькая волшебница. Шестерро ждут. Возвращайся завтра. — И прикрыл глаза. — Я никогда не мечтал принадлежать кому-то,

но нужно уметь принимать свою судьбу.

— Смотрю, отношения потихоньку складываются, — заметил Арон, пока они спускались с Драконьей Скалы.

— Мне кажется, пока не особо, — призналась Лив. Подумала. — Дядя Арон...

— Да?

— У меня что, никогда не будет детей?

Амадэй печально улыбнулся, за руку ведя девочку по тропе, серпантинном обвивающей крутой каменный склон.

— Будут, если захочешь разорвать связь с Кесом.

— Нет, не хочу. Тогда я буду жить столько же, сколько и он, а драконов ведь почти невозможно убить! А дети мне и не нужны, — подумав, добавила Лив. — Я лучше стану сильной и неуязвимой, и Ташу спасу! Кес ведь может убить того колдуна... вашего брата, да?

— Может. Но и Лиар его — вполне, — просто сказал Арон.

Это несколько поумерило её пыл.

— И я тогда тоже умру?

— При необходимости ты можешь разорвать связь в любой момент. Надо лишь очень сильно этого захотеть.

— То есть... я могу сделать так, чтобы не умирать с ним, если его победят?

— Да.

Лив с облегчением улыбнулась:

— Ну тогда вообще всё хорошо.

Арон покосился на неё, но ничего не сказал.

От Скалы до Школы шли молча. Подстроиться к стремительным шагам амадэя удалось Лив не без труда, — и когда вместо того, чтобы свернуть ко входу в белое здание, Арон повёл девочку по липовой алле прочь от него, та в страшном разочаровании воскликнула:

— Мы уходим? Но школьники же говорили, что мы сегодня...

— Мы выйдем ненадолго. Так нужно. Потом вернёмся и заночуем в Школе, как тебе и обещали.

Это Лив немного успокоило. Настолько, что она смолкла и просто позволила приёмному отцу дальше вести себя сквозь ночь: праную и осеннюю, жаркую и летнюю, а за калиткой — колючую и зимнюю.

— Вот и вы, — сказал Иллюзионист, кутаясь в плащ Тёмный, надёжно скрывавший белую мантию Мастера. — Идёмте, время поджигает. — И протянул девочке бежевый плащ. — Надень-ка.

Плащ действительно не помешал бы. На территории Школы было тепло, и свою меховую курточку Лив оставила там, а мороз не привык кого-то щадить. Особенно когда на тебе один лишь лёгкий свитерок.

Однако, увидев протягиваемый ей плащ ученика, Лив посмотрела на Иллюзиониста с некоторым недоверием.

— Давай-давай, надевай. — Не дождавшись реакции, Мастер сам накинул плащ ей на плечо. Нагнувшись, заботливо застегнул пряжку на шее; и хотя лёгкий шерстяной плащ не должен был защитить от такого холода, Лив мигом сделалось не так зябко. — Идти недалеко, но плащ не мешает.

— Это же плащ школьника, — тихонько заметила она. — А я ещё не учусь.

— И поэтому Заклинатель успел десять раз отчитать меня за нарушение устава и превышение служебных полномочий, — улыбнулся Иллюзионист. — Но когда меня это останавливало?

Лив весело фыркнула в ответ — и, спрятав руки под плащ, посеменила за взрослыми по улицам, пестревшим цветными фонарями и струящейся мимо толпой, не обращавшей на троицу никакого внимания.

— Куда мы? — осведомилась она. — И где господин Гирен?

— Уже ждёт на месте. Мы бы охотно дали его старым косточкам отдохнуть, но, увы, сейчас он нам очень нужен... для полноты картины, — в голосе Иллюзиониста отчего-то скользнули сочувствующие нотки. — Мы идём в «Солнечную пичугу». Туда, где вы остановились.

— И зачем?

— Видишь ли, вам со святым отцом нужно кое-что сделать. Чтобы Мастера могли принять окончательное решение.

Как хорошо, когда тебе всё объясняют, как взрослой, подумала Лив. И вообще что-то объясняют.

— И что же?

— Тебе это не понравится.

Лив поймала его участливый взгляд... и нервно сглотнула.

Кажется, она знала, что именно Мастерам нужно от неё.

В гостинице — ажурное белое здание, невысокое и сказочно красивое, как всё в Адаманте, — Арон кивнул хозяину и беспрепятственно провёл своих спутников наверх. Лив сперва это показалось странным: пожилого мужчину за стойкой отнюдь не удивило, что третий постоялец тридцать четвёртой комнаты, с утра бывший стариком, вернулся юношей...

И уже у двери она вспомнила, что при всей своей мальчишеской обаятельности Мастер Вермиллион — всё же Мастер Иллюзионист.

В небольшой комнате, уютно отделанной деревом и освещённой магическими огоньками, их уже ждали. Двое, стоявшие в очерченном мелом кругу у дальней стены, и третий, кутавшийся в плед на кровати.

— Наконец-то, — грозно нахмурился Заклинатель. — Между прочим, я закончил все приготовления ещё двадцать три минуты назад.

— Скоро только котята топятся, — невозмутимо ответил Иллюзионист, переступая меловую черту, на миг засветившуюся синим.

Господин Гирен лишь неодобрительно буркнул что-то, плотнее заворачиваясь в плед. Кажется, «вечно этот твой юмор», но Лив не была уверена. Арон и вовсе ничего не сказал: лишь дождался, пока Мастер займёт место в круге подле Странника и Заклинателя — и указал Лив на стул посреди комнаты.

Почему снаружи гостиницы все разные, отстранённо думала девочка, шествуя к своему эшафоту, а внутри всегда оно и то же? Все эти светильники, кровати, даже горшочки с фиалками на окнах...

— Мы опять будем вызывать... его? — спросила она, опустившись на стул.

Уже зная ответ.

— Да. — Взгляд Арона был печальным. — Прости, Лив. В последний раз.

Та судорожно сжала кулачки, но всё же кивнула в знак согласия.

— Вы... хотите узнать, где Таша?

— Нет. Мастера желают... посмотреть. Увидеть, с кем им придётся сражаться. Кому подобна Зельда, с которой им придётся встретиться первой. — И Арон прикрыл глаза:

одновременно с тем, как то же обречённо сделала Лив. — Лиар!

Некоторое время девочка сидела, не шевелясь, затаив дыхание.

Поняв, что ничего не происходит, робко приоткрыла глаза.

— Лиар!..

— Кажется, в этот раз он не хочет приходить, — когда повторный призыв снова не дал результата, со смесью недовольства и облегчения заметила Лив.

Арон, не ответив, оглянулся на Мастеров, застывших в меловом круге.

Странник безмолвно вскинул руки.

— Лиар, — ещё не повернувшись к девочке, в третий раз позвал Арон.

Дождавшись, пока глаза Мастера полыхнут аметистовым блеском творимого колдовства, посмотрел на Лив... и встретил недетский, оценивающий взгляд.

— Силён, однако, — констатировал Лиар, выпрямившись. — Не ожидал, честно сказать.

Арон отступил на шаг.

— Покажи мне Ташу, — тихо велел он.

— Опять за своё. — Палач с небрежным изяществом откинулся на спинку стула. — Впрочем, глупо было надеяться, что ты проявишь фантазию. Выдумки всегда были твоим слабым местом.

— Я не буду её искать, Лиар. Я просто хочу знать, где она. Что с ней.

Тёмный амадэй склонил голову: он не казался удивлённым.

— И что же это за игра такая, братишка?

— Мне её не найти. Ты об этом позаботился. И чем больше я буду к этому рваться, тем надёжнее оправдаю твои ожидания. — Арон стоял прямо, глядя на брата сверху вниз. — Можешь считать, что победил, если хочешь.

Лиар едва заметно улыбнулся.

— Даже если победивший имеет право делать с призом, что хочет?

Ответу предшествовало секундное молчание.

— Делай. Ты не зайдёшь слишком далеко. Не сможешь зайти — с ней.

Палач мельком оглядел комнату. Скользнул равнодушным взглядом сквозь Мастеров в круге: невидимых для того, кому они не желали показываться.

— Добрый вечер, господин Гирен, — радушно произнёс тёмный амадэй. — А вы как относитесь к выходке приёмного сына?

Старик молчал. Лишь край одеяла яростно смялся в шишковатых пальцах.

— Смотрю, не особо положительно. — Палач вновь обернулся к брату. — Говоришь, не зайду слишком далеко? А если зайду... положим, пожелав удовлетворить некоторые свои естественные потребности?

Лицо Арона выражало собой полную противоположность каких-либо чувств.

— Смотря какие потребности.

— Предположи.

— Главная из них — рушить чужие жизни.

— Эту я уже почти удовлетворил, можешь не беспокоиться. Если тебя устроит другая, только скажи, — лениво заметил амадэй. — В конце концов, наша девочка выросла, как бы тебе ни хотелось этого не признавать. Пока в её светлой головке сплошная романтика, но мы-то с тобой взрослые люди и прекрасно знаем, что это цветочки... а вот о том, что за ними следуют ягодки, маленькие девочки обычно вспоминают слишком поздно.

— Ты ломал её душу. И будешь ломать. Но не так, — голос Арона звучал ровно. — Ты не станешь... нечисто играть.

— Кто меня знает. И что ты знаешь об играх, братишка. — Детские глаза пугали недетской усталостью и недетским цинизмом. — Чем больше ты уверяешься, что контролируешь ситуацию, тем меньше управляешь ею на самом деле. Чем больше пытаешься поразить противника неожиданными решениями, тем более предсказуемым становишься. А на этом этапе ты сделал неправильно первый же ход... когда решил, удивив меня, отпустить её.

Арон молчал. И пусть глаза его были выше, со стороны могло показаться, что это Палач смотрит на брата сверху вниз: взглядом взрослого на завравшегося ребёнка, безуспешно пытающегося скрыть собственную ложь.

— Это так просто, знаешь ли — моделировать ситуацию. Поставить целью светлое будущее, которое окажется бездной. Людей очень легко обмануть, а в особенности тех, что сами хотят обманываться. — Тело Лив рассеянно качнуло стул на резных тонких ножках. — Тьма мудра. Тьма хитра. Тьма терпелива. И с ней не стоит мериться силами, Арон. Её надо избегать.

— Тогда чего ты хочешь от меня? Я сдался. Я сказал тебе об этом.

— Думаешь, я хоть на миг в это поверил? Когда научишься лгать столь же талантливо, как научился недоговаривать, и столь талантливо, чтобы обмануть меня, зови. — Лиар закрыл глаза. — А сейчас у меня есть дела поважнее.

— Скажи мне, где она! Просто скажи!

То, что голос Зрящего сорвался на крик, всё же заставило Палача лениво приподнять веки.

— Сколько экспрессии, — иронично заметил он. — Что, треснула бронь? Для неопытных ложь, знаешь ли — весьма ненадёжный щит.

Но, встретив взгляд Арона, в серых глазах которого светилась мольба — сощурил ресницы, и в радужках под ними будто эхом мелькнуло странное выражение.

— Считай, она уже у Зельды. И можешь за неё не волноваться, — молвил Лиар: с мягкостью, так ему непривычной. — Только я имею право причинять ей боль.

Растерянность с лица Арона исчезла в тот же миг, как девочка начала сползать со стула.

Метнувшись вперёд, он успел подхватить Лив прежде, чем та без сознания упала на пол — и, удобнее устроив её на руках, сдержанно произнёс:

— Надеюсь, вы увидели достаточно.

Иллюзионист шагнул вперёд, наконец покинув границу круга, скрывавшего Мастеров от вражеских глаз. Посмотрел на незащитное лицо спящей девочки, утратившее всякое сходство с тем, кто совсем недавно вещал её устами.

— Весьма, — изрёк он. — Представление оказалось зрелищным, могу вас поздравить. И, что бы вы ни говорили, это было необходимым.

Арон обвёл взглядом его коллег. Посмотрел на Иллюзиониста, ожидая окончания фразы.

Конечно же, амадэй уже знал ответ, — но волшебник всё же произнёс его вслух.

— Пока не увидишь это своими глазами, — сказал Мастер Вермиллион, когда-то Морли — скорее для себя, чем для кого бы то ни было ещё, — у тебя не возникнет такого желания это уничтожить.

* * *

Когда Алексас широким шагом вошёл в гостиную, Таша любовалась на таз с водой, уже занявший своё место посреди комнаты. Рядом с ним ждали двое Основателей — и двое из

тех троих, кому предстояло сейчас отправиться в логово Зельды.

— Итак, все в сборе, — молвил Герланд, когда приёмный сын занял место рядом с ним. — Чудно.

Таша коснулась янтарной подвески на шее, словно пытаясь нащупать серебристый ключик, застывший в солнечном камушке. По привычке, привитой с детства, когда в поисках успокоения она трогала мамину подвеску с корвольфом.

Утром амулет, предназначенный для защиты от эйрдалей, забрал у неё Ларон, а снова вернул лишь недавно.

«Мы изменили чары на амулете. Теперь, пока он на вас, никому не проникнуть в ваш разум, — сказал волшебник, отдавая ей украшение. — Даже Древнему эйрдалю».

Что тут же и подтвердил, безуспешно попытавшись прочесть Ташины мысли; да только в результате совместных усилий магии подвески, чар амадэя и защиты фей она даже не почувствовала ничего.

«И наши теперь такие же, — добавил Найдж, вечно жизнерадостный. — Так даже лучше — не придётся напрягаться с мыслеблоками».

«Эйрдали попытаются вас очаровать, — предупредил волшебник. — Подвеска поможет противостоять и этому, но в основном — лишь осознанием, что с вами происходит».

«И на это есть мы с Алексасом», — ответил колдун.

Потом последовал пробный сеанс связи через украшения. Оказалось не так уж сложно: требовалось лишь представить образ того, с кем хочешь связаться, сжимая подвеску в кулаке. А когда янтарь становился тёплым, сосредоточиться на том, что хочешь сказать, — и собеседник слышал твой голос в сознании так же ясно, как если бы ты говорила вслух...

— Когда отправление? — поинтересовался Алексас.

— Словно о междугородней карете говоришь, — хмыкнул Найдж.

— Рад, что кто-то понимает мой тонкий юмор.

Герланд не ответил. Просто стоял, не сводя глаз с водной глади; видимо, сегодня все слова Алексаса проходили сквозь его уши, игнорируясь сознанием.

Что ж, после того, что случилось вчера, немудрено.

Таша вспомнила утренний разговор с Найджем — и ощутила, как к щекам вновь приливает кровь.

«Он просто вошёл и выкрикнул заклятие, и Герланда с Лароном отшвырнуло к дальней

стенке, как котят! Я к тому времени у неё же обездвиженный лежал... И ты сразу потеряла сознание, — о том, чем завершилась неудавшаяся процедура по изменению Ташиной памяти, колдун рассказывал ей с опасливым восхищением. — Конечно, они не были готовы, но это какая же силища нужна!..»

«И откуда такие силы у Алексаса?» — спросила Таша тогда со смесью недоумения и гордости за своего рыцаря.

«Он стал куда сильнее после окончания Двоедушия. Я сразу это почувствовал, — губы Найджа дрогнули с затаённой горечью. — Конечно, я о подобных случаях немного знаю, но... подозреваю, когда их личности слились воедино, как колдун Алексас разом подскочил на пару уровней вверх. Видишь ли, если ему передались колдовские силы Джеми, значит, и ментальные тоже... однако свои ментальные у него никуда не делись».

«И они удвоились?..»

«Выходит, что так. — Колдун побарабанил пальцами по подоконнику: они стояли у окна гостиной и смотрели на утренний город, в снежном сиянии казавшийся ещё белее. — К тому же... в определённых случаях даже у самых заурядных магов часто происходят всплески силы, которых от них никто не ждёт».

«Каких случаях?»

Когда Найдж вновь обратил взгляд на неё, в его глазах странным образом мешались лукавство и печаль.

«А ты не догадываешься?»

От дальнейших воспоминаний у Таши опять начинала кружиться голова. Так что она поспешила сосредоточиться на предстоящей миссии: пусть даже теперь на ней сосредотачиваться удавалось меньше всего.

Демоны, как это всё некстати...

— Сейчас, — молвил Герланд.

Ещё не утихло свистящее шипение последней «с», — а края таза уже вспыхнули колдовским светом. Пронзительно-синим, точно таким, каким горели очертания проруби, пару дней назад переместившей их в штаб-квартиру «Венца».

— Счастливого пути, господа. — С издевательским поклоном альв отступил в сторону. — И дама.

Когда Ларон с улыбкой пожелал ей удачи, Таша опустила глаза. Воспоминания о вчерашней попытке было не вытереть ни извинениями, ни улыбками.

Да что же она ни на кого в этой комнате взглянуть не может? Какое-то окружение у

неё... неправильное. На одних злится, других избегает, третьих...

С третьими вообще демоны знают что.

Вернее, с третьим.

— Я первый. Как прибуду, пошлю сигнал, что всё в порядке, — кинув взгляд на Ташину подвеску, Найдж коснулся собственного янтарного перстенька. — А если промолчу... В общем, будем надеяться, что не промолчу.

И шагнул вперёд: провалившись в прозрачную воду, чуть прикрывавшую серебряное дно, словно в омут.

— Если они захотят дождаться всех троих, сигнал не поможет, — перебирая янтарные четки, заметил Алексас.

Когда в качестве защитного талисмана и средства сообщения по совместительству её рыцарь выбрал четки, это немного удивило как Ташу, так и его сообщников. Но лишь немного.

«Я же сын пастыря, в конце концов», — иронично заметил Алексас тогда. Приняв самый смиренный и благочестивый вид, на который только был способен, заставивший Ташу хихикнуть; даже несмотря на то, что теперь при взгляде Алексаса ей было совершенно не до смеха.

— Что поделаешь, издержки у плана есть. Но... — Ларон повертел в руке точную копию четок, — на этот случай есть мы.

Таша молча всматривалась в синеву портала. Отражая волшебный свет, неестественно ровное водное зеркало и вправду казалось омутом.

— Найдж на месте, — объявил альв. — Следующий.

Таша ощутила взгляд Алексаса на своём лице, но глаза поднять не осмелилась. И лишь смотрела, как его ноги делают шаг вперёд, исчезая в синеве чистой магии, заключенной в водное серебро.

Секунды ожидания тянулись с вязкостью тянучки.

Почему, ну почему всё это так невовремя? Он — её рыцарь. Её защитник. Тот, кто прошёл с ней всю игру с первых дней, тот, кто готов за её жизнь заплатить своей жизнью. А она не знает, просто не знает, как теперь с ним себя вести! Даже заговорить не осмеливается. Даже глазами с ним встретиться. И лишь весь день кожей чувствует его тягучий взгляд, — наверняка непонимающий и обиженный. Должно быть, теперь он думает, что ночью сделал что-то не то; что этот танец, бабочка, поцелуй...

При воспоминаниях о вальсе во тьме ей снова невесть отчего сделалось жарко. И

стыдно: от того, что она подводит и Джеми, и Алексаса, и Найджа.

Вовсе не в том, в чём она опасалась подвести всех какие-то сутки назад.

«Нас прервали вчера, — сказал Найдж, когда Таша пожала плечами. О чём ещё она должна догадаться? Не знает она ничего: волшебники свято хранят свои тайны, она это не раз Джеми говорила. — Значит, Алексаса ты... тоже любишь».

«Он мой друг, Найдж. Естественно, люблю, — укоризненно ответила Таша — сегодня его вопрос не вызвал у неё замешательства. Подумала и добавила, чувствуя укол совести, — да, конечно, в чём-то Джеми не мог его заменить...»

«Но в чём-то Алексас не заменит Джеми. Справедливо, — кивнул колдун. — Надеюсь, наш бедный влюблённый мальчик с этим смирится, когда поймёт».

Она помнила, как сердце пропустило удар, словно на качелях. Ухнуло куда-то в живот, подскочило под самое горло, — а затем, наконец вернувшись на законное место, забилось быстро и недоверчиво.

Она рассмеялась тогда зачем-то. Просто не зная, как ещё на это реагировать. Голова кружилась, и в опустевшем сознании не было никаких мыслей, помимо отстранённых наблюдений, что ковёр мало того что безвкусно яркий, так ещё и порядком вытертый. И лишь вспомнилось, как целую вечность назад — до вальса во тьме, до покушения на короля, до окончания Двоедушия — Алексас задал ей полушутливый вопрос; и как он смотрел на неё — тем вечером, когда она решила, будто ей только чудится всё, что она прочла в его взгляде.

«Ты не против, если я в тебя влюблюсь?..»

Так всё же не чудилось...

«Зря смеёшься, — проговорил Найдж затем. — Только не говори, что ничего не замечала».

«Я...»

«Я ещё летом видел, как он на тебя смотрит. Не понимаю только, почему он так тебе и не признался. Боролся с собой? Единственное объяснение, — казалось, Найдж скорее себе что-то объяснял, нежели ей. — Ты ведь его королева, как-никак. Да и неловко при Джеми... хотя с другими ему это не мешало. Впрочем, это у него явно серьезнее, чем когда-либо. А этих «когда-либо» было достаточно. — Найдж потянулся, не сводя задумчивого взгляда с её лица. — Но после всей этой истории... тут уже не до барьеров, которые он сам когда-то выстроил».

«Я... замечала, но... думала...»

«Что тебе кажется? Нет. Не кажется. — Колдун смотрел на неё очень, очень серьезно. — И ты нужна ему, Таша. У тебя хватит сил, чтобы вытащить вас обоих. Потому

что, думаю, ты не больше моего хочешь смотреть на его саморазрушение. Ведь теперь, когда он потерял Джеми, когда у него осталась только ты...»

— Алексас на месте. Ваш черёд, Ваше Высочество, — проговорил Ларон, возвращая её в настоящее. Склонив голову, воззрился на Ташу доброжелательно и сочувствующе. — И не будьте так напуганы, прошу. Не думайте ни о эйрдалях, ни об амадэе... как ни просто это звучит и как ни сложно это сделать. В конце концов, у вас своих амадэев — двое в рукавах.

Таша, кивнув, закрыла глаза. Шагнула вперёд, проваливаясь в пустоту.

С горькой усмешкой на губах.

«...если я в тебя влюблюсь...»

Конечно, у всякого нормального человека перед подобной миссией голова должна быть забита именно эйрдалями и амадэями. Но она, похоже, не совсем нормальный — и уж точно не совсем человек.

Чтоб её...

* * *

— Почему опять я?! — не выдержала Лив, нервно глядя на кинжал с тонким, явно очень острым лезвием.

— Кровное родство, — коротко молвил Странник, доставая из воздуха мензурку.

Лив это не успокоило. Очнувшись, она обнаружила себя в незнакомой круглой зале с золотым листовым потолком — очень похожим на золотое дерево, увиденное ею с Драконьей Скалы посреди черепичной крыши Школы. Но едва она успела порадоваться тому, что призыв мерзкого брата дяди Арона уже закончился, и тому, что они уже вернулись в обитель волшебников — её осчастливили тем, что им нужно найти Ташу, и для этого ей придётся порезать руку!

— Поскольку определить местонахождение твоей сестры другими способами не представляется возможным, придётся использовать магию крови. — Иллюзионист покосился на амадэя. — Кое-кто умеет хранить свои вещи, как я посмотрю?

— И очень не любит, когда их пытаются у него отнять, — бесстрастно подтвердил Арон.

Лив лишь смотрела на кинжал в руке Странника.

Крайне недружелюбно.

— Не волнуйся. Ты даже боли почти не ощутишь. А рану я тут же заживлю, —

Иллюзионист успокаивающе коснулся ладонью её плеча. — Ты ведь хочешь найти сестру?

Лив разомкнула было губы... а потом вспомнила, что и правда хочет, и что теперь она драконья всадница, и ей не только не будет больно, но и не пристало бояться какого-то там пореза — и безропотно протянула руку.

Двое Мастеров и амадэй смотрел, как капли крови с кончика детского пальца заполняют мензурку, пока полностью не закроется дно. Последняя капля запятнала багровой кляксой карту Долины, которую разложили прямо на траве, неподалёку от ручья.

Когда под аметистовым взглядом Странника поползла куда-то по жёлтой бумаге, не оставляя за собой следов, Лив затаила дыхание.

— Точное местонахождение установить невозможно? — спросил Арон, не отрывая взгляда от кровавого маячка.

— Оно будет в меру точным. А большего нам и не потребуется, — откликнулся Иллюзионист, пристально следя за движением алой капли. — Как я понимаю, в ближайшее время ваша дочь не собирается менять своё местоположение?

— Видимо, нет.

— Значит, должно получиться.

Когда кровавое пятно наконец застыло, никто из присутствующих не выразил особого удивления.

Даже несмотря на то, что место это было всем им хорошо знакомо.

— Здесь, значит, — резюмировал Иллюзионист. — Что ж, для эйрдалей местечко — самое то.

— Дымчатый Пик, — бесстрастно объявил Странник.

— Подгорное Королевство, — кивнул Арон.

— Цверговы Штольни, — прошептала Лив.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. В ВЕЧНУЮ НОЧЬ

Падение было недолгим. Кажется, куда дольше Таша понимала, что выпала не с потолка, а из зеркала на стене, — и теперь уже не падает, а по инерции летит по комнате ногами вперёд. Следом замирает в воздухе, не ощущая собственного веса: пока её тело будто само собой принимает вертикальное положение, чтобы аккуратно опуститься на пол, наконец коснувшись ногами земли.

— Не стоит благодарности, — сказал Алексас, опуская руки

Таша кивнула, заново свыкаясь с ощущением собственной тяжести; вернувшийся вес навалился на неё, стоило подошвам сапог коснуться пола.

Странно, каждый день носишь это тело и не чувствуешь, а стоит чуточку побыть невесомой...

— Вот все и в сборе, — добродушно молвил встречавший их эйрдадь.

Он был длинным и тощим, точно жердь. С залысинами на седой макушке, тонким носом, подозрительно шмыгавшим, и ртом узким, как щель почтового ящика. На эйрдаля в Ташином представлении — да и на всех тех эйрдалей, с которыми она уже имела несчастье встречаться — он тянул весьма отдалённо: если только чёрным бархатным камзолом, и то изрядно потрёпанным.

Вот только чёрные звёзды в глазах, сиявших фосфоресцирующей серостью, не позволяли сомневаться в его расовой принадлежности.

— Картер-энтаро, — проговорил Найдж, — позвольте представить вам Ташу Кармайкл.

— Безмерно рад знакомству. — Эйрдадь церемонно поклонился, облобызав ей ручку. — Прощу за мной, хе-хе. Я провожу вас в ваши спальни.

«Хе-хе» его было скрипучим, напоминавшим смесь смеха и судорожного кашля, и довольно неприятным. Вдвойне неприятным оттого, что ровно ничего смешного в его словах не было, и втройне — в сочетании с паскудно-ласковыми «спальнями».

— А как же...

— Ваша встреча с лицами более высокопоставленными, чем я, состоится завтра утречком. Пока придётся довольствоваться обществом простого секретаря, хе-хе. — Освещая им путь фонарём, Картер прошествовал по каменному полу, не прикрытому даже соломой; в комнате со стенами, сложенными из грубо отёсанных гранитных плит, не было ничего, кроме того самого зеркала в резной старинной раме.

— Вашу просьбочку о соблюдении инкогнито удовлетворили. Для всех, кроме избранного кружочка лиц — я завербовал вас во время последней отлучки в Долину. Так что не особо болтайте о «Венце» в своих комнатках: у наших сообщников, хе-хе, слух тонкий...

Даже слишком, мрачно думала Таша, следуя за эйрдадем по лабиринту каменных коридоров, ёжась от холодных мурашек. Судя по всему, они очутились в самом настоящем замке; длина переходов, высота потолков и количество лестниц поражали, но где этот замок, Таша определить не могла — узкие окна-бойницы располагались слишком высоко. Освещать всё это великолепие, видать, было чересчур хлопотно: нигде она не заметила ни единого светильника, факела или даже простой свечки.

С другой стороны, обитателям этого замка свет и не был особо нужен.

После подъёма по крутой винтовой лестнице на самую вершину небольшой башенки — судя по всему, одной из многих — эйрдадь услужливо распахнул дверь, ожидавшую гостей в конце пути.

— Комнатка для юной лэн и её дружочка, — объявил эйрдадь. — Слуги вскоре к вам заглянут, принесут дрова и бельё.

Ощувив аромат затхлости и плесени, Таша поморщилась. Потрёпанный ковёр на полу явно разменял не один десяток лет, бархатные портьеры на окне тоже знавали лучшие времена. Что ж, хорошо хоть камин есть... и широкая кровать с балдахином, на вид казавшаяся весьма удобной.

Хм... кровать?..

— А...

Но на этом месте Алексас толкнул её внутрь и, бросив через плечо «благодарю», решительно прикрыл дверь.

— Алексас, что...

«Тш».

Таша кожей ощутила, как нагревается под рубашкой янтарная подвеска — одновременно с тем, как в сознании прошелестел его голос.

Одной рукой перебирая четки, Алексас зажёг на ладони волшебный огонёк. Обошёл комнату, заглянув в каждый пустой угол, за портьеры, под кровать и даже в приткнувшийся рядом с ней сундук. Простучал все четыре столбика, на которых крепился пыльный тяжёлый балдахин.

Ничего не обнаружив, начертал в воздухе пару символов, полыхнувших зелёным огнём — и когда те истаяли бесцветной дымкой, обернулся к Таше.

«Надо же. Даже шпионских безделушек нет. Впрочем, осторожность всё равно не помешает. — Он улыбнулся: одними губами. — Прости, что не предупредил заранее, но для Рассвета мы с тобой любовники».

Таша ошеломлённо воззрилась на него.

— Почему? — только и смогла вымолвить она, от смущения забыв, что отвечать должно не вслух.

«Иначе нас всех раскидали бы по разным концам замка. Членов конкурирующей организации, знаешь ли, лучше держать подальше друг от друга. На всякий случай. Но над юными влюблёнными, лишь недавно обретшими счастье взаимной любви и не мыслящими жизни друг без друга, всё же сжалились. — Взмахом руки заставив огонёк переключиться на

плечо, Алексас взбил пуховый тюфяк: наверное, проверял на предмет обитающей в нём живности. — Комната Найджа, готов поспорить, расположена как можно дальше от нашей. Если нас захотят убить во сне, мы с ним сумеем оказать сопротивление, а вот ты в одиночку — вряд ли. Посоветавшись, мы решили, что спать со мной тебе будет привычнее, чем с ним».

— Я вообще ни с кем не хочу спать!

Удовлетворившись состоянием тюфяка, Алексас, посмеиваясь, присел на краешек кровати:

«Тебя так волнует мнение эйрдалей о твоём нравственном облике?»

Таша досадливо сжала подвеску в кулаке — и на сей раз наконец ответила, как положено:

«Знаешь ли, незамужней девушке делить комнату с мужчиной...»

«С другом, заметь. Никогда не слышала грустных историй о том, как ради спасения любимых женщины делили постель с другими мужчинами, и отнюдь не в прямом смысле этих слов? — Алексас улыбался, но в глазах его улыбки не было. — Привыкай. Тебе предстоит жертвовать куда большим, чем пустяками вроде собственных капризов. Или собственных волос».

Таша сердито накрутила на палец короткую прядь.

...с другом, заметь...

Фиксация на этих словах точно не являлась жизненной необходимостью. В данных обстоятельствах тем более. Но тем не менее она состоялась, — и царапнула душу некоей обидной неясностью.

Ибо сейчас Алексас вовсе не походил на «бедного влюблённого мальчика».

С другой стороны... с чего она вообще приняла слова Найджа всерьёз? Таше подноготная их отношений с Алексасом ведома куда лучше, чем ему. И для Алексаса она действительно — друг, но в первую очередь — его королева; и он должен восхищаться ею, защищать её и утешать, когда ей грустно. Этим и был тот вальс во тьме — утешением. Ничем большим.

А со стороны подобную рыцарскую дружбу и правда очень легко спутать с чем-то другим.

Стараясь не думать о том, почему же ей так горько от этих мыслей, Таша отвернулась. Подойдя к окну, отёрнула портьеру — и зрелище, представшее её взгляду сквозь заиндевелые стёкла, превзошло всё, что она могла ожидать: просторная лесистая долина с зазубренной кромкой гор на горизонте, серебрившаяся заснеженными просторами в лунном

свете.

Долина внутри Долины... Где же они?

И неужели в таком сказочном месте сотни лет скрывался от мира ещё один Палач?..

«Мы где-то в Лонгорнских горах. На карты, если помнишь, нанесены лишь ближайšie горы, а дальше — неизвестные земли. — Алексас подошёл ближе, встав за её спиной. — Замок вполне может располагаться в каких-нибудь двадцати милях от Фар-Лойла. Или вообще где-то под горами».

«Под горами? А откуда тогда лес и звёзды?»

«Если думаешь, что амадэю не под силу сотворить такое, ты ошибаешься. — Алексас, шурясь, смотрел на заснеженный лес. — Полагаю, замок выстроили эйрдали ещё до Кристалли. В таком месте удобно наслаждаться жизнью... периодически навевываясь в Долину, дабы подкрепиться и обзавестись новыми слугами. Но потом замок нашла Зельда — и прибрала к рукам вместе с хозяевами, попутно немного усовершенствовав».

«Но неужели...»

«Конечно, эта долина защищена чем-то помимо природного расположения, — предугадав её вопрос, ответил Алексас. — Иначе Зельду нашли бы куда быстрее, чем она того хотела».

Кивнув, Таша рассеянно взлохматила чёлку, неотрывно глядя на звёздное небо.

Интересно, как там Арон? Получил ли её весточку? Отправился ли за ней? Наверняка он поехал, как только смог; но Ташин след теряется где-то в Броселиане, и теперь найти её будет очень непросто. Вряд ли с Ароном может что-то случиться, — это явно не входило в правила игры, да и Зрящий не маленький, чтобы творить глупости... но Таша с тоской понимала, что сейчас приёмный отец наверняка с ума сходит от беспокойства за неё.

Не маленький...

«О чём ты думаешь?» — спросил пронцательный Алексас.

«Я... да так. Ни о чём».

«Мозг живого человека работает постоянно. Если человек ни о чём думает, это означает, что он мёртв. Ты же таковой не кажешься».

Таша оперлась локтями на каменный подоконник, казавшийся ледяным. Даже в куртке на меху и плотном шерстяном плаще ей было холодно: казалось, стены и пол этого замка источают нечто такое, что пронизывает льдом до самых костей.

«Думаю, какая же я маленькая и глупая. Я иду по краю пропасти, каждый день рискуя

умереть. А веду себя как глупый избалованный ребёнок».

Алексас прислонился плечом к стене, насмешливо глядя на неё сверху вниз.

«О, да мы осознаём свои недостатки? Встаём на путь истинный? — насмешку в его взгляде тут же сменила мягкость. — Поверь, повзрослеть и поумнеть тебя вынудят очень скоро».

«Хотелось бы, чтобы это случилось до встречи с Зельдой...»

Даже Алексас, который старше её всего ничего, куда взрослее и умнее. А ведь именно от неё зависит, одержат ли они победу в этой игре — и выживут ли до её конца. Играть одновременно с Зельдой, Лиаром и Первым Советником очень непросто; и это лишь те противники, которых они знают.

Почему она не родилась вторым Ликбером? Или просто колдуньей? Или хотя бы расчётливой стервой? Почему мама растила её маленькой принцессой, а не интриганкой, просчитывающей каждый шаг на десять ходов вперёд?..

«Не грусти. Ребячество, наивность, невинность... это не всегда недостатки. И ты не раз делала то, что сумеет далеко не каждый умный циничный взрослый. — Алексас ласково коснулся её волос, заправив за ухо тёмные пряди, щекотавшие её скулы. — Но когда украли Лив, ты не опустила руки и не заплакала от осознания собственной беспомощности. Ты оседлала Принца и пустилась в погоню. Это не поступок глупого избалованного ребёнка».

«Мне просто некогда было задуматься о том, насколько я беспомощна. А Богиня любит дураков. — Таша смотрела на него, и во взгляде её плескалась горечь. — Я действовала ровно так, как ожидал от меня Лиар. Только и всего. Не разочаровала его, как он говорил. — Она отвернула голову, уставившись в окно. — Наверное, мне должно бы радоваться, что не разочаровываю амадэя...»

Вместо ответа Алексас обнял её за плечи, и какое-то время оба молчали. Молчали до тех пор, пока Таша не ощутила, как его объятия — крепкие и нежные объятия верного друга и верного рыцаря — наконец заставляют отступить холод каменных стен проклятого замка, позволив ей снова ощутить тепло.

«Знаешь, порой и хочется опустить руки. Просто чтобы наконец его разочаровать, — призналась она тогда. — Да только это не вернёт мне маму. И Норманов не спасёт».

Она кожей чувствовала его пытливый взгляд.

«А зачем ты их спасаешь?»

Вопрос застал врасплох.

Хотя бы потому, что до сего момента Таша сама об этом не задумывалась.

«Они ведь не друзья тебе. И не ты у них в долгу, а они у тебя, — продолжил Алексас: почти вкрадчиво. — Так зачем ты это делаешь? Зачем рискуешь всем, что у тебя есть, ради них?»

Она долго молчала.

Но затем всё же дала ответ.

«Я лучше погибну за них, — сказала она тихо и решительно, — чем буду жить, помня, что могла их спасти и ничего для этого не сделала».

Алексас только смотрел на неё. Смотрел, пока тишину не прервал робкий стук в дверь.

После чего на миг прижался губами к её виску.

«Какая же вы всё-таки милая, моя королева», — молвил он с такой щемящей нежностью, что изумлённой Таше отчего-то стало почти больно. Отстранился — и невозмутимо, совсем иным тоном крикнул:

— Войдите!

Долгожданные служанки — две молодые девушки — вежливо поприветствовали гостей. Одна тут же принялась застилать постель, другая возиться с камином. И когда вместо ожидаемого аромата цветочного тления, которым веяло от эйрдалей, Таша почуяла совсем иные запахи, это крайне её удивило.

Удивило неприятно.

«Они... люди?»

«Именно. — Алексас пристально наблюдал за служанками, делающими свою работу. — Скажешь мне, что с ними не так?»

Таша молча смотрела на девушек. Обе были в зимних сапогах и в тулупах поверх шерстяных роб: видно, в комнатах слуг не топили вовсе.

Нет, конечно, это было предсказуемо. То, что нечисть, хозяйничающая в замке, не снизойдёт до того, чтобы собственноручно прибирать свою огромную вотчину.

Но до этой секунды Таша предпочитала не задумываться о том, кого эйрдали и оборотни используют в качестве слуг.

«Они... какие-то... послушные, — сказала она, когда девушки молча удалились, закрыв за собой дверь. — Их лица...»

«Будто они всю жизнь только об этом и мечтали: служить кровожадной нечисти. — Смяв волшебный огонёк в ладони, Алексас поправил пуховое одеяло. — Верно».

Приветливо-умиротворённое выражение на лицах, добродушная полуулыбка, застывшая на губах... и наивная пустота во взгляде. Такая пустота бывает у новорожденных — и то далеко не у всех. Таша видела немного младенцев, однако Лив уже из колыбели наблюдала за окружающим миром живым и крайне заинтересованным взором: явно размышляя, как в будущем будет интересно исследовать тот или иной предмет с точки зрения обоняния, осязания и вкуса, даже если это окажется редкостной гадостью, а все вокруг будут вопить «нельзя». Особенно если все вокруг будут вопить «нельзя».

И глаза крошки Лив были куда более осмысленными, чем у этих людей.

«Значит, эйрдали их зачаровали? Но Орек... когда его очаровывала Кэйрмиль...»

«Вёл себя совсем не так? Выглядел мрачно, отсутствующе, замкнуто? — сдёрнув сапоги, Алексас развалился поверх одеяла, раскинув длинные руки. — У Орека Нормана куда более сильная воля, чем ты можешь себе представить. Этим девочкам наверняка внушили послушание единственный раз, а с тех пор время от времени обновляют чары... хотя они и так надолго останутся покорными овечками. Орек же сопротивлялся всё то время, что он прожил с Кэйрмиль. А ведь она постоянно держит герцога под ментальным воздействием. — Алексас качнул головой. — Но он любил, — и ты удивишься, сколь многому может противостоять искренне любящий».

«Только вот его жену это не спасло», — тихо сказала Таша, присаживаясь на противоположный край кровати.

«Орек так и не согласился сам нанять убийцу для любимой супруги. Или подлить яд ей в суп. Хотя Кэйрмиль, полагаю, очень на этом настаивала. Тогда после убийства младших Норманов было бы легко повесить на герцога по крайней мере одно убийство, после чего избавиться от муженька руками стражников и судей».

Таша в который раз глубоко посочувствовала Ореху. До чего ужасная судьба: потерять любимую, брата, невестку, едва не потерять племянников и не быть убитым самому — и всё из-за одного-единственного эйрдаля, влезшего в твою постель! И даже когда Арон разоблачил убийцу, вроде бы навсегда изгнав подлую девицу из герцогского дома...

«Почему всё-таки Орех? — рассеянно спросила Таша в такт своим мыслям. — Я думала, Кэйрмиль охотится за его деньгами и титулом. Но раз у Орека такая сильная воля... Кэйрмиль вполне могла найти кого-то послабее. В Срединном не так уж мало герцогов, в конце концов. И теперь, когда ясно, что она действовала в интересах «Рассвета», по приказу Зельды...»

Алексас только кивнул, поощряя ход её рассуждений.

«Я сначала решила, что чаша — просто месть за клеймо, — продолжила Таша, ободрённая этим кивком. Сама она не видела клейма, которое Арон выжег на лбу Кэйрмиль в наказание за содеянное, однако Джеми некогда описал ей сцену разоблачения эйрдаля во

всех подробностях. — Что Кэйрмиль предложила подкинуть чашу Ореку, когда в «Рассвете» стали думать, кого из герцогов использовать для покушения на короля. К тому же Кэйрмиль воздействовала на его сознание, а это должно было сыграть роль при досмотре памяти. — Таша хмуро смотрела на пламя, разгоравшееся в камине. — И сыграло».

«Не спеши с выводами, — медленно произнёс Алексас. — Мнится мне, в сложностях с досмотром памяти Орека повинна не Кэйрмиль. Во всяком случае, не только она».

«А кто ещё?»

«Арон».

Таша расширила глаза.

«С чего ты взял?»

«Он что-то сделал с сознанием Орека, помнишь? Чтобы человек, переживший то, что пережил наш герцог, за одну ночь перестал тосковать и нашёл в себе силы жить дальше... сомневаюсь, что это было достигнуто путём одной лишь душеспасительной беседы. Арон выстроил в сознании Орека ментальный барьер, но сделал это далеко не так филигранно, как когда менял твою память. Не видел в том нужды. И на этот-то барьер в итоге дознаватели и наткнулись. — Алексас зевнул, лениво прикрыв рот ладонью. — Но сомневаюсь, что Зельда стала бы прислушиваться к советам обиженной Кэйрмиль, будь они продиктованы одной лишь обидой... А теперь, пожалуй, нам обоим не помешает хоть немного вздремнуть».

«Пожалуй», — согласилась Таша, прежде чем спихнуть его с кровати.

Не ожидавший такой подлости Алексас даже не сразу смог встать. Лишь смотрел снизу вверх, пока лицо его не закрыло скинутое следом одеяло.

— Бунт? — донёсся его голос, приглушённый пресловутым одеялом, когда на жертву женского коварства сверху шлёпнулась ещё и подушка.

«Мне привычно спать с тобой в одной комнате. Но не в одной постели. А влюблённые могут быть и в ссоре. — Взбив подушку, Таша скинула куртку, жилет, сапоги — и, по нескольким причинам не решаясь избавиться от остального, демонстративно разлеглась посреди кровати. Правда, укутавшись в одеяло, она добилась лишь того, что от соприкосновения кожи с ледяной тканью мигом стало ещё холоднее. — Наличие посторонних рыцарей в моей кровати помешает твоей королеве нормально выспаться».

Откинув с головы одеяло, Алексас отплевался от вылезших оттуда перьев; в синем взгляде плескалось веселье.

«А пол холодный, — задумчиво констатировал он. — Учти, если я заболею и умру, ты будешь горько плакать. Готова каждый день вместо своих прекрасных очей созерцать в зеркале воспалённый заплаканный кошмар?»

Таша с сомнением повернула голову.

«Ты? Заболеешь?»

«Все люди могут заболеть. Если ты об этом забыла».

«Ты же не совсем человек».

«Поверь, слабое тельце Джеми подвержено болезням не хуже любого другого».

Фраза напомнила Таше о том, о чём ей вспоминать совсем не хотелось... и, подумав, она молча перекатилась обратно на свою половину кровати.

Робкий бунт не выдержал первой же схватки, и шпага горделивого непокорства, нанеся один-единственный неумелый удар, выпала из милосердной женской руки.

— Не лягаться, не пинаться, не храпеть. И особо не ёрзать, — буркнула она: уже вслух.

— Может, по старой традиции ещё и обнажённый меч между нами положить? — возвращая подушку на её законное место, с усмешкой поинтересовался Алексас. — Дабы ты не сомневалась в чистоте моих помыслов?

— Так и быть, поверю на слово.

— Премного благодарен, моя королева. Я знал, что вы проявите благоразумие и побоитесь испортить прорезями свой прекрасный новый наряд.

— Спи давай!

— И вам прекрасных снов.

Слушая тихий треск, сопровождающий танец огня в камине, и смущённо разглядывая резьбу, которой неизвестный мастер с интересными фантазиями украсил деревянное изголовье их кровати — где странные люди с оленьими рогами танцевали на поляне с лесными нимфами, хрупкие станы которых облекали лишь тонкие цветочные лозы, — Таша вдруг улыбнулась.

Что ни говори, а с Алексасом даже в логове кровожадной нечисти было совсем не так уж плохо.

* * *

— Значит, утром отправляемся за Ташей? — спросила Лив, воодушевлённо перескакивая через две ступеньки: жилые комнаты располагались под самой крышей.

Лестница в Школе Волшебников была самая обычная — широкая, каменная, вьющаяся в несколько пролётов через все этажи. Правда, Лив показалось, что после первого пролёта ступеньки на следующих стали не такими крутыми: будто специально уменьшились, чтобы ей удобнее было по ним бежать. Гулкое эхо шагов, разбиваясь о светлый мрамор, разлеталось среди белёных стен.

— Да, — без труда поспевая следом, кивнул Арон.

— И скоро мы её найдём? И Джеми тоже? И все вместе вернёмся домой, да? О! — наконец добравшись до третьего этажа, Лив с любопытством обозрела длинный широкий коридор со множеством дверей, чуть поодаль изгибающийся под прямым углом. — Значит, здесь школьники живут?

Откровенно говоря, в коридоре не было ничего особо выдающегося. Те же простые белёные стены, светлый мрамор на полу, аскетичные дубовые двери, вделанные в полукруглые арки. Но Лив догадывалась, что внутри самой Школы волшебство просто не кричит о себе, хитро маскируясь за внешним отсутствием красоты и излишеств. Прячется до нужного момента — и это почему-то вызывало в девочке жгучий азарт, подстёгивавший когда-нибудь обязательно разгадать все тайны этого места.

— Твоя комната, — сказал сопровождавший их Иллюзионист, взмахом руки открывая ближайшую дверь. — Держи ключ.

Лив послушно наклонила голову, позволив повесить себе на шею бронзовую цепочку с маленьким ключиком.

— А где дядя Арон будет спать?

— В соседней комнате. Не волнуйся, он с тобой посидит, прежде чем уйдёт. Правда, дядя Арон?

Тот лишь смиренно кивнул.

Насколько Лив могла судить, Мастер Вермиллион приёмному отцу всё-таки понравился. Пусть и не с первого взгляда. И, похоже, симпатия была взаимной.

Во всяком случае, дядя Арон мало кому спускал подобные ехидности.

— Теперь ложись спать, и поскорее, — убедительно произнёс Иллюзионист.

— А я не проспю момент, когда нам надо отправляться?

— Тебя разбудят.

Успокоенная этим, Лив прошла внутрь, без отлагательств скидывая плащ. С любопытством оглядела мансардную комнатку: обставленную просто, но со вкусом, маленькую и очень уютную. Ещё более уютной она стала, когда Мастер одним взглядом

заставил вспыхнуть цветастый светильник — надо же, ему и пальцами щёлкать не надо, как всем магам!..

— Тогда до завтра? — неуверенно изрекла Лив, глядя на волшебника.

Тот улыбнулся вместо ответа — и, прикрывая дверь, чтобы уйти, пожелал ей спокойной ночи.

— Вы тоже идите спать, дядя Арон, — решительно заявила девочка, присаживаясь на краешек кровати. — Я и так засну, а вам завтра тоже рано вставать.

— Точно заснёшь?

— Точно! Это только Таше кошмары снятся, а со мной всё хорошо.

Амадэй печально усмехнулся. В свою очередь пожелав ей приятных снов, направился к выходу.

— Дядя Арон, а когда мама вернётся? Сколько ещё она будет в гостях? Вы ведь наверняка можете вылечить эту дурацкую порчу, которую на неё наслали! — не удержавшись, выпалила Лив. — А мы бы с Ташей вам помогли, чем можем... Или, может, ей хотя бы письмо от меня передадут? Таша говорила, что ей писала, но я тоже хочу! И по зеркальцу, наверное, с ней отсюда можно связаться! В Школу-то ваш брат не доберётся...

Арон замер. Обернувшись, помолчал.

— У нас же в деревне эпидемия, Лив, — наконец произнёс он. — Помнишь?

— Значит, ей пока туда нельзя? — она грустно шмыгнула носом. — Но мама-то об этом не знает! Может, пока нас нет, она уже и вернётся?..

— Нет ничего невозможного в подлунном мире, — тихо сказал амадэй. — Спокойной ночи, Лив.

Она смотрела, как затворяется за ним дверь. Быстро раздевшись, хлопнула в ладоши, заставляя светильник погаснуть; и, когда последние лучики света растаяли во тьме — с мечтами о том, как по возвращении в Фар-Лойл их встретит мама с госпожой Лиден, вдвоём лепящие пирожки, отвернулась к стенке и закрыла глаза.

Арон же постоял за дверью, прислушиваясь к тишине.

Убедившись, что тишина остаётся тишиной, неслышно зашагал вниз по лестнице.

Покинув Школу, амадэй прошёл по липовой аллее туда, где у могучего дерева с раздвоенным стволом его дожидались четыре фигуры в тёмных плащах.

— Девочка спит? — спросила одна голосом Мечника.

Арон кивнул.

— Что с драконом? — осведомился он в ответ.

— Полетит сразу за нами, — ответила вторая, подозрительно напоминая Мастера Заклинателя. — Не беспокойтесь за дочь, Гирен за ней присмотрит. Не говоря уже о Библиотекаре, Зельеваре и школьниках.

— Надеюсь, — сумрачно произнёс Арон и добавил — скорее для себя, — иначе она таких дел может наворотить...

— Учитывая, что предстоит воротить нам, — со смешком заметила третья фигура, в которой без труда узнавался Иллюзионист, — её способности в этой области могли бы пригодиться.

Четвёртая фигура так и не подала голос. Лишь вскинула руки, и с кончиков её пальцев полились потоки синих искр, колючими вспышками отразившиеся в аметистовых глазах.

— Я последний, — молвил Мастер Странник, когда искры сформировали сияющую арку в человеческий рост.

Мечник шагнул вперёд, сжимая в ладони рукоять невидимого меча, ждавшего своего часа на поясе. Миг — и Мастер исчез в синем сиянии. Выждав несколько секунд, за ним последовал Заклинатель; за тем — Арон, подчинившийся приглашающему жесту Иллюзиониста.

В тот же миг искры погасли.

— Знаешь ли, для амадэя можно было обойтись и без зрелищных фокусов, — задумчиво глядя на то место, где только что сияла волшебная арка, молвил Вермиллион Морли. — Не мог сразу сделать нормальный невидимый проход?

Странник лишь плечами пожал:

— Для гостей всё надо делать красиво.

Мастер Иллюзионист засмеялся, и один за другим волшебники шагнули вперёд, исчезнув в пустоте.

* * *

— Сыграй со мной в аустэйн! — потребовала Лив, повиснув на Джеминой шее.

Тот лишь буркнул что-то неразборчивое, скрипя пером по бумаге, даже не оторвав взгляда от страниц позаимствованного у господина Гирена талмуда «Пространственно-

временные соотношения: теория и практика».

— Сыграй! — настойчиво повторила девочка.

— Я занят, не видишь?

— Сыгра-ай!

— Да что ты будешь делать! — досадливо возопил Джеми, когда Лив бесцеремонно ухватила его за волосы.

— Оторвись от трудов научных и обрати внимание на ребёнка, — посоветовала Таша, облизывая палец и перелистывая страницу: до сего момента она тихо-мирно читала, лёжа на кровати.

Хотя у Джеми была своя комната — так сложилось, что дневал он у Таши. На практические занятия они с Алексасом уходили в сад, но теорию колдуну-недоучке комфортнее было учить в присутствии своей королевы. Равно как и отдыхать. Последнее, правда, случалось довольно редко, и тогда Таша обязательно вытаскивала его на улицу — чтобы книжный червь немного проветрился — или припрягала помогать им с госпожой Лиден по дому. Лив же проводила рядом с сестрой всё время, что не забирала школа, немногочисленные домашние обязанности и редкие прогулки с местными ребятами.

Если Лив ещё как-то влилась в Фар-Лойлское общество своих ровесников, Таша и её рыцари предпочитали проводить свободное время втроём. Ребят их возраста в деревне жило не так уж много — человек десять от силы, — и с теми, кто жил, им было неинтересно. Джеми не мог разговаривать с людьми, которые не в силах были легко поддержать беседу о восстании Заречной сто сорок восьмого года Третьей Эпохи Аллиграна; Алексас считал ниже своего достоинства общаться с деревенскими молодцами и соблазнять деревенских девиц; на Ташу же, как на слишком привлекательный и слишком выделяющийся инородный элемент, местные девушки смотрели косо, а привечать ухаживания парней она не собиралась. Не то чтобы брезговала подобными ухажёрами — просто после всего пережитого было как-то не до того.

В итоге что в школе, что на деревенских празднествах парочка добровольных изгоев не задерживалась дольше необходимого. Спеша домой... или куда-то ещё. Но главное — вдвоём.

С третьим, всегда наблюдавшим с задворок сознания.

— Ага, значит, я буду развлекать твою сестру, пока ты спокойно изучаешь труды научные?!

— У меня не труды и не научные, — невозмутимо ответила Таша.

Она достаточно знала Джеми, чтобы понять — тот не иронизирует. Больше всего мальчишку возмущало, когда его заставляли отдыхать, пока другие продолжали проводить

время с пользой.

— А что?

Таша молча подняла книгу так, чтобы её рыцарь рассмотрел обложку.

— Что ещё за «Некромант»? — нахмурился Джеми.

— Новый роман Акурида. Он рисует книги в гравюрах.

— Фи. — Джеми мгновенно потерял всякий интерес. — Как ты можешь читать подобную ерунду? Это же рассчитано на дураков без воображения! Картинки дают человеку возможность не думать, не отправлять фантазию в полёт, а принимать то, что дают! И текста там — три странички!

— Побольше. — Наслаждаясь его гневной мордашкой, Таша снова развернула книгу к себе. — Просто в обычных книгах авторам приходится описывать внешность героев, их действия... место, где действие разворачивается. Здесь всё это нарисовано, и появляется возможность печатать одни диалоги. Которые в данном произведении весьма остроумны, а местами и философичны.

— Да ну?

Облизнув палец, Таша перелистнула пару страниц, возвращаясь назад.

— «Совершенство любить легко, — зачитала она, — но лишь истинная долготерпимая любовь принимает человека во всём его трогательном несовершенстве».

— Банально, но верно, — крайне саркастично и неохотно согласился Джеми.

Таша снова облизнула палец.

— «Тяжело осознавать предательство любимого человека, но ещё тяжелее принять, что его не будет рядом, — продолжила она, вернувшись ещё чуть раньше. — Когда любишь, всё прощаешь».

— Предательство прощать нельзя, — категорично заявил Джеми.

— Когда у тебя будет любовный опыт — поймёшь, — снисходительно сказала Таша, листая до следующей загнутой странички.

Сама она подобным опытом, правда, пока тоже не была умудрена. С другой стороны, летом она простила Арона, который не то чтобы её предал и не то чтобы лгал, но очень многое недоговаривал; а не сказать, что ты амадэй — недоговорка очень весомая. Как и то, что таинственный кукловод, повинный во всех Ташиных бедах — твой брат.

Впрочем, Таша ведь взяла с него слово, что между ними больше никогда не будет лжи...

— Ещё что-нибудь припасено?

— Ах, да. — Опомнившись, Таша опустила взгляд. — «Истинное чувство никогда не проходит. Тем и отличается истинное от фальшивого: второе с годами тускнеет, первое же не разрушат и тысячелетия».

— Да что ж всё про любовь-то...

— Бее, — смешно наморщившись, подтвердила Лив.

— Вы, верно, удивитесь, но любовь — двигатель жизни, — переступая порог, заметил Арон. Он всегда знал, когда дети сидят без дела, и в таких случаях всегда входил в комнату без стука. — Всё в этой жизни делается ради любви. Пусть иногда это любовь не к одному человеку, но к людям вообще. Или любовь к деньгам. Или к некоей далёкой, но конкретной известной цели... если говорить о людях, которые двигают историю.

— Любовь к деньгам — не настоящая любовь, — заявила Лив, бесцеремонно вскарабкиваясь на колени к Джеми.

— О, у тех людей, о которых я говорю, это даже не любовь. Это страсть, это мания... которые всё же являются разновидностями любви. Пусть и фальшивой. — Арон присел на кровать рядом с потеснившейся Ташей. — Просто для своих чувств они избирают не тот объект поклонения.

Джеми сосредоточенно погрыз губы. Затем вскинул голову.

— Святой отец, я тут перечитывал учебник истории...

В сотый раз, устало подумала Таша.

— ...и в главе про Тёмное Время... в общем, там описывалось свержение амадэев королём Таришем Бьорком Первым.

Таша поспешила сесть.

Хотя, возможно, ей лишь показалось, что светлые глаза дэя чуточку потемнели.

— Не сомневаюсь, — наконец сказал Арон. На его плечах таяли снежинки: сегодня вместе с первым снегом началась зима. — Великая глава нашей истории. Кажется, в учебниках пишут, что все шестеро алчных и властолюбивых мерзавцев были убиты, несмотря на упорное сопротивление и Адамант, сожжённый в ходе битвы?

— Да... и... я подумал...

— Я знаю, что ты подумал. — Амадэй пристально смотрел на него. — Хочешь, чтобы я рассказал историю до конца?

Джеми заметно съёжился.

— Просто... раз уж вы начали... я не хотел...

— Не волнуйся. Дерзостью не сочту. Тобою двигал лишь глубочайший научный интерес, я знаю. — Арон отвернулся, глядя в тёмное окно. — Значит, тебя интересует та ночь?

Мальчишка опасливо кивнул, — а Таша, пристроившись под бок к амадэю, по-кошачьи боднула его лбом в руку, чтобы тот обнял её за плечи.

И приготовилась слушать.

Какое-то время Арон молчал.

— Мы ждали, что это случится, — наконец заговорил он, тихо и неторопливо. — В тот год в Аллигране было очень беспокойно. Раньше Воины без труда контролировали погоду в Долине, но в тот год, даже объединившись, не смогли ничего сделать ни с летней засухой, ни с затянувшейся зимой. Что-то сопротивлялось их силам... будто природа вдруг стала обладательницей собственной злой воли. Логичным следствием явился голод, и по всей Долине вспыхнули междоусобицы: люди дрались друг с другом за зерно и скотину. На дорогах хозяйничали разбойники, грабя все караваны без разбору, перепуганный народ хлынул в города, где и без того не хватало пищи... Нам приходилось закрывать городские ворота, а отчаявшиеся люди пытались взять их штурмом. — Арон прикрыл глаза: даже сейчас, шестьсот лет спустя. — А довершили дело тиф и ведьмина лихорадка.

— Ужас, — прошептала дрожавшая Лив.

Джеми неуклюже погладил девочку по голове. Таша могла только улыбнуться сестре, — впрочем, улыбка её наверняка вышла натянутой.

Она, росшая в одно из самых благоприятных периодов в истории Долины — спасибо мудрому правлению Шейлиреара — могла только представить, каково это: война, голод и эпидемия. И одно представление о подобном кошмаре бросало её в дрожь.

И после этого «Венец» пытается свергнуть Шейлиреара с престола?..

— Совершенно естественно, что власть амадэев сильно пошатнулась. Особенно после того, как Ликбер вызвался помочь нам наколдовать дождь — и помог. После этого авторитет основателя Школы Волшебников вознёсся до небес, а наш рухнул почти окончательно.

— А как вы с ним познакомились... с Ликбером?

В голосе Джеми послышалась благоговейная хрипотца, — и Таша наострила уши, устраиваясь поудобнее. В объятиях Арона было так уютно и тепло, как прежде ей бывало только в маминых. И ещё чуточку теплее; должно быть, от чувства абсолютной

защищённости, которое всегда появлялось рядом с ним, которого не могла подарить даже мама.

Значит, вот оно — ощущение, которое должно возникать рядом с любимым отцом?..

— Все маги, стоило им закончить обучение, представляли перед амадэями для назначения в тот или иной город или деревню. Тогда на каждую пару деревень должен был быть свой маг... В то время ещё не существовало разделения на колдунов и волшебников. Были выпускники Школы господина Оррака, только-только основанной, и маги, получившие образование «по старинке». — Таша знала, о чём он: до появления Школ старые маги, чувствуя приближение конца — ещё одна привилегия обладателей Дара, — выбирали себе преемника и учили его всему, что знали, и для одарённых детей это была единственная возможность стать настоящим магом. — Что интересно, сторонников традиционных методов обучения было куда больше, чем колдунов с дипломами Школы. Но вот однажды из ничем не примечательной деревеньки...

— Шеловки в Заречной, — уточнил Джеми с трепетным придыханием. — Там, где сейчас Заречная, точнее.

Таша покосилась на него с укоризной: пускай её рыцарь зазубрил всё о своём кумире, но вовсе необязательно перебивать рассказ подобными ремарками! Если Арон захочет, добавит подробности сам, — а лично ей они совершенно ни к чему.

— ...прибыл к двум нашим сёстрам, правившим Арпагеном и окрестностями, милый улыбчивый мальчик. Светловолосый, зеленоглазый, тонкий, статный... чем-то на вас с Алексасом был похож...

Как Джеми ни силился, сдержать горделивой улыбки он не смог.

— ...и силён, как два мага. Уже тогда. И Арпагенский Воин — её звали Зельда, — не устояв, назначила его штатным магом в городскую стражу: чтобы был поближе. А на досуге часто с ним встречалась, чтобы научить тому, чему он мог научиться только у неё.

Глядя на амадэя снизу вверх, Таша расширила глаза:

— Она что... с ним...

— Нет, иначе мы бы об этом узнали. Она помнила, что бывает с избранниками амадэев, нарушивших запрет. И слишком любила его для этого. — Арон печально улыбнулся. — Ей было довольно простого человеческого общения и осознания, что у неё появился друг, почти равный ей. И они встречались, чтобы она могла научить его тем заклятиям, которых он нигде больше не узнал бы. Только и всего.

— А разве маги знали не всё, что знали вы?

— Многие заклятия лучше было не открывать людям. Тогда разделений на уровни ещё не было, но если считать по нынешним меркам... тогда маги обходились заклятиями до

седьмого уровня включительно. Это не мешало им изобретать собственные заклинания, конечно, но в те времена человеческие маги... скажем так, были сильно ограничены. — Арон тяжело вздохнул. — Мы рассказали им далеко не всё, что знали сами. В основном потому, что эти знания могли убить неосторожных, и потому, что, попав не в те руки, они грозили обернуться великими бедами. Но отчасти и потому, что мы считали истинное магическое мастерство привилегией амадзев.

— Но это...

Джеми осёкся, поспешив прикусить язык, — забыв, с кем имеет дело.

— Это нечестно, хотел сказать ты? Согласен. — Амадэй спокойно кивнул. — Я неоднократно говорил, что прекрасно понимаю Ликбера. То, почему он решил, что век амадзев истёк.

— Зельда сообщила ему всё, что знала, да? — тихо спросила Таша.

— Почти. Ликбер схватывал всё на лету, и это опьяняло Зельду, подталкивая рассказывать ему о заклятиях сложнее, сложнее... Их дружба длилась несколько лет, и за это время Ликбер достиг таких успехов на магическом поприще, что ни один человеческий маг в Аллигране не смог бы с ним сравниться. Всё узнаваемое он скрупулёзно записывал, дабы не забыть... а потом подал в отставку и отправился в путешествие по Аллиграну. Он разъезжал по деревням и сёлам, демонстрируя их жителям своё могущество, а после предлагал детям с Даром идти к нему в ученики. Кто-то боялся нарушить многовековую традицию: как так, вместо одного преемника набирать целую ораву? Но многие согласились — и через шесть лет первые ученики Ликбера Великого были готовы выйти в люди. — Арон помолчал немного. — Затем последовала эта связь с драконом. Драконьи всадники встречались и прежде, но если перед ними простой люд трепетал, то Ликбера стал боготворить. Правда, вскоре он полюбил простую милую девушку по имени Лина... а, как известно, либо дракон, либо человек. Ликбер решил не упускать ни того, ни другого, и разорвать связь с драконом тогда, когда в ней уже не будет нужды. А пока помолвился с Линой и предоставил ей терпеливо дожидаться будущей свадьбы.

— И как ко всему этому относилась Зельда? — спросила Таша, чувствуя жалость.

Это со стороны сразу были видны истинные мотивы предприимчивого молодого человека. Но если на миг представить себя на месте его жертвы...

— С того момента, как Ликбер объявил о своей помолвке, она покатила по наклонной дорожке. Несмотря на все предупреждения своей названной сестры — да и мои тоже, — Зельда наивно надеялась, что Ликбер испытывает к ней чувство большее, чем дружеское. Думала, раз они не могут быть вместе, Ликбер выберет дракона, телесную чистоту и её, Зельду, в качестве той, что всегда рядом... а вместо этого любимый с милой улыбкой объявил ей, что навсегда уезжает из Арпагена, дабы открыть в Адаманте свою Школу, — а лет через пять, когда всё устроится, разорвёт связь с драконом, чтобы жениться. В том, что невеста его дождётся, он не сомневался.

— Гадёныш, — мрачно резюмировала Таша.

Джеми лишь моргал ошеломлённо: явно пытаюсь совместить облик кумира, уже сформировавшийся в его голове, с тем, что он узнавал о нём теперь.

— Ну, он хотя бы был честным... тогда. Но с тех пор от прежней Зельды, любимой нами и любящей нас, не осталось и следа. Говорить с кем-либо о произошедшем она отказывалась, принять чью-либо помощь — тоже; ведь теперь она понимала, что видели мы со стороны все эти годы. Гордость заставляла её отвергать спасительные соломинки, протягиваемые ей братьями и сёстрами, и игнорировать тот факт, что она всё больше погружается в болото уныния, отчаяния... злости. И вместе с единственным человеком, которого она любила и который предал её, Зельда возненавидела всё человечество. — Арон неотрывно смотрел вперёд, прямо перед собой. — Она ничего не говорила, да только при встрече я заглядывал в её разум... видел, как она бродит в свободное время по улицам Арпагена. Но не для того, чтобы отвлечься или забыть о бремени веков за плечами. Нет, теперь она бродила по улицам, заглядывая в окна, подглядывая, подслушивая; и каждый побитый ребёнок, каждая брошенная девушка, каждый умирающий старик, подле постели которого нетерпеливыми стервятниками дежурят его наследники, всё больше убеждали Зельду в том, о чём она уже не один раз задумывалась в судилище. В том, что люди не заслуживают таких защитников, каких оставила им Кристаль. — Он горько усмехнулся — и Таша с содроганием поняла, что это было эхом и его собственных сомнений. — К чему заботиться о существах, которые, наделённые душой и разумом, творят такое? Убийства, грабежи, насилие... Жадные, злые, жестокие создания. Наверное, когда-то люди были лучше, но века благоденствия под управлением амадзев испортили их...

Какое-то время Арон смотрел в окно, где белыми мотыльками метались на ветру снежинки. Смотрел, пока Таша неуверенно не коснулась кончиками пальцев его руки на своём плече.

Этим прикосновением вернув в его остекленевшие глаза тёплые краски жизни.

— А потом был этот дождь. И демоны, прорвавшиеся из Бездны, — наконец молвил амадэй. — Кристаль ничего не говорила ни о Бездне, ни о тварях, что в ней обитают. Не уверен, что она сама знала об этом. А потому мы и представить не могли, с чем столкнёмся. И слабейший демон страшнее, чем висп из Белой Топи; и цель у демонов одна — выживать, а для этого — есть... а для этого — убивать. — Он снова помолчал — и Таша на миг устыдилась, что слишком заинтересована этим рассказом, чтобы прервать его: не заставляя приёмного отца рассказывать о том, что даже сейчас причиняет ему боль. — Первый демон, на нашу беду, объявился в окрестностях Арпагена. И когда наши сёстры попытались его остановить, и оказалось, что тварь куда сильнее, чем кажется — Зельда решила её сжечь. Испепеляющим огнём. — Арон прикрыл глаза. — После Зельда убеждала нас, что не рассчитала силы; однако факт в том, что огонь почему-то вспыхнул по всей деревне. И твари от этого не было ровным счётом ничего. После этого мы и выяснили, что демоны абсолютно неуязвимы для магии огни. Зато сто человек... женщины, дети, старики...

Джеми нервно качнул на коленях Лив, сидевшую с широко раскрытыми глазами, — и Таша испытала некоторую гордость, когда поняла, что сестра слушает страшный рассказ без малейшего страха.

— Это и стало той искрой, из которой Ликбер раздул пожар восстания. Учитывая всё, произошедшее ранее... массовое убийство невинных людей одним из амадэев оказалось последней каплей. Особо фанатичные даже вывели теорию, что на самом деле демоны находятся под нашим контролем, а сами мы одержимы той тварью, что ещё не вышла из Бездны, но готовится к этому. И от истинных Возлюбленных Богиней, Избранных Кристалью, защитников рода людского, остались лишь бранные оболочки. Которые надо уничтожить... во что бы то ни стало.

— Тварь за Вратами... Дракон? — тихо-тихо уточнил Джеми. — Тот самый?..

— Да. Но не будем об этом. — Мягко отстранив Ташу, амадэй встал. — Его действительно не стоит поминать к ночи.

О Драконе, воплощении тьмы, самом страшном и могущественном демоне, любимом творении Лукавой Богини Мирк, Таша знала немного. Впрочем, как и все жители Аллигрانا. Об этой твари узнали благодаря тем десяти магам, что первыми рискнули заглянуть в устойчивую прореху, соединившую Аллигран и Бездну. Ту самую, которую после назвали Вратами, и ту самую, которую после закрыл Ликбер.

Из тех десяти смельчаков, осмелившихся пробраться в Бездну, вернулся только один — не в своём уме. Вернулся лишь потому, что его отпустили.

И несмотря на то, что какая-то её часть не очень хотела это знать, Таша всё же спросила:

— Так что было дальше?

Арон стоял, сомкнув в замок руки за спиной, вглядываясь в зимнюю тьму, леденевшую за стеклом.

— Мы знали о настроениях наших подданных. Не знали только, что делать. И однажды собрались все вместе, чтобы решить этого вопроса. В Адаманте, в нашем с Лиаром судилище. Да только спустя некоторое время обнаружили, что к судилищу стекается народ... с оружием в руках, возглавляемый учениками Ликбера. — Амадэй, шурясь, бесстрастно смотрел вперёд. — Пятеро из нас в один голос сказали, что нам надо бежать. Да, мы могли расправиться с восставшими без всякого труда, но что бы нам это дало? Участь тиранов и деспотов? Вечность правления огнём и мечом? Нет, мы осознали, что наше время истекло, и согласны были уйти... да только Зельда вдруг взяла и выпрыгнула из окна. Прямо к тем, кто осмелился бросить нам вызов. И обнажила меч.

Голос Арона был ровным, но паузы становились всё дольше, — и Таша пожалела, что не может снова ободряюще коснуться его руки.

— Конечно, мы прыгнули следом. Мы пытались её остановить. Сперва — только словами. А Зельда хохотала и рубила без разбору, и кричала, что вот она, та участь, которой достойны наши подданные: кровавая баня и демоны, хозяйничающие на просторах Аллиграна. История повторяется, пятьсот лет назад творилось то же самое — а, значит, так надо; значит, лишь через страдания и страх к людям приходит очищение, значит, надо дать им то, чего они заслуживают. И тогда и только тогда вернётся то, с чего мы начинали, вернётся золотой век, которым сперва было наше правление...

Арон замолчал, и Таше, уже научившейся определять душевное состояние приёмного отца по цвету его глаз, стало жутко.

Его глаза сейчас были тёмно-зелёными.

Очень тёмно-зелёными.

— Вы её убили? — тихонько спросила Лив.

— Нет. Хотя после я не раз жалел, что не убили. — Резко отвернувшись от окна, Арон заходил по комнате размеренными кругами. — Одна из нас... Зрящая, правившая Нордвудом, сильнейшая... встала между Зельдой и очередной жертвой. Не знаю, как так получилось, — наверное, она пыталась остановить Зельду, но не рассчитала, что против себе подобной нужно затратить больше сил... может, надеялась, что рука Зельды дрогнет, может, хотела остановить её силой, да только не смогла причинить боль названной сестре... Как бы там ни было, Зельда не отвела меч. — Амадэй бесстрастным взглядом смотрел на белый камень стен. — Думаю, Зельда хотела остановиться. Просто не успела. И, как бы там ни было, она опустила меч после... и исчезла, прежде чем кто-либо из нас смог что-либо сделать. — Круто развернувшись, амадэй направился к окну. — Лиар вытащил нас из города. Тело нашей погибшей сестры — тоже. Где-то в лесах вокруг Адаманта мы вырыли могилу... а когда закончили, Воин погибшей попросил Лиара убить его.

— Так погибшая Зрящая... она была из той единственной пары, полюбившей друг друга?

Таше тут же стало неловко за вырвавшийся глупый вопрос. Неловким казалось вмешиваться в его трагический рассказ.

Но Арон отнёсся к нему совершенно спокойно.

— Да. Сильнейшая Зрящая со слабейшим Воином-мужчиной, сильнейший Воин — Лиар — со вторым по силе Зрящим... и самая слабая пара — средняя Зельда и её сестра, третья по силе среди нас.

Позже я думал, что Кристаль не зря не стала давать этой паре большую силу. Наверное, предвидела, что те могут обратить её во зло. — Арон встал напротив холодного стекла, скрестив руки на груди. — Лиар удовлетворил просьбу нашего брата, и того похоронили вместе с любимой. Там до сих пор растёт дуб, который Лиар прорастил над их могилой...

оплёл тела корнями вместо гроба. — Амадэй коротко вздохнул. — А когда мы вышли из леса, то увидели Адамант в огне.

— Зельда?..

— Именно. Выждала достаточно времени, чтобы мы ушли из города, и оставила людям свой прощальный привет. Лиар погасил огонь, но город всё равно успел выгореть почти дотла: тогда каменными были лишь дома в центральном квартале. Уцелела только Школа — магия Зельды не пробилла защиту Ликбера. И мы вернулись в изгнавший нас Адамант, но спасать там было уже некого. — Амадэй помолчал. — Мы дошли до нашего судилища. Трое, оставшиеся в живых и верными своему предназначению. И там, на пепелище, поняли, почему должны жить дальше: ведь если мы уйдём, кто остановит Зельду? Но пути наши разошлись... там же.

— Почему?

Арон опёрся ладонями на подоконник.

— Там, у судилища, открылась правда. О том, как и почему умерла Лоура. И там Лиар поклялся посвятить жизнь вечной мести, а сестра Зельды, не решившись встать на чью-либо сторону, отправилась своим путём. В альвийские леса. Думаю, там она и здравствует до сих пор... во всяком случае, я почувствовал бы её смерть. Лиар на время исчез в неизвестном направлении, а я... я отправился в своё странствие по Аллиграну, продлившееся сотни лет. Скитался по деревням и городам, лечил больных, воскрешал ушедших, судил тех, кто смог уйти от закона, истреблял монстров в меру своих скромных сил... возвращал веру тем, кто её утратил. Но задерживаться надолго нигде не мог. Ведь стоило мне к кому-то привязаться, как Лиар об этом узнавал. И начинался очередной этап его игры, в результате которого у меня неизменно отнимали тех, кого я любил. — Амадэй побарабанил пальцами по дереву. — Я раз за разом зарекался к кому-либо привязываться. Раз за разом оступался, потому что был одинок, как никогда. И понимал — если я отрекусь от любви к кому-либо, то стану ничем не лучше Зельды... а ещё был и остался неисправимым эгоистом, всякий раз надеясь, что Лиар уже наигрался. Но любая отсрочка новой игры, сколько бы она ни длилась — месяц или полвека, — была лишь отсрочкой. — Он мельком оглянулся на Ташу. — Последняя, к примеру, продолжалась почти триста лет.

— А почему вы сразу не... нашли Зельду? — уточнил Джеми после долгого молчания.

Не требовалось быть телепатом, чтобы понять — вместо «нашли» мальчишка хотел употребить совсем другое слово.

— Много причин. Её сестра никогда на это не пошла бы. Я не мог, как ни старался: слишком сильными чарами она себя защитила. А Лиар... чего не знаю, того не знаю. Одно время я думал, что он встал на её сторону. Потом понял, что дело не в этом.

— Они бы нашли друг друга, — процедила Таша.

— Сомневаюсь. Порой людей сводит ненависть, но у их ненавистей слишком разные природы. — По выражению лица амадэя Таша поняла: память уже снова вернула его к событиям очень далёких лет. — После той ночи Ликбер предложил людям объединить свои земли в королевство. Следом представил своего племянника главой восстания, чудом выжившим, и предложил провозгласить его королём. Люди восприняли все его слова с радостью: те, кто мог бы опровергнуть легенду, сгорели в пожаре, а остальные считали Ликбера новым воплощением Кристалли Чудотворной. Ликбер мог бы с лёгкостью сам сесть на трон, но не пожелал. И вместо этого лишь воздвиг на месте сгоревшего Адаманта то белокаменное чудо, которое можно видеть там и по сей день. В подарок новоявленному королю... А вскоре после того, как завершил работу над городом, когда стало ясно, что по-другому в войне с демонами людям не победить — отправился за Врата, закрыть которые можно было только с той стороны. И сделал свой последний подарок человечеству: ценой собственной жизни подарил жителям Аллиграна новую эпоху, счастливую и благополучную. Взамен той, что ранее отнял.

Какое-то время было так тихо, что стало слышно, как шуршит снег за окном и свистит чайник. Внизу, на маленькой тёплой кухоньке.

Так близко и так далеко.

— А Ликбер... не был Чудотворцем? — спросила Таша: то, что давно хотела и не решалась спросить.

— Нет. Он мог творить заклятия десятого уровня, но он не был равен Кристалли. И посланцем Богини не был, — Арон помолчал и повторил, — не был. Но... зачем-то он пришёл в этот мир. Значит, так было нужно: чтобы амадэи ушли. Чтобы Аллигран стал Королевством. Чтобы Врата Бездны были закрыты. — Отстранившись от окна, амадэй наконец обвёл взглядом их задумчивые лица. — Вот и конец истории.

Они долго сидели в молчании.

— Знаешь, — наконец произнесла Таша, — когда я... когда я задумываюсь, кто ты... — она так старалась подбирать слова, что выдать предложение целиком никак не получалось, — какой ты... великий, сколько всего повидал...

— Забудь. Забудьте. Всё это было сотни лет назад. — Арон улыбнулся ей, спокойно и мягко, и глаза его лучились: будто изнутри действительно шёл тёплый и уютный свет. — Здесь и сейчас я лишь тот, кто о вас заботится. Кто вас любит. — И покосился на дверь. — И кто скоро будет убит госпожой Лиден за то, что заболтался и забыл снять чайник с огня...

Проснулась Таша снова от того, что её босую пятку пощекотали чьи-то лёгкие пальцы, — и возмущённо дрыгнула ногой сквозь ускользающий сон.

— Ммм! Что за дурацкая привычка!

— И вам доброе утро, моя королева, — ловко избегнув удара, невозмутимо улыбнулся Алексас.

Щурясь от света волшебного огонька над его плечом, Таша выпуталась из-под одеяла, за ночь нагревшегося до состояния лёгкой прохлады — и тут же поспешно юркнула обратно.

— Д-демоны, почему так х-холодно?!

— Ночью в камине закончились дрова. Новые, надеюсь, принесут позже, но нам всё равно скоро уходить из комнаты. Ну давай, не капризничай и вылезай.

— Не хочу!

— Придётся.

— Ещё темно же! Почему ты меня разбудил в такую рань?

— Потому что нам принесли завтрак, и не думаю, что ты возжелаешь есть его безнадёжно остывшим. — Алексас поднял с пола её сапоги. — Ладно, пока можешь не вылезать. Давай ногу.

Таша вновь смущённо наблюдала, как верный рыцарь натягивает на неё сапожки, а потом, бесцеремонно откинув одеяло, накидывает на плечи плащ. Такая забота вынуждала её чувствовать себя не то ребёнком, не то куклой; но благодаря этой заботе спустя какое-то время Таша перестала судорожно цыкать зубами и даже решилась умыться, — от чего непременно зацыкала бы снова, не нагрей Алексас воду в кувшине.

— Ну и условия тут. — Умывшись, Таша по-кошачьи отфыркалась. На краю сознания слабовольно скользнула мыслишка, что если б её обрекли на подобное существование, она бы тоже вполне могла возненавидеть людей, живущих в куда большем комфорте. — А это ещё что? — Алексас не ответил: лишь следил, как Таша берёт с прикроватной тумбочки лист бумаги, появившийся там вместе с подносом, на котором стремительно остывали две тарелки овсянки. — Карта какая-то...

— Карта замка, — наконец соизволил пояснить её рыцарь.

— Этого замка?

— Какого же ещё.

— И откуда она взялась?

— Картер принёс её в нашу комнату, пока мы спали.

На миг Таша оторопела.

Следом нашарила под рубашкой янтарную подвеску.

«И что, в нашу комнату любой может просто так взять и войти?» — уточнила она.

«Окружать её непробиваемой защитой было бы слишком подозрительно», — меланхолично перебирая четки, заметил Алексас.

«Но...»

«Но как только эйрдадь приблизился к порогу, я проснулся. Защитный контур замкнут на четках. Если кто-то пересекает границу контура, они разогреваются и будят меня».

Немного успокоившись, Таша разжала ладонь.

— И зачем он снабдил нас картой?

— Судя по тому, что я успел изучить — даже с картой мы полчаса будем добираться до зала, куда нам предстоит вскоре явиться. Без карты же пришлось бы выделить нам постоянного провожатого.

Только теперь Таша заметила ещё один лист бумаги, лежавший на тумбочке. Маленький, на котором мелким каллиграфическим почерком вывели «придёте в Большую Залу сразу после завтрака».

— И зачем нас там ждут?

— Полагаю, представят нас новообретённым сообщникам. — Алексас решительно указал рукой на поднос. — Ешь. И стоит поторопиться.

От мысли, что вскоре она предстанет пред ясны очи кровожадных эйрдалей и оборотней, а, возможно, и самой Зельды, Таше сделалось очень и очень не по себе; но, послушно заглотив овсянку, вскоре она уже вслед за Алексасом спускалась по лестнице навстречу неизбежности.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТ 23.01:

Вдоволь попетляв по бесконечному ветвлению тёмных каменных коридоров — свет по-прежнему нигде не горел, а за окнами царил мрак, и путь озарял лишь волшебный огонёк, который Алексас пустил лететь чуть впереди, — в конце концов они вышли к высоким дубовым дверям, с сомнительным гостеприимством приоткрытым на щёлочку. И когда

просочились внутрь — увидев, что ждало их там, Таша машинально вцепилась Алексасу в руку.

Зал был огромен, однако скудностью отделки не особо отличался от сурового аскетизма коридоров. Пустые длинные столы озаряло холодное сияние волшебных огней: сотни шариков серебристого пламени складывались под высоким потолком в копии созвездий — Таша с одного беглого взгляда узнала Кошку и Бабочку... но не это заставило её забыть обо всех заветах «Венца». И даже не внимательные взгляды сотен эйрдалей, сидевших за столами. И даже не запах тления, ударивший по ноздрям, будто пиршество устроили в склепе.

А то, что в проходах меж столов и подле громадного камина лежали, самозабвенно обгладывая кости, оборотни.

Конечно, это могли быть и не оборотни. Может, Зельда просто увлекалась разведением волков... и львов. Степных, с золотистой шерстью и пышной гривой. Лесных, обладателей шикарной пятнистой шкуры и клыков длиной с человеческую кисть. Горных, белоснежных, изящных и быстроногих — таких же, как одна из Ташиных личин.

Таше хотелось бы думать, что так оно и есть.

Ведь если этим оборотням доставляло удовольствие глотать кости, лёжа в зверином обличье на грязном полу, — они явно забыли, что такое быть людьми.

Алексас настойчиво потянул её вперёд; только тут Таша заметила Картера, восседавшего за столом на небольшом возвышении, и поняла, что всё это время эйрдаль следил за ней с интересом лекаря, готовящегося сделать посмертное вскрытие. И слабость, которую она только что продемонстрировала, явно не вписывалась в ту роль, что Таша должна отыгрывать по плану «Венца».

«Надеюсь, в будущем ты всё же сумеешь держать себя в руках, — сдержанно заметил Алексас, под руку ведя её мимо длинных скамей. Зал наполняло жужжание мирных бесед тех, кто уже сидел за столами, но Таша слышала и шепотки, которыми сопровождали появление чужаков, а самое главное — чувствовала взгляды, которыми эйрдали их приветствовали. — Пока у тебя на лице всё написано».

Она ничего не ответила. И без того стыдилась собственной несдержанности.

Когда Картер вдруг возник прямо ними, ничтоже сумняшеся магией перенесшись с насиженного места, Алексас замер.

— Доброе утро, ребяточки, — любезно поприветствовал их эйрдаль. — А я уже собирался за вами кого-нибудь посылать. С нюхом потоньше, чтобы проще искать было, хе-хе. А то вдруг решили себе самостоятельную прогулочку по замочку устроить — а это туточки обыкновенно нехорошо кончается, ребяточки, нехорошо... Садитесь за стол или рядышком ложитесь. Или у каминчика располагайтесь, как вам удобнее. Чувствуйте себя, хе-

хе, как дома. Выслушаете парочку важных новостей, потом вами займутся.

И исчез прежде, чем Таша успела спросить, кто, зачем и чем с ними займётся.

Догадки по этому поводу заставили её чувствовать себя ещё более не по себе, чем раньше.

«Я здесь, — послышался в ушах голос Найджа. — Идите скорее ко мне».

Обнаружив взглядом колдуна, сидевшего за одним из столов и нетерпеливо махавшего им рукой, Таша поспешно направилась туда. Впрочем, её поспешность умерилась цепкой хваткой Алексаса, так и не выпустившего её руку из пальцев, вынуждая замедлить шаг.

— Вот и вы, — произнёс Найдж вслух, когда они приблизились: его соседи по скамье любезно подвинулись, освободив место для новоприбывших. — Я уже волноваться начал.

— Просто путь неблизкий, — коротко бросил Алексас, усевшись подле колдуна.

Последовав его примеру, Таша осторожно принялась — и с облегчением поняла, что рядом с ними не эйрдали, а люди. Вопрос, что они забыли в обители Зельды, она решила оставить на потом, а пока окинула зал быстрым взглядом. Заметив окно, расположившееся высоко под потолком, за которым тёмной дырой зияло чёрное небо, вновь подумала о том, что подъём в «Рассвете» уж очень ранний, — но бой часов донёсся словно в ответ на её слова.

Обернувшись на гулкий звон большого циферблата, видневшегося на одной из стен, и различив положение стрелок, Таша расширила глаза.

«Полдень? — недоверчиво уточнила она, переведя взгляд на Алексаса. — Но... но за окном же...»

«Да, — тихо ответил её рыцарь. — Амадэи могут очень многое».

Таша нервно облизнула губы.

Нет, она ожидала увидеть в замке Зельды свидетельства могущества Возлюбленной Богиней. Но не того, что её враг может обернуть день ночью.

Вечной ночью.

— Дамы и господа, — донёсся откуда-то холодный вежливый голос — не кричавший, но с лёгкостью перекрывший все другие голоса. Шум за столами мгновенно смолк. — Я собрал вас здесь, чтобы сказать несколько слов.

Говоривший сидел за тем же столом, что и Картер, располагавшемся в конце зала на небольшом возвышении; и Таша поняла, кто он, ещё прежде, чем различила чёрные звёзды в его глазах, особенно чётко выделявшиеся на фоне светло-серых, почти бесцветных радужек.

Наверное, благодаря безупречной ледяной красоте его юного лица, обрамлённого пепельными кудрями. А, может, потому что он куда больше походил на тот образ эйрдаля, который с детства всплывал в Ташином сознании при этом слове.

Во всяком случае, на нём чёрный камзол смотрелся действительно элегантно.

— Вчера Госпожа, — судя по интонации, с которой эйрдадь произнёс это слово, в его начале могла быть только большая буква, — прислала мне весточку. Она возвращается через два дня. В честь этого события состоится бал. — Заявление было встречено одобрительным гулом. — Завтра же состоится очередная охота. — По залу прокатились смешки и шёпотки: странно предвкушающие. — В два часа пополудни.

Таша сощурилась, когда поняла, что за столом на возвышении вместо скамьи стоят три кресла. Правое занимал говоривший, слева восседал Картер, центральный же пустовал — но чтобы догадаться, кто должен был там сидеть, много ума не требовалось. Как и на то, чтобы предположить, кого эйрдали называют Госпожой.

И где же тогда сейчас Зельда?..

В этот миг Таша ощутила на себе чей-то пристальный взгляд — и, обернувшись, встретила глазами с одной из львиц на полу. Та лежала неподалёку от стола — слава богине, без кости — и внимательно смотрела на Ташино лицо: без злобы, без хищности, как будто чуть удивлённо.

И её незабудочный взгляд показался Таше странно знакомым.

— Кроме того, как иные из вас наверняка уже заметили, нашего полку прибыло, — продолжил эйрдадь, вынудив Ташу отвернуться от львицы, вновь сосредоточив всё внимание на ораторе. — Джастин, Лайя, поручаю новобранцев вашим заботам. Остальным просьба помогать нашим юным друзьям, чем можете... пока они помогают нам. На этом всё.

Кто-то немедленно поднялся и пошёл прочь из зала, кто-то остался за столом. Таша дёрнулась было последовать за первыми — ей хотелось как можно скорее оказаться вдали от соборища нечисти, — но Алексас непреклонно удержал её за плечо. Вскоре Таша поняла, почему: от одного из столов к ним деловито направлялась длинная поджарая женщина в штанах и рубашке, с остреньким лицом и короткой стрижкой ершистых русых волос.

Приблизившись, она обвела взглядом одного, другого, третью. Сделав одни ей ведомые выводы, кивнула.

— Карта есть? — без обиняков и приветствий поинтересовалась она. — Если есть — на стол.

Алексас молча подчинился, под внимательными взглядами соседей по скамье расстелив карту на столешнице, — и, склонившись над ней, женщина крест-накрест чиркнула одно место длинным ногтем.

— Через час придёте сюда. Я Лайя, натаскиваю оборотней. С Джастинном познакомитесь позже. — Она посмотрела на Ташу: без особых сантиментов, однако вроде бы вполне дружелюбно. — До того, как прибудет Госпожа, заниматься с тобой особо нечем, но я должна проверить, на что ты годишься.

— Почему нечем? — осторожно уточнила Таша.

— Узнаешь, — загадочно ответила женщина. — Через час.

И, отсалютовав, удалилась.

«Вот теперь и нам пора», — подвёл черту Алексас, осторожно скатывая карту, прежде чем подняться из-за стола.

«В вашу комнату», — коротко велел Найдж.

Троица направилась к выходу из зала. У самых дверей Таша зачем-то оглянулась — и дыхание её перехватило: подле кресла белобрысого эйрдаля, склонившись к его уху с явно кляузническим шёпотком, стояла Кэйрмиль.

Она знает. Она видела Алексаса летом, она знает его в лицо, она могла узнать Ташу — и теперь спешит доложить, кто на самом деле прибыл в «Рассвет», кто скрывается под личиной простой девочки из «Венца»...

Надеюсь, план действительно сработает, покидая зал, мрачно подумала Таша, и эйрдали действительно решат поиграть со мной, а не просто прикончить по-тихому.

«Заметили Кэйрмиль?» — по возможности беззаботно осведомилась она, когда троица направилась к лестнице.

«Не волнуйся. — Алексас вновь успокаивающе подхватил её под руку. — Пока всё идёт по плану. Уверен, и в дальнейшем пройдёт по нему же».

Как ни странно, это и правда её успокоило. Так что дальнейшее восхождение по бесконечным ступенькам и блуждание по бесконечным коридорам продолжилось в молчании; и молчание это длилось уже довольно долго, когда Таша всё же решилась едва заметно сжать ладонь юноши в своих пальцах.

«Алексас, а тот оборотень сзади...»

«Просто идём дальше. И не смотри на него».

Таша послушно шла — хотя удержаться от искушения обернуться и убедиться, что львица с голубыми глазами всё ещё следует за ними на почтительном расстоянии, далось ей весьма непросто.

Может, у неё просто комната рядом, подумала Таша, когда они наконец достигли башенки, отведённой им с Алексасом. Однако через некоторое время услышала цокот когтей, сопровождавший восхождение львицы следом за ними; и когда, достигнув цели, они заперлись в комнате — минуту спустя напряжённую тишину разбил решительный стук.

Алексас с Найджем выразительно переглянулись.

— Открыть? — одними губами спросила Таша.

Вместо ответа Алексас вернулся к двери.

«Она всё равно ничего нам не сделает», — очень уверенно заметил Найдж.

Щелчок замка. Скрип петель.

Когда Алексас потянул дверную ручку на себя, Таша приготовилась ко всему — но, увидев, кто ждал за порогом, всё равно забыла выдохнуть.

— Вы? — изумлённо произнёс Алексас. — А вы-то что здесь забыли?

Обнажённая женщина, стоявшая за порогом, скользнула внутрь. Захлопнув дверь, под потрясённым взглядом Таши решительно сдёрнула с постели одеяло.

Не может быть. Оборотень, клявшийся никогда не перекидываться, женщина, которую связывала с Ароном нить безответной любви, хозяйка заурядного домишки в Пвилле, примерная жена, мать и бабушка — здесь?..

— Да, я, — прикрыв наготу, молвила Тальрин Ингран, смерив всех троих взглядом, полным убийственного скептицизма. — И могу задать вам ровно тот же вопрос.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. КОРОЛИ И КОЛДУНЫ

Проснувшись, Лив ещё долго лежала, глядя, как на дереве мансардного ската, проникая через маленькое круглое окошко, пляшет просеянное сквозь липовую листву солнце.

Интересно, когда она начнёт учиться в Школе, то будет жить здесь же? А может, ей, как хозяйке Кеса, позволят самой выбрать себе комнату? Было бы здорово... хотя все Мастера, кроме Вермиллиона, кажутся такими вредными, что вряд ли даже драконьей всаднице позволят какие-то поблажки.

Солнце... который час? Вроде тихо — значит, уроки ещё не начались. Наверное, уже скоро её разбудят, чтобы...

Поток мыслей прервал негромкий мелодичный звон, донёсшийся с улицы, к которому считанные мгновения спустя присоединился радостный гул голосов. Встревоженно вскочив, Лив прильнула лбом к окну. Так и есть: на улицу высыпали дети, а это во всех школах означало одно и то же.

Перемена.

Наспех одевшись и выскочив из комнаты, девочка почти скатилась по лестнице через все пролёты, но на первом этаже нос к носу столкнулась с Мастером Библиотекарем.

— Доброе утро, — тихо сказал молодой человек, взглянув на неё поверх очков. — Куда так спешим?

От этого взгляда Лив с трудом поборол в себе желание вытянуться по струнке, но одновременно с тем облегчённо выдохнула.

Пуф, ложная тревога. Мастера ещё здесь.

— Доброе, — вежливо ответила она. — Простите, я просто думала, что вы уже отправились за моей сестрой, а меня забыли разбудить.

— Нет, не забыли.

— Да, я уже поняла, прошу прощения за...

— Просто не собирались, — невозмутимо закончил Библиотекарь.

Лив, осекшись, беспомощно уставилась на него снизу вверх.

— Как... не собирались? Вы... не хотите меня брать, чтобы...

— И уже успешно не взяли. — Волшебник бесстрастно склонил голову. — Прошу прощения, но у меня уроки. Займись, Гирен.

Старик, к этому времени успешно дохромавший до них — от удивления Лив даже не расслышала стук трости, — кивнул, и Мастер, не тратя времени на дальнейшие разъяснения, прошествовал вперёд по коридору

— Доброе утро, — очень бодро произнёс господин Гирен. — Как, мхм, спалось?

Застыв истуканчиком, Лив долго непонимающе смотрела в спину удаляющегося Мастера. Наконец подняла глаза на звездочёта.

— Мастера что... уже... ушли?

Старик мученически вздохнул.

— Лив, мхм... понимаешь, мхм, это очень опасно, и, мхм...

— Но дядя Арон обещал! — у Лив не укладывалось в голове, как такое может быть. — Он обещал, что с утра мы все вместе отправимся за Ташей!

— Что мама к вам вернётся, он тоже обещал, — брякнул старик — и осёкся.

Поздно.

Какое-то время Лив смотрела на него. Карими, широко открытыми, на вишни походящими глазами.

— Значит... мама не вернётся? — выдавила она.

Старый волшебник мучительно закашлялся.

— Она что, бросила нас? Мы ей надоели?

— Не слушай старика. — Господин Гирен попытался улыбнуться. — Совсем плох, мхм, стал, болтаю что-то, сам не пойму...

— Дядя Арон нам врал, да? Врал нам с Ташей?

За всю свою долгую и насыщенную жизнь господин Гирен редко когда чувствовал себя столь скверно и беспомощно.

— Лив, понимаешь, взрослые порой... мхм... им приходится...

Но девочка уже не слушала — повернулась и рванула вперёд по коридору, расталкивая учеников. Те даже не злились, лишь удивлённо смотрели ей вслед: злиться на маленький темноволосый метеор в школьном плаще было трудно.

— Стой! — крикнул старик, со всей возможной скоростью ковыляя за приёмной внучкой. — Стой, несносная девчонка! Ах ты...

— Она никуда не убежит, — успокаивающе заметил Зельевар, возникший вдруг за его спиной. — А тебе бы не мешало ногу побереечь. Ты ведь не хочешь до конца жизни передвигаться исключительно на коляске? Как я и думал.

Господин Гирен замер: тяжело дыша, плечом прислонившись к белой стене, опершись на трость обеими руками.

— Мхм, — яростно выдал он.

— Ничего, остынет, образумится. Поймёт, что так лучше для неё. Мы сколько поколений таких детишек воспитали, знаешь? Только моих выпусков было — уже не вспомню. — Мастер Зельевар потеревил ус. — Нянчиться с ними нечего. Знаешь, почему? Повзрослеют быстрее.

Господин Гирен почти не слушал — стоял под любопытствующими взглядами проходящих мимо учеников, напряжённо вглядываясь в распахнутую вдалеке дверь.

— Она, мхм, точно никуда не убежит?

— Калитка её не выпустит. Дракон улетел. Какие ещё у неё есть выходы? Правильно, никаких.

Звездочёт пожевал губы.

— Наверняка, мхм, на Драконью Скалу побежала, — пробормотал он. — У неё теперь, мхм, тяга будет с Кесом разговаривать...

— Пусть бежит на здоровье. Упасть не упадёт, а больше бояться ведь нечего? Нечего.

После недолгих колебаний господин Гирен решительно похромал вперёд:

— И всё-таки пойду посмотрю, как она там.

Он вышел из Школы как раз вовремя, чтобы Лив смогла услышать его крик.

Который, впрочем, уже ничего не мог изменить.

* * *

— Жду ответа на свой вопрос, — скрестив руки на груди, сказал Алексас.

— А я — на свой, — ответила Тальрин, сопроводив слова аналогичным жестом. — Как детей отца Кармайкл могло занести в подобное... общество?

— А как в него могла попасть примерная мать и бабушка, пользовавшаяся доверием всего Пвилла?

Какое-то время они сверлили друг друга взглядами. Эти взгляды были некоей... повышенной материальности. Таше показалось, что если ей или Найджу сейчас вздумается встать между импровизированными дуэлянтами — даже если в них немедленно не прожжётся дыра, без неприятных последствий дело точно не обойдётся.

— Ладно, уступает обычно более мудрый, — наконец усмехнулась Тальрин. — Я здесь, потому что иначе мою семью убьют.

— Как? — вырвалось у Таши.

— Предпочитаю об этом не думать. Но полагаю, что не слишком быстро и довольно болезненно. — Женщина опустила на краешек кровати. — Ваша очередь.

Алексас чуть склонил голову набок, раздумывая над ответом.

— Мы здесь, — медленно молвил он, — потому что иначе Ташины друзья ждёт гибель.

Таша мысленно поаплодировала правдивому, но ничего не раскрывавшему ответу. Действительно раскрывать Тальрин правду — как бы Таша того ни хотелось — им было заказано: даже если та немедленно не доложит вышестоящим лицам обо всём, что видела и слышала в этой комнате, эйрдалям ничего не стоит прочесть её мысли.

К тому же, судя по всему, госпожа Ингран ничего не знала о превращении дочери отца Кармайкла в Морли-малэн.

— А вас двоих это каким образом касается? — Тальрин уколола Найджа оценивающим взглядом. — К слову, с этим молодым человеком мы ещё не знакомы.

— Я Ташин друг, — очень серьёзно ответил тот. — Мы за ней в огонь и воду.

— И как же Арон... отец Кармайкл допустил, чтобы вы оказались здесь?

— Боюсь, у него своих проблем по горло, — очень естественно вздохнул Алексас. — Он вам не рассказывал про одного нехорошего... не-совсем-человека, который портит ему жизнь вот уже... очень много лет?

Взгляд Тальрин стал самую чуточку обеспокоенным.

— Нет, — произнесла она тихо. — И этот не-совсем-человек настолько силён?

— Настолько. И пока Арон разбирался с ним, мы прибыли сюда. — Алексас склонил голову. — Ваша очередь. Что с вашей семьёй?

Лицо женщины вновь сделалось непроницаемым.

— Ничего особо страшного. Ташины друзья, я так понимаю, остались где-то в Долине?

Таша кивнула, не совсем понимая, к чему вопрос — но ответ Тальрин всё прояснил.

— Моей семье не так повезло, — просто сказала госпожа Ингран.

— Они здесь? — ужаснулась Таша.

— Да. Лир и Мэл служат в замке. Обращение с ними не лучше, чем с другими слугами, но смерть им не грозит. Впрочем, их убьют при первой же моей попытке к сопротивлению, — голос Тальрин был ровным. — А ещё раньше эта участь постигнет Киру. Её-то пока милуют по полной — она даже в кормлении не участвует.

— Кормлении?..

— Должны же эйрдали в замке чем-то питаться. Много сил за раз им пить не разрешают — расходного материала пока не так много, людям нужно успевать

восстанавливаться. Но иным и того хватает, чтобы умереть.

Равнодушие в её голосе пугало. Впрочем, госпожа Ингран наверняка тоже помнила о том, что эйрдалям не стоит труда прочесть мысли твоих собеседников.

— Так ваша внучка тоже здесь. — Алексас мрачно кивнул. — Сколько ей лет? Шесть?

— Потому её пока и не трогают. От неё будет больше пользы, если она окрепнет и подрастёт.

Найдж слабо кашлянул.

— И сколько в «Рассвете» таких, как мы? — невозмутимо продолжил допрос Алексас. — Тех, кто попал сюда не по своей воле?

— У нас не принято делиться историями о прошлом. Когда ты попадаешь сюда, твоё прошлое остаётся там, в Долине, а твоим единственным будущим становится то, что определит для тебя Госпожа. Я сделала исключение для вас, лишь чтобы достойно отплатить за своё любопытство. — Тальрин поднялась с постели: глаза её были спокойны. — Надеюсь, с Ароном всё в порядке?

Я тоже на это надеюсь, подумала Таша тоскливо.

— Да, — твёрдо ответил Алексас.

— Это главное. — Скинув одеяло — мужчины при этом деликатно опустили глаза, — госпожа Ингран прошествовала к выходу. — Желаю удачи на непростом поприще покорителей мира.

Когда дверь за ней закрылась, Таша почувствовало, что она увидела пробивавшийся из-под порога серебристый свет.

«И что думаете по этому поводу?» — произнёс Найдж, когда миновала минута давящей на уши тишины.

Отстранённо глядя перед собой, Алексас качнулся с мыска на пятку.

«Для Зельды каждый лишний человек на счету, — изрёк он. — Нелюдей, простите. Эйрдалей и оборотней в Долине осталось не так уж много, злобных колдунов — и того меньше... Что ж, теперь мы знаем их методы. — Юноша пожал плечами. — Впрочем, для меня ничего не изменилось».

Таша, всё ещё смотревшая вслед Тальрин, медленно опустила голову.

Сжимая кулаки до побелевших костяшек.

— Завидую, — тихо сказала она.

Взбегая всё выше по узкой тропинке, Лив яростно пинала мелкие камушки мысками сапог — не замечая, как те, отлетая от её ног, беспомощно повисают в воздухе рядом с Драконьей Скалой.

Обманщики, лгуны, вруны! Все они, все эти дурацкие, ненужные взрослые! Зачем они это делают?! Даже дядя Арон, самый добрый и хороший человек, которого Лив только видела, — и он врал! Вчера вечером и всё то время, что она его знала! Только Таша никогда ей не врала... она и Алексас. И Джеми.

При воспоминании о младшем из Ташиных рыцарей Лив снова испытала это странное ощущение: в груди стало вдруг тесно-тесно, как будто сердцу захотелось вырваться полетать. Может, поэтому лекари и называют грудь «клеткой»?.. Ничего, она ещё им покажет, всем покажет! Они с Кесом найдут Ташу раньше всех этих врунов, и Лив ей расскажет, как дядя Арон их обманывал! А потом они с Ташей и Джеми найдут маму, и будут жить вместе; и брат дяди Арона больше не будет их волновать — он ведь дяде Арону хочет навредить, не им...

— Кес! — закричала она, влетая на вершину. — Ке-ес!

На вершине дракона не было. Перед пещерой тоже.

— Ке-е-ес!

Лив отважно сунулась во мрак, открывавшийся взору под каменными сводами, — но спустя пару шагов наступила на что-то, крайне неприятно хрустнувшее, и замерла на грани непроглядной тьмы.

Где же он?

— Ке-е...

— Не крричи, — промурлыкали сзади.

Бесшумное появление дракона, умудрившегося неслышно приземлиться на площадку за её спиной, заставило Лив нервно подскочить.

— Кес! — с облегчением выдохнула она, подбегая к нему. — Как ты можешь так тихо...

— Залезай, маленькая волшебница. И быстро, — прервал её дракон. — Если Мастерра увидят меня, то попытаются нас остановить.

Поскольку это полностью совпадало с её собственными планами, Лив без лишних вопросов шмыгнула к драконьей лапе, чтобы взобралась по ней наверх. Та оказалась вполне удобной лестницей из четырёх ступеней: ступня, локоть, плечо и мощный изгиб крыла.

Среди шипов между лопаток — там они были далеко не такими частыми, как на хвосте — виднелось углубление для одного-двух человек, будто кто-то придумывал драконов специально для верховых прогулок.

— Дерржись, маленькая волшебница, — посоветовал дракон, когда Лив устроилась в том самом углублении, вцепившись в шип прямо перед собой; на ощупь тот был тёплым и гладким, как отполированная кость. Осторожно, стараясь не задеть крошечную наездницу, развернул огромные шелковистые крылья — тёмно-красные, с золотистым оттенком, — и, подобравшись, взлетел.

Ветер донёс до Лив далёкий вопль — кто-то отчаянно выкрикивал её имя, — но Кестрель уже кругами взмывал над Школой. Потом рванул вперёд так быстро, что ветер больно хлестнул Лив по щекам, и её вдруг ослепило золотой вспышкой.

«Что это было?» — без слов завопила Лив.

Конечно, вопить нужды не было, но когда вокруг так свистит ветер...

«Грраница защитного поля Школы, — откликнулся Кес в её голове, паря над заснеженным Адамантом. — Теперьр Мастерра уже не смогут нам помешать».

Вновь обретя зрение, Лив оглянулась, — но там, где должен был располагаться шедевр непревзойдённого мастерства Ликбера Великого, виднелся лишь неприглядный пустырь.

«Вот так защитное поле, — уважительно откликнулась она, глядя на белые дома жителей Адаманта: с высота драконьего полёта они казались не больше детских кубиков. — А почему тебя не было на Скале, когда я пришла? Ты что, прятался?»

«Нет. Я был уже далеко, когда веррнулся в Школу. Собиррался послать тебе мысленный призыв, чтобы ты пришла на Скалу, но сквозь поле мне было не прробиться. Так что нам крупно повезло, что ты была на Скале, когда я прилетел».

«Далеко?.. А зачем ты вообще улетал?»

«Потому что Мастерра, глупая маленькая волшебница, взяли меня с собой. В боррьбе с Возлюбленной Богиней я им нужен. Если все погибнут, мне прийдётся довершать их дело, и ты в этой битве только мешалась бы. Но я ррешил вернуться за тобой».

«Почему?»

«Были прричины».

«Какие?»

«Тебе всё рравно не понять».

Презрительно фыркнув, Лив прижалась к шипу. Вокруг властвовал холодный ветер

зимней поднебесной высоты, но ей не было холодно: то ли плащ, подаренный Иллюзионистом, помогал, то ли исходящий от дракона жар.

«Ты знаешь, где искать Ташу?»

«Нет. Но я знаю, где мы встретимся с Мастеррами».

«Я не хочу с ними встречаться! Они лгуны и обманщики!»

«А я не хочу встречаться с Возлюбленной Богиней. Но придётся нам бороться с собственным нежеланием».

Лив гневно мотнула головой:

«Ты что, один не сможешь победить амадэя?»

«Насколько я знаю, сражаться нам предстоит не с сильнейшим из Воинов, братом твоего любимого дяди Аррона...»

«Он не мой любимый! И вообще — он тоже мне врал!»

Пускай Лив не видела морды Кеса, но ей показалось, что в этот миг дракон закатил глаза.

«...однако та, с кем нам предстоит сражаться, всё равно сильнее любого из Мастерров. Если не всех шестерых вообще».

«Значит, без их помощи мы не спасём Ташу?»

«Нет, маленькая волшебница. Не спасём».

Лив обречённо чихнула.

«Ладно, — мрачно сказала она, глядя на тракт: полупрозрачную ниточку на белом полотне заснеженных равнин. — Тогда полетели к твоим Мастер... рrr!.. рам.

«Благодарю за великодушное разрешение».

«А потом я всё равно скажу им, что они все лгуны и обманщики».

«Если угодно портить отношения с будущими преподавателями — на здоровье».

Помрачев ещё пуще, Лив закрыла глаза.

Ну почему она такая маленькая и беспомощная?! Ничего, вот вырастет большой, как Таша, и уже сама сможет побеждать всех, кого захочет.

А пока...

«Всё равно я им это скажу, — упрямо произнесла Лив. — Когда-нибудь».

И, натянув на ладони рукава свитера — ветер таки щипал кожу, — покрепче сжала гладкий тёплый шип.

Сейчас все другие проблемы могли отступить перед одним важным вопросом. Ибо Лив было очень интересно, как можно преодолеть путь через весь Аллигран верхом на драконе и ни разу не заснуть.

Что ни говори, даже при наличии почти-неуязвимости и почти-бессмертия — ей совсем не хотелось испытать на себе последствия очень долгого падения с очень, очень большой высоты.

* * *

— Раздевайся, — коротко велела Лайя.

— Совсем?..

— А ты умеешь перекидываться с одеждой, как эйрдали? В таком случае с радостью узнаю твой секрет.

Таша тоскливо оглянулась через плечо на просторный внутренний двор, озарённый светом сполохов колдовского жёлтого пламени, сиявшего в воздухе тут и там над пустыми жаровнями. Как выяснилось, здесь проходили боевые тренировки членов сообщества; сейчас поодаль грызлась друг с дружкой пара оборотней, а ещё дальше в компании других колдунов стояли Алексас с Найджем, ожидая, пока светловолосый молодой человек — тот самый Джастин, которому поручили заботы о новоприбывших — наспорится с каким-то эйрдалей.

Как им пояснили, этот двор был далеко не единственным, но этот отдали в распоряжение новичков.

— Какие у тебя личины? — спросила Лайя.

Вопрос заставил Ташу чуть опустить голову.

— Ланден и горная львица.

— А третья?

— Я её потеряла.

Лайя бесстрастно кивнула:

— Смотрю, попадала в передрыгу? Ладно, начни с львицы.

— А всё-таки...

— В боевых условиях уединиться у тебя вряд ли получится, — предугадав её вопрос, колко заметила новоявленная наставница — и Таша бессильно сжала кулаки.

Если мы всё-таки выберемся отсюда, отстранённо думала она, деревянными пальцами потянувшись к застёжке плаща, Норманы всё же будут передо мной в о-очень большом долгу.

— Не волнуйся, — внезапно произнесла Лайя. — Я когда-то тоже стеснялась. Потом привыкаешь.

Ободряющие нотки, скользнувшие в её голосе, действительно странным образом приободрили Ташу. Так что, решительно сбросив плащ, она постаралась как можно быстрее расстегнуть куртку: надеясь, что Алексас с Найджем не успеют посмотреть в её сторону, когда дело дойдёт до самого интересного.

— Сейчас полноценной тренировки не выйдет, но я хочу оценить твои возможности, — вещала Лайя, пока Таша торопливо стягивала штаны. — У нас на самом деле всё проще, чем у эйрдалей или колдунов. Им ещё в свободное время заклятия учить надо...

Стоя босиком на ледяной, присыпанной вытоптанном снегом брусчатке — не ощущая холода, не глядя по сторонам, не думая о том, чьи взгляды она чувствует на своей обнажённой спине, — Таша швырнула штаны поверх той бесформенной кучи на земле, куда она свалила всю другую одежду.

Раз...

...два...

...три.

Среди разноцветной радуги, в которую обратился мир, в пурпурном облаке своего запаха к Таше двинулась фигура Лайи.

— Неплохо. — Опустившись на корточки, женщина бесцеремонно заглянула Таше в глаза. Вскинула морду, посмотрела зубы, ощупала мышцы. — Сильный, грациозный зверь. Худобу поправим... поднатаскаем, да ещё ритуал...

В животном обличье людская речь всегда воспринималась несколько странно. Сначала звериные уши слышали абстрактный набор звуков, и лишь потом человеческое сознание различало знакомые слова. А ещё животные обличья не терзали глупые человеческие переживания, — поэтому волны стеснения и стыда, накатывавшие на Ташу-человека, Таше-львице были неведомы.

И в определённом плане Таша начинала понимать тех обитателей замка, что

предпочитали пребывать в своих звериных ипостасях как можно дольше.

— Хорошо, перекидывайся. — Лайя поднялась на ноги. — Хочу взглянуть на крылатый облик.

Ташу-ланден заставили сделать пару кругов над двором. Она взмыла вверх, растворяя тревоги в пьянящем ощущении полёта, покружила напротив крыш самых низких башенок и неохотно спикировала обратно; ловя крыльями ветер, Таша смотрела, как внизу Джастин прохаживается туда-сюда перед предоставленными в его распоряжение колдунами, выстроившимися строем, и вещает нечто, предположительно должное настроить тех на нужный лад.

— ...поскольку противостоять нам будут сами Мастера, да ещё и Его Величество... не забывайте — он тоже магистр первого уровня и, как говорит Госпожа, даже сильнее Мастеров... — голос колдуна почти истекал осознанием собственной важности, — наша задача...

Мысленно поставив галочку напротив наблюдения, что Джастин явно упивается предоставленной ему властью над другими, и тревожной мысли, как бы это не вышло Алексасу с Найджем боком, Таша наконец снизилась.

Когда ей разрешили перекинуться обратно, первым делом она торопливо набросила на плечи плащ, повернувшись спиной к строю колдунов.

— Не знаю, что решит Госпожа, но я определённо за ритуал слияния личин, — подвела черту Лайя, пока Таша дрожащими пальцами застёгивала пуговицы: не зная, от чего они дрожат больше — от холода, ощущения собственной наготы или того, что сразу после перекидки пальцы всегда неохотно слушались свою хозяйку. — Выйдет прекрасный воин.

— Что ещё за ритуал? — спросила Таша сквозь стучащие зубы, натягивая жилетку.

— Ах, да. Ты же не знаешь. — Лайя свистнула, вынудив дерущихся поодаль волков прервать схватку и оглянуться на неё. Кивнула на чучела, присыпанные снежной пудрой чуть в стороне: соломенные куклы, вооружённые щитами и палками. — Нар, разберись.

Поглядев на Ташу очень умными карими глазами, один из волков оскалился в улыбке.

В следующий миг одно из чучел брызнуло соломенными внутренностями.

Ещё пару секунд спустя волк уже сидел на прежнем месте, насмешливо наблюдая за Ташей, от испуганного изумления слегка попятившейся.

— Можешь взглянуть поближе, — указывая на растерзанное чучело, любезно предложила Лайя.

Таша осторожно приблизилась, разглядывая разодранную в клочья куклу и металлический щит, не то насквозь пробитый когтистой лапой, не то прогрызенный

зубастой пастью.

Оборотни, прокусывающие железо?..

— В обычных обстоятельствах наши животные ипостаси не особо отличаются от обычных зверей, — сказала Лайя за её спиной: негромко, прекрасно зная, что она услышит и так. — Однако благодаря ритуалу, открытому Госпожой, мы можем получить сверхъестественную скорость, силу и способность к мгновенной регенерации.

— И что за ритуал?

— Суть в том, что ты теряешь две личины из трёх. Остаётся одна, к которой переходят силы остальных двух. Кроме того, чары Госпожи позволят тебе оставаться в зверином облике, сколько угодно, и не терять разум, — спокойно пояснила Лайя. — У тех, чьи ипостаси не подходят для боя, мы оставляем все три и натаскиваем их шпионить. Что ни говори, возможность неограниченного пребывания в зверином облике для шпионов весьма удобна.

Таша осмыслила новость.

— То есть, — медленно произнесла она, — безобидный голубь на карнизе королевского дворца вполне может...

— Увы. Ни в Альденвейтс, ни в обе Школы нам пока пробраться не удалось. Охранные чары не пропускают посторонних. Но мы над этим работаем.

— Ясно, — сказала Таша с тщательно скрываемым облегчением.

Вглядываясь в её лицо, Лайя задумчиво и как-то оценивающе хрустнула костяшками.

— Можешь идти, если хочешь, — изрекла она, выдохнув слова вместе с облачками пара, которые мороз срывал с её губ. — А можешь остаться и понаблюдать, как я инструктирую вон того балбеса. Его только в прошлом месяце преобразовали, ещё толком не умеет ничего...

Конечно, Таша осталась. Во-первых, потому что знала — несмотря на разрешение уйти, ждут от неё другого. Во-вторых, потому что покидать двор без Найджа и Алексаса у неё не было ни малейшего желания.

Однако наблюдать, как один из волков мечется туда-сюда, учась управляться с обрётённой скоростью — как выяснилось, это требовало определённых усилий, иначе ты просто пролетал мимо цели и врезался в предметы, — у Таши не было никакого желания; а потому, стоя подальше от места, где Лайя орала на бестолкового новичка, она предпочла обратить взгляд на колдунов, которые как раз перешли от слов к делу.

— Какой уровень вам открыт, Найджэнэйл-энтаро? — любезно осведомился Джастин.

Сейчас они с Найджем стояли друг против друга, перед всеми другими колдунами. Строй был довольно-таки разношёрстным, но зрелых мужчин здесь было совсем немного: в основном юноши или казавшиеся таковыми. Женщин Таша не заметила, и это отчего-то её порадовало.

— Седьмой, — как всегда беззаботно — по крайней мере внешне — откликнулся Найдж.

— Неплохо, — великодушно заметил Джастин. — Впрочем, к началу войны мы намереваемся поднять всех по меньшей мере до восьмого, но это дело быстро поправимое.

Таша не успела понять, отчего слова эти заставили Найджа помрачнеть: в следующий миг тот уже вскинул руки, и вражеские чары истаяли сизой дымкой в аршине от него. Джастин лишь одобрительно кивнул, прежде чем следующим замысловатым пассом одарить противника новым проклятием; разбившись о невидимый щит, оно обратилось клубами чёрного дыма, но Таша заметила, как от напряжения у Найджа судорожно задрожали пальцы, закрытые чёрной шерстью перчаток.

Заклятия магов всегда были невидимыми. Они проявлялись лишь, лишь будучи отражёнными — или когда не достигали цели. И пусть магический поединок Таша имела счастье созерцать впервые, это всегда вызывало у неё лёгкое удивление: как можно бороться с тем, чего не видишь?..

— С восьмым уровнем неплохо справились, — заметил Джастин, отразив ответное заклятие Найджа лёгким движением кисти, заставив чары бессильно обрушиться на пол тёмной водой. — А как насчёт этого?

В ответ Найдж, побледнев, как снег, рухнул на брусчатку.

— С девятым провал. — Небрежным мановением руки Джастин остановил кровь, хлынувшую из носа и рта его противника. — Впрочем, как я уже говорил, это дело поправимое. — Его улыбка была почти извиняющейся. — Для своего уровня вы весьма недурны.

— Благодарю, — угрюмо ответил Найдж, поднимаясь на ноги и промокая кровь рукавом мантии.

Наконец выдохнув — когда колдун упал, у неё сердце зашло в испуге, — Таша наблюдала, как Джастин отправляет новобранца обратно в строй, чтобы заставить выйти вперёд Алексаса. На вопрос, какой уровень открыт ему, её рыцарь смиренно ответил «пятый»; и это вынудило Джастина разочарованно склонил голову, а Ташу — скептически хмыкнуть.

— Что ж, — наконец изрёк Джастин, — и это поправимо, но... впрочем, давайте посмотрим.

Первое заклятие Алексас отразил без видимого труда.

Второе толкнуло его в грудь с такой силой, что юноша красиво подлетел в воздух, а после приземления ещё проехался по снегу.

— Скверно, молодой человек, — бесстрастно заметил Джастин, когда Алексас с трудом поднялся на ноги. — При должном владении щитом — даже с пятым уровнем отразить заклятие шестого не стоит невероятных усилий.

— Я пытался, — скорбно откликнулся тот.

Обернулся, поймав Ташин взгляд, — и, прежде чем отправиться обратно в строй, заговорщицки улыбнулся.

Ну да. Таша уже имела возможность убедиться, что Алексас способен одолеть даже магистра первой степени. А потому она сильно сомневалась, что её рыцарю правда доступен лишь пятый уровень.

Однако это определённо будет не лишним: если «Рассвет» сочтёт всю их скромную триоцу не представляющей никакой опасности.

— Разбиваемся на пары, — скучаяще велел Джастин, — и тренируем щиты.

— Я понимаю, что зрелище захватывающее, — проникновенно заметила Лайя за Ташиной спиной, — но, боюсь, тебе оно особой пользы не принесёт.

Тоскливо отвернувшись, девушка вновь воззрилась на то, как оборотень пытается атаковать ближайшее чучело, а не просто снести его по пути к замковой стене.

Самым паршивым во всей этой ситуации было то, что Лайя казалась ей... хорошей. Во всяком случае, далеко не такой плохой, какой Таше представлялись все поголовно члены «Рассвета».

А не слушаться хороших людей — и нелюдей — ей совесть не позволяла.

* * *

— Надеюсь, Король Подгорный снизойдёт до аудиенции, — меся сапогами снег, заметил Мечник. — Король, тоже мне... никогда не понимал цвергов. Раз в несколько лет выбирать Короля всем народом — что это за власть?

— Вообще-то этих лет тридцать, — напомнил Иллюзионист. — А выбирают из почтеннейших представителей древнейших родов.

— Королями рождаются, не становятся, — изрёк Заклинатель, вызвав одобрительный кивок своего коллеги с клинком. — Власть должна даваться не подданными, но Богиней.

— Устроить эту аудиенцию — его обязанность... и наша, — сосредоточенно откликнулся Арон, рассекая капюшоном мельтешившую в воздухе снежную крупу. — Никто не позволит делегации Мастеров просто так проникнуть в Штольни.

— А тем более протащить туда дракона, — поддакнул Вермиллион.

Минувшую ночь Мастера и амадэй провели в трактире на поверхности, а утром выдвинулись по направлению к Камнестьольному — сейчас они шли к воротам в Подгорье по расчищенной дороге, окружённой высокими сугробами и занесёнными снегом деревьями. Вдали белобородыми стражами возвышались горы; далёкая вершина Дымчатого Пика, кутавшаяся во вьюжную вуаль, с каждым шагом становилась чуточку ближе.

— А та служанка, которая кинулась вам на шею, — покосившись на Арона, сказал Иллюзионист, — Нирулин, кажется...

— Я спас её дочь этим летом, — кратко ответил Арон. — Она умирала.

— Хм. А девочка, про которую она спрашивала...

— Да. Это Лив.

— О, так эта милая... женщина и с ней знакома?

— Лив жила у Нирулин какое-то время. Когда Лиар преследовал Ташу летом, нам пришлось оставить девочку в Камнестьольном. Она была обузой. — Арон казался невозмутимым, но почему-то предпочёл сменить тему. — Надеюсь, Кес успеет вовремя.

Странник вскинул голову, молча вглядываясь аметистовыми глазами в заметеленное небо.

— Что ни говори, погода к полётам не особо располагает, — хмуро признал Заклинатель.

— Думаю, по пути сюда она всё же чуть лучше. — Иллюзионист уже сосредоточенно выискивал во внутренних карманах дорожную грамоту. — А пока у нас нет разрешения на вход в Штольни, Кес всё равно лишь будет пугать окрестных цвергов, и только.

Они уже приблизились к самым Вратам — как раз с дракона размером, скалившимся на путников зубьями подъёмной решётки. Кое-кто из многочисленных цвергов-стражей сосредоточенно прыгал на месте, дабы согреться. Один из них проверил у новоприбывших дорожные грамоты; уверившись в их подлинности с помощью правдометра — по некоей загадочной причине забыв проверить Арона, — равнодушно вернул волшебникам бумаги, приглашающим жестом указав на маленькие ворота, расположившиеся по соседству с большими. Конечно, и в эти маленькие ворота спокойно проезжали кареты, но подле Врат они казались кошачьей дверцей, которую по соседству с обычной дверью кто-то вырезал в скале.

Оказавшись в каменной галерее, уводившей вглубь Окраинных гор, мужчины скинули засыпанные снегом капюшоны, прежде чем свернуть в одно из боковых ответвлений. Вскоре они уже выходили к обзорной площадке над Камнестольным, открывавшей превосходный вид на столицу цвергов: от белого моря огней в центре расходились круги жилых районов, с приближением к окраине становившихся всё темнее. Своды пещеры, в которой раскинулся город, терялись во мраке — так далеко они были. От площадки к Камнестольному вилась длинная лестница: цверги и конные экипажи пользовали другими туннелями, многие из которых для удобства были оснащены лифтами, но пешие визитёры могли попасть в город лишь этим путём. Впрочем, у Мастеров спуск много времени не занял, — и, спустившись, мужчины устремились к центру города мимо низких домов цвергов и садилов, раскинувшихся под вечно тёмными небесами, по улицам, освещённым сиянием разноцветных фонарей. Газовых, в отличие от магических, распространённых в городах на поверхности. Цверги не обращали на рослых чужаков особого внимания — за последние годы люди в Камнестольном стали обычным делом.

Пять раз делегация миновала ворота в высоких каменных стенах, отделявших один округ от другого. С каждым разом дома становились всё светлее, резьба на каменных стенах — тоньше, а сады — больше. В первом круге, предшествовавшему центру, волшебникам пришлось пройти мимо некоего здания, обнесённого высокими стенами сероватого мрамора, увитыми серым плющом; и, мрачно глядя на стены Школы Колдунов, Мечник, не удержавшись, сплюнул себе под ноги.

Когда путники достигли белоснежных мраморных стен центра, примыкавшая к стенам улица была почти уста. Путь новоприбывшим немедля преградили четверо суровых цвергов в доспехах и с секирами наперевес, дежурившие у кованых чугунных ворот.

— Кто, куда, зачем? — осведомился один с сильным Подгорным акцентом.

— Мастера Адамантской Школы, — бросил Заклинатель. — К Королю Подгорному на аудиенцию.

Ответом ему был скептический смешок.

— Хороша шутка, — ухмыльнулся цверг. — Только что-то нас о прибытии Мастеров никто не уведомил.

— И Мастера в белом ходят, — добавила другой. — Это все знают.

— Мы здесь инкогнито. — Иллюзионист дружелюбно улыбнулся. — Да бросьте, ребята. Общитесь нас, наденьте блокирующие браслеты, и дело с концом. Ничем мы Вашему Величеству не навредим.

Лицо Заклинателя как-то нехорошо побледнело.

— Нас? — уточнил он. — Блокировать?

— В ином случае не видать вам аудиенции, как своих ушей, — прошептал кто-то, неслышно появившийся у него за спиной. — Хотя последние вы вполне имеете шанс когда-нибудь наблюдать... если кто-нибудь соизволит отделить их от тела.

В действительности обладатель голоса не то чтобы шептал: скорее шипел. И шипел даже те буквы, которые вроде не являлись шипящими.

С лёгкостью узнав обладателя этого голоса, волшебники обернулись.

— Люций Оррак, — тихо произнёс Вер.

Некто в чёрном плаще сплёл длинные пальцы, облитые перчатками белоснежного атласа: глубокий капюшон открывал лишь острый гладкий подбородок да бледные, очень тонкие губы.

— Мастера Адамантской Школы, — мягко проговорил он. — Что же привело вас под горы, интересно узнать?

— Не твоего ума дело, хозяин Школы Чернокнижия, — резко ответил Заклинатель.

— Четверо Мастеров, — не обращая на него ни малейшего внимания, продолжил господин Оррак, задумчиво оглядывая компанию, — и...

В этот миг невидимые в тени капюшона глаза устремили взгляд на амадэя, — и когда директор Школы Колдунов вымолвил следующее слово, в шипении его послышалось изумление.

— Ты?

— Я, — довольно-таки мрачно сказал Арон. — Удивлён?

— Немного. — Колдун уже взял себя в руки. — И что же заставило... такого, как ты, выйти из тени, где ты прятался последние... очень много лет?

Арон, чуть улыбнувшись, повернулся к стражникам: в присутствии господина Оррака те предпочли прикинуться бессловесными статуями.

Впрочем, подобное поведение в присутствии господина Оррака было присуще почти всем разумным людям и нелюдям.

— Как видите, уважаемый господин Оррак подтвердил, что перед вами Мастера, — произнёс амадэй. — Думаю, у вас нет оснований ему не доверять.

По тому, как цверги дёрнули головами, трудно было понять, что это: кивок или судорога страха.

— А потому убедительно прошу нас пропустить, — закончил Арон.

Отворять ворота цверги ринулись почти бегом.

— Вижу, умения с годами не теряются. Прямо приятно смотреть, — насмешливо заметил господин Оррак. — Полагаю, ты не особо расположен к беседе со старым знакомым?

— Лучше отложить беседу до следующей встречи, — нейтрально проговорил амадэй, шагнув на белокаменную мостовую центрального района.

Губы его собеседника скривила крайне неприятная улыбка.

— Что ж, рад был тебя повидать. Мой привет братишке.

Когда Арон, замерев, оглянулся — за закрывающимися воротами уже оставалась лишь опустевшая улица.

— Так он знает про вас? — негромко спросил Мечник, когда они направились вперёд — мимо белоснежных особняков и роскошных садов, под протянувшейся над улицей сверкающей сетью фонарей, бросавших на мостовую радужные блики. Улица была совершенно пуста и необыкновенно тиха: лишь неслись из открытых окон обрывки разговоров, смех и музыка.

— Как видите. — Арон печально улыбнулся. — Директор Школы Колдунов сам не совсем человек. И ему положено знать очень многое... знать и помнить.

Дворец мало напоминал Альденвейтс: архитекторы цвергов явно не стремились уподобиться Ликберу и создать каменное чудо, а потому изящного здесь было немного. Высочайшая башня едва превышала три этажа, шпили с флагами отсутствовали, а излюбленной формой у цвергов явно являлся квадрат. Впрочем, дворцовый сад был весьма неплох: во всяком случае, в саду Альденвейтса светящиеся цветы не встречались.

К тому же волшебники прибыли сюда не для того, чтобы любоваться местными красотами.

— Если будете действовать в том же духе — полагаю, уговорить короля подписать разрешение на пропуск Кеса в Штольни будет несложно, — усмехнулся Иллюзионист, когда стражники у дворцовых врат без единого вопроса расступились, давая им дорогу: на сей раз амадэй не стал терять время, и цверги открыли ворота, едва их увидев.

— Я бы не предлагал подобный план действий, если б в нём были сомнительные пункты, — спокойно ответил Арон.

— А амадэй в гневе страшен, я погляжу.

— Это не гнев, уверяю вас. — Арон склонил голову перед цвергами, дежурившими у

входа во дворец, и те, убрав секиры, покорно поклонились в ответ. — И что такое страх, вы познаете, столкнувшись с моим братом.

Далее препятствий не встретилось до самого королевского кабинета. Поднявшись по мраморной лестнице на верхний этаж, преодолев золочёные коридоры и гулкие залы с высокими потолками, делегация достигла приёмной Короля Подгорного; и, взглянув Арону в глаза, трое стражников во главе с королевским секретарём беспрекословно отступили от дверей.

Когда амадэй, вежливо постучавшись, вошёл в кабинет, Король сидел за столом и писал. Заслышав шум, цверг поднял голову.

Взгляд, которым он одарил неожиданных посетителей, был пронизательным, спокойным — и не выдававшим ни малейшего удивления.

— Мастера Адамантской Школы, — заключил Король некоторое время спустя. Отложив перо, поднялся с кресла. — Чем обязан столь неожиданному визиту?

Владыка цвергов был облачён в простые суконные штаны и белоснежную рубашку с пышными манжетами. Некогда чёрные волосы индевели сединой, ту часть лица, что не прикрывала аккуратная бородка, избороздили морщины, — но тёмные глаза пожилого цверга смотрели чрезвычайно ясно. И взгляд эти глаза заставлял людей, превышавших Его Величество в росте по крайней мере раза в два, не испытывать ни малейшего чувства превосходства от того, что они смотрят на собеседника сверху вниз.

Скорее он заставлял задаваться вопросом, кто из них в действительности выше.

— Ваше Величество. — Арон учтиво поклонился. — Прошу прощения за нашу дерзость, но дело наше странное... и страшное.

— И не терпит отлагательств, — добавил Заклинатель.

Поразмыслив, Король жестом велел им сесть в кресла, рядом стоявшие у дальней стены просторного, светлого, уютно обставленного кабинета.

— Странное и страшное, говорите? — вымолвил цверг, вновь опустившись на своё место за столом. — Надеюсь, меня хотя бы удосужатся посвятить в его суть, прежде чем... попросить о помощи, полагаю?

— Конечно, — подчинившись, улыбнулся Арон. — Это ведь касается и ваших поданных. Иначе я не осмелился бы вас беспокоить.

Король, не отвечая, переводил пристальный взгляд с одного незнакомого лица на другое: кресла, которые заняли визитёры, были выставлены так, что из-за стола владыке цвергов было видны всех пятерых.

— А нам обязательно терять время? — склонившись к Арону, украдкой хмуро

прошептал Мечник. — Вы ведь можете просто заставить его подписать всё, что нам необходимо?

Тот, не переставая улыбаться, едва заметно качнул головой.

«Могу, конечно, — без слов, посторонним голосом в сознании ответил амадэй, не сводя глаз с лица Короля. — Но когда вступаешь в такие игры, в какие играем мы — надо прилагать все усилия для того, чтобы заполучить новых союзников, а не новых врагов».

«И как тебе всё, что ты узнала?» — вышагивая по дорожке между сугробами, спросил Алексас.

Таша мельком оглянулась на оставшийся за их спинами замок. Найдж остался там же: вместо послеобеденной прогулки он предпочёл пообщаться с местными колдунами, которые предложили новичку пропустить по кружечке за знакомство, — так что теперь Таша с Алексасом вдвоём брели по расчищенной дорожке к лесу, и свет волшебного огонька, которым её рыцарь освещал путь, сиял отражёнными искрами в пушистом снегу.

Слияние личин, думала Таша. Убить в себе две частички твоей сущности.

Навсегда потерять крылья, отказаться от неба, лишиться полётов с ветром наперегонки...

«Эти оборотни... никто не ждёт такого. А если Зельда к тому же соберёт армию из колдунов восьмого-девятого уровня... — Таша нервно подышала на варежки; ей уже не требовалось касаться подвески, чтобы отвечать Алексасу без слов. — А маги быстро растут от одного уровня до другого? Я думала, это занимает годы».

«Так и есть».

«И почему тогда Джастин сказал, что уровень Найджа — дело быстро поправимое?»

«Существует ритуал, с помощью которого можно легко и безболезненно перескочить на несколько уровней вверх».

«Да? И какой же?»

«Жертвоприношение».

Таша замерла: слушая, как хрустит снег под ногами Алексаса, ещё не успевшего остановиться.

«Жертвоприношение?..»

«При чужой смерти происходит грандиозный выплеск ментальных сил, — пугающе буднично пояснил Алексас, прежде чем замереть и обернуться. — Двое-трое простых смертных позволят тебе перескочить на следующий уровень, если он не очень высок. Если брать девственницу, хватит одной».

Убитый маг поднимет тебя на пару уровней разом, если твоя цель — пятый или шестой. С дальнейшими сложнее. Считай, что путь от шестого до седьмого так же долог, как от первого до пятого, а дальше разрыв только увеличивается».

«И они... собираются всех своих колдунов... так поднять?»

«Уже поднимают, судя по всему. — Алексас сосредоточенно смотрел вдаль. — Этот юнец Джастин никак не мог стать «девяткой» без посторонней помощи. Он ведь в самом деле молод, не заметила? Младше Найджа, пожалуй. А тому всего-навсего сорок».

«Но... как же... как так можно?»

«Если нет недостатка в расходном материале — можно, судя по всему».

Судорожно вздохнув, Таша побрела дальше: уставившись себе под ноги, глядя, как сапоги шаркают по тропе, загребая мысами снег.

«Знаешь... а я ведь тут думала... что «Рассвет» не такой, как я думала».

«А что ты думала?»

«Что все здесь... плохие. Что все они заслуживают того, чтобы их раскрыли и уничтожили. Но если здесь много таких, как госпожа Ингран... да и та же Лайя мне не кажется... ладно. — Зачерпнув горсть снега, Таша сжала её в ладонях, делая снежок — просто потому, что хотелось чем-то занять руки. — Это глупо».

Глядя на неё, Алексас рассеянно стянул с ладоней варежки, сунув их в карман.

«Нет. Не глупо. Потому я и сказал, что для меня ничего не изменилось. — Последовав её примеру, он тоже стал лепить снежок: глядя на свои руки так, будто давным-давно забыл, как это делается. — Пойми одну простую вещь, моя королева. Наёмные убийцы часто бывают преданными сыновьями, нежными мужьями, заботливыми отцами... а потом они получают задание, выходят из дома и идут убивать. И те, кто живёт в этом замке — не хорошие и не плохие. Не все из них — так будет вернее. Но они хотят уничтожить тот мир, в котором мы живём. А мы должны его защитить. Вот и всё».

Таша смотрела на его пальцы — тонкие, изящные пальцы музыканта. Как давно Алексас не играл на скрипке? Когда они вернутся домой, надо непременно попросить его что-нибудь сыграть. Например, повторить «Поэму», которая ей тогда безумно понравилась.

Он ведь так здорово играет...

«Но когда мы вернёмся... мы ведь сможем попросить Его Величество не убивать всех, кто там есть? Рассудить каждого отдельно, по справедливости?»

Алексас помолчал. Посмотрел на аккуратный, круглый, идеально ровный снежок, лежавший на его ладони, — и вместо того, чтобы кинуть его, просто позволил белому шарикуну скатиться вниз, разбившись у его ног.

— Не грустите, моя королева, — наконец ответил он, потрепав Ташу по пушистой шапке. — Для тех, кто этого заслуживает, всё будет хорошо. Обещаю.

Сердито запустив снежок куда-то в тёмную чашу — они уже дошли до самого леса, — она поправила головой убор, съехавший на глаза.

— В кромешной тьме меня можно и не оставлять. Здесь и так света не больно-то много.

— А я думал, юным девам тьма кажется такой романтичной, — иронично заметил Алексас. — Подумай: ты, я, ночь, звёзды...

Таша, хмыкнув, зачерпнула горсть пушистого снега.

— А как насчёт этого?

Когда её рыцарь, отплевавшись, принялся стряхивать с лица мокрый снег, Таша уже бежала обратно к замку, по дороге сминая в ладонях новый снежок.

«Вижу, кому-то давно не преподавали уроков хорошего поведения», — промурлыкал Алексас, с неким предвкушением глядя ей вслед.

— Сначала догони! — крикнула Таша.

«И догоню».

Обещанное Алексас успешно осуществил, однако рыхлый снежок, запущенный ему прямо в лоб, позволил Таше прошмыгнуть меж его длинных рук. На бегу сгребая снег для следующего снаряда, она кинулась обратно к лесу, — но снег, вырвавшись из-под пальцев, взвился в миниатюрном вихре, преградив ей путь.

Мигом позже цепкие пальцы уже ухватили её за талию.

— Попалась, — прошептал Алексас: вкрадчивым, проникновенным шепотком, отчего-то пробравшим Ташу до мурашек.

Она попыталась вырваться, но добилась лишь того, что её бесцеремонно перекинули через плечо головой вниз.

— Пусти! — Таша тщетно сучила ногами в воздухе. — Это нечестно!

— А кидать снег в лицо ничего не подозревающему мне — честно?

— Пусти меня! Немедленно!

— Лишь если перестанешь безобразничать.

Она только фыркнула, — и, прежде чем шагнуть к ближайшему сугробу, Алексас театрально тяжело вздохнул.

— Что ж, придётся немного охладить твой пыл.

Таша не сразу поняла, что он собирается сделать.

Когда всё же поняла, сердито застучала кулаками по дублёной коже чужой куртки:

— Алексас! Только попробуй!..

— Обязательно попробую.

А в том, что её рыцарь привык выполнять свои обещания, Таша уже имела возможность убедиться.

— Алексас, я тебя... — только и успела сказать она, прежде чем её бесцеремонно кинули в снег.

Когда Таша утонула в сугробе в половину своего роста, пушистые снежинки радостно осыпались ей в лицо. Снег заледенил кожу, потом обжёг; следом, растаяв, водой потёк по лицу, бодрящими ручейками проникая под шапку и за воротник.

Хорошенько отфыркавшись, Таша открыла глаза, чтобы увидеть широкую улыбку Алексаса прямо над собой.

— Квиты? — протягивая ей руку, миролюбиво спросил он.

Таша улыбнулась в ответ. Приняв его ладонь, сжала тонкие пальцы в своих; привстала, упёрлась ногами в снег... и, ухватив Алексаса покрепче, откинулась назад, — резким рывком потянув его за собой.

— Ну и кто у нас попался? — торжествующе заявила она, когда Алексас рухнул спиной на снег: бесцеремонно сев ему на живот, толчком в грудь не позволив юноше подняться.

Он только улыбнулся ей. Снова.

— Запомните, моя королева, — нежно проговорил Алексас. — Никогда раньше времени не смейтесь над поверженным врагом.

В следующую секунду он уже молниеносным рывком перехватил обе её кисти.

Ещё миг спустя Таша каким-то сверхъестественным образом вновь оказалась на снегу, — пока Алексас, заведя ей руки за голову и прижав их к земле, с любопытством наблюдал за её попытками освободиться.

— Повторяю свой вопрос, — щурясь, пропел её рыцарь. — Квиты?

— Ни за что!

Отчаянным рывком выкрутив руки, Таша предприняла новую попытку низвержения

дерзкого соперника, однако единоборство кончилось лишь тем, что оба кубарем покатались куда-то по снегу. Когда же снежные комья забили им не только воротники, но и рукава, и сапоги, а шапки благополучно потерялись в каком-то сугробе, Алексас поднял руки и добровольно рухнул наземь.

Таша последовала его примеру без долгих раздумий.

— Всё равно я тебя победила, — выдохнула она, глядя, как головокружительно качаются из стороны в сторону звёзды, прежде чем утвердиться в своём положении на небосводе.

— Конечно, победила, — мирно согласился Алексас.

Некоторое время Таша молча смотрела в чёрное небо с рассыпанными по нему звёздными снежинками. Потом зачем-то повернула голову.

Алексас смотрел на неё: синими, невозможно синими глазами. И улыбался — довольной, хитрой немного улыбкой. Тёмные кудри расплескались по зимней белизне, на кончиках длинных ресниц серебрились снежные искры, на бледных скулах горел румянец.

— Кажется, моя королева довольна?

Таша отвернулась, глядя в небо. Не хотелось, но дальше смотреть ему в глаза отчего-то казалось невозможным.

— Довольна. Только устала.

Может, ей показалось, но Таша не слышала, чтобы Алексас отвернулся.

Так они и лежали рядом, пока где-то далеко не ударили часы. Шесть раз.

— Скоро ужин, — сказал Алексас тогда.

Она промолчала.

— И долго на снегу не пролежишь.

Она не ответила.

Алексас тихо встал. Щелчком пальцев вернув из небытия волшебного светлячка, отошёл в сторону.

Когда он вернулся, то отряхивал от снега Ташину шапку.

— Вставай, моя королева. — Он снова протянул ей руку. — Замёрзнешь же.

Таша медленно приподнялась на локте. Взглянула на замок, черневший впереди.

Впервые с того момента, как она кинула снег Алексасу в лицо, вспоминая, где они и что их ждёт.

— Да. — Она облизнула губы, мокрые от талого снега — и на сей раз приняла предложенную помощь. — Пора.

Облачив её окоченевшие ладошки в варежки, Алексас за руку повёл её обратно. Это был сон, думала Таша, наблюдая за приближением черноты, закрывавшей звезды на горизонте. Просто ещё один хороший сон.

А теперь пора возвращаться в явь.

* * *

— И правда неприятная ситуация, — заключил Король, когда Арон завершил свою невесёлую повесть. — Возлюбленный Богини, значит... не бойтесь выходить из тени, так открыто рассказывая о себе монаршей особе?

— С моей сестрой нам всем скоро будет не до секретов, — спокойно ответил амадэй.

— Пожалуй, в этом вы правы. — Поднявшись с кресла, цверг отошёл к окну, глядя на красные розы и золотые лилии, мягко сиявшие в вечной тьме. — К примеру, я уже готов открыть вам секрет, что за последние годы пропала без вести не одна сотня моих подданных. И даже не одна тысяча. Не убийства, не грабежи, не обвалы шахт... они просто не возвращались домой. Или исчезали из собственных постелей под покровом ночи. Тревожная тенденция, согласитесь.

— А наверху, уверен, пропадали люди. Просто это не афишировали ни в новостных листках, ни где-либо ещё.

— Король должен уметь сдерживать плохие новости в узком кругу. Подданным паника ни к чему.

— Вам, как я понимаю, это удаётся.

— О, да. — Цверг сосредоточенно побарабанил по подоконнику короткими пальцами. — Из зацепок у нас были лишь следы магии в опустевших домах. Думаете, это сделали слуги вашей сестры?

— Определённо. Полагаю, её подручным вполне под силу пробраться в Штольни незамеченными, околдовать жертв, чтобы те не оказали сопротивления, и перенести в логово Зельды прямо из домов.

— И зачем ей нужны цверги?

— И люди, Ваше Величество. Не забывайте. — Арон печально качнул головой. — Зачем? Хотя бы для пропитания своей армии. А если учесть природу её магии, готов поспорить: чтобы подготовить армию к будущей войне, она будет проводить ритуалы, для которых обычно требуются жертвы.

Пальцы Короля, спокойно лежавшие на подоконнике, чуть дрогнули.

— Единственная причина, по которой я не объявил людям войну... когда понял, что в этом замешаны колдуны, а подгорные маги, как и Школа Колдунов, тут ни при чём... я побеседовал с Шейлиреаром. Он в свою очередь привёл мне число тех, кто за последние годы пропал без вести наверху. Людей.

— И как вам число?

— Скажу лишь, что оно было значительно больше моего. — Цверг шумно вздохнул. — Шейлиреар сказал, что за всем этим стоит одна могущественная организация. Попросил дать ему год, чтобы её устранить.

— И вы ему поверили?

— Оставался месяц до истечения срока, когда произошло покушение. А следом ваше появление... мне кажется, все основания не верить ему отпадают.

— Однако не Шейлиреар пришёл к вам с просьбой о помощи в уничтожении Зельды.

— Да. Пришли Мастера, его верные поданные. — Цверг наконец обратил цепкий взор на волшебников, к этому времени начинавших чувствовать себя несколько лишними. — Значит, господа, у вас есть дракон?

— И мы смиренно просим вашего разрешения впустить его в Штольни, — кивнул Иллюзионист.

— В Штольнях можно плутать годами. Вы хотя бы приблизительно знаете, где искать место этого... сборища?

— Приблизительно, — весьма мрачно ответил Мечник.

— И как раз потому, что в Штольнях можно плутать годами, вы снабдите нас подробной картой, каковые имеются лишь у цвергов, — добавил Арон. — А также пропуском в любые шахты.

Покачав головой, Король вернулся за стол:

— Дать Мастерам Адамантской Школы разрешение обшаривать Штольни вдоль и поперёк в сопровождении дракона? Любой из моих предшественников, когда-либо избранных на Подгорный престол, за такое обрёл бы меня на медленную и мучительную смерть.

Арон тяжело вздохнул.

— Ваше Величество, мне не хотелось бы...

— С другой стороны, — извлекая из стопки бумаг чистый лист, продолжил Король, — я думаю, что наша просвещённая эпоха прекрасно подходит как для перемен, так и для нарушения замшелых традиций.

Осекшись, Арон молча поднялся с места: наблюдая, как цверг выводит ровные строчки и промокает влажные чернила горстью песка. Заклинатель ухмыльнулся, Иллюзионист и Мечник украдкой обменялись торжествующим рукопожатием.

Странник лишь бесстрастно взирал, как цверг греет воск, чтобы скрепить пропуск своей печатью.

— Прошу. — Король протянул документ амадэю, и тот с поклоном подступил к столу. — На шесть дней ваши полномочия в Подгорье сравнялись с возможностями Первого Советника. Ни один цверг не посмеет в чём-либо вам отказать. — И чуть улыбнулся. — Ровно через шесть дней этот листок обратится в пыль, дабы избежать возможных подделок. Но в основном уповаю на вашу совесть.

Учтиво склонив голову, Арон бережно сунул бумагу во внутренний карман фортэньи:

— Благодарю, Ваше Величество. Вы сделали для нас больше, чем мы могли ожидать.

— Надеюсь на ответную любезность.

Когда делегация направилась к выходу, Мечник оглянулся на цверга — тот уже как ни в чём не бывало продолжал письмо, отложенное с их приходом.

— Ваше Величество, — негромко изрёк волшебник, — позволите вопрос?

Цверг поднял взгляд, лёгким кивком выражая дозволение.

— Почему?

Вопрос вышел весьма лаконичным, но Король, и так прекрасно поняв смысл, едва заметно улыбнулся.

— Исходя из обстоятельств, сопровождавших ваш визит, и фактов, следовавших из вашего рассказа, иного выхода у меня всё равно не было. А когда иного выхода нет, лучше принять оставшийся по своей воле, обставив уступку видимостью таковой и скорректировав свои планы с её учётом. Объяснить это решение монаршей дальновидностью и мудрым стремлением предотвратить лишнее кровопролитие. Действительные обстоятельства забудутся, но грамотная интерпретация завладеет умами и войдёт в историю. — Цверг аккуратно макнул кончик пера в малахитовую чернильницу. — История, знаете ли, вообще

забавная штука.

Какое-то время Мечник задумчиво смотрел, как он выводит витиеватый вензель в начале строчки.

Затем склонил голову.

— Пожалуй, теперь я могу понять, чем руководствовались цверги, выбирая вас, — серьёзно сказал он.

— Это радует, — не менее серьёзно отозвался Король Подгорный.

* * *

Кес стал снижаться как раз тогда, когда Лив начала клевать носом.

— Да я не засну, — запротестовала девочка, глядя, как с земли на них наползает заснеженная роща на берегу небольшого озера. Кое-где виднелись тёмные точки полыней, в одном месте снег расчистили под каток: видимо, постарались жители деревни, лежавшей за той самой рощей, светившейся в сгустившейся тьме золотой россыпью окон.

— Вы, люди, такие забавные, — фыркнул дракон. — Легко проявляете силу и благородство, когда это совсем не нужно, зато при необходимости так же легко о них забываете.

— Это не про меня!

Кес не соизволил ответить.

Приземление вышло мягким, бесшумным и почти незаметным: Лив зажмурилась, когда взвившийся миниатюрным ураганом снег запорошил лицо, и ощутила лишь лёгкий толчок. Когда же она открыла глаза, дракон мягко дышал на землю, и под его дыханием снег обнажал большую проплешину полусгнившей осенней листвы.

— Закутайся в плащ и ложись, — велел Кес после того, как листва стала сухой. — Я тебя рразбужу.

Лив неохотно сползла вниз, стараясь не упасть — спуск по драконьей «лестнице» давался тяжелее подъёма.

— А нам долго ещё лететь?

— Завтра к обеду будем.

— Ничего себе! Если гнать коня, всё равно сутки через каждую провинцию...

— Медленно. Обычно мне требуется полдня, но ты меня сдерживаешь.

Лив обиженно прыгнула на листья; ощущение собственных шагов по земле показалось неожиданно непривычным.

— Ну извини. Вот и летел бы себе, я тебя не уговаривала возвращаться!

Кес промолчал — и, ворча что-то себе под нос, Лив улеглась на шуршащую листву, под бочок к дракону, устроившемуся на снегу.

Впрочем, снега под ним уже осталось очень и очень немного.

Интересно, сонно думала Лив, чувствуя, как её окатывают волны тепла от драконьего тела, а к утру здесь цветы не распустятся? То-то местные жители удивятся.

— А кто этот юноша, с которым твоя сестра отправилась... к сестре дяди Аррона?

Лив щёлчками приоткрыла глаза:

— А, это Джеми. И Алексас.

— Кто они?

— Джеми волшебник. Алексас — его старший брат. — Она смежила веки: тепло убаюкивало. — И они вдвоём живут в одном теле.

— Даже так?

— Ага. Но вообще тело принадлежит Джеми. Надеюсь, когда-нибудь Алексас найдёт себе другое тело и уйдёт... — подумав кое о чём, Лив вновь открыла глаза. — Знаешь, они говорят, что они Ташины рыцари. Оба. А у меня ни одного рыцаря нет, а мне хочется, чтобы Джеми был моим рыцарем! Таше ведь и одного хватит, верно?

— Веррно.

— Алексас старше, вот пусть и берёт его себе. А Джеми был бы моим. Я считаю, это честно.

— Определённо.

Голос дракона не выражал ровным счётом ничего, а глаза были закрыты, — но Лив почему-то казалось, что под огромными кожистыми веками пляшут огоньки драконьего смеха.

— Вот когда встретимся, я так Таше и скажу, — буркнула она, смыкая ресницы. — Что хочу рыцаря. Имей в виду.

— Спи уже.

— Скажу, — на всякий случай повторила Лив, уплывая куда-то по волнам обволакивающего тепла.

А вот на самом деле — возьмёт и скажет. Сразу, как только они Ташу от сестры дяди Арона вытащат. У Лив ведь теперь и дракон есть, и вообще она волшебница, пусть и маленькая! Так что имеет полное право на одного рыцаря. Всего лишь на одного.

Никакие другие ей ведь и не нужны...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СИЛА ТЕНЕЙ

— Камин! — благоговейно выдохнула Таша, с нескрываемым наслаждением стягивая шапку и мокрые варежки.

Верхняя одежда, носки и сапоги тоже успели вымокнуть. Развесив вещи у разожжённого в их отсутствие огня, Алексас сел на кровать, где уже куталась в одеяло Таша.

— Почему у них тут всё такое холодное? — страдальчески спросила она, когда Алексас закутался по соседству; чтобы нагреть бельё до приемлемой температуры, в кровать потребовалось бы положить по меньшей мере пару грелок.

Алексас лишь плечами пожал.

— Нечисть, что с неё взять.

Таша покосилась на запертую дверь. Дрожа, натянула одеяло до подбородка: то всё же потихоньку нагревалось, поглощая остатки тепла, сохранявшиеся в её продрогшем теле.

«Надеюсь, обещанный нам разговор с более высокопоставленными лицами всё же состоится, — мысленно произнесла Таша. — Учитывая, что Зельды нет... неопределённость меня тревожит».

«Полагаю, сперва с нами побеседует не Зельда, а кто-то из её ближайших подручных, — задумчиво перебирая четки, откликнулся Алексас. — Правда, под его личиной вполне может скрываться кое-кто другой».

«Что ты имеешь в виду?»

«Даже магистры второго уровня могут покидать собственные тела. Творить себе временные или занимать чужие, подавляя разум законных владельцев. Есть лишь одно условие: согласие этих владельцев. Но что-то мне подсказывает, что Зельде здесь никто не откажет».

«Ты думаешь...»

«Как я понял, она отлучается довольно часто и довольно надолго. Но зачем Зельде

покидать замок? Зная, что за его стенами её ждут двое амадэев, которые в своё время выбрали жизнь, чтобы покончить с ней? — Алексас взъерошил влажные кудри. — Полагаю, она удаляется в какой-нибудь подвал, где у неё оборудовано логово со всеми удобствами, отпускает разум и гуляет по замку в своё удовольствие. Таким образом легко узнать все маленькие слабости, какие позволяют себе её слуги, — а таковые позволяют себе все слуги, когда хозяйки нет дома. Когда же в ней возникает надобность, Зельда возвращается, тем самым создавая иллюзию собственного всезнания и бурной деятельности за пределами штаб-квартиры».

Таша поразмыслила над тем, что узнала.

«Занимать чужие тела, — медленно повторила она. — Но зачем?»

«Разведать обстановку. Проверить сомнительных членов сообщества. Перед Госпожой любой будет следить за своим языком, но старому другу он легко поведает всё, что накопилось на душе. К тому же так легче пережить налёт на замок, если кто-то из старых друзей вдруг сможет её найти. — Алексас смотрел на огонь. — К счастью, вломиться в чужое тело можно лишь на несколько часов. Больше не под силу даже амадэю. — Он помолчал. — Правда, существует ещё обмен телами».

Таша поёжилась, и вовсе не от холода.

«У магов и такое есть?»

«Да. Подготовительный ритуал требуется провести не менее чем за год за непосредственного обмена. Зато после маг... или обычный человек, если маг ему помогает... может переместить сознание в чужое тело, получив право пользования им на неограниченный срок. Соответственно, сознание того, в кого ты переместился, на этот срок перемещается в твоё покинутое тело. — Алексас лениво потянулся. — В своё время на этом сколачивали состояния. Противозаконно, естественно».

«И каким же образом?»

«Загвоздка в том, что обмен возможен лишь по желанию мага, проводившего ритуал. Только по его слову, и никак иначе. Что первый, что обратный. А теперь представь себе богатого старика, который отчаянно не хочет умирать. Он нанимает себе в камердинеры симпатичного молодого человека, после чего идёт к некоему магу и, заплатив кругленькую сумму, просит оказать ему определённую услугу. Парня опаивают, добиваясь его согласия на ритуал — заклятию нет разницы, дал ты его в доброй памяти или нет. Проходит год, богач меняется телами с ничего не подозревающим парнем... и в тот же день старика разбивает паралич. Его верный камердинер преданно ухаживает за хозяином до самой его смерти, довольно скорой, — а когда вскрывается завещание, совершенно неожиданно обнаруживает, что старик оставил ему всё своё состояние. Мораль сказки ясна?»

Таша угрюмо кивнула:

«Неплохо устроился».

«До того, как за проведение этого ритуала ввели смертную казнь, один маг успел таким образом сменить тело шесть раз. Смерть, обманутая на четыреста лишних лет жизни. — В зрачках Алексас плясали искры отражённого пламени. — Неплохо для простого смертного, правда?»

«Наказание за преступление — прекрасно, но для начала преступника нужно вычислить и найти. А это, я подозреваю, в случае с могущественными магами довольно проблематично».

«Мастера Адамантской Школы справились с этой проблемой. Они ввели оповещение на любое проведение этого ритуала. Стоило кому-то нарушить закон, как в дежурных зеркалах Мастеров тут же проявлялось, кто это был, где он находился и куда направился далее».

Таша уважительно склонила голову набок:

«Это ведь должны быть невероятно сложные чары? И мощные, раз они покрывают всю страну».

«Шестеро недаром считаются одной из самых могущественных сил в Аллигране».

«А скрыться от этого оповещения можно?»

«Ликбер, пожалуй, смог бы».

«Тогда успокой. — Таша мысленно пролистала их беседу на пару страниц назад. — Так ты думаешь, что Зельда где-то... среди нас, так сказать?»

Алексас зачем-то оглядел комнату. Задержал взгляд синих глаз на тумбочке.

Улыбнувшись, наклонился вперёд.

«Да, — сказал он, выпрямляясь и протягивая Таше желтоватый клочок бумаги: которого не было, когда они уходили. — И, похоже, твоя долгожданная встреча с более высокопоставленными лицами всё же состоится».

Таша приняла обрывок пергамента из его пальцев. Опасливо вчиталась в надпись, начертанную на нём бисерно-каллиграфическим почерком.

Сегодня вечером, в библиотеке, когда все уйдут. Одна.

Она в смятении скомкала пергамент в кулаке.

Таша всегда любила библиотеки. Правда любила. Любила вдыхать запах старой бумаги, гладить шершавые корешки и пачкать пальцы в книжной пыли.

Однако сегодня идти в библиотеку ей почему-то совсем не хотелось.

Особенно после всего, что ей только что поведал Алексас.

«Да вы никак грустили, моя королева. Советую искать во всём положительные стороны».

«Например, что даже мой провал, если я провалюсь, лучше неопределённости?» — мрачно уточнила Таша.

«Хотя бы это. А учитывая, что через пару дней нас здесь не будет, я бы на твоём месте позаимствовал пару книжек и вошёл в историю».

«Это каким образом?»

Алексас улыбнулся. По-мальчишески — и одновременно с таким сарказмом, который казался чужим на его юном лице.

«Ты стала бы первым живым существом, которое знало, с кем имеет дело, и взяло имущество Палача без намерения его возвращать».

* * *

Мастера скучали.

Кес, которого они тщетно прождали весь день, так и не соизволил явиться. А потому волшебники вынуждены были отложить поход в недра Окраинных гор до завтрашнего утра — по меньшей мере.

— Подумаешь, загулял парень, — великодушно заметил Иллюзионист, когда Заклинатель от выражения своих мыслей по поводу драконов в целом перешёл к планированию страшных кар для конкретной запаздывающей особи. — Тебе бы столько просидеть на каком-то камушке с чахлыми сосенками — взвыл бы небось. Может, он по любимой бабушке, оставшейся в горах, соскучился. Или по жёнушке с тремя детьми.

— Какие ещё дети? — взъярился волшебник. — Эти твои шуточки...

— У драконов, знаешь ли, тоже бывают дети. Иначе бы сейчас мы о них не знали. — Вермилион, зевнув, успокаивающе похлопал коллегу по плечу. — Успокойся, он клятву принёс. Прилетит, куда денется.

Но поскольку Мастера без дела сидеть не привыкли, с час назад Иллюзионист уволок Странника в таверну, а Заклинатель, материализовав на низком столике доску для аустэйна, уселся в углу трактирной комнаты для партии с самим собой: среди окружающих достойных противников он не видел. Арон же с Мечником опустили в кресла у камина, друг против друга, и занялись тем, что ничем не занялись. Даже не разговаривали.

До недавнего момента.

— Почему вы сделали это тогда? — спросил вдруг волшебник, устремив на лицо амадэя пристальный взгляд тёмных, без блеска глаз. — Почему спасли эту девочку?

Какое-то время слышно было лишь, как в углу просторной светлой комнаты стучат о деревянную доску фигурки, которые взглядом двигал Заклинатель.

— Я увидел у неё за спиной тень моего брата. — Ресницы Арона дрогнули. — И знал, что если я не спасу её, она умрёт.

— Но нам вы говорили обратное.

— Да. Говорил. — Арон смотрел на свою тень. В свете одинокой лампадки она вязко тянулась по полу, наползая на стену: тонкая, длинная, искажённая. — Тогда я неправильно оценил обстановку. Беспристрастная оценка текущей ситуации никогда не входила в список моих достоинств. Лиар сыграл на моём милосердии, а потом — на возникшей привязанности к ней.

— И он знал, что эта привязанность возникнет?

— Знал. Она не могла не возникнуть.

— Почему?

Арон улыбнулся, но серые глаза его были печальны:

— Нам всегда нравились одни и те же женщины.

Мечник, хмыкнув, потянулся за чашкой чая, стывшей на тумбочке.

— Других этот вопрос тоже интересовал, — негромко заметил Арон. — Но спросили вы один.

— Я человек прямой. Что на уме, то на языке. Когда это делу не вредит, конечно.

— Тогда это тем более...

Когда амадэй запнулся, Мечник с удивлением посмотрел на собеседника, уставившегося куда-то на стену. Проследил за его взглядом.

Мигом позже метательный нож, который он выхватил из воздуха, пригвоздил тень Арона к шпукатурке; и, опустив голову абсолютно независимо от её владельца, тень с интересом поглядела на лезвие, видневшееся на месте сердца.

Конечно, глаз у неё не было, так что по-хорошему рассмотреть, каким именно был её

взгляд, возможным не представлялось. Но все присутствующие уже могли изучить повадки сильнейшего из Воинов.

— В яблочко, Мастер Мечник, — приятным баритоном заметила тень, шагнув вперёд.

От стены отделилась только тень, но шаг сделал уже человек. И, увидев его, Мечник замер, не успев извлечь меч из ножен, — а Заклинатель вскочил так резко, что едва не опрокинул доску.

— Неожиданно, правда? — незваный гость, молодой и статный, склонил набок темноволосую голову. — Каково сражаться со своим королём?

Ответом ему была ошеломлённая тишина.

— Хотя, полагаю, вы предпочтёте другое обличье. — Мужчина провёл расправленной рукой вдоль лица, словно снимая маску, и то задрожало маревом, моментально меняясь. — Бороться с директором Школы Колдунов вам должно быть куда приятнее.

Слова, срывавшиеся с бледных губ под капюшоном, были полны странных пришепетываний, — но Мастера лишь молча наблюдали за метаморфозами.

— Однако лучше всего для предстоящей беседы, думаю, подойдёт вот эта. — Лиар даже пальцем не шевельнул, чтобы прежнюю личину смыло с него, точно водой. — Я пришёл не драться, а говорить. А с одним из своих болтать, полагаю, тоже будет куда приятнее.

— Ты не можешь следить ни за мной, ни за моими спутниками, — глядя на точную копию Иллюзиониста, негромко сказал Арон. — Я об этом позаботился. Как ты нас нашёл?

— Зачем мне магия, если мне и своего ума хватает? — голубые глаза лже-Вермиллиона смотрели пугающе чужеродным взглядом. — Если ты думал, что я не догадаюсь, на какую публику рассчитан твой предыдущий спектакль — вечность научила тебя ещё меньшему, чем я думал. И лишь Странник мог помочь тебе вызвать меня без моего желания, как какое-нибудь паршивое привидение. Эх, старею...

— Как?

— Я знаю, что Мастера не дураки. Примерно установить Ташино местоположение им вполне по силам, учитывая, что у них под рукой имеется её сестра. — Лиар улыбнулся. — Магия крови порой бывает весьма полезна, правда, господа? Даже для вас, так не любящих пачкать белые перчатки на своих руках.

Арон жестом остановил Мечника, потянувшего клинок из ножен.

— Зачем явился?

Иллюзия Вермиллиона Морли скрестила руки на груди.

— Просто хотел сказать, что в Штольни вы прогуляться можете, но исключительно для собственного удовольствия. Ни Зельды, ни Таши вы там не найдёте.

— Лжёшь.

— Если б я лгал так часто, как тебе бы хотелось — пришлось бы не говорить и слова правды.

— И где же они тогда?

Лиар устремил задумчивый взор в потолок:

— А зачем бы мне тебе это сообщать? Я и сам могу вытащить Ташу оттуда. В любой момент. Но пока так интересно наблюдать, как она взрослеет... Обитель Зельды — не то место, где можно сохранить милые детские иллюзии. А тут ещё такая ответственность, да неожиданная самостоятельность, да зарождающееся чувство...

Выдержав паузу, Палач наконец опустил глаза, вновь взглянув в спокойное лицо Арона.

Слишком спокойное.

— Да, я тебя понимаю. Взросление дочерей — такая трагедия для отцов. Только вчера твоя девочка принадлежала тебе одному, а сегодня кто-то уже предъявляет права на твоё сокровище, смея занимать в её сознании и сердце больше места, чем отныне занимаешь ты.

То, что она рассказывала тебе, она теперь рассказывает ему, то время, что проводила с тобой, проводит с ним... печально, правда? — уголки губ Лиара дрогнули в намёке в улыбку, так не вязавшуюся с искренней участливостью вопроса. — А ещё этот кто-то мог видеть те вещи, которых не замечают маленькие девочки. И способен в любой момент открыть твоему сокровищу глазки на неприглядную правду...

— Замолчи, — очень тихо сказал Арон.

— О, неужели тебе так больно осознавать, что ты можешь её потерять? Хотя да, совсем забыл. Тебя ведь нет рядом, дабы своими лучистыми очами подправить положение вещей.

— Замолчи.

— Такова жизнь, братишка. Порой у нас отбирают дорогие нам вещи. Не знал? Я вот узнал однажды. Кое-кто здорово мне в этом помог.

— Замолчи!

Губы Лиара вновь разомкнулись, но рука Арона уже метнулась к рукояти клинка Мечника, так и стоявшего рядом.

В тот миг, когда блеснула сталь, очередная маска Палача скатилась с него зачарованной волной, сменившись новой.

Когда Арон замер с окровавленным клинком в ладонях, светловолосая голова, прокатившись по полу, замерла у его ног. Меч был столь остёр, что с одного взмаха рассёк кудри, обрезав их по шею, позволив прядям светлым ореолом осыпать тело и белое платье; лицо казалось ещё живым, и серебристые глаза смотрели на амадэя осмысленным, чуть обиженным взглядом.

Встретив этот взгляд, тот пошатнулся.

— Лжёшь, — прошептал амадэй, глядя, как Ташины волосы наливаются красным. Кровь оборотня расплзлась по светлому паркету алой, искрящейся золотом кляксой. — Лжёшь, лжёшь!..

А потом и голова, и тело, и кровь поблекли и исчезли, и лишь весёлый мужской смех эхом отзвучал где-то вдали.

Выронив меч, Арон рухнул в кресло, обеими руками вцепившись в подлокотники. Прикрыл тёмно-зелёные глаза.

Открыл их — серыми с зеленоватыми бликами.

— Полагаю, господа, — произнёс амадэй размеренно и спокойно, — то, что мы сейчас услышали, ничего не изменило.

Заклинатель смотрел на место, где только что лежал девичий труп.

— Вы не думаете, — медленно произнёс волшебник, — что...

— Нет. — Слово были непререкаемым и неоспариваемым: наверное, так же некогда Кристаль излагала людям святые заповеди. — Он лжёт. Просто хочет сбить нас с толку. Не в его интересах, чтобы мы нашли Ташу раньше, чем он это запланировал.

Подняв своё оружие с пола, придирчиво осмотрев чистое лезвие — фантомная кровь исчезла с него без следа вместе с телом на полу, — Мечник вернул клинок в ножны.

— Он хочет, чтобы мы её нашли? Уверены?

— Я надеялся на обратное. Но теперь — уверен.

— Почему?

Арон мрачно улыбнулся.

— Потому что он знает, что мы собираемся сделать, — негромко заметил он. — А вы, однако, ещё живы.

Всё пошло не по плану с самого начала; а начало и конец не столь уж отдалились друг от друга.

Библиотека — огромная, с высоким потолком и дубовыми полками, отделанными резьбой и позолотой, — была достойна дворца, и в отличие от коридоров её ярко освещали магические лампы в вычурных серебряных оправах, похожих на канделябры. Пространство перед двустворчатými дверьми отвели под кресла и столы, за которыми можно было почитать в тишине и уюте, слушая потрескивание углей в огромном камине. Когда Таша пришла, пару кресел занимали колдуны, сосредоточенно разучивавшие новые заклятия, — и, к своему изумлению, тут же Таша увидела Лайю, уютно устроившуюся на бархатном диванчике у дальней стены.

Заметив новенькую, наставница оборотней лениво махнула ей рукой, подзывая к себе. Убрав в карман карту, которой её любезно снабдил Алексас, Таша покорно приблизилась. Сам Алексас отправился «приглядеть за Найджем»; Таша знала, что её рыцарь с радостью бы пошёл с ней, но не мог. По обоюдному желанию сторон их разговор с высокопоставленными лицами «Рассвета» пройдёт один на один.

Вот только причины у сторон были разные.

— Почитать решила? — Лайя похлопала по месту рядом с собой, призывая Ташу сесть. — И где твои дружки?

— У них свои дела, — кратко сказала Таша, опустившись на диванчик по соседству с ней.

Женщина задумчиво поджала губы. Закрыв книгу — Таша машинально отметила, что это сборник романтических баллад, — отложила её в сторону.

Внезапно взяв девушку за плечи, развернула её затылком к себе.

Таша не сразу поняла, что Лайя делает с её волосами. И лишь пару секунд спустя догадалась: наставница оборотней заплетает короткие чёрные пряди в мелкие косички.

— Я бы на их месте не отпускала тебя гулять по замку в одиночку, — сдержанно заметила Лайя, натягивая её волосы с удивительной бережностью. — Мы следим, чтобы старожилы не... не обижали новичков, но для тех же эйрдалей ты — лакомый кусочек. А строгих мер за то, что тебя против воли поцелует один-другой... если не заберут слишком много сил, а этого они делать не станут... в общем, не предусмотрено.

Подобная забота Ташу даже растрогала.

— Не волнуйтесь, — вспоминая о янтарной подвеске на груди, произнесла она, — я сумею за себя постоять.

— Это ты так думаешь.

— На твоём месте я бы подыскала себе других приятелей. Тех, кто точно не даст тебя в обиду, — промурлыкал кто-то, присев с другой стороны от Лайи. — Такая милая девочка вполне может добиться очень выгодной партии... окольцевать какого-нибудь юного герцога, к примеру.

Таша одеревенела, — поняв, кто к ним присоединился, ещё прежде, чем Лайя заплела очередную косичку, позволив ей повернуть голову.

Улыбка Кэйрмиль была сладка, как отравленный мёд.

— Или, быть может, ты уже его нашла?

Таша лишь опустила глаза.

Надеясь, что её молчание расценят проявлением смущения.

— Привет, Кэй, — кивнула Лайя, вновь неумолимо отвернув Ташу от Кэйрмиль: наставница оборотней казалась девчонкой, заполучившей новую куклу. — А ты-то здесь что забыла?

— Тебя. Но у тебя, смотрю, образовалась более приятная компания.

— Скоро закончу. — Пальцы оборотня переплетали Ташины волосы ловко и ласково. — Ты не думай, девочка, что мне тебя не жаль. Со всем, что на тебя здесь свалилось. Ты ведь ещё совсем... человек. Но со временем привыкнешь, поверь. Все привыкли. — Лайя помолчала. — А когда всё закончится, мы сможем быть людьми в своё удовольствие.

Таша вздрогнула.

— Прости, — сказала Лайя, немедля ослабив очередную тугую косичку. — Больно?

— Ага, — буркнула Таша, не соврав.

Когда под словами «всё закончится» подразумевается, что рухнет любимый тобой мир, — это не может не ранить.

— Осторожнее, Лай. Так оставишь ребёнка без волос. — Кэйрмиль коротко засмеялась, и в переливах её смеха слышались оскаленные клыки. — Тальрин не видела?

— Сегодня нет, — равнодушно откликнулась Лайя: не замечая, как упоминание имени госпожи Ингран из уст Кэйрмиль заставило Ташу застыть напряжённой струной. — А что?

— Да дядя свою львицу ненаглядную потерял.

Лайя неодобрительно усмехнулась:

— Мне казалось, Картер своих любимиц держит на коротком поводке.

— Нет, этой он даёт больше свободы. И играет с ней дольше, чем с предыдущими. Всё жду, когда она наконец ему надоест.

Лайя молчала, и в молчании этом слышалось осуждение.

— Да брось, Лай. До смерти не зацелует.

— Просто не люблю, когда мужчина пользуется тем, что ты не смеешь ему отказать.

Таше не требовалось задавать лишних вопросов, чтобы понять, о чём идёт речь.

Ну да. Картер если не правая, то левая рука Зельды. И в таком случае ни одна женщина в этом замке действительно ни в чём не посмеет ему отказать — будь то поцелуй, душа или постель.

Бедная, бедная Тальрин.

— Только не говори, что дядя должен с ними церемониться, — фыркнула Кэйрмиль. — Да Тальрин бы спасибо сказать, что он...

Вдруг осеклась, точно в ответ на скрип тяжёлых двустворчатых дверей, в этот самый миг впусивших в библиотеку кого-то ещё; и когда Таша оглянулась на вход, чтобы посмотреть, кого они впустили — её взору предстал тот самый белобрысый эйрдадь, которого удостоили чести занимать место по правую руку от Зельды.

Пояснять, кто же написал записку, больше нужды не было.

При появлении эйрдаля колдуны отчего-то поспешили ретироваться, предварительно почтительно откланявшись. Как и Лайя, попробовавшая увлечь Ташу за собой; но та лишь взяла с ближайшей полки первую попавшуюся книгу — ей было немного не до того, чтобы углубляться в недра лабиринта книжных полок, — и, вернувшись на диванчик, демонстративно уткнулась в «Сангвимагию: истоки и развитие». Кэйрмиль, напротив, направилась напрямик к эйрдадю, занявшему кресло у самого камина, и до Таши донеслись отголоски их беседы о ничего не значивших событиях минувшего дня; и пусть бывшая герцогиня Броселианская увивалась вокруг белобрысого игривым котёнком, её собеседник отвечал односложно, меланхолично созерцая стену.

Когда Лайя вновь настойчиво подсказала Таше, что пора уходить, та лишь яростно взерошила волосы, расплетя косички, и сделала вид, что всецело поглощена рассматриванием гравюр. Что ни говори, те действительно были интересными, — во всяком случае, для тех, кто мечтал посвятить свою жизнь вскрытию бранных тел почивших людей. В конце концов Лайя, помрачнев — видно, сообразила, что к чему, — удалилась, а там и Кэйрмиль, ненадолго задержавшаяся, отчаялась добиться со стороны эйрдаля какого-либо знака особого расположения. Однако даже когда за Кэйрмиль закрыли двери, даже когда

лампы по всей библиотеке, в которой они остались вдвоём, погасли сами собой, эйрдаль просто продолжал сидеть, глядя на угли.

А Таша просто продолжала сидеть, уставившись на гравюры, почти неразличимые во тьме.

Что-то подсказывало ей, что проявлять инициативу лучше в других обстоятельствах и в другом месте.

— А ты умеешь ждать, посмотрю, — когда тишина уже звенела у Таши в ушах, всё же изрёк эйрдаль.

Она осторожно подняла взгляд.

Не глядя на неё, эйрдаль повелительным, не подразумевавшим возражений жестом указал на соседнее кресло. Отложив книгу, Таша подчинилась; и когда она села, чтобы эйрдаль удостоил её взглядом бесцветных глаз, — от заботы о новобранцах, продемонстрированной им на утреннем собрании, не осталось и следа.

— И что ты можешь мне сказать, потерянная и найденная наследница рода Морли?

Свершилось, подумала Таша: стараясь не ощущать себя мышкой, по доброй воле явившейся к кошке на ужин при свечах.

— Полагаю, вначале мне лучше ответить на ваши вопросы, — тоненьким голосом произнесла она, ненавидя собственное изменчивое горло. — Они же у вас наверняка есть.

— Ты ведь не надеялась провести «Рассвет» этим дешёвым маскарадом? Да, кое-кто тебя не узнал. Но только не я.

Он был совсем рядом: если б Таша положила ладонь на ручку своего кресла, их локти соприкоснулись бы. Спокойно, спокойно... вспомнить, что говорил Герланд, только и всего.

— Нет, я... это «Венец» настоял, они надеялись скрыть...

— Говори правду. — Бесцветные глаза всматривались в её зрачки, словно в колодец. — Я всё равно узнаю, если вздумаешь солгать.

От эйрдаля пьяняще и тошнотворно пахло тлеющими лилиями. Фарфоровая кожа почти светилась во мраке, развеиваемом лишь отблесками углей, тонкая острая красота черт завораживала, околдовывала, заставляла любоваться, забывая обо всём другом. Светлые волосы, светлая глаза, светлая кожа — он казался выбеленным, прекрасным порождением властвовавшей за окном зимы. Таше почудилось, что она вот-вот упадёт во тьму, чёрными звёздами светившуюся в его глазах, и её захлестнули волны паники: защита не помогла, эти глаза видят всю её, всю, до самого дна...

Медальон на груди обжёт кожу, — и в краткий миг болезненного просветления Таша

нашла в себе силы опустить взгляд.

Гипноз. Очарование эйрдалей.

Как она могла быть такой дурой, чтобы смотреть ему в глаза? Или, быть может — ей...

— «Венец» не знал, зачем я пойду к вам, — облизав пересохшие губы, почти шёпотом проговорила Таша. — Просто... у них ведь нет никакой другой нечисти, и у них... не было выбора... да и вызвались только мы трое.

— Да, если пойдут трое, больше шансов, что хоть один вернётся назад. — Эйрдаль подпёр подбородок рукой, склонившись ещё ближе. Она не могла слышать его движений, не могла видеть их, — но чувствовала всё острее, чем когда-либо. — И что, они действительно надеялись утаить, что к нам явилась Ищущая господ Норманов собственной персоной?

— Они думали, что... даже если вы узнаете, вы не причините мне вреда. Они ведь нужны вам. Не в ваших интересах портить отношения...

— Они не в том положении, чтобы строить из себя гордецов, если мы случайно прикончим одного маленького оборотня. Дай-ка угадаю: «Венец» отчаянно не хочет марать свои благородные ручки, присоединяясь к нам подобным, и заслал к нам тебя, дабы сделать своего двойного агента уже тройным. Ты ведь потому и вышла из тени, потерянная наследница рода Морли? Надеялась стать любимицей короля и ещё одним шпионом «Венца» при дворе?

— Да, — пролепетала Таша.

Ну, хоть в чём-то ошибся. Уже радуется.

— А когда произошло покушение, они послали тебя сюда, дабы после убрать нас руками короля. Хороший план, ничего не могу сказать. — От запаха тлеющей лилии её начинало мутить. — Даже если тебя уберут, ничего страшного, так ведь? Что им какой-то маленький оборотень. Если дело не выгорит и им придётся присоединиться к нам, шпионы при дворе им уже не понадобятся — у нас своих хватает...

— Нет.

Только бы сердце так не колотилось: это и человек-то, наверное, услышит, не то что эйрдаль...

— Почему же это?

— Я... я приказала отправить меня сюда. «Венец» не смеет не подчиниться мне.

— И что же в тебе такого особенного, девочка?

Таша выпрямилась — и, руша мосты, посмотрела ему в глаза.

— То, что я — дочь Тариша Морли и Ленмариэль Бьорк, которая чудом спаслась во время Кровеснежной ночи. Я — законная наследница престола Аллигрانا. И чтобы сместить с трона убийцу моего отца, мне нужна помощь «Рассвета».

Долгое молчание эйрдаля было для неё лучшим подарком.

— Неожиданный поворот, — наконец сказал он; Таша поспешила опустить взгляд прежде, чем её собеседник опомнится. — А где доказательства?

— Здесь. — Достав оба перстня из внутреннего кармана жилета, она надела по одному на каждую руку. — Не фальшивки, можете проверить. Охранные чары в целости и сохранности.

Какое-то время эйрдадь молча созерцал геральдические печати: грифон и орёл.

Два рода — королевский и княжеский.

— Значит, — произнёс он затем, — вот ради чего борется «Венец»?

— Да. Они хотят возвести меня на престол.

— И зачем же ты пришла сюда?

— Потому что две головы лучше одной. — Стянув с пальцев перстни, Таша спокойно вернула их обратно в карман. — С поддержкой эйрдалей, оборотней и ваших колдунов никто не сможет мне противостоять. Да только попробуй вбей эту мысль в их благородные головы.

— И ты обманула «Венец».

— К трону всегда приходится идти по головам. Ложь становится привычкой.

— А если ты лжёшь мне?

Силы улыбнуться нашлись сами собой:

— Придётся вам верить мне на слово. Прочесть мои мысли вы всё равно не сможете.

— Так в этом уверена? Любую защиту можно сломать.

— Только не защиту амадэя.

В яблочко.

Таша наблюдала за тем, как меняется его лицо, и сердце её билось всё ровнее.

Это ведь совсем нетрудно — вспомнить, что ты чувствовала когда-то, спускаясь в чёрном платье по чёрной лестнице...

— Госпожа говорила, что она осталась одна в своём роде.

— Она солгала. После восстания Ликбера в живых остались четыре амадэя. Один из них является моим названным отцом, второй является его названным братом. — Подробности ни к чему. — Первый — лучший телепат и целитель за всю историю Аллиграна. Второй — Воин, такой же, как Зельда. Но он сильнее её.

Снова попала.

Конечно, Таша ведь не должна знать её имени.

— Этого не может быть. Госпожа... Зельда не лжёт мне.

Она тихо, коротко рассмеялась:

— На пути к трону ложь становится привычкой, помните?

Эйрдадь долго смотрел на неё, не моргая.

Затем воздел руки к потолку, и по комнате пронёсся порыв холодного ветра.

— Здесь никого нет. Можем говорить без утайки. — Он откинулся на спинку кресла. — Значит, у тебя есть два амадэя, и ты хочешь заполучить в своё распоряжение третьего?

Интересно, хитрость Зельды — или её действительно здесь нет?.. Впрочем, даже если и есть, что это меняет.

Она в любом случае должна сыграть роль до конца.

— Я хочу вернуть им право на жизнь без вечных прятков. Амадэям. Им и мне подобным, и эйрдалям тоже.

— Да ну?

— Люди убили мою семью и вырезали мой двор только за то, что наследница престола развлекалась обращением в безобидных зверушек. В деревне, где я родилась, меня отправили на костёр, когда узнали, что мы с матерью оборотни. Думаете, после этого у меня остались причины любить людей с их существующим порядком вещей? — Таша улыбнулась, но улыбка её была ледяной. — Я не стану лгать тем, кто предан мне. И не забуду тех, кто помог мне стать королевой.

Эйрдадь поразмыслил над её словами.

— Андукар, — сказал он наконец.

Таша лишь слегка подняла брови, ожидая пояснения.

— Меня зовут Андукар. Я хозяин этого замка... формально. — Эйрдадь смотрел, как угли истекают угасающим светом. — Когда пришла Зельда, здесь обитал мой дед, его дети и слуги. Ещё пара десятков эйрдадей, прятавшихся тут от амадэев. Дед был в самом расцвете сил, но это его не спасло. Она захотела прибрать замок к своим рукам. И она сделала это.

Таша молчала.

Она знала, когда лучше смолчать.

— Она не могла убить всех. Защитные чары предусматривали разрушение замка, как только погибнет последний из нашего рода. Она просто перебила всех, кто был уже достаточно взрослым, чтобы возненавидеть её. А остальных воспитала, как заботливая мать, и обитатели замка стали служить ей верой и правдой. Но когда мой отец достиг пика могущества и смог прочесть её мысли, он попытался отомстить. Да только её нельзя убить. А к тому времени у него уже родился я: любивший нашу добрую Госпожу, Возлюбленную Богиней, которая обещала однажды вернуть нам господство над Аллиграном...

Таша молчала.

— Я поступил умнее. Когда я увидел в её мыслях, как умерли мой отец и дед, я решил затаиться. До подходящего момента. Но она, наверное, почувствовала что-то, а я был ей нужен — иначе ведь замку конец. И тогда она перестала выпускать меня в Долину, и решила привязать меня к себе... женским способом.

Таша молчала.

— Я не любил её. Ни одной минуты. Но я притворялся, пока она не поверила в то, что я верю ей. Она-то мои мысли читать не может, в отличие от меня. — Андукар смотрела на угли, и по контрасту с его выбеленным лицом звёзды в его глазах казались даже темнее чёрного. — Пробить её блок трудно, но иногда она расслабляется. Особенно при мне.

Таша молчала.

— Она обещала мне корону, когда мы придём к власти. Я самый могущественный эйрдадь из ныне живущих, но её мне не одолеть. Я это понимаю. И ради этого я живу: чтобы однажды стать королём... и убить её.

Таша молчала до тех пор, пока не поняла: он сказал ей всё, что хотел.

— Убить её может лишь другой амадэй. Который есть у меня, — негромко ответила она тогда. — Я скажу «Венцу», что вы очень сильны. Сопротивление бесполезно, покорность разумна. Если всё пойдёт, как надо, ты получишь её труп.

— И корону, — мягко напомнил Андукар. — В конце концов, любой королеве нужен король.

Подняв взгляд, на сей раз она посмотрела в его глаза без малейшего страха.

— Не слишком ли много просишь?

— Бросьте, Ваше Высочество. Если я правильно понимаю, чего вы потребуете от меня взамен — это будет выгодная сделка для нас обоих.

Таша задумчиво провела кончиком пальца по бархатной обивке кресла, словно вырисовывая узоры на ручке.

— Взамен ты будешь служить мне. Не так, как сейчас служишь Зельде. Мой Зрящий без труда узнает, если захочешь меня предать, а мой Воин, поверь, очень изобретателен по части казни для тех, кто хочет мне навредить. — Мысль о том, что она и здесь не солгала, вызвала у неё усмешку, весьма подобающую ситуации. — А для начала отдашь мне ту девчонку, что пыталась убить Норманов. Кэйрмилль, кажется?

Слова явно его не удивили, но эйрдаль всё равно спросил:

— Зачем она тебе?

— Немного поработать с её памятью — и все уверятся, что это она заколдовала и подбросила чашу, дабы подставить презренного смертного муженька.

— Так ты всё же собираешься вернуться на суд? Оправдать своего жениха?

Её улыбка была тонкой, с едва уловимой ноткой предвкушения, притаившейся в уголках губ.

— Да. Собираюсь. Так у меня будет больше шансов стать в фаворе у Его Величества. А это ведь особый шик, согласись — получить нож в спину от того, кто тебе нравится.

Когда эйрдаль поднялся, Таша последовала его примеру. И немножко удивилась, когда Андукар взял её ладонь в свою, чтобы склониться над ней с поцелуем.

Лишь немножко.

Она ожидала, что руки эйрдаля будут холодными, но они были тёплыми; удивительно тёплыми для того, кто казался слепленным из колкого холодного снега, что сейчас метался за окном. Губы, коснувшиеся её тонкого запястья, были ещё теплее.

— Вы страшный человек, Ваше Высочество, — едва слышно проговорил эйрдаль, выпрямившись, и впервые на её глазах улыбнулся. Улыбкой, что кого угодно могла бы напугать до дрожи, но не Ташу: не сейчас. — В этом мы с вами схожи.

— Это глупо, — сидя в кресле, откинувшись на спинку, безапелляционно заявил Заклинатель.

— Я бы сказал, безумно, — поправил Мечник.

— Лишено всякого здравого смысла, — внёс свой негромкий вклад Странник.

— Как бы мне ни хотелось окрасить происходящее в более радужные тона, но теперь затея и правда выглядит довольно сомнительным предприятием, — признал Иллюзионист.

Четвёрка посмотрела на Арона: который в течение всей их дискуссии по поводу дальнейших планов сидел в кресле, потирая виски.

И молчал.

— Это верная смерть, Арон, — сказал Мечник. — Он знает, кто мы. Где мы. Что мы делаем. Мы не знаем о нём ничего.

— Он просто хочет заманить нас к Зельде, чтобы перебить всех разом, — убеждённо произнёс Заклинатель. — Ему наследники Ликбера наверняка все последние шестьсот лет поперёк горла стоят. А, судя по вашей сестричке, Воины все...

— Лиар не безумен. Не настолько. Он не станет вас убивать.

— Вот и рассказали бы о своём братце побольше. А то у меня порой возникает ощущение, что вы к нему прямо-таки влюблённое чувство испытываете, — посоветовал Иллюзионист. — Знания о враге с такой ревностью не берегут.

Амадэй посмотрел на него долгим взглядом глаз, сейчас окрашенных в голубой: холодным, как замёрзшее озеро.

— Я рассказываю вам не больше, чем вам стоит знать, — когда в трактирной комнате воцарилась полная тишина, сказал он. — Иное знание опасно.

— Любой факт, сообщающий нечто достоверное о враге, можно обернуть в свою пользу.

— Те факты, что я вам не сообщаю, пользы делу не принесут. Это я могу обещать.

Ироничное спокойствие в голосе амадэя заставило Заклинателя яростно перевернуть доску.

— Послушай меня, Возлюбленный Богиней, — прошипел он под аккомпанемент звука, с которым фигуры раскатывались по деревянному полу. — То, что некогда ты был избран Кристалью, ещё не даёт тебе право указывать нам наше презренное смертное место. Если ты

забыл, не ты один здесь способен принимать судьбоносные решения.

— Ну, в вашем теперешнем состоянии, — саркастично заметил Арон, — вы точно кажетесь мне неспособным к принятию какого-либо правильного судьбоносного решения.

— Беспристрастная оценка текущей ситуации никогда не входила в список ваших достоинств, — парировал Мечник.

Амадэй лишь чуть изогнул бровь.

— Мои слова по сию пору заучивают наизусть? Лестно. — И едва заметно усмехнулся. — Всё дело в том, что я принимал судьбоносные решения на протяжении одиннадцати веков. Вы — значительно меньше. А опыт, согласитесь, вещь полезная.

Ладонь Заклинателя со звоном легла на столешницу.

— Всё. Довольно. — Волшебник посмотрел на доску, валявшуюся на полу: под его взглядом та послушно вернулась на стол, и фигуры, взмыв в воздух, сами выстроились на клетках. — Мы возвращаемся в Школу. Ждём пробуждения Его Величества. Вашей дочери пусть помогает ваш братец. Как только она вернётся с новостями о слабых местах «Рассвета» — милости просим.

Четверо волшебников вновь выжидающе взглянули на амадэя.

Подозрительно спокойного.

— Всё? — переводя взгляд с одного Мастера на другого, тихо уточнил Арон.

Под этим взглядом даже Мечник отвёл глаза.

— Вот что я вам отвечу, господа. — Арон, соединив ладони, сплёл сухие пальцы. — Да, если вы пойдёте за Ташей, вам придётся иметь дело с Зельдой. И с Лиаром, возможно, тоже. Но если вы не пойдёте за Ташей, вам гарантированно придётся иметь дело со мной.

Тишина.

— Есть вопросы? — удовлетворившись произведённым эффектом, молвил амадэй.

И ещё одна тишина.

Заставившая Арона улыбнуться.

— Чудно.

Когда Таша завершила свой рассказ, Алексас улыбался.

«Молодец, моя королева», — коротко резюмировал он.

«Я в тебе не сомневался», — подтвердил Найдж: трезвый, как стёклышко, вопреки Ташиным ожиданиям.

«Кристалль некогда обращала воду в вино, а мне сегодня пришлось поступать обратным способом», — вздыхал он, когда по возвращении из библиотеки Таша обнаружила их с Алексасом в комнате.

«Только я этому эйрдалю ни на йоту не верю», — тут же добавил колдун.

«Лгал он или нет, неважно. Он либо расскажет всё Зельде, либо не расскажет, но на наш план это никак не влияет. Немедленно меня убивать «Рассвету» расхотелось, и это главное. — Таша плотнее закуталась в одеяло. — Вы что узнали?»

Её бил озноб. И не только от холода.

Сейчас, когда вместо Тариши Морли-Бьорк вновь вернулась Таша Фаргори-Кармайкл, — её немного тревожило, с какой лёгкостью ей далось перевоплощение в девушку в чёрном.

«У двоих колдунов, с которыми мы пили, тоже жён здесь держат. Не знаю, что подвигло остальных служить Зельде, но откровенных ублюдков среди них вроде не было. По крайней мере, на первый взгляд. — Сидя на краю кровати, Найдж задумчиво оглядел холодную комнату. Помрачнел. — А ещё завтра нас ждёт охота».

«Что за охота?»

«Прежде чем принести клятву верности Зельде, ты обязан принять участие в охоте. Убить человека».

Таша уставилась на колдуна во все глаза.

«Они здесь что... охотятся... на людей?»

«На слуг. Да».

Запустив пальцы в волосы, Таша вонзила ногти в кожу.

Охота на людей. Простых живых людей.

Немыслимо.

«Только не говорите, что мы действительно должны в этом...»

«Для рядовых членов «Рассвета» мы — простые новобранцы. Если хотим сохранить инкогнито, послаблений ждать не придётся, — тихо напомнил Алексас. — А после сегодняшнего спектакля от тебя точно щепетильного отношения к простым смертным не ждут. Не переживай, — добавил он: видно, заметив, что бледность, покрывавшая Ташины щёки, сделалась совсем уж нездоровой. — Жертв ограниченное число, а желающих добратся до них много. Далеко не у всех первая же охота бывает успешной».

Таша промолчала. Резким движением откинув одеяло, потянулась к пуговицам жилетки.

«Я спать, — буркнула она: пытаюсь как-то отделаться от мысли, что завтра ей придётся смотреть, как нечисть загоняет и убивает невинных людей. — Хоть во сне от этого кошмара отдохну».

Найду не потребовалось иных намёков, чтобы откланяться и удалиться до утра.

Когда за колдуном затворилась дверь, Таша, неподвижно застыв на постели, стала смотреть, как Алексас подбрасывает дрова в камин.

«Выше нос, моя королева. Продолжай искать во всём положительные стороны, — заметил её рыцарь в ответ на её тяжёлое молчание. — Не каждый день выдаётся возможность поработать двойным агентом, изображающим тройного».

Таша промолчала; в воцарившейся тишине слышно было, как трещат занимающиеся поленья и шуршит простынь, когда Алексас лёг под соседнее одеяло.

«Как думаешь, — произнесла она, неотрывно глядя на огонь, — если Арон меня не найдёт... Лиар и правда убьёт Зельду ради меня?»

Повернувшись набок, подперев рукой темноволосую голову, Алексас с интересом посмотрел на неё:

«Думаю, да. А почему Арон должен тебя не найти?»

«Вдруг здесь такие же чары, как в штаб-квартире «Венца»? Арон ведь не сможет их пробить».

«Даже если так, кое-кто ему поможет. Полагаю, ради тебя названные братья вполне способны действовать если не сообща, то хотя бы в одном направлении».

От этой мысли Ташу снова зазнобило.

Забавно выйдет, если она окажется должна своей жизнью тому, кто сломал эту жизнь.

«Хоть бы всё это скорей закончилось. — Откинувшись на подушку, Таша уставилась в балдахин, серевший пылью над их головами. — Помнишь, как Арон говорил нам, что всё в этой жизни делается ради любви?»

«Нет».

«Говорил. И был прав. Из-за предательства любимого Зельда хочет уничтожить мир. Из любви к предкам Андукар жаждет убить её. Из любви к ближним мы спасаем королевство. А я оказалась во всём этом потому, что Леогрانا слишком сильно любила его невеста, и потому, что двое амадэев когда-то не поделили любимую женщину. Смешно, правда? — Таша и правда засмеялась, но смешок этот вышел горьким, как полынь. — А ещё говорят что-то о прекрасном и светлом чувстве».

Алексас изучал взглядом её лицо, и взгляд этот был печален.

«Скажи, — произнёс он вместо ответа, — ты веришь в то, что рассказал тебе Арон?»

«Ты о чём?»

«О том, как именно умерла... Лоура».

Таша повернула голову, в изумлении встретив его пристальный взгляд.

«А с чего я не должна этому верить?»

«Лиар был заботливым, любящим братом. Судя по всему, что рассказывал Арон. И должен был желать брату счастья. Даже отобранного у него самого».

«После всего, что Лиар сделал со мной, ты действительно считаешь, что он был любящим братом?»

«Арон сам так говорил».

Таша хотела, но не успела возразить.

Да и не нашла, что именно.

«По его собственным словам — Лиар был мудрее и терпеливее его, — неумолимо продолжил Алексас. — Арон куда чаще позволял себе потакать своим слабостям и оступаться. Так неужели Лиар мог обеспечить любимому братику вечность мучений лишь за то, что сердцу не прикажешь?»

«Лиар — убийца. Эгоист. Бездушная тварь. И ты пытаешься его оправдать?»

Они говорили без слов, но Таше казалось, что скажи она это вслух, — она бы почти рычала.

«Нет. Я никогда не буду его оправдывать, — помолчав, тихо откликнулся Алексас. — Я лишь пытаюсь сказать, что в этой истории всё может быть не так, как ты думаешь».

Всё не так, Таша, сказал ей Арон вечность назад, когда она обвиняла его во лжи. Всё не

так, как ты думаешь...

«Арон обещал никогда мне не лгать. Я обещала ему верить. — Таша сердито отвернулась. — И я верю».

Некоторое время она ещё чувствовала затылком взгляд, которым в молчании смотрел на неё Алексас.

Затем ощутила движение, которым он в свою очередь отвернулся к стене.

«Светлых снов, моя королева».

Не ответив, Таша накрылась одеялом с головой: сама не понимая, отчего так сильно на него так злится.

Не потому ли, что его слова резонансом отдались в мыслях куда сильнее, чем ей бы того хотелось?..

Она стоит посреди пустой улицы. Белый снег бархатной гладью застилает мрамор под ногами, белые дома вокруг разрушены, ночная тьма скрывает остальное.

Компанию ей составляет лишь чувство полной безнадёжности. А ещё одиночество и, наверное, чьи-то призраки. Нет даже ветра, лишь снег летит сверху, как пепел: город пуст и мёртв, он сам обратился в призрака.

Адамант, белый город-сказка, пал в неведомой войне.

Она делает шаг вперёд, в пустоту и снег. Зачем-то оборачивается.

Позади остаётся один-единственный след.

Снова шаг. Вокруг только снег и тьма, только белый и чёрный цвет. Снова оборот, снова след, и снова — единственный: снег уже стёр предыдущий.

Шаг. Оборот. Снег. След. Снег заметает следы... так время лечит раны. Так годы стирают память.

Шаг...

— Подождите! — завидев вдали чей-то силуэт, она бежит вперёд. — Подождите меня!

Она бежит вперёд — и, споткнувшись, останавливается.

Её ждёт мёртвый. Много мёртвых.

Таша смотрит на ровную линию шестиконечных каменных крестов. Выше её роста, абсолютно одинаковых. Откуда они прямо посреди улицы?.. Подходит к ближайшему: снег

припорошил верхушку, но не занёс медной таблички с именем.

Она читает буквы, неведомым образом прекрасно различимые во тьме, и ночь становится ещё темнее.

«Ленмариэль Бьорк».

Но у мамы же нет могилы. Её тело сожгли.

Откуда она здесь?..

Она идёт вперёд, вглядываясь в следующие таблички. «Тариш Морли», «Альмон Фаргори»... отец, которого она никогда не знала, и отец, который никогда её не любил — да и отцом ей не был. «Нэлиэн Гирре, лекарь»... тот самый цверг, что летом стал первой жертвой мортов? Случайной: тварь явилась за ней... «Рэйн, наёмник», — оборотень, летом убитый Лиаром, «Дэйв, наёмник»...

Она смотрит на ряд крестов — и, понимая, что всё это могилы тех, кого она знала или мечтала узнать, и тех, кто погиб по её вине, сломя голову бежит по занесённой снегом мостовой. Бежит, но всё равно видит таблички, с безжалостной услужливостью извещающие об очередном мертвеце, что она оставила на своём пути. Наёмники, кеары, эйрдали...

Когда в глаза бросились буквы «Лиден Лормари», ноги остановились сами собой.

Но этого не может быть. Не может. Она видела госпожу Лиден живой, совсем недавно, когда уезжала из Фар-Лойла...

...но в последний раз она и Адамант видела живым.

Она прикусывает губу. Делает шаг — и со странной смесью облегчения и ужаса понимает, что крестов впереди остаётся совсем немного.

«Гирен Лормари».

Шаг.

«Орек Норман».

«Леогран Норман».

«Лавиэлль Норман».

«Джеми Сэмпер».

«Найдженэйл, колдун-заговорщик»...

Буквы перед её глазами прыгают и расплываются, но она всё равно делает шаг. Туда, где

остаются три последних креста.

«Лив Фаргори».

«Арон Кармайкл».

Слёзы текут у неё по щекам.

Шаг. Оборот. Пустота.

Последний крест...

«Алексас Сэмпер».

Она падает, касаясь коленями снега, не чувствуя холода, — и понимает, почему в этом городе её тенью сопровождают безнадежность и одиночество.

Потому что всех, кого она знала и любила, уже нет.

— Все они, в конце концов, не так уж важны. — За спиной слышится тихий знакомый голос, и она закрывает лицо руками: какая теперь разница, что с ней будет. — В моей игре бесценна лишь твоя жизнь.

— Таша! — кто-то кричит вдали, окликая её по имени, но она лишь давится всхлипами, клонясь к земле. — Таша, проснись!..

А потом открыла глаза, задыхаясь и дрожа, — и поняла, что Алексас сидит рядом, держа её за плечи, и губы её солёны от слёз.

Таша вцепилась в его рубашку, притянув к себе: заставив лечь рядом, поверх одеяла, которым укрывалась она. Уткнулась в его плечо, судорожно смаргивая капли с ресниц.

— Это сон, — тихо сказал Алексас, глядя её по волосам. — Только сон.

— Мертвы, — шептала Таша, — вы все... Джеми, Лив, Арон, и... ты...

Голос её дрогнул, и она заплакала — уже без слов.

В ней всегда жила надежда. Надежда на будущее, на свет, на лучшее. И лишь один раз в жизни она испытывала такое же чувство, как сейчас. Когда летом лежала на Равнине, осознавая своё поражение.

Ощущение, что жить больше незачем — и не нужно.

— Тише, тише. Я тут, живой. Рядом. Я всегда буду рядом, слышишь?

Она лишь молча всхлипывала, кусая солёные губы. Думая о том, что если она сделает

что-то не так, что если их гениальный план по обману Зельды провалится, могилы из её сна могут стать явью.

Если Алексас погибнет — из-за неё...

— Я пойду за тобой. Куда угодно. Где бы ты ни была. И поверь, смерть в мои планы на ближайшее будущее никак не входит. — Словно услышав её мысли, он коснулся её лба лёгким поцелуем; мягкая смешинка в его голосе успокаивала не хуже мягкого тепла его губ. — Всё будет хорошо, слышишь?

Слёзы щипали глаза, и Таша зажмурилась. Нет, больше она не будет плакать. Она и так плачет слишком часто.

К тому же в руках Алексаса ей было так уютно и спокойно, что плакать и правда хотелось всё меньше.

Какой же он всё-таки ... он...

— Спи, моя королева. Кошмаров больше не будет. Обещаю.

И, засыпая, чувствуя, как бережно он перебирает её волосы и касается дыханием лба под чёлкой, — Таша почему-то безоговорочно в это верила.

* * *

— Вернёмся в Школу — я эту ленивую ящерицу на цепь посажу, — мрачно пообещал Заклинатель, сидевший у окна, вглядываясь в небеса, которые утро выкрасило молочной белизной.

Остальные, в свою очередь ждавшие прибытия Кеса и возвращения Арона, с ночи исчезнувшего невесть куда, промолчали. После вчерашнего все Мастера были немного не в духе, но остальные предпочитали быть не в духе молча.

— Господа, предлагаю взглянуть на происходящее с другой стороны, — изрёк Вермиллион: он лежал на кровати, безмятежно подложив руки под голову и глядя в потолок. — Рано или поздно нам всё равно пришлось бы иметь дело и с Зельдой, и с Лиаром. Если пока братец нашего Зрящего не объединился с их спятившей сестрицей, это вовсе не означает, что он не сделает этого в будущем. Или в одиночку не подготовит нам какой-нибудь милый сюрприз — в его духе.

Заклинатель, отвернувшись от окна, устремил на него взор пасмурный, как небо за окном:

— Только вот тогда мы имели бы с ним дело по собственной воле.

— Нет. Тогда у нас просто не осталось бы иного выбора, как признать это нашей

собственной волей. А я предпочту столкнуться с сильнейшим из Палачей сейчас по воле Арона, чем потом — по воле самого Палача. — Вер, щурясь, всмотрелся в окно напротив кровати: снега сегодня не было, и небо не закрывало ничего, кроме облаков. — Кажется, там наконец кто-то летит?

Заклинатель обернулась — и без лишних слов встал с кресла, чтобы накинуть плащ и прошествовать к двери.

Мечник, сидевший в кресле напротив, сжимая в ладонях глиняную кружку, покосился на Иллюзиониста, преспокойно продолжившего лежать:

— Смотрю, ты нашего крылатого друга тоже встречать не собираешься.

— Кес и сам за себя постоит. Не маленький. — Вермиллион скучаяще наблюдал за тёмной точкой, по мере приближения обретавшей крылья, голову и лапы. — То-то цвергам сейчас веселье будет.

Когда дракон приземлился в поле за околицей Приграничного, окатив стену вокруг поселения снежным вихрем, — донесшиеся даже сквозь закрытое окно вопли оповестили волшебников, что местным цвергам и правда вмиг сделалось очень, очень весело.

— Надеюсь, Заклинатель им всё... — Вермиллион, вдруг осекшись, растерянно моргнул: явно пытаюсь поверить тому, что видит. — Мне мерещится или у него действительно на спине кто-то есть?

— Не мерещится, — коротко изрёк Странник, вместе с коллегами вглядывавшийся в окно.

Вер коротко выдохнул.

— Ох уж эта девчонка. — В том, как волшебник качнул головой, читалось почти восхищение. — Да она ещё невыносимее меня!

К тому времени, как Мастера подоспели к околице, цверги уже успокоились и теперь с любопытством толпились у высокой каменной стены поселения, с восхищённым испугом разглядывая дракона издали.

Того самого дракона, на которого сейчас самозабвенно орал Заклинатель.

— Ты что о себе возомнил?! — кричал разъярённый волшебник, ничуть не пугаясь нехороших огоньков в янтарных глазах, каждый из которых был больше его головы. — Ты клялся нам! Какое право ты имеешь...

— Я его человек, а не ваш! — не вытерпев, тоненько крикнула Лив в ответ. — И это Кесу решать, брать меня с собой или нет, а не вам, ясно?!

Забавно, но это заставило Заклинателя замолчать. Наверное, потому что он повидал в

жизни многое, — но того, что на Мастера Адамантской Школы может накричать девятилетняя девочка, даже представить не мог.

— А вы хороши! Шестеро, наследники Ликбера, защитники людей! О вас песни пишут, а вы детей обманываете! Не стыдно? — сжав кулачки, одним из них Лив азартно рассекла воздух; девочка по колено утопала в глубоком снегу, покрывавшем поле вокруг Приграничного, но там, где позади неё сидел Кес, снег снова стремительно таял. — Обещали, что возьмёте меня с собой, а сами вот так... Могли бы мне просто сказать, что я могу умереть и мне не надо никуда лететь, тогда я бы и сама осталась!

— Да ну? — усомнился Вермиллион.

У Лив хватило совести потупить глаза.

— Почему у меня смутное ощущение, — сверху вниз глядя на её упрямую мордашку, вполголоса заметил Мечник, — что этот милый ребёнок станет самой большой занозой в наших задницах за последнюю сотню лет?

— За всю твою практику? — понимающе уточнил Иллюзионист, и Мечник без особого огорчения хмыкнул в ответ.

Странник, безмолвно наблюдавший за происходящим, повернул голову туда, где остались ворота Приграничного — за миг до того, как Мастеров окликнули.

— Господа! — Арон, как всегда, появился неслышно и неожиданно, легко заставив толпу зевак-цвергов расступиться и сжимая в одной руке свеженький новостной листок. — Не ссорьтесь. Как можно вздорить друг с другом, когда для нас есть такие прекрасные вести?

— Какие вести? — поинтересовался Заклинатель хмуро.

Зрящий — в подбитом мехом плаще, наброшенном прямо поверх фортэньи, — эффектным жестом развернул бумажный лист; Лив, сверлившую его очень злым взглядом, он не мог не заметить, но пока ничем этого не проявлял.

— Так... «Расследование ведётся... сведений от Ищущей пока нет»... это неинтересно... а, вот. «Его Величество Шейлиркар Первый впервые после покушения пришёл в себя. Свидетелем тому были его камердинер и придворный лекарь». И... записано со слов лекаря: «Его Величество выглядел растерянным, не понимал, что происходит и где он находится, а также не узнавал никого из присутствующих в спальне. Это нормальные последствия после поражения столь могущественным проклятием, однако во избежание шокового состояния монарха мы приняли решение снова погрузить его в сон». — Амадэй передал листок Заклинателю, нетерпеливо щёлкавшему пальцами. — В кои-то веки добрая весть, не так ли?

— Значит, король выздоровеет? — обрадовалась Лив, даже забыв про то, что вообще-то

она злится.

— Весь вопрос в том, когда он придёт в добрую память, — устало заметил Мечник. — И придёт ли вообще.

— В этом лично я не сомневаюсь. Но желательно, чтобы он пришёл в себя в ближайшие дни, дабы воспрепятствовать Первому Советнику в его попытках чинить самосуд.

— Реми — честный и справедливый человек, — отрезал Заклинатель в ответ амадэю, внимательно вчитываясь в заметку. — Он сделает всё, чтобы покарать преступников.

— Не сомневаюсь. Вопрос только, окажутся ли в этот миг истинные преступники у него под рукой. Куда удобнее объявить преступником того, кто уже сидит в тюрьме, чем признаться в собственной несостоятельности.

— Если ваша дочь предоставит ему истинного преступника...

— А если лишь доказательства того, что истинный преступник на свободе? — заметив, что Заклинатель колеблется, Арон слегка качнул головой. — Впрочем, будем надеяться на лучшее. Если всё пройдёт, как я надеюсь, сможете лично доставить истинного преступника на справедливый суд. — И наконец повернулся к Лив, устремив на неё взор в той же мере строгий, что и ласковый. — Что ж, здравствуй, стрекоза. Скажи на милость, зачем ты кинулась за нами?

Лив посмотрела в его лучистые глаза. Опустила взгляд на губы, на которых играла добрая, очень приятная улыбка.

Шагнула вперёд... и зло пихнула амадэя кулачками в грудь:

— Почему ты меня обманул?!

В ответ на требовательный свирепый вопрос Арон моргнул, и взгляд его сделался несколько удивлённым.

— Я... не хотел подвергать тебя опасности, только и всего.

— Это мне решать, подвергать себя опасности или нет, ясно? Мне и Кесу! А пока он жив, мне тоже ничего не грозит, так что зря ты боялся! — Лив сердито топнула ногой: ничуть не смущаясь ни того, что та тонет в снегу, ни того, что перед ней тот, кто старше её приблизительно на одиннадцать веков. — И про маму ты нам с Ташей тоже врал, мне господин Гирен сказал! Что с ней? Почему она не может вернуться?

Она не сразу поняла, что чего-то не хватает. И лишь потом осознала, что на заснеженном поле за околицей Приграничного сделалось как-то слишком тихо.

Присев на корточки, Арон серьёзно взглянул на неё:

— Лив, я уже говорил. Мой брат насрал на вашу маму порчу. Но для взрослых эта болезнь не так опасна, как для детей. Если вы с Ташей заразитесь от неё, вы можете умереть.

— Порча незаразная, — недоверчиво возразила Лив.

— Эта — заразная.

— И что, даже ты не можешь её вылечить?

— Нет. Не могу.

— Но господин Гирен сказал, что мама не вернётся! Точнее, он сказал, что ты...

— Вы просто не увидите с мамой ещё очень, очень долго. Но однажды вы обязательно встретитесь. Обещаю.

— Правда?

— Честное слово, — торжественно сказал дэй, протягивая ей ладонь с согнутым мизинцем. — А теперь — мир?

Лив подумала.

Подумала ещё раз.

Снисходительно кивнув, протянула мизинец в ответ.

— А ты всё равно нехорошо поступил, что меня обманул, — укоризненно добавила она, когда они сцепили мизинцы, ритуально скрепив примирение.

— Больше не буду. — Снова улыбнувшись, Арон поднялся на ноги. — Теперь беги в ворота — и прямо-прямо до большого каменного здания.

— Здесь всё каменное, — резонно заметила Лив.

— То здание двухэтажное. И на воротах висит табличка «трактир». Подождёшь нас во дворе, хорошо?

Лив, кивнув, кое-как пробралась к дороге, рассекая глубокий снег, и вприпрыжку побежала к массивным дубовым воротам, сейчас раскрытым настезь.

— Да, и если к тебе кинется рыжая женщина-цверг и начнёт обнимать, — крикнул вдогонку Арон, — не пугайся, это наш друг!

Махнув рукой в знак того, что она слышала, Лив пробежала мимо зевак,

— прошмыгнув в ворота за миг до того, как оттуда же вышел небольшой и очень решительный отряд цвергов-стражников; и, завидев их, Арон с готовностью извлёк откуда-то

из недр фортэньи королевский документ.

— Неплохо вывернулись, — вполголоса заметил Иллюзионист.

— Я это умею. — Амадэй посмотрел на дракона. — Так на Лив теперь тоже не действует телепатия.

— Заметил, значит? Не удалось запудрить ей мозги своей улыбочкой? — в мурлыканье дракона послышалась насмешка. — Да, Возлюбленный Богиней. Большая часть человеческой магии не действует как на нас, так и на наших избранников. Теперрь ты лишён возможности ей управлять.

— Возможность при желании отыскать нетрудно. И телепатии, поверь, мне для этого не потребуется. — Арон смотрел в драконьи глаза бесстрастно, но за внешним дружелюбием в голосе на миг пробилась холодная сталь. — Отправляемся в Штольни, как только она поест. Вы и так задержались.

Кес шурясь, махнул хвостом. Взметнув в воздух белоснежное облако, задумчиво посмотрел в серое небо:

— Что ж, хоть в одном ты ей не солгал...

Амадэй не ответил, ожидая пояснения — и, не опуская взгляда, Кес выпустил из ноздрей дымные струйки: взвившиеся к тому же белёсому зимнему небу, в которое безотрывно и пристально всматривались огненные драконьи глаза.

— Однажды, наверное, — голосом, в котором мурчащие нотки мешались с шипящими, мягко произнёс дракон, — они действительно встретятся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ГОЛОВА В ОБЛАКАХ

Следующим утром Таша мрачно наблюдала за тем, как Алексас в бесчисленный раз поднимается с присыпанной снегом брусчатки внутреннего двора.

— Я безнадежен, — под уничижительным взглядом Джастина покорно признал он, пока поодаль, разбившись по парам, упражнялись другие колдуны.

Наблюдавшая издали Таша только фыркнула. Наблюдать никто не мешал: когда Лайя поняла, что новую подопечную не особо интересуют тренировочные бои оборотней, Ташу просто оставили в покое — в качестве напутствия зловеще пообещав, что ей же потом хуже будет.

Алексасу, увы, повезло меньше.

Сегодня Джастин решил лично заняться новоприбывшими, но успешно поставить щит Алексас сумел лишь пару раз: остальные же летал, падал, покрывался коростой, шипел от волдырей и истекал кровью, доводя своего учителя до белого каления. Тот не торопился

отпускать новичка — сам лечил очередное неотражённое проклятие и поднимал Алекса на ноги, чтобы приступить к новому раунду истязаний. Таша подозревала, что он находит в этом какое-то извращённое удовольствие.

Будь здесь Найдж, он бы, пожалуй, посоветовал Алексу быть самую чуточку прилежнее. Но милостью Джастина Найдж уже выбыл из строя и отправился зализывать раны перед охотой; а Таша прекрасно помнила, что когда в своё время не осаживали Джеми, тот вполне способен был забыть как чувство меры, так и здравую оценку своих возможностей.

— Нам не нужны слабые звенья, — шипение колдуна обернулось туманными облачками.

— Я буду очень прилежно учиться, — сказал Алексас, безмятежно глядя в лицо оппонента.

— Если доживёте до конца обучения. — К губам Джастина приклеилась любезная улыбочка, не особо сочетавшаяся с бешенством в голосе и яростью в глазах. — Знаете ли, не сумею поставить щит против формулы Недикори...

— Обещаю, впредь я буду ретивее стремиться к вершинам.

Рывком повернув голову, Джастин посмотрел за плечо юноши — и встретился глазами с Ташей. Та торопливо отвела взгляд.

Поздно.

— Думаю, в моих силах придать вам мотивацию прямо сейчас, — голос колдуна вернул себе прежнюю елейность. — Таша-лэн, не соизволите ли подойти сюда?

Не нравится мне это, думала Таша, покорно переставляя ноги. Двор показался ей несуразно огромным.

— Испытанный метод. Помогал почти во всех случаях, — в ответ на внимательный взгляд Алекса улыбнулся колдун. — Итак, ваша... подруга встаёт перед вами — да, перед, — а вы воздвигаете щит, который прикроет бы вас обоих. В случае неудачи, как вы понимаете, все неприятные последствия достанутся ей, а до вас дойдут лишь остаточные явления. Надеюсь, суть данного упражнения ясна?

Мерзавец, вознегодовала Таша.

Вознегодовал ли Алексас, она не знала. Тот просто посмотрел на Джастина немигающим взором — и, кивнув, встал прямо за её спиной.

— Возражений нет? Чудесно.

Секундой позже огненная волна, истаявшая перед самым Ташиным лицом копотным

облаком, заставила её отпрянуть.

— Тут и стой, — посоветовал Алексас, когда она уткнулась затылком ему в грудь. — Безопаснее.

— Вижу, моя методика помогает даже в безнадежных случаях, — проговорил Джастин в воцарившейся вокруг тишине, когда следующий блок Алексаса обрушил на брусчатку осколки льда. — Берём планку повыше?

Вонючий красный дым, последовавший за этими словами, вынудил Ташу закашляться.

— Надо же, и с наговором Шлимур сразу совладали. А как насчёт этого?

Под порывом обжигающего ветра Алексас пошатнулся, но щит выстоял.

— А говорили, безнадежны. — Джастин был пугающе весел. — Что ж, а если попробовать...

Договорить он не успел: по причине того, что невидимый вихрь сбил колдуна с ног, протаскивая затылком по каменным плитам и вынудив вытереть собою брусчатку, обернув темный плащ белым.

Под взглядами сообщников, исполненными заворуженного ужаса — те давно уже забыли о тренировке, благоразумно отойдя подальше от места поединка, — Джастин кое-как приподнялся. Коснулся рукой лица.

Посмотрел на кончики пальцев, обожженные кровью из рассеченной губы.

— Ты напал на меня, — медленно произнес он.

— Верно подметили, — рукавом отерев пот со лба, тихо откликнулся Алексас.

— Ты пробил мой блок.

— Кто-нибудь когда-нибудь должен был вам ответить.

Когда Джастин, встав на ноги, скупыми движениями отряхнул плащ, и из неприятной его улыбочка сделалась страшной, притихла даже возня сражавшихся по соседству оборотней.

— Полагаю, это можно расценивать как жажду более серьезного испытания, — произнес колдун.

Не ответив, Алексас мягко подтолкнул Ташу в спину, без слов повелевая поскорее обратиться подальше. Та послушалась — и отшатнулась, когда вспыхнувшее почти под ногами пламя едва не опалило лицо, вынудив отступить обратно.

— Она никуда не уйдёт, — сказал Джастин после того, как вокруг них с Алексасом замкнулось огненное кольцо.

Миг спустя разбившееся о щит заклятие хлестнуло Ташу по щекам пепельным ветром, едва не сбив с ног. О, Богиня, подумала она тоскливо. И потянуло же кое-кого задираться...

Алексас притянул её к себе — напряжённые руки юноши вытянулись по обе стороны от её лица:

— Ни шагу от меня.

Следующий блок брызнул молотым стеклом; Таша прикрыла глаза ладонью, когда колкие пылинки швырнуло в лицо.

— Это уже интересно, — одобрил Джастин. Вокруг него вихрился хоровод сухих листьев: им обернулся ответный удар Алексас. — А что мы на это скажем?

За огненным кругом взвился снов белых и алых искр. Таша машинально коснулась рукой щеки — она почему-то была мокрой — и недоумённо уставилась на свои покрасневшие пальцы.

Обернулась.

— Даже с каскадами справляемся? — улыбка Джастина становилась всё более сумасшедшей. — Ну надо же...

— Прекратите! — Ташин голос сорвался на крик: вид Алексаса, из носа которого уже вовсю хлестала кровь, лишил её всякой выдержки. — Прекратите, пожалуйста, отпустите его!

Джастин оставил её мольбу без ответа. Он вздымал ладони к потолку с дирижёрским азартом — а Алексас раскинул руки, словно стремясь удержать нечто чудовищно тяжёлое на своих плечах. Вихрь кружащего вокруг пепла окрашивал его волосы серым.

— Алексас, прекрати! — невесть откуда взявшийся ветер дул Таше в спину, становясь всё холоднее. — Хватит, остановись! Уступи, я...

— Нет.

Он выдавил это сквозь зубы, толчком выпрямив сгибающиеся руки.

Затраченное на этот толчок усилие стоило ему прокушенной губы.

— Сдавайся, мальчишка!

Ярость, прорвавшаяся в голосе Джастина, хлестнула Ташу пронизывающим холодом: рождённый им колдовской ветер уже пробирал до самых ноющих костей. Алексас рухнул на

колени, и залитое кровью лицо его было бледнее мела.

— Не надо! — Таша упала рядом. — Перестань, ты... ты же...

Он не отвечал. Едва ли у него были силы на ответ. Сил хватало лишь на то, чтобы удерживать поднятыми судорожно дрожащие руки; держать их, держать щит — и чудовищную тяжесть, продавливавшую его, как горный валун сминая сталь.

— Сдавайся, щенок! — колдун уже почти визжал.

Алексас молчал. Только в глазах светился огонь. Огонь упрямой и упорной души, отсекавший ему все пути назад.

Для таких, как он, не было никаких путей назад. Ведь у него не бывало плохих идей: бывали лишь отличные идеи, плохо реализованные.

— Считаю до трёх. Раз...

Таша попыталась податься вперёд — и лишь окончательно упала на припорошенный снегом камень, не чувствуя замёрзших пальцев.

Что с ними сделают? Убить не убьют, но...

— Два...

— Ещё раз устроишь подобное на тренировке — испытаешь на своей шкуре всё, чем отыгрывался на новобранцах.

Знакомый голос прозвучал за миг до того, как ветер стих, бесследно растворившись в зимнем холоде.

Алексас рухнул наземь, как подкошенный. Таша с трудом приподнялась на локте: огненное кольцо исчезло, и невесть откуда взявшийся Андукар беспристрастно смотрел на Джастина, корчившегося у его ног в болезненных судорогах.

— Слышишь меня? — холодно спросил эйрдадь.

— Да, — выплюнул Джастин.

— Ты замещаешь магистра Пэлмесса на время его отсутствия. Каждый из тех, на ком ты отыгрываешься, рано или поздно может заместить тебя. Ты ничем не лучше их. Тебе просто повезло получить свои силы раньше других.

— Д-да.

— Рано или поздно все вы будете равны. Одинаково могущественны. Одинаково ничтожны перед Госпожой. Согласен?

— Да...

— Молодец, малыш. — Андукар перевёл взгляд на колдунов, опасно следивших за разворачивающимся действием. — Этих двоих — в комнату. Охоту пропустят. Оказать помощь. Нет, не ему, — категорично добавил Андукар, когда кто-то направился к Джастину. — Пусть познаёт прелести самоизлечения. Вздумаете послушаться, узнаю.

И без лишних слов растворился в воздухе.

Таша склонилась над Алексасом. Ей казалось, что он в беспамятстве, но он приоткрыл глаза — и долго смотрел на неё, явно не совсем понимая, что происходит.

— Ты идиот, — выдохнула Таша, когда цепкие пальцы музыканта нашли и сжали её запястье.

Алексас лишь улыбнулся; в уголке его губ надулся и лопнул кровавый пузырёк.

— Идиот! Осёл! Ты ведь только получил... — Таша осеклась и перевела дыхание. — Ты знал, что проиграешь, не мог не проиграть! Зачем?!

Улыбаясь тихо и светло, он провёл большим пальцем по тыльной стороне её ладони.

— Я обещал. Я никому не дам тебя обидеть.

Потом один из колдунов призвал — а, может, сотворил — парящие в воздухе носилки, водрузил на них Алексаса и направился со двора в замок. Носилки поплыли за ним, и Таша шла рядом, пока Алексаса переправляли в их башню, держа своего рыцаря за руку.

В конце концов, даже если бы она попыталась отнять ладонь, он бы всё равно не отпустил.

— Будить каждые два часа, поить по ложке из обоих пузырьков, — распорядился колдун, в то время как Таша помогала Алексасу лечь в постель и укрыться одеялом. — Вам настойка Даэ тоже не помешает. Та, которая зелёного цвета, — снисходительно уточнил мужчина.

— Каких пузырь... а, хорошо, — сказала Таша, когда на тумбочке появились две прозрачные склянки и большая серебряная ложка.

— Одно лечит, другое калечит? — донёсся слабый голос из недр кровати.

— Одно лечит, другое усыпляет, — без тени юмора откликнулся колдун. — Сон называют лучшим лекарством не без основания.

— А магией вы его подлечить не можете? — с робкой надеждой спросила Таша. — Чтобы он скорее поправился?..

— Лечить тут особо нечего. Всего-навсего полное истощение ментальных и крайнее — физических сил. Можно, конечно, влить в него чужие, но необходимости не вижу. Состояние стабильное, нужды дальше истощать резерв нет... От этого не умирают, поверьте. — Мужчина взглянул на неё с мягкостью, которой трудно было ожидать от обитателя этого замка. — Ещё вопросы есть?

— Есть, — откликнулся голос с кровати. — Это смотрелось достаточно эффектно?

Губы колдуна тронула даже не улыбка: намёк на неё.

— Более чем. Но в следующий раз советую вам, юноша, всё же здраво сопоставлять свои силы с силами противниками.

Когда за ним закрылась дверь, Таша отмерила ложку вязкого зелёного зелья. Сунув её в рот, сморщилась, когда невыносимая горечь обожгла язык; напоив лекарствами Алексаса, смочила в тазу носовой платок и велела своему рыцарю лежать смирно.

Тот послушно не шевелился всё время, пока Таша бережно стирала кровь с его лица.

— Теперь, стало быть, я произвожу на тебя лучшее впечатление? — спросил Алексас после того, как девушка кинула вконец грязный клочок ткани в камин.

— Ты сегодня уже произвёл неизгладимое впечатление на всех вокруг. Хотя лучше бы оно было не столь неизгладимым, честно тебе скажу.

Он лишь улыбнулся вновь. Прикрыл глаза — и вскоре Таша уже смотрела, как он спит.

Во сне лицо его, не смягчённое улыбкой или приветливым взглядом, было благородным, жёстким и очень, очень взрослым.

Присев на край кровати, Таша рассеянно промурлыкала незатейливый баюкающий мотивчик. Коснувшись кончиками пальцев тёмных кудрей, тихонько погладила своего рыцаря по волосам.

Что ж, во всём этом присутствовал один неоспоримый плюс. У них появился легальный повод пропустить охоту. Правда, с чего Андукар позволил сделать это ей, не особо пострадавшей... хотя какая разница, в конце концов. Главное, что позволил.

Ох уж эти мужчины...

— Тётя Таша?

Обернувшись на скрип двери и сопроводивший его детский голосок, Таша изумлённо привстала.

— Кира?!

Умильный просящий взгляд голубых глазёнок сделал своё дело: Таша сдалась и открыла страницу, заложённую гобеленовой закладкой.

Ладно, чем бы дитя ни тешилось...

— «Ритуал параллельных жизней, — вполголоса зачитала она, расправив ладонью плотную жёлтую страницу и вглядевшись в большие буквы с затейливыми завитушками. Книга была рукописной; похоже, ею пользовались часто — чернила уже наполовину выцвели. — Предположительно открыт в третьем веке Второй Эпохи Аллиграна». — Она с сомнением посмотрела на Киру. — Тебе точно это надо?

Та безмятежно кивнула.

— «Ритуал относят к сангвимагии восьмого уровня. Ритуал связывает двух живых существ нерушимой связью. Расторгнуть её может лишь маг, проведший ритуал, или же»... Здесь всё залито чернилами, никак не могу прочесть, — некоторое время тщетно вглядываясь в чёрное пятно, признала Таша. — «Связь сливает жизни соединённых воедино; с первого же дня связи физические повреждения, получаемые одним, проявляются у другого»...

— Это как?

— Уколется один, кровь у обоих. Так... «...а особые способности одного, как-то повышенный болевой порог или моментальная регенерация, либо теряются, либо приобретаются его партнёром. В случае смерти одного из связанных второй также погибает. Данный ритуал широко использовался некромантами вне закона, связывавшими свои жизни с ценными заложниками из знатных семей и таким образом избегавшими гибели»... Мерзость какая. «Для проведения ритуала необходимо несколько капель крови и устное согласие связываемых. Формула согласия: «Я, полное имя-полное имя отца-родовое имя, даю своё согласие...»

— Что-что?

— Здесь надо привести своё полное имя, — терпеливо пояснила Таша.

— Полное?

— К примеру, «я, Тариша Арондель Кармайкл, даю своё согласие на проведение ритуала параллельных жизней». Моё имя, имя моего отца и наше родовое имя. — Вымышленные, правда, добавила Таша про себя; но своё настоящее, да ещё в качестве согласия на некий зловещий ритуал, она разглашать не собиралась. — Понятно?

— Угу.

— «Имя может быть вымышленным, главное — чтобы согласие было высказано добровольно»...

И тут Таша запнулась.

У неё возникло смутное подозрение, что это предложение нужно было бы написать до самой формулы.

А ещё у неё возникло крайне неприятное ощущение от осознания, что только что она по доброй воле высказала своё согласие на ритуал параллельных жизней.

Похолодевшими пальцами захлопнув книгу, Таша вгляделась в наивные детские глаза.

— Ты...

— Кира!

Госпожа Ингран явно вошла без стука — но Ташу совсем не утешило ни её появление, ни то, что за чтением она не услышала скрипа двери.

— Вот ты где, — пристально глядя на внучку, проговорила женщина-оборотень. — Отец с матерью тебя потеряли.

Покорно вернув себе книжку, девочка без лишних слов вскочила с кровати, помахала рукой на прощание и была такова.

Нет, на Зельду не похожа, думала Таша, глядя, как Тальрин прикрывает за внучкой дверь. Но если это и Кира, её могли загипнотизировать. Заставить вырвать у меня согласие.

Только вот зачем?..

— Не вздумай кричать, — вдруг прошептала женщина. — В этом замке услышат любой крик.

Сидя на кровати, Таша напряжённо уставилась на незваную гостью — и смутное чувство тревоги оставило её ради чувства явного.

— Будем откровенны, девочка. — Госпожа Ингран внезапно оказалась у самой постели. — Заметку о тебе в новостном листке видели многие обитатели замка. Но если другие не знали тебя до чудесного перевоплощения, — чужие пальцы несколько насмешливо коснулись крашенных чёрных волос, — я знала. А потом вы с братцем появляетесь здесь. И что прикажешь думать?

Таша молчала, снизу вверх глядя в синие глаза, горевшие каким-то нехорошим огнём.

Алексас, почему ты спишь?..

— Ты агент Его Величества, — всё тем же шёпотом заявила госпожа Ингран. — И твой брат, и этот милый парнишка, пришедший сюда вместе с вами. Уж не знаю, как вам удалось

провести Андукара, но как-то удалось. Вы хотите уничтожить Рассвет, верно?

Таша молчала: не собираясь ни соглашаться с тем, в чём собеседница была права, ни переубеждать в том, в чём она ошибалась.

— А для этого вам нужно разузнать как можно больше о замке и его обитателях. Чтобы вернуться к королю и доложить ему о том, что вы видели.

Таша молчала.

— Прекрасно. — Огонь в её глазах сделался лихорадочным. — Тогда помоги мне.

— Чем?

— Спаси мою семью.

Таша непонимающе смотрела на неё.

— Когда вы будете сбегать, вы должны взять их с собой. — Женские пальцы стиснули её запястье с неженской силой. — Когда король придёт сюда, то не пощадит никого. Проще уничтожить замок со всеми его обитателями, чем вступать в честный бой. А уже завтра моих родных наверняка выберут для кормления. В честь бала всегда позволяют убить пару-тройку человек.

— Но... они же не могут, вы же...

— Поклянись мне! — госпожа Ингран наклонилась ближе, в пылу судорожного шёпота брызжа слюной — и Таша прикусила губу, чтобы не закричать от боли, пронзившей кисть. — Поклянись, что спасёшь их! Ты в долгу передо мной, и Арон, Арон тем более!

Да она спятила, поняла вдруг Таша. Она была милой хорошей женщиной, она зареклась перекидываться — а тут этот ритуал, кормления, охоты...

— Ради Киры, которая ничем не заслужила подобной участи, ради своей жизни, которой ты обязана мне — поклянись!

— Клянусь, — выдохнула Таша.

Госпожа Ингран удовлетворённо отстранилась. Разжала пальцы.

Чуть улыбнулась: глаза её были ясны и спокойны.

— Прощай, Таша Арондель Кармайкл. — Она отвернулась. — Передай Арону, что я его любила. И знала, что прощения мне не будет, но просто не могла больше.

И тут Таша поняла.

— Нет, стойте, вы...

— Помни о своей клятве.

Она вскочила, подалась вперёд... но госпожа Ингран уже скрылась на лестнице.

Оставив Ташу наедине с тяжёлым комом, невесть откуда взявшимся в груди.

Она долго сидела на кровати, глядя вслед ушедшей. Затем закрыла дверь и разбудила Алексаса. Напоила его, так толком и не проснувшегося, зельями; выпив сама, закуталась в одеяло и осторожно легла рядом. Потом просто смотрела в потолок, пока не услышала далёкий бой часов, зовущий всех к ужину.

Есть не хотелось. Так что она ограничилась тем, что снова растолкала Алексаса.

Прошло немало времени с тех пор, как тот снова уснул, прежде чем послышался стук в дверь.

— Войдите, — бесцветным голосом откликнулась Таша, глядя в тёмное окно, на котором она утром зачем-то раздвинула шторы.

Найдж вошёл. Склонился над Алексасом, всмотревшись в его лицо: Таша не видела этого, но угадывала всё по звукам в наступившей звонкой тишине.

Удовлетворившись состоянием воспитанника, колдун подошёл ближе к ней, присев на край одеяла.

— Как ты?

— Нормально, — почти шёпотом ответила она.

— А герой дня?

— Как видишь.

— Против девятого уровня выстоял! — не удержавшись, с широкой улыбкой произнёс Найдж. — И как только умудрился? Мне бы в его возрасте... Наверное, для такого нужна сумасшедшинка, которой нет у меня. Да и у Джемми не было. — Улыбка Найджа чуть померкла. — Если просто забыть о том, что это невозможно...

— Как охота?

Улыбка разом сползла с его лица.

«Мне удалось никого не догнать за десять минут форы, — на это колдун ответил уже без слов. — Но даже без непосредственного участия зрелище неприятное. Мягко сказать».

«Сколько было... их?»

«Пятеро. Люди. Слуги. — Отвернувшись, Найдж тоже уставился в окно. — Для пятерых охотников вышло многовато».

«И как это было?»

«Очень... организованно. Их выпустили в лес. В снег по колено. Через полчаса началась погоня. Обратни загоняли, как и положено псам. С двумя из загнанных покончили сами. Я был предоставлен сам себе, к счастью. Мне сказали, в группах обычно торгуются, кому принадлежит честь закончить... был бы шанс, что другие поймают, а честь предоставят мне. — Найдж сжал кулак одной руки ладонью другой. — Не думаю, что они не смекнули, что к чему. С другой стороны, многие понимают, что это не так просто. Вроде на убийство дают три охоты; если все три пройдут неудачно, к тебе просто подводят какого-то человека... такие дела».

Пытаясь не представлять ничего из вышесказанного, Таша беспомощно свернулась калачиком под одеялом.

«Ещё что-нибудь... интересное было?»

«Интересное... — помолчав, он насторожено оглянулся. — Чьё-то самоубийство ты сочтёшь интересным?»

Таша обречённо зажмурилась.

«Пока все были на охоте, покончил с собой один из оборотней, так?»

«Спрыгнул с башни, — невыразительно подтвердил Найдж. — Может, даже угадаешь, кто это был?»

Открыв тусклые глаза, Таша встретила его пытливый взгляд.

— Мне не нужно угадывать, — обречённым шёпотом вымолвила она. — Если помнишь, я была должна Тальрин Ингран свою жизнь. Так вот: она нашла прекрасный способ заставить меня отдать долг.

* * *

— А мы точно правильно идём? — восседая на спине у дракона, уточнила Лив у Кеса.

Тот, неторопливо и осторожно продвигаясь по очередной тёмной пещере, покосился на карту в руках у бредущего впереди волшебника:

— Если верить Страннику.

Схема Штолен, которой их снабдили, была огромна. Даже сложенная в шесть раз. Чтобы более-менее подробно зарисовать паутину туннелей, развернувшуюся под Окраинными Горами, ограничиться мелкими масштабами было невозможно; и сейчас волшебники, дракон и амадэй уходили в Дикие Земли — те, которые лежали за горными пиками, за пределами обжитых земель Королевства.

— А я склонен ему верить, — добавил Арон, шедший рядышком с драконом.

В Штольнях предпочитали разговаривать как можно тише. Все, кроме амадэя: тот держался с непринуждённостью герцога, выбравшегося на послеобеденную прогулку во дворе своего особняка. Непринуждённость его не изменили ни крысы невероятных размеров, не нападавшие, но упорно следовавшие за пришельцами; ни громадные белёсые ящерицы, выпрыгивающие из боковых ответвлений; ни гигантские летучие мыши, гнездившиеся в пещерах по пути и питавшиеся явно не цветочным нектаром...

— Начинаю понимать, почему эйрдали ненавидят людей, — заметил Иллюзионист, когда очередная мышь, нацелившаяся на шею Мечника, свалилась бездыханной. — Поживи в таком местечке хотя бы пару сотен лет...

Мечник угрюмо кивнул, не снимая ладони с рукояти клинка. Впрочем, в дело его пока так и не пустил: жалко было пачкать о слизь и кровь подземных обитателей. Ограничивался магией.

Накормив Лив в таверне и прихватив немножко еды с собой, волшебники вновь прокололи ей палец («Свежая лучше», — в ответ на возмущения Лив кратко пояснил Странник) и провели уже знакомый трюк с картой. Капли крови наползли на место, не столь отдалённое от Дымчатого Пика: по прямой вёрст тридцать, не больше. Неким магическим образом — без всяких зеркал и прочих приспособлений — подглядев, что находится в указанном месте, Странник сказал, что не видит ничего ни над горой, ни под ней; но все сошлись во мнении, что Зельду недаром никто не нашёл за шесть сотен лет.

Да, Зельда пряталась в месте, не столь отдалённом от Дымчатого Пика и Камнестольного соответственно. Вот только добираться им предстояло не по прямой, а по путаной паутине давно заброшенных шахт, причём лишь тех, где мог пройти дракон; и по пути волшебники засомневались, было ли тащить его с собой действительно удачной идеей.

Многих шахт на карте почему-то не было — Заклинатель заподозрил, что карту им подсунули самую малость устаревшую, — и идти приходилось вслепую. На схеме обозначили короткий проход, но по истечении часа пути, свернув с освещённого перехода между Камнестольным и мелким провинциальным городком в тёмный зев заброшенного туннеля, волшебники наткнулись на завал. Разбор его грозил обрушением на их головы огромного количества горной породы, так что пришлось свернуть в шахту, которой на карте уже не было, и идти, полагаясь на чутьё Странника.

Лив не боялась крыс. И ящериц тоже. Да и мышей, если подумать — хотя, сидя на спине у Кеса, она оказывалась к мышам куда ближе бредущих на своих двоих волшебников. Нет,

это было волнительно, но не страшно.

Страх таился в самих Штольнях.

Мрак захлёстывал их. Казалось, они пробираются сквозь море темноты; темноты, что в любой момент может сгуститься, стать ощутимой и сомкнуться над их головами настоящим морем, выпивающим дыхание, лишаящим жизни. Здесь царил мрак, одиночество и тишина, нарушаемая лишь странными, неясными и пугающими звуками. Стуком, доносившимся из-под камня под ногами. Шумом, походившим на отзвуки жизни кого-то, живущего глубоко, очень глубоко под землёй.

— Что это? — спросила Лив, когда расслышала их в первый раз.

— Цверги работают, — очень естественно ответил Арон. — Разрабатывают новые шахты прямо под нами.

«Работать работают, — добавил голос Кеса в её ушах, — и, может, даже цверги. Да только лучше бы нам с ними не сталкиваться».

«Почему?»

«Цверги веррят, что, если копать слишком глубоко, можно добраться до Бездны. Цверги веррят... и цверги знают. Сколько всего они разбудили, пока не забросили эти шахты; сколько всего, чему никогда не стоило проросаться...»

Больше Лив ни о чём не спрашивала. Она боялась услышать ответы.

Шли долго. Как-то упёрлись в лестницу, ведущую вниз: потолок на ней резко опускался, не оставляя Кесу возможности протиснуться. Пришлось повернуть обратно и свернуть в какой-то боковой проход. Разворачиваясь в узких туннелях и задевая крыльями стены, Кестрель ругался про себя, поминая каких-то подземных драконов; учитывая, что они находились под землёй, Лив от этих поминаний становилось ещё более не по себе.

— Привал, — объявил Арон, когда они добрались до очередной пещеры, скалившейся сталактитами с тёмных сводов.

Усевшись в круг под боком у дракона, Мастера и амадэй по-братски разделили хлеб и мясо. Кес обошёлся тем, что на пару минут отлучился в туннель, из которого они пришли; каменные стены пару раз озарило оранжевое зарево, а потом дракон вернулся, сыто облизываясь, и над мордой его таяли тонкие струйки белого дыма.

Кто стал его жертвой — крысы, ящерицы или кто-то побольше — присутствующие решили не спрашивать.

— Ты чего притихла, красавица? — бесцеремонно облизав пальцы, спросил Иллюзионист у Лив: та жевала своё мясо, глядя в одну точку.

— Не вселился в меня никто, не волнуйтесь, — буркнула она, проглотив очередной кусок.

— Я и не волнуюсь. Просто немудрено, если бы маленькая девочка испугалась таких мрачных и страшных мест.

Лив с воинственным фырканьем взмахнула рукой с хлебом.

— Ничего мне не страшно! Подумаешь, пещеры. Большие крысиные норы, вот и всё.

Кес рассмеялся своим дымчатым смехом — а Мечник, к вящему удивлению Лив, вдруг поманил её пальцем:

— Подойди-ка.

Подозрительно вскинув брови, она всё же встала.

Наблюдая за её приближением, Мастер вытянул ладонь, на которой из ниоткуда возникло большое красное яблоко.

— Видишь это?

Лив недоумённо кивнула — и скорее машинально поймала фрукт, чуть не врезавшийся ей в лоб.

— Хорошая реакция, — одобрил Мечник. Яблоко в её руках тут же исчезло, будто и не было его — зато в пальцах волшебника материализовалась деревянная сабелька. — А это видишь?

На сей раз Лив была готова, так что с трудом, но всё-таки ухватила деревяшку за импровизированное лезвие. Сабля ухитрилась стукнуть её по костяшкам, но боли Лив не почувствовала. Чтобы выставить её перед собой, девочке пришлось вцепиться в саблю двумя руками — дерево было странно тяжёлым.

— В следующий раз постарайся ловить за рукоять. С настоящим пальцев лишишься, — снисходительно кивнул Мечник. — Держи одной рукой, это тебе не двуручник.

— Она тяжёлая!

— А кто говорил, что будет легко?

— Ты что, дал ей настоящий тренировочник? — подозрительно осведомился Заклинатель.

— С драконьей избранницы и спрос иной. Ну же, девчонка!

Стиснув зубы и гордо вскинув голову, Лив разжала левую ладонь.

— Да сабля немногим тоньше неё, — укоризненно заметил Иллюзионист.

— Что-то странная щепетильность в вас проснулась, господа. Школяры со второго года всегда такими пользуются, и ничего, не протестуете.

— А мне твои уроки никогда не нравились. Девушки, с которыми я их прогуливал, признавались мне в том же.

Мечник проигнорировал его слова — выпады, сделанные не холодным оружием, его не интересовали.

— Повернись немного боком. Мда... и правда тоща. Зато не попадёшь, — хмыкнул волшебник. — Теперь как ты держишь. Сюда иди. — Приблизившись, Лив с самым мрачным видом пронаблюдала, как Мечник перекладывает её пальцы. — Вот так. Запомни. Хватка крепкая, но одновременно лёгкая. Держать, а не стискивать. А теперь ударь меня.

Дважды её просить не пришлось. Лив воодушевлённо, со всей силы размахнулась — и рубанула воздух: Мечник уклонился от неловкого удара без малейшего труда.

— И как же я вас ударю? — возмутилась Лив.

— А кто говорил, что будет легко? — повторил Мастер с усмешкой.

Лив, стиснув пальцы, ринулась вперёд...

...и полный участия голос, слышный ей одной, ласково спросил «помочь?».

Лив успела крикнуть, прежде чем рука, внезапно переставшая ей повиноваться, поудобнее перехватила деревянную саблю.

Лив успела крикнуть, прежде чем ноги, вдруг вышедшие из-под контроля, резко скакнули вперёд.

Лив успела крикнуть...

Кес зашипел — и наступила темнота.

Мечник, не раздумывая, ушёл от удара за миг до того, как кончик сабли коснулся его кадыка. Отточенным до автоматизма движением перехватил детские запястья — но девочка не вскрикнула, даже когда руки её выкрутили за спиной, заставив деревяшку выпасть из пальцев.

— Альмон! — предупреждающе выкрикнул Иллюзионист, вскакивая на ноги.

— Не бойся, — разжав пальцы, волшебник угрюмо отступил на шаг, — не трону.

— Мудрое решение, — выпрямившись, сказал Лиар. — Малышка, правда, боли всё равно не чувствует, но лучше всё же её побережь. — И обратил на Арона несколько даже сочувственный взгляд. — А я так надеялся, что наша предыдущая встреча пройдёт благополучно и мне больше не придётся прибегать к таким низким средствам, как заимствование тела ребёнка. Однако когда тебя перебивают столь бесцеремонным образом, как снесением головы с плеч...

— Что тебе нужно? — спокойно спросил тот.

Тёмный амадэй скрестил тонкие ручки на груди.

— Скажи мне, Арон: я что, неясно выразился, когда указал, что Ташу вам здесь не найти?

Светлый амадэй неторопливо встал — одновременно с тем, как сел Кес, следивший за происходящим глазами, в которых плясало жёлтое пламя.

— Скажи мне, Лиар, чего ты пытаешься всем этим добиться, и я тебе отвечу.

— Всего-навсего хочу сберечь ваши глупые головы. Только вы упорно не слушаете добрых советов. — Детская ножка стучала мыском сапога по сырым камням. — Я наблюдаю за вами почти весь день. Ведёте себя, как сборище школяров, отправившихся поискать приключений на свои... уязвимые места. Если я что-то говорю, то не для того, чтобы просто сотрясти воздух — сам прекрасно знаешь.

— Ты просто хочешь пустить нас по ложному следу, — прошипел Заклинатель, порядком взбешенный бесстыдной неуязвимостью врага, — мерзкая ты тварь.

Лиар обратил на него взор, бывший скорее любопытным, чем холодным.

— Вы забавный, Мастер Заклинатель, — констатировал он миг спустя. — Но всё же, будьте добры, придержите своё мнение при себе. Не то я всерьёз поразмыслю над тем, нужны ли для спасения Таши четверо Мастеров, или хватит и парочки.

Странник молчаливой тенью стоял поодаль, следя за пришельцем взглядом столь внимательным, что он казался почти материальным.

— Для спасения? — быстро переспросил Мечник.

— Неужели Ваше Темнейшество приоткрыло презренным нам завесу тайны относительно своих злодейских планов? — с неизменной иронией подхватил Иллюзионист.

— Могли догадаться и раньше. — Лиар равнодушно пожал плечами. — Люди, которые мне мешают, долго не живут. Если вы до сих пор дышите — ваши планы если не совпадают, то хотя бы не идут вразрез с моими.

Арон сплёл сухие пальцы.

— Если ожидаешь, — произнёс он ровно, — что мы будем плясать под твою дудку...

— А что ещё тебе остаётся, братишка? Повернуть назад? Предоставить всё мне? С радостью возьмусь за это. Не напомнишь мне, как там во всех сказках... — голос Лиара сделался как будто мечтательным, — награда спасителю прекрасной принцессы... Рука, сердце и полкоролевства в придачу?

Его собеседник промолчал.

— Как далеко зайдёт твой эгоизм на этот раз, Арон? Где даст трещину мираж под названием «любовь»? Зайдя так далеко, опустишь руки, лишь бы не плясать под мою дудку? — тёмный амадэй чуть склонил голову. — А она ведь ждёт тебя, Арон. Она верит в тебя. Она всегда в тебя верит... и чем ты это заслужил, не пойму?

— Она в любом случае попадёт в твои руки, — голос Зрящего казался усталым.

— И ты осознал это только сейчас? О чём ты думал, когда отпускал её из Фар-Лойла в мои распростёртые объятия?

— О том, что это единственный выход, который ты не предположил. Я не мог пойти на такое в здравом уме. Ты должен был это знать.

— Вот как. Что ж: не скажу, что в мои планы не входило свести тебя с ума. — Лиар смотрел на брата почти участливо. — Посмотрим правде в глаза, Арон. Ты знал, что рано или поздно, так или иначе, но я её достану. Не могу не достать. Спрятать её от меня невозможно, и если она не придёт ко мне сама, я найду способ доставить её другими способами. И ты решил предупредить удар... сделать шаг первым, сыграв на том, на чём собирался играть я. Затем тебе и понадобился этот летний спектакль с невестой герцога, верно? Как удобно... Заодно можно изобразить неизбежное не моей ловушкой, а твоим собственным решением. Ведь главное здесь — не её безопасность: ты прекрасно знаешь, что её жизни ничего не грозит. Главное — моральное превосходство. Широкий жест. Швырнуть карты противнику в лицо, не дожидаясь проигрыша. Скажешь, неправ?

В свете волшебных огней, рассеивавших окружающий мрак, глаза Арона были серыми, как пепел.

— Это игра, — наконец тихо ответил он. — И играешь ты не с ней. Со мной. Я думал, что если сдамся... если ты добьёшься того, чего хочешь... ты должен будешь оставить её в покое. И ты добьёшься того, чего хочешь, ибо ты всесилен. Мы оба это знаем. А когда ты выиграешь, она наконец будет счастлива.

— Она. Но не ты.

— А я проиграю. В очередной раз. Только и всего. — Арон говорил так просто, что боли в голосе почти не было слышно. — Я отыграл у тебя несколько месяцев счастливой жизни. С ней. Для неё. И это всё, на что я имею право.

Лиар долго смотрел на него. Язычки магического пламени, плясавших на камне чуть поодаль, играли бликами в его глазах; в этих бликах вишнёвые глаза на детском лице казались непривычно мягкими и самую капельку печальными.

Потом тёмный амадэй небрежно махнул рукой.

— В Штольнях вас ждёт только тьма. И смерть, — произнёс он сухо. — Ташу нужно искать в другом месте.

— Магия крови не врёт.

— К твоему сведению, точка на карте с равным успехом может означать нечто как под горой, так и в горах.

— Странник...

— Мне кажется, ты мог бы самостоятельно дойти до мысли, что обнаружить Зельду будет весьма непросто. Но, не увидев ничего ни под небом, ни под землёй, вы выбрали путь через Штольни. Как я понимаю, из чувства противоречия? Я сказал, что Таши в Штольнях нет — послушай меня и сделай наоборот? — Палач отвернулся. — Воля ваша. Можете залезть поглубже и проверить, что вы там отыщете... исключительно для собственного удовольствия. Я за вами присмотрю.

— Лиар...

Когда тёмный амадэй оглянулся через плечо, взгляд его был чуточку удивлённым.

Кажется, он давно не слышал из уст брата этого имени, сказанного так мягко.

— Ты сбросишь маску, когда Таша окажется там, где ты хочешь? — спросил Арон столь тихо, что голос его почти соскальзывал в шелест.

— Я подумаю, — помолчав, ответил Воин. — Забавно будет, если Таша окажется в моих руках, так ничего и поняв, верно?

— Это будет милосердно. И лучше для тебя. Если в тебе осталась хоть капля добра, сжался над ней — оставь её в неведении. А я знаю, что она осталась.

Лиар, едва заметно улыбнувшись, прикрыл глаза.

— Так ты на это рассчитывал? Вот в чём дело. — И сложил руки на груди: крест-накрест, словно покойник. — Я подумаю.

Спустя секунду он уже падал спиной назад — на руки Мечнику, охранившему тело Лив от удара затылком об камень; и волшебники молча следили, как коллега укладывает девочку под бок к дракону.

Кончик хвоста Кеса мерно ходил туда-сюда стрелкой метронома, подметая камень.

— Что будем делать, господа? — выпрямившись, мрачно спросил Мечник.

— То же, что и собирались, — безапелляционно отрезал Заклинатель. — Ему нельзя доверять.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво протянул Иллюзионист. — Шансов, что Зельдино обиталище под землёй, и правда пятьдесят на пятьдесят. А если наша стратегия «действовать наперекор врагу» является ошибочной...

Он выразительно покосился на Арона, стоявшего, сплетя пальцы опущенных рук, уставившись куда-то в темноту.

Почувствовав его взгляд, амадэй вскинул голову.

— Придерживаемся прежнего плана, — тихо проговорил он.

— Но если ваш брат...

— Я не знаю, чего он добивается. Не знаю, чего он хочет от нас. Чтобы мы дошли или чтобы не дошли... не знаю. — Арон провёл пальцами от лба до затылка, рассеянно взъерошив волосы. — Но дойти и посмотреть своими глазами... Если подумать, это займёт не так много времени. — И решительно шагнул вперёд. — А по прибытии мы точно узнаем, правы мы или нет.

* * *

«О чём думаешь?»

Таша не ответила. Она сидела на кровати, глядя в окно, обхватив руками колени и чувствуя, как греет грудь нагревшаяся янтарная подвеска.

«Скажи. — Алексас лежал сзади, глядя ей в затылок. — Я и так знаю. Но если выскажешь это мне, тебе станет легче».

Он проснулся не так давно. И выглядел куда лучше, чем утром, хотя некая неестественная бледность в его лице всё ещё присутствовала.

«Я дала клятву, которую никак не могу исполнить, — всё же откликнулась Таша, кусая губы. — Мы не можем отсюда сбежать. А ничего не делать и смотреть, как их убьют, тоже не можем».

Она слышала, как за её спиной Алексас поудобнее устроился под одеялом.

«Отнесись к этому проще, — произнёс он после недолгой паузы. — Если ты вступишься за них и нас раскроют — убьют не только их, но и нас. «Венец» присоединится к «Рассвету». Король так ничего и не узнает о грозящей Аллиграну угрозе. А избежать всего этого очень просто: всего-навсего не вступаться».

«И знать, что из-за меня погиб ребёнок?»

«В противном случае из-за тебя погибнут Норманы».

«Но я хочу, чтобы все остались живы! Должен же быть... выход, способ! — Таша зажмурилась. — Их же убьют, если мы не поможем им, понимаешь? Тальрин больше нет, её семья — обычные слуги...»

Я должна их спасти, отчаянно думала она, раскачиваясь взад-вперёд на кровати. Должна. Не знаю, как, но должна. Пусть нас самих могут убить, но когда мы находились в безопасности? Если разобраться, весь план Венца — масштабное самоубийство.

Убить...

Таша медленно подняла голову, вновь поглядев в звёздное небо за окном.

«Раскроют, говоришь? — проговорила она про себя. — А что... неплохая идея».

Она кожей ощутила молчаливый пристальный взгляд, которым наградили её в ответ.

«Если Лиар действительно не даст меня убить, то вытащит из любой передраги. Так почему бы не форсировать события? Шансов, что нас не раскроют, и без того немного. Так лучше рискнуть и попробовать спасти Ингранов, чем провалиться по другим причинам. — Таша помолчала. — Он был в моём сегодняшнем сне. Лиар. Я не я, если не он его создал. Значит, он и правда следит за мной... даже здесь».

...«в моей игре бесценна лишь твоя жизнь», — пропело в её памяти насмешливым эхом.

«Вот только за вас с Найджем я боюсь, — добавила она невесело. — Вы-то ему не нужны».

Алексас долго молчал, прежде чем спросить:

«А на Арона ты уже не надеешься?»

Таша не сразу сумела ответить.

Странно. Ещё пару дней назад она уповала только на то, что Арон их спасёт. Спасёт их — и сможет вернуть Джеми.

А теперь...

«Когда ситуация оборачивается подобным образом, — всё же отозвалась она, — спасителя выбирать не приходится».

О том, во что обернулась вторая её надежда, Таша умолчала. Её и не спрашивали — но мысль, в которую трансформировалась эта вторая надежда, была жестока, эгоистична и попросту ужасна, так что Таша сама старательно гнала её из своего сознания.

И внутри себя порадовалась тому, что Алексас отвлѣк её — встав с постели и открыв высокое окно.

— Что ты делаешь? — Таша поѣжилась под зимним ветром, слегка взъерошившим ей волосы.

— Моя королева удручает меня своей грустью. — Он легко вспрыгнул на подоконник, и тѣмные кудри посеребрил лунный свет. — Я собираюсь это исправить.

— Заставив меня дышать свежим воздухом?

Алексас развернулся спиной к законной пустоте. Улыбнулся.

И сделал шаг назад.

— Алек...

Крик застрял у неё в горле.

— И ты могла предположить, что я просто выпаду из окна? — с негромким смешком заметил Алексас, спокойно стоя на воздухе. — Улучшению твоего настроения это бы вряд ли помогло.

— С ума сошёл? — Таша яростно вскочила. — Ты только утром весь магический резерв истратил! Хочешь повторения истории?

— За меня не волнуйся. — Он протянул ей руку. — Иди сюда.

— Не пойду.

— Боишься?

— Да, — честно призналась Таша. — И за тебя тоже, так что возвращайся лучше в комнату.

— Чем скорее ты поднимаешься ко мне, тем скорее мы вернёмся. В противном случае я буду стоять здесь, сверля тебя призывным взглядом, пока не замёрзну и не рухну ледышкой вниз.

— И ты думаешь, я куплюсь на твой шантаж?

— Думаю. Иначе скоро ты замёрзнешь, а закрыть окно и оставить меня здесь у тебя духу не хватит.

— Знаешь, в данный момент я испытываю огромное желание именно так и сделать.

Его улыбка лишь стала более насмешливой.

Шагнув к окну, Таша сердито взялась за створки... и, держась за них, подпрыгнула.

— Лишь из уважения к твоему феноменальному упрямству, — бросила она, выпрямляясь на подоконнике, чтобы принять предложенную руку.

Их пальцы соприкоснулись — и в один миг Таша ощутила себя лёгкой, как воздух.

Когда Алексас потянул её вперёд, она легко и просто скользнула навстречу морозной пустоте, холод которой совершенно не чувствовался. Луна сияла за его спиной, такая яркая, что звёзды были едва видны; казалось, под ногами Алексаса серебристые лучи становятся плотнее, сплетая прозрачный сияющий мост, — но когда Таша попыталась сделать шаг сама, нога ушла в пустоту.

— Боюсь, подобное без тренировки даже тебе не по силам. — Алексас притянул её к себе, обняв за талию в вальсовой позиции, и упавшее в страхе сердце забилось быстрее уже совсем не от страха. — Подарите мне ещё один вальс, моя королева?

В лунном свете глаза его казались странно светлыми. И бархатно-обволакивающими, как у кота. И эта его хитрая улыбка...

Не дожидаясь согласия, он медленно и мягко полетел куда-то спиной вперёд, увлекая её за собой. Тихим свистом обозначил мелодию вальса — и в этом танце от неё требовалось лишь не отпускать его руки, пока они, медленно кружась, поднимались всё выше: туда, где деревья казались игрушечным, замок — кукольным домиком, все его обитатели и сама земля — далёкими и неважными.

— Знаешь... когда Двоедушие кончилось, ты казался мне другим, — когда крыша башни осталась далеко под ногами, сказала Таша.

Она не знала, зачем говорит это. Но сказать почему-то казалось очень важным. Хотя бы затем, что просто дальше смотреть ему в глаза казалось невозможным: нечто в этом взгляде влекло её к действию, и из всех действий, возможных в этой ситуации, она выбрала самое простое и невинное — заговорить.

Доведя музыкальную фразу до логического завершения, Алексас улыбнулся.

— Тогда я и был другим. Тяжело было сразу свыкнуться с тем, как всё изменилось. С мыслью, что теперь в этом теле я — один.

— Но ты не один. Я... ты порой очень похож на Джемми. Он всё ещё с нами. Где-то в тебе. — Таша находила в себе силы не опускать взгляд, пусть даже это казалось чудовищно трудным — особенно когда она чувствовала тепло его дыхания на своих щеках. — И ты действительно стал другим. В тебе появилось то, чего не было до этого.

— Да? Что же?

— Не знаю. Вернее, знаю, наверное, но не могу сказать, — и, помолчав, добавила едва слышно, — но мне это нравится.

Он только улыбался.

Они замерли в воздухе, очень далеко над землёй. Таше было совсем не холодно; под ногами её стлыло небо, ночь и лунный свет, над головой рассыпались колючие зимние звёзды, и она сказала — на самом деле спросила — то, что давно хотела сказать.

— Я не могу понять, откуда у тебя такие силы. И Найдж тоже. Джемми не мог так летать, я сама видела... и сопротивляться такому сильному колдуну тоже не смог бы.

— Не смог бы, — повторил Алексас. — Но я могу. Ради тебя — всё, что захочешь.

— Прямо-таки всё? — кляня свою внутреннюю язву, всё же улыбнулась она.

Алексас долго смотрел на неё. Уже без улыбки. Смотрел, пока Таша не поняла, что дрожит, а весь смех внутри неё не затих, уступив место предельной, безграничной серьёзности.

Нет, он смотрел не так, как Арон на болотах Шэдвар. Похоже, но по-другому. Как же там было... страсть, нежность, трепет? Всё и ещё больше? Да, и что-то ещё...

В этом «ещё» и заключалась разница.

Тот взгляд молил. Этот — приказывал.

Этот манящий бархатный взгляд...

— Да, — мягко и очень, очень тихо произнёс Алексас. — Ведь я люблю тебя.

— Знаете, что нравится мне меньше всего? — спросил Иллюзионист, когда очередной очень тёмный туннель сменил другой, ещё более тёмный.

— Дай-ка угадаю. Крысы отстали? — предположил Мечник.

Иллюзионист кивнул: глаза его расцветивало довольно-таки мрачное выражение, пугающе смотрившееся на вечно улыбчивом лице.

— Крысы поумнее нас будут, — тихо заметил Заклинатель. — Они-то сюда не суются.

— А, может, просто трусливее, — пожал плечами Арон.

Амадэй казался спокойным, но что-то в его повадках изменилось. Некое напряжение проскальзывало в походке, в ином повороте головы — и причина этого была ясна всем.

Они были близко. Они знали это, даже не спрашивая Странника.

Кес всматривался во мрак сощуренными жёлтыми глазами. Лив, так и не пришедшая в себя, лежала на его спине; тонкие руки свешивались вниз безжизненными веточками.

— Теперь ещё девчонку грузом таскать, — проворчал Заклинатель, тоскливо почесав нос.

— Я разбужу её, — сказал Арон. — Просто пока...

И, недоговорив, замер одновременно со Странником.

— Здесь, — коротко сказал Мастер.

Туннель уходил вперёд без особых изменений. В воздухе разливался тёмный холод и запах сырости, справа виднелось небольшое ответвление: Кес туда пролез бы разве что ползком. Сбоку в свете магического пламени, крохотными язычками сиявшего на кончиках пальцев Странника, слегка поблескивал грубый камень стен, сверху — бугристый потолок, снизу — трещина в полу.

И всё.

— Если ваша сестра тут, она и правда очень хорошо спряталась, — мрачно заметил Заклинатель. Размяв пальцы, исполнил руками короткие витиеватые пассы. — Хм... на первый взгляд...

— Тшшш.

Пятеро мужчин оглянулись на шипящего дракона.

Кес напряжённно всматривался в кисельный мрак туннеля справа: хвост дракона вновь нервно подметал землю.

— Снимите девочку, — шелестяще велел он. — И отойдите.

Иллюзионист не стал тратить время на то, чтобы карабкаться по драконьей лапе. Просто взмыл в воздух — и, подхватив Лив на руки, вместе с ней плавно опустился наземь.

Как выяснилось, очень вовремя.

Кес выдохнул пламя одновременно с тем, как тьма ожила огромной стремительной тенью. Она метнулась к дракону — и огонь, разбившийся о чёрную слизистую чешую, поглотила жадная темнота.

Когда Кес, ударив темноту когтистой лапой, выдохнул снова — пламя на миг осветило кольца чешуйчатого тела без лап и крыльев, змеиную голову, немигающие жёлтые глаза над огромной пастью, полупрозрачные зубы-иглы...

— Виверн! — выплюнул Мечник, схватившись за рукоять меча. Остальные лишь отступили подальше: подземные драконы мало напоминали своих наземных собратьев, но одна общая черта у них точно была.

А именно — полная неуязвимость к магии.

Виверн метнулся вперёд, и тело Лив во сне выгнулось дугой: кольчатая тварь распрямилась слишком быстро, и ослеплённый собственным пламенем Кес не сумел предупредить удара. Поросшая шипастыми отростками голова, по быстроте и мощи сравнимая с булавой, ударила багрового дракона чуть ниже шеи — и Кес взревел, когда один из крупных шипов проник в щель между чешуёй.

На открытой местности у виверна не было бы ни единого шанса. Однако здесь, на его территории, в тесном туннеле, где у Кеса не было возможности не только взлететь, но даже нормально маневрировать, виверн был хозяином положения.

Виверн проснулся не в самом лучшем настроении.

И он был очень, очень голоден.

* * *

Летучая мышь ткнулась в Ташину ладонь в тот самый миг, когда она застыла в поднебесных высотах, не в силах не то чтобы слово произнести — подумать о чём-то.

Мышь была крохотная, пушистая и совсем не страшная. Она уцепилась за палец Ташинной опущенной руки и привлекла внимание требовательным писком: позволив девушке

наконец опустить глаза, а её ладони — на законных основаниях выскользнуть из руки Алексаса. Впрочем, она всё равно чувствовала его пальцы на талии, пока снимала с машиной шею петлю, захлёстывавшую туго скатанный клочок пергамента; и пока Таша пыталась одновременно понять, откуда это чудо взялось, и поверить в то, что только что услышала, мышь уже развернула кожистые крылышки и сгнула в неизвестном направлении.

— Опять свидание с гостеприимным хозяином? — негромко и вполне обыденно спросил Алексас.

— «В библиотеке, сразу после прочтения», — развернув пергамент, машинально зачитала Таша: надеясь, что Алексас не слышит, как колотится её треклятое сердце, стремительно падавшее куда-то вниз. — Сразу? И с чего он взял, что я...

Лунные лучи сплелись вокруг в бешеном хороводе — и спустя секунду Таша поняла, что кубарем катится по ворсистому ковру.

Остановилась она, лишь уткнувшись в чьи-то щегольские лаковые туфли. Впрочем, беглый взгляд вверх быстро помог установить личность их владельца.

— Вас пришлось долго искать, Ваше Высочество, — бесстрастно заметил Андудар, сидевший всё в том же кресле у библиотечного камина. — Прогулки под луной?

Ледяной взор эйрдаля и пушистая затхлость ковра послужили для Таши дополнительным стимулом поскорее вскочить.

— Как я провожу своё свободное время, тебя не касается. — Отряхнувшись исполненным величайшего достоинства жестом, Таша опустилась в кресло напротив. Оглядела ожидаемо пустую библиотеку, звеневшую тишиной пыльного воздуха; подумала. — Я не успела сегодня сказать «спасибо».

— За что?

— За то, что выручил нас на тренировке.

— Не стоит. Лишний раз указать Джастину на его место — одно удовольствие.

Таша кивнула: вежливый ритуал приветствий был исполнен.

— Зачем звал? — уже без обиняков спросила она.

Эйрдадь лениво закинул ногу на ногу.

— Я предположил, что тебе захочется исполнить клятву, данную бедняжке Тальрин.

Таша очень надеялась, что лицо её не выдало. Во всяком случае, вряд ли она могла стать ещё более взволнованной, чем была до этого момента.

В конце концов, не каждый день переживаешь первое в своей жизни признание в любви, после чего тебя в самом прямом смысле бесцеремонно возвращают с небес на землю.

— Что ты имеешь в виду?

— Не притворяйтесь, Ваше Высочество. Госпожа Ингран очень старалась соблюсти конспирацию, и, возможно, кроме меня никто не догадывается о вашем знакомстве, но я прочёл её мысли ещё вчера. Привычка, знаете ли: инспектировать помыслы сообщников при каждой удобной возможности. А свой гениальный план она придумала, стоило ей вас увидеть.

Таша нервно сжала пальцы в кулаки.

— И чего ты хочешь?

— Помочь.

Она только моргнула — но в этом жесте Андукар без труда прочёл всю степень её недоверия.

— У меня нет ни малейшего желания, чтобы в этом замке объявился призрак, не нашедший упокоения, потому что данная ему клятва не была исполнена, — буднично пояснил он. — В замке, просто-таки источающем магию, он очень скоро наберёт достаточно сил, чтобы начать мстить. Или просто творить глупости. А с духами, как это ни печально, расправиться не так-то просто... особенно тем, чья магия базируется на тьме.

Что верно, то верно, подумала Таша. Учитывая, что летом она позволила почившей жене Орека Нормана вселиться в своё тело — ей ли не знать, что творят беспокойные духи.

— Таким образом правда о тебе может выплыть наружу скорее, чем нам обоим хотелось бы, — спокойно продолжил эйрдаль. — После смерти Тальрин жизни её близких, как ты сама прекрасно понимаешь, ментально обесценились. Теперь они не более чем расходный материал. Уже завтра взрослые по распоряжению Картера примут участие в кормлении, а послезавтра девочка отправится на алтарь — для участия в твоём же ритуале Слияния Личин. Дети дают предостаточно ментальных сил, а Зельда никогда не упускает возможности лишний раз показать потенциальным бунтовщикам, что будет в случае нарушения ими...

— Я тебе не верю, — прямо сказала Таша. — Твой интерес неправдоподобен.

Он изогнул бровь даже несколько одобрительно.

— А если я скажу, что при этом собираюсь убрать кое-кого, кто мне мешает?

— Например?

— Картера.

Таша воззрилась на него ещё недоверчивее прежнего.

— Каким это образом?

— В последние месяцы наша прекрасная Тальрин была его пищей и игрушкой, но, боюсь, он непозволительно к ней привязался. И заметил это не только я. — Андукар лениво подпёр рукой голову. — Обставить дело так, что данная тобой клятва была взята с него, мне будет нетрудно. Как и позаботиться, чтобы он не дожил до возможности опровергнуть мои слова.

— И зачем тебе это?

— Не суди по одежке. Картер силён и умён. Я бы предпочёл, чтобы левой рукой Зельды стал кто-то послабее и поглупее.

— И ты вот так просто сможешь его подставить?

— Простота и гениальность часто ходят рука об руку.

Таша в раздумьях мяла кончиками пальцев бархат подлокотника. Сомнительно всё это, думала она. Ох, сомнительно.

Ещё бы недавно пережитое волнение не путало мысли...

— Решайся, — равнодушно бросил эйрдаль. — Без моей помощи вам всё равно не справиться. Заодно испытываешь мою верность на деле.

— Но если твоя верность окажется лишь словами, я слишком многое теряю, не считаешь?

— Если моя верность — лишь слова, рано или поздно ты и так потеряешь всё. Есть ли большая разница, когда?

Забавно. Ровно о том же самом Таша думала до того, как Алексас открыл окно.

Следя за сомнениями в её лице, эйрдаль, усмехнувшись, откинулся на спинку кресла.

— Скажите честно, Ваше Высочество, — внезапно произнёс он. — Вы ведь задавались вопросом, почему именно Орека Нормана наше сообщество никак не оставит в покое?

Неожиданный вопрос вынудил Ташу чуть податься вперёд:

— Предположим, — напряжённо и осторожно заметила она. — К чему спрашиваешь?

Эйрдаль прикрыл глаза.

— А помните ли вы, что представляют собой Врата Бездны?

Этот вопрос был даже более чем неожиданным.

— Об этом и дети знают. К чему...

— А знаете ли вы, где находятся Камни Силы, воздвигнутые Ликбером Великим подле самых уязвимых мест соприкосновения нашего мира с... другим?

Таша помолчала, лихорадочно выстраивая в голове логическую цепочку.

Камни Силы — большие чёрные обелиски, испещрённые рунными знаками, хранившие Аллигран от гостей с той стороны — можно было увидеть во многих местах Долины. Их расположение не афишировалось по настоянию Мастеров Адамантской Школы, но один этим летом Таша видела в Пвилле.

И поскольку именно в Пвилле располагалась летняя резиденция Норманов...

— Я видела один неподалёку от Клаусхебера. Особняка Норманов, — медленно произнесла она, едва удерживаясь от желания потрясти эйрдаля за грудки и велеть ему перестать темнить. — Но...

— А бывали ли вы в подвалах этого самого особняка?

— Мы туда заглядывали, — произнесла Таша, уже совершенно сбитая с толку, — но там было темно, и мы...

— Если бы вы зашли в подвал Клаусхебера, зная, где и что искать, то вскоре обнаружили бы в полу каменную плиту, которая может отходить в сторону. — Когда Андукар вновь посмотрел на неё, взгляд его был удовлетворённым и насмешливым. — И если бы вы спустились во второй подвал — тайный, расположенный под первым, образующий собой лабиринт — и очень долго шли в правильном направлении, вы пришли бы к маленькой, ничем не примечательной дверке. Обычная каменная дверь в каменной стене. У неё даже ручки нет, и, как бы вы не толкали, она не открылась бы. Но вот если бы к ней подошёл законный владелец Клаусхебера и нашептал некие волшебные слова — которые являются, наверное, страшной тайной из всех существующих, — дверь тут же распахнулась бы настежь. — Эйрдадь едва заметно подался вперёд, понизив голос почти до шёпота. — И если бы у вас хватило смелости переступить порог этой дверки, вы увидели бы винтовую лестницу. Тёмную, узкую и древнюю. Спуск по ней занял бы у вас, возможно, целую жизнь, и чем ниже вы бы спускались, тем холоднее становилась бы у вас кровь.

И в конце концов, когда вы уже готовы были бы смириться с тем, что у этой лестницы нет конца, вы вышли бы к неким воротам... или вратам, если данное слово вам больше нравится. — Эйрдадь смолк, пристально глядя на свою собеседницу. — Не возникло ли у вас догадок о том, что за ними таится, Ваше Высочество?

Таша сидела, не смея пошевелиться.

Не может быть. Этого просто не может быть. Легенда, которую она знала с детства, странный камень в мирном городке, мрачный дом на высоком холме, убийство Норманов, эйрдали — всё это сплеталось так?..

— Ты хочешь сказать, — пугаясь собственного голоса, хрипло молвила Таша, — что под особняком Норманов находятся... Врата Бездны?

* * *

Попытавшись обвиться вокруг шеи Кеса, виверн напоролся на шипы и издал разочарованный сип — пасть его при этом открылась так широко, что морда чуть не вывернулась наизнанку. Кес вцепился зубами в тело врага, промяв клыками чешую; виверн завизжал, попытался ответить дракону тем же, но игловидным зубам подобная задача оказалась не под силу.

— Нет, Кес, — выкрикнул Заклинатель, — стой!..

Поздно.

Багровый дракон разжал пасть, отпустив противника: янтарные глаза его затуманились, чёрная кровь виверна капала с клыков.

— Демоны! — Заклинатель с досады вцепился в свои седины. — Кровь и слизь виверна ядовиты!

Кес пошатнулся. Виверн устремился мимо него к людям; Иллюзионист крепче прижал к себе Лив, во сне бившуюся в его руках, Мечник кинулся вперёд — но Кес, неведь каким образом собравшись с силами, вцепился виверну в загривок. Змей, шипя, без труда вырвался из некрепкой хватки ослабленного врага, разъярённо повернулся к нему — и шип виверна вновь вонзился в драконью шею, под самой пастью, где чешуйки были помельче. Голова Кеса безвольно стукнулась о стену туннеля, виверн свернулся кольцами для новой атаки — обнажив зубы, готовые рвать, крушить, пожирать...

Когда сияющая золотом сталь вонзилась в чёрную чешую, туда, где могли бы располагаться передние лапы, виверн завизжал оглушительнее набата.

Кес рухнул наземь — тело окончательно отказалось ему подчиняться. В следующий миг человек с мечом уже был на его шее: прыгнул оттуда на голову виверна, на сей раз свернувшегося слишком медленно — и, одной рукой держась за шипы на голове змея, другой вогнал светящийся клинок в его голову. За эти же шипы он держался, пока тело виверна, дёргающегося в агонии, падало на камень.

Лишь тогда высвободил меч из плена чёрной чешуи, чтобы спокойно спрыгнуть с головы подземного дракона.

Победитель виверна резко откинул руку в сторону. Когда кровь скатилась с золотого лезвия чёрными шариками, посмотрел в безжизненные жёлтые глаза.

Повернувшись, насмешливо отсалютовал Мечнику, так и застывшему подле товарищей с клинком в ладонях.

— Сожалею, что лишил работы. — Бледное лицо со рваным шрамом на щеке — та же маска, которую летом видела Таша — кривила улыбка. — Но я не мог допустить, чтобы вы показали свою несостоятельность ещё и в этом. — Лиар кинул меч на камень, и тот подкатился под ноги Арону. — Прости, братишка, пришлось позаимствовать твой.

И, более не обращая на присутствующих никакого внимания, быстрым шагом направился к дракону; тот, с присвистом дыша, следил за приближением амадэя мутным взглядом.

— Так ты знал? — Арон смотрел на брата почти спокойно. — Знал, кого на самом деле мы тут найдём?

— Непослушных детей надо воспитывать. Единственный действенный метод воспитания, как я неоднократно убеждался — дать детям набить себе шишки. — Лиар деловито ощупывал края ран на шее дракона. — Царапины пустяковые... драконья регенерация справится, через пару часов восстановится.

— Сколько ещё будешь играть в доброго и заботливого?

— Всё ещё мне не веришь? Дело твоё. Учти только, что Ташины шпионские игры подходят к концу. — Круто повернувшись, Лиар смерил брата скучающим взглядом. — Если хочешь помочь мне вытащить её, через день будь в этом же месте над горами. В убежище сестрицы не попадёшь просто так, но вам откроют, если подождёте. Привратника просьба не убивать — он мне ещё понадобится.

— Какой...

— Решай, Арон. Мне вполне по силам сделать всё самому, и мне надоело бегать за вами нянькой. Либо в назначенный срок ты придёшь за Ташей, либо... — тёмный амадэй улыбнулся, прежде чем истаять чёрной дымкой — и лишь голос его, заканчивая фразу, прошелестел во тьме, — либо не придёшь.

Проследив за его исчезновением, Мечник спрятал клинок и сплюнул в сторону. Иллюзионист, прижав Лив к себе, молча баюкал девочку: та перестала метаться, но дышала тяжело и почти хрипло.

Взгляд Арона, застывшего над своим мечом, был устремлён в пустоту.

— Чувствуешь что-нибудь? — хмуро спросил Заклинатель, тронув Странника за плечо. — Что-то, что указывало бы на сокровище?

Волшебник покачал головой.

— Древняя магия. — В свете волшебного пламени в его руке глаза Странника светились сиреневым. — Если она есть, я не знаю, как её обойти.

— Я знаю, — неожиданно произнёс Арон. Медленно перевёл взгляд на лицо волшебника. — Знаю, кто нам поможет.

Пару секунд два телепата смотрели друг на друга.

Когда Странник кивнул, Арон, нагнувшись, вернул в ножны свой безукоризненно чистый клинок — и под вопросительными взглядами волшебников подошёл к Лив, всё ещё лежавшей на руках Иллюзиониста.

— Ждите здесь. Думаю, мы вернёмся быстро. — Амадэй коснулся ладонью щеки девочки: та слабо бормотала что-то сквозь сон. — Жаль, что теперь я ничем не смогу тебе помочь...

— Куда вы? — негромко спросил Иллюзионист.

Вернув свой меч в ножны, Арон мельком улыбнулся.

— Боюсь, ответ вам не понравится.

Шагнул к Страннику, который ждал его с протянутой рукой — и как только пальцы их соприкоснулись, оба исчезли.

— Куда они собрались?! — гневно воскликнул Заклинатель.

— Тише. Всех вивернов в округе перебудешь. — Прислонившись спиной к драконьему боку, Иллюзионист сполз на каменный пол. Устроив Лив на своих коленях, провёл пальцами по лицу девочки, заботливо убрав волосы, налипшие ей на лоб. — Если Лео помог ему уйти, значит, наше святешейство задумал что-то не совсем противоестественное. Меня это вполне устраивает.

— А если амадэй его околдовал?

Мечник, кряхтя, присел рядом с Иллюзионистом, сложив ладони на рукояти меча:

— Я бы на твоём месте в нём не сомневался.

— С чего бы это?

Мечник усмехнулся, но глаза его были совсем невесёлыми.

— Потому что мне хватает сомнений по поводу его братца, — сказал он. — И если к

этому ещё прибавятся сомнения по поводу лучшего из амадэев, тут и до паники недалеко.

* * *

— Взглянем правде в глаза, Ваше Высочество, — удовлетворившись длительностью воцарившейся в библиотеке тишины, изрёк Андукар. — Наша армия сильна, но люди тоже неслабы. К тому же Зельда помнит, что некоторые её товарищи по короне, так сказать, живы и здоровы. Наверняка они не отнесутся равнодушно к тому, что их вероломная сестра решила прибрать господство над Долиной к своим рукам. Нет, борьба будет долгой, упорной и кровопролитной... если, конечно, и король, и Шестеро, и амадэи не отвлекутся на куда более серьёзную угрозу.

— Зельда... собирается... открыть Врата? — от потрясения Ташин голос стал хриплым. — Выпустить демонов... в наш мир?

Эйрдаль мягко улыбнулся:

— Идея закольцевать историю стала для Зельды несколько навязчивой.

— Но это же безумие! — хрип мгновенно перешёл в крик. — Они не щадят никого, для них нет разницы, человек ты или нелюдь — они будут убивать всех, всех и каждого, без разбора!

Андукар поднёс палец к губам, безмолвно призывая её к ответному молчанию.

— Ты ведь знаешь, что магистры способны призывать этих самых демонов из-за Врат? — когда Таша затихла, спросил он. — На краткий срок... или на долгий. Зависит от заклятия и сил призывающего.

— Об этом даже в детских сказках пишут.

— И в этом случае, как ты помнишь, демон беспрекословно подчиняется воле призвавшего его.

— Один демон, которого призвали, но не тысячи, которых выпустили!

— Зельда уверена, что нашла выход.

Секунду Таша непонимающе смотрела на него.

Затем вспомнила те же самые сказки и свои любимые «Сказания Аллигрانا» — и ужас понимания пробежал холодом по спине.

— Дракон, — прошептала она, вывернув левую руку в суеверном оберегающем жесте. — Сильнейший демон Бездны, правящий остальными. Призвать его невозможно, но если прийти самой... — она судорожно сглотнула. — Зельда собралась подчинить себе

Дракона?!

— Скорее заключить сделку. Все люди мира в обмен на то, что его детища не трогают тысячу нелюдей. — Глядя в её лицо, Андукар поощрительно улыбнулся. — Да, ты права. Зельда решила поиграть с огнём, я и сам прекрасно это понимаю. Но она уверена, что у неё всё получится. И ей абсолютно нечего терять. Собственная жизнь не имеет для неё никакой ценности: всё, чего она хочет на самом деле — видеть этот мир в огне. Дожить до момента свершения своей мести. Потерпит ли она удачу или неудачу с тем, кто ждёт за Вратами... вне зависимости от исхода, ненавистные ей люди будут уничтожены.

Почему Орек, спрашивала Таша когда-то себя — и не только. Почему именно он...

Наверное, никто в этом мире не мог предположить, что ответ на её вопрос окажется таким.

— Значит, законный владелец Клаусхебера...

— После смерти Ликбера Шестеро надёжно защитили Врата. Они сплели заклятие, стёршее память об их местонахождении у всех, кто знал его, и соорудили хитроумную охранную систему, вершившуюся домом. В этом доме по окончании строительства поселился один из них — некий Аксель Норман, по такому случаю отказавшийся от титула одного из Шестерых... и женившийся. И обзаведшийся парой очаровательных детишек. Ибо по условиям заклания у Клаусхебера всегда должен быть хозяин, и только законный хозяин, встав перед дверью в нужный час, узнает Слова. Каковы эти слова, надо думать, знали только Аксель и шестеро его товарищей. — Андукар сделал кистью некий изящный витиеватый жест. — Аксель Норман не удосужился поведать своим потомкам, что они живут на пороховой бочке с временно притушенным фитилём. Как и не удосужился открыть им Слова. Но, если верить Зельде, Слова передаются Норманам подсознательно вместе с правом владения особняком. И проснутся лишь в их головах — и лишь в нужный момент.

— Немыслимо. — Таша неосознанно прижала холодные ладони к щекам. — Значит, если все Норманы умрут...

— ...право владения перейдёт к Кэйрмиль. Даже если для властей она убийца в бегах.

— Но этого нельзя допустить!

Андукар улыбнулся легчайшей из улыбок.

— Это выше моих сил. Моих, — повторил он с едва заметным нажимом. — А кроме меня, обо всём знают лишь Картер и сама Зельда.

— А Кэйрмиль?

— Они просто делала то, что я ей говорил. Но мой план по спасению семьи Тальрин включает в себя их переправку в некое безопасное место, портал на которое настроите вы... и Кэйрмиль вместе с ними. Полагаю, в этом месте найдут способ охранить её до вашего

возвращения в «Венец» — которое я постараюсь организовать как можно скорее — и справедливого королевского суда. Если ваши амадэи не сплouxют, Зельда не успеет осуществить запасной план по открытию Врат. Мне она ничего об этом не говорила, — добавил эйрдаль, отвечая ужасу, всплеснуvшему в Ташиных глазах, — но я уверен, что таковой у неё имеется.

Таша поняла, что за тревожными мыслями не заметила, как до боли впилась ногтями в собственные щёки.

Неясно только, можно ли ему доверять, опуская руки, думала она. Да, это логично объясняет странную историю с Норманами — да и звучит слишком неправдоподобно, чтобы быть неправдой, — но если всё действительно так...

Он не может не знать, что уже сегодня я расскажу всё Алексасу, тот Найджу, а тот «Венцу». И страшнейший секрет Зельды уже перестанет быть таковым.

Впрочем, если он и правда заинтересован в том, чтобы остановить спятившую колдунью...

Если он и правда на нашей стороне...

— Решайся, — повторил эйрдаль. — Я предоставил тебе залог своей преданности. Слово за тобой. Да — играем, нет — давать отбой не придётся.

Играть. Бросить кости жизни и смерти.

Сделать последний, самый безумный ход...

Очень плавным и медленным жестом Таша сложила ладони на коленях.

— Хорошо. — И прикрыла глаза. — Говори, что требуется от нас.

* * *

Дверь в кабинет чуть слышно скрипнула, но владелец кабинета не обернулся. Он смотрел в окно, опершись на подоконник руками в белых перчатках.

За окном шелестела сирень. В фонтане пела вода, извергаемая пастью черномраморного дракона; по светлым стенам невысокого дома вился никогда не увядающий плющ. Где-то смеялись и плакали дети, собравшиеся в гостиных или разошедшиеся по своим комнатам, и вечная ночь обнимала сад Школы Колдунов беззвёздными тёмными крыльями.

— Всё-таки пришёл, — констатировал господин Оррак, так и не повернувшись к гостям лицом.

Аккуратно прикрыв дверь, Арон встал рядом со Странником — в шаге от порога.

— Ты ждал меня? — амадэй пристально вглядывался в фигуру, окутанную чернотой длинного плаща с капюшоном. Странник — тоже, но его взгляд был куда более прохладным. — С чего?

Когда директор Школы Колдунов обернулся, бледные губы его улыбались.

— Лишь один человек способен подвигнуть тебя на безумства, подобные тем, что ты творишь сейчас. И в борьбе с ним наследники Ликбера не могут тебе помочь. — Длинный палец, облитый белым атласом, указал на пару гобеленовых кресел, ждавших перед большим дубовым столом. — Присаживайтесь, господа.

Амадэй и волшебник, хранивший на лице абсолютное бесстрашие, сели. Господин Оррак опустил в кресло по другую сторону стола; опершись локтями на столешницу, положил подбородок на сложенные домиком ладони.

— Со мной не стоит играть роль директора, — спокойно сказал Арон. — Мы не ученики.

— Арон, Арон... помню тебя в пору, когда ты был истинным Зрящим. Молодой, спокойный, улыбающийся... Да и после сожжения Адаманта, признаться, наблюдал за тобой. Иногда, когда скучал по старым добрым временам. — В словах колдуна пробились сладкие ностальгические нотки. — Чтобы ты, да воспользовался своей силой не во имя добра... И что же я вижу теперь? Злоупотребление Даром, чтобы морочить головы невинным людям, сотрудничество с Мастерами, которые то ли помощники, то ли заложники... Сколько раз, Мастер Странник, вы бунтовали против того, чтобы идти непонятно куда на борьбу непонятно с кем? Хотя да, вы можете не помнить. Наш друг умеет заметать следы.

Волшебник промолчал, смерив тьму под капюшоном безгранично внимательным взглядом.

— Ты кое-что нам должен, — голос Арона был ровным. — Каждому из четверых оставшихся.

— Впрочем, принципы амадэев всегда казались мне несколько специфическими. Ты не задумываясь применял силу, когда считал это благом для людей неразумных — но зачаровывать бедняжек-цвергов ради своих эгоистических целей? — господин Оррак зевнул: с тщательно отмеренной скукой, прикрыв губы прямой ладонью. — Что сводит тебя с ума, Арон? Что за игру затеял твой братец на этот раз? Хотя... помнится, была одна вещь, которая свела тебя с ума сотни лет назад.

— И мне свой долг ты ещё не отдавал.

— О, женщины... Женщины созданы, чтобы губить мужчин, пусть даже эта гибель кажется вам самым прекрасным, что было в вашей жизни.

— Колдун скучающе сложил руки на столе, сцепив их в замок. — Мастер Странник, а вам я задал вопрос, если забыли. Вы всегда такой неразговорчивый?

Тот не сводил сиреневого взора с глаз собеседника, невидимых в непроницаемой тени, скрывавшей его лицо.

— Мы призвали тебя когда-то, — Арон говорил очень чётко и очень тихо, — и не смогли вернуть обратно. Но ты должен нам... ты должен мне. Одно желание. Всё, что я попрошу.

— Помню получше тебя. — Господин Оррак тихонько рассмеялся. Смех у него был пренеприятнейший: шипящие нотки, и без того сквозившие в каждом слове, в смехе прорывались вовсю. — Бродил я себе по родным просторам, и внезапно — круг, октограмма, свечи и шестеро... Трое в чёрном, трое в белом... Не могу сказать, что очень огорчился, когда вы не сумели отправить меня обратно. Хвала Тёмному Времени с его забавными эксцессами, нарушавшими все законы мироздания. Преисподняя есть преисподняя — даже для демонов; а шесть желаний за вечность жизни там, где каждый день восходит солнце... да ещё учитывая, что двое из вас так и не успели ни о чём попросить... — колдун подался вперёд. — Чего же ты хочешь, Арон?

— Хочу, чтобы ты помог мне найти одного человека. И показал, как до него добраться.

— И что, этого не может сделать Мастер Странник?

— Здесь замешана Зельда.

— Аа, — протянул колдун. Тут же деловито осведомился: — Кровь имеется?

— Кровь её сестры. — Достав из недр фортэньи кошель, Арон извлёк оттуда светлый локон, перевязанный бежевой ленточкой. — И это.

Пальцы, облитые белым атласом, перехватили локон. Расправив его на ладони, сжались в кулак.

— Как интересно... Оборотень? Милая девочка, нечего сказать. — Господин Оррак с интересом разглядывал свои сомкнутые пальцы — явно видя нечто совсем другое. — А волосы-то взяты против воли... Хм. И часто ты вот так трогательно наблюдал за ней во сне?

Ответная улыбка Арона была невозмутимой и чуточку усталой:

— Когда хорошо знаешь своего противника, поневоле задумываешься о том, чтобы иметь страховку.

— Похвальная дальновидность. Почему же ты не отдал это своему другу из Шестерых?

— Потому что знал, что он не найдёт этому применения.

Колдун ослабился:

— Да, полезно всё-таки быть амадэем. — Когда белая перчатка разжалась, на атласе был лишь белёсый пепел. — Кровь?

Странник молча выложил на стол мензурку — та сама собой покатила по направлению к хозяину кабинета.

— Значит, тебе нужно не просто место, но и путь к нему, — ссылая пепел в мензурку, уточнил господин Оррак.

— Да. Наглядный показ.

— Что ж, это легко организовать.

— Я надеюсь. — Арон посмотрел на колдуна без особой надежды. — Полагаю, просить тебя вытащить её оттуда будет бесполезно?

— Одно желание, Арон. Одно. Чтобы вытащить её оттуда, надо вначале её найти, и это уже два. Если бы ты точно знал... — директор Школы Колдунов склонил голову набок. — Уверен, что больше тебе не о чем будет попросить?

— Мне было, есть и будет, о чём просить. Но просить это я буду не у тебя.

Подёргиванием уголка рта выразив вежливое сомнение, господин Оррак встал из-за стола.

Прошепстав к зеркалу, висевшему на стене чуть поодаль, макнул кончик пальца в мензурку, заставив белый атлас стать красным.

— Кровь и зеркала... наследники Ликбера чуждаются их. — Он плёл вязь рун кровью по стеклу лёгкими, до автоматизма доведёнными движениями: явно не в первый и даже не в сотый раз. — Этому не учат за шесть лет обучения в Адамантской Школе. А ведь это едва ли не самые могущественные средства из всех.

— Но цена, которую в итоге за них платишь, высока, — заметил Арон, тоже поднявшись с кресла.

— О том, что с зазеркальем шутки плохи, мои ученики осведомлены. Даже первоклашки знают, что отражения — создания недружелюбные.

— Ты сам знаешь, о чём я.

— А, ты о ваших амадэйских заморочках. — Господин Оррак поскущел, не переставая выводить руны. — Скажи, Арон, а самому не зазорно к этому прибегать? По твоей логике, на том свете тебя за это по головке не погладят.

— Иного выбора нет.

— Почему же? Смириться с тем, что девушка занята, вернуться в свою деревушку и дальше жить там праведной жизнью.

Арон промолчал.

— Ты определённо забыл о том, что значит быть амадэем. Любить всех людей, как чад своих, никого не выделяя, не умея ненавидеть, не тая неприязни... ислушаться старших. В тебе слишком много человечности, Арон. В тебе всегда было её слишком много. — Господин Оррак на миг пренебрежительно оглянулся на мужчину, замершего за его плечом. — Она почитала это за достоинство, но на деле для амадэя это оказалось самым большим недостатком.

— Мы обязаны быть человечными. И обязаны оставаться людьми, что бы с нами ни произошло.

— Правда? — кажется, колдун развеселился. — Скажи, Арон, человек вынесет вечную жизнь? Вынесет осознание того, что всё вокруг умирает и обретает покой, кроме него? Сможет ли человек выносить абсолютно беспристрастные решения, любить и прощать всё вокруг, отдавать самого себя без остатка, не получая ничего взамен?

— К этому должны стремиться все люди.

— Те, кто может этого достичь — не люди, а святые. Арон, взгляни правде в глаза. Люди — это стремление выжить любой ценой. Люди — вечный плен души в собственных телах. Те немногие, что пытаются бороться со своими естественными животными потребностями, всё равно проигрывают; а раз так, зачем менять свою природу? Ведь люди есть только люди. Природа, склонная к разврату и утехам, к обогащению за счёт разрушения, лжи, распрей и войн. Природа, чей путь усеян раздорами. Природа, в которой априори заложено стремление к конфликтам. Даже искусство, самое высокое из всего ими созданного, замешано всего на двух явлениях — любовь и смерть... похоть и кровь. Вот всё, чем они живут. И ты хочешь сказать, что такими вы обязаны быть? — господин Оррак обернулся и благосклонно повёл рукой: кончик указательного пальца, казалось, светился кровавым багрянцем. — Нет, Арон, вы не имели и не имеете права быть человечными. Всё, что есть в людях хорошего — уже не людское. И главной вашей ошибкой было то, что вы об этом забыли... а, может, чьей-то ошибкой было то, что вам этого не рассказали.

Арон долго молчал.

Потом поднял взгляд — глаза его сияли неотражённым светом.

— Мы — дети Её. Той, что выше всех нас. И не тебе судить, демон, ни о нас, ни о ней, — голос его был тих, но что-то в его звучании заставило колдуна сделать шаг назад. — Она верила в нас. И продолжает верить. В каждого из нас. В убийцу, в вора и в насильника. Верит в тех, кто не верит в неё. И то, что делает нас людьми, то божественное, что живёт в

нас — души, которые никогда не умрут. Вечная жизнь, истинная вечная жизнь... Её величайший дар. Да, вся наша жизнь — это борьба души и тела, борьба света и тьмы, борьба с главным врагом: тем, что таится внутри нас. Да, не всегда душа берёт вверх, но разве не главное то, что мы боремся? Дорога тела широка, ровна и гладка, ибо идти под откос легко. Дорога души — узкая, торная, едва различимая, порой лишь каменная нить над бездной. Но сколько бы ты ни падал, тебе всегда дадут шанс подняться. И протянут руку, чтобы помочь. — Амадэй смотрел во тьму под капюшоном прямо и спокойно: глаза его светились тихой грустью и радостью, что была ещё тише. — Мы — дети Её. Любимые дети. Возлюбленные создания и прекрасные творения. Да, природа наша двойственна, но вечная борьба противоположностей — вот что даёт нам шанс, вот что даёт нам стремление и цель. Она любит нас. Она верит в нас. Верит, любит... и ждёт.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Смотрели до тех пор, пока глаза под чёрным капюшоном не полыхнули тревожным жёлтым светом — чтобы тут же исчезнуть вновь.

— Увы, немногие способны встать лицом к жестокой истине, — наконец отвернувшись, небрежно бросил господин Оррак. — Так ты всё же хочешь того, ради чего пришёл сюда?

— Да.

— Даже несмотря на то, что я не имею права вас судить?

Арон улыбнулся бесконечно печально.

— Я ищу ту, что когда-то обрёл на муки. Её боль — моя боль. Я не имею права отступить. Я пойду за ней до конца, куда бы ни потребовалось.

Директор Школы Колдунов соединил ладони в жесте, походящем на молитвенный.

— Дело твоё, — бросил он равнодушно. — Что ж, смотри, Возлюбленный Богиней... и запоминай.

Когда он резко и широко раскинул руки, зеркало полыхнуло серебром. Волна света разошлась по стеклянной глади, без следа стерев кровавые руны, и отхлынула к деревянной раме. В прояснившемся зеркале на долю мига возник сад, где вокруг чёрного дракона, извергавшего воду вместо огня, шелестела сирень — и словно на крыльях гигантской птицы картинка понеслась вперёд: над огнями Камнестольного, сквозь мрак цверговых туннелей, сквозь холод Штолен... и, на мгновение заволочшись чернотой, в следующий обернулась горными пиками и заснеженными долинами, покрытыми глазированными лесами.

Пролетев под ночным небом, перемигивавшимся крупинками звёзд, изображение замерло над очередной небольшой долиной; сияние по краям стекла сделалось болезненно ярким.

— Надо же. Как славно мы защищены. — Господин Оррак медленно, с видимым

усилием стал сводить руки. Зеркало дрожало, картинка судорожно мерцала, и порой на долю секунды ночь, горы и снег сменялись чем-то другим, неясным и расплывчатым — но лишь на долю секунды. — А что насчёт этого скажешь?

Под капюшоном вспыхнули две золотые звезды, деревянная рама треснула, сияние до боли резануло глаза... и изображение в зеркале снова двинулось вперед: над лесом, над острыми шпильями чёрного замка, сквозь витражные окна и темноту коридоров с высокими каменными сводами — пока в лунных лучах, полосовавших винтовую лестницу, не мелькнула тонкая фигурка в штанах и светлой рубашке.

На пару мгновений зеркало явило демону, волшебнику и амадэю бледное личико в оправе коротких тёмных прядей. В свете луны глаза на этом лице сияли серебром лишь чуть менее ярким, чем то, что рамкой разливалось по стеклу.

На третье мгновение зеркало брызнуло осколками — и битые стекляшки, на глазах обращаясь в пыль, осыпалось к ногам господина Оррака.

— Это было занятно, — опустил руки, изрёк колдун. — Творить охранные чары твоя сестричка умеет, нечего сказать.

— Значит, это место всё же наверху, — произнёс Арон глухо.

— Надеюсь, ты не разочарован. — Щелчком пальцев заставив стеклянную пыль исчезнуть, господин Оррак уставился на светлое пятно стены, обрамлённое треснутой деревянной рамой. — Жаль, жаль. Хорошее было зеркало. Много повидало.

— Благодарю. Свой долг мне ты отдал.

— Не стоит. В сравнении со своим братом ты попросил сущую безделицу. И нет, не спрашивай о его просьбе, всё равно не скажу. — Демон неторопливо вернулся за стол. — На прощание напоминаю, что без моего разрешения перемещаться лучше из-за пределов Школы. Не то это может привести к непредсказуемым и печальным последствиям... даже одного из Шестерых. Особенно одного из Шестерых.

Странник безразлично отвернулся в ответ.

Откинувшись на спинку кресла, директор Школы Колдунов задумчиво наблюдал, как незваные гости движутся к выходу.

— Скажи лишь одну вещь, Арон, — молвил он неожиданно. — Ты увидел её там, где хотел увидеть?

По глазам Странника было видно: он явно удивлён, что Арон остановился.

— И да, и нет, — после долгой паузы произнёс амадэй.

— «Нет», потому что в этом замешан твой брат?

— Да.

— А «да»?

— Потому же.

И вышел — теперь уже не позволяя остановить себя никому и ничему.

Когда Таша вернулась в комнату, Алексас сидел на постели: одеяло наброшено на плечи, неподвижный взгляд устремлён в огонь, мерцавший тёплыми абрикосовыми сполохами.

«Рассказывай», — тихо велел он, перебирая янтарные чётки.

Таша упала на свою половину кровати, надеясь, что ноги её рано или поздно согреются. На прогулке в облаках сапоги ей не были нужны, зато при возвращении в башню по ледяным камням, которыми в этом замке отделали пол, ещё как понадобились бы.

Как следует собравшись с мыслями и кое-как приструнив чувства, она рассказала обо всём, что слышала в библиотеке.

«Выходит, теперь мы спасаем мир. Ни много ни мало, — закончила Таша. — И первый шаг к спасению мира делаем уже завтра».

Алексас сидел, глядя в стену бесконечно усталыми глазами, ничем не выказывая удивления.

«Всё слышал, Найдж?» — спросил он, наконец нарушив молчание, которое хранил на протяжении всего рассказа.

«Слышал. И всё равно ни единому слову этого эйрдаля не верю, — откликнулся колдун откуда-то с другой половины замка. — Даже насчёт Врат».

«А я верю».

«Слишком многое сходится, — поддакнула своему рыцарю Таша. — Я дала предварительное согласие на его план, но могу отменить всё завтра. В любой момент. — Она неуверенно посмотрела на Алексаса. — Всё зависит от вашего решения».

«Кажется, королева у нас тут одна, — мягко напомнил тот. — И королевы не привыкли подчиняться презренным рыцарям».

«Дурак. — Таша сердито села. — Я не хочу рисковать вашими жизнями. И не надо мне говорить, что если мы провалимся, Лиарчик будет вынужден вмешаться: спасти он будет меня, а не вас!»

«Мы знали, на что идём», — без особых сожалений ответил Найдж.

Откровенно говоря, на самом деле Таша не верила в то, что они могут умереть. Не могла поверить. Не могла представить. Ведь они были здесь, живые, и казалось, что так будет всегда.

Они же хорошие люди. Им же не за что умирать.

Но какая-то частичка её помнила могилы из её сна. Наверное, та частичка, которая периодически воплощалась девушкой в чёрном. И эта частичка нашептывала ей, что завтрашний день для кого-то из них вполне может стать последним.

«Я не могу допустить, чтобы вы погибли! А если мы провалимся... если Андукар нас предаст...»

«То эта страшная история в любом случае закончится, — произнёс колдун нетерпеливо. — Даже если не провалимся сейчас, даже если не сделаем того, что поможет нас раскрыть — что дальше? Если твой эйрдадь предатель, он и так найдёт, как нас подставить. Ты рассказала ему достаточно, чтобы вызвать гнев Зельды. При любом раскладе».

«Шансы на благополучный исход изначально были ничтожно малы, — добавил Алексас. — Но на крайний случай у нас всегда есть то, что вытащит нас отсюда. Ведь о том, что на шее ты носишь портал, Андукар не знает, надеюсь?»

Таша помотала головой.

Довольно-таки угрюмо — но на душе стало чуточку легче.

«Пойми: у нас не было и нет иного пути. Ставки слишком высоки. Отныне на кону стоит всё, что ты знала, всё, что ты любишь. — Алексас легонько коснулся её пальцев. — Если мы не рискнём сейчас — мир, каким мы его знали, мир, в котором можно жить и который можно любить, уничтожат».

«И ради этого, мне кажется, стоит умереть», — просто закончил Найдж.

Таша запустила пальцы в волосы.

Зло, которое кажется таким не злым; невинные, которые могут умереть; друзья, которые могут погибнуть за тебя...

Твоя жизнь, с которой ты можешь расстаться.

Забавно. Даже если у них всё получится, они обрекут на смерть сотню невинных и сотню подневольных — чтобы тысячи невинных продолжили жить там, по ту сторону гор, в ничего не подозревающей Долине. Чтобы тысячи невинных никогда не смогли бы стать подневольными.

Ведь госпожа Ингран была права: когда в этот замок придёт король, он вряд ли будет разбираться, кто из сотен членов «Рассвет» подчинился Зельде из любви к ней, а кто из любви к тем, кого она пленила. Но ради того, чтобы Врата навсегда остались закрытыми...

Наверное, ради этого действительно стоит потратить не только свои жизни, но и чужие.

Перед глазами отчего-то всплыло лицо Лиара, полускрытое капюшоном. То, которое она видела во сне, когда у озера он говорил ей, что тьма и свет — стороны одной медали. Теперь и ей, Таше, предстоит бросить монетку на каждую чашу весов. Смириться с меньшим злом, дабы предотвратить большее. Добавить в этот мир капельку тьмы, чтобы в нём сохранился свет.

Демоны.

Ненавижу тебя, подумала Таша устало. Ненавижу тебя, враг мой. За всю боль, что причинил мне и другим. За то, что я надеюсь на тебя. А больше всего — за то, что ты был прав.

Бывают моменты, когда твою правду жизни действительно невозможно осуждать.

«Пообещайте мне одно, — в мыслях произнесла она негромко. — Вы постараетесь выжить. Во что бы то ни стало».

«Обязательно», — хором пообещали оба.

«Не печальтесь, принцесса, — добавил Найдж. — Считанные часы — и янтарные безделушки вернут нас в «Венец», хотим мы того или не хотим. А чуть больше суток в живых продержаться несложно».

Это и правда успокоило. Таша откинулась на подушку; глубоко выдохнула, чувствуя, как немножко распускается тревожный комок внутри.

Тоскливо пошевелила озябшими пальцами на ногах.

«И что у эйрдалей за магия такая? — печально спросила она. — Даже обувь твою тебе призвать не могут».

«Их магия предназначена исключительно для выживания и охоты. — Кажется, в своей комнате Найдж пожал плечами. — Превратиться во что-нибудь, перенестись куда-то, очаровать, прочесть мысли... Они даже иллюзии из собственной тени творят, не иначе. Использовать стихийные силы силёнок не хватает».

«И как же Андукар перенёс меня к себе, если он не владеет подобными силами?»

«Куда делась записка, которую он тебе прислал?» — вмешавшись в разговор, напомнил Алексас.

Таша честно напрягла память — но удовлетворительного ответа та ей не подкинула.

«Я... не помню. Когда переносилась, ещё была. Когда встала в библиотеке, уже нет».

«В том-то и дело. Наверняка это была не простая бумажка, а та самая иллюзия из частички его тени. Как и симпатичная летучая мышка».

Таша изумлённо вскинула брови:

«Тени?..»

«Тени у эйрдалей... особенные. При большом желании они даже могут её оживить. Очень полезное умение, когда нужно загнать кого-то в угол. А мгновенно призвать свою тень обратно может любой эйрдаль. Те же, кто посильнее, в силах вместе с ней призвать то, с чем тень соприкасается».

Как интересно, отстранённо подумала Таша. А ведь об этом в книжках не писали.

«Если позволите, я бы предпочёл закончить разговор, — резюмировал Найдж. — Нужно поскорее связаться с Герландом, чтобы в случае чего он смог объяснить Основателям причины нашей безвременной кончины».

«Найдж», — протянул Алексас со смесью угрозы и укоризны.

«Уже и пошутить нельзя, — откликнулся тот с самым искренним смехом. — Подумайте пока лучше над костюмами для завтрашнего бала. Нехорошо будет посрамить честь «Венца» перед Зельдой, верно? И не грустите, Ваше Высочество. Всё будет хорошо!»

Ощущение некоей пустоты оповестило Ташу о том, что сеанс связи окончен.

— Только и мечтала, что блеснуть красотой на балу злобных эйрдалей, — проворчала она, плотнее закутываясь в одеяло.

— Мечтам свойственно сбываются, — со смешком заметил Алексас. Спокойный и улыбчивый.

Совсем не спешащий возобновлять разговор, прерванный явлением летучей мыши.

Таша поёрзала в постели, время от времени передёргиваясь от холодной дрожи. Покосилась на своего рыцаря, отстранённо перебиравшего четки: янтарь в его пальцах отблескивал солнечными бликами — словно привет из такого далёкого лета.

Может, события получасовой давности ей просто приснились?

...с другом, заметь...

Нет, его поведение решительно не походило на поведение влюблённого мальчишки. Как там в книжках благородные рыцари страдали по прекрасным дамам? Жадно ловили каждый их взгляд, дожидались под балконом, пожирали страстными глазами... И пусть любой расценил бы их отношения с Алексасом как прекрасное и светлое чувство — Таша-то прекрасно знала, что это не так. Ещё полгода тому назад знала.

Да, конечно, недавно они явно немножко изменились. Но с окончанием Двоедушия в

Алексасе изменилось всё.

И всё же...

— Алексас, — очень тихонько позвала она.

— Да?

Таша в нерешительности натянула одеяло до самого носа.

...а если прогулка в облаках ей и не приснилась, что с того? Он её рыцарь. И очень хороший друг. Он не раз выручал её из беды, они так много вместе прошли. Конечно, он её любит, как и она его... по-дружески. Он уже говорил ей «я тебя люблю»: не раз, как и Джеми. И сейчас он просто хотел утешить её после гибели Тальрин — что успешно и сделал.

А Найдж со своими намёками вполне мог ошибаться.

Да, конечно, он самый привлекательный молодой человеком из всех, что Таша видела в жизни. И он умён, силён, благороден и знатен. И он готов умереть, только чтобы не дать её в обиду. И полчаса назад четыре его слова заставили её перестать дышать, и вообще в последнее время он занимает подозрительно большую часть её мыслей; и что-то искристое и светлое, захлестнувшее душу в мгновение танца между небом и землёй, до сих пор там теплится...

Глубоко вздохнув, Таша закрыла глаза.

— Спокойной ночи, — пробормотала она.

В темноте перед закрытыми веками она услышала, как негромкий перестук четок стих.

— Доброй ночи, моя королева.

Чувствуя себя очень, очень одиноко, Таша отвернулась к окну.

В конце концов, сейчас ей попросту некогда размышлять над тем, как обернулась бы ситуация, не возникни та треклятая летучая мышь. А вот если они переживут завтрашний день, можно будет когда-нибудь вернуться к этому разговору.

Если, конечно, у неё когда-нибудь наскребётся столько смелости и глупости, чтобы спросить «а как именно ты меня любишь».

Демоны, и хоть бы посоветоваться с кем можно было! Хотя, наверное, любой другой на её месте не расценивал бы эти слова двойко... но любой другой и не знал об их отношениях с Алексасом столько, сколько она.

— Ты оципываешь одеяло, — заметил он.

— И что? — буркнула Таша: осознав, что всё это время она сосредоточенно выдирала пальцами пушистую шерсть, скатывая её в катышки.

— Когда ты ощипываешь одеяло, ты нервничаешь. А если будешь всю ночь нервничать, то не выспишься и не сможешь завтра исполнить свою мечту, поразив злобных эйрдалей своей красотой.

Таша почти хихикнула.

Нет, она никогда не смогла бы сказать Алексасу, какой мыслью обернулась её надежда. Надежда на то, что Арон сможет вернуть Джеми. Потому что этим вечером она поймала себя на ужасной, бесчеловечной, предательской — и очень простой мысли.

Которая заключалась в том, что так ли уж она хочет возвращения того, кто был и всегда будет третьим?..

— Любопытный факт, — когда она почти уже задремала, невзначай заметил Алексас. — Двум людям под одним одеялом теплее, чем двум людям под двумя разными одеялами.

— И что? — сонно спросила Таша.

— Через пару часов камин догорит. А потенциально последнюю ночь в своей жизни я бы предпочёл провести в тепле.

Осознав, на что он намекает, Таша тихо фыркнула, потеряв друг о дружку так и не согревшиеся ступни.

— Смотрю, шантаж входит в привычку?

— Если после прошлой ночи у тебя всё ещё остались справедливые сомнения касательно моих высоких моральных качеств, могу тебя успокоить. Бурные события сегодняшнего дня не оставили мне никаких сил на какие-либо посягательства на чью-либо честь. Сейчас ты интересуешь меня не как моя королева, а исключительно как живая грелка.

— Что, правда?

— Разве что самую капельку неправда.

Таша, конечно, не могла этого видеть, но на улыбку Алексаса у неё уже развилось какое-то животное чутьё. Она могла поклясться, что он улыбался; и догадка эта подтвердилась, когда спустя некоторое время она всё же повернулась к нему лицом.

Таша, конечно, старалась на него не смотреть, — но не делать этого, заползая под его одеяло, было довольно сложно.

— Ни слова, — сонно пробормотала она, на всякий случай мстительно ткнув его ногтем

В грудь.

— Разве что доброе пожелание, — мирно откликнулся Алексас. — Тёплых снов, моя королева.

Она подложила ладонь под щеку — и, ныряя в убаюкивающую тьму перед глазами, ещё успела почувствовать, как он обнимает её, тихо и бережно прижимая к себе, зарываясь носом в её волосы, согревая теплом рук и дыхания.

Но отстраняться и вырываться не стала.

В конце концов, эта ночь действительно была потенциально последней ночью в их жизни. А когда ты знаешь, что хорошие вещи, от которых ты отказался сегодня, могут больше никогда не произойти — это разительно меняет твои взгляды на то, от каких вещей не стоит отказываться.

* * *

Лив ненавидела это. Ненавидела черноту, в которую проваливалась без возможности выбраться по собственной воле. Ненавидела странную музыку, звучащую в эти мгновения в её голове.

Хотя она сама в этот миг находилась в своей голове. Вся она.

А музыка была действительно странной — механической и звенящей, словно бы из музыкальной шкатулки. Прилипчивый, навязчивый мотивчик. И со временем мелодия играла всё медленнее и тише, как в настоящей музыкальной шкатулке, пока не становилась искажённой до неузнаваемости, а слух не мог уловить нот. В тот момент, когда музыка прекращалась и шкатулка останавливалась, Лив просыпалась; но до этого момента она находилась в странном... ничто. Нет, это не был сон — к ней прорывались обрывки голосов, которые слышали её уши, и тепла, которое ощущали её губы. Отголоски ощущений, которое испытывало её тело. И всё это время она стояла в черноте, не имеющей направлений и границ, не имея возможности разглядеть даже собственной руки, не имея возможности сделать хоть что-то.

Поэтому она даже радовалась, когда в какой-то момент из темноты начинал звучать голос.

— Ты боишься меня?

Лив чувствовала его присутствие. И голос... он звучал так реально и так близко, что казалось, протянешь руку — и коснёшься его обладателя.

— Нет.

В этот раз темнота особенно пугала. Два раза шею сводило назойливой ноющей болью, после чего Лив ощутила слабость и дрожь в руках. И она уже поняла, что все ощущения здесь значительно приглушены по сравнению с тем, что она действительно чувствовала. Сюда доносилось лишь эхо реальности.

Если она ощутила такое здесь — страшно подумать, что же творилось в это время с её телом.

— Почему же? Меня стоит бояться.

— Я тебя ненавижу. Бояться глупо.

Лив действительно не боялась его. Ей рассказывали, что он делал с мамой и с Ташей — но это не пугало её, а злило.

— Храбрая девочка. — Голос тихо засмеялся. — Жаль, что храбрые дети чаще всего плохо заканчивают. У них нечасто достаёт храбрости, чтобы не прятаться под кроватью при появлении зла, но ещё реже им достаёт сил, чтобы этому злу противостоять.

— Убирайся, ты, слышишь? Скоро мы тебя найдём, и Мастера с Кесом и дядей Ароном тебя в порошок сотрут!

— Сомневаюсь.

Лив вздрогнула: голос звучал прямо за её спиной, и это странное ощущение в кончиках волос...

— Почему ты не уходишь сразу, как тебе перестаёт быть нужным моё тело? Я не хочу тебя слышать!

— Мне интересно. И не в моём стиле пользоваться чужой вещью, не перекинувшись словечком с её владельцем.

Лив помнила, как впервые услышала этот голос. Тихий, спокойный, такой безопасный...

Гулять по большому городу одной оказалось неудобно, но Лив спрашивала дорогу у прохожих. Только у женщин, как учила мама. Ей милостиво рассказали, где находится ближайшая контора колдуньи; так что, привязав Принца у входа под вывеской в виде восьмиконечной звезды — октограммы, ей про них Джеми рассказывал, — Лив вошла в комнатку, где в кресле сидела с книжкой женщина в тёмно-серой мантии. Колдунья встретила Лив подозрительно, но когда девочка протянула ей золотой (один из десяти, позаимствованных из комнаты дяди Арона) и сказала, что хочет найти сестру, вроде бы успокоилась. Правда, спросила, знают ли родители, что Лив здесь, но Лив уверенно кивнула и сказала, что ей очень-очень нужно.

В итоге колдунья всё же достала из шкатулки на столе карманное зеркальце и, отрезав у

Лив прядь волос, зажгла чёрные свечи, горевшие зелёным огнём.

Лив следила, как женщина сжимает волосы в ладони, пока лицо её становится всё более удивлённым. Потом, с непонятной злостью кинув чёрную прядь на стол, она достала кинжал и сказала, что ей нужно взять у Лив немножко крови; нельзя сказать, что Лив в этот момент не было страшно, но разве что самую капельку. Колдунья сожгла волосы и смешала пепел с кровью, а потом капнула этим на зеркало, добавив туда каплю воска с чёрной свечи; и когда она наконец поманила Лив пальцем, предложив ей заглянуть в зеркальную гладь, девочка увидела Ташу, бредущую по заснеженному лесу... на один-единственный миг.

Пока что-то не потянуло её в зеркало, словно в омут.

Лив долго падала куда-то, хотя падать было вроде бы некуда. Когда падение закончилось, вокруг была эта страшная, сосущая чернота, и ничего и никого вокруг... кроме чьих-то тёплых спокойных рук, вдруг обнявших её за плечи.

— Не бойся, Лив.

— Кто ты? — она рванулась, но её удержали.

— Я не причиню тебе вреда. Я помогу тебе выбраться отсюда.

Его голос был таким ласковым... Сейчас-то она понимала, что мама была права. Незнакомцам никогда, никогда нельзя доверять.

Но в тот момент почему-то перестала вырываться.

— Где я?

— Внутри своего сознания. Разреши мне занять твоё тело, и я вытащу тебя отсюда.

— Разрешить что?..

— Просто скажи «разрешаю», и всё. Скажешь? Тогда я вытащу тебя отсюда. И мы вместе поможем Арону спасти Ташу.

— Правда? Ты сможешь... Но кто ты?

— Старый знакомый вашей мамы.

— Да? Но...

— Просто скажи «разрешаю». Пожалуйста. Разрешаешь?

Почему-то тогда смысл его слов ускользнул от неё. Почему-то тогда она не усмотрела в этих словах ничего сомнительного. И почему-то тогда ей не вспомнилось, что маленьким девочкам не стоит доверять незнакомцам, и не сообразила: она ведь ни разу не видела и не

слышала их с Ташей врага, и это вполне может оказаться...

Ошибки, ошибки, которые Лив потом так и не могла себе простить. Даже если он очаровал её (а он скорее всего очаровал её), дела это не меняло. Потому что тогда она успокоилась — вокруг была странная и страшная чернота, а его голос и тёплые руки на плечах заставляли чувствовать себя в безопасности — и сказала «разрешаю», и он погладил её по волосам и исчез, оставив её одну в этой черноте; и в тот же миг зазвучала эта музыка, и Лив кричала, перекрывая звенящую мелодию, пока не охрипла. Потом ей почему-то стало тепло, словно она вошла с мороза в тёплый дом, и Лив стала различать голоса: там была госпожа Лиден, и дядя Арон тоже, и — странно — её собственный голос... И когда мелодия смолкла, чернота исчезла, и она открыла глаза уже наяву — чтобы обнаружить, что она вовсе не в конторе нордвудской колдуньи, а дома, в башне звездочёта, и над ней склонилась обеспокоенная госпожа Лиден.

Но как она вернулась домой, Лив не помнила.

С тех пор это и началось. Только с тех пор он больше не спрашивал разрешения.

Одного-единственного неосторожного «да» оказалось достаточно.

— Ты говорил, что не причинишь мне вреда! — кричала она в следующий раз: не потому, что надеялась услышать оправдания, просто от бешенства и бессилия.

— Разве я причинил тебе вред?

— Ты говорил, что вытащишь меня из темноты!

— Разве после ты не вернулась обратно?

А ещё он смеялся. Каждый раз, когда говорил с ней в черноте. Иногда просто интересовался, как дела. Иногда задавал другие вопросы. Поначалу она не отвечала: просто кричала и пыталась приблизиться, чтобы сделать с ним... что-нибудь.

Потом, когда поняла, что ей этого не удастся, продолжила кричать, но уже в ответ.

— Скоро тебя не будет. — Лив сжала кулачки. — Мы уже совсем близко.

— О, да. Вы пошли по ложному следу, но моё вмешательство вернёт Арона на верный путь.

— И когда мы убьём Зельду, настанет твоя очередь!

Он вновь тихо рассмеялся:

— Какая кровожадность. Я в девять лет таким не был.

Музыка потихоньку стихала — Лив знала, что скоро вернётся в свет.

— Ты не веришь мне?

— Верю. Ты бы с радостью меня убила — во всяком случае, сейчас ты сама в это веришь. Но тебе это не под силу... ни тебе, ни твоим новым учителям.

— Дядя Арон это сделает!

— Если бы я ещё ему позволил. — Это явно его позабавило. — К тому же он сам виноват во всём, что происходит, и он прекрасно об этом знает.

— Он виноват?! Это ты убил его возлюбленную!

— Я к этому причастен, — голос сделался непривычно мягким. — Тоже.

— Причастен?! Ты...

— Будь хорошей девочкой, ладно? — завод «шкатулки» истекал: едва слышная мелодия уже не пела, а заикалась. — И держись своего дракона.

Лёгкая рука коснулась её макушки, Лив обернулась, пытаясь её перехватить...

Последняя нота механического мотивчика звякнула во тьме оборванной струной.

Лив дёрнуло и потащило куда-то. Затем она ощутила жгучую боль в шее — и, схватившись за неё, поняла, что лежит и смотрит снизу вверх на лицо Иллюзиониста.

— Тихе, тихе. — Волшебник перехватил её ладони. — Ты не ранена. Ты просто чувствуешь боль Кеса.

— Жжёт!

— Придётся потерпеть. Ты стойкая девочка, ты сможешь, правда?

Испытывая жуткое желание расчесать себе кожу в кровь, Лив села на его колени. Повернула голову, посмотрев на чешуйчатый драконий бок и двух Мастеров, дремлющих рядом.

Оглядела тёмный туннель, освещённый волшебным костерком, неярко горевшим в воздухе перед ними — и открыла рот, увидев чуть поодаль огромную тушу скользкой чешуйчатой твари.

— На нас напали, — предугадав её вопрос, ответил Иллюзионист. — Виверн. Подземный дракон. Он мёртв.

Да что тут вообще произошло? Где дядя Арон и Странник?..

— Кес... ранен? — Лив трясло, в руках и ногах ощущалась жуткая слабость.

— Да, но вскоре оклемается.

— А где дядя Арон?

— Ушёл вместе со Странником. Ненадолго. Они скоро вернутся.

Чтобы не дать собственным пальцам тянуться к шее, Лив отчаянно вцепилась в руки волшебника.

— А я думала, если Кеса ранят, у меня тоже будет кровь...

— Нет, крови у тебя не будет. Но ты будешь чувствовать его боль так, словно тоже ранена.

— И если он умрёт, то...

— Да. — Иллюзионист не пытался отнять рук, хотя пальцы Лив вцепились в его ладони до боли. — Тут ничего не поделаешь.

— Мне казалось, Кесу никто никогда не сможет навредить.

— Немногие могут это сделать. Но кто-то всё-таки может.

Лив посмотрела на мёртвого виверна со смесью брезгливости и любопытства. Всё равно это лучше, если бы я осталась в Школе, подумав, решила она. Там бы мне тоже было больно, но я даже не знала бы, отчего.

— Знаете, — тихо сказала она, — когда он приходит... я оказываюсь в темноте. И там ещё звучит музыка...

Лив хотелось с кем-то поделиться своими мыслями по этому поводу. И из всех, с кем она коротала последние дни, Иллюзионист (ну ещё Кес, но он мог и не знать ответов на интересующие её вопросы) казался ей наиболее достойным того, чтобы делиться с ним секретами. На дядю Арона она до сих пор немножко злилась.

— Твоё сознание должно где-то пребывать, пока он занимает тело, — печально откликнулся волшебник. — Темнота, говоришь? А голоса ты слышишь?

— Плохо. Иногда.

— Чтобы после ты не смогла никому ничего рассказать. — Иллюзионист вздохнул. — Ничего не поделаешь, Лив. Когда-то ты дала ему разрешение. Теперь придётся терпеть.

— Я и терплю. Я вообще не жалуясь.

— А что тогда?

— Просто... Один мой друг... Его брат когда-то умер, и он пустил его в своё тело. И теперь их телом управляет то один, то другой. — Лив надеялась, что объясняет более-менее понятно. Хотя бы менее. — И я подумала...

Заклинатель, до сего момента вроде бы преспокойно дремавший, моментально открыл глаза.

— Двоедушие? — вкрадчиво осведомился он. — Ты говоришь о Двоедушии?

Лив в искреннем недоумении пожала плечами.

— Вряд ли девочка знает, что это, — мягко напомнил Мечник: как выяснилось, тоже вовсе не спавший.

— Это богомерзкий обряд, запрещённый Ликбером Великим, вот что это. — Впившись взглядом в лицо девочка, Заклинатель выпрямился. — Кто этот друг? Кто сделал это с ним?

— Его учитель. Он их с братом воспитывал.

— Имя!

— Я не знаю, — честно ответила Лив.

Если бы она знала, конечно, всё равно бы не сказала. Однако сейчас взять с неё действительно было нечего.

— Он колдун?

— Ага, — подумав, подтвердила Лив.

Она не знала, зачем Заклинатель допрашивает её, но что-то ей подсказывало, что учитель Джеми и Алексаса сделал нечто не очень хорошее. И поскольку Джеми с Алексасом любили своего учителя, лучше не помогать Заклинателю его найти; а если обмолвиться о том, что учитель братьев — альв, круг поисков значительно сузится. Вряд ли по Аллиграну разгуливает так уж много альвов.

— А как зовут твоего друга?

Не обманувшись ласковым голосом волшебника, Лив мотнула головой.

— Ну же. Скажи. Мы не сделаем ему ничего плохого... просто поговорим.

— Не скажу.

— Если не скажешь, девчонка, — в один момент изменив интонацию на ледяную,

отчеканил Заклинатель, — вылетишь из Школы, ещё не поступив.

— Ничего не знаю, — упрямо повторила Лив, решив идти до конца.

— А вопрос о принятии ученика решается голосованием Шестерых, — непринуждённо напомнил Вер. — На твоё слово есть слова остальных пятерых.

Вид Заклинателя вдруг чем-то напомнил Лив дракона, которому только что посулили дюжину сочных овечек, а потом посадили на цепь и оставили глотать голодные слюнки.

Несмотря на то, что Мастер Заклинатель был первоклассным волшебником, возраставшим не одно поколение талантливых и даже бесталанных учеников, ставших в свою очередь... ну, не первоклассными, но очень даже неплохими волшебниками — он не слишком хорошо понимал, как нужно вести себя с детьми. И когда какой-то ребёнок оказывался вне рамок его преподавательского авторитета, Заклинатель совершенно терялся, зачастую ведя себя абсолютно беспомощно.

То, что он прекрасно это осознавал, лишь усугубляло ситуацию.

— Так вот, — нетерпеливо подёргав Иллюзиониста за рукав, вернулась к разговору Лив, — когда мой друг не управляет своим телом, он тоже оказывается в темноте?

— А бывает так, что братья разговаривают друг с другом? Как будто человек говорит сам с собой?

— Конечно! Постоянно.

— Вот видишь. Если б твой друг в это время был в темноте, вряд ли он смог бы разговаривать с братом.

Лив покивала с облегчением.

А потом, на свою беду, спросила:

— И где он тогда в это время?

— Как я понимаю, смотрит на мир вместе с братом. Но видит только то, что в этот миг видит его тело, слышит то, что слышит его тело... чувствует то, что чувствует его тело. И абсолютно беспомощен. — Иллюзионист накрыл её ладони своими, словно в знак утешения. — Его руки, ноги, губы и глаза подчиняются другому человеку. Он двигается помимо своей воли. Он смотрит туда, куда не хочет. Его губы размыкаются, когда он хотел бы смолчать.

— То есть темнота даже лучше? — помолчав, тихо спросила Лив.

— Возможно. В чём-то.

Шею, о которой Лив забыла на время разговора, снова обожгло. Поёрзав на коленях волшебника, она неуверенно покосилась на Заклинателя.

Всё же решившись, подалась вперёд: к уху Иллюзиониста, щекочущемуся обрамлявшими его золотыми кудрями.

— А вы не можете как-нибудь ему помочь? — прикрыв губы ладонью, прошептала она. — Чтобы у них у каждого снова стало своё тело?

Под испепеляющим взглядом Заклинателя Мастер безо всякого смущения склонился к лицу девочки:

— Если познакомишь меня со своим другом, — заговорщицки шепнул он в ответ — тоже на ушко, — попробую.

Наблюдая за их шушуканьем, Мечник усмехнулся с какой-то снисходительной нежностью.

— Правда?

— Правда. — На миг отстранившись, кончиком пальца Иллюзионист задорно поддел её нос. — Я ведь наследник Ликбера, как-никак. Что-нибудь да могу.

— А ты не выдашь его Заклинателю?

— Ни в коем случае. Я детей не обижаю.

Лив никогда не мечтала о старшем брате. Ей вполне хватало сестры.

Но сейчас она поняла, что если бы хотела старшего брата — то только такого, как Вермиллион Морли.

Когда Арон и Странник шагнули вперёд, словно соткавшись из темноты Штолен, трое волшебников и драконья избранница вскинули головы с одинаковым напряжением.

— Что хорошего скажете? — со своей извечной шутливостью осведомился Иллюзионист.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но мой брат не лгал. — Амадэй обвёл всех четверых усталым взглядом. Мельком посмотрел на спящего дракона. — Таша действительно наверху. И я надеюсь, что кое-кто придёт в себя достаточно скоро, чтобы доставить нас в нужное место к нужному часу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАСКАРАД

— Дурацкая это всё-таки идея, — поправляя маску, буркнула Таша. — И зачем нужно было так выразаться?

— Моя королева, учитесь получать удовольствие при каждом удобном случае, — поучительно откликнулся Алексас.

— Тем более кто знает, представится ли нам следующий, — туманно заметил Найдж, первым вступая в бальный зал.

Иллюзии, которые он сотворил в качестве бальных нарядов, были на диво материальными: несуществующая парча тяжёлой юбки весьма убедительно волочилась за Ташей длинным сапфировым шлейфом, узкие рукава не менее убедительно сковывали движения. Волосы пришлось оставить распущенными — они были слишком коротки, чтобы собрать их в причёску. Картину довершили кружевные перчатки и маска в тон платью; и хоть зеркала в комнате не было, Таша сделала выводы о своём виде по тому, что прочла в глазах своих спутников.

С мужскими нарядами Найдж особо заморачиваться не стал. Наколдовал штаны, рубашку и камзол — алый себе, сапфирно-синий Алексасу, — обойдясь без кружев и позолоты. Впрочем, вступив в бальный зал, Таша понимала, что она скорее выделяется из толпы: большинство предпочло карнавальные наряды, и по изяществу отделки они не шли ни в какое сравнение ни с платьем, что Таше сшили к королевскому балу, ни с костюмом, в котором герцог Орек явился на королевскую аудиенцию.

Бальный зал, впрочем, тоже не особо походил на те, что Таша видела прежде.

Зал был огромен. И производил довольно-таки гнетущее впечатление. Вместо сверкающего мрамора отделали тем же камнем, что и по всему замку — зато куполовидный потолок и стены, скруглённые по углам, оказались зеркальными. В качестве украшения дворцовых зал часто использовали зеркала, но здешние стены и потолок не украсили зеркалами: они сами были единым огромным зеркалом. В пожелтевшем от времени куполе отражались медные люстры, горевшие приглушённым светом неярких волшебных огней, и маски под ними; из-за тусклого света тени в зале плясали наравне с людьми и эйрдалями. Игра отражений рождала ощущение, что зал бесконечен, и гости, пестревшие внизу, оттого казались ещё ничтожнее.

Довершала картину музыка, звучащая из ниоткуда, игравшая безо всяких инструментов. Она была чистой, мелодичной, безукоризненно подражавшей пению настоящих скрипок и флейт, но было в ней что-то... неправильное. Механическое.

Мёртвое.

А ещё в дальнем конце зала виднелся трон. Самый настоящий, с высокой спинкой, бархатной подушкой и занятой резьбой. Он был не просто на возвышении — он высился на широком балкончике, заботливо окружённом парапетом.

Вот там и появится Зельда, поняла Таша. Появится в конце бала, как появлялась всегда.

Если, конечно, верить рассказам Андукара.

«Зачем всё это? — спросила она вчера у эйрдаля. — Зачем вы устраиваете балы?»

Тот в ответ равнодушно и неопределённо повёл рукой.

«Попытка создать подобие блестящих дворов людей. Попытка походить на тех, кто привык скрывать свою личность только на маскарадах. Попытка забыть о том, кто мы на самом деле, и на пару часов притвориться теми, кем мы не являемся. — Он пожал плечами. — Зельде нравится будить в своих слугах... предвкушение будущей жизни. В конце концов, сейчас жизнь многих обитателей замка не слишком радостная».

Они шли сквозь толпу втроём, рассекая её, как мыс лодки — разноцветную воду. Окутанные незримым маревом чужих взглядов, окунаясь в созвучие смеха и шепотков, мирных разговоров и красноречивого молчания. Их встречали монархи и разбойники, ведьмы и рыцари, мантии и платья, лохмотья и королевские одежды — и маски, маски, маски...

Здесь все казались равными. Все казались людьми. Эйрдали и оборотни, века назад селившиеся в деревнях, чтобы под маской доброго соседа убивать женщин, детей и стариков. Кто-то из них не хочет убивать; кто-то лишь делает то, что им скажут, лишь бы живы были близкие. Кто-то — хочет.

И все хотят вернуться. Ибо всем им надоело прятаться.

Они хотят сорвать свои маски и править. Они хотят, чтобы люди сами отдавали им своих женщин, детей и стариков, перестав понимать, что это неправильно. Глупцы, обманутые ещё более жестоко, чем пришедшие сюда против воли...

Таша подобрала шлейф, накинув на руку пришитую к нему петельку, посмотрела в потолок, где правили бал отражения нечисти — и когда музыка стихла, готовая завести следующий танец, вложила пальцы в ладони Алексаса: чтобы вместе с ним пройти к центру, где кружились пары.

Да будет бал.

* * *

— И кто же всё-таки сообщил вам, где искать вашу возлюбленную дочурку?

Не обратив ни малейшего внимания на то, что сарказм в голосе Иллюзиониста значительно превышает норму, Арон поправил одеяло мирно спящей Лив:

— Доверенный источник.

Мечник лишь усмехнулся неодобрительно, прихлебнув из глиняной кружки.

Разговаривали тихо, чтобы не разбудить Лив. Мечник присел в кресле с кружкой парки, Заклинатель занял позицию за столом, живой компании снова предпочтя доску для аустэйна. Иллюзионист со Странником, материализовав колоду карт, играли в «болванчика» — вынуждая Вермиллиона Морли попутно упражняться в ментальном блоке. Арон ходил по комнате; ничто в нём не выдало бы напряжения, но это напряжение, сгущаясь, почти ощутимо искрилось в воздухе.

Мастера и амадэй вернулись на постоялый двор не так давно, скоротав почти всю ночь за обратной дорогой. Даже успели недолго вздремнуть.

Но по-настоящему расслабиться во время передышки, которую им предоставили до вечера, не мог никто.

— Близится финал, — высказался Мечник в пространство.

Арон молчал, размеренно вышагивая из одного угла комнаты в другой; когда амадэй поворачивался, концы шёлкового пояса подлетали ласточкиными крыльями.

— Как настроение?

Фортэнья шелестела при ходьбе. Шорох шёлка напоминал шуршание листьев: так по осени они, медленно умирая, кружат в своём первом и последнем воздушном вальсе.

— Рад, если хорошее, — не дождавшись ответа, невозмутимо произнёс Мечник. — А то мало ли... есть небольшая вероятность, что для кого-то из нас сегодняшний день станет последним днём.

Его товарищи не проявили ни малейшего признака того, что услышали это.

Арон посмотрел на волшебника. Спокойно, будто изучающе — хотя, казалось бы, что там ещё изучать? Всё, что хотел, амадэй мог увидеть в первую же минуту знакомства.

— Утешу вас только тем, — сказал Арон наконец, — что сегодня я тоже могу умереть. Бессмертие бессмертием, но от меча Зельды оно меня не спасёт.

— Или от меча вашего брата.

— Вряд ли. — Поразмыслив, Арон опустил в кресло напротив. — Во всяком случае, не сегодня.

— А когда?

— Когда он наиграется. И получит то, чего хочет.

— И чего же он хочет?

— Я догадываюсь. Но даже я не смогу сказать точно, пока он не объявит, что получил своё.

— Забавно, но иногда мне кажется, что вы им восхищаетесь.

— Нет. Не восхищаюсь. Уже нет. — Соединив кончики пальцев, амадэй взглянул на свои ладони. — Но я до сих пор чувствую вину перед ним. И... я помню, что он любил меня. А я любил его.

Мечник, криво усмехнувшись, поднёс кружку к губам:

— Пока не появилась женщина...

Пока он пил, Арон смотрел на него — во взгляде читался невысказанный вопрос.

— Да вы же сами всё знаете, чего спрашивать-то? — Мечник, морщась, прикрыл глаза. — Была одна... Я тогда уже магистром был. Требовала, требовала и ничего не отдавала. Вернее, отдавала, но другому. Я понял потом, правда. Но всё равно слишком поздно. — Допив последний глоток забористой цверговой бурды, Мастер с размаху опустил пустую кружку на тумбочку. — Я и в Школу вернулся с горя, можно сказать. И правильно сделал. Заботы другие стали, дети... радость. — Он помолчал. — Забавно, её давно уже на свете нет... она ведь смертная была, обычный человек... а здесь всё равно живёт. — Мечник опустил взгляд, будто разглядывая нагрудный карман рубашки. — И даже теперь боль причиняет... даже оттуда, куда теперь ушла.

Амадэй ничего не говорил. Только слушал.

— Мастера от всего отрекаются, когда посвящение проходят. От дома, имени, семьи... Остаётся только Школа. Школа становится твоим домом, Шестеро становятся твоими братьями, школьники становятся твоими детьми. А я вот так и не отрёкся. — Коротко рассмеявшись, Мечник откинулся на спинку кресла. — Не лучший из меня Мастер, видать.

— Я бы с этим поспорил, — мягко произнёс амадэй. — А почему вы встали на сторону Шейлирера?

Озадаченный неожиданным вопросом, Мечник поднял глаза.

— С чего вдруг спрашиваете?

— Всегда интересовало.

Мастер покосился на Заклинателя, задумчиво вертевшего в руке фигурку чёрного рыцаря. Потом на молодых Мастеров, увлечённо созерцавших веера собственных карт.

Их глубочайшая заинтересованность собственными занятиями вовсе не являлась гарантом того, что они ничего не слышат. Скорее наоборот.

— Вы знали Ралендона Девятого, последнего из Бьорков? — спросил Мечник наконец.

— Лично знаком не был, — уклончиво ответил Арон.

— А я был. Все Шестеро были. И если бы не Шейлиреар, дёргавший за ниточки из-за спинки трона, королевство давно пришло бы в состояние полного упадка — потому что королю было плевать на управление страной. А когда место Первого Советника занял сумасшедший кровожадный ублюдок и нашептал королю отправить Шейлиреара в отставку, потому что, мол, народ ему симпатизирует... а потом начал раздавать приказы от имени короны... — Мечник скривился. — Мы были на этой кухне. Шестеро всегда знают, что творится во дворце. Это их обязанность: служить монарху.

— Служить монарху, чтобы убить его?

— К его убийству мы не имеем ни малейшего отношения, — безмятежно заметил Иллюзионист, эффектным жестом выбросив на покрывало трёх королей. — Даже заперли Школу на ночь, чтобы ни один ученик в этом безумии не участвовал.

— Но знали, что оно состоится. И пальцем не пошевелили, чтобы предотвратить убийство своего господина.

— Нашего господина? — Заклинатель так и не поднял взгляда от доски, но голос Мастера, вертевшего в руках фигурку белого короля, прямо-таки истекал ядом. — Ну да. Пожалуй, он и правда считал себя нашим господином. Держал нас за комнатных шавок, постоянно отрывал от работы, требуя безумных иллюзий на своих безумных празднествах, которые устраивал через день... и подзабыл, что мы не ярмарочные фокусники.

— Человек любил безобидное веселье. Это не грех.

— Из-за его веселья страна находилась на пороге гражданской войны. Одна свадьба принцессы чего стоит, — прохладно напомнил Иллюзионист. — За стенами дворца людей сжигают заживо, чтобы не дать распространиться заразе, оставшиеся в живых умирают от голода — а в Альденвейтсе бал и свадебный ужин на шестьдесят шесть блюд...

— Король был безумцем, жившим своими фантазиями. — Заклинатель сердито поставил белую фигурку на одну из чёрных клеток. — Ему было плевать, что его Первый Советник на досуге собственноручно пытается узников в застенках альденвейтской тюрьмы. Ему было плевать, что даже в столице грабежи, убийства и насилие стали привычным делом. Ему было плевать на голод и эпидемию, на ворующих герцогов и жирующих Князей, на назревающую войну... даже на то, что его дочь и наша будущая королева — зверь.

— Вы не могли знать, что Ленмариэль Бьорк будет зверем.

— Она была зверем. Она была оборотнем. Тварью, у которой всё человеческое со временем заместили бы звериные инстинкты. Какой бы милой ни казалась вам девушка-оборотень — надо помнить, что в следующий миг она может обернуться монстром.

— Это не так, — тихо сказал Арон.

— Неужели? Да, Мариэль казалась милой девчушкой. Любила платица, кукол и цветочки. Но мы видели многих оборотней, Возлюбленный Богиней. Вспомни Харта Бьорка, который уступил место зверю и задрал собственного сына. — Заклинатель обрубал каждое слово, точно диктовал по учебнику нерушимый магический закон. — Если оборотни не отказывались от зверей внутри себя, если получали удовольствие от своего проклятия — результат всегда один. Рано или поздно они променивали человеческий разум на звериную шкуру, и тогда случалось непоправимую.

— Откуда вы знаете?

— Много на своём веку повидали. К тому же Ликбер оставил нам достаточно описаний, да и других очевидцев подобных случаев было немало.

— А вам не приходило в голову, что напуганный волк может зарычать на кого-то от страха? Оскалиться, потому что он в ужасе, укусить, потому что в голове его творится хаос? Что где-то внутри этого волка прячется человек, и этого человека можно вернуть?

— Ликбер...

— Я делал это, — голос Арона звучал предельно мягко. — Я возвращал человека оттуда, откуда, по-вашему, нет возврата. Этот человек пожертвовал своим разумом ради меня, ради моего спасения... и вернулся из-за грани — благодаря мне. Он любит ветер в своих крыльях и хруст снега под своими лапами, но всё это не заставляет его забыть о том, что он человек. И этому его научила мать. Тоже оборотень. — Амадэй мельком, с неуловимым намёком улыбнулся. — Зверь, по-вашему.

К счастью или нет, но Мастера намёка не поняли.

— Из каждого правила бывают исключения, — отрезал Заклинатель, явно не желая всерьёз задумываться над услышанным.

— Как бы там ни было, самым бескровным выходом из ситуации оказался переворот. Как бы парадоксально это ни звучало, — явно желая поскорее закончить неприятный разговор, мирно продолжил Иллюзионист. — Король и его приближённые дружно губили страну, а Шейлирреар уже показал себя мудрым и дальновидным правителем. Почему бы и нет, решили мы? Нужно лишь поговорить со стражей и гвардией, чуточку раскочевать народ...

— Почему бы не устроить резню во дворце, так вы решили? Почему бы не натравить одних простых смертных на других простых смертных, а самим не отсидеться в стороне?

— Мы не знали, что дойдёт до такого, — произнёс Мечник глухо. — Но переворот не мог обойтись без жертв.

— Женщины, старики, дети — жившие в том же дворце, убитые вместе со своим

королём... о них вы не подумали. Но ваши руки чисты, да и Шейлирера тоже. Ведь он, как и вы, не участвовал в резне... лично. — Амадэй переводил взгляд с одного волшебника на другого. — Скажите, наследники Ликбера: вы ведь наблюдали за тем, что происходило в Альденвейтсе Кровеснежной ночью?

Стало слышно, как где-то внизу маятник напольных часов бьёт полночь — и в воцарившейся после этого тишине Странник невозмутимо выложил перед товарищем пару восьмёрок.

— Но правитель из него всё равно хоть куда, — вновь устремив взгляд в карты, пожал плечами Иллюзионист.

Амадэй помолчал, глядя в окно, где меркнувший день сыпал с медленно темнеющего неба снежную крупу.

— Пожалуй. — Он улыбнулся: скупой, какой-то странной улыбкой. — С этим не поспоришь.

А Лив, проснувшаяся некоторое время назад, повернулась на другой бок — и подумала, что она не знала принцессы, имя которой так похоже на имя её мамы, но ей очень жаль её.

Как и всех, кто погиб в ночь, когда снег под окнами королевского дворца сделался красным ...

* * *

Изысканная медлительность старосветских и менуэтов уступала место стремительности галопов и вальса масок. Бал кружил головы с безжалостностью музыкальной шкатулки — и когда смычки невидимых скрипок в который раз ударили по струнам в завершающем аккорде, а кавалеры проводили дам к скамьям, расставленным у зеркальных стен (довольно-таки грубым), Таша с Алексасом были в их числе.

— Ну и как тебе танец Лета? — спросил её рыцарь с улыбкой под бархатной чёрной полумаской.

— Неожиданно весело, — признала Таша, сев на скамью и всё ещё пытаюсь отдышаться.

Задорный и быстрый танец Лета, включавший в себя притопы, прихлопы и прочие «простонародные» элементы, изначально и был народным — но давным-давно на гуляниях в Ночь Середины Лета его подсмотрел один из Бьорков. Он велел ввести приглянувшийся танец в программу балов, и знать, поначалу брезгливо воротившая носы, вскоре нашла в веселье «по-простолюдински» определённую прелесть (знать вообще часто находила прелесть в жизни простого народа — из окна роскошного особняка почти всё кажется прелестным). В итоге танец Лета остался при дворах, даже когда народ его уже позабыл.

До сего дня Таша его не знала. И когда его объявили, танцевать, естественно, не хотела. Но Алексас всё равно увлёк её в толпу масок — и в итоге, ведомая им, подсказывавшим каждую фигуру, Таша не только потанцевала, но даже получила искренне удовольствие от процесса, на пару минут забыв обо всём прочем.

К сожалению, теперь реальность быстро ей об этом напомнила.

Посмотрев на седовласого слугу в чёрном сюртуке — человека, со счастливой улыбкой лунатика предлагавшего гостям бронзовый поднос, на котором истекали холодными слезами серебряные чаши, наполненные игристым вином, — за его спиной Таша увидела то, что искала: синюю маску в белом с голубом плаще. Пусть фарфоровая маска с нарисованным на неё плачущим ликом закрывала всё лицо, но белобрысая макушка Андукара всё равно угадывалась без труда.

Как и Кэйрмиль — в даме, окутанной облаком алой органзы, с которой синяя маска сейчас беседовала.

Когда Таша поняла, что время пришло, сердце слегка ёкнуло.

«Алексас, пора», — скомандовал Найдж; Таша потеряла колдуна в толпе, но он явно не потерял их.

Поцеловав ей руку на прощание, Алексас непринуждённо прошествовал по направлению к лакею. Взяв одну из чаш, вернулся: Таша лишь сейчас поняла, что сидит совсем рядом с местом, где по зеркальной поверхности стен змеилась едва заметная вертикальная трещина.

«Готов? Насчёт три».

Вместо ответа Алексас небрежно прислонился спиной к зеркалу — рядом с Ташей, к самой трещине.

«Раз...»

Когда Алексас поднёс чашу к губам, Таша увидела, как Кэйрмиль торопливо плывёт к выходу из зала.

Значит, всё идёт по плану...

«Два...»

Алексас пригубил вино — пока она следила глазами за Андукаром, скользившем между масками по направлению к ним.

«Три».

Даже Таша не заметила подмены.

Спокойно отняв чашу от губ, морок Алекса устремил задумчивый взгляд на танцующих гостей — в то же самое время, как мимо них размеренной походкой прошёл Андукар.

— Ищи жёлтый череп, — бросил эйрдадь, не останавливаясь, и тут же растворился в толпе.

Нервно сглотнув, Таша встала. Коснулась пугающе материальной руки фальшивого Алекса, бросила «я сейчас вернусь» — и, получив в ответ на диво убедительный и естественный кивок, медленно двинулась на поиски Картера.

В процессе она всё же увидела Найджа. Тот устроился на скамье чуть поодаль, внешне абсолютно расслабленный и тоже потягивая вино: кто бы мог подумать, что в этот момент колдун непрерывно контролирует чей-то морок. Жёлтый череп в чёрном балахоне как раз обнаружился неподалёку. Прятавшийся под ним Картер стоял в окружении рыжеволосого юноши-пажа, на макушке которого красовался бархатный берет с зелёным пером, некоей личности в маске с птичьим клювом и плаще из перьев, а также толстого пузатого разбойника, чья борода казалась накладной даже несмотря на то, что была наколдована.

Заставив себя разжать кулаки, Таша решительно направилась к ним под размеренный четырёхтактный ритм заигравшего старосветского.

— ...не сказать, что подобные перспективочки меня радуют, но... простите, — перехватив взгляд направляющейся к нему Таши, череп прервал свою речь. — Чем обязан?

Шагнув вперёд — судя по тому, что Картер не препятствовал, взгляд её был достаточно наглым, — Таша привстала на цыпочки, приблизив губы к скрытому за чёрным капюшоном уху.

— За огненными воротами ждёт нас белый город, — прошептала она.

Отстранилась, немножко жалея, что не видит, как изменилось скрытое за черепом лицо — и, отвернувшись, зашагала между смеющимися вокруг масками, оставляя Картера за спиной.

Спустя пару мгновений эйрдадь, незамедлительно бросивший собеседников, уже вышагивал рядом.

— Моя Госпожа? — ошеломлённо проблеял он. — Но зачем вы воспользовались...

— Иди к порталу на кухне. Немедленно, — равнодушно бросила Таша в ответ. — Кэйрмиль отправляется на задание с тремя слугами — закроешь за ней проход. Тайным ходом не пользуйся. Потом возвращайся в зал.

— Госпожа, я не...

— Я неясно выразилась?

Мигом сдержав все возражения, эйрдадь согнулся в земном поклоне и помчался к выходу из зала.

Прижавшись к стене, чтобы не быть сбитой оживлённой толпой, Таша нащупала под платьем подвеску.

«Картер отправился на кухню, — отчиталась она. — Алексас, ты как там?»

«Чувствую себя самым настоящим тайным агентом, — иронично откликнулся тот. — Не каждый день попадаешь в самый настоящий зловещий тайный ход в самом настоящем зловещем таинственном замке».

«Поторопись, — напряжённо вмешался Найдж: несмотря на внешнюю расслабленность, контролировать морок Алексаса стоило ему немалых усилий. — После танца Лета отдохнуть с отсутствующим видом простительно, но когда закончится старосветский, это может вызвать подозрения».

Воображение очень убедительно нарисовало Таше её рыцаря, пробирающегося по узкому каменному туннелю, скрытому за одной из зеркальных стен. И лишь сейчас она признала, что предложенный Андукаром планом действительно хорош.

Во всяком случае, идея поручить почти всю грязную работу замороженной Кэйрмиль определённо приближалась к гениальной.

До вчерашнего дня Таша не подозревала, что помимо людей Древние эйрдали могут очаровывать и других эйрдалей; но эта способность Андукара решила сразу несколько проблем. Во-первых, зеркал-порталов по замку было раскидано много, но простые смертные активировать их не могли — лишь колдуны и нечисть (а ещё активация не оставалась незамеченной, и если она предварительно не согласовывалась с Картером или Андукаром, лучше было сразу готовиться к мучительной смерти). Во-вторых, при появлении Кэйрмиль кухонные слуги предпочтут тихо отойти в сторонку — позволив семье госпожи Ингран, на поиски которой Кэйрмиль сейчас и направилась, спокойно сбежать. В третьих, семья госпожи Ингран послушается её беспрекословно — Кира и её родители войдут в портал без лишних вопросов.

В-четвёртых, ничто не помешает Кэйрмиль шагнуть в портал следом за ними — прямиком в распростёртые объятия Герланда.

Привлечь Картера тоже оказалось просто. Дабы Картер и Андукар могли узнать свою Госпожу, даже если той вздумается занять чужое тело, Зельда придумала для обоих тайные позывные. Тот, который озвучила Таша, использовался лишь при обращении к Картеру: в случае Андукара за огненными воротами их ожидала корона. К счастью, Андукару были известны оба, — а в итоге Картер беспрекословно поверил, что в разум Таши заглянула с визитом сама Госпожа. Задавать же Зельде вопросы в духе «как вы заняли это тело» и «зачем

всё это», было чревато. К тому же Зельда не особо распространялась о границах своих возможностей, и многие искренне считали её абсолютно всемогущей — что для неё занять тело какой-то девчонки?

Вероятность напороться на настоящую Зельду была ничтожной. До конца танцев та в зале никогда не появлялась, предпочитая взирать на слуг сверху вниз — с балкона, уже после бала. Учитывая, что приказы Зельды не подлежат обсуждению, Картер со спокойной душой закрывает портал и вернётся в зал; а когда семью Тальрин начнут искать, слуги скажут, кто помог блюдам на ножках бежать. Члены «Венца», всё это время мирно веселившиеся в бальном зале, останутся вне подозрений. И, конечно, потом Зельда простит Андукара, в приступе безудержного праведного гнева убившего эйрдаля-изменника. Жаль только, им уже не удастся выяснить, куда именно Картер отправил любимую племянницу и жалких людишек, в жилах которых текла кровь его возлюбленной оборотнихи — но их обязательно отыщут со временем...

Которого у Зельды не будет.

В качестве последнего козыря Андукар предоставил им тайный ход, связывавший кухню и бальный зал. Благодаря ему Алексас, прикрывшись чарами невидимости, мог быстро и легко пробраться к порталу, незаметно перенастроить его на штаб-квартиру «Венца» и вернуться обратно в зал, прежде чем на кухню войдут Картер и Кэйрмиль. А после кто угодно скажет, что во время побега исчезнувших слуг Ташин рыцарь спокойно попивал вино: вряд ли кто-то заметил, как юноша провалился сквозь зеркало в тайный коридор, а стоять у стены остался его морок.

«Я на кухне, — как раз доложил Алексас. — Вижу портал. Кэйрмиль пока нет. М...»

«Что?» — напрягся Найдж, когда пауза затянулась.

«Вкусно пахнет...»

«Алексас!»

«Неподходящее время для шуток? — он вздохнул. — Ладно, отключусь, чтобы не отвлекаться».

Пустота, воцарившаяся по окончании сеанса ментальной связи, гулким эхом разнеслась по Ташиным мыслям — и, вновь обратив внимание на зрелище перед глазами, она увидела, как прямо перед ней кружится в танце нечисть.

Казалось бы, что может случиться? Что может пойти не так?

Казалось бы...

— Дамы и господа, — легко перекрыв бальный шум, разнёсся под зеркальными сводами мелодичный голос, — прошу внимания.

Расползшись обрывками несвязных гармоний, музыка стихла. Танцующие пары, замерев, распались — и Таша подняла, кому принадлежит этот голос, ещё прежде, чем подняла взгляд на балкон.

Там стоял, улыбаясь, беседовавший с Картером мальчик-паж. Только берета на нём больше не было — и огненно-рыжие волосы львиной гривой рассыпались до талии. Симпатичное лицо с пухлыми щёчками, ведьмовское сияние травянистых глаз, жёсткость и жестокость, притаившаяся в уголках улыбающихся губ...

Таша ещё не понимала, что всё это значит, — но отчего-то ей казалось, что ничего хорошего это значить не может.

Эйрдали, оборотни и колдуны, не сговариваясь, опустились на колени.

— Приветствуем, Госпожа, — хором выдохнули сотни губ.

Торопливо последовав их примеру, Таша краем глаза заметила, что морок Алексаса не остался в стороне. Правда, даже преклонив колени, он продолжил мечтательно смотреть прямо перед собой.

Алексас, где же ты?..

— Не волнуйтесь, бал продолжится очень скоро. — Зельда неспешно оглядывала зал, переводя взгляд с маски на маску. Она казалась вчерашней девчонкой: на вид ведьме едва ли можно было дать больше двадцати. — Дело в том, что некоторые из присутствующих воспользовались нашим гостеприимством, но отплатили за него не добром.

Попались.

Таша ощутила, как дрожат её вдруг похолодевшие руки.

«Найдж...»

«Оставайся на месте, — голос колдуна казался спокойным. — Побежишь — выдашь себя».

«А потом?!»

«Я решаю этот вопрос».

— Морли-малэн и двоих её спутников, — очень дружелюбно проговорила Зельда, — я прошу подняться и выйти из зала. После чего остальные смогут вернуться к танцам.

От волнения Таша едва могла дышать.

«Найдж!»

«Я думаю. Думаю. — Казалось, она может слышать, как скрежещут от напряжения его нервно сжатые зубы. — Думаю, нам надо...»

Что он думал, Таша так никогда и не узнала.

Зеркало напротив тайного хода брызнуло стеклянной пылью — и из образовавшейся дыры вырвался Алексас. Он пролетел прямо сквозь собственный морок, заставив его мигнуть и исчезнуть, и на ходу запульнул через плечо боевой кьор — но Картер, вынырнувший из темноты секретного коридора, тут же исчез, и шар света бесполезно улетел в темноту. Потом эйрдадь возник прямо перед Алексасом и, бесцеремонно врезав ему кулаком по лицу, заставил юношу рухнуть наземь; секундой позже Кэйрмиль материализовалась подле дядюшки, алым веером прикрывая зловещую улыбку.

— Всем покинуть зал, — сказала Зельда, пока по зеркальным стенам к потолку медленно ползла паутина трещин.

Чего и следовало ожидать, даже как-то равнодушно подумала Таша, наблюдая, как нечисть вокруг дружно вскакивает на ноги.

Кто-то кинулся к выходу. Кто-то просто исчез, растворившись в царившей в зале полутьме. Таша, Найдж и Алексас остались — потому что, попытавшись подняться, Таша обнаружила, что из ног и рук будто исчезли все кости.

Впрочем, этого тоже следовало ожидать.

Таша упала набок, глядя, как паутина смыкается в высшей точке зеркального купола. Первые зазубренные осколки, вырвавшись из зеркального полотна, упали вниз, застыв в нескольких аршинах от каменного пола опустевшего зала.

Один из них был нацелен Алексасу прямо в лицо.

— Глупые дети. — Зельда задумчиво облокотилась грудью на перила. — Конечно же, Андукар всё мне рассказал. И этот ваш, с позволения сказать, план был составлен при самом активном участии Кэйрмиль и Картера. — Ведьма пристально вглядывалась в их лица. — И на что вы только рассчитывали, не пойму?

Осколков были уже десятки: каждая секунда рождала новую зеркальную каплю, сверкающую, смертельно опасную. И острия их были нацелены не на Ташу, лежащую в стороне.

Лишь на её друзей, беспомощно распротёртых на грубом холодном камне.

«Я не могу... уничтожить их. Только удержать... пока, — судорожный шёпот Найджа раздался в ушах одновременно с тем, как иллюзии бальных костюмов бесследно растворились, вновь явив затрапезное настоящее облачение. — Она не даёт».

Вот и оно. Разоблачение, к которому мы так стремились, думала Таша, глядя на смерть,

нетерпеливо дрожащую в воздухе над головами двух колдунов. И где же ты, Лиар?

Или Арон...

— Конечно, как у всяких уважающих себя двойных агентов, у вас должен быть запасной план, — в словах Зельды сквозила такая непринуждённая заинтригованность, будто она рассуждала о сюжете интересной книжки. — Что ж, любопытно будет узнать, в чём он заключается. Пока посмотрим, как вы справитесь с этой маленькой неприятностью.

«Нет, не надо, пощадите», — прекрасно понимая, как это глупо, попыталась закричать Таша — но с губ не сорвалось ни звука.

Сейчас казалось абсурдным даже представить, что тёмный амадэй появится из ниоткуда за спиной сестры. Да и светлый тоже. Почему умные мысли всегда приходят слишком поздно?..

Да и гибель грозит не ей.

Дождь осколков с неумолимой медлительностью полз вниз. Таша не могла даже кричать: только смотреть. Алексас лежал с закрытыми глазами, раскинув руки, беспомощно приоткрыв рот; мертвенно-бледный Найдж, не моргая, глядел вверх.

— Сильный мальчик. — На лице Зельды не было и следа усилий, лишь улыбка. Она не убивала: она развлекалась. — А если чуть поднять планку?

Осколки продвинулись ещё на вершок.

Найдж судорожно выдохнул — из носа его хлынула кровь.

— Пожалуйста! — срывая связки, кричала Таша, но её никто не слышал. — Пожалуйста, они...

«Если Алексас переживёт эту передрагу, скажи ему, чтобы не вздумал задираться. — Даже сейчас тихий голос Найджа ободрял. В нём были тепло, свет, жизнь: то, чем колдун щедро делился с ней с самой первой их встречи. — Будет больше шансов дожить до момента, когда вас вернёт в штаб-квартиру».

«Найдж, нет! — Таша яростно дёрнулась, пытаясь хотя бы привстать. — Не смей сдаваться! Мы что-нибудь придумаем, мы...»

«Попрощайся там за меня со всеми, ладно? Думаю, ты всё равно их увидишь. Чем бы всё ни закончилось».

«Нет! — внутренний голос зашёлся во внутренний крик. — Найдж, ты не можешь... не можешь...»

Зеркальные лезвия были уже так низко, что если б колдун поднял руку, то смог бы их

коснуться.

«Передай Герланду, что я встретился с Бэрри. — Его залитые кровью губы улыбнулись странно счастливо. — Прощайте, принцесса. Живите».

То, что все осколки теперь направлены в одну сторону, Таша заметила слишком поздно.

Их нельзя было уничтожить. Нельзя было удержать. Можно было лишь изменить направление. И поэтому Найдженэйл, колдун-заговорщик, закрыл глаза — и зеркальный дождь, устремлённый точно в него, хлынул вниз.

Ташиного вопля так никто и не услышал.

Потом были целёхонькие зеркальные стены, безвольный Алексас, которого куда-то уволок Джастин, лицо Андукара и короткое «уберите грязь» — бессвязные отрывки, отказывающиеся складываться в цельную картинку; а Таша всё кричала, и глаза её были широко открыты, и из горевшего горла рвался отчаянный хрип. Потом, кажется, Зельда сказала что-то про какую-то комнату и какой-то ошейник, и что можно продолжить бал...

И всё пропало.

* * *

— ...а вон то созвездие — Ланден.

— Где? — зевнула Лив, пытаясь удобнее устроиться в руках Иллюзиониста.

— Видишь шесть звёзд рядом с Коронай Лариэта?

— Не-а.

— Следи за моей рукой. Слева от Сердца Океана.

— А... такое маленькое?

— Да. Вот это, — волшебник терпеливо обрисовал кончиком пальца очертания созвездия, — вроде как крылья... это хвост... а это считают клювом.

Покосившись на заснеженные скалы, уплывавшие во тьму под драконьим брюхом, Лив снова зевнула.

Вообще она любила рассматривать звёздное небо, но сейчас, думая о конечной точке путешествия, скучала от нетерпения. Кес летел не слишком быстро: ещё не совсем восстановился после ранения, да и надо было приберечь силы для битвы. Впрочем, заснеженные леса внизу всё равно уползали назад с пугающей скоростью.

Они летели мимо Дымчатого Пика, и Лив впервые поняла, насколько же он высок. Если бы Кес поставил себе целью долететь до вершины — зрелище походило бы на громадный пудренный торт, который кондитер крохотным, не больше ногтя, сахарным дракончиком. Сверху колко сияли белые искры, среди которых выделялась ярко-синяя — звезда Миридэлл в созвездии Океана, мерцавшая прямо над их головами. За время дороги небо успело сменить лазоревую юбку на вечернюю, усыпанную звёздами и украшенную луной, и лишь у самой кромки горизонта ещё светилась узкая прощальная полоса короткого зимнего дня.

— А сколько нам придётся там ждать?

— Не знаю, — заботливо поправив девочке капюшон, пожал плечами Иллюзионист. — Может, и долго.

«Пока не откроют», — подсказал Кес.

— А самим войти никак?

— Пожалуй, хватит самодеятельности, — твёрдо сказал Арон.

Они сидели на драконьей спине. Иллюзионист с Лив заняли углубление между лопаток, Арон устроился чуть впереди, между шипами на шее. Вообще волшебник хотел уступить лучшее место амадэю, чтобы Лив летела с названным отцом, но она заупрямилась — хотела сидеть с Верми (так Лив уже беззастенчиво сокращала про себя невыносимо длинное «Вермиллион»). А с желанием почти-что-владелицы Кеса пришлось считаться даже Возлюбленному Богиней и одному из Шестерых.

Они летели вперёд втроем. Остальные Мастера должны были перенестись сразу, как «авангард» прибудет в пункт назначения — Иллюзионисту поручили открыть портал оттуда, настроив проход на своё местоположение.

— Если нам откроют, — задумчиво проговорил волшебник, — и ваш брат об этом знает...

— Да, — тихо проговорил Арон: голос его почти слился с шумом ветра. — Сферы его влияния простёрлись далеко.

Иллюзионист покачал головой.

— Он внедрил своего человека в сообщество вашей сестры. Но ждёт нас, чтобы расправиться с ней.

— Он ждёт не просто так. Если бы он мог, то расправился бы с ней сам, как только представилась возможность. Но он ждал... чего-то. Значит, есть ещё какая-то причина.

— А если это всё же ловушка?

Арон коротко рассмеялся:

— Поверьте, меня он мог убить уже сотни раз, и добраться до Шестерых ему тоже нетрудно. Наша смерть — это слишком банально. Нет, есть что-то ещё... только пока не могу понять, что именно.

— Скоро узнаем, — промурлыкал Кес зловеще.

Лив робко протянула руку в сторону — и торопливо спрятала обратно под плащ, когда поток ледяного воздуха отбросил ладонь далеко назад. От высоты голова слегка кружилась, но Иллюзионист держал её так крепко, что упасть она ни капельки не боялась.

— Не верю, что скоро всё закончится, — призналась она. — Такое ощущение, что мы вечно будем Ташу искать.

— Я тоже не верю, — серьёзно сказал Арон. — Как и в то, что всё окажется так просто.

— Что мы придём, войдём и победим? — Иллюзионист азартно прищёлкнул пальцами. — Посмотрим, на что годны Наследники Ликбера, дракон и Возлюбленный Богиней. В конце концов, мы пока не против вашего брата выступаем.

— И это радует. — Арон вытянул шею, рассматривая что-то вдаль. — Кажется, мы на месте.

На всякий случай они покружили над грядущим местом посадки, но признаков жизни не заметили. Тогда, сложив крылья, Кес без лишних слов нырнул вниз — и когда земля с пугающей быстротой двинулась им навстречу, а в ушах завизжал ветер, Лив почти завизжала вместе с ним.

Лишь у самой земли дракон вновь расправил крылья и, мастерски выйдя из пике, приземлился в небольшой лесистой долинке. Спрыгнув наземь, Арон принял из рук волшебника Лив, закутанную в плащ так, что наружу торчал только нос — и, покосившись на снег, в котором даже его ноги утонули по колени, без долгих раздумий посадил девочку себе на плечи.

— Ты как, стрекоза? — ободряюще спросил он, крепко сжав её ладошки в своих.

— Нормально, — буркнула Лив, уныло разглядывая окружающий пейзаж.

Никаких следов страшного замка страшной ведьмы она не увидела. Одно только заснеженное поле, серебрившееся в звёздном свете, примыкавшее к густому тёмному лесу.

— А ты знаешь, — легко соскользнув с драконьей спины, задумчиво поинтересовался Иллюзионист, — что в альвийском языке «стрекоза» складывается из слов «дракон» и «крылья»?

— Да-а? — Лив удивлённо воззрилась на будущего учителя. — А меня Таша с мамой с детства стрекозой звали...

— Вот. Как чувствовали. Может, у твоей сестры дар предвиденья есть?

— А тогда она сможет учиться в Школе со мной? — с надеждой спросила девочка.

Иллюзионист глубоко задумался над её предложением.

— Это будет опасно для окружающих, — наконец ответил он. — Если маленькая ты таких дел наворотила — представляю, что натворит наследница реди Морли. Кому как не мне знать, на что мы способны.

— Таша хорошая, — серьёзно сказала Лив. — Она не шалит и не балуется. Она книжки в основном читает.

— Вот встретимся, и посмотрим. — Мастер опустил взгляд на лицо Арона: тот взирал на лес так спокойно и величественно, будто обозревал свои владения. — Я уже столько наслышан об этой твоей Таше...

— Что ж, маскировка у обители Зельды отменная. — То ли амадэй и вправду не слышал, то ли не хотел слышать. — Я по-прежнему ничего не чувствую. — Он поудобнее перехватил руки Лив. — Надеюсь, привратник сможет нас найти.

Иллюзионист не ответил. Воздев ладони к ночному небу, он сосредоточенно смотрел в морозный воздух прямо перед собой.

Минуту спустя этот воздух прорезал луч золотистого света, пространство вокруг надорвалось и свернулось, как горящая бумага — и из образовавшейся трещины шагнул Мечник.

— Как раз вовремя, — одобрительно заметил он вместо приветствия.

За ним последовали Странник и Заклинатель — и последний тут же принялся совершать руками пассы, обернувшиеся скоплением золотистых линий, ровным кругом лёгших на снег вокруг дракона и Мастеров. Коснувшись земли, они немедленно исчезали из виду — но что-то подсказывало Лив, что только из виду.

— Предлагаю повторить план действий. — Опустив руки, Заклинатель удовлетворённо оглядел наложенную защиту, до поры до времени надёжно скрывшую их от посторонних глаз. — Главное — выманить этих тварей из убежища: в замке у нас преимуществ нет. Как только впустят, кружим в воздухе для устрашения и привлечения внимания. Потом спускаемся. — Небрежным движением пальцев он растопил снег вокруг, обернув всю воду тёплым паром, моментально исчезнувшим под зимним небом. — Зельда собственной персоной наверняка покажется в последнюю очередь — сперва выпустит мелких сошек. Они на тебе, Кес. Не щади никого.

Дракон молча кивнул — и Лив, которую Арон аккуратно опустил на сухую землю, хотела возразить (а вдруг из замка случайно выбежит Таша?), но тоже промолчала.

— Если Зельда выйдет к нам, то Гил соответственно званию ответственный за ближний бой, мы с Верми глушим её заклятиями, а телепаты в ответе за ментальный удар. — Заклинатель неторопливо вышагивал туда-сюда по высвобожденной из-под снега пожухлой траве. — Кес следит за нечистью, которая может нам помешать. Если Гил падёт — его очередь вступать в игру.

Мечник — в миру, как с удивлением поняла Лив, носивший затрапезное имя Гил — не выказал ровно никакого возмущения тем, что коллега так буднично рассуждает о его смерти. Все присутствующие воспринимали возможную гибель как нежелательный, но неоспоримый факт.

— Если Зельда не выйдет... что будет логично, ибо я на её месте предпочёл бы отсидеться внутри ... идём обыскивать замок. Не разделяемся — поодиночке с нами быстро разберутся. Как найдём девочку, сразу в защитный круг. Детали додумаем по ходу дела, — закончил Заклинатель. — Не зная устройство замка, сейчас об этом рассуждать бесполезно.

— Как всё просто, — саркастично резюмировал Мечник, присаживаясь на мёртвую траву рядом с драконом. — Всего-то и осталось дожидаться, пока нам откроют, и дело в шляпе.

Остальные, промолчав, сели рядом — и пару минут под магическим куполом царила тишина, которую нарушал разве что свист морозного ветра, не проникавшего за незримые стенки.

— Могут и не открыть, — спустя какое-то время заметил Иллюзионист.

— Могут, — согласился Арон. — Но что-то мне подсказывает, что откроют.

— А куда не кинь, всюду клин.

Лив дотронулась ладонью до драконьей чешуи: она была гладкой и тёплой, как нагретый солнцем металл.

«Мы же победим, да?» — не решившись задать тот же вопрос волшебникам, спросила девочка у Кеса.

Дракон пустил меланхоличную струйку дыма. Глаза его блеснули тусклым золотом — и Лив не особо понравилось выражение, которое она увидела в этих глазах.

«Надежду добивают в последнюю очередь».

Первым, что увидела Таша, когда очнулась, были зелёные ведьмовские глаза.

— Проснулась? — Зельда, сменившая пажеский костюмчик на травяного цвета платье простого покроя, сидела на краю кровати. — Хорошо. Пропустила бы самое интересное.

Таша ожидала увидеть вокруг темницу, но её вернули в отведённую им комнату. И в то, что она видела, прежде чем лишилась сознания, сейчас верилось с трудом.

Может, это был просто кошмар? И их троих просто вырубили, и Найдж сейчас тоже лежит в своей комнате? Или это до сих пор сон... Лиар же умеет творить сны, почему бы Зельде тоже не...

— Где Алексас?

Голос хрипел. Сорванные связки горели огнём — слишком убедительно для сна.

— О, твоего друга тоже пришлось разбудить. Чтобы он не пропустил важнейшее событие в своей жизни. — В глазах Зельды сверкал весёлый огонёк. — Думаю, ты тоже не откажешься попристутствовать.

— Что...

Горло подвело, и Таша согнулась в приступе судорожного кашля.

— На что вы надеялись? — следя за каждым её движением, повторила ведьма. — Впрочем, нет, не говори. Интереснее будет узнать об этом от альва.

Невероятно, но Таша просто лежала на кровати. Не связанная, не прикованная. Почему её не ограничили ничем, кроме...

Потом она догадалась поднять руки к горлу — и запаянный на нём тонкий ошейник из странно тёплого серебра ответил на этот вопрос.

— Да, это цвергово серебро. Вздумаешь перекинуться, и от твоей прелестной шейки останутся одни позвонки. На двери отныне мой барьер — не думаю, что у тебя остались пути отхода. Правда, на твоей замечательной подвеске лежат подозрительные чары... но даже если они способны вытащить тебя отсюда, это не имеет значения. — Глядя в её глаза, Зельда улыбнулась: наверное, различив в них тень той бездны, что чернела сейчас в Ташиной душе. — Теперь я найду тебя, куда бы ты ни отправилась. Если ваш запасной план подразумевает побег и возвращение в штаб-квартиру «Венца», тем лучше — я последую туда за тобой. Кажется, руководители твоего сообщества нуждаются в разговоре по душам... да и по братьям я соскучилась, признаюсь.

На что они рассчитывали, когда отправлялись сюда? На что бы ни рассчитывали, всё

провалилось.

Одна могила из её сна уже стала явью. Остальные, наверное, последуют за ней.

Арон, где ты? Лиар, для которого её жизнь бесценна...

— Поэтому... я жива?

— Скажем так: с тобой живой интереснее. — Протянув руку, Зельда аккуратно убрала с Ташиного лица чёрные пряди, пристально вглядываясь в её лицо. — Принцесса для меня ничего не значит. Ты наследница узурпатора, и единственная властительница трона людей в этой комнате — я. Козырь «Венца» тоже не слишком важен: они подчинятся с тобой или без тебя, хотя с тобой, пожалуй, будет легче. А вот когда кто-то хвалится, что в его безопасности заинтересованы два амадэя — грех этим не воспользоваться.

— И ты поверила мне? — Таша заставила себя рассмеяться. — Если Герланд рассказал мне об амадэях, это не значит, что...

— Имя, гласящее «Тариша Арондель Кармайкл», говорит о многом. За свою небольшую жизнь я встречала лишь одного Аронделя Кармайкла. Ты окружена паутиной магической защиты, отдающей поразительно знакомым почерком. К тому же есть ещё кое-что... Не думай, что закрытое сознание позволит тебе водить меня за нос. — Зельда поднялась на ноги одновременно с тем, как Ташино сердце окончательно упало. — Вставай. Время поболтать будет и после охоты.

— Охота была два дня назад, — изумлённо прохрипела она. А, может, не было — просто в сознании уже всё смешалось?..

— Была. Но я долго думала, что определить для твоего дружка в качестве казни, раз уж он пережил крушение зеркального зала, и решила, что охота подойдёт к случаю. Надо же как-то компенсировать моим людям прерванный бал.

— Нет, — прошептала Таша. Рывком села на кровати. — Нет, пожалуйста, не...

— Вперёд. — Зельда даже не взглянула в ту сторону, но дверь в комнату открылась. — И советую пойти своими ногами. Не думаю, что тебе понравится пересчитывать головой ступеньки — их там много, как ты уже могла убедиться.

Когда Таша, спотыкаясь, следом за Зельдой вышла на лесную опушку, все уже были в сборе.

Охотников собралось немного, но для одной жертвы — вполне достаточно. Несколько колдунов во главе с Джастинном, лениво облокотившимся на обледенелый еловый ствол. Несколько эйрдалей — были там и Кэйрмиль, и Картер, и Андукар. Несколько львов и волков, сидевших поодаль. Алексас стоял у начала тропы, уводившей в лес: совсем недалеко от того места, где когда-то они с Ташей дурачились, валяя друг дружку в снегу. Руки скованы за спиной, из одежды лишь штаны и рубашка — верхней его снабдить не удосужились.

Белый снег искрился, будто отражая зимние звёзды; но когда Алексас увидел Ташу, глаза его посветлели — вспыхнув ярче звёзд.

Таша рванула к нему, когда чьи-то руки бесцеремонно перехватили её за талию.

— Спокойно, Ваше Высочество. — Андукар железной хваткой прижал её к себе. — Думаю, до этого у вас было достаточно времени для общения.

— Алекса...

— Молчать. — Подчинившись одному короткому слову Зельды, Ташины челюсти сжались до боли в висках. — Буду кратка. Алексас Сэмпер, я обвиняю тебя в пренебрежении законами гостеприимства и плетении заговора под крышей дома, давшего тебе пищу и кров, а также лицемерии, лжи и попытке убийства. Ты будешь казнён через охоту. Таков приговор мой, Кейзелиды Меридон Эйрэн, Возлюбленной Богиней, законной владычицы человеческих земель, справедливым судом за содеянное тобой зло и лиходейные помыслы. Ибо я есть карающий меч. Ибо моими руками вершится высший суд.

Алексас слушал спокойно. Он не дрожал, когда Ташу колотило — не только от холода. Тонкий, прямой и изящный, он вглядывался в лицо Зельды, и его мерное дыхание светлым маревом уносилось к звёздам вечной ночи.

— Тебе даётся десять минут форы. От тебя потребуется лишь бежать, — сбившись с холодно-официального, Зельдин тон сделался почти доброжелательным. — Чем быстрее побежишь, тем больше времени выиграешь до смерти. Противомагические наручники останутся на тебе. Иногда мы освобождаем пленников, так интереснее, но после твоей выходки на тренировке... Не хочу, чтобы кто-то из моих подданных пострадал. — Ведьма помолчала. — Ты имеешь право на последнее желание. Любой безобидный каприз, который я позволю.

Глядя ей в глаза без тени страха, Алексас чуть улыбнулся.

— Любой?

— Который я позволю, — повторила Зельда.

Наконец отведя взгляд от её лица, юноша посмотрел на Ташу.

— Отпустите её, — сказал он негромко.

— Ты считаешь это безобидным капризом?

— Отпустите её, пока я не уйду. Я хочу попрощаться.

Послышались скабрзные шепотки. Смешки. Губы Зельды скривила улыбка.

— Что ж... — она мельком оглянулась. — Андукар?

Эйрдаль разжал руки — и Таша упала в снег.

Она подняла голову. Оглядела эйрдалей, колдунов, оборотней и амадэя: безнадежно пытаюсь придумать хоть что-то, чем она могла бы навредить этой компании.

Взглянула в лицо Алексаса. Очень спокойное, немного печальное.

Он не боялся — он ждал. Ждал последних в его жизни слов. От неё.

Последние. Бесконечно страшное слово. В нём — ветер отчаяния, могильный холод, надгробные камни... но этого просто не могло быть. Она? Видит его в последний раз? Сказки. Чепуха.

С тех пор, как закончилась жизнь, в которой она была Таришей Альмон Фаргори, Алексас всегда был рядом. И даже сейчас она была уверена: всегда будет.

Таша медленно встала. Отряхнув ладони от колючего снега, сделала шаг вперёд.

Шаг.оборот. След...

Она не могла поверить, что видит его в последний раз.

Так же, как когда-то она думала обо всех каменных крестах из своего сна.

Шаг.

Ночь, лес и нечисть вокруг отступили, растворяясь в вихре воспоминаний: Алексас, щекочущий ей пятки, пока она не хочет просыпаться, Алексас, обнимающий её, пока она плачет, Алексас, летящий с ней в танце, Алексас, поднимающий её к небесам, Алексас, Алексас, Алексас...

Мир перестал существовать. В мире остались лишь они двое. И в этот миг Таша со всей отчаянной ясностью поняла ту простую вещь, которую могла понять давным-давно. Которую поняла, наверное — да только маленькая девочка, засевшая в глубине её сознания, отказывалась её принимать.

Но здесь, в последний час, в последний шанс, этой девочке не было места.

Таша сделала ещё шаг.

И побежала к нему.

Привстав на цыпочки, она посмотрела в его глаза, казавшиеся почти серыми: в звёздном сумраке золотой ободок в них выцвел вместе с синью. Обвила руками шею, обняв крепко-крепко.

Коснулась губами его губ.

Держать бы его, держать и никогда не отпускать: до последнего мига, до последнего вздоха...

— Я люблю тебя, — не отстраняясь, выдохнула она.

Он не ответил на поцелуй. Ответом ей был один лишь странный, судорожный выдох. И когда, вновь коснувшись земли полной стопой, Таша увидела его лицо — она увидела, как светлеют его глаза и ширится улыбка.

Улыбка человека, который получил всё в этом свете.

Алексас нежно коснулся ладонью её щеки. Провёл кончиками пальцев от скулы до подбородка. Дотронулся до приоткрытых губ.

— Спасибо, — сказал он.

Обняв за плечи, прижал её к себе — уткнув лицом в холодную ткань его рубашки, заставив закрыть глаза...

...как раз в тот момент, когда Таша осознала, что руки его должны быть скованы.

Удивлённые крики нечисти обратились в дикие вопли в тот же миг, как волна ровного необжигающего жара окатила Ташу с головы до ног, а темнота перед глазами сделалась красной.

Щёлчками разомкнув веки, она повернула голову.

Алое пламя, ласкавшее их с Алексасом безболезненными прикосновениями тёплого шёлка, не растопило снега, не коснулось стволов замёрзших деревьев — но отслаивало плоть от костей, сжигая тела людей и зверей, крючившихся на земле в предсмертной агонии. Уже безмолвно: Таша помнила, что испепеляющий огонь сжигал лёгкие, как бумагу. Остался лишь один не-человек, стоявший в огне невредимым.

И этот не-человек смотрел на них с изумлённым ужасом.

— Не может быть, — прошептала Зельда.

— Не ждала? — спокойно, чуть насмешливо откликнулся Алексас.

Таша недоумённо, непонимающе взглянула в его лицо: такое близкое и родное...

...и какое-то другое...

...и неуловимо знакомое холодным сарказмом лёгкой улыбки...

— Кажется, я говорил, что лучше называть меня Алексасом, но не утверждал, что таково моё имя, — сказал человек, которому она только что призналась в любви. — Что с тобой, девочка моя? Ты будто чудовище увидела...

Он разжал руки одновременно с тем, как она отшатнулась.

— Лиар?!

* * *

— Срок-то подходит к концу, — протирая свой клинок, невзначай заметил Мечник.

Лезвие и так сверкало почти зеркальным блеском — но больше делать было всё равно нечего.

— Знаю, — спокойно откликнулся Арон.

Ситуация и правда была раздражающей: второй час сидеть в пустынной долине в ожидании незнамо чего. Враг где-то рядом, но ни увидеть, ни почувствовать его ты не можешь.

Единственный плюс — он тебя тоже.

— Меня самую малость раздражает наша роль в этой истории, — сердито проговорил Заклинатель, не отрывая взгляда от леса. — Марионетки в руках кукловода, который дёргает за ниточки и наслаждается...

— Цель оправдывает все неудобства. — Арон сложил руки, соединив вместе кончики пальцев. — Вы ведь хотели наказать того, кто покусился на жизнь вашего любимого короля?

— Я не привык играть по чужим правилам.

— Мне, поверьте, не легче вашего.

Покосившись на Зрящего, Заклинатель буркнул что-то себе под нос и смолк.

— В конце концов, нам предназначена лестная роль могущественных спасителей, — невозмутимо продолжил амадэй. — Успокаивайте себя тем, что в финале зрители будут счастливо аплодировать. Главные герои спасены, жили они долго и счастливо... занавес.

— И все лавры тому, кто написал сценарий?

— О, нет. Совсем нет. Писатель предпочтёт удовлетворённо наблюдать из тени за празднеством актёров, разыгравших всё как по нотам.

— Если не знать каких-то вещей, вашего брата можно счесть отличным скромным парнем, — хмыкнул Иллюзионист.

Когда за границей купола из ниоткуда обрисовался тёмный силуэт, волшебники мгновенно вскочили.

— Если вы здесь, покажитесь, — произнёс голос, явно привыкший приказывать, но не просить. — Я явился открыть проход.

Коротко переглянувшись с коллегами, Иллюзионист шевельнул указательным пальцем — и глаза прищельца, чуть фосфоресцирующие во тьме, воззрились на волшебников.

— Господа... о, и даже дамы, — холод его голоса разбавило удивление. — Прибыли без опоздания. — Незнакомец отступил в сторону — тьма за его спиной сгустилась, соткав в ночной дали за лесом чёрные башни, сиявшие огоньками живых окон. — Зельду найдёте у замка, на лесной опушке. Все, кто мог вам помешать, ликвидированы. Отвлекаться будет не на кого.

— Благодарю, — брезгливо бросил Заклинатель.

Вокруг новоприбывшего взвился снежный вихрь — но тот, тихо рассмеявшись, взметнул руками, и ветер мгновенно стих.

— У меня хорошие покровители, Мастер Заклинатель, — сказал он. — Меня защищают чары даже не одного, а двух амадэев. Да и сам я в колдовском деле не так уж плох.

— Вообще-то заклясть тебя пытался я, — уточнил Иллюзионист, щёлкнув пальцами.

На сей раз у головы незнакомца вспыхнул колдовской огонёк — позволив волшебникам увидеть лицо, сиявшее холодной красотой мраморной статуи, и чёрные звёзды в светлых глазах.

— Эйрдадь? — с налётом отвращения поинтересовался Мечник.

Странник, не тратя время на лишние разговоры, уже карабкался на Кеса.

— Старейший из ныне живущих, — спокойно подтвердил Андудар, прежде чем откланяться и раствориться в воздухе.

* * *

Зельда вскинула руки, но синий огонь полыхнул за гранью щита: в аршине перед лицом Таши, застывшей между двумя амадэями в языках пламени, не причинявшего ей вреда.

— Как невежливо. — Лиар стоял, подняв одну ладонь на уровень глаз. — А я так давно тебя не видел, соскучился, может быть...

— Обмен телами? Это всё это время был ты? — Зельда никак не могла прийти в себя. — Но... я бы почувствовала...

— Я сильнее тебя, — просто ответил амадэй. — В моих силах сделать так, чтобы никто — кроме разве что Арона — меня не узнал. Пару раз пустить себе носом кровь, сыграв слабого мальчика, сложности не составило. А притвориться тем, кем не являюсь... поначалу было сложновато, но со временем я вжился в роль. И те, кто знал прежнего Алексаса Сэмпера, быстро привыкли к новому.

— Не может быть, чтобы альв тебя не почувствовал! — Зельда уже шипела. — Их мутит от тьмы, а от тебя за версту разит! При встрече...

— Тут ты меня поймала. — Лиар мягко улыбнулся. — Сестрёнка, неужели ты думала, что «Венец» просто так послал бы к тебе троих детей? Да ещё и законную наследницу престола?

Таша стояла, широко открытыми глазами глядя на своего врага: чувствуя, как её колотит, словно от неоощущаемого холода.

Нет. Нет. Всё время с мнимого окончания Двоедушия, всё это время... Нет, это не мог быть он. Не мог.

В который раз за последние полгода она убеждает себя в том, что данный свершившийся факт никак не мог свершиться?..

— Она... должна была рассказать обо всём на суде. — Зельда, крадучись, шагнула вбок.

— И ты бы так просто её отпустила? Подобный план могли родить либо глупцы, либо самоубийцы. — Лиар последовал её примеру, только его шаг был в другую сторону. — Нет, сестрёнка. Альв прекрасно знал, кто я на самом деле. А убедить остальных руководителей «Венца», чтобы они послали сюда именно нас, да ещё с таким идиотическим планом действий, труда не составило. Тебе ли не знать. За всё время, что я провёл в этом теле, мне даже лгать почти не пришлось.

Алый огонь погас, будто его и не было, оставив после себя лишь тёмный пепел на нарастаявшей белизне. Амадэи медленно кружили по чёрному снегу — вокруг Таши, глядя друг в друга в глаза: боком, по идеальной окружности, сохраняя разделявшее их почтительное расстояние, и одновременные шаги сливались в едва слышный снежный хруст.

Герланд, пытаясь уследить сразу за обоими, думала Таша той крохотной частичкой разума, что не поддавалась полной потерянности. Герланд... знал?

Как? Почему он?..

— И зачем тогда нужен был этот договор с Андукаром? Это дурацкое глупое разоблачение?

— Игра, милая сестрёнка. Всё — просто игра. Прекрасно поставленный спектакль с драматичным сюжетом и эффектной красивой развязкой. Ты развеиваешь скуку тем, что собираешься уничтожить мир — должен же и я как-то развлекаться?

Таше захотелось закрыть уши руками, зажмуриться и завопить. Просто без слов завопить, сорвав уже сорванный голос, выплеснув всё своё непонимание, боль, отчаяние и ненависть: к самой себе — в первую очередь.

Ты стал другим, говорила она ему совсем недавно. В тебе появилось то, чего не было до этого.

Мне это нравится, говорила она ему совсем недавно.

Я люблю тебя, говорила она — ему...

— Зачем ты пришёл? Что тебе нужно?

— Я знаю, что ты задумала. И не могу этого допустить.

— Знаешь? Но...

Зельда уставилась за Ташину спину: туда, где из-за елового ствола показался живой и невредимый Андукар.

— Прости, любовь моя, — тихо произнёс эйрдаль. — Но всё же злоупотреблять гостеприимством моего рода в течение последних шестисот лет тебе не стоило.

Круги потихоньку становились стремительнее. Таша понимала: стоит ей сделать шаг в сторону — ничем хорошим это не кончится. Позади был один её враг, впереди другой — но лишь один из них заинтересован в том, чтобы она осталась жива.

— Мы познакомились давно. В один из визитов Андукара в Долину, когда ты ещё его выпускала. Когда же перестала выпускать, мы нашли возможность связываться время от времени, чтобы он мог доложить о твоих планах. — Лиар небрежным жестом обратил очередное заклятие Зельды градом огненных капель, бессильно осыпавших снег вокруг эйрдаля. — Я защитил его от твоих чар, а со временем он и сам стал достаточно силён, чтобы защищаться... Всё готово?

— Я обезвредил оставшихся в замке, — доложил эйрдаль: не со смиренностью слуги, но с ленцой истинного аристократа. — Слуги заперты на кухне. Когда я уйду, то закрою и уничтожу порталы.

— Прекрасно. Можешь идти. Обычно предателей я не жалую, — продолжил Лиар, когда Андукар благополучно растворился в воздухе, — но месть — благородное дело. К тому же особо преданным тебе он никогда не был, а потому предательство его скорее формально.

— Зачем ты это делаешь? Спасает это мясо? — Зельда почти рычала. — Они свергли нас! Они отказались от нас!

— Не без причин. А причины возникли не без твоей помощи.

— Они для тебя — расходный материал! Думаешь, я не вижу? Тем колдуном ты пожертвовал, не раздумывая, а он отдал свою жизнь ради тебя! Ты можешь говорить, что мы не похожи, но...

— Ошибаешься. — Лиар чуть улыбнулся. — Да, я никогда не осмелился бы назвать себя хорошим. Равно как и милосердным, и — упаси Богиня — добрым. Но есть люди, которые мне полезны, и те, которые бесполезны. Есть люди, которые мне мешают, и те, которые не мешают. И я никогда не забывал о том, что многие из каждой категории заслужили лучшей участи, чем прижизненная преисподняя.

Зельда остановилась первой.

В руках её из ниоткуда материализовался меч: двуручник с пламевидным волнистым лезвием. Сталь была кроваво-алой, окутанной завораживающим багряным маревом, похожим на отблески костра. Ардор... Прежде такие клинки Таша видела только в книжках; правда, обычно они не были красными, да и светиться даже не думали, но клинки всех амадзев наверняка были волшебными. Каждый изгиб лезвия наносил свой разрез, оставляя мертвеющие и загнивающие лепестки плоти, так что даже пустяшная рана приносила пострадавшему немало проблем. А если учесть, что лезвия ардоров принято было смазывать ядом...

— Значит, таково твоё решение, — произнесла Зельда, когда Лиар застыл прямо напротив неё. — И как же ты намерен меня остановить? Убить меня ты можешь лишь своей рукой. И в этом слабеньком теле ты мне не противник.

— Я — нет. — Лиар наконец позволил себе поднять глаза к небу. — Но кое-кто другой — вполне.

Снег вдруг продавила сияющая синева — тонкая светящаяся линия, очертившая широкий круг вокруг Таши и Воина, занявшего чужое тело.

Прежде чем Зельда успела обернуться, прежде чем Таша успела моргнуть — Лиар перехватил девушку за талию и закрыл ладонью её глаза: чтобы Ташу не ослепила вспышка драконьего пламени, разбившегося о накрывший их защитный купол Мастеров.

Из огня, мгновенно растопившего снег до чёрной земли, Зельда выскочила живая и невредимая — но её уже ждали.

— Здравствуй, Зельда, — сказал Арон, спрыгнувший на снег позади четырёх Мастеров.

— Прощай, Зельда, — обнажив оружие, добавил Мечник.

Арон, поняла Таша ошеломлённо, забыв, что надо вырываться. Арон, Арон!

И четверо в белых мантиях Мастеров!..

Мечник кинулся вперёд, Заклинатель поднял руки, Странник прижал пальцы к вискам — и лесная опушка превратилась в ад.

Таша смотрела, как вокруг сражавшихся валятся деревья и трескается земля. Дракон парил сверху, готовый вмешаться в схватку в любой момент; под ним схлёстывались лёд и пламя, снег и каменные ливни, ураганные вихри и огненные дожди, сталь Мастера и сияющий меч Зельды. Под ногами ведьмы выросли из земли щупальца ожившей грязи — Таша не успела заметить, как та перерубила их мимолётным движением клинка. Снег взвихрился в громадную львиную голову, накрывшую её зубастой пастью — Зельда вырвалась из неё одним косым ударом. Сияющие жёлтым светом листья, яркими бабочками налетевшие невесть откуда, облепили её живым коконом — в следующий миг они уже осыпались серым пеплом.

Таша не сразу поняла, кто запер дуэлянтов в защитном круге — Зельда или её оппонент — но за границей этого круга клокотали разноцветные волны и струился чёрный дым. Потом догадалась: всё-таки Зельда, а волны и дым — заклятия Мастеров, которые она успешно отражает. Меч волшебника порхал, как птица, Зельда оборонялась, но защита её была непроницаема. Мечник перекатывался, кувыркался, наступал словно со всех сторон одновременно — бесполезно: ведьма оставалась на одном месте, блокируя его удары, сражаясь экономно и неброско...

А в какой-то момент Таша поняла, что вокруг Зельды уже не один Мечник, а два. Двое волшебников, похожих, словно братья-близнецы.

Иллюзия?..

Меча, рук, тела Зельды уже нельзя было увидеть: лишь угадать по рубящему воздух свисту, по сияющему алому следу, что оставлял в воздухе волшебный клинок, и отблеску летящих рыжих кудрей. Казалось, у ведьмы сотня рук, каждая из которых сжимает по клинку. Огненный меч рассекал вечную ночь, кромсал её на куски, резал, как масло; один удар наконец достиг цели — но не успела Таша вскрикнуть, как иллюзия растворилась в воздухе, чтобы на её месте возникли две других. Очередная огненная волна за границей защитного купола, застыв колким льдом, осыпала снег хрустальными осколками, — а трое Мечников атаковали Зельду с новыми силами: кололи, рубили, выбивали из её вездесущего клинка снопы огненных искр, призраками скользя друг сквозь друга, не мешая и не рняя своих...

Молодой светлокудрый волшебник, стоявший рядом с Ароном, рассмеялся: руки его порхали крыльями бабочки. Стоило Зельде достать одного из противников — на место павшего приходили двое других. Вокруг неё танцевало уже пятеро магов, и когда они на миг расступились, Таше всё же удалось увидеть Зельду.

Она никогда не думала, что её может обрадовать мука в чьём-то лице.

Арон протянул руку за спину — и в звёздном свете клинок Зрящего засиял мягким золотом, словно отражая огненное зарево.

— Похоже, мне даже не придётся вмешиваться, — заметил Лиар. Он не держал её: знал, что у Таши хватит ума не высовываться за границу магического щита, где дрожала земля и бессильно травили воздух отражённые заклятия. — Даже дракон без дела останется.

Таша знала, как всё будет. Бесконечно отражать одновременно десяток неуязвимых мечей, магическую атаку Мастеров Адамантской Школы и ментальную атаку двух сильнейших телепатов Аллиграна не сможет даже Зельда. Рано или поздно один из трёх элементов её защиты даст сбой — и какой, не суть важно. Важно то, что потом в разрушенный защитный круг войдёт Арон, и одного точного удара будет достаточно, чтобы раз и навсегда покончить с Возлюбленной Богиней по имени Зельда.

А после, убедившись, что чужие руки сделали всё, как должно, Лиар покинет временное тело и вернёт его законному владельцу. Наверное, ещё прежде, чем Арон и Мастера соизволят обратить внимание на них двоих. Впрочем, даже если тёмный амадэй немного задержится, чтобы обменяться парой слов с любимым братиком, ему ничем это не грозит. Ни Арон, ни Мастера не тронут тело Алексаса — это никак не поможет разобраться с его временным владельцем.

Какой стройный, изящный план.

Таша не могла им восхищаться. Невозможно восхищаться существом, которое ты ненавидишь больше всего на свете. Но она ужасалась холодному сиянию его чистого, незамутнённого эмоциями разума. Гению, которого никто и никогда не смог превзойти.

Мастерству игры за чёрных, отточенной за сотни лет жизни, посвящённой мести.

— Развязка и правда вышла эффектной, верно? — почувствовав прикосновение к своим волосам, Таша отшатнулась. — Забавно... ещё совсем недавно тебе это нравилось.

— Зачем? Зачем было всё это? — на её глазах вскипали слёзы холодной ярости. — Зачем я нужна тебе?!

— Считай, ты расплатилась за то, что когда-то было у меня отобрано.

— У тебя отобрано?! — она обернулась, взглянув в его спокойное лицо; за чертой купола всё взрывалось, кипело и плавилось, но Таша этого уже не видела. — Это ты убил ту, кого любил Арон! Ты, твоя магия, твой эгоизм! Как ты мог обвинить его в этом? Обвинить любимого брата в том, что он оказался лучше тебя, оказался достойнее любви?!

— Она не любила его. Как он — её. Он был влюблён, пылал страстью, желал — всё что угодно, кроме любви, — голос Лиара пронимал холодком до мурашек. — Арон всегда был эгоистом. Милым маленьким мальчиком, который хотел быть любимым. Мальчиком,

который захотел понравившуюся игрушку, но не задумался, какую цену придётся за неё выплатить.

— Он? Он эгоист?! — Таша уже кричала. — Ничего не путаешь?

— Ах, да. Совсем забыл. — Глядя в её глаза, амадэй усмехнулся. — Арон же поведал тебе сказочку о нехорошем старшем братце, не простившем младшенькому отобранную возлюбленную?

Таша не ответила.

Она уже научилась чувствовать подвохи.

— Жаль. Я так долго пытался отучить его врать. — Лиар склонил голову набок: мягким, очень плавным жестом. — Видишь ли, девочка моя, его история — почти правда... за исключением того, что Лоура влюбилась в него не сама. Это Арон внушил ей чувство. Использовал силу, данную ему Кристалью, заставив её думать, что она разлюбила меня и влюбилась в него. Но разум твердил ей одно, сердце утверждало другое... и это свело её с ума. — В его взгляде стыл холод — и спокойная, сотнями лет заглушённая боль. — И это привело женщину, которую я любил, в петлю.

— Лжёшь, — прошептала она.

— А я ведь уже говорил тебе. Неужели я мог пообещать нежно любимому братику вечность мучений лишь за то, что моя возлюбленная выбрала его? Наверное, мог... если б я был им. — Амадэй легко коснулся её руки. — Что ж, смотри. И решай сама, лгу я или нет.

Таша не успела отшатнуться: глаза его внезапно размылись во мгле, и...

...она стояла, глядя на остовы сгоревших домов. Тьма окутывала её, тьма и запах гари, и ветер нёс серый пепел, зарывая его в волосы.

— Я найду её, — Ташины губы разомкнулись независимо от её желания, и голос, сорвавшийся с них, был мужским. — За ней должок. Лично передо мной.

— Какой? — едва слышно спросил женский голос за спиной.

Пальцы Лиара стиснули рукоять меча так, что любой другой ощутил бы боль — но не он.

— В этом городе был человек, который стал для нас дорожке остальных. Я бы не простил ей смерти всех, но за смерть одного обеспечу ей преисподнюю.

Странный всхлип заставил его обернуться.

Их сестра вместе с ним удивлённо смотрела, как Арон — юный и красивый Арон с длинными тёмно-русыми кудрями — падает на колени, цепляясь за его мантию.

— Прости меня, — шептал он, — прости, прости...

— Арон! — он попытался поднять брата, но тщетно. — Арон, успокойся! За что ты...

— Она не сгорела. Она... повесилась. Я хотел сказать тебе, хотел... не успел... я...

Лиар замер, не в силах даже выпрямиться.

— Лоура? Повесилась? Но...

— Это моя вина. Моя. Она любила тебя. Она не хотела тебя оставлять. И я... прости, я боялся, что ты...

Он стоял, глядя, как брат плачет на коленях у его ног.

— Что ты сказал?

Арон вскинул на него глаза, отливающие малахитовой зеленью.

— Я... внушил ей, чтобы она разлюбила тебя. Я внушил ей, чтобы она рассталась с тобой, и... я не думал, что это может привести...

— Арон, что ты несёшь? — он отступил на шаг, отказываясь верить тому, что слышит. — Ты... ты же не мог...

— Я не хотел, — повторил Арон. — Я не хотел, чтобы она умирала. Я хотел, чтобы она была счастлива, и... и я...

Лиар молча смотрел на него.

Он стоял в мёртвом городе, которым правил; и душа его, медленно умиравшая весь последний год, была мёртвой, как этот город. Она горела в огне гнева, поднимавшегося из самых тёмных глубин его души — так, заслышав шаги чужака, поднимается змея из травы. И всё, что он наблюдал за последний год, все разрозненные детали наконец складывались в единую картинку.

Остался лишь один вопрос, который требовалось прояснить.

— И ты внушил ей, чтобы она полюбила тебя? — он сам удивился тому, как безжизненно прозвучал его голос. — Решил, что с тобой она будет счастливее? Решил отнять её у меня?

Это даже звучало дико. Арон, Арондель, его любимый маленький брат... Но Арон молчал.

Ответ он прочёл в этом молчании. В нём — и в глазах, исполненных бесконечной вины.

— Мне нет оправданий, — прошептал Арон наконец. — Я предал тебя. Я обманул тебя. Я... прости, она страдала, и я... Я так любил её, что решил...

— Ты? Любила её? — он взял его за шиворот, легко, точно котёнка, вздёргнув на ноги. — Тогда как ты мог сделать это с ней? С нами?

— Я не хотел! — Арон плакал: как плакал сотни лет назад, когда был маленьким мальчиком, когда Лиар баюкал его, пока он не засыпал. — Я не думал... не думал...

— В этом мире я любил лишь вас двоих. Я отступил с вашего пути, не желая причинять вам боль. А что сделал ты?

— Я готов... понести наказание. Всё, что угодно. Я хочу искупить...

— Ты убил её. Ты предал меня. Ты, которому я доверял. Ты, которого я любил больше себя. — Он разжал руку, и брат безвольно рухнул на усыпанную пеплом мостовую. — Чем ты можешь это искупить?

Арон медленно поднял голову.

— Убей меня, — глухо произнёс он. — Убей, я заслужил...

— Нет. Не заслужил. — Лиар холодно смотрел на него сверху вниз. — Убить тебя сейчас — милосердие. Я устал быть милосердным. Ты умрёшь, а я останусь здесь, жить и помнить вас обоих, в вечных муках и вечной боли? Нет... нет. — Он брезгливо одёрнул подол мантии: подальше от того, кто смотрел на него с тщетной немой мольбой. — Ты умрёшь, да. Когда-нибудь — обязательно. Обещаю. Но вначале... вначале тебе придётся узнать, что почувствовал я.

Лиар сделал ещё шаг назад: глядя, как в лице брата страдание мешается с изумлением.

— Ты забудешь, что есть счастье и что есть свет. Обещаю, — голос Воина шелестел, как пепел на ветру. — Я обещаю тебе годы, нет — века страданий. Я обещаю, что столкну тебя с величайшими твоими страхами. Я обещаю — я дождусь, когда ты полюбишь что-то больше жизни, и отниму это у тебя. Я обещаю, что однажды от ненависти и боли предательства твоё сердце разобьётся осколками льда. Обещаю. И вот тогда, только тогда — ты умрёшь... и смогу умереть я.

Он поднял глаза, посмотрев в лицо сестре — и та отшатнулась.

— Ты не с нами.

Он не спрашивал — он утверждал; и, помедлив, Зрячая кивнула.

— Я... не буду вмешиваться, — слабым голосом сказала она. — У меня есть идея, куда податься.

— *Надумаешься податься к сестре, убью обеих.*

Он не угрожал — он констатировал факт; и, помедлив, Зрящая снова кивнула.

Она приняла факт к сведению.

— *Прощай, братишка. — Лиар резким движением откинул плащ. — Ты был другом мне. Но когда мы встретимся в следующий раз, будешь врагом.*

— *Нет. — Арон протянул к нему дрожащую руку. — Нет, Лиар, послу...*

Но он уже летел прочь в сплетении красок, форм, звуков, пока бешеный ветер искажённого пространства бил его по сухим глазам...

Когда видение оборвалось — снег, вспышки и звон мечей навалились на Ташу, словно тяжесть всех прошедших веков.

Нет. Это не может быть правдой. Не может. Чтобы Арон...

...Арон, которого она так любила, Арон, клявшийся больше никогда ей не лгать...

— Нет. — Таша попятилась — и услышала, сколько обречённости прозвучало в её голосе. — Ты лжёшь. Лжёшь.

Он вновь улыбнулся. Хотел что-то сказать: возможно, подметить, как хорошо ей удаётся постоянно убеждать в чём-то саму себя.

Но что, Таша так и не узнала.

До неё донёсся торжествующий крик Мечника.

С лица Лиара вдруг исчезла улыбка.

А потом она ощутила, как взрывается болью правое плечо.

Сил кричать не было. Таша просто упала, и Воин подхватил её, прежде чем она коснулась земли. Зачем-то рванул рукав рубашки: как раз напротив места, которое разъедала всепоглощающая боль.

Спустя миг бережно положил Ташу на снег, выпрямился — и шагнул вперёд из защитного круга.

Таша не видела, что произошло. Она кусала снег, баюкая горевшее огнём плечо, и лишь ощутила, как пронёсся по опушке порыв ледяного ветра, и услышала, как шум сражения сменился мертвенной тишиной.

— Не трогать её, — голос Лиара, прозвучавший среди молчания, был тих и спокоен.

Когда Таша с трудом запрокинула голову, Мечник ничком лежал в стороне: снег под его разбитой головой окрашивался красным. Трое Мастеров застыли поодаль, не в силах даже пальцем шевельнуть. Дракон, багровый и грозный, зорко следил за происходящим золотыми глазами.

А Арон, чуть опустив клинок, смотрел на брата исполненным изумления взглядом.

— Лиар? — Зрящий недоверчиво моргнул. — Как...

Зельда вскинула руку.

Осекшись, Арон ничком рухнул на снег, выронив меч из ослабевшей руки.

— Ритуал параллельных жизней... Неплохо придумано, — сказал Лиар, приближаясь к сестре по изуродованной земле. — В моей защите не было брешей. Как тебе удалось?

Зельда шагнула навстречу, уткнув клинок в растопленный снег, опираясь на него обеими руками: багряное колдовское марево слегка мерцало во мраке. По лицу ведьмы блуждала сумасшедшая улыбка, и рассечённое до кости плечо — правое, как и у Таши — беспокоило её, казалось, не больше царапины.

— Да, ты хорошо её защитил. Но не от того, на что она согласилась по доброй воле. — Зельда издала короткий и очень жуткий смешок. — Она зачитала согласие вслух. Это засчиталось. Провести ритуал, пока она была без сознания, труда не составило.

А, подумала Таша отстранённо. Так вот зачем нужен был тот разговор с Киной и книжка по сангвимагии...

Зараза.

Стиснув зубы, Таша привстала. Боль в плече потихоньку утихала: наверное, регенерация Зельды теперь распространялась и на неё.

Если ранее Лиару удалось привлечь внимание сестры так успешно, что та не заметила приближение дракона — оставалось надеяться, что заболтает и сейчас.

— И зачем, скажи на милость, проводить ритуал, связывая себя с беззащитной девочкой, которую убить куда легче тебя? Связь-то двусторонняя. Вижу, у тебя и болевой порог снизился до смертного уровня.

Лиственные глаза Зельды сияли каким-то болезненным весельем.

— Затем, что в твоём гениальном плане была одна ошибка, — сказала она. — Маленькая такая ошибочка.

Таша медленно продвигалась в сторону амадэев. К телу Арону. Если её и видели, то явно не считали угрозой. Да и чем она может навредить, в серебряном-то ошейнике?

Она сама не знала, зачем делает это. Наверное, просто хотела быть поближе к ним, если вдруг представится возможность...

Чего-нибудь.

— Ты думал, я не знаю, почему вы с братом стали врагами. Но я знала. Я бродила не только по Арпагену... и видела Арона с ней. С этой вашей миленькой ученицей Ликбера. А потом узнала, что произошло — от Алейды, прежде чем сестричка скрылась в альвийских лесах. Вроде как отдала мне этим долг прежней дружбы... даже не решилась лично встретиться. По ментальному каналу связалась. — Зельда сплюнула на обгорелую землю. — Трусиха.

Лиар молчал. И его молчание — странное,стораживающее молчание — заставило Ташу вновь взглянуть на амадэев.

С вымораживающей душой улыбкой Зельда вскинула ладонь: в пальцах её болтался невесть откуда взявшийся медальон.

— Прежде чем поджечь Адамант, я вернулась в ваш дом. — Крышка, щёлкнув, открылась сама собой. — И нашла там это.

Медь медальона позеленела от времени, века сгладили и обточили затейливые завитушки на крышке — но скрытое внутри лицо, нарисованное на фарфоре, осталось нетронутым. Миловидное лицо молодой женщины с чуть раскосыми глазами, обрамлённое локонами цвета воронова крыла.

Таше понадобилось время, чтобы понять, что в этом лице ей мерещится некое сходство с кем-то до боли знакомым. Потом вместе с головокружением пришло странно, бесконечно странное ощущение — будто разум пытается вырваться за грань зримой реальности; перед глазами промелькнули тени воспоминаний, смутные видения, которые она так и не успела осознать...

...и вдруг, сама не зная как, с необычайной ясностью Таша осознала правду. Немыслимую, невероятную правду, которой не могло быть.

Как и многого из того, что она узнала за последние дни.

Да, черты лица на портрете были другие. Да, волосы её от рождения были светлыми.

Но сейчас она смотрела на самую себя.

Ташу, темноволосую, взрослую, в другом теле — Ташу...

— Ваша подружка покончила жизнь самоубийством. Вечный покой таким даровать не

могут. Значит, она должна была вернуться... хоть раз, но должна была. — Захлопнув медальон, Зельда выдернула меч из земли. — Я не сразу поняла, кого она мне напоминает. И долго думала, что может связывать вас обоих с жалким оборотнем. Но потом вспомнила вашу драгоценную девочку-волшебницу... и поняла: грех не связать свою жизнь с единственным человеком, чью жизнь твой враг ценит выше своей.

Таша смотрела на безделушку, свисавшую из Зельдиных пальцев, только что перевернувшую всю её жизнь. Смотрела, желая плакать и смеяться одновременно.

А она-то думала: почему она, почему именно она...

— И что же ты собираешься делать? — помолчав, спросил Лиар.

— Как что? Избавлюсь хотя бы от одного из вас. Вы ведь не осмелитесь причинить боль своей девочке... ты только что это доказал. — Скользя к телу Зрящего, отделённого от Зельды какой-то парой шагов, взгляд ведьмы вернулся к другому брату. — Ему предстоит помучиться, правда... здорово помучиться... — Вскинув меч, Зельда воззрилась на Лиара: тот стоял перед ней безоружным, с внимательным и бесстрастным лицом. — Жаль, ты не в своём теле. Но мне всё равно доставит огромное удовольствие посмотреть, как ты умираешь. Репетиция, так сказать. Рано или поздно я тебя достану, ведь ты меня и пальцем тронуть не посмеешь, а я... а я убью тебя. — Она лихорадочно облизнула сухие губы. — И Аллигран будет моим.

Сжимая меч правой рукой, Зельда резко сжала кулак левой — и, Лиар, коротко выдохнув, повалился наземь. Он не кричал, но лицо его исказилось так, что Таша понимала: сдерживать крик стоит ему нечеловеческих усилий.

Впрочем, он и не был человеком.

Зельда наблюдала за братом, корчившимся в агонии, пока на губах её стыла помешанная улыбка — и Таше вспомнилось всё, что ждёт её мир, если Аллигран действительно станет принадлежать ей. Нечисть, властвующая над людьми. Твари, приглашённые с той стороны, дабы отомстить всему человечеству за одно-единственное предательство. Врата Бездны. Демоны.

Бесконечная ночь, бесконечная кровь...

В секундную передышку, предшествовавшую началу новой пытки, Лиар нашёл глазами её глаза.

И в этот момент Таша поняла, куда ведёт её дорога.

Если бы у неё было время подумать, она вряд ли смогла бы это сделать. Если бы тут был Арон, который мог читать её мысли, он вряд ли дал бы ей это сделать. Но Арон лежал без сознания, а у Таши не осталось времени подумать над тем, что она делает.

Она знала лишь, что должна что-то сделать.

Она коснулась ладони Зрящего, точно ища поддержки. Протянула руку к клинку, лежавшему на земле рядом с ним.

От внимания Зельды это не укрылось.

— Ничего себе! — когда Ташины пальцы сомкнулись на кожаной рукояти, ведьма расхохоталась — стоило ей отвлечься, как лицо Лиара разгладилось.

— Ты даже знаешь, каким концом его держать? — хохот оборвался так же резко, как и начался. — Ну давай, девочка. Покажи, на что способна.

Таша с трудом встала на ноги. Шагнула навстречу Зельде, держа клинок в опущенной руке. Стоило ей приблизиться, ведьма мгновенно выбросила руку вперёд, и кончик светящегося алого клинка едва не уткнулся Таше в грудь.

— Поиграем? На глазах у моего братика? Это будет поучительно, думаю. — Зельда широко улыбалась. — Я не причиню тебе боли... большой. В конце концов, это теперь и моя боль.

Таша мельком улыбнулась в ответ.

Закрыла глаза.

— В том-то и дело, — прошептала она.

Раз.

Она не собиралась перекидываться. Но даже начала превращения хватило, чтобы ошейник на шее раскалился, прожигая кожу. Боль, рождённая соприкосновением с цверговым серебром, ослепляла, лишала мыслей и сознания; и Таша так и не поняла, чей вопль она услышала — свой или Зельдин — пока падала вперёд.

На миг, на один жалкий миг ведьма потеряла контроль.

И этот миг позволил Таше налететь грудью на лезвие огненного клинка прежде, чем Зельда успела его отвести.

На этот раз боли не было. Лишь странно перехватило дыхание, да что-то странное и чужеродное ощутилось в том месте, где обычно билось сердце. Она услышала чей-то бесконечно далёкий крик, ощутила щекой холод зимней земли — и сквозь невесть откуда взявшийся туман увидела, как напротив неё падает на колени Зельда, прежде чем раствориться в воздухе. Ничего, не уйдёшь... от смерти не убежишь...

Дурацкое ощущение в сердце исчезло вместе с ней. Осталась пустота. Видимо, клинок ведьма призвала за собой. Кто-то звал Ташу по имени: один голос, и второй... Арон очнулся... но откуда бы здесь взяться Лив? Нет, это ей определённо мерещится. Чьи-то руки перевернули её, прижали к себе — бледное лицо Алексаса заслонило собой звёзды. Нет,

Лиара, это же был Лиар...

— Придётся искать... другую игрушку, — едва слышно проговорила она.

В груди странно и хрипло забулькало.

Она не боялась. Она уже умирала раз — или не раз — и знала, что это не так уж страшно. Было только немного грустно, только мысли слишком путались, чтобы понять, отчего именно.

Но в ответ он улыбнулся.

— Глупенькая моя девочка. — Улыбка амадэя была столь легко, что её легко можно было принять за игру звёздного света. — Ты ни разу меня не подвела.

Таша упала в чёрную бездну его зрачков — и выдохнула в последний раз.

* * *

Лиар поднял голову. Посмотрел на Лив, спрыгнувшую с драконьей спины, огромными глазами глядя на безжизненное тело сестры. На мертвенно-бледного Арона: Зрящий, пошатываясь, брёл к ним.

Коснулся тихим поцелуем Ташиной макушки, дотронулся до янтарной подвески, выбившейся из-под её рубашки — и бережно опустил девушку, по груди которой расплзалась огромная багровая клякса, на землю.

— Очнулся, смотрю, — глядя на брата, устало бросил он. Опустил глаза на мёртвую девушку, лежавшую прямо перед ним. — Как раз вовремя.

Секундой позже Таша сделала судорожный хрипящий вдох.

Арону не потребовалось говорить, что делать. Рухнув на колени, он накрыл обеими ладонями рану, зиявшую на Ташиной груди, золотой свет озарил растёкшуюся по рубашке кровь — и жуткое бульканье её дыхания моментально уступило место мерным ровным вдохам.

— Она была мертва, — закончив с развороченной грудной клеткой, произнёс Зрящий, прежде чем перейти к рассечённому плечу. Не обращаясь к брату: отстранённый голос выдавал растерянность, которую необходимо было просто высказать вслух. — Мертва. Я чувствовал.

— Ритуал параллельных жизней. Зельда связала её с собой, а единственный способ разорвать связь, не прибегая к магии — убийство одного рукой другого, — скучаяще пояснил Воин. — Этот пункт от жертв ритуала чаще всего скрывают, дабы не делали глупостей. К тому же фокус не оканчивается смертью обоих, лишь если жертва не знает о

последствиях действия — тогда связанные воскресают, даже если получили безусловно смертельные ранения. В противном случае шансы, что при разрыве связи оба умрут с концами, примерно пятьдесят на пятьдесят. — Подперев рукой подбородок, Лиар внимательно следил за тем, как брат выпрямляется рядом с Ташей, теперь мирно спящей. — Но, как видишь...

Ладонь Зрящего хлестнула его по щеке.

Руки Зрящего опрокинули его на землю.

Пальцы Зрящего сомкнулись на его шее.

Лиар не сопротивлялся: лишь с неожиданным интересом смотрел на брата, душившего его с выражением сосредоточенной ненависти на лице.

— Дядя Арон! — Лив с громким воплем рванула к ним. — Что вы делаете?!

— Арон, это просто тело. — Иллюзионист, с которого спало магическое оцепенение, вмиг очутился за спиной амадэя. — Тело невинного мальчика.

Зрящий только плотнее сжал губы.

— Здесь два человека, которым нужна ваша помощь. — Ладонь Иллюзиониста легла на его плечо. — Арон, опомнитесь!

Когда амадэй всё же отдернул руки, лже-Алексас судорожно закашлялся.

Когда Зрящий сел на выжженной земле — на коленях, между Ташей и братом, спиной к нему — Лиар лежал на спине и хохотал звонким мальчишеским смехом.

— Bravo, bravo! Да ты ещё способен выходить из себя? — он сел, потирая шею. — А я уже начал думать, не чрезмерно ли умерился твой пыл.

В стороне Странник и Заклинатель хлопотали над Мечником, в беспмятстве лежавшим на земле. Кес яростно бил хвостом по растрескавшейся земле, Лив смотрела на Лиара с замороженным ужасом. Перехватив взгляд девочки, Палач подмигнул ей — весело, совершенно по-мальчишески. Когда та, вздрогнув, зажмурилась, посмеялся чему-то, прежде чем вновь посмотреть на брата.

Арон казался почти спокойным.

— Как ты посмел... как ты смел прикасаться к ней?

— О, даже не знаю, как от стыда ещё сквозь землю не провалился. — Воин сидел на земле, обхватив руками колени, и улыбался. — Завидно? Не играл бы в заботливого папочку, может, тоже бы досталось.

— А я думал, в тебе всё-таки осталось что-то... хорошее.

— Верно подмечено. Уже не помню, когда в последний раз спал с хорошенькой девушкой лишь в самом прямом смысле этого слова. А в душе что-то такое доброе просыпалось, невинное... даже страшно порой становилось. — Лиар вздохнул. — Такой ситуацией, да не воспользоваться...

— Я не заметил, чтобы ты ею не воспользовался.

— Спроси у Таши по пробуждении. Когда девушка целует тебя исключительно по собственному желанию — это, знаешь ли, куда интереснее.

На этих словах Иллюзионист на всякий случай отступил на шаг.

Когда глаза человека из зелёных становятся почти чёрными, это явно не очень хороший признак. Особенно если этот человек — не совсем человек.

— Я не верю тебе, — наконец вымолвил Арон.

— Что кому ни скажи, всё ложь, — усмехнулся Лиар. — Прав достопочтенный господин Оррак: немногие способны встать лицом к жестокой истине.

— Ты очаровал её.

— Братишка, ты прекрасно знаешь, что та магия осталась в крови моего настоящего тела. И когда три заветных слова произносятся исключительно по магической подсказке, это значительно ухудшает качество любви. Предпочитаю лучшее.

Арон стоял на коленях. Кулаки стиснуты, губы сжаты, скулы напряжены. Иллюзионист видел, каких усилий ему стоит не оборачиваться.

Наверное, Зрящий знал: если обернётся — не сможет сдержаться.

— Мне пора, — заключил Воин. — Приятно скоротали последние дни, правда? Болтали, почти как в старые добрые времена... но следующие пару месяцев, думаю, без братского общения я переживу.

Амадэй взглянул на Мастеров.

— Благодарю, господа. Без вас братишке пришлось бы туго.

Амадэй взглянул на Кеса.

— Спасибо за посильный вклад. Без тебя доставить моё средство связи в горы было бы довольно хлопотно.

Амадэй взглянул на Лив.

— Спасибо за тело. Постараюсь не злоупотреблять им в дальнейшем.

Амадэй взглянул на Арона.

— Спасибо. Когда ты мне понадобишься, ты об этом узнаешь.

Взглянул на Ташу, помолчал — и когда он откинулся спиной на мёрзлую землю, лицо его смягчилось, обретя ту детскую растерянность, которая никак не могла принадлежать амадэю.

— Владелец тела вернулся, — подтвердил очевидное Странник.

Лив наконец смогла шагнуть вперёд. Тут же побежала к сестре — и к Джеми, теперь спавшему рядом со своей королевой.

Арон медленно поднялся с колен: чтобы, пошатываясь, как слепой, добрести до Мечника. Перевернув волшебника на спину, положил ладонь на его разбитый лоб.

Два Мастера молча следили за его действиями. Иллюзионист же задумчиво взглянул на поблекшие в вышине звёзды. На небо над замком, которому суждено было посветлеть поутру впервые за сотни лет.

На безобидное юное лицо под тёмными кудрями.

— Ненавижу его, — негромко, устало и очень искренне сказал Вермиллион Морли. — Но уж с ним сыграть в аустэйн, думаю, Заклинателю было бы очень интересно...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. КУДА ПРИВОДИТ ЛОЖЬ

Таша просыпалась медленно, в отчаянном нежелании открывать глаза. Она знала, что тогда придётся выползть из-под одеяла, а в замке ведь так холодно...

Замок...

...Зельда, горящая нечисть, Лиар, Мастера...

Резко разомкнув веки, Таша села.

— Тише. — Арон заставил её опуститься обратно на подушку. — Ты всё ещё слаба.

Она заторможенно уставилась в балдахин над кроватью, проследив за узором серебряной вышивки по мягчайшему синему шёлку. Неуверенно привстав на локте, оглядела огромную, шикарно обставленную комнату: полную позолоты, завитушек, лепнины и прочих изысков, прямо-таки кричащих о голубизне крови тех, кто живёт в окружении всего этого.

— Где я?..

— В Альденвейтсе. Мастера доставили нас сюда ещё два дня назад, но ты не просыпалась.

Таша усталилась на свою грудь, прикрытую тонким хлопком ночной рубашки, украшенной умеренным количеством кружавчиков.

— Я что, жива?

— И за тобой присматривает сам Мастер Зельевар. Неслыханная честь, должен сказать. Впрочем, Шестеро согласились, что спасительница всего Аллиграна и четырёх Мастеров в частности того заслуживает.

Она озадаченно посмотрела на амадэя.

— Почему я не умерла?

— Единственным способом разрушить связь было твоё убийство Зельдиной рукой. То, что ты и сделала. При этом вы обе воскресли, но привязка жизней разрушилась. — Арон сидел на стуле подле кровати, откинувшись на высокую гнутую спинку. — Залечить же твою рану было делом техники.

— А, — только и смогла выдавить Таша.

— Зельда тебя недооценила. Не думала, что ты готова пойти на боль и смерть. А себя переоценила: считала, что в случае бунта всегда сможет тебя остановить. Впрочем, она жива и снова скрылась в неизвестном направлении, но замок разрушен, а все её слуги либо в тюрьме, либо возвращены по домам... в зависимости от нашего со Странником вердикта, почему они служили «Рассвету». Кэйрмиль в числе заключённых. Судя по всему, кто-то успел сбежать, да и Зельда всё ещё опасна — но в ближайшее время, думаю, нам ничего не грозит.

Таша нахмурилась, вспоминая что-то очень важное.

Когда вспомнила, сердце её сжалось:

— А Кира? Внучка Тальрин? Она была в замке, мы пытались вытащить её оттуда, и...

— Кира в порядке, — успокоил её Арон. — Её забрали из замка, как и других жертв.

— Так они живы! — Таша облегчённо выдохнула. — А то Зельда собиралась скормить их нечисти после бала, и...

Глядя в лицо амадэя, она осеклась.

— Кира в порядке, — тихо сказал Арон. — Её родители — нет.

Таша потерянно приоткрыла рот. Не зная, что сказать — и даже что чувствовать.

Ну да. Киру ведь планировали принести в жертву во время магического ритуала. И когда Зельда вывела Ташу из замка, чтобы та полюбовалась на охоту за Алексасом, время ритуала ещё не пришло.

В отличие от послебального ужина.

— Суд над Норманами уже был? — после очень долгого молчания спросила она.

— Будет через пару часов. Король благополучно очнулся. Своих покоев из-за слабости пока не покидал, но судить Норманов обещал лично. Впрочем, Кэйрмиль уже досмотрели, и невиновность Орека подтверждена. Досмотреть тебя у магов, увы, не вышло, но мне удалось убедить их в обратном. — Арон взглянул на янтарную подвеску. И правда: она же защищает от ментального взлома, и против Ташиной воли её не снять, а раз она спала... — Согласно их вердикту, твои воспоминания не разошлись с показаниями Кэйрмиль. Я проверил её воспоминания — о «Венце» ей не рассказали, а всем, кому наверняка было о нём известно, удалось уйти. Так что ты проникла в «Рассвет» за компанию с друзьями-колдунами, которых как раз очень удачно завербовали эйрдали. — Амадэй кивнул на какие-то бумаги, лежавшие на тумбочке подле кровати. — Копия протокола твоего досмотра. Чтобы ты знала, что рассказывать на суде.

Которую тебе, конечно, тоже удалось заполучить у магов-досмотрителей, мысленно добавила Таша. Как удалось убедить их вообще допустить тебя на досмотр.

Странно. Раз подвеска на ней, почему её не перенесло в штаб-квартиру «Венца»? Хотя да: наверняка чары на неё накладывал Лиар, и он же наверняка разрушил заклятие переноса, когда надобность в нём отпала...

— Значит, всё кончено?

— Да. Всё кончено. — Арон улыбнулся, но улыбка его не была весёлой. — Ты победила.

Таша смотрела на него, пытаясь понять причины муки в его глазах — и вспомнила кое-что ещё.

Поцелуй.

Сцена из очень далёкого прошлого.

— Ты ведь знаешь, — сказала Таша, когда молчание натянулось тугой струной, — что Лиар... что он был...

— В теле Алексаса? Знаю. Вернее, узнал, когда его увидел. — Улыбка Зрящего стала кривой. — Потому я и не мог тебя найти. Я думал, дело в кубке, но всё оказалось куда проще.

— Я... не думала, что такое может быть.

— Я тоже.

— Значит, Джеми жив? Двоедушие не кончилось?

— Да. Лиар ушёл почти сразу, как исчезла Зельда. Правда, не удержался, чтобы напоследок не пообщаться со мной. — Арон помолчал. — Потом в тело вернулись мальчишки. Оба живы и здоровы. Можно сказать, Лиар поставил рекорд: люди не разменялись телами, но поменять две души на одну и потом благополучно вернуть их обратно...

— Это хорошо.

— Да.

Молчание.

— Значит, я — Лоура?

Даже слова звучали абсурдно.

— Не факт. Ты очень похожа на неё. Но ты — совсем не обязательно она.

— Похожа... Поэтому ты и полюбил меня... потом? — Таша вспоминала лето. — Потом, когда понял это? Ведь не внешне, а внутренне... сразу не поймёшь...

— Всё не так, Таша.

— Да. — Она отвела взгляд, глядя в окно. Странно, откуда эта горечь в душе? — Ты уже говорил это... летом.

Как здорово наконец видеть солнце. Солнце, которое сияет так же ярко, как до этой кошмарной ночи, где многие сорвали маски, слитые с кожей. Ведь что бы под ним ни произошло, солнце всегда будет светить так же безмятежно.

Она поймала себя на мысли, что ей становится ещё горше от этого осознания.

...«всё не так, Таша. Всё не так, как ты думаешь»...

Когда-то она боялась быть лишь разменной монетой в игре бессмертных. Теперь она знает правду — но та пугает её не меньше. Сколь изощрённая пытка, думала Таша; свести тебя с той, кого ты любил сотни лет назад — но не с женщиной, готовой принять твою любовь, а с девочкой, слишком юной даже для того, чтобы понять, что она влюбилась. Смотреть, как ты обрекаешь себя на то, чтобы быть ей отцом, не больше. Как мучаешься, когда она признаётся тебе в любви, обнимает тебя, просит быть с ней — так искренне, по-детски невинно, — а ты знаешь, что не смеешь, не посмеешь переступить черту...

Браво, Лиар.

Что с ним сделала вечность? Что заставило сильнейшего из амадэев так мучить тех, кого когда-то он любил больше себя?..

— Почему ты не сказал мне?

— А ты бы поверила?

— Нет. Я и сейчас не верю.

Горечь...

Горечь понимания, что новое знание освещает всю эту историю совершенно другим светом.

— Скажи мне, Арон...

— Да?

Она стиснула янтарную подвеску в тонких пальцах.

Спросить или нет?

Если не спросит, будет сомневаться до конца жизни.

— Скажи... то, что ты рассказывал о Лоуре... о том, почему Лиар поклялся тебе мстить...

...но если спросит — и получит ответ, которого не хочет слышать...

Опершись на локоть, Таша медленно села в постели.

— Скажи... это правда?

Для карточного стола его лицо было идеальным. Для неё — вдруг открыло то, о чём она должна была догадаться давным-давно.

Солги, забывая дышать, отчаянно подумала Таша. Пожалуйста, солги. Солги — я поверю.

Я ведь обещала верить тебе...

А потом Арон качнул головой.

Таша закрыла глаза.

Вот она. Правда, которой она так желала.

Правда, которой она так боялась.

— Значит, Лиар не лгал. — Почему-то было важным произнести это вслух. — Это ты убил её.

— Я не мог сказать тебя правду, — голос Арона был глух. — Я знал, что после неё... ты не сможешь относиться ко мне по-прежнему.

— Но тайное всегда становится явным. Или ты об этом не слышал? — горечь захлёстывала её с головой. — А как же твоё обещание, что ты больше никогда не будешь мне лгать?

— Это была последняя ложь, клянусь. Последняя ложь в моей жизни.

— Я думала, ты не станешь ломать сознание того, кого любишь. Но если ты сломал её сознание, что мешает тебе сломать моё? — Таша взметнула ресницы кверху, заглянув в серые сейчас глаза. — Я ведь помню, как мы встретились. Помню, как ты заставил меня забывать маму, Лив... как быстро я привязалась к тебе. Как готова была пойти за тобой на край света. Странно, правда? Странно... но одна вещь поставит всё на свои места. И, думаю, она же объяснит твоё нежелание рассказывать мне о старых привычках.

Он молчал. Лишь смотрел на неё с обречённостью.

Таша уже знала, как всё будет, но странное чувство фатальности происходящего не давало ей остановиться на полпути.

— Ответь мне. Ты заставлял меня... полюбить себя?

— Я сражался ради тебя, — проговорил Арон. — Убивал ради тебя. Побеждал смерть — ради тебя. Ради тебя я бы отдал свою жизнь.

— Отвечай.

— Таша, я люблю тебя. Разве это не главное?

— Отвечай, — свистящим шёпотом повторила она.

Он стиснул пальцами подлокотник.

И тихо, очень тихо ответил:

— Да.

Какое-то время в комнате царила тишина и бездвижность. Лишь пылинки жёлтыми искрами парили в солнечных лучах, косо сочившихся сквозь высокое окно.

Затем Таша откинулась на подушку — почти спокойно.

— Ты любишь не меня, а призрак той, что умерла сотни лет назад. Это, знаешь ли, две большие разницы. А я тебя не люблю... больше, — голос её был суше витавшей в воздухе пыли. — Да, ты спас мне жизнь, и неоднократно, и я благодарна тебе за это. Но смерть, пожалуй, предпочтительнее участи куклы одного из вас. Моя жизнь сломана из-за тебя в той же мере, что из-за него. Ты не меньший эгоист, чем твой когда-то любимый братец.

— Ты не...

— О, нет, Арон. Я — твоя кукла. В той же степени, что и его. Только игрушкам не дают выбора, любить хозяина или нет. — Таша снова закрыла глаза. — Уходи.

И услышала, как он застыл.

— Таша...

— Я сказала, уходи. Я в безопасности. Те, кого я хотела защитить, живы. Король о нас позаботится. С дальнейшими проблемами я как-нибудь разберусь без тебя. Разобралась же с этой.

— Тебе нельзя здесь оставаться! Таша, если ты думаешь, что в безопасности, ты ошибаешься — он...

— Уходи. Ты когда-то говорил, что уйдёшь, когда я этого захочу. Когда ты уйдёшь, всё сразу встанет на свои места — я уверена. Когда он поймёт, что тебя больше нет в моей жизни, продолжать игру станет неинтересно. Этого, думаю, он и добивался. Да и... даже если он меня достанет... не так уж с ним и плохо. — Таша рассмеялась, не понимая, кого больше ранит этими словами: его или себя. — Смогла же я его полюбить, когда он был в теле Алексаса. И по доброй воле, кажется.

— Это его природа — очаровывать, — голос амадэя резал сталью: он никогда не разговаривал так с ней. — Ты не могла его полюбить.

— Но из вас двоих, кажется, только он не заставлял девушку полюбить и разлюбить кого-то.

Таша почти чувствовала взгляд, ощупывающий её лицо. Желаящий запомнить, зарисовать, оттиснуть в памяти...

Потом услышала, как Арон встал.

— Я был неправ.

Таша не ответила. Знала: он продолжит и так.

— Победитель — не ты. Он. Он действительно добился, чего хотел... того, что обещал

мне вечность назад. — Она услышала шёлковый шелест его фортэньи: амадэй шагнул к кровати. — Он отнял у меня тебя.

И в этом не виноват никто, кроме тебя самого, сказала Таша.

Но произнести это вслух так и не решилась.

— Прощай. — Арон дотронулся до её лба сухими губами. — Если когда-нибудь я буду нужен тебе, позови. Думаю, он не запретит мне прийти. Это ведь будет так... интересно.

Вот сейчас: открыть глаза, схватить его за руку и удержать. Того, кто сражался, убивал и побеждал смерть — ради неё. Того, кто на несколько месяцев вернул ей украденное детство. Того, кто любил её, или не её, а ту, кого видел в ней; того, кого она любила — или ей казалось, что любила, неважно...

Но всё дело было в том, что это — важно.

И поэтому Таша так и не открыла глаза.

Тихий стук двери оповестил её о том, что всё кончено. Тогда Таша наконец позволила себе посмотреть вверх: чувствуя, как слёзы обжигают щёки, ощущая на месте сердца такую холодную и чужеродную пустоту, словно меч Зельды всё ещё был в её груди.

И уже знала, что за смерть от этого меча — вторую свою смерть — она заплатила крыльями.

* * *

За время его отсутствия в кабинете ничего не изменилось. Пустынную келью тьмы и вечного одиночества неверно освещало каминное пламя, на столике подле робко потрескивавшей свечи темнела пыльная бутылка. Оранжевый свет играл в гранях двух пустых бокалов.

Он сидел в кресле, наблюдая, как Альдрем методично подбрасывает в огонь щепки. Сплетя ладони, рассеянно вертя большими пальцами — одним вокруг другого.

— Хозяин, вы в порядке? — отряхнув руки в перчатках, деликатно спросил слуга.

— Я бываю в беспорядке?

— Нет. Но с тех пор, как вы вернулись, вы определённо пребываете не в обычном своём порядке.

Он посмотрел на пустые бокалы и пламя свечи.

— Эти дни дались мне труднее, чем я думал. Мне казалось, вспомнить себя

тысячелетней давности будет несложно.

— А оказалось?

— Оказалось, тогда я куда лучше помнил, что такое боль.

Альдрем медленно выпрямился.

— Вы не жалеете?

— О чём? — он провёл ладонью над огоньком свечи. — В конце концов, многое из того, что я делал, я делал ради этого.

Теперь он понимал это, как никогда раньше. Хотя нет, не так. Понимал он это давным-давно: не было в этом мире вещи, которой бы он не понимал. А вот почувствовал лишь сейчас.

Понимать и чувствовать — это разные вещи.

Он тысячелетней давности помнил и это.

— Ради нескольких дней украденного счастья?

— Нет, Альдрем. Ради ответа на вопрос, который мучил меня столетия. Ради трёх слов, которые были предназначены мне.

— Но разве сейчас они предназначались вам?

— Она думала иначе, хочешь сказать? — он сжал ладонь, поймав кончик пламени между пальцев: огонь жёг его кожу, не сжигая. — Но это был я. Мне хватит и этого.

Слуга осторожно шагнул к креслу.

— А вы не думаете, что всё можно было бы сделать... по-другому? Уверен, она смогла бы полюбить вас, а не вашу маску.

— Тот, кого она могла бы полюбить, тоже маска. Истинный я — Палач, чудовище из сказок, которыми в детстве пугала её мать. — Он смотрел на огонь, чувствуя упоительное тепло. — Я недостойн любви.

— Но вы могли бы...

— Нет, не мог бы. И в этом наше с ним принципиальное различие. — Огонёк дрогнул, спугнутый его дыханием. — Я не смог бы ей лгать. Только не ей.

Ему давно не было больно. Вспоминать это чувство оказалось несладко.

Это когда-то предпочёл Арон? Он пытался заставить его забыть, сотни лет пытался; забыть так же, как когда-то забыл он сам. Но брат цеплялся за свою любовь и свою боль, понимая, что одно от другого неотделимо — предпочитая смотреть, как умирают, страдают и предают его те, кого он любил, но не забывая то, что единственное у него не могли отнять ни меч, ни магия...

То, что отличает их друг от друга.

Эгоист.

Впрочем, если бы братишка сумел переступить черту, делавшую их игры такими интересными, и зайти за неё дальше, чем следовало — он бы убил его в ту же минуту. Оставлять его в живых после этого было слишком опасно.

— Хозяин...

— Да?

— А вы никогда не думали, что когда-нибудь вы... снова встретитесь? И, может, лучше остаться... достойным любви?

Хороший вопрос. Когда-то он часто приходил и в его голову. Когда-то он даже попытался обмануть предназначение: один раз, на короткое время наполнив теплом и светом пустоту в его сердце.

Один проклятый раз, сделавший эту пустоту темнее и страшнее прежней.

Всё дело было в том, что они уже встречались снова. И то, чем их история закончилась тогда, помогло ему окончательно усвоить одну простую истину; истину, о которую разбивались все вопросы.

— Я не имею права на любовь, Альдрем. С того дня, как меня сделали нянькой для рода людского. — Он коснулся горящего фитиля: огонь был гладким, он струился по пальцам, как яркая вода. — А она не заслужила любви к существу, которое создали, чтобы его брат не пачкал руки кровью.

«О том, как он убивал ту, кого больше всех на свете хотел бы спасти»... Кто бы ни говорил тогда устами девчонки-менестреля, у него отличное чувство юмора. Ведь об этом как раз не поют в песнях. Там поют о том, что он сделал после; поют о славной победе великого воина, которого не сломила даже трагическая гибель возлюбленной.

Его всегда забавляло, как же мало знали все, кто сложил эти самые песни.

Если бы певцы знали правду, думается, у них бы резко пропал голос.

Разум — всё, что нужно для существования. Чувства только мешают. Он давным-давно это усвоил — с тех пор, когда в первый раз лишил человека жизни. Человека, который

заслуживал этого; но кто сказал, что он, Лиар, заслуживал того, чтобы лишать кого-то жизни? Вечной участи Палача... Нет, он не мог сказать, что кого-то из них шестерых народ любил. Они были слишком другими для человеческой любви. Но если Зрящих уважали, то Палачей боялись.

Не более.

Он усмехнулся.

О чём он думает? Конечно, он этого заслужил. Вернее, оказался достоин: в понимании Кристалли. И этой участи, и той задачи, особой — даже для амадэя — задачи, что их создательница взвалила на его плечи вместе с его Даром.

Огонь погас, когда он сжал фитиль между пальцев. Погас моментально, беззвучно, тая белым дымком, взлетающим куда-то кверху. Это ведь так легко — убивать.

Гораздо легче, чем кажется.

Чувства мешают. Это невозможно: умирать вместе со всеми, кого убиваешь. Это невозможно: слышать крики и слёзы тех, кто любил их. Это невозможно: чувствовать вечную ненависть и вечный страх. Так он думал последнюю тысячу лет. И исключения из правил делал очень редко — хватило бы пальцев двух рук, чтобы пересчитать всех, к кому он искренне привязывался за своё бытие амадэем. Чья потеря вызвала бы у него настоящую печаль, не сожаление от потери ценной фигуры. Пятеро из них были другими амадэями.

Исключения делались лишь для тех, кто сам по себе был исключением.

Но ему было жаль этого мальчишку-колдуна. Пешку. Ничто. Он не мог спасти его, не мог сорвать свою маску раньше времени; но когда он слышал его последние слова, слышал, как она кричала потом — слышал через янтарную побрякушку, от которой она не смогла отключиться...

Что она сделала с ним? Что ещё сделает?

Что заставило его тогда оставить Ленмариэль Бьорк в живых? Опостылость разумных решений? Глупая дальновидность? Перст судьбы? Возможно, для них обоих было бы милосерднее, если бы он убил её до рождения. Или в момент, когда снова узнал её, когда осознал, кто улыбается по ту сторону зеркала — почти ему...

Но тогда, наверное, он ещё не так хорошо помнил, что такое милосердие.

— А теперь скажите, хозяин... вы точно в порядке?

Посмотрев на слугу, он тихо рассмеялся.

— Как же ты всё-таки проницателен, мой милый Альдрем. — Он повёл рукой, и фитиль, вспыхнув, вытянулся ровным и светлым огнём. — Да, я в беспорядке. Но, знаешь...

пожалуй, мне это нравится.

Слуга с поклоном отступил:

— Это главное.

Убивать легко. Как и умирать, впрочем. Но вернуться к жизни, если подумать, тоже не слишком сложно. Особенно если мертва душа, но не тело.

Останется только убедить в этом её.

Убеждать в этом себя он не заслуживает.

— Что ж, довольно лирики на сегодня. — Он встал. — Настало время дел насущных.

— Финал? — печально спросил Альдрем.

— Да, — сказал он. — Игра подошла к концу.

— Значит, все эти дни ты просто спал? — спросила Таша, с невыразимой нежностью глядя на кудрявую макушку Джеми.

Вместе с ней спускаясь по лестнице Альденвейтса, мальчишка озадаченно почесал затылок. Для этого ему пришлось на миг высвободить левую руку из железной хватки Лив; освободить правую — на неё опиралась Таша, пока не слишком окрепшая для самостоятельного передвижения — он не решился.

— Во всяком случае, ничего, кроме кошмаров, не помню. — Кудри мальчишки топорщились со свойственной одному лишь Джеми несуразностью, и эта несуразность сейчас казалась Таше милее всего на свете... за исключением разве что тёмных глазёнок Лив, восторженно оглядывавшей белоснежную лестницу королевского дворца. — Просто стою я на кухне в гостинице, собираюсь чай попить, и тут — раз! И темнота перед глазами. А потом просыпаюсь... вокруг поле битвы, рядом ты лежишь, а поодаль Арон, Лив, Мастера — и мирно так сидит дракон. Здорово, да? — Джеми скорбно поморщился. — Мне-то казалось, я на пару часов отключился, не больше.

— И как ты могла поверить, что Джеми умер, не понимаю? — фыркнула Лив: она весело прыгала через ступеньку, смиренно дожидаясь на каждой, пока старшие последуют за ней. — Разве может он просто так взять и умереть?

Перед глазами Таши на миг встали каменные кресты, снег и зеркальные осколки.

— Нет, — ответила она, и печаль в голосе была едва заметна. — Не может.

— Но как ты не заметила подмены? — нахмурился Джеми. — Это же очевидно, разве нет?

— Не так очевидно, как ты думаешь...

Толком мальчишкам никто ничего объяснить не удосужился. К тому же все дни, минувшие с их пробуждения перед замком Зельды, братья Сэмперы вынуждены были старательно скрывать от окружающих Двоедушие — хорошо хоть блок Арона надёжно охранил их сознание от Мастеров. И пока Таша никак не могла придумать, как бы так аккуратно поставить её рыцарей в известность, что Герланд прекрасно знал о треклятом обмене телами. Более того, наверняка их опекун и провёл подготовку к ритуалу: кто же ещё? И теперь им нужно будет понять, как альв связан с Лиаром, и разоблачить его, а того пуще — убить... и Принца забрать из Фар-Лойла... и...

Но пока Таша решительно не знала, как всё это сделать. И поскольку на ближайшую пару часов у них были куда более актуальные дела, а именно — долгожданный суд над Норманами, всё это определённо могло немножко подождать.

— Надо будет вас с Кесом познакомить, — заявила Лив. — И с Верми. Они хорошие, вы

их полюбите обязательно!

— Ну да, ну да. — Таша ласково потрепала Лив по тёмной макушке. — Кто бы мог подумать: моя сестрёнка — драконья избранница!

— А суд вообще долго будет?

— Суд этот — формальность и не более, вот что я скажу, — важно проговорил Джеми. — Могли бы уже сегодня Кэйрмиль голову отрубить, и дело с концом. И всем тем, кто сейчас в подземельях сидит. А то как зайвится за ними Зельда, и...

— Не думаю. — Глядя на ступеньки, Таша задумчиво покачала головой. — Сюда ей точно так просто не проникнуть. Да и, наверное, она теперь долго раны зализывать будет...

Королевский дворец, бесконечно воспеваемый в книжках и песнях, действительно поражал воображение — однако ослепительная белизна вокруг начинала понемножку раздражать. Светлоту жилых покоев разбавляла мебельная пестрота, дворцовые анфилады радовали глаз разнообразным шиком, но вот беломраморную стерильность лестниц не нарушали ни ковровые дорожки, ни какие-либо посторонние предметы. Зато их троице (с Алексасом в качестве наблюдателя) периодически встречались придворные, спешившие склониться перед зваными гостями в почтительном поклоне: с момента возвращения из логова Зельды их успели объявить спасителями страны и народными героями. Таша и вовсе авансом возглавила негласный список фаворитов Его Величества — так что лебезить перед ней начинали уже сейчас.

— Чувствую себя ужасно неловко, — буркнул Джеми, когда очередной бедолага не решился выпрямиться, пока они не прошествовали мимо.

— Привыкай к славе...

Больше всего Таше сейчас хотелось вернуться в свою комнату, забыться и заснуть. Но суд она, как Ищущая и друг Норманов, пропустить никак не могла. Пришлось облачиться в подобающее случаю платье, нашедшееся в подаренном герцогом чемодане (его услужливо доставили из арпагенской гостиницы ещё вчера), и побрести на долгожданное заседание. От услуг горничных, настойчиво предлагавших помощь Морли-малэн, Таша решительно отказалась: в данный момент она могла вынести присутствие лишь двух людей на этом свете, и эти два... ладно, три — человека сейчас шли рядом с ней.

— Как только суд закончится, надо будет погулять по Адаманту. И в Школу зайдём. — Лив никак не могла успокоиться. — Я же буду там учиться, ты знаешь?

— Да знаю, знаю...

— Все знают, — добавил Джеми со снисходительной и чуть завистливой улыбкой.

— Я не хотела одно время. Но когда Мастера тебя спасли... Они ведь хорошие на самом деле. Хоть и не хотели меня с собой брать. — Лив нахмурилась. — А ты знаешь, что дядя

Арон нам с тобой врал?

— О чём? — на удивление спокойно спросила Таша.

— Что мама за нами вернётся! Мне господин Гирен сказал. На самом деле она болеет очень тяжело, и не хочет возвращаться, но мы ведь найдём её? — Лив подняла на сестру исполненный надежды взгляд. — У нас теперь Кес есть, мы быстро долетим, где бы она ни была, и Мастера нам помогут её найти и вылечить! Возьмут у кого-нибудь из нас кровь, мы по карте узнаем, где мама, ну и...

Таша сделала ещё шаг, сойдя с последней ступеньки.

И остановилась.

— Лив...

Конечно, для подобного разговора это было не лучшее время и не лучшее место. Но Таша так устала от лжи, что хотела покончить с ней раз и навсегда.

Со своей собственной — в том числе.

— Лив... мама и правда не вернётся.

Она поймала взгляд Джеми: мальчишка смотрел на неё с затаённым ужасом, отчаянно мотая головой.

Плевать. Её сестра имеет право знать правду. Она не позволит дальше кутать Лив в паутину прекрасной лжи.

Так, как кутали её саму.

— Не вернётся?..

Присев на корточки, Таша перехватила руки сестры, сжав маленькие ладошки в своих:

— Нет.

— Почему?!

Не отвести взгляд стоило Таше невероятных усилий.

— Потому что...

...скажи ей, шепнул голос девушки в чёрном. Скажи жестокую правду, которую она должна знать.

— Потому что она...

...скажи...

— ...мертва. — Таша смолкла, смиряясь со звучанием собственного голоса. — Маму убил...

— Врёшь!

Лив отшатнулась — отчаянно пытаюсь вырвать руки из пальцев сестры.

— Я не хотела тебе говорить. Но однажды ты бы всё равно поняла, и всё было бы только хуже. — Таша потянулась обнять сестру: Лив увернулась. — Я знаю, это...

— Она не могла умереть! Не могла! Она... она же была хорошей, она...

— Хорошие люди тоже часто умирают, Лив. — Таша сглотнула ком, тяжестью возникший в горле. — Мне бы тоже хотелось, чтобы это было не так.

Как жаль, что эту простую и очень печальную истину она сама поняла непростительно поздно.

— Она сейчас на небесах с папой. — Только не с твоим, с горечью добавила Таша про себя. Но этого я всё же пока не могу тебе рассказать. — Думаю, она счастлива.

Сестра смотрела на неё широко открытыми, на спелые вишни походящими глазами — и Таша впервые поняла, как они похожи на мамины.

— Значит... ты врала мне? — прошептала Лив. — Всё это время ты мне врала, а ты... — она даже как-то испуганно покосилась на Джеми, — ты знал?

На веснушчатом лице мальчишки застыло печально-совестливое выражение.

Лив отступила на шаг, и Таша сама разжала пальцы — такой ужас был написан на детском лице.

— И вы мне врали... вы, вы оба! А я думала, хоть вы... никогда не станете...

Всхлипнув, девочка устремилась прочь: вперёд по белому коридору.

— Лив!

Когда Таша кинулась следом, сестра на миг обернулась — и ненависть, так странно смотревшаяся на детском лице, заставила девушку замереть.

— Ненавижу! — в крике звенела недетская злоба. — Ненавижу тебя! Не хочу тебя видеть, никого из вас! Ненавижу, ненавижу, нена...

Захлебнувшись воздухом, Лив побежала дальше — а Таша следила за ней, пока сестра не скрылась за углом, свернув в одну из дворцовых зал, дававшую начало бесконечной анфиладе.

— Она несерьёзно, — тихо сказал Джеми, взяв Ташу за руку. — Просто сейчас лучше её не трогать. А она поймёт... потом. Ты же хотела как лучше.

— Да. — Чувствуя бесконечную усталость, она шагнула вперёд: зал суда ждал их в конце коридора. — Хотела.

Как они дошли до этого? Когда успели погрязнуть во лжи так глубоко, что ложь стала частью их самих? Потому сейчас так больно её разрывать — ведь вместе с ней ты уничтожаешь себя. Свою веру. Свои надежды.

Почему всё так сложно? Почему зло бывает не совсем злым, а добро не совсем добрым? Белое не всегда белым, как и чёрное чёрным? Как просто было бы существовать в мире однозначных понятий: мире, где не существует сомнений в своей правоте, где не надо жертвовать одним ради другого...

Это и было просто. Пока её не заставили понять, что существует другой мир.

Мир, в котором она живёт.

— Никогда не лги мне, хорошо? — Таша стиснула ладонь единственного человека, который остался подле неё: отчаянно надеясь, что он будет подле неё всегда. — Никогда. Ни в чём.

— А ты мне, — серьёзно ответил Джеми.

Таша помолчала.

Сможет ли однажды она сказать ему, что произошло в эти выпавшие из его жизни дни? Что было между ней и тем, кого она воспринимала как Алексаса — с частичкой его, Джеми, в глубине их слившейся души?

Что на пару ужасных, отвратительных, непозволительных мгновений Таша позволила себе смириться, что он никогда не вернётся?..

— Клянусь, — тихо произнесла она.

Сможет. Не прямо сейчас, но сможет.

Она ведь так устала лгать...

— Клянусь, — эхом откликнулся Джеми.

Таша крепче сжала его пальцы — хотя крепче, казалось, уже невозможно, — и по

зелёной дорожке они вместе направились к открытым белоснежным дверям, за которыми уже шумели нетерпеливые придворные.

— Морли-малэн?..

Услышав негромкий голос, прозвучавший со стороны оставленной позади лестницы, ребята обернулись — и Джеми, сглотнув, застыл каменным изваянием.

По белой галерее, украшенной пёстрыми гобеленами и изысканной резьбой, вместе с Первым Советником к ним неторопливо шёл король.

— Морли-малэн, — приблизившись, Советник дружелюбно склонил голову, глядя на Ташу поверх дымчатых очков.

— Добро пожаловать в Альденвейтс, — молвил Шейлиреар Первый.

Как же он молод, подумала Таша, глядя в лицо того, чьё королевство она в итоге спасала. И одет так просто...

Шейлиреар избегал позолоты, украшений и помпезности, предпочитая простые элегантные наряды однородно чёрного цвета. Сейчас, когда Таша впервые видела его вблизи — не на портрете, не в агонии после смертельного проклятия, — она понимала, что у короля и правда удивительно приятное лицо. И удивительно приятный голос. Странно знакомый: должно быть, запомнился ещё с той праздничной ярмарки в Нордвуде, где Таша впервые его слышала.

— Ваше Величество...

Она присела было в поклоне, но Шейлиреар решительно перехватил её руки, вынудив выпрямиться:

— Не нужно, Морли-малэн. Это мне предстоит выражать глубочайшее почтение за тот неоспоримый вклад, что вы внесли в столь опасное дело. — Улыбка смягчила чёткие живые черты его лица, делая его куда человечнее, чем на официальных портретах. — И, думаю, тут и преклонённых колен не хватит... Впрочем, моё почтение подождёт до окончания суда. — Он сделал приглашающий жест, и светлые глаза под чёрными кудрями сверкнули весёлым блеском. — Дамы вперёд.

Таша покорно шагнула вперёд, мимо слуг, застывших у дверей бесстрастными статуями — и настойчиво потянула за собой Джеми, лишь сейчас кое-как выдавившего из себя поклон.

Мда. Учитывая, как горячо «любят» короля её рыцари, проблем в ближайшее время предстоит много. Ничего... как-нибудь разберутся.

Разбирались и с задачками посложнее.

Таша переступила порог — и окунулась в восторженный гул встречавшей их сиятельной толпы.

Пришла пора вершить справедливость.

* * *

Лив долго бежала по дворцовым анфиладам. Глотая злые слёзы, сама не зная, куда бежит: мимо картин, гобеленов и зеркал на дворцовых стенах, мимо изумлённых слуг и придворных, растерянно отступавших в стороны перед маленькой сестрой спасительницы королевства.

Почему, почему, почему все вокруг лжецы?! Почему Таша, почему Джеми, почему они, которых она любила... Хоть бы они все исчезли, хоть бы их никогда не было!

Или её самой не было...

Почему мама умерла? Почему Богиня допустила такое? Почему, почему, поче...

С разбегу врезавшись в кого-то, Лив пребольно ударилась лбом — и упала на ковровую дорожку, схватившись за голову.

— Кого я вижу! — удивлённо раздалось сверху.

Будь это кто угодно другой, Лив, наверное, кинулась бы на него с кулаками.

Но это оказался Иллюзионист.

Подхватив девочку под мышки, волшебник поставил её на ноги. Присев на корточки, дунул на пострадавший лоб: боль мгновенно утихла.

— И куда ты так... погоди, ты что, плачешь?

Пару секунд Лив судорожно грызла губы.

Потом, не выдержав, уткнулась волшебнику в плечо.

— Они все мне врали! — крик вырвался сам собой. — Таша, Джеми, Арон, все... а мама... мамааа...

Слова обратились в тоненький всхлип — и Лив зарыдала в голос.

Иллюзионист молча подхватил её на руки. Понёс куда-то. А Лив всё плакала и плакала, и слёзы выжигали в её душе что-то, что — откуда-то она знала — уже никогда не вернётся. Плакала, пока не поняла, что лицо её обжигают снежинки.

Она открыла глаза, когда Иллюзионист уже толкнул калитку Школы.

— За... зачем...

— Несу тебя к тому, с кем у вас теперь одна жизнь на двоих. — Волшебник перехватил её поудобнее. — Это поможет. Поверь.

К моменту, когда мимо кривых зелёных сосенок они поднялись на Драконью Скалу, Кес уже ждал на вершине: встревоженный и подобранный, точно готовый к охоте кот.

— Что стряслось?

— Тебе расскажут. — Иллюзионист осторожно поставил девочку на каменистую площадку перед драконьей пещерой. — Прости, мне пора. Хочу хотя бы на конец слушания попасть, а то выпытывай потом, как всё прошло... не вешай нос, стрекоза.

Улыбнулся ободряюще и тепло — как настоящий старший брат — и, не тратя время на пешую дорогу до дворца, исчез.

«Что случилось, маленькая волшебница?» — спросил Кес, когда Лив ткнулась лбом в чешуйчатый бок.

Вытирая слёзы, она больше не чувствовала ни боли, ни ярости. Одну лишь крайнюю, бесконечную, незнакомую ей до этого дня усталость.

Это чувство, которое появляется, когда становишься взрослой?..

«Мама... мама умерла. — Хлюпнув носом, Лив сердито вытерла щёки и губы рукавом свитера. — А они знали. И не сказали мне».

«Кто они?»

«Все! И Таша, и Джеми, и... я им верила, понимаешь?»

Плакать больше не хотелось.

Видеть кого-либо из них — тоже.

«Взрослые часто обманывают детей. — Кес свернулся вокруг неё клубком — тоже совсем по-кошачьи. — Для их же блага, как они считают».

«А мне плевать, что они считают! Если бы я знала сразу, я... я...»

Перед глазами всплыли странные видения. Человек в чёрном. Окровавленный меч. Мёртвая волчица на полу детской. Но этого ведь не было на самом деле — Лив помнила, что не было. Тогда что это? Видения, картинки из книжек, обрывки снов?

Явь, которую кто-то спрятал на задворки сознания?..

«Мне придётся спросить у них, — решила она. — Я спрошу, и они расскажут мне всю правду. А потом я уйду».

«Совсем-совсем уйдёшь?»

«Совсем. Во всяком случае, пока их не прощу».

Кес засмеялся одними глазами.

«Да ты грозна в гневе, маленькая волшебница. — Дракон фыркнул, и морду его окутали белые струйки, мгновенно таявшие на ветру, овеивавшем скалистую площадку. — Если однажды захочу поступить правильно и оставить тебя в Школе вместо того, чтобы тащить в некое опасное место — буду знать, как лишить тебя всякого желания находиться в моём обществе».

Думая над ответом, Лив посмотрела в белёсое небо над их головами. Прислонила обе ладони к драконьему боку — понимая, что Иллюзионист был прав: одно прикосновение к Кесу успокаивало. И как чешуя может быть такой восхитительной на ощупь?..

«А почему тогда ты всё-таки вернулся за мной? — осмыслив его слова, спросила она внезапно. — Мастера ведь сказали тебе не брать меня... а ты всё равно взял».

Кес небрежно мотнул хвостом, обдав Лив каменной пылью.

«Мастерра теперь имеют надо мной куда меньшую власть, чем ты. Желания его человека для дракона — закон. А клятвы верности я им не давал».

«Но ты ведь тоже не хотел меня брать. Ты только что сказал, что это правильная вещь — оставить меня в Школе. И сначала улетел, и тебе было всё равно, что там я хочу. Так почему?»

Дракон посмотрел на Лив узкими вертикальными зрачками.

Выпустил тонкую струйку дыма, витиеватую, как волшебная вязь.

«В одном можешь быть уверена, маленькая волшебница. Я никогда не буду тебе лгать, — когда мурлыкающий голос вновь зазвучал в её ушах, он казался усталым. — Я вернулся за тобой, потому что мне сказали сделать это».

«Но Мастерра...»

«Есть Мастерра, которых я слушаюсь. Есть ты, чьё желание для меня — закон. И есть третья сила, способная заставить меня подчиниться. Тот, кому когда-то я поклялся служить».

Лив непонимающе мотнула головой. Третья? Не Мастера, не она?

Но тогда...

— ...кто? — заканчивая мысль вслух, спросила она.

Кес прикрыл глаза: лишь жёлтая полоска из-под прикрытых век светилась жидким золотом.

И произнёс имя.

* * *

Когда король выпрямился для вынесения вердикта, в зале воцарилась полная тишина: её нарушил лишь шорох, с каким сотня человек одновременно поднялась на ноги.

— Ищущая, остались ли у вас аргументы, что вы утаили? — посмотрев на Ташу, задал Шейлирар один из последних традиционных вопросов отсроченного суда.

— Нет, Ваше Величество, — звонко ответил она.

Просторный зал — тоже белый — украшало лишь разноцветье одежд любопытных придворных. Зал строили по принципу чаши: внизу располагалась судейская трибуна и места для непосредственных участников, выше поднимались ряды тёмных деревянных скамей для зрителей. Стол Первого Советника, выступавшего защитником интересов короны, расположился слева от трибуны; Кэйрмиль, скованную по рукам и ногам, заключили в сияющую волшебную клетку справа; ну а перед трибуной устроились прочие задействованные лица.

Старые знакомые маги-досмотрители скромно поправляли свои бумажки. Таша комкала в ладонях атлас юбки, заняв место перед Норманами. Тем наконец позволили переодеться и вымыться, да и сковывать их не стали, ограничившись деревянным ограждением вокруг скамьи; но семейство герцога всё равно выглядело не слишком хорошо, да и сидело как на иголках. Заклинатель, выступивший от лица четверых Мастеров, неодобрительно оглядывался на публику, до сего момента всю шушукавшуюся за его спиной. Ещё бы: за минувший час придворным довелось узнать едва ли не самую захватывающую историю в своей жизни, включавшую в себя злобную нечисть и воскресших из небытия амадэев.

Эту историю Таша поведала очень складно. Почти всё время до суда она потратила на то, чтобы вызубрить копию оставленного Ароном протокола — и память девочки-отличницы не подвела. Как и привычка убедительно врать, выработавшаяся у неё за последнее время. В принципе, многое в рассказе было правдиво, включая обмен телами и визит в штаб-квартиру «Венца»... только вот лже-Алексас превратился в лже-Джеми, о Двоедушии и его окончании не говорилось ни слова, а члены «Венца» предстали друзьями Лиара. Связавшимися с Ташей и лже-Джеми под предлогом того, что они-де являются

Джеминой семьёй, о которой ему отшибло память — что, естественно, оказалось ложью. Имена Основателей «Венца» Таша, конечно же, подменила, описания дала максимально непохожие, и никаких альвов там не было и быть не могло; а прошлое Джеми до встречи с Ташей, увы-увы, осталось тайной, покрытой мраком. Даже Найдж в этой повести предстал человеком Палача. Если Мастера и подозревали, что «потерянная память» Джеми суть мыслеблок амадэя, поделаться они всё равно ничего не могли — официальным свидетелем мальчишка по понятным причинам не выступал.

О Вратах Таша тоже пока предпочла умолчать. Кэйрмиль об этом не знала, а сеять в королевстве панику и смуту ей совершенно не хотелось.

— Обвиняемые, остались ли у вас возражения, что вы хотели бы озвучить?

— Нет, Ваше Величество, — вразнобой откликнулись взволнованные Норманы.

Кэйрмиль молчала. Она осела на стуле в полубессознательном состоянии, пока глаза её остекленело смотрели прямо перед собой. Девушке явно было всё равно, что будет с ней дальше; и Таша подозревала, что далеко не последнюю роль в этом сыграло предательство Андукара.

— Тогда я, Шейлиреар Первый из династии Дарфулл, владыка человеческих земель, хранитель, законный король, Верховный Предстоятель и судья Срединного королевства долины Аллигран, выношу свой приговор.

Перехватив Ташин взгляд, Тьен ободряюще ей подмигнул. Она кое-как выдавила ответную улыбку: гадая, как бы маг-досмотритель отреагировал на всё, что увидел в её памяти, если бы не Арон.

Арон...

— Кэйрмиль Норман, в девичестве Дориэл, — заговорил король. — Вы обвиняетесь в покушении на своего законного короля; в покушении на Орека Нормана, Леограна Нормана и Лавиэлль Норман; в убийстве Раксаны Норман, Валдора Норман и Диаманды Норман; а также в составлении преступного заговора против своего законного мужа с целью его убийства. Дата суда над вами будет оглашена отдельно.

Кэйрмиль лишь закрыла глаза.

— Орек Норман, вы обвиняетесь в составлении преступного заговора против своего законного короля, а также покушении на его жизнь. — Шейлиреар помолчал — и заключил: — Обвинение снято по всем пунктам. Вы свободны.

Зал взревел.

Не тратя больше ни слов, ни действий, король проследовал к выходу. За ним поспешил Советник, за тем — Заклинатель и трое Мастеров, белыми мантиями выделявшихся среди зрителей. Лавиэлль, завизжав, кинулась дяде на шею; Леогран рванул вперёд — и ещё

прежде, чем стражники открыли ограждение, юный герцог ничтоже сумняшеся перемахнул через него, спеша заключить фиктивную невесту в крепкие и совсем не фиктивные объятия.

— Таша, Таша! — глаза юноши сияли. — Вы не представляете, чем мы вам обязаны!

— Представляю, — спокойно поправила она.

Кэйрмилль не пошевелилась, даже когда в сияющую клетку вошли стражники.

— Ох, Таша... — волоча на шее любимую племянницу, Орек наконец приблизился к своей Ищущей: измождённое лицо герцога лучилось признательностью. — Как мы можем отблагодарить тебя?

— Больше не влипайте в неприятности, — почти улыбнулась она. — Второй раз подобного, боюсь, никто из нас не переживёт.

Пока герцог расцеловывал её в обе щеки, Таша наконец увидела Алексаса: тот сидел в первом ряду, созерцая происходящее с привычным скептицизмом, утирая несуществующие слёзы невидимым платком. Таша погрозила ему пальцем — и мрачно подумала о том, что со своим отношением к настоящему Алексасу ей ещё предстоит разобраться.

В конце концов, она ведь думала, что это в него она...

При воспоминании о признании внутри всплеснулось столько всего, что Таша зажмурилась — и усилием воли заставила себя думать исключительно о том, что происходит сейчас.

— Неплохо поработала, Морли-малэн, — как раз небрежно произнесла Лавиэлль. — Может, покраска пошла тебе на пользу? Я уже почти готова признать, что под светлой шевелюрой тоже могут скрываться мозги.

— А я — что под рыжими...

Герцогиня прищурилась — и, тут же разгладив лоб, рассмеялась.

— Как и под рыжими, — миролюбиво заключила она. — Только не думай, что на радостях я позволю тебе действительно заполучить Лео в своё вечное пользование, — добавила она заговорщицким шёпотом.

— Больно мне нужно такое сокровище, — заверила её Таша.

Их окружили: восхищаясь, поздравляя, сочувствуя...

— Вы совершили то, что достойно воспеть в легендах. — Внезапно вернувшийся Советник просочился сквозь толпу, как нож сквозь воду — и, изящно склонившись, поцеловал ей руку. — Это невероятно, Морли-малэн. Впрочем, что-то не позволяло мне в вас сомневаться.

Таша улыбнулась, вспоминая, как несколько дней назад этот человек провожал её на поиски истины с ненавистью во взгляде.

— Благодарю, Советник.

— Вы свободны?

Подобная постановка вопроса Ташу несколько удивила.

— Кажется, да...

— Тогда прошу за мной. Вас одну. Надо уладить ещё кое-какие дела.

Слишком уставшая, чтобы тревожиться (да и с чего бы?), Таша распрощалась с Норманами, успокаивающе махнула рукой Алексасу, откланялась остальным — и проследовала за мужчиной в чёрном.

— Куда мы? — где-то на полпути по головокружительным лестницам всё-таки решилась спросить она.

— Увидите.

Долгий подъём и не менее долгие переходы привели их к закрытым дубовым дверям, приятно разбавлявшим дворцовую белизну своим тёмным оттенком. У дверей сидели и играли в карты двое кеаров; тут Таша поняла, что за дела им предстоит сейчас уладить, но мысль эта не вызвала в ней ни малейшего волнения. Кажется, теперь мало что в этом мире способно было её взволновать.

Точно. Она ведь официальная наследница рода Морли. Ей должны передать титул, земли и всё такое. И в Арпагене король хотел поговорить с ней. Тогда их встреча так и не состоялась, а после покушения всем было как-то не до титулов и земель, но сейчас...

Девушка по имени Риа вскочила первой: бархатный чехол с флейтой ударил её по коленке.

— Господин Айронсул. Морли-малэн... — Она смотрела на Ташу с какой-то покровительственной приветливостью. — Наслышаны о вашем подвиге. Моё почтение.

Советник нетерпеливо махнул рукой:

— Пустите нас.

Девушка с поклоном взялась за одну дверь, её напарник за другую — и, шагнув в королевские покои, Советник не замедлил согнуться почти пополам.

— Морли-малэн, Ваше Величество, — доложил он. — Как и просили.

Король стоял спиной к двери, глядя в окно. Просторный кабинет обставили с воистину королевским шиком — и Таша сразу обратила внимание на стол, красовавшийся на официальном портрете монарха. Только если на портретах он был завален бумагами, то сейчас на нём царил идеальный порядок.

Услышав голос, Шейлиреар обернулся.

— Благодарю. — Король улыбнулся Таше: легко и искренне. Сделал несколько шагов по направлению к ним. — Не возражаете, Морли-малэн? Хотелось поговорить с вами с глазу на глаз.

— Ваше Величество...

— Да, Реми, ты свободен.

Так и не разогнувшись, Советник задом покинул комнату — и оставил Ташу наедине с Шейлиреаром Первым, разглядывавшим гостью с каким-то задумчивым вниманием.

— Суд утомил вас? — он первым прервал молчание.

— Нет, что вы, Ваше Величество. Справедливость не может утомлять.

Король рассмеялся. Смех его, как и голос, звучал исключительно приятно; и даже если бы он не был мудрым правителем — его было за что любить и помимо этого.

Убийца её бабушки, дедушки и отца...

Странно, что Таша не чувствует к нему ничего, кроме уважения и странной симпатии. Более того, он казался ей каким-то... знакомым, что ли? Если у остальных он вызывает такое же чувство, причины любви подданных к текущему монарху понять нетрудно.

— Собственно, не так давно ко мне пожаловал ещё один гость. — Приблизившись к ней, Шейлиреар галантно подал ей руку. Указал на высокую дверь сбоку от окна, ведущую в некое смежное с кабинетом помещение. — Не изволите присоединиться к нашей беседе?

— Как будет угодно Ваше Величеству.

— Нашему Величеству угодно.

Сколько раз Таша представляла себе эту встречу? Сколько раз думала о ней, пока вместе с Норманами ехала из Фар-Лойла в Арпаген? И вот она состоялась, вот она, Таша, вышагивает рука об руку с королём — но столько всего предстояло этой встрече, столько всего сломалось в ней за это время...

Дверь закрылась с раскатистым стуком. Их шаги отдались от паркета звонким эхом: просторная комната почти пустовала. Бархатные гардины на окнах были уже задёрнуты, и

Ташина тень вытянулась по полу, искажённая отблесками каминного пламени. У огня грелись два кресла — одно пустовало, а временный владелец другого, подперев рукой темноволосую голову, смотрел в противоположную двери сторону.

— Думаю, представлять вас друг другу не потребуется, — подведя Ташу к столику, на котором поблескивали два бокала, сказал Шейлирреар.

Сидевший в кресле повернул голову — и Таша почувствовала, как пол уходит у неё из-под ног.

— А, Ваше Высочество. — Когда Герланд улыбнулся ей, в зрачках его холодно сверкнули альвийские звёзды. — Позвольте поздравить... Миссия по спасению нашего скромного сообщества и мира заодно выполнена вами на ура.

Таша попятилась.

Не понимая, отказываясь понимать, что это значит.

— Вы?..

— Всегда забавляла привычка людей спрашивать то очевидное, во что они не хотят поверить.

Всё, что она слышала от Джеми с Алексасом, всё, что не давало им покоя с лета — всё вдруг сложилось в чёткую, очень логичную картинку.

— Так это вы! — выпалила Таша. — Вы были «крысой»! Вы предали «Тёмный Венец»! Вы ослабили их защиту, вы летом выдали их королю!

— Собственно, выдавать их было незачем. Его Величество все эти годы прекрасно знал, где они находятся. — Герланд поднял взгляд на короля. — Видишь ли, Шейлирреар подумал и решил, что оппозиция законной власти возникает всегда. И заговорщики — вместе с ней. Это явление столь же неизбежное, как появление блох на псах. И раз так, почему бы самому не организовать общество заговорщиков? Дабы всегда знать, что планирует твой враг. Дабы сделать его настолько могущественным, чтобы он мог расправляться с себе подобными, подминая их под свой контроль.

— Нет, — прошептала Таша.

— Да, — безжалостно произнёс альв. — Я был в числе организаторов «Венца». И, создав «Венец», я блестяще выполнил приказ того, кому они противостояли. Думаю, ты с этим согласишься.

Таша отступила ещё на шаг: тщетно пытаясь совладать с захлестнувшим её растерянным смятением.

— Вы были рыцарем моего дедушки! — зачем-то выкрикнула она.

— И получил огромное удовольствие от вестии, что этого слюнтяя больше нет на свете.

— Слюнтяя?.. — от возмущения у Таши перехватило дыхание. — Вы клялись ему в верности!

— Клятвы людям для нас мало что значат.

— Вы спасли Джеми и Алексаса! Вы вынесли их на руках, вы воспитали...

— Они были нужны Шейлиреару.

— Их же могли убить тогда, во время нападения на штаб-квартиру!

— Нет, не могли. Однако то, что Джеми смог открыть портал, оказалось весьма кстати. Шейлиреар рассчитывал на это, но в противном случае ему бы пришлось выкручиваться самому, а это вызвало бы подозрения — хотя бы у самого мальчишки. Впрочем, всё прошло гладко.

Таша смолкла, хватая губами воздух.

Всё прошло гладко...

Штаб-квартира, сгоревшая так вовремя. Джеми, упавший ровно на её пути. Герланд, который обо всём знал, король, который кажется ей до боли знакомым...

...голос, который она впервые слышит наяву — не изменённым магией, не искажённым сюрреалистичной дымкой сна...

Тариша. Та-ри-ша. Таша.

Шейлиреар. Шей-ли-ре-ар.

Ли-ре-ар...

О, Богиня. И почему умные мысли всегда приходят в голову слишком поздно? Ты, глупая, глупая девчонка...

Глядя в серые, очень светлые глаза короля, Таша сделала шаг назад. И ещё один.

...не так очевидно, как ты думаешь...

— Ты, — выдохнула она.

Дверной замок щёлкнул сам собой, отрезая путь к отступлению.

— Герланд, — не отводя взгляда, сказал Лиар, — кажется, наш разговор придётся завершить в следующий раз.

Камердинер Его Величества вышел из королевской спальни. Прибрал кое-что на столе, выровняв стопки бумаг и стряхнув невидимые пылинки. Поправил чёрные перчатки без пальцев, закрывавшие морщинистые руки.

Вскинув ладонь к лицу, приняхался — и поморщился.

Сон-трава. Треклятая сон-трава, казалось, въелась в кожу. От навязчивого мутного запаха болела голова; он не оставлял старика ни днём, ни ночью.

Взглянув на запертую дверь, темневшую на противоположной стене кабинета, Альдрем покачал головой.

Он никогда не осуждал своего господина. Он был недостоин его осуждать. Он понимал это, как понимал его — всегда. Понимал и принимал: вот уже четыре сотни лет.

Именно поэтому он до сих пор жив.

Старый слуга не то чтобы очень ценил свою жизнь. Просто он уже настолько привык к ней, что расставаться с этой привычкой было бы немного жаль. Впрочем, нельзя сказать, чтобы должность его напрягала. Ему доставляло искреннее удовольствие иметь дело со столь великой личностью и столь изощрённым умом.

Девочку вот только жаль. Девочку, и её сестру, и мальчишек, которых во всё это ввязали...

Вздыхнув, Альдрем направился в маленькую комнату, примыкавшую к королевским покоям, где ждало его старое уютное кресло, плед и тёплый чайник.

Да, порой трудно было верить в это — но он всегда знал, что они ведут сражение не ради войны, а ради мира. Не ради смерти, а ради жизни. Не ради того, чтобы выжить, а ради того, чтобы счастливо жили другие: все, чьим хранителем когда-то назначили светлоглазого мальчишку, родившегося в очень тёмные времена.

Радость и проклятие — быть Возлюбленным Богиней. Служить ей и её творениям, пока бьётся сердце, которое будет биться вечно. И пусть порой кажется, что давно забыто всё, чему когда-то учили шестерых отчаянных детей, и всё хорошее и доброе давно погребено под коркой льда, забыто, разбито, растоптано: нужно лишь помнить, что всё зло, которое кому-то причинили, в итоге обернётся благом.

Ведь амадэи — Возлюбленные Богиней. Посланники её, наместники и орудия.

И что ни делает Богиня, всё к лучшему...

Альв поднялся с кресла. Отвесив Таше насмешливый поклон, шагнул вперёд, прямо в каминное пламя — и пропал.

Она пятилась сквозь вязкую тьму запертой комнаты: пытаюсь поверить своим глазам, своим ушам, своей догадке.

— Это ты, — повторила она. — Это всё время был ты...

— Я следил за Мариэль с тех пор, как она сбежала из дворца. — Лиар вторил её шагам. — Я видел, как она жила. Я видел, как росла ты.

— А потом понял, что я похожа на Лоуру. — Таша ткнулась спиной в запертую дверь.

— И у меня созрел план. Моя грандиозная игра. Моя последняя игра. — Он остановился в шаге от неё, вытянутыми руками упершись в стену по обе стороны от её лица. — Мне не было жаль твоего отчима: лишь чуточку печально за тебя, ведь ты любила этого недоумка. Но ты должна была расти без отца.

— Я думала, что прошлым летом столкнулась с тремя разными силами и счастливо избежала всех трёх. Но это был ты. Ты один. Кеары, «Венец», наёмники — все они подчинялись тебе: кому бы я ни попалась, в итоге я попала бы в твои руки...

— И наконец я вызвал тебя ко двору, и ты прибыла, и время нового этапа пришло.

— Ты допустил покушение на себя. Позволил исключить себя из жизни на всё это время — чтобы перенести Джеми и Алексаса в своё спящее тело. Чтобы в их облике спокойно делать то, что хочешь.

— Мой камердинер позаботился, чтобы моё тело не очнулось раньше времени. Даже если бы кто-то понял, что Альдрем постоянно даёт мне сон-траву, то ничего не смог бы возразить: её прописывал лекарь.

— И ты одним махом спас королевство и победил в вашей игре. Я в твоей власти, я отказалась от Арона, я прогнала его, я возненавидела его... — глядя на него снизу вверх, Таша обхватила себя руками: беспомощным, неосознанным жестом защиты. — Почему? Почему он не сказал мне?

— Я мог бы сказать, что знание о всесии врага лишь напугало бы тебя. Но придётся тебе смириться с тем, что у вашей семейной идиллии изначально был срок годности. — Бесцветное серебро его глаз было мягким и чуть насмешливым. — Арон знал, что рано или поздно я тебя достану. Чем больше он будет этому противиться, тем больше ты будешь страдать. Он обеспечил себе путь к отступлению, объявив тебе наследницей рода Морли — и, насладившись несколькими месяцами твоего общества, отправил тебя ко мне, тем самым признав поражение; а если бы ты знала, кто ждёт тебя в Арпагене, ему бы никак не удалось

так просто выйти из игры. Он надеялся, правда, что я не сброшу маску, и ты так ни о чём и не узнаешь... Я понимаю, чем он руководствовался. Но я решил иначе. — От спокойной доброжелательности его взгляда и голоса ей снова хотелось кричать. — Мастерам Арон тоже не мог открыть правду. Мастера любят своего мудрого короля, и если открыть им глаза, кто на самом деле сейчас ими правит... Они либо не поверят, либо поверят — и не захотят спасать ни меня, ни тебя. Если поверят, будет только хуже. Сейчас, когда Зельда готова выйти из тени, оставлять страну без правителя было бы безумием, и Арон прекрасно это понимает. Конечно, когда-нибудь он натравил бы их на меня, но пока...

— И теперь я помогла тебе избавиться от единственной угрозы твоему правлению...

Маски сброшены. Игра окончена.

Она не пыталась бежать. Бежать было некуда. Он сковал её по рукам и ногам надёжнее, чем любой серебряный ошейник: её победой, её положением, её сестрой, её единственным другом...

Своим абсолютным неделимым всевластием.

Таша смотрела на того, кто отобрал у неё всё. Семью, корону и трон. Маму, папу и отчима. Сестру и человека, заменившего ей отца. Её первую любовь. Её первый поцелуй. Её детство. Её счастливую жизнь.

Глупая, глупая, глупая девочка, своей рукой захлопнувшая собственную клетку...

— Ты чудовище, — прошептала она, — сволочь, ублюдок...

— Таков мой способ любить. — Он ласково коснулся её щеки, большим пальцем прочертив короткую линию — и улыбнулся. — Девочка... моя.

4 октября 2011 г.

История продолжится в третьей книге, "Лёд, флейта, меч", которая начнёт редактироваться и выкладываться летом-осенью.

Спасибо всем, кто терпеливо ждал продолжения, читал и поддерживал мою самую любимую книжную детку. Буду рада отзывам и оценкам:)